Н. С.
ЛЕСКОВ
11

Н.С.
ЛЕСКОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Н. С. ЛЕСКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ОДИННАДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией:

В. Г. БАЗАНОВА, Б. Я. БУХШТАБА,
А. И. ГРУЗДЕВА, С. А. РЕЙСЕРА,
Б. М. ЭЙХЕНБАУМА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958

Н. С. ЛЕСКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958

Подготовка текста и примечания
И. Я. АЙЗЕНШТОКА

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

Под давлением неодолимой скуки, которую ощущаю и с которой бесплодно борюся с осени 1881 года, хочу набросать кое-что на память о моей личности, если она может кого-нибудь занимать. Заметки эти могут быть интересны в том отношении, что покажут в моем лице, какие не приготовленные к литературе люди могли в мое время получать хотя скромное, но все-таки не самое ничтожное место среди литературных деятелей моей поры. А это, мне кажется, стоит внимания.

По происхождению я принадлежу к потомственному дворянству Орловской губернии, но дворянство наше молодое и незначительное, приобретено моим отцом по чину коллежского асессора. Род наш собственно происходит из духовенства, и тут за ним есть своего рода почетная линия. Мой дед, священник Димитрий Лесков, и его отец, дед и прадед все были священниками в селе Лесках, которое находится в Карачевском или Трубчевском уезде Орловской губернии. От этого села «Лески» и вышла наша родовая фамилия — Лесковы.

Я никогда не бывал в этом селе и затрудняюсь с точностью определить его положение, но знаю, что оно в лесной полосе Орловской губернии, именно в Трубчевском или Карачевском уезде, где-то неподалеку от большого села Брасова, о котором я в детстве слыхал рассказы тетки моей, вдовой попадьи Пелагеи Дмитриевны.

Полагаю, что Лески было село бедное, потому что во всех воспоминаниях тетки об ее детстве и детстве моего отца главным образом всегда упоминалось о бедности и честности деда моего, священника Димитрия Лескова.

Отец мой, Семен Дмитриевич Лесков, «не пошел в попы», а пресек свою духовную карьеру тотчас же по окончании курса наук в Севской семинарии. Это, говорили, будто очень огорчило деда и едва ли не свело его в могилу. Огорчение имело тем большее место, что места сдать было некому, потому что другой брат моего отца, а мой дядя, был убит в каком-то семинарском побоище и из-за какого-то ничтожного повода. Но отец мой был непреклонен в своих намерениях и ни за что не хотел надеть рясы, к которой всегда чувствовал неодолимое отвращение, хотя был человек очень хорошо богословски образованный и истинно религиозный. Место было передано «зятю», то есть мужу матушки Пелагеи Дмитриевны, который вскоре умер, и левитский род Лесковых в селе Лесках пресекся, но зато появился Лесков в орловском приказничестве.

Выгнанный дедом из дома за отказ идти в духовное звание, отец мой бежал в Орел с сорока копейками меди, которые подала ему его покойная мать «через задние ворота».

Гнев деда был так велик, что он выгнал отца буквально безо всего, даже без куска хлеба за пазухой халата.

С сорока копейками отец пришел в Орел и «из-за хлеба» был взят в дом местного помещика Хлопова, у которого учил детей, и, должно быть, успешно, потому что от Хлопова его «переманул» к себе помещик Михаил Андреевич Страхов, служивший тогда орловским уездным предводителем дворянства. Тут отец опять учил детей в семье бежавших из Москвы от французов Альферьевых и получал уже какую-то плату — вероятно, очень ничтожную. Но замечательно, что в числе его маленьких учениц была одна, которая потом стала его женою, а моею матерью.

На месте учителя в доме Страховых отец обратил на себя внимание своим прекрасным умом и честностью, которая составляла отменную черту всей его многострадальной жизни. Из учителей его упросили поступить на службу делопроизводителем дворянской опеки, чем он

и был — не могу сказать, долго или коротко. Честность и ум отца обратили на него внимание кого-то из образованных орловских дворян, если не ошибаюсь, Сомова или Болотова, которые уговорили его ехать на службу в Петербург и дали ему для этого средства.

Здесь он служил недолго, где-то по министерству финансов, и был отправлен на Кавказ для ведения каких-то «винных операций». По собственным его рассказам, это было место такое «доходное», что на нем можно было «нажить сколько хочешь». Это же самое подтверждали его орловские приятели Тимонов и Богословский и другие, часто говорившие о «глупом бессребреничестве» моего отца. О том же свидетельствовали многие письма, оставшиеся после его смерти, последовавшей в 1848 году. Но отец мой при кавказских «винных операциях» не нажил ничего, кроме пяти тысяч ассигнациями, которые получил в награду при оставлении им этого места в 1830 году.

В 1830 году с этими маленькими деньгами он приехал в Орел, встретил мою мать шестнадцатилетней девушкой, влюбился в нее и женился на ней, получив за нею в «обещание» приданое тоже в пять тысяч рублей — тоже, разумеется, ассигнациями.

Таким образом, у них составилось десять тысяч (около трех тысяч рублей серебром), из которых, впрочем, в руках была только отцовская половина, а материнская оставалась «в обещании» за Страховым, у которого дед мой с материной стороны служил управителем имений, а Страхов считался «благодетелем» семьи Алферьевых.

Я родился 4 февраля 1831 года Орловского уезда в селе Горохове, где жила моя бабушка, у которой на ту пору гостила моя мать. Это было прекрасное, тогда весьма благоустроенное и богатое имение, где жили по-барски. Оно принадлежало Михаилу Андреевичу Страхову и ныне еще находится в его роде. Семья была большая, и жилось на широкую ногу, даже с роскошью.

В Орле отца избрали заседателем от дворянства в орловскую уголовную палату, где он скоро стал заметен умом и твердостью убеждений, из-за чего наживал себе очень много врагов. Я даже помню дела каких-то Юшко-

вых, Игиных и Желудковых, которые, говорили, «пахли сотнями тысяч» и решались сенатом «по разногласию» в духе особых мнений моего отца, не согласных с мнениями всей палаты. Притом отец был превосходный следователь и, по тогдашним обычаям, был часто командируем для важных следствий в разные города, и особенно долго жил в Ельце, где им раскрыто весьма запутанное уголовное дело, производившееся по *высочайшему* повелению.

Я помню, как мы с матерью ездили к нему в Елец и как мать мою какие-то люди старались впутать в это дело с тем, чтобы подкупить отца очень большою суммою (тридцать тысяч). Отец об этом узнал и выпроводил мать в Орел, а сам остался в Ельце и довел дело до открытия тайн, разоблачивших самое возмутительное преступление.

После этого он имел какое-то неприятное столкновение с губернатором Кочубеем (кажется, Аркадием Васильевичем), в угоду которому при следующих выборах остался без места, как «человек крутой».

От отца требовали какой-то уступки губернатору, которую он будто бы мог оказать в виде вежливости, съездив к нему с визитом. Я помню, как несколько дворян приезжали его к этому склонить, но он додержал свою репутацию «крутого человека» и не поехал, а дворяне не нашли возможным его баллотировать.

Тогда мы оставили наш орловский домик, помещавшийся на 3-й Дворянской улице, продали все в городе и купили пятьдесят душ крестьян у генерала А. И. Кривцова, в Кромском уезде.

Покупка была сделана не на наличные деньги, а в значительной степени в долг — именно в надежде на пять тысяч материнского приданого, все еще остававшегося «в обещании». Оно так и не было никогда отдано, а купленная отцом деревенька поступила за долг в продажу, и мы остались при одном маленьком хуторе Панино, где была водяная мельница с толчеею, сад, два двора крестьян и около сорока десятин земли.

Все это при самом усиленном хозяйстве могло давать в год около двухсот — трехсот рублей дохода, и на это надо было жить отцу и матери и воспитывать нас, детей,

которых тогда было семеро, в числе их я был самый старший.

Неудачи сломили «крутого человека», и отец хотя не сделал ни одной уступки и никому ни на что не жаловался, но захандрил и стал очевидно слабеть и опускаться.

Жили мы в крошечном домике, который состоял из одного большого крестьянского сруба, оштукатуренного внутри и покрытого соломой.

Отец сам ходил сеять на поле, сам смотрел за садом и за мельницей и при этом постоянно читал, но хозяйство у него шло плохо, потому что это совсем было не его дело. Он был человек умный, и ему нужна была живая, умственная жизнь, а не маленькое однодворческое хозяйство, в котором не к чему было приложить рук. Меня в это время отвезли в Орел и определили в первый класс Орловской гимназии.

Религиозность во мне была с детства, и притом довольно счастливая, то есть такая, какая рано начала во мне мирить веру с рассудком. Я думаю, что и тут многим обязан отцу. Матушка была тоже религиозна, но чисто церковным образом, — она читала дома акафисты и каждое первое число служила молебны и наблюдала, какие это имеет последствия в обстоятельствах жизни. Отец ей не мешал верить, как она хочет, но сам ездил в церковь редко и не исполнял никаких обрядов, кроме исповеди и святого причастия, о котором я, однако, знал, что́ он думал. Кажется, что он «творил сие в его (Христа) воспоминание». Ко всем прочим обрядам он относился с нетерпеливостью и, умирая, завещал «не служить по нему панихид». Вообще он не верил в адвокатуру ни живых, ни умерших и при желании матери ездить на поклонение чудотворным иконам и мощам относился ко всему этому пренебрежительно. Чудес не любил и разговоры о них считал пустыми и вредными, но подолгу маливался ночью перед греческого письма иконою Спаса Нерукотворенного и, гуляя, любил петь: «Помощник и покровитель» и «Волною морскою». Он несомненно был верующий и христианин, но если бы его взять поэкзаменовать по катехизису Филарета, то едва ли можно было его признать православным, и он, я думаю, этого бы не испугался и не стал бы оспаривать.

В деревне я жил на полной свободе, которой пользовался как хотел. Сверстниками моими были крестьянские дети, с которыми я и жил и сживался душа в душу. Простонародный быт я знал до мельчайших подробностей и до мельчайших же оттенков понимал, как к нему относятся из большого барского дома, из нашего «мелкопоместного курничка», из постоялого двора и с поповки. А потому, когда мне привелось впервые прочесть «Записки охотника» И. С. Тургенева, я весь задрожал от правды представлений и сразу понял: что́ называется искусством. Все же прочее, кроме еще одного Островского, — мне казалось деланным и неверным. Самый Писемский мне не нравился, а публицистических рацей о том, что народ надо изучать, я вовсе не понимал и теперь не понимаю. Народ просто надо знать, как самую свою жизнь, не штудируя ее, а живучи ею. Я, слава богу, так и знал его, то есть народ, — знал с детства и без всяких натуг и стараний; а если я его не всегда умел изображать, то это так и надо относить к неумению.

За М. А. Страховым была замужем родная сестра моей матери, Наталия Петровна, большая красавица, которую старик муж ревновал самым чудовищным и самым недостойным образом к кому попало. Это был человек невоспитанный, деспотический и, кажется, немножко помешанный: он был старше моей тетки лет на сорок и спал с нею, привязывая ее иногда за ногу к ножке своей двуспальной кровати.

Страдания тетки были предметом всеобщего сожаления, но ни отец, ни мать и никто другой не смели за нее заступиться.

Это были первые мои детские впечатления, и впечатления ужасные, — я думаю, что они еще начали развивать во мне ту мучительную нервность, от которой я страдал всю мою жизнь и наделал в ней много неоправдываемых глупостей и грубостей.

Плодом супружества Страхова и моей тетки было шесть человек детей — три дочери и три сына, из которых двое были немного меня старше, а третий ровесник. И так как для их воспитания в доме были русский и немецкий учители и француженка, а мои родители ничего такого держать для меня не могли, то я жил у Стра-

ховых почти до восьми лет, и это послужило мне в пользу; я был хорошо выдержан, то есть умел себя вести в обществе прилично, не дичился людей и имел пристойные манеры — вежливо отвечал, пристойно кланялся и рано болтал по-французски.

Но зато рядом с этими благоприятностями для моего воспитания в душу мою вкрались и некоторые неблагоприятности: я рано почувствовал уколы самолюбия и гордости, в которых у меня выразилось большое сходство с отцом. Я был одарен несомненно бо́льшими способностями, чем мои двоюродные братья, и что тем доставалось в науках с трудностями, то мне шло нипочем. Немецкий учитель Кольберг имел неосторожность поставить это однажды на вид тетке, и я стал замечать, что мои успехи были ей неприятны.

Это во мне зародило подозрение, что я тут не на своем месте, и вскоре пустое обстоятельство это решило так, что меня должны были отсюда взять.

Страхов умер в Москве, куда тетушка повезла его лечить и не вылечила...

Он там схоронен на Ваганьковском кладбище. Тетушка возвратилась в Горохово и стала входить ближе в хозяйство и в воспитание детей. Тогда же в доме появился в качестве опекуна ее соседний помещик Н. Е. Афросимов, невероятный силач и невероятный циник, которого за это последнее терпеть не мог мой отец. Афросимов это знал и платил ему тем же. Отец мой в его глазах был «неуклюжий семинарист».

О силе Афросимова у нас ходил такой анекдот, будто в двенадцатом году на небольшой отряд, с которым он был послан на какую-то рекогносцировку, наскакали два французских офицера. Афросимов не приказал солдатам защищаться, а когда французы подскакали к нему с поднятыми саблями, он одним ловким ударом выбил у них эти сабли, а потом схватил их за шиворотки, поднял с седел, стукнул лоб о лоб и бросил на землю с разбитыми черепами.

Не знаю, сколько в этом рассказе правды, но ему все верили, и Н. Е. пользовался большим уважением в дворянстве, предводитель которого и вверил ему страховскую опеку.

Во мне он невзлюбил «семинарское отродье» и на первых же порах нанес мне тяжкую обиду, которая теперь мне смешна, но тогда казалась непереносимою.

Дело в том, что по докладу неосторожного, но честного Кольберга меня за благонравие и успехи хотели «поощрить». Для этого раз вечером собрали в гостиную всех детей. Это было в какой-то праздник, и в доме случилось много гостей с детьми почти равного возраста. Н. Е. держал ко всем нам речь, в которой упомянул о моих добрых свойствах и заключил тем, что мне за это дадут похвальный лист. Тут же был и этот лист, перевязанный розовой ленточкой.

Мне велели подойти к столу и получить присужденную мне семейным советом награду, что я и исполнил, сильно конфузясь, тем более что замечал какие-то неодобрительные усмешки у старших, а также и у некоторых детей, коим, очевидно, была известна затеянная против меня злая шутка.

Вместо похвального листа мне дали объявление об оподельдоке, что я заметил уже только тогда, когда развернул лист и уронил его при общем хохоте.

Эта шутка возмутила мою детскую душу, и я не спал всю ночь, поминутно вскакивая и спрашивая: «За что, за что меня обидели?»

С тех пор я ни за что не хотел оставаться у Страховых и просил бабушку написать отцу, чтобы меня взяли. Так и было сделано, и я стал жить в нашей бедной хибарке, считая себя необыкновенно счастливым, что вырвался из большого дома, где был обижен без всякой с моей стороны вины.

Но зато, однако, мне негде было более учиться, и я снова теперь возвращаюсь к тому, что меня отвезли в Орловскую гимназию.

Я был помещен на квартире у некоей Аксиньи Матвеевны, которой за весь мой пансион платили 15 руб. ассигнациями (4 руб. 30 коп.) в месяц. За что я имел комнату с двумя окнами на Оку, обед, ужин, чай и прислугу. Теперь невероятно, а тогда это было можно.

Я скучал ужасно, но учился хорошо, хотя гимназия, подпавшая в то время управлению Ал⟨ександра⟩ Як⟨овлевича⟩ Кронеберга, велась из рук вон дурно. Кто нас учил и как нас учили — об этом смешно и вспоминать. В числе

наших учителей был один, Вас⟨илий⟩ Ал⟨ександрович⟩ Функендорф, который часто приходил в пьяном бешенстве и то засыпал, склоня голову на стол, то вскакивал с линейкой в руках и бегал по классу, колотя нас кого попало и по какому попало месту. Одному ученику, кажется Яковлеву, он ребром линейки отсек ухо, как рабу некоему Малху, и эго никого не удивляло и не возмущало.

Ездил я домой в год три раза: на летние каникулы, на святки и на страстной неделе с пасхою. При этой последней побывке мы с отцом всегда вместе говели — что мне доставляло особенное удовольствие, так как в это время бывает распутица и мы ездили в церковь верхом.

. . . .

Из рассказов тетки я почерпнул первые идеи для написанного мною романа «Соборяне», где в лице протоиерея Савелия Туберозова старался изобразить моего деда, который, однако, на самом деле был гораздо проще Савелия, но напоминал его по характеру.

⟨1882—1885?⟩

⟨АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА⟩

Из дворян Орловской губернии.

Отец Семен Димитриевич Лесков. Мать Марья Петровна из рода Алферьевых. Родился 4 февр⟨аля⟩ 1831 года в селе Горохове, принадлежавшем дяде Н. С⟨еменови⟩ча Лескова — Михаилу Андреевичу Страхову, имевшему в свое время очень видное положение среди орловского дворянства. Первоначальное воспитание получил в этом богатом доме вместе со своими двоюродными братьями, для которых содержались в деревне хорошие русские и иностранные учителя; потом был отдан в Орловскую гимназию, во время пребывания в которой отец его умер и семья подверглась бедственному разорению. Все сгорело, и Н. С—ча взял к себе в Киев брат его матери, профессор Киевского университета, доктор медицины Сергей Петрович Алферьев, в 1849 году. Здесь Н. С. продолжал свое образование под особым дружественным руководительством профессора Игнатия Фед⟨оровича⟩ Якубовского, который был увлечен даровитостью своего ученика и занимался им с большой любовью. — Тетка Н. С—ча Александра Петр⟨овна⟩ Алферьева вышла замуж за англичанина Шкотта, который управлял большими имениями Нарышкиных и Петровских — переводил крестьян из густонаселенных имений в степи волжского понизовья. Шкотт

увлек Н. С. к себе, где он близко увидел *народ* в самых... [1]

В юности на него имели влияние: профессора Савва Осип⟨ович⟩ Богородский, Игнатий Фед⟨орович⟩ Якубовский и известный статистик-аболиционист Дмитрий Петрович Журавский, — потом позже Шкотт (англичанин-радикал). По письмам к Шкотту Л—ва узнал *Селиванов* и любил читать его письма. В литераторство Лескова втравили профессор К⟨иевского⟩ ун⟨иверсите⟩та Александр Петр⟨ович⟩ Вальтер, Ник⟨олай⟩ Ил⟨ларионович⟩ Козлов и Ст⟨епан⟩ Ст⟨епанович⟩ Громека — свели Л—ва с Краевским и Дудышкиным и настояли, чтобы он «писал». — Платили скудно: за романы и повести по 50 руб. («Овцебык», «Обойденные»). За «Некуда» почти ничего не заплачено. Гонорар Л—ву весь возвысил Катков, начавший платить ему по 150 руб. («Соборяне» и «Запеч⟨атленный⟩ ангел»), а позже по 200 руб.

В П⟨етербург⟩ приехал в тот год ноября⟨?⟩

«Очерки винокур⟨енной⟩ промыш⟨ленности⟩».

⟨1889—1890⟩

---

[1] Недописано. *(Ред.)*

ЗАМЕТКА О СЕБЕ САМОМ

Николай Семенович Лесков. Происходит из дворян Орловской губернии. Родился 4 февраля 1831 года в селе Горохове, Орловского уезда. Детство провел в селе Панине, Орловской губернии, Кромского уезда. Обучался в Орловской гимназии. Осиротел на шестнадцатом году и остался совершенно беспомощным. Ничтожное имущество, какое осталось от отца, погибло в огне. Это было время знаменитых орловских пожаров. Это же положило предел и правильному продолжению учености. Затем — самоучка.

Служил непродолжительное время в гражданской службе, где положение сблизило Лескова с покойным Ст〈епаном〉 Ст〈епановичем〉 Громекой. Сближение это имело решительное значение в дальнейшей судьбе Лескова. Пример Громеки, оставившего свою казенную должность и перешедшего в Русское общество пароходства и торговли, послужил к тому, что и Лесков сделал то же самое: поступил на коммерческую службу, которая требовала беспрестанных разъездов и иногда удерживала его в самых глухих захолустьях. Он изъездил Россию в самых разнообразных направлениях, и это дало ему большое обилие впечатлений и запас бытовых сведений. Письма, писанные из разных мест к одному родственнику, жившему в Пензенской губернии (А. Я. Шкотту), заинтересовали Селиванова, который

стал их спрашивать, читать и находил их «достойными печати», а в авторе их пророчил «писателя».

Писательство началось случайно. В него увлекли Лескова сначала профессор Киевского университета, доктор Вальтер, убедивший Лескова написать фельетон для «Современной медицины», а решительное закабаление Лескова в литературу произвели опять тот же Громека и Дудышкин с А. А. Краевским. С тех пор всё и пишем.

В мае или июне 1890 года этому писанию совершится тридцать лет. Беллетристические способности усмотрел и поддерживал или поощрял Аполлон Григорьев.

Верно: *Н. Лесков.*

⟨1890⟩

СТАТЬИ
ВОСПОМИНАНИЯ

ОФИЦИАЛЬНОЕ БУФФОНСТВО

В мартовской книжке «Киевской старины» помещено следующее известие:

«Шевченко, перед своим арестом в 1846 году, состоял в качестве рисовальщика при киевской временной комиссии для разбора древних актов, получая в год 150 руб. жалованья. *После его ареста* состоялось такое постановление комиссии:

«1847 г., марта 1-го дня. Временная комиссия для разбора древних актов, имея в виду, что сотрудник комиссии Шевченко *без всякого согласия комиссии отлучился из Киева и по комиссии не занимается,* — определили: исключить его из числа сотрудников комиссии с прекращением производившегося ему жалованья по 12 руб. 50 коп. в месяц».

Определение это подписали: «председатель К. Писарев, члены: В. Чеховский, М. Ставровский и А. Селин. Скрепил делопроизводитель Н. Иванишев».

Более к этому известию «Киевская старина» ничего не прибавляет, а между тем небезынтересно бы, кажется, узнать: кому именно пришло в голову сочинить такое определение, приравнявшее политический арест Шевченко неявке на службу по неизвестной причине, и чем это вызвалось?

Мне кажется, как будто я могу в этом кое-что пояснить.

История, по которой были арестованы в Киеве несколько лиц, и в числе их покойный Тарас Григорьевич Шевченко, была у всех на устах в 1849 году, когда я мальчиком приехал из Орла в Киев и поселился у дяди моего, профессора Алферьева. В доме дяди, поныне здравствующего, я встречался почти со всеми молодыми профессорами тогдашнего университетского кружка и, несмотря на мою едва начинавшуюся юность, пользовался от некоторых из них благорасположением и даже доверием. В числе их были даровитый молодой ученый Пилянкевич, Якубовский и Иван Мартынович Вигура, которого в Киеве называли «Хвигура». Теперь ни одного из них уже нет на свете, но тогда они были еще молоды и не разделяли довольно общего безусловного поклонения бибиковскому «циническому деспотизму». Ни один из них не был сепаратистом, ни агитатором, но молодому чувству их претило то, что в характере Дмитрия Гавриловича было циничного и глумливого, а он это любил, и в киевском обществе это очень многим нравилось. Бибиковские насмешки и издевательства над людьми, обуздание которых не представляло никакого затруднения для твердой власти, передавались из уст в уста, и редко кто чувствовал, что это вовсе не нужно и не возвеличивает характера государственного человека, облеченного такими обширными полномочиями, какими пользовался Бибиков. Напротив, находились люди, которые из всех сил старались подражать Бибикову и вторить сколько достанет остроумия. Это разводило много своего рода острословов или бонмотистов, между коими пользовались известностию по духовенству и по купечеству Виктор Ипатьевич Аскоченский, а в университетском кружке профессор Николай Дмитриевич Иванишев. Остроты Аскоченского, как вся его неуклюжая, семинарская природа, были грубы и «неистовы», — все они отличались резкостию и дерзостию, за которую этот киевский Ювенал расплачивался несчастиями всей своей жизни, полной трагикомических скачков от наглости к пресмыкательству. Но профессор Иванишев держал себя приличнее, острил помягче и потоньше, и притом он умел буффонничать. А как к буффонству имел склонность и сам Бибиков, то иванишевские выходки смешили и тешили этого государственного человека. Выходки самого

Бибикова в буффонском роде бывали таковы, что многие из них даже нельзя изложить в печати: таков, например, случай с графиней М—й, имевшей привычку вмешивать в разговор польские слова. Иванишевские остроты бывали также не очень высокой пробы. Бибиков, по доносу исправника П—ионко, был недоволен на одного польского графа, который казался исправнику подозрительным, потому что любил толковать о политике. Бибиков захотел взять графа «на глаза» в Киев, но для ареста его никаких вин против графа не оказывалось. Тогда его пригласили в Киев, дабы «доставить ему удовольствие читать все газеты, какие получались в доме генерал-губернатора». Граф жил в Киеве не под арестом, а только «читал газеты». Положение его было пресмешное, и это всех тешило.

Когда Шевченко был арестован по обвинению в политической неблагонадежности, то его, разумеется, следовало бы показать исключенным из службы *по распоряжению начальства.* Это было бы правильно, и Дм. Г. Бибиков, конечно, не имел никакого повода скрывать этого, а тем менее кого-то бояться. Но профессор Иванишев захотел сбуффонничать в бибиковском роде и, как рассказывали, устроил следующую потеху. Будучи делопроизводителем комиссии, состоявшей при генерал-губернаторе, Иванишев доложил Бибикову, что «Шевченко стал ужасно манкировать занятиями, и не только не является на службу, но, по слухам, дошел до такой дерзости, что будто даже *уехал без спроса из города».*

Бибиков рассмеялся и спросил:

— Неужто он смел уехать, никому не сказавшись?!

— Да, ваше высокопревосходительство, не сказался, — отвечал серьезно Иванишев.

Тогда и Бибиков перешел к тону серьезному.

— Что же с ним за это следует сделать *по закону?* — спросил он Иванишева.

А тот, продолжая комедию, отвечал:

— *По закону* его за неявку к должности и за самовольную отлучку следует *исключить из службы.*

— Ну, так и поступить по закону, — отвечал серьезно Бибиков.

Иванишев в этом роде и составил оглашенное ныне «Киевскою стариною» определение, которое подписали

все члены комиссии, и между ними Ставровский, бездарно излагавший студентам историю, и Александр Иванович Селин, рассказывавший с кафедры анекдоты и стяжавший себе славу либерала, кажется, более по его свойству с покойным А. И. Герценом.

Такова, как мне помнится по рассказам, история смехотворного определения комиссии об исключении Шевченко со службы. Недостойное серьезных людей определение это было сделано солидными учеными Киевского старого, «благонадежного» университета не для чего иного, как ради генерал-губернаторской потехи...

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ НА КОРОТКИЙ СРОК

(МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН)

От скуки и томительного однообразия жизни говорят будто «люди пухнут»; а опухая, теряют память и забывают то, что знали и что всем известно. На сих днях в этом роде обнаружилось небольшое, но странное приключение с могилою Шевченко.

Киевская «Заря» напечатала у себя известие о небрежном содержании «Тарасовой могилы» близ Канева. Могила поэта осыпалась, и большой деревянный крест на ней подгнил. Газета «Новости» 26 августа перепечатала из «Зари» это известие, а на следующий день (27 августа) спохватилась и поместила следующую поправку:

«Вчера мы сделали выдержку из газеты «Заря» о небрежном содержании могилы Т. Г. Шевченка, находящейся будто бы «на пути к Пекарям». Сегодня один из почитателей Шевченка сообщает нам, что указание это неверно: «Шевченко умер в Петербурге и погребен на кладбище Новодевичьего монастыря, где над его могилой поставлен и монумент».

Все это не так, и «один из почитателей Шевченка» имеет, очевидно, очень короткую память. Он совершенно напрасно ввел в заблуждение литераторов газеты «Новости» и их читателей, посоветовав им искать монумент Шевченко в Новодевичьем монастыре.

Покойный Шевченко действительно скончался в Петербурге, и отпевание его производилось в церкви Ака-

демии художеств, но в Новодевичьем монастыре его не хоронили, и могилы его там нет, и нет там ему никакого «монумента». Откуда все это пригрезилось «одному из почитателей» — отгадать невозможно.

На самом деле тело Шевченко, после отпевания его в академической церкви, было временно положено в могилу в Петербурге на Смоленском кладбище, откуда потом, согласно воле усопшего и желанию его земляков и почитателей, было вынуто и со Смоленского кладбища отправлено в Киев. Здесь гроб Шевченко был встречен огромною толпою и стоял в церкви Рождества богородицы, что на Подоле, над самым днепровским берегом. В этой киевоподольской рождественской церкви опять правились торжественные общественные панихиды о душе покойного, а за Каневом, в трех или четырех верстах ниже этого маленького городка, «на круче», под которою «реве ревучий», приготовили «лирнику» «высоку могилу». Затем гроб Тараса был поднят и при очень больших овациях отправлен в Канев, причем было произнесено множество речей и стихов на малороссийском языке. Некоторые из этих речей тогда производили такую сенсацию, что ген⟨ерал⟩-губернатор находил даже нужным позаботиться скорейшим окончанием всех церемоний погребения поэта.

Обо всем этом было много писано и переписано во всех русских газетах с исключительными пожеланиями, да будет всему этому «вечная память», и вот едва прошло два десятка лет, как даже «один из почитателей таланта поэта» и целая редакция ежедневной газеты все это так капитально позабыли, что даже указывают могилу Шевченко там, где ее нет...

Правда, видно, что «ничто не вечно под луною».

А что касается настоящего положения настоящей могилы Шевченко близ Канева, то она действительно такова, как описывает «Заря». «Высока могила» по-над кручей, где «реве ревучий», сильно поосыпалась, то есть дерновая ее облицовка и булыжные камни пообивались, и большой крест, срубленный из цельного рослого дерева, поддался влиянию сырости и ветров. Могилу давно следовало бы поправить, и деревянный крест (далеко видимый с Днепра) давно надо бы возобновить. Каневцы и другие малороссийские почитатели Тараса сами давно

это видят и говорят об этом, но тут находится какая-то помеха в какой-то неясности или спорности насчет принадлежности участка земли, на коем «высыпана висока могила», — отчего за поправку ее не берется ни город Канев и никто другой. В каком положении теперь находится этот спор и чем он может разрешиться, местные газеты ничего не сообщают, а мы этого не знаем, да не знаем и от кого можно добиться об этом каких-нибудь обстоятельных сведений, но очевидно, что если эти уяснения еще продлятся года два, то поэтическая могила «малороссийского лирика» того и гляди что совсем рассыплется и ее высокий крест упадет.

Дело тут в том, что нет никого, кто бы лично считал себя *обязанным* присмотреть за Тарасовой могилою, но право ее поправить, нам кажется, невозбранно принадлежит каждому из почитателей, которых в изобилии имел среди малороссийского дворянства покойный Шевченко. Во всяком случае, там ведь еще живы роды Галаганов, Милорадовичей и Тарновских, — и, сколько нам известно, благодаря бога здравствует еще и сам Василий Васильевич Тарновский, к которому писаны покойным Шевченко задушевные письма, известные в копиях чуть не всей Украине и Малороссии. Как бы, кажется, всем им не подсыпать высоку могилу своего «батька Тараса», тем более что для таких больших людей это дело очень нетрудное...

При упоминаниях об этой рассыпающейся могиле не раз делались ссылки по адресу Литературного фонда, но у небогатого Литературного фонда на руках немало калек, вдов и сирот, которые напоминают ему о своих вопиющих нуждах, и это, по правде сказать, важнее могил.

А редакции газеты «Новости» пока, кажется, надо бы сделать еще одну поправку в том смысле, что Шевченко действительно похоронен близ Канева, а не в петербургском Новодевичьем монастыре, и что здесь ему никакого «монумента» не ставлено. Иначе кто-нибудь, пожалуй, придет сюда искать этот монумент и, не найдя его, рассердится.

ЗАБЫТА ЛИ ТАРАСОВА МОГИЛА?

По поводу странного и несколько даже смешного спора о могиле поэта Тараса Шевченки мне 30 августа довелось прочесть в одной газете, будто осыпавшуюся могилу поэта забыла не одна редакция этой газеты, «но и все его почитатели и даже друзья, как это свидетельствует полная заброшенность и жалкое состояние могилы».

Это несправедливо и требует поправки.

Могила Шевченки действительно осыпается, и на ней обветшал ее высокий крест, но она совсем не позабыта «всеми почитателями». Напротив, «народная тропа» к могиле поэта самым явным образом не зарастает, а проторена как нельзя более торно. В этом отношении, кажется, нельзя даже указать никакой другой могилы писателя, к которому бы родное племя покойника хранило бы более памяти и влечения. Я бываю в Каневе почти каждый год, потому что там, в этом городе и в его уезде, у меня есть близкие родные, у которых мне приятно отдохнуть летом. В этом же Каневском уезде находится прелестный пустынный женский «монастырек», по прозванию «Ржищевский», казначеею которого состоит моя родная сестра-инокиня Геннадия. Туда приходит много каневских крестьян, с которыми мне случалось разговаривать. Поэтому я коротко знаю, как относится малороссийский народ к «Тарасовой могиле», я сам ее посещал не далее как прошлым летом.

Могила Шевченки представляет не обыкновенную насыпь в величину могилы; это целый холм, или курган, насыпанный на самой возвышенной площадке очень высокой горы на правом (киевском) берегу Днепра. Гора эта, или, лучше сказать, по местному «круча», которою возвышается в этом месте берег, к стороне Днепра оканчивается обрывом, по которому невозможно ни взойти, ни спуститься, а слева, по крутым же скатам поросшего кустарником оврага, проторено несколько извилистых «стежек», или тропинок, по которым надо всходить к могиле. Этих «стежек» здесь очень много, потому что гора высока и пробирающиеся на нее люди, смотря по своим силам и подверженности головокружениям, избирают дорожку один поближе и покруче, а другой — подалее, но поудобнее. Оттого стежек много и они так прихотливо перекрещиваются и теряются в довольно рослом кустарнике, что взойти на гору невозможно без проводника. Проводниками обыкновенно служат дети «гончаров», или горшечников, которые живут в хатках «под Тарасовой кручей», и тут же из местной синей глины лепят на кружале простые молочные кувшины и варистые горшки. Провожают обыкновенно маленькие босоногие «дивчинки», потому что мальчики, или «хлопци», в летнее время все на работах. В последний раз нас провожала девочка лет шести и при каждом разветвлении стежек «пыталась»: «чи мы очень, чи не очень боимся?» Судя по ответу, она брала вправо или влево и, доведя таким образом до «самой могилы», взбежала на нее и села, крикнув: «от се тут наш Тарас». Так же «дивчата» и сводят вниз и получают за это «шага», то есть «грош», или сколько кто даст. Но каневцы и другие местные люди ходят на могилу и без провожатых, и эта могила есть *самое любимое место* для вечерних прогулок местного простого народа. *Могила посещается постоянно,* и то, что она очень осыпалась, происходит именно от того, что она *не позабыта.* Могила осыпалась именно потому, что ее дерновой и булыжной облицовке не дают покоя, не дали ей укрепиться и срастись, как, например, окреп знаменитый «копец крулевы Боны» близ Кракова. Такой покой нужен вообще всякому земляному возведению, но он достается только тому, к которому нет большого притока живых людей.

Могилу Шевченки, по несколько вульгарному, но весьма точному местному выражению, «разлазяли», то есть отоптали ногами ее углы и бока, по которым стараются взойти на ее вершину, чтобы точно «посумовати з батьком Тарасом про свою недолю». Это, конечно, не значит, что «про эту могилу позабыли все почитатели и друзья поэта». *Такое* разрушение, какое представляет могила Шевченки, *в своем роде* утешительнее неприкосновенной сохранности многих и многих чисто содержимых монументов.

Место могилы Тараса прекрасное и вполне поэтическое, вид на Днепр отсюда — широкий, вольный и вдохновительный, и простые души, которые так понимал и горячо любил Шевченко, влекутся сюда неодолимою потребностию «посумовати з батьком». Поднявшись сюда прошлым летом с братом моим Михаилом Лесковым и с нашим родственником Н. П. Крохиным, мы встретили здесь редкостной красоты молодую малороссийскую девушку с грудным ребенком. Она имела вид очень убитый, и мы с нею заговорили, сказав прежде себе: «Вот и Катря!» Оказалось, что встреченная нами красавица и в самом деле называется Катерина и что у нее такое же самое горе, какое было у воспетой Шевченком Катри. То есть горе это был ребенок, спавший на ее руках, «покинута дитына». Разница в положениях заключалась только в том, что эта живая Катря «не з москалем покохалася», а «служила в наймычках у вдового попа»... Мы ей дали, что могли, и оставили ее плакать на Тарасовой могиле.

Оправить могилу Шевченки, конечно, необходимо и раз что это дойдет до «старого Каченовского пана», как называют в Малороссии В. В. Тарновского, или до других просвещенных и именитых почитателей Шевченки, — это, вероятно, скоро же будет и сделано. Но надо сделать это с толком. В Каневе я слыхал мысль о том, чтобы «огородить могилу»... Это, разумеется, убережет курган от осыпки под ногами, но, мне кажется, это совсем не нужно, ибо будет очень жалко, если у простого народа отнимется возможность приходить и «сидеть сумуючи» на самой могиле. Думается, не сообразнее ли было бы могилу не огораживать, а по одному из ее боков устроить простую бревенчатую лесенку, или, по местному

выражению, «сходцы». Тогда люди могли бы свободно и удобно всходить «по сходцам» на могилу своего поэта, а могила бы не осыпалась. Иначе же, если этого не будет сделано, или если могилу огородят, то народ станет лазить к ней через ограду, и все равно новой облицовке, которой требует осыпавшаяся, снова не дадут улежаться и срастись с насыпью, а обвалят и осыпят ее, как осыпали старую. Но лучше уже пусть она осыпается, чем если ее огородят и станут затруднять живой народный прибой к ней. Это Тараса обидит.

НАРОДНИКИ И РАСКОЛОВЕДЫ НА СЛУЖБЕ

(NOTA BENE К ВОСПОМИНАНИЯМ П. С. УСОВА О П. И. МЕЛЬНИКОВЕ)

В воспоминаниях Павла Степановича Усова о покойном Павле Ивановиче Мельникове, напечатанных в «Новом времени», есть между прочим такой эпизод:

«В 1862 году в правительственных сферах возник вопрос о необходимости учреждения для раскольников особых школ от правительства. В августе того же года я получил приглашение министра народного просвещения, А. В. Головнина, приехать к нему. Сообщив мне о проекте подобных школ, министр просил меня указать на сотрудников «Северной пчелы», помещавших в ней статьи по расколу, которые могли бы, по его поручению, отправиться в центры раскольничьего населения для собрания сведений о положении у них школьного дела. Я указал на П. И. Мельникова как на знатока раскола, как на человека, который лучше других мог бы заняться этим делом.

— Мельников состоит, кажется, на службе? — был вопрос министра.

— Чиновником особых поручений при министре внутренних дел.

— Следовательно, необходимо снестись с его начальством. Это для меня неудобно. Нет ли других у вас лиц?

Тогда я назвал Н. С. Лескова, предупредив, что он в знании раскола уступает Мельникову. Но, по-видимому, рекомендация Лескова понравилась министру; он за-

писал его адрес, и Н. С. Лесков отправился с поручением министра в Ригу.

Все эти факты — мелочи, но мелочи иногда лучше освещают житейские события. Проект о правительственных школах для раскольников не был приведен к осуществлению, встретив сильную оппозицию. В № 13 «Московских ведомостей» 1864 года появилась против этих школ сильная статья, в которой доказывалось, что «можно только терпеть раскол», что «в этом должен заключаться весь либерализм правительства». Я указываю на эту статью по той причине, что она была перепечатана, по желанию П. А. Валуева, в «Северной почте» (№ 17, 1864 года), следовательно, вполне согласовалась с его мнением по вопросу о раскольничьих школах. *П. И. Мельников был приверженцем отмены всех ограничений для раскольников,* а из этой статьи видно, что взгляд П. А. Валуева был совершенно противоположный, и потому он не находил удобным или полезным для себя пользоваться знаниями своего чиновника особых поручений в делах раскола».

Обстоятельство это передано г. Усовым неполно, и оттого является большой повод думать, как будто бывший министр народного просвещения, Александр Васильевич Головнин, послал для исследования известного раскольничьего вопроса меня, а не покойного Мельникова, не только потому, что о Мельникове ему нежелательно было сноситься с графом Валуевым, но и потому еще, что «П. И. Мельников был приверженцем отмены всех ограничений для раскольников», а я как будто представлял собою на этот счет нечто иное, — менее расположенное к терпимости и тем более отвечающее взглядам А. В. Головнина.

На самом деле все сказанное было не совсем так, и главным образом дело двигалось совсем не теми причинами, на которые частью намекает, а частию даже прямо указывает г. Усов. Вполне вскрывать все эти (как Павел Степанович называет) «мелочи» теперь, разумеется, еще не настало время, но обстоятельства служебных неудач Мельникова, о которых упоминает г. Усов, не только могут быть разъяснены, но даже непременно требуют разъяснения. Мнение, будто «приверженность к отмене всех ограничений для раскольников» была причиною,

что Александр Васильевич Головнин лишил себя услуг покойного Мельникова, — весьма ошибочно. Покойный Мельников знал дела раскола несравненно лучше меня, — в этом не может быть никакого сомнения, потому что я тогда только учился этой материи, и Павлу Степановичу Усову, всеконечно, близко известно, что Мельников весьма долго был моим руководителем в изучении раскольничьей и «отреченной» литературы и поправлял меня в первых моих опытах по описанию бытовой стороны раскола. Взгляд на раскол я по убеждению принял мельниковский, ибо взгляд покойного Павла Ивановича, по моим понятиям, есть самый верный и справедливый. «Раскол не на политике висит, а на вере и привычке» — таково было убеждение покойного Мельникова, так и я убежден, сколько по литературе, столько же — если еще не более — по долговременным личным, искренним и задушевным сношениям со многими раскольниками. С тех пор как я стал писать о расколе, — сначала в газете г. Усова, — *не иначе, как под руководством Мельникова,* — я *нигде и никогда* не смотрел на раскол как на явление свойства политического, и за то многократно и многообразно был порицаем и осуждаем последователями мнений Аф. Пр. Щапова, который, сколько известно, желал видеть в расколе «политико-демократический смысл», будто бы только прикрытый религиозным покрывалом. Мельникову, а после и мне, поставляли в вину, что мы писали иначе, и на нас было тогда ожесточенное гонение, которое долго было в большой моде, и к этому ополчению охотно приставали многие, собственно никогда раскола не изучавшие. Гонительство это сделалось одно время так сильно, что ему подпадали даже люди сторонние, имевшие смелость или неосторожность как-нибудь сослаться в своих работах на мои наблюдения и выводы. Так, между прочим, за это в очень сильных и смелых выражениях был порицаем профессор Петербургской духовной академии Ив⟨ан⟩ Фед⟨орович⟩ Нильский, который в этом проступке где-то и оправдывался и доказывал, что и на меня порою можно сослаться. Словом, я нес одинаковое с Мельниковым отвержение, но у меня было и свое разномыслие с Павлом Ивановичем: мне не нравилось и не казалось справедливым его обыкновение относиться

к чувствам староверов слишком по-чепурински, — как говорится — «с кондачка». Приведите себе на память Потапа Максимовича Чепурина (в «Лесах» и на «Горах»), который «как начнет про скитское житие рассказывать, то так разговорится, что женский пол вон да вон». В мельниковском превосходном знании раскола была неприятная чиновничья насмешливость, и когда эта черта резко выступила в рассказе «Гриша», — я возразил моему учителю в статейке, которая была напечатана, и Павел Иванович за нее на меня рассердился. Все это при тогдашнем оживлении в литературе и в жизни не проходило безотзывно и бесследно, а потому я думаю, что бывший министр народного просвещения А. В. Головнин, интересовавшийся в то время вопросом о раскольничьих школах, знал, что я по части раскола представлял собою по преимуществу человека той самой школы, которую «политиканы» называли «мельниковскою», но которую, по справедливости, можно бы назвать историческою, научною. Следовательно, нет никакого основания предполагать, что министр А. В. Головнин мог ожидать от меня исполнения поручения в ином духе, как и от Мельникова. Я удостоивался многих обвинений, начиная с либерального обвинения в «оклеветании молодежи» до консервативного привменения мне свойств самого коварного «потаенного нигилизма», но я никогда не давал никому никаких поводов считать меня врагом «приверженности к отмене ограничений религиозных». И я думаю, что А. В. Головнин вовсе этого не желал, и во всяком случае он от меня этого не требовал. Напротив, посылая меня, А. В. Головнин не стеснял меня никакими указаниями и даже высказал, что ожидает от меня *«только правды»,* а в данном мне письме к остзейскому генерал-губернатору, барону Ливену, он просил предоставить мне свободу действий, которою я и пользовался невозбранно и, по отзыву генерал-губернатора, — не предосудительно. Работа же моя — «Отчет о раскольниках города Риги, преимущественно в отношении к школам» — составлена так, как я хотел ее написать, *и в том самом духе, в каком мыслил Мельников.* Мне давно очень досадно, что книга эта остается неизвестною русской литературе, но в этом не моя вина. Книга эта, по распоряжению А. В. Головнина, была

в 1862 году отпечатана в типографии Академии наук, кажется, всего в числе восьмидесяти экземпляров, и куда она делась и где находится — мне неизвестно. Я имею только один ее экземпляр, данный мне А. В. Головниным *как автору;* но в литературе немецкой она весьма известна, так как вся она почти целиком переведена и напечатана в весьма распространенной книге бывшего дерптского профессора Юлиуса Экгарта «Bürgerthum und Büreacratie» (моя записка составляет целую *треть* этой книги). Каким образом она туда попала — я тоже не знаю, но знаю, что и дерптский профессор и германские рецензенты его книги, выведшие на свет мою записку, находили причины указывать на ее «беспристрастие». Короче, без жеманства скажу — ее хвалили за ее терпимость и еще кое за что. Кажется, все это должно бы представлять ручательство, что А. В. Головнин, по воле которого та записка напечатана, не желал избегать и «приверженности к отмене ограничений» и из-за этого не мог иметь побуждений отстранять Мельникова.

Причиною того, что в Ригу был послан я, а не Мельников, были два действительные неудобства — одно меньшее, а другое большее. Павел Степанович Усов, при его превосходной памяти, все-таки немножко смешал, как шло это дело. Вначале у господина министра не было плана посылать знающего раскол литератора в Ригу, а была мысль иная: именно выяснить, каковы вообще желания великорусских староверов по отношению к школам, о которых они просили. Тут внимание г. министра и остановилось на Павле Ивановиче Мельникове, но поездка самого сведущего человека с такою общею целью представлялась крайне щекотливою и едва ли полезною. Во-первых, чтобы услыхать задушевные желания староверов, — надо было скрывать свое посланничество и его цель; а это и тяжело, да и неудобно. У староверов есть своя тайная полиция, организованная во многом не хуже еврейской «пантофлевой почты». Во-вторых же, мы недоумевали, что́ такое можно выяснять в школьных желаниях людей, которые совсем не имеют никаких понятий о школе? Тут как раз по пословице, — можно было «проездить не по что́, и привести ничего». Павел Иванович это предвидел и говорил, что ему, «наверно, не придется ехать». Главная причина, по-

чему он так думал, заключалась в том, что «чиновнику особых поручений министра маскироваться *неудобно,* а с своим официальным положением он ничего задушевного не узнает». Притом Павел Иванович сам находил, что это посольство не будет приятно Петру Александровичу Валуеву, который, как явствует из воспоминаний г. Усова, был сторонником «ограничения», тогда как Мельников, конечно, хотел стоять за «отмену ограничений». Следовательно, действуя по совести и убеждениям, Мельников непременно должен был бы исполнить работу, поручаемую ему А. В. Головниным, в таком духе, которого не одобрял его прямой начальник, граф П. А. Валуев. Отсюда понятно, что самая простая деликатность могла удержать А. В. Головнина от того, чтобы ставить нашего писателя в такое щекотливое положение к его служебному начальнику. Если же бы П. И. Мельников исполнил поручение А. В. Головнина в духе «ограничений», которые совсем не отвечали целям этого министра просвещения, то такая работа послужила бы не в пользу дела, а во вред ему. И тогда зачем бы А. В. Головнину нужен был такой исполнитель?.. Вот, я думаю, в каком роде были очень простые и нимало П. И. Мельникову не обидные соображения, которыми г. министр, однако, мог весьма основательно руководиться. А потому сказанное А. В. Головниным П. С. Усову слово, что «Мельникова командировать *неудобно»,* я думаю, действительно значило то самое, что оно и выражает. Ничего странного, необъяснимого и невнимательного к литературным заслугам П. И. Мельникова тут нет. Кроме же того, были, как я говорю, и другие причины, о которых упоминает сам П. С. Усов. О Мельникове ходили неблагоприятные слухи по его прежней службе... Это составляло маленькую эпопею, напечатанную в «Колоколе» А. И. Герцена. Я точно так же, как и П. С. Усов, уверен, что все насказанное на Мельникова со стороны его небескорыстия по «наездам на раскол», вероятно, была сплетня, но тем не менее в самой раскольничьей среде против Павла Ивановича существовало сильное предубеждение, и ему не очень-то доверяли, а всегда его побаивались, — это правда. «Волк, — говорили о нем, — так волчком и глядит». А такое настроение староверов, конечно, не увеличивало

удобства посылки к ним Мельникова по такому делу, для которого нужно было стяжать полное доверие и вызвать самую искреннюю откровенность.

Дело на этом было и остановилось, но тут подвернулось небольшое, но очень характерное событие, которое стоит вспомнить и записать, как корректив к интересным воспоминаниям г. Усова.

В те самые дни, когда вопрос о посылке меня или Мельникова колебался, петербургские староверы были неприятно поражены одною близко их касавшеюся литературною новинкою: Кожанчиков пустил в продажу первый выпуск сочинения А. Щапова «Земство и раскол» (СПб., 1862 г.). Автор книги и иные критики думали, что г. Щапов подносит этим сочинением самый милый дар староверию, но староверы, увидав, что их предков хотят представить политическими неслухами и «умыслителями», — смутились. Такое вышло «недоразумение», что кое место в книге автора всего более радовало, то самое староверов наиглубже огорчало. Кто любит плакать или смеяться, тот нашел бы в этом «недоразумии» причины для одного и для другого. На 33-й странице было, например, место такое: «В Поморской области возникло *демократическое учение не молиться за московского государя»;* староверы обиделись этой «неправдой» и заговорили: «Какие мы дымократы? что это еще за глупость! мы в его *благоверии* сомневаемся, но за его благочестивое житие молимся». Часто тогда меня звали потолковать, — и вот раз вечером ко мне приехали два петербургские старовера, Пикиев и Мартьянов (один федосеевец, а другой поморец), и просили тотчас же ехать с ними в Толмазов переулок, где в трактире «Феникс» собралась «сходка разных сословий» и желают меня видеть. Я нашел около сорока человек староверов, частию мне знакомых, но более незнакомых, и между сими последними одного купца из Москвы, который был в Петербурге проездом из Риги и здесь много и пространно рассказывал о виденных им в Риге русских староверах «изрядного обучения», а обучение то, по его словам, «преподается в Риге, в хорошо, по древнему образцу, устроенных секретных школах». Всем питерским это очень нравилось, и все здесь присутствующие жарко выражали одно желание, чтобы «министерство

тот древний устав школы просмотрело» и после повсеместно дозволило бы «такие самые школы, в каких потаенно от власти подучаются рижские староверы». И тут-то *самими староверами было высказано желание,* чтобы г. министр просвещения «оповестился о тех потаенных школах» *через меня.* «Тебе, говорили, мы дадим верные письма к таким людям, которые тебе всё покажут, и ты принеси министеру правду; а другого, кого мы не знаем, того не хотим и тот ничего не увидит». Тут совершенно в ином виде выяснилась ясная цель, для которой стоило послать сведущего человека *именно в Ригу,* да указан был и самый человек, которому сами староверы готовы были помогать, не принуждая его ни маскироваться, ни притворствовать, — человек этот и был я. И вот тогда лишь А. В. Головнин и командировал меня в Ригу, ибо я лично представлял в себе для этой командировки такие *удобства,* которых другие не представляли. Вот почему и вот как образовалось это предпочтение меня перед Мельниковым, без малейшего желания г. министра унижать превосходные знания Павла Ивановича. Вышло это просто потому, что если я несколько отвечал целям министра, то еще более отвечал *желаниям тех людей, для пользы которых все это предпринималось.* Пренебречь этим г. министр, очевидно, не видел никакой надобности, да, сколько я могу судить, — сделать людям неприятное, когда можно сделать приятное, — не было в духе этого министра. Так я и поехал с письмами от А. В. Головнина к генерал-губернатору Ливену; от сенатора М. Н. Турунова к жандармскому полковнику (ныне генералу) Андреянову, и от староверов с четырьмя письмами к Никону Прок. Волкову, Захару Лаз. Беляеву, Ионе Федот. Тузову и Петру Андр. Пименову. Самое веское из сих рекомендательных писем было от неизвестного мне рекомендателя, и писано оно было на лоскутке синей толстой бумаги, вырванной из переплетенной счетной тетради, а заключалось в следующей несложной редакции: *«Сему верь»* — а вместо подписи «слово-титло» (бог знает, что оно означало).

Поручение министра А. В. Головнина было исполнено мною, не причинив его высокопревосходительству никаких досаждений, а брошюра «С людьми древлего благочестия», которую я написал после этой поездки, вдруг

была вся раскуплена и давно уже составляет библиографическую редкость. Из этой брошюры, составляющей обрезки того, что значится в отчетной записке, напечатанной в типографии Академии наук, можно видеть, что я относился к делу с тою же целию показать излишность «ограничений», как постоянно мыслил и П. И. Мельников. Но как записка эта, написанная двадцать лет назад, до сих пор еще не утратила своего интереса, а между тем правительственные лица, которых она касалась (главным образом, князь Суворов), уже сошли в могилу и составляют сюжет истории, то я не вижу причин оставлять ее далее в безвестности для общества и попытаюсь напечатать эту мою работу в одном из русских исторических изданий.

П. С. Усов передает, тоже как особый знак неблаговоления к Мельникову, то, что «П. А. Валуев, с самого вступления своего в должность министра внутренних дел, удалил Мельникова от раскольничьих дел и от себя». А как мне известно, и тут не Мельников *лично* не годился, а в эту пору вообще разбор и разработка раскольничьих дел в настоящем научном направлении стали нежелательны, или, точнее сказать, *несовместны,* с целями некоторых из правителей. П. С. Усову должно бы быть известно, что прежде отстранения Мельникова предполагалось учредить целое «сотрудничество», которое бы дружно взялось и сразу покончило с разбором и приведением в известность всех раскольничьих дел архива министерства внутренних дел. Мысль эта едва ли не исходила от М. Н. Турунова, или по крайней мере им поддерживалась, и тогда в числе лиц, сюда предназначавшихся, снова были Мельников и я. Об этом со мною, по поручению П. А. Валуева, вел переговоры граф Капнист, которому я в чистосердечном разговоре высказал мой взгляд на раскол и те мои убеждения, с которыми я могу приступить к этой любопытной, важной и до сих пор никем надлежащим образом не исполненной работе. Но, вероятно, и мои взгляды, без сомнения точно переданные графом Капнистом г. министру, показались почему-либо одинаково *несовместимы,* и с той поры речь о привлечении меня к занятиям делами раскола уже никогда более не возобновлялась. А вместо допущения к сим заповедным делам П. И. Мельникова со мною или

меня одного доступ к ним был открыт покойному Федору Васильевичу *Ливанову*, который раскола хотя не знал, но имел характер и взгляд более *совместные*. Дел раскольничьих Ф. В. Ливанов не привел в ту ясность, какой предполагалось достичь обстоятельным их разбором, но плодом его знакомства с министерскими архивами зато вышло злохудожное сочинение «Раскольники и острожники». В этой скандалезной и шельмовальной книге были глубоко оскорблены и обесславлены многие из достоуважаемых людей в московском купечестве, начиная с Морозовых и Кузьмы Терентьевича Солдатенкова, а появлению этого сочинения предшествовали еще более скандалезные истории вымогательства и шантажа, вскрывать которые еще не наступило время.

Личные свойства Ф. В. Ливанова, который оказался всех нас «совместимее», достаточно известны и в Москве и в Петербурге и среди староверов и среди монашествующей братии, представители которой тоже тяжко испытывали неудобства всякого личного с этим человеком соотношения. Небезызвестен г. Ливанов и семье литературной, которая, впрочем, *никогда* не считала его своим и всегда бежала всякого с ним общения. Кто рекомендовал Ливанова министру внутренних дел как знатока раскольничьей литературы и раскольничьего быта, — я не знаю, но это очень любопытно и, конечно, когда-нибудь выяснится. Но я знаю, что книги Ливанова, рассмотренные в ученом комитете министерства народного просвещения при графе Дмитрии Андреевиче Толстом, были «отклонены» и что той же самой участи они подпали в учебном комитете святейшего синода, председатель которого, покойный протоиерей Иосиф Васильевич Васильев, брал у меня для соображений мой обширный черновой доклад о сочинениях Ливанова.

Таким образом, вот кто, собственно, был настоящим заместителем Павла Ивановича Мельникова в занятиях делами раскола научно-историческим путем. Это был Ф. В. Ливанов, который в одной из своих книжек «Золотая грамота» обнаружил такое многоведение, что даже не знал, как надо перекреститься, и указывал налагать на себя не крест, а *треугольник* (да, это буквально так!).

Что же касается затруднений П. И. Мельникова в издательстве книги, написанной по поручению министра,

то и это едва ли можно приписывать личному неблаговолению П. А. Валуева к Мельникову. Совершенно такие самые истории случались далеко не с одним Мельниковым. Подобная вещь была, как мне известно, с покойным Алексеем Ф⟨еофилактовичем⟩ Писемским и другими, а наконец, и лично со мною: в моем столе до сей минуты лежит пропущенная духовным цензором рукопись, с страшною спешностью составленная мною по настоятельному и спешному требованию трех министров. Это — приспособленный к русским простонародным понятиям перевод или пересказ известного сочинения Боссюэта, пользовавшегося особым расположением императора Александра I. Работа эта, заключающая в себе от шести до семи печатных листов, четыре года тому назад была сделана мною в две недели к празднику пасхи, процензурована архимандритом Арсением страстными днями и... осталась лежать у меня, как вещь, по-видимому, никому и ни на что не нужная. Приказана, сделана и брошена... Почему же это так? А весьма просто! Причиной этого было предложение литературных услуг со стороны некоего В. В. Кардо-Сысоева, который явился добровольцем и подал сочинения, отличавшиеся большою решительностию. Они были патронируемы одним учреждением, а министерством народного просвещения «отклонены» за их крайнее несоответствие приличиям и нравственности. Это и повело впоследствии к тому, что упомянутые сочинения г. Кардо-Сысоева перестали пользоваться особыми содействиями к их распространению через акцизных надзирателей по питейной части, но деньги на издание их он получил... Таков вообще неверный удел заказных литературных работ, мнение о совместимости которых часто изменяется, прежде чем самая трудолюбивая рука в состоянии их исполнить, и Мельников в этом случае не был исключением. А можно разве сказать то, что положение чиновников из литераторов вообще часто бывает исключительным и сугубо тяжким среди чиновников, к литературе непричастных. Но это совершенно другой вопрос, и в нем покойный Павел Иванович тоже опять испытал далеко не самое обидное положение.

ПУТИМЕЦ

ИЗ АПОКРИФИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ О ГОГОЛЕ

Напечатанные в 1883 году в журнале «Киевская старина» письма Н. В. Гоголя (которые до сих пор оставались неизвестными) пробудили в моей памяти воспоминание об одном устном рассказе, касающемся юношества поэта. Рассказ этот я не раз слыхал в пятидесятых годах в Киеве от большого моего приятеля, уроженца города Пирятина, художника Ив. Вас. Гудовского, а он сказывал это со слов другого своего земляка, известного в свое время малороссийского патриота и отчасти тоже немножко поэта — Черныша. Черныш же слышал это от какого-то своего родича, который был знаком и даже, кажется, дружен с Гоголем во время его студенчества в Нежинском лицее. Этого рассказа я нигде не встречал, ни в одних материалах для биографии Гоголя, но также и не смею думать, что он достоин занять там место. Правдивость события, о котором хочу рассказать из пятых уст, мне отнюдь не представляется несомненною, хотя, однако, в этом предании мне чувствуется что-то живое, что-то во всяком случае как-будто не целиком выдуманное. А потому я думаю, что это необходимо сберечь, хотя бы даже как басню, сочиненную о крупном человеке людьми, которые его любили.

Если даже это и целиком все сплошная фантазия (что допустить очень трудно), то почему не послушать, как фантазировали о гениальном юноше его соотечественники.

I

В бытность Гоголя студентом Нежинского лицея старшему Чернышу случилось ехать с ним вместе верст за пятьдесят или за сто от Нежина в деревню в гости к каким-то их общим знакомым.[1] К кому именно — не знаю, но ехали они вдвоем, «паркою на почтовых», и в перекладной тележке.

На дворе стоял невыносимый июньский зной, и раскаленный малороссийский воздух был полон той тонкой черноземной пыли, которая умеет пронизать все — обратить путников в арапов, слепить их волосы и запорошить им глаза, нос и уши. Уста пересмягли, в груди томящая жажда, а руки нет силы поднять от усталости. Вокруг широко расстилается неоглядная малороссийская степь, и кажется, нет ей ни конца, ни предела. Во всем поле не встречается никакое живое существо; даже мелкие птички, и те, притомившись, пали к хлебным корням, и не видно их там, где они перемогают этот страшный зной огнепалящей печи. Только одни грязные оводы с огромными зелеными глазищами неотступно мычатся над несчастными взмыленными конями и еще более увеличивают их мучительное терзание.

Родич рассказчика сильно измучился и раскис, а потому был не в хорошем расположении духа, но Гоголь, к удивлению его, не поддавался жаре и был, напротив, очень бодр и весел. Он, как известно, любил жару и теперь шутил, говоря, что на таком угреве хорошо было бы раздеться да полежать голому на солнце в горячем просе. Малороссийские сибариты старинного закала бывали большие охотники до этого своеобразного наслаждения, и Гоголю оно тоже нравилось, или он так поддразнивал своего нетерпеливого к жаре сопутника. Гоголь все мурлыкал песенки, вертелся, подсвистывал на коней, сгонял прутиком оводов и в шутливом тоне заговаривал с ямщиком. Но ямщик на эту пору попался им самый несловоохотливый, и как Гоголь его ни заводил на разговоры,

---

[1] Помнится, будто родственник Черныша, сообщавшего этот рассказ Гудовскому, тоже назывался Черныш. Во всяком случае, для удобства в изложении мы будем звать его этим именем. *(Прим. автора.)*

наконец должен был от бесед с ним отказаться. И вот тогда-то его перекинуло на спутника.

Родич Черныша столько же страстно любил малорусский народ, сколько недолюбливал «кацапов», то есть великороссов. Таких людей здесь было много. И как у нас в свое время были любители говорить местами из «Горя от ума» или из «Мертвых душ», так и у этого была своя любимая книжка — это повесть о том, «как в Туле надули малороссийского паныча». Что бы он ни прослышал из великорусских нравов, на все у него была из той книги готова поговорка:

«Кого наши не надуют».

Этак он и сожалел «кацапов», и похвалял их, и порицал, и как будто вместе с тем радовался, что их уже никто в мире не надует.

«Бо вони мертве теля — и те надувають» (то есть убитого теленка, и того надувают).

Особенно этого чудака раздражало «московское плутовство», о котором он сам, будучи человеком безукоризненно честным во всех делах, как крупных, так и мелких, не мог слышать без душевного раздражения и всегда из-за каждого пустяка в этом роде готов был кипятиться, и кипячение это поддерживал искреннею патриотическою скорбью, «що ті бісові плути, кацапи, наш добрий, хрестьянськиї люд попсують».

Утрированная скорбь его, может быть, имела для себя какое-нибудь оправдание.

Гоголь, конечно, хорошо знал эту слабость своего приятеля, и, может быть, потому, что ему хотелось, как говорится, «завести орган», а может, и потому, что он, сколько известно, и в самом деле не разделял крайностей малороссийской нетерпимости, а даже любил «русскую удаль», — он начал по поводу ямщика-малоросса разговор о типическом ямщике великорусском, человеке по преимуществу общительном, разговорчивом и веселом.

— Совсем другое! — восклицал Гоголь, — великоросс совсем другое: с тем всего какой-нибудь один час проедешь — и перед тобою вся его душа выложится; вся драма его жизни тебе станет открыта. «Душа нараспашку...» Совсем другое!

А Чернышев родич отмечал в этом расхваливаемом великорусском типе другие, противуположные черты:

он указывал на кацапское бесстыдство, попрошайство, лживость, божбу и прочее, чем нас обыкновенно попрекают соседи.

Гоголь очень спокойно, но без пристрастия, делал на это свои возражения и до того раззадорил Черныша, что тот, несмотря на усталость, начал и с своей стороны отвечать горячо и нетерпеливо.

Слово за слово — разговор приятелей перешел в спор, который, по мнению Черныша, Гоголь, очевидно, нарочно путал, чтобы было больше о чем спорить без всякого конца и результата. Черныш это видел и знал, что Гоголю иногда приходили такие фантазии, чтобы подразнить приятеля, но впал в такой задор, что не мог удержаться и продолжал спорить. Да и нельзя было удержаться, потому что Гоголь, по его мнению, стал уже высказывать какие-то очевидные и для пылкого малороссийского патриота совершенно нестерпимые несообразности.

II

Спор особенно обострился на том, кого легче можно культировать, то есть воспитать и выучить, — хохла или кацапа? Гоголь это расчленял и осложнял очень обширно и, кажется, верно.

О том, что великорусский человек против малорусса гораздо находчивее, бодрее и «майстеровитее», — Черпышев родич Гоголю и не возражал. Напротив, в этой части он ему почти все уступал и говорил, что научить ремеслам и всяким деловым приемам «кацапа» можно гораздо скорее, чем приучить к тому же самому в соответственной мере хохла; но чтобы великоросс мог подать бóльшие против малорусса надежды для успехов душевной, нравственной воспитанности, без которой немыслимо гражданское преуспеяние страны, — это Черныш горячо и решительно отвергал, а Гоголь защищал «кацапов» и, как Чернышу тогда казалось, «говорил будто бы разные глупости».

— Кацапы, — проповедовал Гоголь, — такой народ...

— Душевредный! — перебивал Черныш.

— Нет, не душевредный, а совсем напротив.

— Надувалы и прихлебалы.

— Да, да, — «надувалы и прихлебалы» и все, что тебе еще угодно, можешь отыскать в них дурного, а мне в них все-таки то дорого, что им все дурное в себе преодолеть и исправить ничего не стоит; мне любо и дорого, что они как умственно, так и нравственно могут возрастать столь быстро, как никто иной на свете. Сейчас он такой, а глазом не окинешь — как он уже и перекинется, — и пречудесный.

— Перекинется из сороки вороною, — оторвал Черныш.

— Почему и для чего вороною? Нет, не вороною, а ясным соколом. У них это так и в сказках. Чудесные сказки! Ведь ты не читал этих сказок!

— Читал или не читал — это все равно: сказки на то и называются сказками, чтобы им умные люди не верили.

Гоголь весело расхохотался и, сделав гримасу, комически произнес:

— «Сказки» и «умные люди»... Ой же вы, умные люди! Яки вы поважны да рассудли́вы. А ти вже, що сказки́ складали, — ти, видать, були́ дурни? А вот же вас и не стане, а сказки останутся. А впрочем, если уже ты такой умный человек, что тебе сказки не по плечу, то читай книги божественные и там то же самое увидишь.

— Какие это именно книги, и что там о твоих кацапах сказано?

— Читай, что писано в «Житиях» о русских святых... Какие удивительные повороты жизни! Сегодня стяжатель и грешник — завтра все всем воздал с лихвою и всем слуга сделался; сегодня блудник и сластолюбец — завтра постник и праведник... Как вы всего этого не понимаете и не цените!

— Зато ты ценишь.

— Да, я ценю, я очень ценю! Я люблю, кто способен на такие святые порывы, и скорблю о тех, кто их не ценит и не любит!

— Не скорби.

— Нет, нет: я не могу об этом не скорбеть! Ты их не любишь, а Христос их любил.

— Кого это: твоих кацапов?

— Да! то есть таких людей, как кацапы, — людей грешных, да способных быстро всходить вверх, как тесто

на опаре... Закхей и Магдалина, слепец Вартимей... Над ними явлены чудеса! Только подумай, этот Вартимей... какая, по-твоему, была его слепота? Мне сдается — душевная. Чем он был слеп? — тем, что ничего не видали очи его помраченного ума... И вдруг... одно только слово, одно «малое брение», плюновение на землю, и очи отверзлися... И как широко... как далеко взглянул он. Все роздал — себе ничего не оставил: Чудо! и прекрасное чудо!.. Люблю это чудо, и люблю таких людей, с которыми оно творится.

И уж тут, как Гоголь зацепил Закхея с Магдалиной да этого Вартимея, то знавший его привычки Черныш только рукой махнул и сказал ему:

— Ну-ну, теперь «воссел еси, господи, на апостоли твоя, я́ко на кони, и мир бысть еждение твое».

Гоголь рассмеялся, но тем не менее все продолжал ораторствовать на свою тему.

Черныш молчал. А тем временем жара и истома становились еще сильнее, и вдруг, как неожиданная благодать, завиднелись впереди из-за хлебов присельные ракиты над греблей; потом сверкнул верх гнутого журавля над колодцем, и, наконец, постепенно открылось большое село и при самом въезде в него — колодезь. Здесь была надежда напиться самим и напоить лошадей.

Путники остановили коней и пошли в ближайший дом просить бадейки, чтобы вытащить воды из колодца.

Но попытка была напрасна; бадейки, которою бы можно зачерпнуть воды в колодце, в этом доме не оказалось. Хозяйка, истощенная пожилая женщина, отвечала:

— Мы, выбачайте, люди паньски, у нас ничогисеньки нема.

Черныш сейчас к этому случаю и прихватился.

— Ничогисеньки, говорит, у них нема, — бо они «паньски»... А кто их, бидаков, закрипостив? Ге! то це вона «мать отечества», сия большущая, великая жена, твоя всероссийская Екатерина!

Гоголь притворился, будто не слышит и занят только тем, чтобы «достать ведёрце».

Однако в самом деле они насилу в третьем или в четвертом доме только достали нужное им «ведёрце». Такая была здесь повсеместная бедность! А потом вытащили из

колодца такую дрянную воду, что даже при всей великой жажде пить ее не могли. Какая-то совсем белая, соленая и противно отдает ржавым дротом (ржавою проволокою). Хочется пить, что называется «душа мрет, а утроба не принимает». А тут еще в сенях, на земляном полу, лежит лет пятнадцати хлопчик и прежалостно стонет... Такой жалкий, что видеть невозможно без душевной муки. Тощий и «притомленный», он словно ждет кончины и томится в мучительной огневице: мух от себя отогнать даже не может, а между тем говорит с тихим юмором:

— Ага! що?.. бачите, яка у нашой кринички добра водичка! Наша криничка глубока, та и припогàновата... А вы з нии лучше не пийте, а идти по тий бок села до кацапа...

Путники спросили у больного мальчика: что же, у кацапа есть, что ли, колодезь с лучшей водой? А тот им отвечает, что колодезь там есть и вода в нем получше, но только и тот колодезь не годится, потому что в него «кошка упала, да еще не высвячена», но зато у того кацапа, говорит, есть корова, и ее годують (кормят) молодым лопухом да свекольным листом, и она с того доброго корму дает молоко самое белое-пребелое и такое вкусное, что и сказать невозможно.

— Вот, — добавил больной хлопчик, — вы лучше того молока попийте, так это добре буде, бо воно стоить у него у холодном погребу в поливьяных глечиках, пид камнями... Так в нем и дух и смак есть, да такой смак, что и сказать нельзя, а если жадной душою в такую жару человеку целый глечик выпить, то враз ему столько много силы прибудет, что потом хоть отбавляй — девать некуда.

Так хорошо и так уж слишком внятно рассказывал им мальчик об этом молоке, что видно было, как он живо чувствует все прелести и всю силу животворного напитка и в то же время как недостижимо представляется для него самого такое необъятное блаженство.

— А ты сам не пьешь молока? — спросил его Гоголь.

Мальчик молча покачал слабою головкою, а потом улыбнулся и проговорил:

— Ще того здумали! Молока пить! Ось, бачите, яке наше снидàнье.

И он показал на стоявшую возле него грязную чашку, где мокла в воде черствая корка ржаного хлеба, над которою жужжали мухи.

— А у вас своей коровки нема?

Мальчик посмотрел недоуменно и отвечал:

— Яки в нас коровы!.. у нас и козы жидивской, и той нема, — мы крипаки (то есть крепостные).

Гоголь поморщился, достал из вязанного кувшинчиком кошелька монету в два польские злота, подал ее хлопцу и сказал:

— Попей, хлопче, молочка на здоровье.

Хлопец поблагодарил и, приподнимаясь, чтобы показать панам, «де ихать до кацапа», прибавил, что данных ему «грошей» ему «достачить як раз на шесть глечикив», то есть на шесть кувшинчиков. А отсюда, значит, просто приходилось вывесть, что у кацапа глечик, или кувшин молока, стоит десять грошей, или пять копеек на серебро.

Это по тогдашнему времени совсем не было в здешних местах дешево, потому что и еще двадцать лет позже не только в Нежине, но и в самом Киеве глечик превосходного, розового топленого молока с коричневою, грибком вздувшеюся пенкою, стоил три, а иногда даже две копейки. Следовательно, кацап брал за молоко еще дорого, и он брал такую дорогую цену потому, что мог не церемониться, ибо между бедными «крипаками» ему не было никакого соперника.[1]

Так молодые путники и распростились с больным хлопцем и поехали по селу к кацапову дому. И как только они отъехали от «притомленного» больного, так Черныш опять заговорил Гоголю про Екатерину, а Гоголь слушал, улыбался и, обняв приятеля, запел ему потихоньку:

Ой, у поли озерце,
Там плавало ведёрце:
Кохаймося, сердце!

— Кохайся про те сам с собою, а не со мною, — отшучивался Черныш, но Гоголь все пел и шутил неудержимо.

[1] Читатель напрасно стал бы удивляться и сравнивать с этим описанием быт некоторых крепостных в Великой России. «Крепачество» в Черниговской губернии, особенно у господ мелкопоместных, было гораздо ужаснее, чем в русских губерниях, — тем более что у здешних крестьян нет никаких промыслов. *(Прим. автора.)*

III

Кацапов дом, на который издали указал мальчик, стоял, как сказано, в противуположном конце села, и это был такой чисто кацапский дом, который легко можно было отличить от всех соседних малороссийских крестьянских хаток. «Кацап» держал в аренде трактовый постоялый двор, выстроенный по русскому образцу, с коньком, на две половины, и ни вокруг, ни около его не было ни вербы, ни груши, ни вишневого куста, ни лозиночки, словом — ни одной веточки, где бы свила себе гнездышко щебетунья птичка или присел в тиши помечтать и попеть серый соловушко.

Перед крыльцом травка вытоптана и в нескольких местах в пыли вырыты курами глубокие ямки; тут же вбит в землю небольшой, сверху расщепленный колышек, а возле него опрокинуто расколотое грязное корытце, которое с нетерпеливым визгом толкает привязанный за ногу полугодовой поросенок... Другой, постарше, ходит на свободе и хрюкает безумолчно... Двор полураскрыт, и по одну его сторону торчит высокая куча навоза, из которой кое-где сверкают обрывки выветренных лоскутьев и тряпок, а по другую — видно выпаленное место. Здесь, по древнерусскому обычаю, высыпают из печи горячий пепел и золу, «пока бог грехам терпит», и двор, молитвами святых угодников, не загорается.

Словом — дом и двор вполне в известном великорусском вкусе, чего лучше не надо требовать.

Стали наши путники перед крыльцом и только что хотели встать с телеги, как на «гайдарею» выходит хозяин, очень красивый старик, лет, может быть, шестидесяти двух-трех, или еще с хвостиком, но еще очень бодрый и здоровый, глаза голубые навыкате, в левом ухе серьга, а брада Аарония — во всю грудь, так по красной касандрийской рубахе и расстилается.

— Смотри, смотри, что за красота! точно Гостомысл! — шепнул приятелю Гоголь.

— Да, это у них бывает, — отвечал тот, — по браде Анания, а по душе каналия.

— Ну вот уже и «каналия»! Глупо это, — отвечал Гоголь и, оборотясь к Гостомыслу, весело спросил:

— Молочко есть, хозяин?

— Как не быть, — про то заезд держим.

— Давайте же нам сюда скорее вашего молочка!

— Молочко не наше, а *коровье,* — не спеша прорезонировал Гостомысл.

— Ну, коровье так коровье: давайте коровьего. А ведь коровка ваша?

— Корова наша.

— Ну, и давайте.

Красивый старик сам не тронулся с места, а только крикнул:

— Егорка!

Появился красивый паренек лет шестнадцати.

— Слазь в погреб, принеси молока, — приказал ему старик.

Тот ушел.

— Это ваш сын? — спросил Гоголь.

— Внук.

Подали молоко; оно, быть может, и не обладало всеми теми восхитительными свойствами, про какие рассказывал больной хлопец, но все-таки было холодно и вкусно и на нестерпимую жажду показалось так хорошо, что Гоголь как припал к горшочку, так уже с ним и не расстался, пока не выпил его до дна. Для спутника его потребовался другой кувшин, который на погребе у дворника тоже нашелся, а пока этот второй кувшин подали и пока Черныш его выпил, Гоголь, находясь все в том же веселом ударе, разговорился с хозяином: давно ли он здесь, откуда родом и как идут его дела, и пр., и пр.?

Почтенный Гостомысл на все отвечал не спеша и с повадкою, а на вопрос о том: «откуда», — он коротко молвил: «путимец». Это слово страсть как понравилось Гоголю — все равно как Ивану Андр⟨еевичу⟩ Крылову некогда понравилась «добрая» фамилия купца Блинова, который, впрочем, оказался большим вымогателем и задумал «обовязать» покойного баснописца миллионной распиской.

— «Путимец»! «Путимцы»! — повторял вполголоса, обращаясь к Чернышу, Гоголь. — Какие хорошие звуки! И как у них все это кстати. Не намеренно, но кстати: человек «путимский», и вот он сел и сидит *при пути,* и кому надо этот путимец сейчас услужит вот так, как нам, а

проезжим людям, которые в этом нуждаются, хорошо. При путях сидят «путимцы». Честное слово — это прекрасно! А притом ведь эти путимцы народ исторический: они ведь, как «куряне ведомые — то кмети», — еще в «Слове о полку Игореве» упоминаются. Встарь они Ярославну оберегали, слышали ее стоны и вздохи, а нынче сошли на другое, сидят на путях дворниками, и все ничего: везде эти ведомые кмети пригодны...

И затем, прервав этот поток исторических воспоминаний, Гоголь весело обратился к дворнику и спросил:

— А сколько, почтенный господин хозяин, ваша милость с нас бесчестья за свое молочко положите? — и с этим сам уже опустил пальцы в кошелек, чтобы вынуть оттуда маленькую монету.

Путимец не торопился ответом и, слегка потягивая себя за сережку, начал было опять про то, что подавал им молоко не свое, а коровье, но Гоголь его остановил и сказал:

— Ну да — хорошо, «коровье», а сколько же надо отдать за это коровье молоко?

— Да что с вас... давайте хоть один рубль; и то будет.

Гоголь молча поднял на дворника глаза, и на устах его заиграла презрительная улыбка, но он сдержался. Зато Черныш вспылил не на шутку, стал нетерпеливо «лаяться», называя дворника мошенником, грабителем и всякими другими пристойными случаю именами.

Гостомысл нимало этим не смущался и все тихо донл себя за серьгу и, наконец, молвил:

— Нечего, баре, сердиться: умней бы были, так, не спрося цены, не пили бы. А теперь чего сердиться? Это ведь не носильное, с плеча не снимешь, а съедобное — проглотил, и назад уже негде взять. Ведь я вас не Христа ради поил; не снятым молоком, а цельным. Ноне день-то вона какой — жар печет, молоко киснет. О такой поре кубан молока самим хозяевам для забелки во шти дороже полтины кувшин стоит, а вы два кубана выпили да за один рубль такой спор заводите! А еще дворяне!

Черныш весь задрожал от этой наглости и вызывающих дерзостей, но Гоголь схватил приятеля за руку и

«на милость бога» молил ни слова не говорить и не трогаться, а предоставить ему одному «все удовольствие» разделаться с милым Путимцем.

— На милость бога! на милость бога, не вмешивайся! Сделай мне такое одолжение, позволь из него такого дурня устроить, который сам себя высечет!

Черныш гадливо отвернулся и сказал:

— Ну тебя с ним! делай что хочешь.

Гоголь тотчас же обратился к Путимцу и преспокойно заговорил к нему:

— Не обижайтесь, пожалуйста, господин хозяин, на приятеля: он у меня всегда такой сердитый — не разберет, да и сердится. Вы ведь это, кажется, за два кувшина рубль спрашиваете?

— Знамо, что за два, — вы два выпили, я по полтине за штуку и спрашиваю; всего за два — один рубль.

— Ну вот то-то и есть! Я так и понял, что за два один рубль. А он думал, что вы за каждый глечик по рублю хотите... Это было бы дорого, а рубль за два... вот вам, возьмите рубль, возьмите... И еще спасибо вам на этом, потому что в том селе, которое мы раньше проехали, с нас по пяти злотых (75 коп.) за кувшин взяли. И везде, везде теперь так берут, а у вас всех дешевле. Спасибо вам на этом, большое спасибо!

И с этим они уехали.

А Путимец, на которого Гоголь несколько раз оглядывался, все стоял и как взял в руки серебряный рубль, так на тоїі же ладони и держал его, — очевидно, жалел, что взял дешево.

Гоголь был очень доволен и, улыбаясь своей тонкой улыбкой, не обращал ни малейшего внимания на то, что ему говорил Черныш и даже хранивший до сих пор молчание ямщик. А теперь даже и этот говорил, что «бисова кацапа стоило бы добре выбить».

IV

Едучи далее, Черныш несколько раз принимался рассуждать, как такой паук должен бедного пахаря грабить, и укорял Гоголя: зачем он позволил этому наглому человеку так грубо обмануть себя, но Гоголь

все продолжал улыбаться и на все укоризны твердил одно:

— А ты погоди — он покается. Ты увидишь, зачем я так сделал, — я сделал это для того, чтобы он покаялся. Ты увидишь — глупо это или не глупо!

— Разумеется, преглупо, — спорил Черныш.

— Ну да это еще пан писарь знает да другие люди письменные, — отвечал Гоголь, — а ты погоди, братику! — погоди! — Он покается.

И Гоголь начал разводить рацеи о том, что никогда не нужно отчаиваться в раскаянии человека и не стоит самому ссориться и биться, а надо так сделать, чтобы человек сам себе получил вразумление от своего характера, чтобы он сам себя наказал за свою гадость.

— Как же это он сам себя наказывать будет? Он карбованца взял, да и рад теперь, что дурня встретил.

— Ну нет, — ошибаешься, он уже и не рад; он и теперь уже скучает, что мало взял, а дурни-то будем не мы, а он, потому что он сам себя за нас бить будет. Непременно! непременно сам себя бить будет. И вот, знаешь, — мне его теперь уже даже и жалко становится, потому что я над ним черт знает какую штуку подстроил. Ужасную штуку!

— Никакой.

— Нет — ужасную! Вот ты увидишь!

Черныш перестал возражать.

Путники еще раз сменили лошадей и приятной вечерней прохладой доехали до имения своих знакомых. Здесь им, разумеется, были очень рады, встретили их весело, с добрым малороссийским гостеприимством, и оживленная беседа шла до позднего сытного ужина. Перед ужином Гоголь ходил с хозяйкою в детскую смотреть, как «молят бога» [1] и укладывают спать детей. Молящиеся дети и молодая мать или умная, благочестивая няня, руководящая детской молитвой, диктуя им слова прошений к творцу миров, всегда нравились Гоголю и прекрасно его настраивали. А потому в коротко знакомых домах он просился в детские, и ему, разумеется, не отказывали.

В данном случае и в данном месте главным кормщи-

---

[1] По-малороссийски говорят так: «молите детей бога», то есть «поучите детей молиться богу». *(Прим. автора.)*

ком детского корабля была няня — давняя знакомая Гоголя, орловка, понятливая, умная и с поэтическими замашками. Гоголь не раз выпрашивал у нее, чтобы она диктовала ему орловские прибаутки и песенки, и записывал их. Так и теперь — он сначала смотрел, как чинная старушка «молила детей богу», а когда детей уложили в их постельки, он с тихого няниного пошепта записал песенную шутку про «блошку», о том, как:

Блошка банюшку топила,
С золой щелок щелочила,
Жарко парилася,
С полка вдарилася,
Себе боком —
Ненароком
Ребро проломила,
Крысу задавила.

Потом он ходил на поляну, где под развесистою березою танцевали после ужина наемные паробки и дивчата; потом, наконец, сам ужинал, а ужин в малороссийском хлебосольном доме составляет дело не скорое и не легкое. После ужина опять долго сидели на балконе, который выходил в старый тенистый сад и был окружен большими клумбами роскошнейших роз, разливавших тонкий раздражительный аромат; а потом разошлись далеко за полночь.

Во все это время о дорожном происшествии с молоком у Путимца ни одним из приятелей не было сказано ни одного слова. Черныш хотя и имел в этом случае достаточный повод потрунить над своим оригинальным товарищем, но не сделал этого. Он замечал, что в рассказанном нами ничтожном событии, которое Гоголь вначале принял очень легко и даже весело, в существе заключалось для него нечто неприятное, нечто столь тяжелое, что он почти страдал от этого. С ним такие вещи бывали, и потому Черныш не хотел заводить речи о неприятном. Ему казалось, что еще когда они подъезжали к дому, то Гоголь «якось так на него очима зиркнув», как будто просил, чтобы об этом не говорить при посторонних. Черныш думал себе:

«Вот какой чудак! — что ему такое этот жадный мужик?» А однако из деликатности он все-таки исполнил немую просьбу Гоголя и хранил о Путимце молчание.

V

На ночь приятелей поместили обоих вместе в очень просторной, даже огромной биллиардной комнате на мезонине. При комнате опять был небольшой балкон, выходивший в тот же самый сад и над теми же самыми клумбами благоухающих роз.

Дверь на балкон была отворена, и оба приятеля условились, чтобы ее на ночь не закрывать, потому что и теперь все-таки было еще довольно жарко.

Им прислуживал Харитон, старый слуга, которого все в доме уважали и которого давно знал и любил Гоголь.

Харитон был человек набожный, благочестивый и кроткий, и Гоголь находил удовольствие с ним беседовать.

Черныш сразу же разделся и лег в постель, а Гоголь облачился в поданный ему очень широкий и длинный хозяйский халат из белого пике, который был ему очень длинен и волочился за ним шлейфом. Чтобы было несколько половче, Гоголь подпоясался своим большим красным фуляром, выдергал вверх буфами полы, надел на ноги желтые хозяйские шлепанцы и вышел на балкон, а потом исчез к Харитону и долго о чем-то с ним разговаривал. Потом опять прошел на балкон и оставался тут так долго, что Черныш уже успел заснуть. Но вдруг он был пробужден появлением Гоголя, который тихо подошел и уселся у него в ногах, на его постели.

— Что тебе нужно? — спросил Черныш.

— Извини меня, — отвечал взволнованно Гоголь.

— Отчего ты не спишь?

— Не могу.

— Нездоров, что ли? — объелся раков за ужином.

— Нет... не шути... никакие раки, а моя душа...

— Что там еще с твоей душою?

— Я был очень легкомыслен... я сделал дурное дело. Это невозможно так оставить: я сейчас должен уехать.

— Куда, зачем и на чем?

Гоголь назвал село, где была встреча с Путимцем.

— Опять про него!

— Не могу... я не обдумал и поддался дрянному искушению... Не могу...

— А ну его к черту! Я спать хочу.

— Нет, ты сделай милость, послушай... Я мог над ним пошутить, но я устроил над ним слишком злую... слишком злую насмешку... а у насмешника всегда бывает дрянное сердце. Это мучительно!

— Ничего я не хочу об этом слушать, это мне и днем вволю надоело.

— А может быть, он до сих пор уже что-нибудь претерпел.

— И прекрасно — он того стоит.

— Полно, пожалуйста! он старик.

— А черт ли мне до него, если он до старости всё подлецом дожил.

— Но ведь еще, значит, не пришло его время: он покается.

— Черт ли мне до него — когда он задумает каяться, — может быть, перед смертью.

— А хотя бы и перед смертью. Нет, я должен был поступить совершенно иначе.

— Непременно; я тебе это самое и говорил: ты должен был бросить ему гривенник и не мешать мне толкнуть его с телеги ногой в брюхо.

Гоголь в ответ на это упрекнул приятеля в грубости и насилу позволил убедить себя, что будить теперь хозяев и поднимать весь дом для того, чтобы ехать к какому-то нахальному и жадному мужику, было бы чистым безрассудством. Но, наконец, резкие и сильные доводы Черныша на него подействовали, и он отложил свое намерение спасать Путимца и рассмеялся, когда Черныш сказал ему, что тот «сам спасется».

— Да, да; вот это пожалуй — он сам спасется. Ты это попомни.

Успокоясь таким образом, Гоголь даже сам находил, что затеять ночной отъезд было бы очень неуместно, но, однако, успокоился он не совсем и не шел спать, а продолжал разговор, толкуя о различии между шуткою и насмешкою, которой он себе не мог простить, и был немилосерден к себе за то, что уверял Путимца, будто молоко стоит даже дороже полтинника. Это, по его мнению, имело именно характер насмешки, желание сделать другого человека дураком. Он пустился в ученые рассужде-

ния, приводил мнения о насмешке Тацита и Лабрюйера и вообще удивил приятеля, обнаружив перед ним, что он давно и много думал об этом. Особенно его давило мнение Тацита, что «насмешки оставляют в уме смертельные уколы и ничего не исправляют»; потом он переносился к сатире, которая «должна нападать прямо на нравы», цитировал Вольтера и Декурселя, говорил о способностях разных народов различать насмешку и сатиру, о народе и о народах, об обязанностях тех, кому больше дано и с кого больше взыщется. Появилась в ночной тишине критика известного выражения Hominem homini deum esse (человек — бог для человека), и потекли доказательства, что в этом выражении нет ничего нескромного и ничего неблагочестивого.

Гоголь развивал мысль: как один человек с добрым настроением способен принести добро другому, доказать ему безобидно его недостоинство и подвинуть его на лучшее. И вот такой-то человек и есть ангел, или, в известном смысле, «бог для человека».

Черныш сквозь сон с трудом все это слушал и потом совсем заснул и не заметил, когда Гоголь от него удалился, но когда ему через некоторое время случилось проснуться, то он увидал, что постель поэта пуста. Черныш приподнялся и, к удивлению своему, увидал, что Гоголь по-прежнему опять пребывает на балконе, но только теперь он уже не шаркал в ажитации желтыми шлепанцами, а стоял в том же белом халате на коленях, со сложенными на груди руками, с низко упавшею на груди головою.

Он молился... О ком: о себе, о Путимце, о России, которую он так чисто любил и так нежно защищал, меж тем как она «была черна неправдой черной»...

Но тогда тем более причин было о *ней* молиться...

Густо-синий фон неба, на котором с вечера так ярко горели крупные украинские звезды, теперь уже бледнел; тянуло свежей росой, и с дальних ставов слышалось пиликанье предваряющего рассвет удода.

В этом прошла вся ночь, после злой насмешки, которой в самом деле суждено было иметь очень серьезные и неприятные последствия для Путимца.

VI

Прошло сколько-то дней: никаких сцен из-за Путимца у приятелей не повторялось. Гоголь о нем словно забыл: он был весел, шутил, гулял, бегал с детьми по садам и рощам и даже пускался танцевать с деревенскими дивчатами или иногда «сам с собою в паре». Последнего рода танец происходил под собственную же музыку, состоявшую из немудрого напева очень краткой песни:

Танцюй, танцюй, мий Матвию!
Матвий каже — я не вмию.

Тут было начало, тут и конец этой танцевальной песни. Но как всем удовольствиям и радостям на свете бывает везде конец, то молодым людям настала пора возвращаться в Нежин.

Ехать надо было опять через то же село, где сидел при своем постоялом дворе Путимец.

На этот раз погода была совсем иная: жар не томил и жажда не мучила, да хоть бы и захотелось пить, так путники от того не потерпели бы: добрые хозяева отпустили гостей «як слид по закону», то есть не только хорошо их накормили, но и положили им в ноги в повозку все, что заведено класть «по некоему древнему установлению», то есть сунули плетунец с двумя парами той наливки, которую в оные счастливые дни в Малороссии пивали заместо черт знает какого московского квасу, от которого «только в животе тарахтит так, що аж на душе смутно диется». Если бы дорогой Чернышу и Гоголю захотелось пить после жареных «ковбасок», то им было что пить, да еще такое вкусное, что «все пальцы осмокчешь». Тут и сливянка, и вишневка, и персиковка, все с давлеными косточками, от которых такой тонкий дух ошибает, как будто перед самым носом прошла самая деликатная панночка с раздушенным платочком в белой ручке. Вынь бутылочку, хлебни, да вот он и рай Богометов. Лучше уж ничего и быть не может даже в самой Малороссии.

Однако, несмотря на весь этот богатый и роскошный запас освежающего питья, как только молодые панычи въехали в село, где сидел в своем постоялом дворе Пу-

тимец, Черныш сейчас же велел ямщику подвертать к «кацапову дому».

— Тогда, — говорил он Гоголю, — ты сделал над ним злую насмешку, а я теперь сострою с ним добрую шутку.

Шутка эта должна была состоять в том, чтобы опять спросить у кацапа молока и молоко без торгу выпить и заплатить за него дворнику только один гривенник, то есть столько, сколько оно действительно стоит, а потом махнуть по коням и уехать.

Гоголю самому эта затея понравилась, да и вслушавшийся в разговор приятелей молодой ямщик тоже одобрял ее.

Бравый и веселый паробок тоже, очевидно, имел свои причины к неудовольствию на «жадивного кацапа» и выразил горячее желание оказать панычам все свое содействие, чтобы его проучить. Но только паробок, как человек более непосредственный, шел дальше панычей: он думал так, что кацапу совсем недостойно давать и гривенника, потому что «на що ему, коли у него свий гривенник есть?» А следует просто молоко у него выпить, а пустой горшок ему об голову кинуть да потом «так по коням шаркнуть, щоб аж земля затарахтела. Нехай бежит, догоняе, пока очи повылизут». Гоголя этот план рассмешил, но на осуществление его приятели, однако, не согласились, а положили сделать смирнее, то есть гривенник отдать, а потом уехать.

VII

Сговорились таким образом путники и подъезжают к постоялому двору, а Путимец, как на их счастье, тут и есть. Словно ждет их — сидит на крыльце, но только на этот раз не столько важный, а как будто больше задумчивый, но на Гостомысла все-таки похож. Сидит, наклонив немного вбок голову, и для какой-то надобности держит рукою у левого уха свернутое в комок полотенце.

Гоголь как увидал своего фаворита, так сейчас же у него на лице заиграла улыбка, и он опередил своего товарища: он сам поздоровался с Гостомыслом и спросил: «як його бог милує?»; но Путимец отвечал на приветы сухо и неохотно.

— Що-то есть! или вы, дедушка, нас не узнали, что и говорить с нами не хотите? — воскликнул Гоголь.

— Узнал, чего не узнать-то? — также нехотя и мрачно отвечал, не трогаясь с места, Путимец и сейчас же бесцеремонно добавил: — а говорить... про что нам говорить? Не про что.

— Да вот вам, кажется, будто нездоровится?

— Ну так что же, хоть и нездоровится; нешто вы лекаря?

— А может быть, и лекаря.

— Ну-у!

Он махнул свободной рукой и отвернулся.

— Мы у лекарей не лечимся.

— И то хорошо; но что же с вами такое? Что у вас болит? Голова?

— И в голове болит, и возле головы болит. А вам что надо-то?

— Отчего же это у вас разболелось?

— Ну вот, еще «отчего?» Разве она сказывает, что ли, отчего она болит? Может быть, от праздника.

— От какого?

— От какого? Что ты такой любопытный? Вы ведь вот, смотри, куда-нибудь ездили на праздник, а таким же манером мог у меня и свой праздник быть.

— Это ваша совершенная правда. А молочко теперь у вас есть? Нам очень понравилось ваше молочко.

— Не наше, а коровье.

— Ну что про эту глупость спорить!

— Какая же в этом глупость — мы сами не дойны, а корова дойна.

— Ну, хорошо, хорошо, — корова! Вы очень хорошо меня поправили; молочко от вашей коровки превкусное, и мы вот опять заехали, — дайте нам по кувшинчику!

— Можно!

Путимец встал и, придерживая ухо ручником, пошел в сени, а Гоголь вслед ему крикнул:

— И знаете: у вас молоко очень недорого!..

Говоря это, он толкал локтем соседа, чтобы тот не вмешивался, а сам тянулся с повозки, желая расслышать, что в ответ на это молвит Путимец. Но тот распорядился самым неожиданным образом и сразу разрушил всю умышленную против него затею.

VIII

Молодые люди услышали только, как Путимец в сенях громко позвал внука, того же самого Егорку, который их угощал ранее, и велел, чтобы он вынес кувшин молока.

Явился Егорка и принес молоко, но сам Путимец более уже не показывался.

— А где же твой дедушка? — спросил Гоголь.

— А на что он вам нужен?

— Да так, — ни на что не нужен.

— Он в избе сидит, — отвечал Егорка.

— Отчего же он к нам сюда не придет?

— А зачем ему выходить?

— Да так... просто!

— Не хочет.

— А почто так не хочет?

Егорка помолчал и потом, водя за щекою языком, неохотно молвил:

— Да зачем ему надобно выходить?

— Деньги с нас взять за молоко.

— Давайте — я возьму.

— Сколько же тебе дать?

Егорка немножко помолчал и потом молвил:

— Это все одно.

— Что это такое: все одно?

— Я деньги возьму.

— Да сколько?

— Сколько дадите.

— А я вот тебе гривенник дам.

— Ну так что ж...

— Довольно это будет?..

— Довольно.

Черныш и Гоголь переглянулись. Оборот выходил неожиданный и совершенно безэффектный. Гоголь подал мальчику двугривенный, и они поехали.

Мало того, что затеянная проделка с Путимцем не удалась, но теперь еще явилась забота ее разгадывать.

— Что это за чудо такое с ним поделалось! — заговорил, отъезжая, Гоголь.

— А це певно таке чудо над ним подиялось, — отозвался с облучка паробок, — що мабуть кто-сь сего

бисова кацапа добре по морди набив або по потыльци ему наклав.

— Кто же его мог побить?

— А бог цирковный его знае!..

— А ты наверное ничего не слыхал, что его били?

— Ни, я не чув, а тильки бачите, що вин такий добрый зробився.

— Но кто же его мог бить в его собственном доме?

— Еге! чи-то мало панов туточки скризь по шляху издят. Може, який войсковий ихав да и набив. Войскови на се добре швидки от разу.

— Вот, вот и есть! вот и есть! — воскликнул Гоголь, хватая Черныша за руку, — ты увидишь, ты увидишь! — И сейчас же, не проехав села, он велел подвернуть к той хатке, где они в прошлый проезд видели больного «притомленного» хлопца с его убогим «харчем».

IX

Хлопец опять лежал, как и в тот раз, на том же земляном полу без подстилки, а возле него, как и тогда, стояла та же скамейка и «снеданье». Харчи помещались в той же «полывьяной мисочьке», но только это были уже харчи значительно улучшенные: хлебные корки теперь у него плавали в молоке, а не в воде из той кринички, что весьма «глубока да припоганувата».

Хлопчик в эти несколько дней как будто поправился. Он сразу же признал облагодетельствовавших его добрых панычей, а панычи зато узнали от него прелюбопытную историю, которая случилась с Путимцем. Действительно, с ним случилось происшествие в том самом роде, как угадывал ямщик: ехали два офицера, спросили себе молока и выпили оное также без торгу, как Черныш и Гоголь, а когда дворник потребовал с них рубль за кувшин (по тому, что ему наговорил в насмешку Гоголь), то военные, как люди на руку весьма скорые, тотчас же его жестоко за это оттузили.

Мальчик рассказывал все подробности, что и глечик пустой кацапу об голову разбили, а больше всего ухо ему скризь так порвали, що аж и серьга выпала.

. . . .

— А что! а что! Вот и есть, вот и есть! — заговорил опять Гоголь. — Вспомни, что я тебе ночью говорил! Я говорил, что он сам себя прибьет, вот он уже и прибил... и как больно прибил...

— Подлец, — подсказал Черныш.

— Да я ж тебе кажу: он *старый!* Он покается.

— А я кажу: подлец, и никогда не раскается.

Гоголь посмотрел на товарища и молвил:

— Сам будешь старый!

И, проговорив это, поэт сразу же задумался и упорно молчал всю дорогу до самого Нежина. Чернышу показалось даже, как будто у него несколько раз наворачивались на глаза слезы.

— Что тебе, жаль его, что ли? — осведомился Черныш.

— Да, жаль, — отвечал Гоголь и, «размахнув руками, як крыльями, навкруг во вси стороны», добавил: — понимаешь... мне жаль всех их... всех... Они все так... сами себя выбьют.

— То есть — эта вся кацапузия сама себя прибьет?

— Да, да. Не смейся надо мною: я об этом готов плакать!

— А зачем ты сам нашутковал этому Путимцу, что он такой-сякой, и добрый, и хороший, что может без ущерба даже хуже сделаться? Вот он и взаправду поверил и еще больше оскотинился, а тут его и набил такой, что сам палки не стоит.

— Да я же тебе про это и говорил! Мне ж это и было страшно!

И Гоголь отворотился и несколько раз повторил:

— Горе мужу-льстецу! Горе устом, говорящим лукавое!

X

Через несколько дней, когда Черныш совсем уже и не вспоминал про Путимца, Гоголь признался ему, что все эти пустяки произвели на него сильное впечатление. Во-первых, его ужаснуло — как точно и как скоро исполнился в шутку им затеянный план, чтобы жадного вымогателя проучила чья-нибудь чужая суровая рука; а во-вторых — Гоголь во всем этом видел происшествие не

случайное, а роковое откровение, и притом откровение, имеющее таинственную цель просветить его именно ум.

Один кацап давал ему повод к широким обобщениям:

— Так всем, так всем, — говорил он, — можно бог знает что наговорить и отъехать, как мы с тобой отъехали, обонять благоуханные розы, а тогда кто-то неожиданный подъезжает, слышит самообольщенную глупость и... рвет из уха золотую серьгу... Это скверно; нужен здоровый смех, нужно обличенье в душевной мерзости...

И, бог весть, не от сей ли поры, не с этой ли встречи с Путимцем пошли клубиться в общих очертаниях художественные облики, которые потом в зрелых произведениях Гоголя то сами себя секли, то сами над собою смеялись. А о Путимце он все-таки заключил, что он «непременно раскается и хорошо кончит».

XI

Кончина Гоголя в Москве последовала 21 февраля 1852 года. В России о нем тужили только люди, умевшие понимать его литературное значение, но в Малороссии его оплакивали люди даже самой обыденной образованности. Тут все переболели сердцем, читая весть про душевные муки поэта, начавшиеся для него томлением, которое предшествовало и, может быть, частью вызвало «Переписку с друзьями». Из малороссов Белинскому многие не только не сочувствовали, но даже сердились на него за его злые нападки на «совратившегося Гоголя». Эти нападки и особенно суровость, с какою они высказывались, земляки поэта считали «весьма немилосердными», и, кажется, они имели достаточные причины так думать. Во всяком разе здесь Гоголя любили не только как писателя, но и как своего человека, которому готовы были простить и несравненно бóльшие вины, а не то, за что против него ополчился Белинский. Рукописные копии письма Белинского к Гоголю ходили по рукам и в Малороссии, но они не возбуждали никакой желчи против поэта, да и не все понимали, о чем тут идет дело. Скорбь о Гоголе в Малороссии была всеобщая, а имя Белинского почти все произносили с раздражением. Места, которые напо-

минали о Гоголе, получили некую святость; людей, которые его лично знали и с которыми о нем можно было поговорить, слушали с особым уважением. Словом — это были минуты действительно глубокой национальной скорби.

Приятель, сообщавший мне в пятидесятых годах рассказываемое здесь сегодня предание, упоминал, что в то время, когда его земляки предавались общей скорби о Гоголе, многим из них просто невмочь было сидеть одному с глаза на глаз с мыслию, что «его уже нет», и все тогда охотно посещали друг друга, чтобы вместе потолковать и потосковать.

Чернышев родич в эти дни навестил тех своих знакомых, на дороге к которым сидел Путимец и у которых был в комнатных услугах старый, а теперь уже престарый Харитон.

Так как поездка на сей раз была в мартовскую ростепель, то в молочных услугах Путимца надобности не было, но приятель, полный воспоминаний о друге, пожелал взглянуть и на Гостомысла или по крайней мере справиться: живет ли он и начал ли «хорошо кончать» и каяться. При подобных сочетаниях является такое любопытство. Отчего и зачем «собака, кошка, мышь жива, а нет Корделии»? Какими соображениями какой высшей экономии оправдывается, что «нет великого Патрокла — жив презрительный Терсит»? Хочется взглянуть и на Терсита. Гоголь умер в молодом веке, а старый Путимец, пожалуй, позабыл считать годы и живет. Приятель заехал и к постоялому двору, спросил о старике Гостомысле. И что же оказалось? — старик действительно еще был жив, но уже не торговал и совсем здесь не жил, а «сошел в далекий Нилов монастырь» на Столбной остров, что среди озера Селигера.

— Зачем ему было так далеко идти на Селигер? — вопросил приятель, — ведь Киев ближе, и монастырей там много.

А возмужавший внук Егорка отвечает, что дедушке на Селигере тамошний святой очень нравился.

— Чем же селигерский святой лучше киевских?

— А, говорит, тот преподобнее и дедушке больше по нраву стал.

— Да чем именно?

— А так, что тот, говорит, даже никогда не спал...

— Это невозможно.

— Нет, это, говорит, так верно в житиях писано: никогда не ложился, а только облегался пазухами об острые крючья.

— Ну! Зачем же это?

— Чтоб богу угодить.

— Богу угодить... «пазухами облегался»... Ты это что-то сочинил вместе с своим дедом.

— Нет, не сочинил, — отвечал Егорка и пояснил, что он ездил даже навещать дедушку на Столбной остров и сам видел, как там священный статуй деревянный сделан и одет в таком подобии, как святой был, и висит на крючьях, а к ему прикладываются.

— Ну, и что ж? хорошо?

— Боязно, говорит, подходить, если кто грешник, а дедушке теперь, как привык, это за самую радость видеть.

Егорка вздохнул и благочестиво добавил:

— В старости своей достигает.

— Облегаться пазухами?

— Да; писано, что никогда не спал, а только «мало отдыхал, облегаясь пазухами об острые крючья». Дедушка и хотел при таком святом потрудниться, чтобы в самой, какая возможно, черной работе. Просто сказать — он ныне там самые поганые ямы чистит; а дом мне оставил.

Егорка приосанился, поднял широкие плечи и, окинув довольным взглядом свои владения, молвил:

— Теперь заново построились и одни хозяйничаем.

Он смотрел таким же красавцем и, кажется, таким же дельцом, как в былую пору был его дедушка.

Придет, наверно, и для него еще иная пора, когда и он, может быть, «потрудится» и все, что в свое время нагрешит, то пойдет исправлять, «облегаясь пазухами об острые крючья».

Всякая боль своего врача ищет, и всякому достойно позаботиться о том, чтобы «хорошо кончить». Хорошо же, — по некоему старому присловию, — не всегда то, что действительно хорошо, а то, что человек за хорошее почитать склонен.

⟨ТОВАРИЩЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О П. И. ЯКУШКИНЕ⟩

Жил на свете Живулечка, как ему господь повелел.

Сказка о Живульке.

I

Мы с Павлом Ивановичем Якушкиным были *земляки* в тесном смысле: оба мы родились в Орловской губернии и даже в смежных уездах, — он в Малоархангельском, а я в Орловском; но Павел Ив⟨анович⟩ был значительно меня старше. Он вышел из Орловской гимназии в тот год, когда меня привели туда девяти лет в первый класс и посадили на одну скамью с младшим братом Якушкина — Виктором.[1]

В гимназии Павел Иванович оставил по себе в ближайших поколениях героические предания: говорили о крайней его небрежности в туалете, и особенно о его «вихрах». По выражению одного из наших надзирателей,[2] этими вихрами Якушкин «убивал господина директора», а другие ученики в том ему старались подражать. Павла Ивановича, по рассказам, так страшно преследовали за его «вихры», что однажды даже директор[3] или инспектор выставляли его «на выставку», в пример, «как не должно себя содержать». Это произвело впечатление, и многим «вихры» Якушкина так понравились, что яви-

---

[1] Этот был впоследствии доктором, женился на дочери нашего бывшего попечителя гимназии М. В. М., жил в Орловской губернии и скончался в молодых летах. *(Прим. автора.)*

[2] Звали его Иваном Яковлевичем, а фамилии не помню, от учеников же он имел прозвище «Коза». *(Прим. автора.)*

[3] Помнится, будто Александр Яковлевич Кронеберг или инспектор Петр Андреевич Азбукин. *(Прим. автора.)*

лось большое число подражателей; только таких «неповиновенных вихров»,[1] какие без всякого особенного старания произращал у себя Якушкин, ни у кого не вырастало. При всех стараниях у других учеников являлись только «лохмы», или, как инспектор Азбукин называл, — «патлы», но настоящей, типической вихрястости, какою отличался Якушкин и которая давала ему вид «дикобраза», ни у кого из совоспитанных ему не было.

Подражателей якушкинской прическе остепеняли суровыми мерами, при содействии сторожей Кухтина и Леонова, которым приказывали «обрывать патлы», что сторожа и исполняли, производя стрижку нарочито тупыми и необыкновенно щиплющими ножницами. «Обрывали» таким же манером не раз и самого Якушкина; но ему это не приносило пользы, потому что его могучие вихры, которыми он «убивал господина директора», на другой же день опять торчали, как будто их выпирала из головы какая-то сверхъестественная сила. Это частию заходило даже в область чудесного: Якушкин представлялся чем-то вроде тунгузского чудотворца, который, проведя рукою по распоронному брюху, заживляет рану в одно мгновение ока. О Якушкине говорили, что его остригут, а он сейчас же себе будто на ладони поплюет да проведет ими по волосам, и буйные вихры его сейчас опять и поднимутся. Притом же и самому начальству было неприятно часто стричь Якушкина, потому что Павел Иванович при пострижении его «грубо оправдывался такими мужицкими словами, что во всех классах помирали со смеху».

Направление к простонародности у него, значит, уже формировалось еще в школе, и учитель немецкого языка, Василий Александрович Функендорф, кажется, первый отметил это направление и кликал его не иначе как:

— Мужицка чучелка!

II

Прошло много лет, я жил в Киеве, потом в Пензе, и с П. И. Якушкиным мы не встречались до его псковской истории с Гемпелем. В это время я был в Петербурге по делам торгового дома, которыми занимался. Павел Ива-

[1] Так называл их надзиратель «Коза». *(Прим. автора.)*

нович был тогда героем дня, и им все интересовались. Я встретился с ним, и мы сразу же друг друга вспомнили и заговорили по правам школьного товарищества на «ты». Он уже тогда «ходил мужиком» — в красной рубахе и в плисовых шароварах, но носил очки, из-за которых настоящие мужики ни за что не хотели его признавать «мужиком», а думали, что он «кто-то *ряженый»*.

Это Павла Ивановича минутами очень досадовало.

— Какой я вам «ряженый», черти! — добродушно бранился он с мужиками.

— Ряженый и есть... черт! — отвечали ему любовно мужики.

III

Почитателей своих в литературе Павел Иванович иногда ставил в большие затруднения насчет его «странного характера». Так, например, я помню, покойный С. С. Громека («бурнопламенный») однажды был страшно взволнован тем, что Павел Иванович появился в Павловске на музыке в своей «одной штанине», в сообществе какого-то незнакомого полковника, с которым держал себя на самой дружеской ноге, и всех знакомых звал к своему столику, где за подаваемые кушанья и питья расплачивался этот полковник.

Громека спросил Якушкина:

— Кто это такой, ваш приятель?

— Отличный малый, — отвечал Якушкин, — отличный малый.

— А как его зовут?

— Гемпель.

— Как Гемпель!

— Гемпель.

— Псковский полицеймейстер?

— Да.

— Тот самый, который сажал вас в кутузку?

— Да, да, тот самый.

Громека посторонился, но Якушкин усиленно его влек за стол к Гемпелю и после находил удивительным: «чего на него люди сердятся, *когда я не сержусь*? Он чудесный мужик и свое дело делал. Чего же сердиться? Мы помирились».

IV

Когда Петр Дм. Боборыкин издавал «Библиотеку для чтения», Павел Иванович часто посещал эту редакцию (на Италианской в доме Салтыковой). Мы тогда сходились по вечерам «для редакционных соображений». Приходил и Павел Иванович, но «соображений» никаких не подавал, а раз только заявил, что «*так* этого делать нельзя».

— Как «так»? — спросили его.

— Без поощрения, — отвечал он.

— А какое же надо поощрение?

— Разумеется — выпить и закусить.

Мнение Павла Ивановича поддержали и другие, и редакционные соображения, изменив свой характер, обратились в довольно живые и веселые «поощрения», которые, впрочем, всякий производил за свой собственный счет, ибо все мы гурьбою переходили из голубой гостиной г. Боборыкина в ресторан на углу Литейной и Семионовского переулка и там нескучно ужинали.

V

Вскоре за этим в литературе последовал великий раскол: из одного лагеря, с одним общим направлением к добру, — образовались две партии: «постепеновцев» и «нетерпеливцев».

Якушкин как будто ничего не понимал в этом разладе и не прерывал своих отношений с товарищами из постепеновцев и нетерпеливцев. Он с одинаковым спокойствием и искренностию появлялся и в редакции «Отечественных записок», где около покойного Дудышкина сгруппировались постепеновцы, и в «Современнике», где бодрствовали нетерпеливцы. Я тогда остался с постепеновцами, умеренность которых мне казалась более надежною. За это я был порицаем много.

Якушкин во все это время не прерывал со мною сношений, но зато прелюбопытно: как он понимал мое положение и считал ли за серьезность всю эту литературную распрю?

VI

Раз, после одной из моих побывок за границею, проездом через Вену я купил себе ботинки из желтой, нечерненой американской кожи, с ременною шнуровкою спереди. Обувь этого рода тогда только появилась в Вене, и мне показалось, что такие ботинки очень удобны для жаркого времени; но когда я приехал в Петербург и увидал, что здесь таких ботинок никто не носит, — то я и свои оставил без употребления.

Жил я тогда в доме Тацки на Литейной, против Бассейной, неподалеку от квартиры Е. Н. Эдельсона, у которого Якушкин часто бывал и «получал поощрение», а оттуда одно время взял за правило заходить ко мне ночевать. Случалось, что он приходил ко мне, когда меня не было дома, и сам укладывался спать, всегда неизменно на одном «собачьем месте», то есть на подножном коврике у моей кровати. Как я ни упрашивал не ложиться здесь, а располагаться где-нибудь на диванах, но он на это ни за что не соглашался по какой-то деликатности. У меня была о ту пору горничная, молодая девушка немка, Ида, которая и сама была похожа на барышню и квартиру содержала в величайшей чистоте и наблюдала за нею беспрестанно. Крайний неряха Якушкин и эта Ида составляли две самые непримиримые противоположности. Друг с другом они никогда не объяснялись, но питали один к другому какие-то несогласимые чувства: немка ужасалась, «как может быть на свете такой человек и зачем его принимают», а Якушкин «боялся ее огорчить». Из-за этого он ни за что не хотел ложиться на мебель, чтобы не допустить немку убирать что-нибудь после его спанья, а свертывал в комочек свои сапожонки и свитенку и, бросив этот сверток на коврик, ложился и засыпал у самой кровати.

Разумеется, это было очень стеснительно и неудобно, но заставить Павла Ивановича поступать иначе не было никакой возможности. Он твердо и упрямо отвечал:

— Не хочу немку сердить, а я грязный: она будет обижаться.

Самой странной деликатности в нем было столько же, как и самой странной наивности, в пример которой я приведу следующий смешной случай.

VII

Однажды, проснувшись на своем «собачьем месте» ранее всех, Якушкин походил по комнатам, взял со стола в кабинете книжку «Современника», где я был на тот случай образцово обруган с обычными намеками и подозрениями, и, прочитав эту статью, сказал мне:

— Знаешь, я сейчас пойду к Некрасову и скажу, что это свинство. Он говорит о тебе хорошо, а позволяет писать совсем скверно. Я их за тебя сам обругаю.

Я, разумеется, просил его ничего в этом роде не предпринимать, и он дал мне в том слово и сейчас же без переходов спросил:

— А что это у тебя за *неспособные сапоги?*

— Какие и где?

— Да вон... я вижу... желтые, стоят под кроватью.

Я взглянул под кровать, куда смотрел Якушкин, и, увидев мои венские ботинки, сказал ему, где я их купил и почему их не ношу.

— Еще бы! — воскликнул он, — какой же шут их носить станет!

Тем этот разговор был и покончен, но когда я дня через два после утренней прогулки вернулся к обеду домой, меня удивило нечто неожиданное и с порядками моей квартиры несогласное: в ногах у моей кровати, на том же самом коврике, на котором излюбил спать Якушкин, валялась пара самых отчаянных, самых невозможных отопток, с совершенно рыжими голенищами и буквально без подошв...

Я удивился, а моя немка так и всплеснула руками.

— Это (говорит по-немецки) опять заходил на минутку этот мужик в очках, и вот...

Она выбежала в ужасе в кухню и явилась оттуда с двумя длинными лучинами, которыми поддела оставленные Якушкиным сапожные отоптки и с брезгливостью понесла их, вытянув вперед свои белые руки, чтобы сапоги были от нее как можно дальше.

Смешно было смотреть, как она выносила их, точно как будто двух ядовитых гадов, но некогда было смеяться от удивления: зачем же Павлу надо было приходить ко мне, чтобы у меня разуться, и в чем же он ушел от меня? Неужели босой?

Немка была так взволнована этим неслыханным, не вмещавшимся в ее голове ужасным событием, что только повторяла:

— Das ist kein Mensch, das ist ein Teufel! [1]

Но «Teufel» [2] оставил у меня на столе рукописание, которое все разъяснило.

VIII

На столе, на неоконченном листе моей текущей литературной работы, карандашом рукою Якушкина было начертано следующее:

«Был у тебя и взял твои немецкие сапоги, которые ты не носишь. Получи за них семь рублей от Некрасова».

Чтобы оценить эту наивность, нужно знать, что я с Николаем Алексеевичем Некрасовым лично знаком не был до весьма поздней встречи с ним в доме В. П. Гаевского; и с редакцией «Современника» никаких дел не имел. Там я был только постоянно руган за мое неодобрительное направление, которое приписывали даже подкупу. И Якушкин все это знал и даже за два или за три дня возмущался некоторыми прочитанными им обо мне отзывами, но вдруг оказалось, что при всем этом он находил вполне естественным, чтобы я пошел к Некрасову «получить семь рублей»... И почему именно — семь, а не восемь или не пять, не четыре? Это так и осталось, разумеется, его секретом. Вероятно, он вспомнил, что когда-то платил за сапоги по семи рублей, или так он оценил по достоинству мои «неспособные ботинки», этого я уже не знаю. [3]

Все это, разумеется, меня смешило, а мою немку привело в такую горесть, что она расплакалась. Ей эта пустая история представлялась ужаснейшею, злокозненною хитростию и коварным подвохом под ее домосмо-

---

[1] Это не человек, это черт! *(нем.)*.

[2] Черт *(нем.)*.

[3] Семь рублей в глазах П. И. Якушкина, пожалуй, могли казаться и такими деньгами, которые долг велит хорошо обеспечить. По безалаберности своей и лености он часто живал совсем без денег и крупную денежную единицу начинал считать с полтинника. *(Прим. автора.)*

трительскую репутацию. И как иначе: у нее, у самой аккуратнейшей в мире девушки, у которой хозяйская нитка пропасть не может, вдруг среди белого дня ушли из-под кровати целые ботинки, и притом такие новые и такие необыкновенные!..

Человек, который нашелся так это сделать, — конечно, представлялся ей не иначе, как самым опасным хитрецом и даже, может быть, чем-нибудь хуже.

IX

В тот же самый день вечером я встретил Павла Ивановича в Демидовом саду, где он стоял и беседовал с двумя цыганами из певшего здесь Курского хора.

Первое, на что я обратил внимание, разумеется, были его ноги. Я представить себе не мог: как это Якушкин предстанет миру в своей мужичьей свите и «штанине», в красной рубахе и «неспособных» желтых ботинках венской работы со шнуровкой! Но у него, оказывается, был вкус и гораздо лучшее понятие об ансамбле: на нем уже были опять надеты какие-то рыженькие сапожонки с голенищами и на сей раз даже с некоторыми подошвами. Это возбуждало во мне любопытство, а он сам не замедлил его удовлетворить.

— Я у тебя был, — сказал он, повидавшись. — А ты был у Некрасова?

— Нет, — говорю, — не был.

— Сходи, я ему уже сказал. Повидайтесь... он умный.

— Да на что же тебе, — спрашиваю, — ботинки? Ведь ты сам называл их «неспособными». Куда они тебе к твоему убору?

— Куда они к черту годятся! Я их на рынке скинул.

— Зачем скинул?

— Куда они годны: я вот эти выменял.

И он с спокойствием ловкого дельца показал мне свои опять едва живые сапожонки, которым на рынке красная цена тогда была полтинник.

Зачем он построил всю эту комбинацию, вместо того чтобы взять прямо семь рублей у Некрасова или надеть у меня другие, рядом стоявшие черные сапоги обыкновенного фасона, — так и не знаю.

Наверно, тут пронеслась в его голове какая-то ассоциация идей, быть может даже он имел в виду мои выгоды и хотел без убытков избавить меня от ненужной, «неспособной» вещи... Некто из знавших это писателей допускал даже такую смешную мысль, что не думал ли Павел Иванович устроить при посредстве упомянутых сапогов свидание мне с Некрасовым, с расчетом, что это, может быть, поведет нас к дальнейшему литературному сближению? Понимать деяния Якушкина иногда бывало трудно, и от наивности его можно было ожидать соображений самых невероятных.

X

Припоминается еще такой характерный случай. Приходит однажды ко мне П. И. поздно ночью и объявляет, что его звал к себе граф Строгонов и что он к нему пойдет. Мы поговорили и легли спать. Я думал, что, может быть, это правда, а может быть, и нет; а если и правда, то, наверно, еще не скоро, не вдруг последует ее осуществление. Утром П. И. встал раньше меня и отправился по своему обыкновению сам на кухню «командовать сорокушку». Сорокушка была подана и немедленно же получила вся сполна свое надлежащее употребление. При моем чае было новое повторение приема, а затем я стал собираться на остров, где тогда была какая-то художественная выставка.

— А подвези меня... это тебе по дороге, — поднялся Якушкин, — я поеду к Строгонову.

— Не лучше ли другой раз? — говорю.

— А для чего это «другой раз», когда он нынче звал меня завтракать. Который час?

Я говорю — двенадцать.

— Вот это, — отвечает, — самое время.

Поехали. Это было зимою, на санках. Но только что выехали с Караванной на Невский, как вдруг Павел Иванович закричал: «Стой» и осадил извозчика за руки.

— Что тебе? — спрашиваю.

— Надо, — говорит, — здесь подождать: я вспомнил, граф Строгонов звал меня завтракать не в первом часу, а позже.

— Где же ты будешь ждать?

— А вот в пивнице. Пойдем, пирожков поедим и досидим до времени.

День был прекрасный, погожий, и проспект был залит народом, так что у меня решительно недостало отваги исполнить настойчивое и неотступное требование Якушкина. А Павел Иванович мужественно стоял на тротуаре и, топоча как еж, сердито убеждал меня следовать за ним в пивницу. Настояние производилось в выражениях столь энергических, что надо было поспешить это кончить.

Я его обманул — сказал, что сейчас съезжу неподалеку по нужному случаю и вернусь к нему, а его оставил в обеспеченном на тот час благоустройстве.

В пивницу я к Павлу Ивановичу не возвращался, а увидал его, — не помню уже теперь наверное, — в тот же или на другой или на третий день вечером опять у себя.

— Что же, — спрашиваю, — был ты у Строгонова?

— А как же, — говорит, — был.

— Ну, и что же вышло?

— Ничего... все очень хорошо. Он поздоровался сейчас и говорит: «А вы, господин Якушкин, *уже позавтракали?»* Я говорю: «Да; немножко выпил». Он говорит: «Что же теперь делать?» А я говорю: «Еще выпить».

Подали еще завтрак и вино, но что там далее произошло, Якушкин в последовательном порядке не рассказывал. Вообще же Павел Ив⟨анович⟩ графа Строгонова (покойного) очень одобрял и хвалил, но проку-то из всего их многозначительного свидания никакого не вышло, и можно быть уверенным, что причиною этого случая был не граф. Граф, сколько я могу судить по некоторым верным слухам, имел самые серьезные намерения пособить Якушкину в средствах для его исследований. Покойный граф любил русское искусство и умел основательно помогать русским искусникам (я знаю это на живом примере одного молодого человека, которого я провел к Строгонову через С. Е. К.); но наш Павел Иванович был такой несуютный человек, что с ним дело не клеилось. Не было в нем решительно никакой деловитости, и мог он всякую какую угодно выгодную и серьезную комбинацию обратить в самые сущие пустяки.

XI

В философском или учительном роде я помню такой случай. Приехал ко мне в Петербург брат мой, доктор, и имел при себе для услуг нашего бывшего крепостного человека, орловского крестьянина Матвея Михайлова Зайцева, который был некогда у меня кучером и ходил по-кучерски, в кумачной рубашке и в поддевке. В Петербурге он нам прислуживал за лакея и в этом виде предстал Павлу Ивановичу, который сразу его облюбовал и закатил ему в наше отсутствие такое «поощрение», что тот, желая отпереть нам двери, мог только ползать по полу на четвереньках, а потом заболел и начал Павла Ивановича бояться.

Раз зашел у нас вечером спор по поводу тогдашнего вопроса о народничестве, к которому мы нынче опять съехали. Павел Иванович во время наших споров не раз уходил к Матвею за перегородку в передней, и после нескольких таких заходов вдруг вывел оттуда бедного парня за руку, поставил его посреди нас, обнял его перед всею компаниею, расцеловал и объявил:

— Все, что вы толкуете, есть глупости; а хотите иметь смысл, так вот у него учитесь!

И при этом он торжественно указал на Матвея и опять поцеловал его. Чему было учиться у Матвея, мы не поняли.

Мой бедный Матвей запил и удавился в Киеве, никому не разъяснив того народного смысла, который в нем провидел своим оком П. И. Якушкин.

XII

Увезли Павла Ивановича из Петербурга в ссылку в Орел, а потом в Астрахань без меня. Я тогда жил за границею, во Франции. Трогательную историю его удаления лучше всех знает уважаемый Сергей Васильевич Максимов. Ее нельзя слушать без душевных мук и глубочайшей горечи. Эту олицетворенную простоту, этого ребенка, требовавшего няньки, везли с жандармом, а на чужбине над ним судьба строила иную забавную шутку. В Париже, в Пале-Рояле, в это самое время продавали его фотографические карточки (копии с фотографии Бе-

рестова и Щетинина), под которыми по-французски было написано *«Pougatscheff»*.

Это те самые карточки, на которых Павел Иванович представлен сидящим на балюстраде, в очках и с подогнутыми под себя ногами. Вихры его там изображены во всем их неподражаемом великолепии, точно как будто Павел Иванович в самом деле окончательно решился «убить господина директора».

Я убеждал одного из палерояльских торговцев, что изображенное лицо совсем не Пугачев, а современный русский писатель Якушкин, но француз мне не поверил и сказал, что он это лучше знает. Под обозначением «Пугачев» фотографии Якушкина, разумеется, шли бойче.

Я привез в Россию и раздарил здесь несколько таких карточек с обозначением «Pougatscheff».

XIII

Личное мое мнение о покойном Павле Ивановиче такое, что это был человек в своем роде талантливый и очень добрый. Доброта у него преобладала над умом и выходила не из сознания превосходства добра над злом, а прямо безотчетно истекала из его натуры. Это была доброта органическая и потому, стало быть, самая прочная и надежная. Изменить ей Якушкин никогда бы не мог, потому что для него это значило перестать быть самим собою. Но добра он делать не умел, — потому что никогда в этом не упражнялся, да и вникать прилежно в дела не имел ни времени, ни способности. Он мог только отдать нуждающемуся все, что у него было, но у него у самого чаще всего ничего не было. Доброта его была чисто пассивная, выражавшаяся всего более в высочайшей и, может быть, наисовершеннейшей форме самого прекрасного и пленительного — трогательного незлобия. Он не только мог прощать *все, — решительно все,* но он даже не мог не простить чего бы то ни было. Врагов у него буквально не было, а понятия его об обидах были удивительные.

Раз он рассказывал мне, как к нему где-то за Невскою заставою «придрались» какие-то «фабричные ребята» и его «потолкали».

Сомнительно им показалось: мужик, а в очках ходит?!

— Думали, не подослан ли с каким намерением, — сказывал Якушкин.

— Но как же у вас до толканья-то дошло?

— Так... кто ты да что ты, — ты-ста, да вы-ста ёры с подвохами ходите, да и давай толкаться.

Отнял его от обидчиков городовой. Я спросил: не имело ли это каких дальнейших последствий?

— Нет, — говорит, — всё миром кончили: городовой нас всех хотел в часть весть, а я замирил.

— Кого же ты замирил?

— Всех.

— Да кого же всех? Там ведь никого кроме тебя и не толкали.

— Конечно... Неужели же я стану толкать? Да ведь и они это сдуру... такая фантазия им пришла, что говорят: «Мужик, а очки зачем носишь? мужики не носят», и давай толкаться... Совсем не по злости... Это понимать надо! Я и городовому сказал: «Это надо понимать», — все на мировую и выпили.

— И городовой?

— Разумеется. Все. Что еще спросил: как же без городового?.. Всех, брат, понимать надо.

Но у него были порывы смелого и самоотверженного великодушия, в пример которого можно привести его находчивую выходку с букетом, брошенным к позорному столбу Н. Г. Чернышевского.

Якушкин спас девушку, бросившую этот букет.

XIV

Об уме Якушкина, мне кажется, судить довольно трудно. Одно можно сказать, что ум у него был склада оригинального, с чисто мужичьим созерцанием, но в хорошие мужики Якушкин тоже не годился бы. Родись Павел Иванович не в дворянском доме, а в мужичьей избе, он никогда не сделался бы ни домовитым, ни уважаемым хозяином и не дал бы семье никакого распорядка.

Резкий, но меткий в своих определениях Алексей Феофилактович Писемский, говоря однажды о том, чем

бы мог быть Якушкин в настоящей крестьянской среде, выразился так:

— Был бы он у них, что называется, забулдыжка, которому никто бы не дал взаймы ни косы покосить, ни сохи пропахать (потому что он их испортит и опять не наладит); но в кабаке все бы его слушали и приглашали бы его посидеть на завалине, на свадьбу чарку бы подносили, чтобы балагурил. А если бы пришло какое-нибудь дело *насчет земель* и надо бы миром на выгоне стать, то забулдыжку бы впереди всех поставили, — чистым полотенечком его занавесили бы, а на грудь в белы ручки образок дали бы. И он бы так стоял с образком, как святой. А если бы стрелять в них стали, то он так бы первый и копырнулся, обливаясь кровью от первого же выстрела. А велел бы ему мир на колени пасть, — он бы и на колени пал. Такое его определение: ни в чем от мира не прочь и на мир не челобитчик.

Это, может быть, верно.

Беседы с Якушкиным, когда он находился «в плепорции», были часто очень интересны, он знал много любопытных вещей из народного быта и хорошо рассказывал. Судил он всегда очень честно, но иногда не толково, а в поступках других людей часто был лишен способности различать между добром и злом и ни в каких мало-мальски сложных делах для совета вовсе не годился.

Обращался он с своим умом так же, как и с своим здоровьем или как с своей репутациею, то есть варварски *беспощадно;* но добрые и умные люди при всем этом Якушкина не только *любили,* но даже что-то такое в нем и уважали.

Уважали в Якушкине, я думаю, наверно его святое, всепобеждающее *незлобие,* которому нельзя было указать ни границ, ни подходящего примера. Он в этом превосходил все и всех.

Если за это пленительное свойство души смертному может быть присуждена святость в другом мире, то покойный Павел Якушкин имеет на нее все права и даже со всеми особенными преимуществами.

Незлобие его поистине было — незлобие праведника.

XV

Как он жил в ссылке в Орле? — это немножко известно: он скучал и томился, ему хотелось идти, бродить и записывать. В Орле у него были друзья, но немного. Занимательность, которую он представлял собою для людей сердечных и мыслящих, не имела никакого значения для простых «дворянских чистоплюев», которые скоро стали указывать на неряшливый костюм Якушкина и на беспорядочность его безалабернейшей жизни. «В отечестве своем» Павлуше было худо, и он сам «упросился» в места более отдаленные... Прошение его об этом составляет верх курьеза и трогательности: просил он выслать его, *чтобы мать не видала, как он болтается без дела...*

Его послали в Астрахань, а потом всё как-то переводили.

Как могло жить под надзором полиции это доброе, доверчивое и наивное дитя, нуждавшееся в нежном надзоре няньки, — это трудно, да и мучительно себе представить. И из этой последней поры его жизни, кажется, в литературной семье нет до сих пор никаких сведений. Одно только знали, что князь Александр Аркадьевич Суворов, при котором Якушкин был выслан из Петербурга, при отправлении его *«обошелся с ним презрительно»*. С Якушкиным его светлость оставил даже те границы, до каких доходил в Риге, ругаясь «потливости русских рабочих» и сравнивая отцов их с «кобелями».

Не в его вкусе была русская порода людей!

Прощальный разговор Якушкина с князем Суворовым подробно неизвестен, но кто знает натуру Павла Ивановича, тот может смело поручиться, что Якушкин наверно вел себя не унизительно. Да, и в этом невыгодном положении, в котором он предстоял Суворову, он непременно держал себя с достоинством, которое считал ни во что с «своим братом», но мастерски и с редким в русских людях тактом умел сохранять «перед особами».

Одна уже эта способность чистой, младенческой души Якушкина, мне кажется, обязывает думать, что ему было свойственно настоящее, прямое благородство.

Павел Иванович хотя был смирен и незлобив до крайности, но не боялся ни сумы, ни тюрьмы и, как «сельский лирник» Сырокомли, «не гнул головы ни перед кем». Мужик, по недоразумению, мог его потолкать, но на светлейшего Суворова он, пожалуй, мог и сам вытаращиться и даже прикрикнуть...

Семь бед — один ответ.

Из всех прозвищ, какие люди давали Якушкину, более всех идет ему название, какое дано покойнику дружбою Сергея Васильевича Максимова, — это название *«божий человечек»*.

XVI

Но поелику в наше время самый краткий очерк какого бы то ни было лица не может быть заключен без определения «политических» и «социальных» отношений описываемого деятеля, — то скажу нечто и об этом.

Политика Якушкина занимала очень мало, или, точнее сказать, — она его совсем не занимала. Смена и назначение новых должностных лиц в России его не радовали и не печалили: он махал рукой и говорил: это «все едино»... Формы правления для него были все безразличны — «как народ похочет, так и уставится», но он ничего за народ не предрешал и не возвещал от себя в лице «всечеловека». «Как народ похотел, — так и добро». Народ это собственно или преимущественно были «мужики». Аксаков не годился — «он у немцев учился». Но Якушкин за народ никогда не лгал, как есть то в обычае у прочих. Он не выдумывал от лица простолюдинов таких нелепых, тенденциозных и никогда в народе не обращавшихся слов, как, например, «господчина» (в смысле представительства). Политического насильственного революционизма в Якушкине не было нимало, — «потому что — *не для чего:* миром разберемся». Но над тем, что было смешного или нелепого в делах правящих лиц, он, как все, любил посмеяться, и порою делал это метко и остроумно. Одна из таких застольных выходок ему и причлась в вину.

Социальные симпатии Якушкина были все на стороне рабочих людей — особенно батраков, фабричных и во-

обще всей подобной «голытьбы», которую, по его словам, «хозяева заморить готовы и могут заморить, если те сами в свой разум не придут и не узнают, как они нужны». Идеал у него был какая-то всеобщая артель, идеал большой, смутный и, сколько я смею судить, — самому ему непонятный. Если в речах Якушкина с простолюдинами было что-нибудь горяченькое и удобное для возведения в перл создания, то это, вероятно, были разговоры в этом же артельном духе: «что вы, дескать, не понимаете, что купец один, а вас — во сколько! *Вы* купцу нужнее, чем он вам. Ему без вас ни чихнуть, ни головой метнуть». Затем, если его приглашали на пирог к тому же купцу, то он и туда шел и тому что-нибудь толковал.

«Шабаршит что-то», — говорили о нем фабричные и опять становились за свое дело, «чтобы штрафу не вычли».

А пока те работали, Павел Иванович опять «поощрялся» на дальнейшие столь же невинные подвиги, которые, кажется, никого даже и в шутку не пугали. Над социализмом, как его понимают полуневежды и пристава, Якушкин смеялся и считал этого рода социализм «глупостью», хотя, впрочем, прибавлял:

— А по мне — все одно, — делитесь: у меня одни штаны, с меня снять нечего — сверкать будет.

Вообразить себе общественный вред, который бы мог сделать Якушкин, — я решительно не могу, и мне не совсем ясно представляется, как и почему его *убрали* из Петербурга.

XVII

Если бы Якушкин не умер до сего времени, то ему теперь, я думаю, было бы лет под шестьдесят. Перемен в образе мыслей, каким в последнее время подверглись многие из прежних постепеновцев и нетерпеливцев, с Якушкиным быть не могло. Он был величественно нелеп для того, чтобы применяться ко времени и обстоятельствам. Одно могло его удивить, что те самые его народнические принципы, за которые его осмеивали «чистые литераторы» *белой кости,* — теперь приняли они же сами, и притом с таким рабским подражанием Якушкину,

что прямо посылают воспитанных людей «учиться у мужиков». Резоны Якушкина, значит, свое взяли...

Довольно трудно сказать, в какой бы теперь компании очутился Якушкин? Судьба сдвинула с места светоч его жизни ранее, чем настало время для таких смятений, и тем избавила его от выбора, который, кажется, несколько затруднял Достоевского. Якушкин, впрочем, был так непосредствен и так искренен, что он бы, наверно, выбрался из этих противоестественных подборов иначе.

Изложив все, что казалось возможным передать о Якушкине, надо сказать нечто и о тех, кому он прискучил до того, что они как будто содействовали или хотя радовались его подневольному удалению в «места». Нет спора, что такие люди были и в Петербурге и в маленьком дворянском Орле, где Павел Иванович очень часто попадался всем на глаза на главных бойких пунктах этого городка. У Иордана в гостинице — он, в саду у буфета — он, в книжном магазине у орлицкого моста — он, и все стоит да знакомым рукой машет... а сам в рубахе, — одна штанина навыпуск, другая в сапог... Многие этим скандализовались и давно были того мнения, что его бы «не худо прибрать», а он и не замечал, что вышел из моды и в простодушии своем все мотался по городу и «шабаршил», заходя в трактиры и буфеты. Сносное в большом Петербурге, чудачество это просто опротивело в маленьком Орле, где мне довелось слышать о нем такие доводы:

— Ну уж видели мы его... Чего же еще? Довольно.

После этого распоряжение об удалении Павла Ивановича здесь многим показалось даже очень сообразною мерою.

Якушкин несомненно не был вреден, но столь же несомненно не были вредны Сократ и Антисфен, с которыми ставить на одну ногу нашего «божьего человечка» даже неловко. Но не позабудем, что даже «Сократ нашего воображения очень непохож на Сократа современных ему Афин. Нам он кажется трансцендентальным гением, а для Афин своего времени он был *праздношатающийся* — с странною и даже отвратительною сатироподобною наружностию, шарлатан, который терял время в разговорах и выводил из терпения добрую хозяйку Ксантиппу,

приглашая к себе гостей, когда их нечем было потчевать» (Дрепер). Современники мудреца видели досадительные неудобства в сожительстве с таким человеком и решились его сбыть с рук, и сбыли...

Если же такое отношение извиняется беспристрастным ученым для современников Сократа, то кольми паче надо простить и извинить суровость, проявленную к Якушкину, который тоже многим не нравился, надокучал своим не всегда толковым лепетом и вообще казался «непереносным» в «обществе». Павел Якушкин сам был в этом не беспричинен.

Пренебрегать приличиями и внешнею добропорядочностию в наш век не удобнее, чем в век Антисфена и Диогена.

Всегда найдется довольно людей, которые считают долгом вступаться за то, что отжило свой век, что само собою падает и рассыпается. Осторожность была чужда Якушкину так же, как и умеренность.

ОТКУДА ПОШЛА ГЛАГОЛЕМАЯ «ЕРУНДА», ИЛИ «ХИРУНДА»

ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Honny soit qui mal y pense.[1]

Академическая газета в августе месяце 1884 года узнала, что слово «нигилист» изречено впервые не покойным Тургеневым, а что оно еще ранее встречалось в творениях св⟨ятых⟩ отец, у блаж⟨енного⟩ Августина.

Для исторической полноты этой ученой справки академической газете, может быть, следовало бы прибавить, что приведенное открытие в русской печати уже было сделано лет десять тому назад и что честь этого открытия принадлежит покойному сотруднику «Церковно-общественного вестника» Ивану Даниловичу Павловскому, которого не следует спешить забывать, потому что им сделано в литературе много очень ценных и прекрасных замечаний, особенно в области так называемых «исторических курьезов». Впрочем, академическая газета могла этого не знать или не считать за достойное своего внимания.

Но ввиду того, что наши многозначительные издания до сих пор еще считают своевременным и небезынтересным производить изыскания о столь древлепечатном слове, как «nihilist», — может быть, позволительно будет сообщить нечто, в самом деле новое о некоей вещи, как бы связанной с представлением о нигилизме.

Я решаюсь думать, что есть люди, которым будет любопытно, а может быть, и полезно, узнать нечто, пролить

[1] Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает *(франц.)*.

истинный свет на происхождение слова «ерунда», — слова, которое не только современно тургеневской реставрации слова «нигилист», но которое и само по себе почитается у нас за признак «нигилистической одержимости».

Это странное и действительно очень противно звучащее слово в самой вещи сделалось известным русскому обществу в разгар нигилистических проявлений и вообще ставилось и до сих пор ставится на счет нигилистам, как будто они изобретатели или творцы этого слова.

В сочинении «ерунды» нигилистами почти все уверены, но это, кажется, — совершенно несправедливо. Творцами упоминаемого неприятного, но, к сожалению, вошедшего в сильное и почти повсеместное употребление слова «ерунда» были не нигилисты, а совсем иные люди. — *не* нигилистического культа.

Главную ошибку в этом случае сделали наши эстетики и пуристы русского языка, которым упоминаемое неприятное и вовсе ненужное слово было противно. Они стали доискиваться, откуда могла взяться эта «ерунда», и долго ничего не могли узнать; но когда началась ожесточенная борьба из-за вопроса о классицизме, кого-то осенило вдохновение, и тогда было возвещено в печати, что «гадостное слово *ерунда*» сделано нигилистами из латинского слова gerundium, дабы таким образом посмеваться классицизму и унижать его в глазах невежд.

Указанное филологическое открытие, представленное в ученом освещении, показалось большинству людей совершенно достоверным, и с той поры непосредственное, хотя и незаконное происхождение «ерунды» от латинских герундиев утвердилось на прочных научных основаниях, с которых, однако, его, кажется, можно сбросить.

Для этого я позволю себе рассказать, что́ я об этом слышал, может быть не от очень ученого, но от умного и наблюдательного человека, мнения которого мне кажутся дельными.

Ехал я однажды домой из Москвы в Петербург. Место мое было в спальном вагоне второго класса. Спутников у меня было полное число по количеству мест в отделении, и были они разного сана и разных лет.

Занимались мы каждый по своему влечению, тем, что кому нравилось. Я, например, читал, а два штатские господина с значительными физиономиями вели громкие разговоры об упадке нравов и вкусов в России и по временам друг на друга покрикивали:

— А кто виноват?

Кроме нас троих, были еще иные три человека, которые не обременяли себя ни литературою, ни политикою, а «благую часть избрали», то есть сидели за раскладным столиком и «винтили».

Это были: военный генерал с недовольным лицом и запасными поперечными перемычками на погонах, пожилой московский протоиерей в зеленом триковом подряснике с малиновыми бархатными обшлагами и немецкий колбасник в куцом пиджаке, со множеством дорогих колец на толстых пальцах и с большою сердоликовою печатью на раскинутой по груди толстой панцирной часовой цепи.

Это был человек, известный всем истинным любителям и ценителям лучших ветчинных «деликатесов» в Москве и в Петербурге, где он начал свою блестящую колбасную карьеру и распространил ее далеко во все концы империи.

Эти три пассажира «винтили» безумолчно, а штатские ученого вида, перебрав множество любопытных вопросов, добрались до нигилизма и потом до сей глаголемой «ерунды». Тут один из них вскрикнул: «кто виноват!» и начал излагать историю, как появилось это «гадкое и неблагозвучное слово».

Объяснение говорившего было самое ортодоксально-научное, то есть он повторил, что «ерунда» произведена нигилистами из латинского слова «gerundium», и произведена с коварным умыслом, дабы таким образом посмеваться классицизму и вредить ему в общественном мнении.

Я слушал это давно знакомое мне объяснение, что называется, «краем уха» и, признаться, до той поры сам считал его правильным (я даже вложил это в уста протопопа Савелия Туберозова в хронике «Соборяне»); тут я был неожиданно поколеблен в своей уверенности.

Немецкий колбасник, неожиданно прислушавшись к рассуждению о «gerundium» и о «ерунде», повернулся

полуоборотом к разговаривающим просвещенным людям и с неприятною резкостию сытого буржуа вдруг оторвал:

— *Это неправда!*

Штатские переглянулись и замолчали. Им, очевидно, не нравилась прямо колбасницкая грубость, с которою было сделано это замечание. Да и в самом деле, оно казалось по меньшей мере непочтительно — хотя бы по отношению к твердо установившемуся ученому, авторитетному мнению.

А тот себе сказал «неправда» и опять уже шлепает толстой рукою карты генерала и ходит швырком под батюшку, — и заботы ему нет, что сделал грубость.

Но колбасник был груб только по манерам, а на самом деле он оказался приятным и даже интересным человеком. Когда поезд стал приближаться к станции, на которой следовало обедать, он крикнул «halt» и, сложив свои карты, заметил партнерам, что перед принятием пищи никогда не следует обременять свою голову деловыми занятиями. Это нездорово для желудка, а надо дать всем высшим способностям краткий отдых, для чего лучше всего заняться какими-нибудь веселыми пустяками.

И вот тут-то он опять обратился между делом к серьезным людям, говорившим о «ерунде», и сказал им следующие слова, которые я желал бы довести до сведения тех ученых, которые открыли, что *ерунда* произведена из латинского gerundium.

— Вот что вы давеча разговаривали здесь о ерунде, — начал немец, — будто как бы это слово произведено от латинского языка, из слова «gerundium», то это есть самая пустая ложь...

Обоих значительных штатских это перестало сердить и даже как бы начало смешить. Они, очевидно, ожидали, что немец готов сказать большую глупость, а немец продолжал.

— Да; я вас уверяю, что кто это так с самого начала выдумал и кто такую глупость про *ерунду* выпускал, тот есть, можно сказать, самый превеликий дурак и осел, который своими ушами хлоп-хлоп гулять может.

Отцу протопопу, генералу и мне становилось неизвестно отчего-то очень весело, точно как будто мы имели

в наших душах какое-то затаенное недоброжелательство к значительным штатским и предчувствовали, что немец их обработает на манер какого-нибудь из своих деликатесов. Единство мыслей наших обнаруживали наши взоры, в которых немец мог бы прочитать для себя поощрение или по крайней мере желание доброго успеха. А он чистой питерской простонародною речью с московским распевом продолжал свое рассуждение:

— Да, я очень бы хотел видеть того, кто это выдумал, и хотел бы его поздравить, что он есть самый чистый дурак восемьдесят четвертой пробы.

— Да, да, да! — продолжал он, приосаниваясь так, что стал походить с виду на директора гимназии. — Я самый простой производитель, я произвожу торговлю своим деликатесом, и потому моя торговля, можно сказать, не имеет ничего касающегося к науке; но если это о герундии сказал ученый, то черт меня побери, чтобы я принял его с такою наукою к себе самые простые колбасы делать.

Рассказчик подавил себя в мягкую, как подушки, грудь мягкою же, как подушка, рукою и заговорил далее много возвышенным голосом и с воодушевлением:

— До этого, что я делаю свинские деликатесы, ученым нет никакого дела, — это мое мастерство, и я кушаю мой хлеб и пью мою кружку пива или мою бутылку шампаниер, — до этого никому нет надобности, и я никакого черта не спрашиваюсь. Но я знаю тоже, что есть и gerundium! Да-с; я учился в Peter-Schule у доктора Кирхнер, при старой хорошей Дитман и при инспекторе Вейерт, и добрый старичок Вейерт даже меня очень авантажно сек за то, что я вздумал было вместо школы ходить шальберт по улицам, и я перестал шальберт и стал учить и супинум и герундиум. Но самая важность, если кто понимает, что значит учиться в жизнь! Это надо с рабочими людьми!.. И оттого я опытный, и я знаю *и по-латыни и по ерунде!*

Мы все выражали на наших лицах недоумение: что это такое значит «знать *по ерунде*», а отец протопоп даже не выдержал и предложил:

— Любопытно, но невразумительно: нельзя ли пояснить яснее.

Деликатес рассмеялся, коротко и радушно пожал отца протопопа за коленку и сказал:

— Извольте — поясню: *ерунда* идет от нас — *от колбасников.*

И затем он сделал нам нижеследующее фактическое сообщение, которое я для краткости передам вниманию ученых в сжатой и простейшей форме (что и более соответствует серьезности предмета).

Когда немецкий простолюдин, работник, в разговоре с другим человеком одного с ним круга хочет кратко высказаться о каком-нибудь предмете так, чтобы представить его малозначительность, несамостоятельность или совершенное ничтожество, которое можно кинуть туда и сюда, — то он коротко говорит:

— Hier und da. [1]

Между работниками из немцев в Петербурге это краткое и энергически определенное выражение в очень сильном ходу. Особенно часто его случается употреблять в колбасном производстве при сортировке мяса. Одно назначают к составлению «деликатесов», другое к выделке низших сортов, а затем еще образуется из отброса такой материал, который один, сам по себе, никуда не годится и ничего не стоит, но может быть прибавлен туда и сюда — «hier und da».

Работники-немцы в Петербурге зачастую работают рука об руку с мастеровыми русского происхождения, — и еще более они сближаются в «биргалах», за кружками, причем у подпивших немцев «hier und da» сыплется еще чаще, чем за работою в колбасных и чем в обыкновенном, трезвом разговоре.

Русский собеседник или собутыльник вслушивается в эту фразу, незаметно привыкает к ней и, будучи от природы большим подражателем, — сам начинает болтать то же самое, но, конечно, немножко приспособляя немецкое произведение к своему фасону. Отсюда простолюдин, непосредственно занявший часто упоминаемое здесь слово у немцев, о сю пору выговаривает его *«хирунда»,* а люди образованные, до которых слово это

[1] Сюда и туда *(нем.)*.

дошло уже передачею через полпивную — облагородили его по своему вкусу и стали произносить «ерунда». В этом виде оно принято и, к сожалению, усвоено кое-где в русской печати. Немецкая же печать, которой слово «ерунда» по этому производству должно бы быть ближе, — примером русским не увлеклась и ему не последовала.

Вот история этого словопроизводства, как ее раскрыл и за достоверное передал нам наш русский соотечественник немецкого происхождения.

Мне этот рассказ практического и наблюдательного человека показался и интересным и очень вероподобным, и я при удобных случаях не раз пробовал его проверять. В результатах почти всегда получалось, что рассказанное колбасником о происхождении слова «ерунда» от немецкой поговорки: «hier und da» должно быть верно. В этом, во-первых, утверждает мнение многих русских немцев, которые знают быт русского и немецкого мастера и подмастерья в Петербурге, а во-вторых, и те изменения, которые претерпевает само названное слово.

Замечательно, что в низших классах петербургского обывательства люди до сих пор произносят это слово неповрежденно, как произносят благородные, а во всей его изначальной чистоте, — «яко же прияша», то есть они говорят не «ерунда», а «хирунда». Таковы же у них и наглагольные формы этого слова: «что хирундишь», «не хирунди». В русской печати наглагольные формы этого корня впервые стал употреблять музыкальный критик К. П. Вильбоа, но звук «хи» им был откинут, а новый глагол в его начертании написан «ерундить». Критику Вильбоа смело последовал М. М. Стопановский, а потом и другие. Помнится, как будто где-то не уберег себя от этого увлечения даже А. А. Григорьев, чего от него можно было не ожидать, так как Григорьев был хороший знаток русского языка и имел образованный литературный вкус.

Впрочем, многие тогда приспособлялись приручить это слово на разные лады, и некоторые иногда достигали хороших успехов. Так, например, вскоре же начальнику какого-то женского учебного заведения назвали печатно «ерундихой», а Льва Камбека — «ерундистом». И то и

другое очень понравилось. Приехал сочинитель оригинальной музыки г. Лазарев и дал концерт, а потом В. В. Толбин возвел этого hier und da в сан *«ерундиссимуса* короля абиссинского». Слово вытягивалось на соразличные фасоны, и бумага терпела, но и здесь, как и везде, вероятно многое зависело от счастья. Ст. Ст. Громека хотел вывести слово «ерундение», то есть занятие ерундою. И намерение его было самое доброе, чтобы застыдить «ерундистов», но редактор «Отечеств⟨енных⟩ записок» Ст. С. Дудышкин никак не решался пропустить в своем журнале такое слово и все его вычеркивал. Громеке это стоило крови. Иногда он брал Дудышкина круто и сильно его убеждал, что как от игры на гудке может быть *«гудение»,* так от игры на ерунде производится *«ерундение»*. Дудышкин соглашался и обещал пропустить в печать «ерундение», но когда дело доходило до последней корректуры, смелость его покидала, и он всегда, где только было слово «ерундение», вытравлял его... А между тем, надеюсь, еще всякому понятно, что «бурно-пламенный Громека» ни в одной поре своей деятельности нигилистом не был, но ему просто из благонамеренности хотелось пропустить в свет «ерундение». Не удалось это, — он пошел в чиновники и скончался губернатором, с прозвищем «Степан-Креститель».[1]

Сохранение «ерундящими» простолюдинами в их произношении звука «хир» есть, без сомнения, немецкое «hier», и это в данном маленьком вопросе, мне кажется, составляет признак того «последовательного закона» в изменениях и перерождениях всякого рода, о котором говорит Геккель.

---

[1] Часто остроумный, но еще чаще злой и насмешливый поэт Н. Ф. Щербина говорил, что Громека, подобно Мурильо, «писал в трех манерах». Известно, что есть картины Мурильо в серебристом, в голубом и в коричневом тонах. Первые писания Громеки против административного своеволия («Русск⟨ий⟩ вестник» М. Н. Каткова) шутливый поэт приравнивал к первой манере, то есть к серебристой; вторая, «голубоватая», началась в «Отечественных записках», когда Громека рассердился на непочтительность либералов и, по приведенной гр. Л. Н. Толстым хорошей поговорке, «рассердясь на блох, и кожух в печь бросил». В третьей же манере, которая должна соответствовать мурильевской коричневой, написаны сочинения, до сих пор недоступные критике. Это литература самого позднейшего периода, который относится к «крестительству». *(Прим. автора.)*

Если же все это так, то очевидно, что нигилисты тургеневского крещения не имеют никакого права на то, чтобы наука им приписывала обогащение русского языка новым, очень незавидным словом. А равно следует, кажется, признать и то, что тут совсем нет ни латинского корня, ни сознательного намерения профанировать классицизм, а вернее, что все это есть не более как сильное влияние полунемецкой петербургской полпивной на малообразованное российское общество и на ту часть русской литературы, которая во время óно к полпивной прислушивалась, полагая, что тут-то и сидит самая русская народность.

Словом, «ерунда», или «хирунда», пробралась в простонародную речь так же точно, как «карнолин», «спеньжак», «блиманжет» и многие другие чужеземные слова, нашим городским простонародьем занятые у иностранцев и испорченные на свой лад. А в класс людей образованных и отчасти в литературу оно перешло по неуместной подражательности, по любви к простонародности и, может быть, отчасти по безвкусию.

Эстетики и пуристы языка, конечно, имели очень достаточное основание негодовать, что в наш богатый и благозвучный язык насильно втиснуто слово «ерунда», имеющее совершенно тождественное значение с тем, что до тех пор полно, ясно и для всех совершенно понятно выражало русское слово *чепуха,* но едва ли не сами же эстетики много помогли удивительному распространению этого пустого слова в обществе и особенно в литературных низах, считавших своим призванием враждовать с эстетикою и с классицизмом. Эстетики сделали вредную ошибку, уверяя себя и других, что «сочинение» этого слова принадлежит «нигилистам» и имеет втайне протестующее значение — в смысле профанации классической филологии. При господствовавшем в то время общественном настроении всем недоброжелателям классицизма это даже нравилось и никак не могло остановить, да и не остановило, распространения нежеланного слова. Напротив, с тех пор, как это связали с нигилизмом, «ерунда» только чаще засверкала как в разговорном языке, так и в языке литературном. Между тем, кажется, более простое, но, может быть, более вероятное разъяснение происхождения этого слова от жаргона немецкой

полпивной, пожалуй, скорее могло бы удержать подражателей и тем принесть желательную пользу благоразумному старанию желавших охранять чистоту русского языка от жаргонной прививки. Но, к сожалению, в то время, как и после, люди, имевшие очень похвальные цели, не всегда руководились в своих действиях благоразумием, а наипаче часто увлекались мнительностию и страстностию, и «тако сами на хребтах своих множицею поработаша».

Затем, конечно, остается неуследимым: кто же именно *первый* занес это слово в литературные кружки шестидесятых годов? Теперь с достоверностью отвечать на этот вопрос совершенно невозможно. Но Ал. Ф. Писемский, которому его художественное чутье сразу подсказывало, что слово «ерунда» имеет не претензионно-партийное, а простое, низменное, уличное происхождение, — с серьезным видом уверял, будто он *«сам видел,* как Павел Якушкин *принес* ерунду у себя за голенищем из надлежащего места в редакцию В. С. К⟨урочки⟩на, откуда она и разлилась малиновым звоном под облака».

Сколько в этой шутке есть справедливого, — я не знаю и судить об этом не берусь; но если это было так, как намекал Писемский, то вдвойне смешно, что такое вполне *нерусское* слово привил русскому литературному языку такой безупречный блюститель чистейшего руссицизма, как Павел Иванович Якушкин.

ЛУЧШИЙ БОГОМОЛЕЦ

(КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ ПО ПРОЛОГУ
С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ПОСЛЕСЛОВИЕМ
О «ТЕНДЕНЦИЯХ» ГР. Л. ТОЛСТОГО)

Целый век трудиться —
Нищим умереть, —
Вот где надобно учиться
Верить и терпеть.

I

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Четыре периодические издания, выходящие в Москве, почти единовременно сделали попытки остепенить нападки на графа Льва Николаевича Толстого за вредное направление, замечаемое в его простонародных рассказах. Защитники графа отмечают в направлении гр. Толстого благородство, чистосердечие и вообще тон, способный возвышать настроение читателя, а такое направление, конечно, не вредно, но полезно. Потому литературные защитники графа укоряют его нападчиков за их придирчивость, пристрастие и за их бранчивый и противный тон, подходящий к известному тону «слова и дела». Особенного отпора в этом роде удостоился некто г. Воздвиженский, о литературном и каком бы то ни было ином значении которого мне ничего не известно. Известно лишь одно, что этот господин обличал где-то графа Льва Н. в дурном направлении, выражающемся в том, что, по его рассказам, если человек захочет, то может спасти себя сам, «помимо пастырей».

Судя по статье одной из московских газет («Газета Гатцука», № 16), поводом к нападкам с этой стороны

послужил по преимуществу рассказ «Три старца», где один архиерей увидал, что три старца, совсем не знавшие ни одной молитвы, заслужили себе, однако, благодатный дар святости и чудотворений.

Защитники графа силятся доказать его изобличителям, что наш художник своими народными рассказами не делает ничего дурного, а делает хорошее, ибо-де «и добрый самарянин менее ближе к царству небесному, чем какой-нибудь левит той же притчи». При сем, однако, защитники графа легко уступают его порицателям то, что гр. Л. Н. будто не имеет основательных познаний в богословии.

Во имя справедливости совесть и знание понуждают протестовать против этого неосновательного и ровно ничем не доказанного мнения. Наоборот, все последние писания графа, и особенно его вступление к пересказу евангельской истории, основательно и доказательно убеждают, что граф Л. Н. *знает богословские науки.* Если кому-либо это нужно доказать, то и это не может представить никакого затруднения.

Если же граф Л. Н. не принимает того или другого вывода богословской науки, то это не значит, что он «не знает» этой науки, а значит только то, что он *не согласен с известными выводами.* Более ничего, и это очень просто и очень ясно. Но кто позволяет себе говорить, что граф будто и не знает христианского богословия даже настолько, насколько требуется этого знания от ставленника в попы, тот лишен всякого критического проникновения и напрасно уступает почву из-под ног своих.

Граф Лев Толстой хорошо знает все то, что в наших специальных курсах называется богословием. И он, очевидно, знает еще *гораздо больше этого.*

Еще хуже поступают защитники графа, отстаивая его рассказы только с той стороны, что их можно стерпеть, ибо они поучают деятельной нравственности. Это нападчикам графа все равно. Напрасно им говорят, что хотя рассказы графа и имеют в своем направлении нечто не совсем удобное, но, однако, это еще можно стерпеть

ради возвышенных нравственных целей тех рассказов. Им это совсем ни к чему. Для чего терпеть? За красноречие, что ли?

Нет, им надо показать и доказать, что направление рассказов графа Л. Толстого не только совсем не вредно и что оно даже одобрительно и совершенно законно. И это показать и доказать можно без всяких затруднений, если только сделать это как следует. А чтобы сделать это основательно и в порядке, только надо иметь знакомство с тою отраслью церковной литературы, откуда граф Лев Н. Толстой черпает большинство мотивов для своих народных рассказов.

Откуда берет граф Л. Н. Т. сюжеты для своих народных рассказов?

Тотчас по выходе рассказа «Чем люди живы» я имел смелость указать, что рассказ этот взят из «Народных легенд Афанасьева» — именно, из легенды о том, «как родила баба двойни». Потом в дальнейших рассказах мне почуялись старые Пролога.

Г-н член главного правления по делам печати, Гр. П. Данилевский, посетив графа Л. Н—ча в его тульском имении, поместил в «Историческом вестнике» описание, что́ он видел в рабочем кабинете графа.

Между прочим, г. Данилевский видел там *Пролога.*

Какие?

Есть Прологи новые, значительно сокращенные, — эти употребляются в господствующей церкви; и есть Прологи старые, более пространные, — эти печатаются о сию пору в Москве, в типографии тамошнего единоверческого монастыря, для единоверцев. Единоверческие Прологи состоят из четырех томов в лист; они продаются везде открыто, стоят 36 рублей и не разнятся в содержании ничем от старых, патриарших Прологов.

Г. П. Данилевский не отметил, *какие* Прологи лежат на столе графа Льва Толстого, но, судя по тому, что́ граф «износит» в своих народных рассказах, начитанный человек должен думать, что Л. Н—ч именно пользуется Прологами, издаваемыми типографиею моско́вского единоверческого монастыря, что отнюдь не предосудительно и никому не возбраняется.

Есть ли в тех Прологах рассказы в том духе, в каком являются художественные произведения графа Толстого?

Без сомнения, есть, и вот это-то и надо было показать обличителям графа, чтобы заставить их понять всю несправедливость и неуместность их нападок на графа Толстого со стороны его направления.

Это, я надеюсь, совершенно возможно, позволительно и даже необходимо для установления правильного критического отношения к рассказам графа.

Но этого-то самого простого дела до сих пор и не было сделано, и я попробую сделать первый подобный опыт.

Я надеюсь показать, что не только нет ничего предосудительного в том, если кто-нибудь пожелает представить простого человека способным самолично хорошо управить свой путь, но что можно представить простого человека даже соделывающим такие дела, которые приходились не по силам лицам духовным. Я все это сейчас приведу из Пролога.

II

ПОВЕСТЬ О БОГОУГОДНОМ ДРОВОКОЛЕ

Под восьмым числом сентября читаем в Прологе «слово от Лимониса о мурине дровосечие» («Благослови, отче!»).

Ради тяжести довольно неуклюжего и для многих совсем непонятного старинного допетровского церковного языка я предложу здесь эту повесть в моем пересказе — вполне близком фактически к подлиннику.

В кипрских окрестностях была однажды ужасная и продолжительная засуха. Все плоды и полевые злаки гибли, и люди, видя неминуемое бедствие от угрожающего им голода, пришли в самое тягостное уныние. Молились, просили дождя, но дождя не было.

Во главе тамошнего местного духовенства находился тогда епископ, человек, надо полагать, очень добрый, участливый и чистосердечный. Он принимал скорбь народа близко к своему сердцу и сам усердно молился, чтобы бог послал дождь на землю, но дождя все-таки не было.

И епископ и его клир всё усердно и долго молятся, а дождь все не идет. Раскаленное небо безоблачно, и солнце сожигает без милосердия все, что осталось в несчастной стране еще не сожженным.

Народ кипрский, видя, что и епископ и все духовенство о них стараются и молятся усердно, а дождя между тем все-таки нет, пришел в ужас, близкий к отчаянию.

Где же, в самом деле, искать спасения? На что еще уповать и надеяться?

Кто же еще может помолиться лучше, чем епископ, и чья молитва может быть доходнее до бога? Епископ — разве это не первое лицо во всем духовенстве, и разве кроме него есть кто-нибудь другой, кто бы лучше его знал, как надо умолить бога дать людям то, чего они у него просят?

Но дождя, повторяем, все нет, а зато был епископу «глас с неба»:

«Иди после утрени ко вратам города, и первого человека, который будет подходить к городу через те ворота, — ты сейчас же удержи, и *пусть он помолится,* и тогда будет вам дождь».

Епископ рассказал людям о том, что он слышал «с неба», и все положили сойтись завтра утром рано в церковь и сделать все так, как велел пришедший с неба голос.

На следующий день, отслужив рано утреню, епископ со всем своим клиром пошли к городским воротам.

С ними, разумеется, пошли и все люди, ожидавшие благодетельного чуда для истомленной земли их. Итак, все большим обществом вышли за городские ворота и стали здесь станом ожидать избранника, которого сам бог пошлет сюда, как наилучшего молитвенника.

Епископу раскинули его складное стуло и посадили его, а клир и все прочие люди стали вокруг его и смотрят вдаль: кого им пошлет господь? Все нетерпеливо желают скорее увидать того человека, который помолится за них о дожде и будет услышан в своем молении.

И вот, долго или коротко после их томительного ожидания, вдали, на опаленных полях, что-то показалося...

Сначала невозможно было разобрать: идет ли это

пеший человек или кто-то на осле едет... Далеко, да и сверкание от палящего зноя делает в глазах мреяние... Но вот предмет все приближается и становится яснее. Теперь уже видно, что это человек пеший и притом старый, изнеможденный простолюдин, весь согнутый и едва передвигающий ноги под большим и очень тяжелым оберемком дров или хвороста...

Так неужто вот это он и будет тот молитвенник, молитва которого взойдет к богу лучше, чем молитва целого клира и самого епископа?

Епископ и люди все переглянулись друг с другом и в недоумении пожали плечами. Удивительно, чтобы еле двигающийся под вязанкою дров мужик был всех лучше для вознесения богу молитвы об общественном бедствии? Но, однако, как никого другого, кроме этого старика, не показывалось, то выбирать было не из кого, и епископ решился остановить дровокола и просить его вознести к богу моление, о чем клир и епископ возсылали свои молитвы безуспешно.

А старик, кряхтя и спотыкаясь, все помаленьку подходил ближе к воротам города, и тоже, сколько зной и усталость ему позволяли, он удивлялся: что это здесь, у ворот, за необыкновенное большое собрание людей и почему с ними впереди всех сидит на стуле сам кипрский епископ?!

Конечно, удрученный тяжелою ношею старик не имел и самой отдаленной мысли, что все это большое собрание людей с епископом вышли затем, чтобы встретить именно его, согбенного нищего, и просить его молитв за весь край.

Подходит старик еще ближе и видит, что все на него смотрят и что сам епископ встаёт перед ним с своего места и ему, простому, бедному работнику, *кланяется.*

Старик оторопел, сбросил поскорее со спины на землю оберемок хворосту и говорит:

— Прости мя, отче! — и попросил у епископа благословения.

Но епископ опять *поклонился ему* и сказал:

— Авво, господа ради помолися о нас, да пошлет нам господь свою милость и да будет сегодня дождь на земле.

Старик изумился тому, что слышит. К чему это статочно, чтобы его, ненаученного простого человека, епископ просил молиться?

— Я недостоин, — говорит, — отче, чтобы при тебе, в твоем присутствии, слова молитвы восходили из моих уст. Это тебе, отче, всех более прилично помолиться об общем бедствии, ты и помолись, а я не смею.

Но ему стали говорить, что епископ уже молился, но что бог не исполнил его молитвы и не низвел дождя на землю. «А теперь, — говорят, — на тебя указание вышло епископу, и ты, как хочешь, ты не должен отказываться, а должен сейчас стать и молиться».

Старик все еще и тогда не решался, и потому, чтобы преодолеть застенчивость этого дровокола, его «принуждением» поставили на колени на его хворост и заставили молиться.

Старик более не спорил и как умел, так и начал молиться, а с неба сейчас же заросило, и пошел сильный и благодатный дождь...

Все не знали, как довольно нарадоваться об такой благодати, и не знали, как им и возблагодарить за нее бога и приятного ему молитвенника, которого «голос с неба» указал как *наилучшего богомольца*.

А как только долгожданный дождь обильно оросил и досыта напоил жаждавшую землю и все в полях и в садах освежилось, то повеселело и на сердцах у людей, и сейчас пошли прохладные беседы у каждого с ближним своим. Тогда наступило время и епископу поговорить с дроволом, и он захотел узнать: какое житие проводит этот человек, который богу так угоден и приятен?

Епископ так прямо его об этом и спросил, но старик не умел ему ничего о себе отвечать, и епископу показалось, что он от него что-нибудь таит.

— Яви мне любовь, отче, — стал его упрашивать епископ. — Я не для своего любопытства, а *ради пользы* многих людей прошу тебя: открой нам, чем ты так угодил богу, что он твою молитву лучше всех слушает и дает просимое по твоему желанию.

А старец отвечает:

— Ей, отче, не ведаю.

— Ну, для того-то и расскажи нам, как ты живешь, — и мы все станем тебе подражать и поревнуем стать такими же, чтобы и наши молитвы шли прямо в прием богу. Не умолчи — сказывай!

Тогда старик проговорил епископу:

— Прости меня, господин, — я все бы сказал, да мне, право, совсем нечего сказывать. Я самый обыкновенный грешник и провожу мою жизнь в ежедневной житейской суете и хлопотах. Мне выпала такая доля, что даже и раздумать о богоугодных делах мне некогда, потому что я себе до старости ничего во всю жизнь не припас и теперь, уже слабый и немощный, не имею ни отдыха, ни покоя.

— Однако в чем же проходит твоя жизнь?

— Да вот она в чем проходит: просыпаюсь я рано и выхожу из города и иду с топором в лес. Там я нарублю хороший оберемок валежнику, который всякому собирать дозволено, и тащу мою связку в город, как ты видел сегодня, когда меня встретил у ворот.

— Ну, а далее?

— А далее — в городе я продаю свой хворост на топливо, а за те деньги, которые выручу за хворост, покупаю себе хлеба и съедаю его.

— И другого у тебя занятия нет никакого?

— Нет никакого, отче.

— А где же твое жилище?

— Жилища у меня тоже никакого нет и никогда не было. А когда я устану и мне надо отдохнуть или переночевать, то я залезу под церковь и там под полом свернусь и сосну.

Было это давно, и в то время церкви были маленькие, деревянные, и строили их на «стоянах», или, проще сказать, на столбиках, и под пол таких малых церквей можно было согнувшись входить и там прятаться от стужи и дождя. Такие церкви были и в России, да еще и по сие время встречаются кое-где в бедных местах на севере. Под полом их находят отдых овцы, телята и нищие.

— Ну, а когда холодно или когда такая непогода, что нельзя собирать дров, — спросил епископ, — тогда что ты делаешь?

— Тогда я порежду день и два, сидя там же под церковью под полом.

— А что ж ты тогда кушаешь?

— Зачем же, не трудяся, кушать? я тогда поголодую, пока опять господь даст ведрышко, а когда станет хорошая погода, я, благословляя господа, встану и пойду опять за хворостом. Вот тебе и вся моя жизнь.

От этого простого рассказа, — Пролог говорит, — «пользу приим не малу епископ с клиросом его. Тако и вся прославиша бога о труде старче, и рекоша ему: воистину ты еси совершил писание, глаголющее: яко рече пришлец, есмь аз на земле».

Епископ взял этого собирателя хвороста к себе и «питал его, и дал ему покой, дондеже преставися богу».

III

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Рассказ Пролога кончен! На мой вкус, он очень благочестив, грациозен, прост и удобен для передачи его в беллетристической форме. Притом он отвечает вкусам простонародного читателя и поучает его трудолюбию, терпению и безропотности — все, что для бедного труженика нужно и полезно. Читатель, который знаком с духом народных рассказов Л. Н. Толстого, без сомнения заметит еще и то, что рассказ этот имеет самое сильное сродство с простонародными повествованиями Л. Толстого. Тут не только один дух, но один и тот же тон и *направление,* и вот на этом-то живом сродстве и сходстве и надлежало, кажется, давно остановиться литературным доброжелателям графа, старающимся оборонять его от возводящих «слово и дело». Если бы рассказ, который сейчас приведен мною, был представлен как мое сочинение, без указания церковного источника, из которого я его выписал, то я, может быть, тоже рисковал бы услыхать укоры за дурное направление, но теперь, указав источник, я себя этим защищаю. Это не мое направление, а это так написано в Прологе и так читается в монастыре 8-го сего сентября после воззвания: «Благослови, отче». Пусть же нападчики графа скажут нам: разве

зазорен или нечист тот источник, из которого черпаются рассказы, подобные тому, какой мы сейчас выписали? Если г. Вознесенский или иной от совоспитанных ему могут нам довести, что источник, нами цитированный, нечист и что пользоваться им опасно, то пусть они это открыто разъяснят и докажут. Если же г. Вознесенский и единомысленные ему не могут нам этого доказать, то мы не видим ничего дурного в том, что простолюдинам предлагаются нравственные повествования, схожие с историями, заимствованными из Пролога — из книги, назначаемой церковью для благочестивого и назидательного чтения.

В истории, которую мы предложили из Прологов, епископ признает лучшим богомольцем не себя, а бедного собирателя хвороста, — человека, который целый век трудился и не мог ничего собрать себе на старость, но притом не ропщет и не жалуется. — Это старая и давно известная народу история, которую Л. Толстой еще не переложил в иную форму. Но она известна уже целые *века,* и никакого худа от нее не было. Напротив, упоминаемый в Прологе епископ кипрский всем очень нравится. Все находят, что это, очевидно, был человек не гордого, а смирного христианского духа, человек, который свою важность ставил ни во что, а искал только пользы народу и для того нимало не стеснялся всенародно поставить себя ниже дровокола. Такая искренность и простота всегда нравятся людям христианского настроения, и потому кипрский епископ, который приветил дровокола, кланялся ему и, наконец, даже признал его за человека, «совершившего писания». Он ничего низко не уронил, и повторять его историю в одном или во множестве пересказов, я думаю, по суду здравомыслящих людей должно быть позволительно и даже похвально.

Таков же и тот епископ, которого вывел граф Лев Николаевич Толстой в своем рассказе «Три старца».

Прототипы их *все* в Прологах.

Дух житийных сказаний — это тот дух, который в повествовательной форме всего ближе знаком нашему религиозному простолюдину. Он усвояется простонародием

по устным рассказам, часто очень попорченным в устной передаче, но зерно той идеи, из которой развилось повествование, всегда в нем сохранено. Оттого-то повести, написанные Толстым в этом именно духе, так и приходят «по мысли» народу... Простолюдин читает то, что до его слуха ранее доносилось с струею родимого воздуха, и граф Л. Н. Толстой, без сомнения, в полном праве идти этим, а не иным путем. В ином духе и направлении от рассказа повеет холодом, формою, муштрою, казенщиной. Почва у художника свернется под ногами и произрастит не имя живое, а терние и волчец.

Впрочем, было чье-то намерение уничтожать литературный успех графа Толстого выпуском художественных произведений «в обратном направлении». Мы их ждем. Этот опыт должен много показать на деле, а главное — он, без сомнения, окажется безопаснее горячей полемики о достоинстве повествований, дошедших до нас через Пролога и другие житейные записи, с которыми народ наш исстари знаком, как с книгами благочестивыми и притом даже освященными церковным авторитетом.

Неловкая полемика, веденная в том духе и с теми приемами, образцы которых приведены в московских газетах, обороняющих графа Толстого, может поднять такие смущающие тени, что нелегко будет их умолить снова удалиться от вида...

Некоторые нападчики на Толстого обнаруживают очень вредное для себя заблуждение. Входя в разбор его и других современных писателей, они выражают большую самоуверенность и слишком смелое пренебрежение к ним. Они, по старине, склонны ожидать, что встретят между ними «дворянчиков французского закроя»... Это немножко изменилось: и среди современных писателей есть люди, начитанность которых в церковной литературе отнюдь не ниже семинарской и даже академической.

Удивительно, что критики графа Льва Н. Толстого даже в нем не замечают *громадной начитанности!*

⟨P. S.⟩ Если бы автору для полноты типа или картины или в каких бы то ни было его художественных соображениях понадобилось продолжить или развить пе-

ресказанную мною историю, то он, при начитанности в Прологах, может исполнить эту задачу, не изменяя своего правдивого тона и не отыскивая для себя никакого иного источника, кроме того, из которого он уже начал черпать. Так, например, к рассказу, взятому из Пролового чтения, положенного на 8 число сентября, берем, например, повествование Памвы под 16 ноября.

«Авво Памва посла ученика своего во Александрию град ради нужды потребы некия и продати ручное его дело». Ученик в Александрии зашел в церковь св. Марка, и ему очень понравилось, как там служат по чину и хорошо поют. Он «изучи тропари и возвратися к старцу», и старец заметил, что он не такой, как был прежде,— что он смущен и печален.

— Не случилось ли,— спрашивает,— тебе в городе какое несчастие?

А ученик ему отвечает:

— Естеством, отче, в небрежении кончаем дни своя в нашей пустыни (в глуши),— мы ни канонам не учимся, ни тропарям. Видел я теперь в Александрии, как там хорошо служат по чину, и слышал, как там стройно поют, и оттого я печален, сравнивая себя с ними.

Старец же отвечал:

— Да, это горе! Приближается действительно такое время, когда монахи оставят труд и последуют пениям и гласам. Что это за умиление, которое рождается от тропарей! Что хорошего монахам стоять в церкви и возвышать гласы своя, яко волове.— Св. Памва растолковал ученику своему, что то, что тому понравилось в Александрии, для трудолюбивого христианина не нужно и не полезно, а вредно, и есть «еллинские писания», которым когда последуют, то будут и «ленивы» и «сварливы». А если им кто напомнит о старинном житии, то они «блядущи глаголати имут: аще быхом и мы во дни тех были,— подвизалися быхом».

И тут же сряду под тем же числом о двух пустынниках, которые выпросили бога известить им: есть ли кто лучше их подвизающийся? «Глас» назвал им одного *пастуха* с его женою. Пустынники пошли смотреть указанных угодников и нашли простого пастуха. Стали его расспрашивать: как он живет и в чем его святость? А пастух рассказал им, что он стережет своих овец и доход от

стада делит натрое: одну треть на бедных, другую на путников, а третью на свои с женою потребности. С женою же живут по-христиански мирно и блюдут ложе нескверно.

Без преувеличения можно сказать, что рука устанет выписывать, сколько в Прологах есть повестей с этим «направлением», которое сходно с направлением народных рассказов гр. Льва Толстого, и напрасно вменяется ему во злое намерение показать, что люди собственными их силами в самой скромной доле могут устроить свою жизнь так, что она станет боголюбезною. «Направление» это не графом Толстым изобретено и, конечно, с ним не окончится.

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ ТУМАН

(ЗАМЕТКИ О РОДОВЫХ ПРОЗВИЩАХ)

> Всякий имя себе в сладостный дар получает.
>
> *Феокрит.*

На сих днях вышла книжка покойного Карновича о родовых прозвищах.[1] Это сочинение так же интересно, как прежнее превосходное исследование названного автора о замечательных богатствах частных лиц в России. Критиковать настоящим образом новый труд Карновича трудно. Это мог бы разве сделать человек, способный соперничать с самим автором в удивительном трудолюбии, систематичности и памятливости, но теперь недород на таких людей, да нет и места, где бы можно было печатать обстоятельные и подробные критические разборы. Таковы теперь времена и таковы нравы, а потому любопытная книга о прозвищах, конечно, не дождется скоро основательного критического разбора. Другое дело — поговорить по поводу ее о том же самом, что в этой книге так интересно затронуто. Это нынче принято, и, в сущности, это в своем роде небесполезно, потому что все-таки восполняет общую картину и кое-что иллюстрирует и объясняет.

Самое характерное в изображенной Карновичем родовитой картине — это недостоверность родословий и общее стремление так званной русской знати производить себя от иностранцев. Такой общей слабости заплатил дань даже и сам царь Иван Грозный, который тоже гну-

[1] «Родовые прозвания и титулы в России и слияние русских с иноземцами» Е. Карновича. СПб., 1886. *(Прим. автора.)*

шался русской породы и сочинял себе происхождение от именитых чужеземцев.

Давно чувствовалось и казалось смешным верить во многие русские родословия, но Карнович многое в этом роде уяснил, доказал и дал средства о многом догадываться и искать дальнейшего. Без сомнения, догадки Карновича для многих не получат доказательности и нашего геральдического тумана не рассеют, но именно по тому самому, кажется, теперь и прилично будет вспомнить, кто что знает подходящего для освещения туманных картин русского именитства.

Это притом же может быть сделано в простой и самой неутомительной литературной форме кратких воспоминаний и заметок.

Кичливость происхождения «от древних родов» присуща совсем не одной родовой знати. «Выскочки» и так называвшиеся со введения откупов «прибыльщики» тоже отличались большим желанием «сочинять себе небывалые роды». И поныне множество «разночинцев», не прославленных никакими высокими заслугами, любят кичиться своим сомнительным происхождением. Это не дивно, но странно и удивительно то, что многие из таковых лиц, кичащихся своим прозвищем, имея уши, не слышат, что у них есть множество однофамильцев несомненно чисто русского и притом самого простонародного происхождения. Из старых знатных родов я никогда не встречал однофамильцев в простонародии только у одних Щербатовых. Есть Щербаковы, Щербачовы, даже Щербатые, но Щербатовых никогда не встречал. Остальные все имеют однофамильцев, и потому геральдические изыскания о том, каким иностранцем занесено их известное родовое прозвище, всегда более или менее смешны и сомнительны.

Попробуем отметить насчет этой родовитости то, что многими простыми и наблюдательными людьми было примечаемо ранее изыскания Карновича. Начнем хоть с родословья Потемкиных, идущего будто бы из Польши. Пусть так, допустим, что у «князя Тавриды» предок был «вольный шляхтич польский», а не «битый русский холоп», но от какого бы чужого корня ни производили себя

князья Потемкины, а в России как будто помимо их прародителя есть очень много мужиков, которые тоже носят как раз эту самую фамилию. Сведение это можно подтвердить даже справкою в петербургском адресном столе, так как у моих здешних знакомых было две кухарки по фамилии *«Потемкины»,* и притом одна из них называлась «Татьяна Борисовна», крестьянка Ямбургского уезда. «Потемкины» улицы и особенно «Потемкины переулки» есть в очень многих городишках, где никогда никому не приходило заботы чествовать государственного деятеля екатерининского царствования наименованием улиц и переулков по его фамилии. «Потемкины переулки» получили такое название оттого, что в них *темно, потемки.* Также о бедных дворах, где иногда зимою «без огня сидят», — говорят: «Что это у вас *потемкин двор», «это из потемкина двора».* А далее обитатели этого двора станут уже совсем *Потемкины.*

Вот и вся история, а чтобы ее расцветить в благородном тоне, придумывается геральдическая басня, и «пустоплясы элозят перстом по герольду».

«Толстые», по мнению многих, тоже непременно русского и притом самого простонародного происхождения. Это можно видеть и по усиленно простонародным обличьям многих почтенных лиц, носящих эту фамилию.

Таковы, например, покойный граф Алексей Константинович и особенно ныне здравствующий Лев Николаевич.[1] К тому же Толстых очень много, и они не только

---

[1] Нерусское обличье из Толстых находили у покойного музыкального критика Феофила Матв⟨еевича⟩ (Ростислава), но и это несправедливо: вся его шиловатая фигура и особенно выражение его лица поразительно напоминали «Моркотуна», крепостного господского музыканта, тип которого и был им недурно описан (см. «Моркотун»). Коверкают или неумышленно переделывают прозвища не одни простолюдины, а и люди высшего общества. Нечто подобное, и притом очень характерное, было с упомянутым сейчас псевдонимом Феофила М. Толстого, что и известно многим живущим людям. Псевдоним Ф. Толстого был «Ростислав», но кн. А⟨ндрей⟩ Б⟨арятинский⟩ совсем неумышленно его переделал и раз в присутствии живых поныне свидетелей сказал ему:

— Ты знаешь, я тебя люблю, и то, что ты пускаешься в литературу и водишься с писателями, — бог с тобою, но я не могу тебе простить: для чего ты подписываешься «Брандахлыст»?

Ф. М. этим обиделся, но искренность кн. А. Б. заставила его

не все графы, но даже не все и дворяне. Есть Толстые торговцы и ремесленники. Кто, например, не знал в Москве знаменитого в свое время часовщика Толстого? В г. Кромах у церкви св. Никития жил отставной солдат Толстой, и он был наилучший набойщик, производивший на весь уезд знаменитые набойки и крашенины, которые «не боялись ни пару, ни щелоку». Их так и звали «толстовские набойки». Я позволил бы себе выразиться точнее так, что Толстые, вероятно, пошли из тех мест Орловской или Тульской губернии, где люди в разговоре *окают,* а не акают. Где окают, там и ударение переносят на о, и потому говорят: «он такой чистóй да такой толстóй». Где же много ребят или много девок с одинакими именами (например, Ваньки, Таньки), — там сами товарищи или подруги избегают кликать друг друга по крестному имени, потому что много Ванек и Танек, и «не разобрать, которых надобно». Вот, «чтобы лучше разобрать», ребята же сами и дают сверстникам прозвища: «рябáя», «круглáя», а парень — «тощóй», «толстóй». Прозванный так по своей внешности парень или девка вырастают, а кличка остается с ними и не только сопутствует на всю жизнь тому, кто ее получил, но и становится родовою фамилиею идущего от него «нового отводка». Отводки же эти в крестьянстве делаются через разделы часто, и к сожалению, кажется, даже слишком часто (об этом хорошо пишет Энгельгардт). Когда двор разделяется, часто является и новое прозвище. Был, положим, двор Хлоповых, и всех из этого двора так и звали «Хлоповы», но с тем как происходит дележ, то брат, остающийся на месте, продолжает быть Хлопов, а того, который отвелся в «отводок», начинают уже кликать *по кличке*. Звали этого Ваньку «рябóй», «толстóй», или «мертвóй», — так уж ему и пойдет от этого «звание». И вот являются Толстые, Рябые и т. д. От этих же отводков идут и такие фамилии, как Мертваго, Живаго, Веселаго и т. п. Все это после иногда выдается за *нерусское* происхождение, но если добросовестно поискать, то

простить ему это дружеское замечание, так как оказалось, что «никогда ничего не читавший» кн. Б. и подпись «Ростислав» поленился «прочесть в подробности», а взглянул на нее «поверхностно» и потом долго скорбел: зачем друг его и приятный в обществе человек подписывается «Брандахлыст». *(Прим. автора.)*

откроется кое-что и русское... Есть даже фамилии или прозвища, по-видимому, совсем не русского, а чужеземного корня, но как поищешь да посравнишь, то и в этих случаях многое переходит на русскую долю.

Как на анекдот в этом роде, укажу на довольно распространенную в России фамилию, звук которой таков, что все слышат в ней *нерусское* происхождение и даже прямо чувствуют в ней происхождение *итальянское*. Эта фамилия, о которой я говорю, есть *Алферьевы*. Их очень много везде, и в Петербурге, и в Москве, и в Орле, и в Киеве. Были из Алферьевых писатели, поэты, профессора, генералы, но больше всего чиновники и мелкопоместные. Канцелярия старого московского сената считала одно время у себя «целое племя» Алферьевых, хотя некоторые из тех Алферьевых были между собою не родня, а только однофамильцы. Было по Москве много еще и других Алферьевых, и все они были *не* старые родовитые *дворяне*, а из чиновников и отчасти из «колокольных дворян», то есть из духовенства. Некоторые из Алферьевых, разумеется, получили «дворянское достоинство» по «асессорскому чину», но старого, «родового дворянства», или особенно дворянства «не по грамоте», — в родах Алферьевских нет. Между линиями же Алферьевых один московский отводок отличался образованностью и другими хорошими качествами, и тут были усвоены уже некоторые приемы родовитой знати. Эти Алферьевы (тоже не дворяне) были по мужской линии Сергеи и Иваны, а по изотчеству Ивановичи и Сергеевичи, а женщины Анастасии и Елисафепы (так: Елисафепы). Один из них, Василий Сергеевич, печатавший стихи и посвящавший их «своей Гурлиньке», слыл даже за очень ученого, каковым, впрочем, кажется, не был. Он был чиновник какого-то московского отделения и по русской привычке свое дело считал за неинтересное, а любил заниматься тем, что до него не касалось. Так, например, он, кроме поэзии, любил *геральдику* и сам был немножко похож на геральдического льва, но женат был на своей служанке. Он «выводил роды» сам или,

кажется, при посредстве какого-то московского сих дел мастера. Тогда было сильное геральдическое поветрие, и «выводить родословные» составляло занятие очень благородное и прибыльное.

Тогда были на это и сих дел мастера. Приходит, бывало, какой-нибудь «из прибыльщиков» к этакому мастеру и говорит:

— Вытравь ты из меня народное пятно и сведи с старым родом, и озолочу.

И озолачивали.

Надуть «выводчика» было невозможно, потому что тот владел всем секретом фальшивой родословной и сейчас же мог «пугнуть доносом», а тогда все и пропало.

Учеными московскими изысканиями род Алферьевых был произведен от «знаменитого итальянца Альфиери». И это всем показалось так вероятно и так очевидно, что всяк этому верил и многие посейчас еще верят.

Моя матушка происходила из этого рода Алферьевых, и мы с детства привыкли знать, что «Алферьевы итальянского происхождения». О дяде моем, недавно скончавшемся профессоре Киевского университета С. П. Алферьеве, который был смолоду недурен собою, так и говорили, что в нем «видна тонкая итальянская порода». (Он имел мелкие черты ярославского типа.) И везде, где я ни встречал Алферьевых благородного звания, все они охотно сказывались «от Альфиери», хотя все они между собою не родня и пришли от небытия на свете в различных местах общероссийского рассеяния. Моих московских дедов: Петра Сергеевича, Ивана Сергеевича и ученого Василья Сергеевича иногородные Алферьевы и слыхом не слыхали... Как так повсеместно размножился в России италианец Альфиери, словно еврейский Коген, что и не счесть его потомков?.. Долго я этого понять не мог, но случилось мне раз в уездном городке Пензенской губернии, по названию Городище, встретить на оконной ставне надпись: «портново́-Алферьев», и тут я получил вразумление. Сначала я был смущен, за что потомки Альфиери засланы в такую далекую глушь и стали здесь так низко, но дело разъяснилось совсем не так.

Я думал, что на ставне двойная фамилия (есть ведь тоже фамилия Портнов и есть тоже некто из этой фамилии, тоже производящий себя из иноземцев и подписывающийся *«Портново́»,* или даже «Портнуво»). Но оказалось, что «портново́» это просто значит портной, а фамилия тому портному действительно Алферьев.

Я полюбопытствовал узнать, откуда он происходит, а «портново́» отвечает:

— Откуда же может быть наше происхождение, как не просто из мужиков: господа нас от сохи брали и отдавали в город в ученье — вот и все наше происхождение.

— А в деревне у вас, — спрашиваю, — разве тоже есть Алферьевы?

— Как же, — отвечает, — наш весь двор все Алферьевы.

— Кто же вас так прозвал?

— Да как же нас иначе прозывать? — это так шло по закону.

Что еще, думаю, за закон!

— Расскажите, — говорю, — мне, благодетель, меня это занимает. Я вам работу буду давать.

— Очень, — говорит, — благодарен, а что вас занимает — не понимаю.

— Да вот скажите вы мне, вы коренной русский?

— Уж чего русее быть нельзя.

И в самом деле, лицо у него даже будто не лицо, а скорее, что называется, «рожество твое».

— Так как же, — говорю, — вам, чистым русским, деревенским людям могло прилипнуть такое чужеземное прозвище?

«Портново́» удивился.

— Помилуйте, какое же, — говорит, — у меня чужеземное прозвище?

— Ваша фамилия — Алферьев?

— Алферьев. Мне другой фамилии и быть не могло; у меня фамилия от родителя.

— Да родителю-то вашему кто ее дал?

— Поп дал.

— Как так поп? — попы крестные имена нарекают, а не фамилии.

— Да ведь это все от одного и есть! Стал поп крестить и нарек *Алфёр.* Как отец с дядей разделились, наш двор и стали «Алферьев двор» звать.

— Позвольте, — говорю, — да разве есть имя Алфёр?

— Как же! Дядю звали *Вукол* — от него пошли Вуколовы,[1] а от нашего отца, от Алфёра, стали Алферьевы.

— И что же... ваш отец... именинник бывал на Алфёра и причащался с этим именем?

— Как же! Именинник бывал четвертого августа, за день до Преображения, и причащался Алфёром на свое имя.

«Батюшки! сватушки! — думаю. — Выносите святые угодники!» За всех Алферьевых мне теперь вдруг стало больно и неловко. А что же значат все ученые изыскания моего геральдического деда?.. Мужик Алфёр так словно и проглотил итальянца Альфиери, да и размножиться ему по Руси было способнее, чем у себя дома...

Все это напомнило историю Тригопортов, и все вдруг как-то осермяжилось и стало совсем не то, чем представлялось в моем воображении до моей роковой встречи с господином «портново́».

Но что такое сам Алфёр? Есть ли такое имя? Я не слыхал и не начитывал такого имени.

Я начал спрашивать об Алфёре у некоторых священников, но они, как принято у них, будучи заняты высокими вещами, никакими пустяками не занимаются и об Алфёрах ничего не знали.

Приехав в Москву, я взял «полный месяцеслов» (которого в русских церквах никогда не видал): Алфёра в месяцеслове нет, а зато есть девять *Еливфериев,* и одного из них праздник живет как раз 4 августа, то есть «за день до Преображения». Сей Еливферий — византиец, усекнутый мечом при Максимине, очевидно, и есть для нас *Алфёр!* И Еливферий персиянин, и Еливферий парижский, и все прочие Еливферии, которым даже «особливого дня нет», — для нас это всё Алфёры, и во имя их ходят мужики Алферьевы.

---

[1] Я знаю Вуколовых, которые непременно хотят производить себя «из Сербии». Вуколовы — должно быть, из Сербии. *(Прим. автора.)*

Вот тебе и весь секрет итальянского родословия Алферьевых открылся. И с той поры Алфёр мне стал ясен и прекрасен, и право его давать русским людям такую звучную фамилию, которой напрасно гордятся итальянцы, — в моих глазах неоспоримо.

Месяцесловный Еливферий — это и есть наш бытовой *Алфёр.* Городищенский «портново́» мне говорил умные и правдивые речи: ему «не могло быть иной фамилии». Детей Алфёра нельзя иначе назвать, как «дети Алферьевы», а потому они и правильно это имя себе навсегда «в сладостный дар получают».

Есть на юге фамилия Пранц. Многие из людей этой фамилии тоже считают себя за потомков иностранных выходцев, но, по-видимому, не все они все-таки довольны своею фамилиею и не прочь ее подправлять. Отсюда являются Принцы и Францевы. В существе фамилия Пранц есть чисто малороссийская, мужичья. Пранцов есть довольно в крестьянской среде. Пранец — это *французская болячка.* Пословица сулит неверному мужу «пранца», то есть французской заразы. Больной известной болезнью называется «пранцоватый» или «пранцовитый». Зложелательство говорит: «дай бог тебе *пранца».* Больное семейство называется «пранцюватые», или, короче, «пранцы». Вот вам и «иностранная фамилия», совершенно такого же происхождения, как Шелудяковы, Паршины или Коростовцевы.

Шелудяковы есть по купечеству, а Коростовцевы есть и дворяне, но Паршиных встречаешь только в крестьянстве — выше сейчас же начинается подправка, и являются Паншины и т. п.

Народ тоже переправляет фамилии господ, но делает это без претензий, а по своему «ладу и складу». Из Шениг он делает Шелих, из Рибопьер у него *выходит* или Любоперт, или Рыбопляс, а иных иностранных прозвищ мужик и совсем не решается произносить; такова, например, для него фамилия Пистолькорс. Но другие и иностранные фамилии нравятся. Так, например, в Орловской гимназии во время моего детства был инспектор из иностранцев Шопи́н, и по дворянству эта фамилия всем совершенно не нравилась до того, что даже кто-то куда-то писал об этом, а со стороны господ офицеров квартировавшего тогда в Орле Елисаветградского гусарского

полка «были вольности», но добрые орловские мужички находили эту фамилию прекрасною.

— Про́стая, — говорили, — и сразу вспомнишь.

Слово иностранное, но пришло по вкусу и по сердцу.

Потомок этого Шопина сделал поправку и стал писаться «Шорин».

Есть зато и просто народные прозвища, над происхождением которых сам народ как будто удивляется; таково, например, странное и очень распространенное прозвище Бабарыкиных. Над этим прозвищем давно подшучивают, и, наконец, где-то выдумали даже байку, будто был «однодворец Рыкин», а жену его или его бабу называли «баба Рыкина». А как эта «баба Рыкина» была очень бойкая и имела в семье значение более, чем ее муж, то при всяком деле ее все и вспоминали: «Что-то, мол, скажет баба Рыкина». От этого будто и пошло однодворческое прозвище Бабарыкиных. Шутка шуткою, а «однодворец», однако, тут в самом деле как будто пристал кстати.

Самый большой рассадник однодворчества (не из западной шляхты, а настоящего русского «владелого» однодворчества) находится в Орловской губернии, и тут между однодворцами очень много Бабарыкиных. В чисто однодворческих селениях бывает так, что, например, в Труфанове еще на моей памяти были всё Сотниковы, а насупротив, через ручей, в Ерохине почти каждый двор Бабарыкины.

Когда по Орловской губернии в 1847 году прошла по осени опустошительная холера, то она убрала много молодых и сердовых мужиков. Во многих дворах на хозяйстве остались одни бабы. Они вдовели или совсем одинокие, или же с маленькими детьми. Но крестьянской бабе в таком положении вдовствовать не приходится, потому что ей «не с кем двор поднять», а нельзя ей тоже выйти и «за чужого хозяина», чтобы «свой двор не спустить». В крепостных деревнях в подобные дела, бывало, вступался помещик или управитель, и молодой вдове «давали мужика во двор» «за наказание» из дворовых. Но однодворке надо было самой это устроить, — и она все устроивала вполне самостоятельно, или, как нынче

говорят, «самобытно», а притом и просто оригинально, и... в своем роде оригинально.

Одинокая однодворка во вдовом положении с собственным хозяйством чувствует себя и серьезно ответственною и очень важною: она сразу приобретает большую солидность и разум. И все это оттого, что она чувствует себя самостоятельною. У нее превосходная роль: она будет выходить замуж на особом положении: не ее будут выбирать женихи, а она будет *«выбирать мужика во двор»*... Это штука серьезная, и если баба, отыскивающая себе «мужика во двор», домовита и держит себя нескаредной хозяйкой, так она становится чрезвычайно интересным лицом, и «ей услужают». (Красота тут, разумеется, ни при чем: «с красоты не воду пить», а чтобы угощение было хорошее.) Все хлебосольной однодворке «подыскивают мужика», все ее походя сватают!.. Встречные мужики с первым же поклоном друг друга окликают:

— Где, брат, выпил?

— В Ерохине.

— Что там?

— Однодворка, — мужика во двор ищет.

— Чьих ее звать?

— Бабарыкина.

За такой ответ мужик обругается:

— Я, скажет, тебя спрашиваю, как ее спросить? Они там все Бабарыкины, а ты скажи: как ей фумелия?

Но как однодворке Бабарыкиной «фумелия» — этого обыкновенно ни один мужик не знает и лучше начинает «вести по приметам». Либо вспомянет, что у нее «пятно на носу», либо «бельмо на глазу». Тогда, разумеется, нетрудно уже ее разыскать и без «фумелии».

На постоялом в Батавине опять, бывало, дворник кличет:

— Братцы! нет ли у кого охочего мужика во двор? Только охочего, — в Ерохине хорошая однодворка мужика во двор требует. Кто приведет — она угощение ставит.

Разумеется, все понимают, что нужен человек рабочий, но не «из сиволапых», а из вольных однодворцев, в котором еще есть остаток «дворянской крови и собачьей брови».

И на постоялом осведомляются о невесте, из чьих она?

— Бабарыкина.

И опять неудовольствие. Без примет невозможно бы разобрать, сколько есть однофамильных однодворок и сколько их себе «мужиков во двор требуют».

Этот женский тип был так распространен и так общеизвестен в Орле, что когда какая-нибудь состоятельная городская вдова начинала обнаруживать склонность призвать какого-либо счастливца к постоянному исполнению супружеских обязанностей с водворением на жительство, то ее, бывало, сейчас же называют «ерохинскою однодворкою» и говорят, что она «ищет себе мужика во двор».

Но только в высшем круге призвание к исполнению супружеских обязанностей шло хуже: оно никогда не было так живо и так основательно, как приискание мужика во двор по однодворчеству.

Многие у нас сами невесть что думают и рассказывают о происхождении своих фамилий. У меня был знакомый, очень храбрый, но, к сожалению, недалекий человек, скончавший, впрочем, жизнь свою геройскою смертию. Он гордился своим мнимокавказским происхождением и тем, что «такой фамилии», как у него, «нет более ни у кого на свете». Чтобы походить на человека кавказского происхождения, он коверкал свое русское произношение, а особенность его редкой фамилии состояла в том, что она будто бы «начиналась, с чего все кончается», то есть с твердого знака, или, как он говорил, «с дверди знак»... Я полагаю, что читатель меня не понимает, как и я этого сразу понять не мог, и потому я должен это объяснить.

Знакомый мой писался в бумагах *Ервасов,* но начертание это признавал неправильным. По его понятиям, это было «испорчено русскими», по несовершенству русского языка, а надо было писать *«Ъвасовъ»,* то есть ставить *ер,* или «дверди знак», в начале и его выговаривать за *ер,* а потом писать «васов», — вот и выйдет «Ервасов».

Повторяю, что человек этот был не умен, но он, однако, верно предугадывал, что фамилия его действительно страждет от неправильного начертания. В его метрике после его смерти оказалось, что фамилия его была *Гервасиев,* то есть производное от собственного крестного имени *Гервасий.* Звук этот так чужд русскому уху, что действительно представляется чем-то чужестранным. Писаря его и переделали ни на что не похоже. Так, например, известного в свое время эмигранта *Кельсиева* тоже считали за потомка какого-то именитого иностранца, тогда как фамилия Кельсиев тоже «отыменная», то есть происходит от имени Кельсий. Известный у поморян иконописец Денис *Тертов* тоже был совсем не Тертов, а *Тертиев,* но он не писался так, «чтобы в нем не сомневались» насчет чистоты его русского происхождения.

Крестные имена у нас часто дают без вкуса и без внимания к тому, как удобно будет с этим именем впоследствии обходиться именосцу. (Почитать на этот счет рассуждения Тристрама Шанди у Стерна русским было бы довольно не лишнее.) Множество лиц обоего пола из комнатной прислуги хозяевам приходится переименовать, чтобы избавить свой слух от повторения того, что отдает, или по крайней мере кажется, неблагозвучием. Это нехорошо. Привычка откликаться не на свое имя портит серьезность человека. Матрешка, которую прозвали Матильдой, начинает и сама ненавидеть и презирать свое имя. Нет в этом ничего хорошего, а хорошо было бы не доводить людей до такого искушения, — но это никому не приходит в голову. С именами точно шутят или даже иногда как будто отмщевают что-то родителям в именах их детей. Что бедным или скупым прихожанам в деревнях нарекают «трудные имена», — это было много раз указано, но иногда это делается и без злобы, а делу вредит просто особенный педантизм. В одном орловском селе был дьячок, у которого три сына родились все под Васильев день.

— Как, — говорит, — бывало, я пойду касарецкого поросенка колоть, так к моему возвращению дома у дьячихи новый мальчик в фартуке уж и плачет. А батюшка говорит: «Я, братец мой, этому случаю не виноват, что

так приходится, — я должен его по правилам наречь». И наречет: «имя ему Василий». И стало у меня так у одного отца да три Васи: одного позовешь — все оглядываются. И прозвали мы одного «большой», другого — «толстой», а третьего — «малявка». Как-нибудь, а отличать надо. А когда их всех трех в город в училище отдал, в письмах еще труднее стало писать: «Вася, скажи Ваське, чтобы не обижал Васютку». Совсем несть подобия! А если каждому отдельное письмо посылать, то по дьячковскому званию это очень начетисто.

Не скоро дьячок, но изловчился, и это только потому, что имел ум очень находчивый: он поставил у себя «во своем внимании» всех своих трех Васильев «по линии успехов» и именовал их в общем письме раздельно: старшего (философа) — «Василий Иоаннович», среднего (ритора) — «Василий Троицкий», а младшего (синтаксиста) — «Васютка». Письма так и начинались: «Любезные мои дети: Василий Иоаннович, Василий Троицкий и Васютка! Посылаю вам мое родительское благословение, сухарей и гороху и лодыжку ветчины, употребляйте оные с умеренностию и благоразумием, ибо вы дети дьячковские. А ты, Василий Иоаннович, удержи Василья Троицкого, чтобы Васютку не обделял и с соборных причетников детьми не вступал в равное самолюбие», и т. д. «Примите сие мое письмо в наставление, как от родителя вашего». Так же письма и надписывались всем титулом на три лица и доходили к детям дьячковским по назначению.

У именитых или по крайней мере у «благородных» людей в даче имен была другая удивительная странность. Покойный М. Я. Морошкин вывел из консисторских материалов, что карьерные люди столиц при Потемкине любили крестить сыновей «Григорьями», при Разумовском «Кириллами», а при Чернышеве «Захарами». О благородном Разумовском рассказывают, что он это знал и что это его «очень сердило».

Еще стоило бы заметить о прозвищах «поносных» и «гнусных», которые иногда заменялись начальством на лучшие, а иногда хотя и оставались в своей неприкосновенности, но смысл их исчезал в более высокой среде

общества. Известно, например, что фамилия Скобелевых дошла до нас в переделке, которая была вызвана неблагозвучием первоначального их прозвища. Но есть такие прозвища, которые сами по себе для нашего слуха теперь уже ничего неудобного не представляют, а между тем они даны вначале народом по причинам довольно щекотливого свойства. Так, например, есть одна странная фамилия, о которой думают, что она пошла от чего-то важного и даже много значит. Это фамилия *Перестанкины.* В Орловской губернии я слыхал, будто эта фамилия производится «от речки Перестанки», но это невозможно, ибо сама пересохшая река Перестанка *переделана,* а в народе она называется иначе... Почтовые чиновники в Орле могут свидетельствовать, что орловские мещане и теперь еще иногда надписывают свои письма к домашним не за «Перестанку», а так, что в печати сказать неудобно.

Совсем нестаточно, чтобы простолюдин сделал производное слово совсем не схоже с тем, что он сам именует по-своему совсем иначе.

Разве скорее можно допустить, что само прозвище «Перестанкин» переправлено ради благозвучия, как переправлены прозвища Зезерин, Ледаков, Перетасуев и т. п.

Так я и думал, но случай заставил меня и в этом разубедиться.

Один подшлифованный человек, получивший себе в сладостный дар фамилию «Перестанкин», ободрясь успехами в жизни, ощутил слабость к аристократизму и стал считать свою фамилию очень именитою. Он родословие вывел и говорил: «У нас только герольд в коробье сопрел, а то наш род выше среднего: мы от самого болховского князя. В Болхове его род *перестал,* а наш начался: потому и зовемся теперь Перестанкины».

Странное и даже нелепое это было объяснение, а между тем в нем чувствовалось что-то как будто подходящее: возможно, что что-то в роду было, да *перестало,* и оттого пошедший отводок стал именоваться в долготу дней «Перестанкины». «Болховской князь», представ-

ляющий что-то героическое во мнении орловских простолюдинов, верно припутан к этому родословию зря, но не было ли какого разбойника, вроде воспоминаемого в Прологе Давида, который «губил яко же никто ин боле его», а потом «преста от того» и «понуди игумена некоего страхом постричь его в чин ангельский». Он *перестал* разбойничать, и «званье ему изменили».

В этом роде дело и разъяснилось.

Поселяюсь я раз на зиму у родных в Пензенской губернии, при заводах, в селе Райском. Жило нас много в разных флигелях, и мне понадобился расторопный мальчик для побегушек.

Попросил я об этом знакомого мужика. Мужик подумал и говорит: «Это трудно, — хозяйского сына ни одного отцы не отдадут, а разве, говорит, можно попробовать Перестанкина сына».

— Мне, — отвечаю, — все равно. Я мальчика обижать не буду.

— Да обижать зачем. Дитю обидишь — бог обидит.

— Ну так ты так и скажи его отцу.

Собеседник мой выразил недоумение.

— Какой же, — говорит, — у него отец?

— Я не знаю, какой он.

— У него отца нет, — перестанкин сын, так какого он отца знает.

— Кто же его мать?

— Девка, — она допреж к заводским робятам ходила, да *перестала*.

— Вон что!

— Да. А ты не понял?

— Сначала не понял.

— Просто. *За что же ее и перестанкой зовут?* У нее заболуйный парень есть... Хороший паренек, тебе бегать очень снадобится.

Вот мне и объяснился простой, но верный корень замысловатой фамилии.

Этот «заболуйный перестанкин сын» был у меня «на побегушках», чистил мне сапоги, обучен мною грамоте и был впоследствии определен в контору, где его прямо так и начали кликать: «Перестанкин»!

Таким образом открылся новый род, потомки которого со временем тоже, пожалуй, станут думать о себе «выше среднего» и захотят рассказывать, что у них «герольд сопрел».

Польская шляхта, не доказавшая своего дворянства, всегда жалуется, что у них «герольд *спалён*», то есть сгорел; а у наших он всегда *«сопрел»*.

Отчего бы это? Должно быть — дело вкуса и фантазии.

Разумеется, все это, что я теперь написал, крайне несерьезно и более похоже на шуточные воспоминания, а не на исторические коррективы к нашим родословиям, но что же делать, если так бывает с самыми серьезными вещами, что великое близко соприкасается с суетным, и от этого общего закона не убегает даже и русская геральдика.

Во вкусе же народном, — если кто хочет это проверить, — самыми лучшими прозвищами почитаются прозвища «по *страны*» (то есть по *стране*), а «не от имени человека». Самое лучшее прозвание у нас идет от края, от города, даже от села, вообще от местности: князь «черниговский», «одоевский», воевода «севский», «гадячский», «ломовецкий» барин, «воронецкий» поп, «рятяжевский» староста. Все «от страны». Старому почетному «седуну» на месте название того места *придается,* и это есть почет. От «ломовецкого барина» идут и дети его, тоже «ломовецкие господа». И всех таких прозваний «по стране» нет для народного вкуса законнее и «степеннее». И слух народный на этот счет удивительно разборчив. Одно время множество вполне незначительных людей, носящих фамилию Валуевы, «выводили себе герольда» и усиливались производить свое прозвище от города Валуек, но простые староверы им разъясняли, что их геральдическая претензия неправильна. А прозвище их, по народному соображению, надо выводить от «валуя», то есть от того старинного особых дел мастера, который вил воловьи жилы или бил людей этими «валуями».

Правы ли староверы — не знаю, а только можно пожалеть, что они и другие наши простолюдины еще не скоро будут читать книгу Карновича. Они бы, может

быть, по ней многое, наконец, уяснили, что останется непонятным для некоторых наших малоначитанных и почти не знающих русской жизни ученых.[1]

Существует довольно распространенное мнение, будто народ русский, кроме многих иных отменных качеств, которыми он превосходит иные народы, еще отличается прирожденным «демократизмом». В печати так и не обинуясь и говорят: «наш русский народ от природы своей — *демократическая нация*». Другие этому и не верят и смеются, указывая на довольно общие и убеди-

---

[1] *Валуй* — это, очевидно, что-то тожественное или близкое к понятию, выражаемому словом «заплечный мастер», или палач. В старых (патриарших) Прологах все еще упоминаются *валуи* и били *валуями*, то есть жилами воловьими, прототипами кнутов и плетей, уничтоженных при Александре II (17 апреля 1863 года). Вспомнив здесь об этих деятелях, невольно вспоминается и то, что многие из палачей, по игре случая, имели очень звучные и приятные фамилии, — так, например, по Петербургу прославили себя Никита *Хлебосолов*, Петр *Глазов* (давший будто свое имя известному Глазову кабаку), Василий *Могучий*, Степан Сергеевич *Карелин* (профессор своего дела) и Генрих *Пасси*. Каждое имя одно звучнее другого, а особенно Хлебосолов (см. «Русск⟨ий⟩ арх⟨ив⟩», 1867 г.).

«Обаче горе тому, его же имя полнее дел его».

Как чуток народ и как смысленна его памятливость, это обнаруживается иногда удивительно. Чаще многих, например, встречается очень распространенная простонародная фамилия *Половцевы*. Где есть «половецкий шлях» или «половецкий брод», там эту местность непременно кругом обсели Половцевы. В Орле немного повыше так называемой «Хвастливой мельницы» (или плотины) был, а может быть и теперь есть, «Половецкий мост» через Оку, а по сторонам *«дворы»*, и тем дворам так и имя было «половецкие дворы», а жители этих дворов все «половцы» (один из них, Спиридон Половцев, заслужив много орденов в военной службе, был швейцаром у князя Трубецкого и был могущественный своего времени делец и замечательный взяточник). Но как ни много Половцевых, а народ все-таки редко кличет просто Половцев, а всегда «придает» — *шелудивый*, или «шелудивый половчин», или «половецкий шелудяк». Между тем жители от половецкого моста народ очень чистый, и вид их таков, что ничем не напоминает о такой неопрятной, заразной болезни, как шелуди. Отчего же дается им этот непременный придаток к фамилии? Сему есть историческая причина, и она станет ясной и понятной всякому, кто когда-нибудь со смыслом и памятливо читал в Киево-Печерском патерике благочестивое сказание о возведении «небеси подобной» Лаврской церкви. Там, между прочим, читается, что грабившие (в 1096 г.) Русь половцы были «шелудивы» до того, что и сам их хан Буняк, «поноситель бога христианского», тоже был весь «в шелудях». *(Прим. автора.)*

тельные факты, как всякий русский охотно «лезет выше своего звания» и отчего у нас почитают «вышедшими в люди» только тех, кто именит и от прочих отличен по заслугам или даже и без оных. Само простонародье, почитаемое нынче за вернейший коэффициент народности в России, говорит: «народ *ломлив*», то есть любит «*ломиться* в честь», чтобы «в чести *ломаться*». Любит поклоны, любит чваниться, ищет лучших мест на сборищах и пирах, любит потеснить слабого и показать над ним свое могущество. Словом, в этом отношении русский человек, кажется, таков же, как и большинство людей на свете, и я никакого своего мнения об этом прибавлять не стану, но укажу только одну смешную странность: замечательно, что эти самые русские люди, которые так любят получать медали, звания и всякие превозвышающие отличия, сами же не обнаруживают к этим отличиям уважения и даже очень любят издеваться. А. П. Ермолов в Москве звал, например, своих лакеев «советниками», и в Москве, бывало, беспрестанно слышишь, как в трактирах гость в сибирке кричит пробегающему половому: «советник», подай кипяточку!» Самого грязного халатника-татарина у нас все в один голос кличут «князь», и всякий татарин оборачивается на эту кличку. Теперь опять новый и замечательный прием смешанной насмешки с притворством: обращается простолюдин к городовому, а в селе к уряднику, величая его «полковник». И это делают не одни простолюдины, а и образованные люди. «Урядник зауряд полковник», а каждый пристав — «ваше превосходительство». Зачем это так делается без всяких условий и подговоров, — я уж этого не знаю; а только действительно урядников зовут полковниками, а приставов — генералами. И это делают те самые люди, из которых редкий разве не хотел бы быть сам генералом, а иной даже сумел бы хорошо и погенеральствовать.

Вот и судите этот народ, аристократичен он, или он «от природы своей — *демократическая нация*». А если судить по житейским мелочам, то, кажется, можно подумать, что у нас на этот счет во всех слоях общества стоит гораздо больший хаос, чем у других людей, выработавших себе из своего аристократизма или демократизма что-либо определенное и пригодное к делу.

ОТКУДА ЗАИМСТВОВАН СЮЖЕТ ПЬЕСЫ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО «ПЕРВЫЙ ВИНОКУР»

Граф Л. Н. Толстой написал театральную пьесу для представления на народном театре. Пьеса называется «Первый винокур». Заглавие это тождественно с заголовком очень распространенной в народе литографической картинки, которая тоже называется «Первый винокур». Картину эту издавал и распространял по России недавно умерший книгопродавец Блиссмер, торговавший дешевыми книгами на Гороховой улице. Торговля эта и издательство производились Блиссмером в последнее время при известной поддержке от Василия Александровича Пашкова и графа Модеста Мод⟨естовича⟩ Корфа и их друзей. После кончины Блиссмера издательство и торговля его перешли в руки его бывшего приказчика г. Гротте, продолжающего теперь дело Блиссмера в собственном магазине на Малой Морской. Литографированная картина «Первый винокур» наиболее распространялась, и, кажется, до сих пор наиболее распространяется, при содействии великосветских дам, сочувствовавших заботам В. А. Пашкова, вполне или отчасти. Дамы, каждый год разъезжаясь на летнее время из столицы в свои деревни, в глубь России, всегда покупали картину «Первый винокур» в очень большом количестве и, живя в деревнях, раздаривали экземпляры «Винокура» крестьянам, и те его брали и прилепливали на стенах своих изб, клетей и пунек. Покойные Ю. Д. Засецкая и М. Г. Пей-

кер (рожд. Лашкарева), ненавидя нетрезвость, — спустили множество экземпляров «Первого винокура» в русские селения. Не менее их потрудились в этом роде Чертковы и многие другие дамы, в поместьях которых давно явился с своей сатирою «Первый винокур». Крестьянам «винокур» везде *нравился.* Сюжет картины был такой: сидит сатана и учит курить вино, а в деталях были изображены разорения и бедствия, которые приносит перевод сытного хлеба на пьяный спирт, и возникающее отсюда пьянство, разврат и преступления, и «сини очи подбиты, и увечья», — словом, все то, что видели и что отмечали в своих сочинениях Кирилл Туровский и Кирилл Белозерский. В общем, содержание всей картины можно хорошо выразить одною фразою преп. Кирилла: «Люди ся пропивают, а души гибнут».

Теперь из Москвы доходят известия, в чем состоит и пьеса графа Л. Н., написанная на это же самое заглавие.

Из этих известий оказывается, что «Первый винокур» графа Толстого трактует буквально тот же самый сюжет, с которым русские села в последнее десятилетие значительно ознакомлены при посредстве картины, издававшейся Блиссмером и распространявшейся усердием великосветских дам. Пьеса составляет как бы *сценарио,* в котором лица, изображенные на картине, говорят слова, соответствующие их целям и их настроению. Без сомнения, у великого мастера это могло и должно было выйти прекрасно, — как о том и отзываются. Но критике, следящей за тем, что граф Л. Н. производит в его нынешнем направлении, это опять дает указание на то, что автор «Первого винокура» своих сюжетов для народных рассказов и представлений не выдумывает и *не сочиняет,* а что он берет их готовые из книг или с картин, давно известных народу, но по странной случайности, кажется, совсем неизвестных многим из наших критиков. Если вспомнить Карлейля и Маколея и вспомнить также их ссылки и посылки на источники и материалы, то выйдет, что Карлейль и Маколей знали и простонародные книги и картины, а наши критики как будто этим пренебрегли, и оттого они больше бойки, чем многосторонне начитаны, и дают повод к нареканиям, что они знают не все, что литературному оценщику книг знать и понимать надобно.

О КУФЕЛЬНОМ МУЖИКЕ И ПРОЧ.

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ ОТЗЫВОВ О Л. ТОЛСТОМ

Новые произведения гр. Л. Н. Толстого продолжают беспрестанно вызывать разнообразные суждения. Энергические отзывы об этих сочинениях отличаются то энтузиазмом, доходящим порою до безмерного восторга с страстным желанием сравнять перед ним все остальное вровень с землею, то излишнею придирчивостью.

Попытки защитить многие нынешние мнения графа Л. Толстого не достигают цели. Теперь невозможно отнестись к его новейшим сочинениям с настоящим беспристрастием свободной литературной критики. Для этого, без сомнения, придет свое время, а до той поры теперь остается заботиться только о том, чтобы сохранить то, что чувствуют и как судят современные читатели, на глазах которых совершается величественный литературный успех гр. Толстого, а в то же время перед движением торжественной колесницы этого писателя с каким-то азартом производится идоложертвенное избиение литературных младенцев.

Когда настанет этот час, который не затмит величия гр. Л. Н. Толстого, но даст возможность говорить о достоинстве его сочинений с полною откровенностью, тогда для свободных от нынешних тенденций критиков может оказаться подспорьем то, что теперь упускается из виду нынешними критиками, пишущими под влиянием партийной страстности или других побуждений, литературе посторонних и не полезных.

Я не занимаюсь критикою и тем менее позволил бы себе критиковать сочинения графа Л. Н. Толстого, что и чрезвычайно трудно и чрезвычайно ответственно. Но чтобы установить точку моих отправлений к тому, что хочу сказать далее, — я оговариваюсь, что я разделяю мнение тех, кто считает графа Л. Н. великим и даже величайшим современным писателем в мире. Но из всех критиков, восхваляющих графа, по моему мнению, иностранные критики судят о нашем великом писателе лучше и достойнее, чем критики русские, а из иностранцев, кажется, всех полнее, глубже и правильнее понимает и толкует сочинения гр. Толстого — виконт Мельхиор де Вогюэ.

Таково мое личное мнение. Может быть, оно и ошибочно и даже совсем неверно, но я его сознаю искренно и пишу далее. Именно по тому уважению, какое я питаю к графу Л. Н. Толстому как к великому писателю моей родины, я не в силах отрывать от него своего внимания и не могу не отмечать того, чтó в суждениях о нем отзывается крайнею несправедливостью и пристрастием. Особенно досадительным кажется, когда в толкованиях идей этого писателя — главное, или по крайней мере более значительное, как бы умышленно заслоняется идеями низшего порядка и меньшего значения.

Такое отношение к делу уже два раза побудило меня осмелиться выступить со своими замечаниями, которые я желал довести до ведома гг. критиков гр. Толстого. Я знал, что это небезопасно и что я могу за это потерпеть, но тем не менее я отважился. В первый раз я старался дать защитникам графа годное оружие для защиты Льва Николаевича от нападок на него со стороны г. Леонтьева. Я старался показать и показал, что Л. Н. Толстой согласен с Исааком Сирином, которым его упрекал г. Леонтьев, а что г. Леонтьев сочинений Исаака Сирина не знает. Это было сильное оружие для защиты графа, но оно пренебрежено — вероятно, к немалому удовольствию г. Леонтьева и тех, кому надлежало почувствовать стыд за его необразованность и рискованные ссылки на христианских писателей, которых он не читал. Второй раз я указывал на сходство сюжетов гр. Толстого с некоторыми историями из Прологов и тоже, кажется, показал то, что было нужно.

В оба раза замечания мои остались никем не опровергнутыми и даже не поправленными. Это позволяет мне надеяться, что я, пожалуй, указал нечто правильное. Иначе, конечно, мои ошибки и погрешности не прошли бы без колких замечаний со стороны критиков, расположенных к графу Толстому, и со стороны критиков, которые относятся к нему враждебно. Г-н Леонтьев, имеющий место в числе последних, должен бы, кажется, не пренебречь случаем уличить меня в неосновательности тех указаний, которые я ему сделал.

Нынче я опять вижу повод указать нечто другим критикам, увлекающимся своею страстностью и толкующим нечто пристрастно, а нечто упустительно.

Один из критиков, осуждающих нынешнее настроение графа, недавно порицал его за «легкомыслие» в объяснении известной истории, как множество людей, имевших возбужденный аппетит, обошлись с очень малым количеством пищи. У гр. Толстого это представлено так, как бы люди устыдились своей заботы о пище и великодушно стали доставать все съедомое, что у кого было с собою, не для себя, а чтобы передать его другому. Все поделились, и еще осталось. Критик называет «такой мотив чудовищным, нелепым» и еще каким-то, и в том числе *«не имеющим себе подобного»*.

Я не смею утверждать, вышло ли упомянутое предположение об обращении с пищею из собственной головы графа Толстого. Но считаю возможным, что «мотив» этот мог быть им и вычитан и *позаимствован* у автора, которого критику надлежало бы знать. Во всяком случае, следует указать этому критику, что смутивший его «мотив» (если только дело о *мотиве*) имеет себе неоспоримое подобие в весьма ранней литературе этого рода, произведения которой графу Льву Николаевичу, наперекор его критикам, отлично знакомы.

В книге «Лавсаик, или повествования о жизни святых и блаженных отцов», сочинения Палладия епископа Еленопольского числом сто тридцать три жития, [1] под но-

[1] Путешествия Палладия Еленопольского происходили между 388 и 404 годами по Р. Х. Книга «Лавсаик» состоит из письма к правителю Лавсу, ста тридцати трех жизнеописаний и заключения. Странное и непонятное для объяснения название «Лавсаик» книга эта получила потому, что она написана Палладием «по желанию

мером девятнадцатым находится жизнеописание Макария Александрийского, а в том житии, между прочим, встречаем одно место, которое по-русски читается следующим образом:

«Когда-то прислали Макарию *кисть свежего винограда,* — а тогда ему (то есть бл⟨аженному⟩ Макарию) очень хотелось есть». Но Макарий воздержался и «отослал эту кисть к одному брату, которому тоже хотелось есть». Брат этот, подражая учителю, тоже *воздержался* и «послал виноград к другому брату, как будто самому ему не хотелось есть. Но и этот брат поступил так же, хотя ему очень хотелось съесть виноград. Таким образом, виноград перебывал у многих братий, и ни один не хотел есть его. Наконец последний брат, получив виноград, отослал его опять к Макарию, как дорогой подарок. Макарий же, узнавши виноград и разведав, как все было, обрадовался, и благодарил бога за такое воздержание братий, и сам не захотел есть».

Описанное происшествие с кистью винограда, которою насытилась вся братия многочисленного пустынножительства, без всякого сомнения, имеет *полное сходство* с тем, как представляется у Толстого подобное же событие, случившееся три века ранее в той же Палестине.

Я не говорю, что изображение, данное нам в «Лавсаике» епископом Еленопольским, непременно дало гр. Льву Н. Толстому мысль *совершенно так же* объяснять другое событие в этом роде, но *такой мотив* высказан ранее Толстого, и, мне кажется, господам критикам, не расположенным к графу, не следовало бы упускать этого из вида. Или вражда ослепляет их до того, что они позабывают то, что могло бы быть им на руку в борьбе с неприятным им автором, или же они вовсе никогда и не знали того, что я считаю с их стороны забывчивостью.

По поводу «Смерти Ивана Ильича», произведения, которое написано не в том роде, на который нападают критики, порицающие графа, — другие критики правильно превозносят неподражаемое мастерство нашего писателя, но отмечают всего сильнее его «страшный реа-

---

знаменитого мужа Лавса, занимавшего весьма важную должность при византийском дворе. Писана она по-гречески и переведена на другие языки — в том числе и на русский. Любителям житийных повестей «Лавсаик» всегда был известен. *(Прим. автора.)*

лизм» в описании хода смертной болезни и самой смерти. Тут, думается, как будто тоже несколько возобладала излишняя страстность, и за нею кое-что пропущено и кое-что прихвачено к делу без надобности. Так, например, при достойных похвалах графу некоторые из критиков в несколько приемов старались обнаруживать при этом свое особенно презрительное отношение ко всем другим писателям, которые «тоже пишут» и тоже «писателями называются».

Это напоминает одного из героев Писемского, который, едучи в вытертой шубе, говорит ей презрительно:

— Эх ты, сволочь! А тоже шубой называешься.

Везде, где есть литература, там есть писатели и лучшие и менее хорошие; как есть это и во всех родах искусства. Пишет портреты Н. И. Крамской — пишут и другие, и иногда тоже хорошо пишут, и у них есть свои заказчики, и даже свои почитатели, и судьи искусства не срамят этих художников и не гонят их с выставок. «Пушка палит сама по себе, а мортира — сама по себе». Благоухает роза, благоухает и ландыш. Оттого, что есть Верещагин, не резон запретить всем иным русским живописцам показываться на свет с их произведениями, которые, без сравнения их с картинами Верещагина, тоже нравятся и производят облагораживающее впечатление на вкус, а может быть, и трогают сердце...

Почему же иначе обходиться с писателями, в ряду которых Толстой *первенствует?*

Граф Л. Н. Толстой, без всякого сомнения, самый крупный современный литературный талант во всем свете (по крайней мере я нахожу такое мнение вполне верным), но, кажется, чем этот писатель многозначительнее, тем удобнее воздавать ему следуемое уважение, не прибегая к обиде и унижению других, которые никак заслонять его не могут и на то не покушаются. Другие писатели, разумеется, имеют меньшие или даже несравненно меньшие дарования, но несомненно, что и они, с их меньшими дарованиями, все-таки иногда могут писать не совсем дурные вещи. Доказательством тому служит, что публикою читаются не одни произведения графа Толстого, но и произведения других авторов, — и это иногда бывает не без пользы, так как и другие авторы тоже, в свою силу, возбуждают в читателях добрые чувства и

честные мысли. Отрешить от занятий литературою или заставить замолчать всех тех, кто пишет слабее, чем Л. Н. Толстой, было бы совсем не желательно и совсем не полезно в интересах самой литературы. Пока еще есть читатели, — нужны и писатели, без участия которых непременно ощутился бы недостаток в чтении. И притом в числе молодых беллетристов есть люди с хорошими дарованиями и тоже с здоровым реальным направлением. Говоря это, хочется назвать г. Гаршина, который пишет прекрасно и который далеко еще не достиг предела полного развития своего таланта. За ним, может быть, следовало бы упомянуть Короленко и молодого писателя Чехова, начинающего писать в том же реальном направлении. Еще никому не явлено ясно, чего эти люди достигнут, если станут трудиться, имея, между прочим, графа Толстого для себя *образцом,* а не пугалом... Их достаточно судить только с той стороны, делают ли они из своих дарований наилучшее употребление, какое избрать могут. Стараться же разочаровать их и унизить до потери всякой веры в себя — это не полезное, а вредное дело со стороны критики. Мы так не богаты талантливыми людьми, что нам надо беречь наши «всходы», а не обескураживать людей смолоду. Обескуражить легко, но поддержать потом силы молодого писателя весьма трудно, и потому манера никого не щадить при всяком к тому случае есть, поистине, жестокая манера в критике.

Твердость в этом направлении есть, конечно, подвиг, но подвиг, которого лучше избегать.

Скажу при этом, что доходит сюда в слухах из Москвы, — и чему, я думаю, можно верить: передают, будто граф Л. Н., совершенно равнодушный нынче ко всему, что о нем самом пишут, смущается, однако, тем, что ради его, для вящего его выделения, пишут в обиду другим... Благородной душе такие вещи, в самом деле, должны быть тягостны, а может быть, и противны.

В реализме «Смерти Ивана Ильича» самое «страшное» едва ли заключается в том, на что указывают. Описанные гр. Толстым детали при смертной обстановке Ивана Ильича отнюдь нельзя считать за универсальное описание этого рода события. Смерти бывают очень различные. Смерть «праведного» и смерть «греш-

ника» были давно предметами наблюдении и изображались их описателями реально, но не сходно одна с другою. Смерти, описанные И. С. Тургеневым, А. Н. Майковым, и смерть на поле битвы, превосходно представленная г. Гаршиным, — тоже все реальны, но каждая в своем роде. Иначе это не могло и быть. Сенека, конечно, не мог умирать так, как Иван Ильич, но смерть Сенеки вдохновительна и реальна. «Мудрец отличен от глупца тем, что он *мыслит до конца*». Иван Ильич не мыслил о смерти ранее; он делал свою служебную карьеру и, по немыслию своему, жил так, как будто устраивался тут навеки. В этом и других дрязгах была вся задача его жизни. Он принадлежал к людям, живущим в такой среде, где мысль о *конце* считается неуместною, — ее гонят из головы и не допускают в разговорах. А потому люди тут если не умирают внезапно, «скорописною смертью», то почти всегда умирают малодушными трусами, как раз так страшно и мучительно, как умирал Иван Ильич. К смерти, составляющей, по народному выражению, «окладное дело», надо себя приучать, и те, которые в этом успевали, по многочисленным замечаниям, умирали спокойнее и легче, — совсем не так, как умер Иван Ильич, а как умирали мудрецы, праведники и как умирают русские простолюдины, из которых один еще на сих днях в Париже привел французского проповедника в восторг своим «достоинством при смерти».

Это относится к смертям, описанным Тургеневым, и подкрепляет реальность его описаний.

Екклезиаст говорит, что «дерево куда клонится, туда и падает».

Был в России один превосходный мастер наблюдать умирающих и реально воспроизводить их собственное предсмертное поведение и поведение их родственников и друзей. Это Иоган Амброзий Розенштраух, известный в свое время евангелический проповедник в Харькове. Он был прекрасный, умный и безупречно правдивый христианин, пользовавшийся уважением всего города (в сороковых годах). У Розенштрауха было сходство с гр. Л. Н. Толстым в том отношении, что он тоже «почувствовал влечение к религии в зрелом возрасте, шестидесяти лет», и пошел в бесповоротную: он «ста-

риком сдал экзамен и сделался пастором». Свидетельство такого человека должно внушать доверие.

По нежному участию к людям Розенштраух являлся везде, где людей посещало горе, и видел *множество смертных случаев,* которые и записывал у себя *не для печати;* но после его смерти описания эти напечатаны в книге, известной также и в русской литературе под заглавием «У одра умирающих». Кто хочет видеть *реально,* но не с медицинской точки зрения сделанные описания умираний, тот не дурно сделает, заглянув в эту *реальную* книгу. Там целая масса наблюдений, и при всяком все один и тот же сюжет, — то есть люди умирают, но как несходно, как различно поведение всех этих умирающих и людей им близких! За реальностию в описаниях нет остановки. Рассказывается *все.* Вот девятилетний мальчик, возле которого нельзя стоять, не имея при себе губки с уксусной кислотою... А отец и мать обнимают и целуют его, причем, когда они нагнутся, «поднимается рой мух», а когда они восклонятся, — «мухи опять жадно садятся» (стр. 13). Пастор устыдился, бросил из рук свою губку с кислотою, и с той поры его обоняние никогда его более не беспокоило... Работница, заливаясь в водяной болезни, говорит: «не утешайте меня, что мои страдания скоро кончатся, — я *хочу страдания!»* Работник умирал так долго и был так смраден, что никто не в силах был влить ему ни пищи, ни лекарства, но в соседней палате больницы дожидал себе смерти другой неизлечимый больной. Этот тронулся положением смердящего и нашелся, как помочь ему: он отыскал *чубук* и, набрав себе в рот жидкости, стал переливать ее через чубук в горло умирающего... Писатель этот сам умер «совсем без страха».

Я не стану делать более этих выписок, которые могут быть тяжелы для читателя. Довольно того, что все это *реально,* но на кончину Ивана Ильича не похоже. Но вот начинаются и сходные случаи: (стр. 32) умирает «коллежский советник М.». — Это семейный человек, но гуляка, — он, умирая, все «зовет Пашку», а Пашка эта была крепостная девка. Другой, Ш., человек «богатый, но с дурною славою». Он все «неистово кричал и ругался»; но чтобы не сделать неприличия

и не прослыть безбожником, по настоянию родных допустил к себе духовное лицо, но едва тот начал молиться, как умирающий расхохотался и опять начал ругаться... Действительный статский советник Б., умирая, изображал такой «ужас, что глаза его вращались как колеса и *отпрыгивали»...* Он «пыхтел и сопел», так что «никто из семейства не хотел его видеть, чувствуя страх непреодолимый». Даже «единственного его сына» Розенштраух «насильно привел к двери, но тот вырвался из рук и убежал».

Это, кажется, будто похоже на то, что происходило при смерти Ивана Ильича, и даже, пожалуй, еще ужаснее. Замечания же достойна та странность, что в наблюдениях немца Розенштрауха во всех случаях смерти простолюдинов преобладают терпеливость и спокойная серьезность, какие отметил Тургенев, а затем во всех описаниях кончин статских и действительных статских советников преобладает нетерпение, неистовство, ужас и даже ругательства, то есть то, что поражает в смерти Ивана Ильича. То же и со стороны остающихся родственников: в простых семьях совсем не так относятся к смертельно больным, как в семьях чиновничьих. Родственники-простолюдины у Розенштрауха «обнимают больного, когда с него уже поднимается рой мух и опять садится», а в доме действительного статского советника «все скрылись», и «даже единственный сын, насильно подведенный к двери, убегает».

Так неодинаково, значит, ведется это по навыкам того и другого общественного круга, и потому вся обстановка смерти Ивана Ильича представляет собою, конечно, не картину смерти вообще, а она есть только изображение смерти карьерного человека из чиновничьего круга — человека, проведшего жизнь в лицемерии и в заботах, наиболее чуждых памятованию о смерти. А потому еще раз скажу: и философские смерти А. Н. Майкова, и крестьянские смерти Тургенева, и предсмертные страдания, изображенные Гаршиным, — все они нимало не утратили своей цены и *своей реальности* от того, что Л. Н. превосходно описал смерть Ивана Ильича.

В описании кончины Ивана Ильича некоторые из читателей считают за невероятное, или, как говорят,

за «утрированное», излишнее будто бы проникновение в самочувствие Ивана Ильича. Это касается того момента, когда умирающий уже оттерпел агонию и «опускается в темный мешок». Так близко в нашем обществе и преклонение перед художником и недоверие к его правдивости! Однако в самом деле, возможно ли что-нибудь понимать и сознавать, так сказать, в самый момент смерти? Или даже как будто сейчас после смерти.

Не превзошел ли художник художественной меры реального?

Я думаю, что мера не нарушена. Каким образом и что именно мог наблюдать граф Толстой из проявлений предсмертного *самочувствия* — это от нас сокрыто, но когда идет дело о том, чего мы сами не имели случая наблюдать и проницать, то, прежде чем отрицать это, надо справиться у тех, кто наблюдал. У цитированного мною харьковского пастора Розенштрауха есть три примера, где он наблюдал, что понимание или сознание может продолжаться долее того, когда умирающий представляется уже для всех окружающих трупом. И вдруг на мгновение является промелькновение чего-то несомненно сознательного. Одного *покойника,* при Розенштраухе, начали подвергать мертвецкому туалету, и при этом кто-то громко спросил: «Понял ли он, голубчик, о чем рыдала его жена?» А обмываемый мертвец неожиданно произнес: «Все», то есть «понял все» — и затем далее в нем не заметили никакого проблеска жизни.

«Я не раз, — говорит Розенштраух, — замечал *знаки внимания* у почивших, и потому должно остерегаться говорить при умерших».

Граф Л. Н., передавая, что слышит Иван Ильич, потерявший уже все другие признаки самочувствия, не сказал более этого.

При восхищении реализмом описания смертельной истории Ивана Ильича, кажется, не оценено то, что из всего реально выставленного автором есть самое ужасное. Всего ужаснее в этой истории едва ли не безучастие так называемых образованных людей русского общества к несчастию, происходящему в знакомом семействе. Люди не только совсем потеряли уменье оказать участливость к больному и его семейным, но они

даже не почитают это за нужное, да и не знают, как к этому приступить и чем тронуться. Не будь у них слуг для посылки «узнать о здоровье», не будь панихид, при которых можно «сделать визит умершему», — все знакомые решительно не знали бы, чем показать, что усопший был им знаком и что они хотя сколько-нибудь соболезнуют о горе, постигшем знакомое семейство.

Эта скудость чувства и уменья сделать что-либо лучшее так ужасна, что и человек, свободный от давлений славянофильского романтизма, невольно обращает свою мысль к простонародной среде и с отрадою говорит себе:

— Да, слава богу, там это лучше.

В самом деле, как это в простонародье? Там, когда узнают о тяжело заболевшем знакомом, идут не только «узнавать» о переменах в его здоровье, но идут «послужить» ему. Люди приходят переночевать, сменить усталых родственников, ухаживать вместо них за больным или идут вместо них «поработаться» во дворе, чтобы тем «развязать руки». Или приходящие приносят чего-нибудь «боли» (то есть болящему) — капустки, огурчиков, кашки... «С пустыми руками», без готовности помочь прийти неловко. Нужды нет — хорошо ли, то есть полезно ли и пригодно ли то, что приносят больному, но это приношение, во всяком случае, выражает истинное, а не этикетное «усердие», а истинное усердие и помощь в эту пору нужны. Усердие отбросает снег, оно наколет дров, оно уберет скотину, сбегает на ключ за водою — оно же потом обмоет и в гроб положит тело умершего и снесет гроб на кладбище. В селах гробов на заказ не делают и могил наймом не копают, а все это делают из участия, по любви к живым и «по усердию к умершему». Словом, в простонародье еще до сих пор многое при смерти ближних облегчается *усердием знакомых*. Иначе нельзя: «сами помирать будем». Прийти переночевать, «послужить», принести больному то, что можно отнять у себя самого лучшего, это все еще пока остается в русском народе, и этого нельзя не назвать прекрасным; к этому нельзя не отнестись без уважения; об этом нельзя не вспомнить без сожаления, что это совсем не так в других слоях общества, где более образованности и просвещения.

В «обществе» все это вывелось и осталось одно: «приказали узнать о здоровье», да потом — панихида... А на панихиде миганье о картах, как изображено графом Толстым на панихиде Ивана Ильича.

Даже такая сильная проповедь тленности, как лежащий в гробу охолодевший труп знакомого человека, не в силах возвысить его приятелей хотя бы до кратковременного, но серьезного раздумья о быстротечности жизни и о неизбежности скоро идти «вслед всея земли». А раздумье это, кажется, естественно, и оно, несомненно, полезно для человека, ибо хоть на время делает его менее суетным и самолюбивым, менее алчным и злым, более склонным простить свои обиды и примириться с несправедливостью, которая «скоро пройдет».

В простонародье все это есть, хоть понемножку. Так, вы видите у присутствующих серьезные, задумчивые вздохи, слышите нередко замечания о суете и осуждение ей *в себе самом.*

Это *человеческое* и *человечное,* но ничего подобного нет ни в одном из лиц, навещающих и погребающих Ивана Ильича. В них словно нет ни душ, ни сердец, и правдивый автор, описавший это, конечно, ничего не переутрировал. Родные и знакомые Ивана Ильича представлены такими, каковы они есть. Это благородные люди нашего общества, у которых есть перед простонародьем несомненные преимущества образованности.

Не странно ли это?

И удивительно ли, что над всем этим бесчувственным сонмищем высоко возвышается и величаво стоит... «куфельный мужик», который всех участливее, потому что он живет, зная, что ему «самому помирать придется!» Нет, это не удивительно. В той среде, из которой вышел этот убеждающий резонер пьесы, люди освоены с мыслью о смерти, а эта мысль облагораживает человека. Это давно известно. Но удивителен вывод, который делают иные из появления кухонного мужика при смертном случае в чиновном семействе.

«Соль обуяла»... Теперь она «чем осолится?» «Куфельным мужиком?» Так по крайней мере некоторым думается, так многие толкуют и готовы верить, что это

именно желает внушить им граф Л. Н. Толстой посредством рассказа о смерти Ивана Ильича.

Зачем иначе он взял именно в проповедники или поставил именно *кухонного мужика?* Другие искатели правды в лицах простонародного происхождения брали для этого старушек нянюшек, старых дворецких, преданных крепостных камердинеров (один А. П. Милюков все избирал извозчиков), а тут прямо — *кухонный мужик,* не связанный с семьею Ивана Ильича ни крепостною преданностью, ни благодарностью, а так... просто потому, что он *мужик* — самый подручный в господском доме «кухонный мужик», который может появляться в господских комнатах.

О Тургеневе говорили, что, прежде чем что-либо задумать и писать, он приглядывался и прислушивался к тому, что говорят и чем сильнее занимаются в обществе. Оттого будто бы, когда появлялось его произведение, где описывался известный тип и характер, в обществе чувствовали, что это что-то *знакомое,* что об этом именно думали, говорили и художник в своем произведении только осветил и разъяснил то, что мелькало в умах, но представлялось смутно и неясно.

Случайно или нет; но то же самое вышло и с кухонным мужиком. Даже тут вышло нечто более наглядное и поразительное, и это, мне кажется, достойно быть отмеченным.

После кончины поэта графа Алексея Константиновича Толстого (автора «Смерти Грозного») в Петербурге проживала зимою его вдова. Дом графини Толстой был одним из приятнейших и посещался очень интересными людьми. Из литераторов у графини бывали запросто и не запросто виконт Вогюэ, Достоевский, Болеслав Маркевич, Вл. Соловьев и я. Раз был проездом Тургенев. Иногда в этом доме читали, но более беседовали и иногда спорили — небесстрастно и интересно.

Вообще это была очень памятная зима, в которую в петербургском обществе получил особенный интерес и особенное значение «куфельный мужик».

Ф. М. Достоевский тогда был на самой высоте своих успехов, по мере возрастания которых он становился все серьезнее и иногда сидел неприступно и тягостно

молчал или «вещал». О нем так выражались, будто он не говорит, а «вещает». И он-то в ту зиму тут, в доме графини Толстой, впервые и провещал нам о «куфельном мужике», о котором до той поры в светских салонах не упоминалось. Потом в так называемом «свете» об этом мужике говорили много, долго, страстно и не переставали поминать его даже до той самой поры, как в печати появился рассказ графа Льва Николаевича о смерти Ивана Ильича. Вообще в свете «кухонный мужик» представлял нам давно знакомое лицо, которое задолго до его пришествия предвещано было Достоевским и только ожидалось, и ожидалось не без страха. Для многих это затрапезное лицо было полно сначала непонятного, но обидного или по крайней мере укоризненного значения, а потом для иных оно стало даже признаком угрожающего характера.

Это так сделал или приуготовил Достоевский.

Происшествие было так. Ф. М. Достоевский зашел раз сумерками к недавно умершей в Париже Юлии Денисовне Засецкой, урожденной Давыдовой, дочери известного партизана Дениса Давыдова. Ф. М. застал хозяйку за выборками каких-то мест из сочинений Джона Буниана и начал дружески укорять ее за протестантизм и наставлять в православии. Юлия Денисовна была заведомая протестантка, и она *одна* из всех лиц известного великосветского религиозного кружка не скрывала, что она с православием покончила и присоединилась к лютеранству. Это у нас для русских не дозволено и составляет наказуемое преступление, а потому признание в таком поступке требует известного мужества. Достоевский говорил, что он именно «уважает» в этой даме «ее мужество и ее искренность», но самый факт уклонения от православия в чужую веру его огорчал. Он говорил то, что говорят и многие другие, то есть что православие есть вера самая истинная и самая лучшая и что, не исповедуя православия, «нельзя быть русским». Засецкая, разумеется, держалась совсем других мнений и по характеру своему, поразительно напоминавшему горячий характер отца ее, «пылкого Дениса», была как нельзя более русская. В ней были и русские привычки и русский нрав, и притом в ней жило такое живое сострадание к бедствиям

чернорабочего народа, что она готова была помочь каждому и много помогала. Она *первая* с значительным пожертвованием основала в Петербурге первый удобный ночлежный приют и сама им занималась, перенося бездну неприятностей. Вообще, она была очень доступна всем добрым чувствам и отзывалась живым содействием на всякое человеческое горе. Притом все, что она делала для других, — это делалось ею не по-купечески, а очень деликатно. Словом, она была очень добрая и хорошо воспитанная женщина и даже набожная христианка, но только не православная. И переход из православия в протестантизм она сделала, как Достоевский правильно понимал, потому, что была искренна и не могла сносить в себе никакой фальши. Но через это-то Достоевскому и было особенно жалко, что такая «горячая душа» «ушла от своих и пристала к немцам». И он ей пенял и наставлял, но никак не мог возвратить заблудшую в православие. Споры у них бывали жаркие и ожесточенные, Достоевский из них ни разу не выходил победителем. В его боевом арсенале немножко недоставало оружия. Засецкая превосходно знала библию, и ей были знакомы многие лучшие библейские исследования английских и немецких теологов, Достоевский же знал священное писание далеко не в такой степени, а исследованиями его пренебрегал и в религиозных беседах обнаруживал более страстности, чем сведущности. Поэтому, будучи умен и оригинален, он старался ставить «загвоздочки», а от уяснений и от доказательств он уклонялся: загвоздит загвоздку и умолкнет, а люди потом все думают: что сие есть? Порою все это выходило очень замысловато и забавно. Так-то, по этому способу, он здесь и загвоздил раз «куфельного мужика», с которым с этих пор в свете и возились чуть не десять лет и никак не могли справиться с этой загвоздкой.

Тою зимою, о которой я вспоминаю, в Петербург ожидался Редсток, и Ф. М. Достоевский по этому случаю имел большое попечение о душе Засецкой. Он пробовал в это именно время остановить ее религиозное своенравие и «воцерковить» ее. С этой целью он налегал на нее гораздо потверже и старался беседовать с нею наедине, чтобы при ней не было ее велико-

светских друзей, от которых (ему казалось) она имела поддержку в своих антипатиях ко всему русскому. Он заходил к ней более ранним вечером, когда еще великосветские люди друг к другу не ездят. Но и тут дело не удавалось: иногда им мешали, да и Засецкая не воцерковлялась и все твердила, что она не понимает, почему русский человек всех лучше, а вера его всех истиннее? Никак не понимала... и Достоевский этого ее недостатка не исправил. Засецкая говорила, будто она имела уже об этом ранее беседы с такими-то и с такими-то авторитетными людьми, но что ни один из них не был в этом случае счастливее Достоевского.

Это сделалось любимою темою Засецкой для отпора Достоевскому. Она думала, что если «со всеми» говорила, то и Достоевский ее воцерковлять не станет, а его это только раздражало, и раз, когда Засецкая при двух дамах сказала, что она не знает: «что именно в России лучше, чем в чужих странах?», то Достоевский ей коротко отвечал: «все лучше». А когда она возразила, что «не видит этого», — он отвечал, что «никто ее не научил видеть иначе».

— Так научите!

Достоевский промолчал, а Засецкая, обратясь к дамам, продолжала:

— Да, в самом деле, я не вижу, к кому здесь даже идти за научением.

А присутствовавшие дамы ее еще поддержали. Тогда раздраженный Достоевский в гневе воскликнул:

— Не видите, к кому идти за научением! Хорошо! Ступайте же к вашему *куфельному мужику* — он вас научит!

(Вероятно, желая подражать произношению прислуги, Достоевский именно выговорил «куфельному», а не кухонному.)

Дамы не выдержали, и одна из них, сестра Засецкой, графиня В⟨исконти⟩, неудержимо расхохоталась...

— Comment! [1] Я должна идти к моему кухонному мужику! Вы бог знает какой вздор говорите!

Достоевский обиделся и заговорил еще раздраженнее:

---

[1] Как! *(франц.)*

— Да, идите, все, все идите к вашему куфельному мужику!

И, встав с места, он еще по одному разу повторил это каждой из трех дам в особину:

— И вы идите к вашему куфельному мужику, и вы...

Но когда это дошло до живой, веселой и чрезвычайно смешливой гр. В⟨исконти⟩, то эта еще неудержимее расхохоталась, замахала на Достоевского руками и убежала к племянницам.

Одна Засецкая проводила мрачного Ф. М—ча в переднюю, и зато он, прощаясь с нею, здесь опять сказал ей:

— Идите теперь не к ним, а к вашему куфельному мужику!

Та старалась сгладить впечатление и тихо отвечала:

— Но чему же он меня в самом деле научит?

— Всему!

— Как *всему?*

— Всему, всему, всему... и тому, чему учит Редсток, и тому, чему учит Мэккэнзи Уоллес и Деруа Болье, и еще гораздо больше, чем этому.

Хозяйка возвратилась в свой кабинет и рассказала дамам свое прощание с Достоевским, и те еще более смеялись над данною им командировкою «идти к куфельному мужику», который *«научит всему».*

При недостатке легких тем для разговоров «куфельный мужик» с этого же вечера пошел в ход и в этот же вечер вихрем пролетел по нескольким гостиным, а в одну из них был принесен самим Ф⟨едором⟩ М⟨ихайловичем⟩.

В этот же вечер одна из дам, бывших час тому назад у Засецкой, появилась в гостиной графини Толстой и рассказала, что Достоевский на них «накричал» и «гнал их к куфельному мужику».

— Как к куфельному мужику? К какому куфельному мужику?

— К настоящему, обыкновенному кухонному мужику, у кого какой есть на кухне.

— Зачем?

— Он нас будет учить.

— Чему?

— Всему.

— Как всему?!

— Всему, — так говорит Достоевский, — куфельный мужик вас научит всему!

— И истории?

— Не знаю.

— И географии?

— Не знаю... «Всему».[1]

В числе посторонних тут были г. Вогюэ и Болеслав Маркевич, а в числе дам — супруга генерал-адъютанта К⟨ушеле⟩ва и ее племянница, молодая девушка, г-жа У⟨шако⟩ва.

Большинство этих лиц теперь, благодаря бога, здравствует, так же как и сама хозяйка дома, гр. Толстая, а потому читатель может верить, что я буду передавать только правду, для которой живы свидетели.

И вдруг такое течение обстоятельств: час спустя сюда же входит Достоевский. Он был мрачен и нарочито угрюм, и даже скупо награждал вниманием всегда заискивавшего перед ним Маркевича. В общие разговоры, какие тут шли, он долго не вмешивался. Беседу более всех оживляла упомянутая выше дама г-жа К⟨ушеле⟩ва, состоящая в фамильном родстве с супругою г-на Вогюэ (русскою, урожденною Анненковою). Говорили о каких-то своих и чужих порядках, причем г-жа К⟨ушеле⟩ва, делая сравнения русской и европейской жизни, обмолвилась в том же роде, в каком говорила Засецкая, а именно, что она решительно не понимает, чем русский человек лучше всякого другого и почему для него все нужно иное?

Достоевский в нее воззрился, раскрыл уста и произнес:

---

[1] В «Историческом вестнике» теперь печатаются воспоминания Соллогуба, который рассказывает, что Ф. М. Достоевский в начале своей писательской карьеры был очень застенчив. В последние годы жизни его он в этом отношении сильно изменился: застенчивость его оставила — особенно после поездки в Москву на пушкинский праздник. Ф. М. не стеснялся входить в великосветские дома и держал себя там не столько применяясь к тамошним обычаям, сколько следуя обычаям своего собственного нрава. Задумчивую серьезность его не все умели отличать от дерзости, с которою, впрочем, она иногда очень близко соприкасалась. *(Прим. автора.)*

— Если не знаете, то подите к вашему куфельному мужику, и он вас научит.

Маркевич, которому эта живая дама часто досаждала противоречиями, встрепенулся и, раскладывая пасьянс, подсказал:

— Да, вот прекрасно... ступайте к куфельному мужику.

— Чему же он меня научит?

— Он? Он вас научит *всему!* — пояснил Достоевский.

— Чему? чему это всему? — добивалась дама.

— Жить и умереть, — молвил Достоевский.

— Жить и умереть, — подтвердил Маркевич, продолжая снимать пасьянс.

— Это все-таки очень обще... я ничего не могу уловить в этом... Вы скажите яснее: чему он меня будет учить?

Достоевский замолчал и стал смотреть в сторону.

Выходило немножко грубовато и неловко.

Собеседницу поддержала ее племянница, г-жа У⟨шако⟩ва: она сказала, что кухонный мужик — «это, конечно, очень ново и любопытно, но что, к сожалению, действительно очень трудно себе представить: чему кухонный мужик будет учить образованного человека».

В утомленных глазах Достоевского сверкнул тусклый огонь, чрезвычайно напоминавший взгляд известного польского мистика Товианского; он нетерпеливо ответил девушке:

— Хотите узнать?

— Очень хочу.

— Так идите к нему сейчас, и вы узнаете, чему он вас научит!

И, произнося это, Достоевский указывал глазами на дверь, через которую предположительно можно было достичь из гостиной через внутренние комнаты на кухню.

Но светская девушка спокойно поблагодарила писателя за совет, и сама посоветовала ему первому пойти туда и поучиться на первый раз вежливости.

Достоевский опять обиделся, замолчал и скоро удалился, а оставшиеся после его ухода еще поговорили об этой выходке. Одни находили ее странной, другие

даже неуместной, но вообще все более шутили над указанным «новым профессором», хотя, впрочем, находили, что «это ужасно, если уже до того дошло дело, что русским образованным людям ничего более не остается, как идти учиться на кухню».

— Образованные люди должны идти учиться к кухонному мужику!.. Он всех умнее!.. *Он всему научит!..* Что за вздор! Чему же *всему* он научит?

Ни Достоевский, ни Маркевич никогда этого не разъяснили, хотя Маркевичу, в рассуждении его собственного спокойствия, этот кухонный мужик не дешево стоил. Достоевского не все решались трогать, да он и не часто бывал в великосветских домах, но зато к Маркевичу, который всегда отличался недостатком собственных мнений и, по выражению одного из его светских приятелей, «всегда ехал у кого-нибудь в тороках», дамы долго и неустанно приступали с требованием разъяснить: «чему может научить куфельный мужик»?

Маркевич не давал ответа и, вздыхая значительно, клал свой пасьянс.

Он, надо думать, не знал в точности, чему может научить куфельный мужик, да, вероятно, не имел отваги и расспросить об этом у Достоевского.

Во всяком случае, оба они унесли тайну учительного значения куфельного мужика с собою в могилу, а светские люди остались в недоумении и, отчасти, в некотором страхе. И вдруг кого-то осенила мысль, что куфельный мужик — это «указание предосторожности». Сделавшему это открытие дальше уже и говорить не дали.

— Не нужно больше... Нечего и рассказывать... — это предостережение... Как, однако, хитер и как загадочен ум Достоевского!.. Конечно, говоря о куфельном мужике, он нас *предостерегал!*

Но являлись люди спокойного ума и уверяли, что его в комнаты не пустят, — он все будет на кухне.

И как раз — вдруг все случилось иначе! Чего не допускали и чего не опасались, это-то и случилось. Чем Ф. М. Достоевский, как чуждый пришлец в большом

свете, только пугал, то граф Л. Н. Толстой сделал. Как свой человек, зная все входы и выходы в доме, он пропустил и ввел кухонного мужика в апартаменты. Что люди, пользуясь силами жизни и растрачивая их на свои карьерные заботы, отметали, то предсмертные муки заставили одного из них принять к себе. Иван Ильич, оставленный всеми и сделавшийся в тягость даже самым близким родным, нашел истинные, в простонародном духе, сострадание и помощь в одном своем *куфельном* мужике. Таким образом, пришел этот предвозвещенный Достоевским мужик, не принеся с собой ни топора, ни ножа, — он принес одно простое доброе сердце, приученное знать, что в горе людям «послужить надо». Барин сам попросил мужика прийти к нему, и вот перед отверстым гробом куфельный мужик научил барина ценить истинное участие к человеку страждущему, — участие, перед которым так ничтожно и противно все, что приносят друг к другу в подобные минуты люди светские.

Иван Ильич научился *тому, чему можно научиться* у куфельного мужика, — и, оздоровленный этим научением... он умер.

Граф Л. Н. Толстой своим рассказом о смерти Ивана Ильича ответил на вопрос: чему может научить куфельный мужик, — и ответил превосходно. Тому, чему мужик научает в этом рассказе, он действительно научить в состоянии, и урок, им преподанный у смертного одра, превосходен. Но этому ли куфельный мужик должен был научать по программе Достоевского, со слов которого разговор о куфельном мужике около десяти лет болтался в обществе, — это остается открытым вопросом, который гр. Толстой разрешил в своем вкусе, — может быть, совсем иначе, чем тот, кто его поставил. По огромному и несогласимому разномыслию, которое граф Л. Н. твердо и решительно выражает против учительства Достоевского, следует думать, что толстовский кухонный мужик научает, может быть, совсем не тому, чему должен бы научить куфельный мужик, как представлял себе Достоевский. Вообще, нет ли основания полагать, что десятилетнее брожение куфельного мужика в несвойственных ему светских гостиных, *где речи о нем завел Достоевский,* не минуло тон-

кого, художественного слуха Л. Толстого, и, может быть, это брожение вызвало у графа доброе желание дать обществу правдивое изображение мужика. А что граф Л. Н. мог знать о долгой возне взбудораженных Достоевским дам и кавалеров с подсунутым им куфельным мужиком, — то это, кажется, более чем вероятно. Об этом, то смеясь, то негодуя, говорили и в Москве и в Петербурге и не позабыли об этом даже до самого того дня, когда вышла повесть, как Иван Ильич умер. Многие, прочтя о куфельном мужике, прямо воскликнули:

— *Вот он* когда пришел!

Во всяком случае, десять лет остававшийся неразрешенным в гостиных вопрос о кухонном мужике получил свое разрешение от графа Л. Н. Толстого, и разрешение это правильно и прекрасно. *Мужик научает жить, памятуя смерть,* он научает приходить *послужить страждущему.* Последовать ему очень похвально и нимало не унизительно.

Ничему отвлеченному, ни в политическом, ни в теологическом роде, куфельный мужик людей высшего общественного круга не научает. Он научает их только тому, что человеку следует соблюсти в себе, стоя на всех ступенях развития, и что дает всякому умственному преуспеянию и питательную почву и плодоносящий рост.

Когда скончался Ф. М. Достоевский, многие писатели называли его в печати «учителем», и даже «великим учителем», чего, быть может, не следовало, «ибо *один* у нас учитель» (Мф. 23, 8—10); но потом, когда смерть постигла И. С. Тургенева, — этого опять именовали «учителем», и тоже «великим учителем». Теперь графа Льва Николаевича Толстого уже при жизни его называют и просто «учителем» и тоже «великим учителем»... (По словам г. Вл. Соловьева, Достоевский есть тоже еще и «нравственный вождь русского народа».) Скольких мы имеем теперь «великих учителей»! Который же из них трех больший и которого учение истинней? Это достойно себе уяснить, так как учения названных трех великих российских учителей в весьма

важных и существенных положениях между собою не согласны. Достоевский был православист, Тургенев — гуманист, Л. Толстой — моралист и христианин-*практик*. Которому же из этих направлений наших трех учителей мы более научаемся и которому последуем?.. Есть долг и надобность уяснить себе: «все ли учители» (I Коринф. 12, 29)... Этого «куфельный мужик» не разберет...

А думается, что разобрать это было бы делом, достойным умной и просвещенной критики, и в этом смысле могли бы быть написаны статьи, полные самого серьезного жизненного значения.

НЕНАПЕЧАТАННЫЕ РУКОПИСИ ПЬЕС УМЕРШИХ ПИСАТЕЛЕЙ

(БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА)

В 4017 № «Нового времени» я прочитал известие о том, что в бумагах покойного Решетникова *найдена* совершенно законченная драма и что драма эта будет напечатана в журнале «Русское богатство». По сюжету, как он вкратце передан в газете, я думаю, что находка эта сделана не на сих днях, а значительно ранее, так как такая пьеса, написанная покойным Решетниковым, была известна мне года три-четыре назад, а еще значительно ранее того она, кажется, была известна Глебу Ивановичу Успенскому, с которым нам, по одному случаю, доводилось, помнится, иметь о рукописях Решетникова переписку. Словом, пьеса Решетникова в безвестности затеряться не могла, и ее содержание и литературные ее достоинства некоторым из литераторов были известны. Но есть пьеса умершего писателя, происхождение которой, а равно и ее замечательная судьба способны возбуждать, может быть, несколько больший интерес, а между тем о существовании этой пьесы, кроме меня, кажется, никому и ничего из литературных людей не известно. Пьеса, о которой я говорю, *составлена* покойным Феофилом Матвеевичем Толстым, автором рассказа «Болезни воли», который, в свою очередь, тоже составлен по «Запискам доктора Крупова». Пьеса Ф. М. Толстого называется «Нигилисты в домашнем их быту. Драматические и философические очерки в пяти актах и десяти карти-

нах, с эпилогом, сочинение Ф. М. Толстого из романа г. Чернышевского «Что делать?». Пьеса эта была написана Ф. Толстым в 1863 году, и 21 августа того же 1863 года один, чисто набело переписанный экземпляр ее был представлен в театрально-литературный комитет. В комитете «Нигилисты в их домашнем быту» были читаны 24 августа и записаны по журналу под № 1150. Далее на экземпляре, возвращенном автору, значится следующая надпись: «По журналу театрально-литературного комитета 31 августа 1863 г. *не одобрено к представлению*. Председатель комитета П. Юркевич». Экземпляр этот находится *у меня* и принадлежит мне по дару самого покойного Ф. М. Толстого. О литературных достоинствах этой пьесы я подробно говорить не стану, а сюжет ее всякому более или менее начитанному русскому человеку должен быть понятен, так как источник, из которого этот сюжет почерпнут, ясно указан и весьма общеизвестен. Но в пьесе очень интересны и достойны внимания вариации и переделки, которые Ф. М. Толстой счел нужным ввести по своему вкусу и по разным соображениям, в которых, без сомнения, имело место и служебное и общественное положение Ф. М. Толстого. Он во время сочинения этой пьесы носил придворное звание камергера и состоял на службе членом главного правления по делам печати. «Нигилисты в их домашнем быту» представлены в смягченном и примиряющем тоне. Оплотом старого порядка вещей выведен резонер Туров, который резонирует горячо и много, но взгляды его, впрочем, не торжествуют. Пьеса заканчивается танцами, на которые сводит все философемы Вера Павловна, а «Туров, махнув рукою, отходит в сторону». В числе «действующих лиц» встречаем: Веру Павловну Лопухову, Дм⟨итрия⟩ Серг⟨еевича⟩ Лопухова, Плат⟨она⟩ Петр⟨овича⟩ Гнурова, француженку Жюли и Кирсанова. Есть также «студенты, офицеры, штатские, закройщицы и мастерицы». В общем, пьеса малосценична, потому что преисполнена довольно длинных и скучных трактаций, но она, несомненно, имеет своего рода интерес для историка русской литературы, и, сколько я понимаю, пьеса эта, вероятно, без препятствий может быть напечатана в исторических изданиях, чего она и заслуживает,

НА СМЕРТЬ М. Н. КАТКОВА

«Память праведного с похвалами», «Честна пред господом смерть преподобных его». Эти слова церковных песнопений, если приложить их к явлениям, сопровождавшим недавнюю кончину М. Н. Каткова, сопричисляют львояростного кормчего «Московских ведомостей» к сонму праведников и навеки вплетают имя его в благоуханный венок преподобных.

Телеграммы со всех концов родины и из центров западной политики, усердно подобранные по графам топографической росписи в последней книжке «Русского вестника», должны как бы воочию напоминать падким на забвение россиянам, что их умерший собрат унес за собою в могилу скорбь лиц, и восседающих на высоте императорского трона и скромно ютившихся под сенью жилищ провинциальных чиновников. Во всяком случае, можно поручиться, что дотоле ни один русский писатель своей смертью не принес столько работы телеграфному ведомству. Сказалась его смерть и на работе железных дорог: из Петербурга в осиротелую Москву не потяготился проехать сам И. Д. Делянов, чтобы над свежей могилой лейб-пестуна и гоф-вдохновителя министра народного просвещения пролить слезу благодарности от муз российского Парнаса, а из Парижа на погост Алексеевского монастыря примчался республиканский монархист Поль Дерулед, сия взлелеянная на Страстном

бульваре французская ипостась того самого вольного казака Ашинова, кого венчала скороспелыми лаврами героя XIX века властная, но не всегда разборчивая на хулу и на хвалу рука московского громовержца.

Если эти свежие картины прикинуть к тому, как и на нашей памяти и по живому преданию старины наша вялая и сонная родина провожала в последний путь земли не только Тургенева или Достоевского, но даже Гоголя или Пушкина, то, пожалуй, будущий ее летописец, учитывая в каждом случае степень проявленной ею скорби, по воплям усердных плакальщиц и воздыханиям телеграфных причитальщиков признает кончину Каткова утратой более горестной, чем смерти названных только что ее лучших писателей, а Михаилу Никифоровичу усвоит титул «князя от князей» русской письменности.

Нужно ли говорить, как опрометчиво было бы такое признание, если оценивать писателя не по воплям его осиротелых оруженосцев, а по настоящему весу того, что защищал пером своим писатель.

Что вспомнит каждый из литературного наследия Каткова при первом же упоминании его имени? Конечно, классицизм, ради торжества которого он не только создал на весьма сомнительные приношения Полякова особый Лицей, столь же далекий от афинского, насколько П. М. Леонтьев был не похож на Аристотеля, как бы на этот счет ни судил осиротелый ныне А. И. Георгиевский, но и всю русскую школу от Ревеля до Иркутска и Оренбурга под единообразный колер греко-римского тонкословия. Но от сего «плясали лики» лишь тех чешско-русинских иродов, от усердия которых «сбытся реченное Иеремией-пророком, глаголющим: ужас в Раме слышан бысть, плач, и рыдание, и вопль мног», раздавшийся в каждой русской семье, над чадами коей с 1877 года, по указке М. Н., творили свои лютые эксерсицы австрийские изверженцы, в гостеприимных складках русской порфиры нашедшие убежище от подчас весьма заслуженной кары венских и пражских полициантов. Не подумал впопыхах каждодневного писания страж монархии и про то, каким удобрением для всходов на монархической ниве явятся ораторы и историки республиканских Афин и Рима, лучшие

страницы свои пропитавшие неутомимой ненавистью к тиранам. Он будто не видел, как много дров кладет на костер неизбежной в первую голову из-за его же работы русской революции руками призванных им из-за Карпат бездушных шульмейстеров, беспощадно выбрасывавших на улицу всякого живого юношу, не способного познать сладость Кюнера и мудрость Юлия Цезаря... Фелькеля.

Но это наше, семейное, домашнее горе, а нам испокон веков не привыкать стать к тому, чтоб над детьми нашими измывался «всяк человек лукав и жесток в начинаниях и человек звероправен». Но гоня своих «яко же вран по горам», М. Н. еще бóльшую, едва ли не всемирную славу стяжал в 1863 году писаниями по польскому делу, посадивши в Вильну Муравьева и руководя передовицами из московского кабинета в многострадальной Литве и Польше, вызывая одинаково ярый восторг политических кликуш в стиле Антонины Блудовой и несказанную зависть своих бессильных подражателей вроде И. П. Корнилова или профессора Кояловича. Теперь, когда прошел угар порушенной отчизны, видно, что в пылу священного восторга М. Н. не разглядел и не сообразил, на чью мельницу льет воду, не понимая, какого непримиримого и лютого врага готовит России и русским в каждом поляке, согнанном с отцовского будынку и лишенном права даже с сыном разговаривать на языке своих отцов. Одной рукой, по сю сторону Вислы, поддерживая дворянство, эту миражную опору трона, а другой, по ту сторону той же самой Вислы, натравляя на всякого пана и шляхтича оравы самой разнузданной черни только потому, что и эти стервятники жаждали урвать перо от крыла ненавистного Каткову одноглавого польского орла. Слепая власть и немая печать возносили кадильницы, полные фимиама, к стопам московского Талейрана, забывшего как раз про основное правило последнего: toujours pas trop de zèle,[1] и, на наш скромный суд, куда ближе подходил к именитому дипломату наш безвестный законоучитель, который, глядя на пламеневших неугасимой ненавистью сосланных и к нам в Орел после руины

[1] Всегда без лишнего усердия *(франц.)*.

1830 года поляков, говорил: и чего их сюда нагнали! Сидели б они себе по цукерням за марципанами, а нам и своего горя не избыть, а не то чтоб еще соседей жать да разорять. И пусть епископ Амвросий, проводивший в могилу пламенным словом благоволившего к нему редактора, взвесит на весах своей епископской совести, кто ближе подходил к Христу — орловский ли немудрый попик или превосходительный трибун Страстного бульвара?

Утвердив в прошлое царствование за собой титул непререкаемого политического оракула статьями по польскому вопросу, в нынешнее Катков от маленького Парижа на берегах Вислы перенес свою опеку на большой на берегах Сены и, сильно гневаясь на Бисмарка за нежелание признать в нем Дельфийского оракула, а не грамотного наследника Ивана Яковлевича Корейши на Шеллинговой подкладке, стал работать на многоплодной для себя стезе франко-русского союза. Но и тут шоры личных пристрастий скрыли от него опасность общения неограниченного монарха с самым открытым и победным воплощением республиканской власти. Но «скрытое великим уявися малым», и этим еще летом один пастор в беседе с нами сравнил русского царя, заключающего союз с французским президентом, с семейной дамой, отдающей свою дочь в пансион содержательницы непотребного дома. Похвалы, расточаемые сего случая ради катковскими курантами по адресу весьма щедрой на оплату таковых республиканской власти, — это, конечно, очень сильный удар по зданию монархии, внушающий мысль, что, стало быть, республика вовсе не столь гнусное зло, коль скоро по нужде и русский царь принимает от нее руку помощи. Герцен и Миртов со своими женевскими подголосками сделали, пожалуй, меньше для примирения русской мысли с приемлемостью республиканского строя, чем столь искренне оплаканный государем Катков. Союз этот, подрубая внутри страны с корнем дерево ее исконного уклада, подводит нас под неисчислимые беды европейской войны, на которую, конечно, вынуждены будут пойти наши соседи немцы, коль скоро мы так тесно связались с их врагом, и сами французы, которые только потому и берут себе на повод казацкого мед-

ведя, что ждут его помощи в час того реванша, без мечты о котором ни один француз и не ляжет и не встанет.

В одной старинной, правда отреченной, книге предуказано, будто всякий покойник вратарю царства небесного должен предъявить складень с изображением содеянного им при жизни. Суздальские богомазы без труда составят таковой для душеньки благоволившего им Каткова: классицизм, разгром Польши, франко-русский союз займут створки этого оправдательного триптиха. Кто по намекам наших беглых строк с достаточной ясностью сообразил, во что России обошлись и еще обойдутся в грядущем эти дары Каткова, тот, пожалуй, подумает, что И. Д. Делянов обнаружил бы бóльшую прозорливость, если бы смирно сидел на паперти армянской церкви и не утруждал себя поездкой в Москву на похороны Каткова.

ТЕМНЕЮЩИЙ БЕРЕГ

Всякая курица на насест хочет.
Эстонская пословица.

На сих днях мне привелось прочитать в петербургских газетах, что «бердянское городское общество ходатайствует о неприменении к нему циркуляра министра народного просвещения, ввиду того что бердянское общество, сооружая гимназию, имело в виду именно дать возможность получить в гимназии образование детям небогатых родителей из городского и сельского населения, то есть именно тому разряду детей, который министерским циркуляром отстраняется от гимназий». Газета «Неделя», в которой это известие напечатано, присовокупляет, что, «вероятно, такие затруднения новое распоряжение вызвало и в других городах».

Соображения «Недели» совершенно справедливы, доказательством чего служит заявление русских в Гельсингфорсе, чувствующих себя в приниженном положении перед согражданами финского происхождения.

На окраинах государства это действительно обозначается резче и чувствуется сильнее. Я прожил нынешнее лето на острове Эзеле, в г. Аренсбурге, где есть классическая гимназия. Это есть единственное среднее учебное заведение для всего населения островов Эзеля, Даго, Мона, Вормса, Нука, Оденсгольма и других меньших островов здешней группы.

В Аренсбургской гимназии обыкновенно обучается средним числом около ста пятидесяти учеников, и из

них едва двадцать пять — тридцать принадлежат к дворянским или чиновничьим семьям, а все прочие огулом «относятся к тому разряду детей, который министерским циркуляром отстраняется от гимназий». Бердянск схож в своем положении с Аренсбургом в том отношении, что оба эти города не могут похвалиться населением их родовой знати, а население их торговое и простонародное.

На острове в 1881 году насчитывали до ста тысяч жителей, а дворянских семей считается 38, из коих далеко не все живут в своей Озилии. А потому в гимназии в Аренсбурге, как и в Бердянске, преобладает элемент простонародный. Но Бердянск сравнительно с Аренсбургом — большой туз и капиталист по зажиточности своих граждан, тогда как Аренсбург — бедняк. Это городок крошечный и до того лишенный торгового значения, что здесь нет *ни одного* значительного капиталиста. В Аренсбурге нет ни одного купца первой гильдии, а все его граждане, за исключением очень небольшого числа чиновников, есть только *мелочные* торговцы, ремесленники да чернорабочие, — по преимуществу рыбаки и судоходы. В Аренсбурге все мало-мальски видные граждане на перечете, и те, по общему понятию о торговле, должны быть отнесены к разряду «мелочников». Вильденберг мнет кожи и подвозит грузы к пароходам; Цаунит, Швальбах и Исаева торгуют в лавках при своих квартирах и ведут торг смешанный, мелочной и галантерейный, и нитками, и иголкой, и обувью, и письменными принадлежностями; Рар, Рейхард, Ланге и двое других Исаевых и Константинов также мелочники — одни торгуют бакалеею, чаем и сахаром и табаком, глиняною и стеклянною посудою и духами; еще двое других Исаевых и Томсон торгуют на базаре горшками, косами, кимрскою обувью, ситцем, гвоздями и веревками. Такова торговая аристократия или знать Аренсбурга. Все остальные торговцы, которых, по незначительности их, вовсе не поименовываю, представляют уже совершенное ничтожество в торговом смысле; но все они кормятся от своих торговых занятий и все нужны для разнообразных потребителей, а притом они все, или почти все, — сами получили образование в своей гимназии, и все имеют вкус к образованию. Они все желают

воспитывать своих детей в своей же Аренсбургской гимназии и жили до сих пор в полной уверенности, что это так и будет. Им всегда казалось, что существующая в Аренсбурге гимназия для того именно здесь и существует, чтобы поддерживать общую образованность во всем без исключения населении островов Эзеля, Даго, Вормса и Мона, а не для одних двадцати пяти — тридцати мальчиков дворянского и чиновничьего рода. В этом же духе относятся к этому и эзельские ремесленники — и портной Круль, и портной Винншток, и часовщик Шотц, и сапожники, и мясник Трофен, и булочник Петриг, и колбасник Линк, и корабельные плотники, и лоцмана предместья Торри, и даже одинокие женщины-вдовы, живущие вязаньем шерстяных вещей для приезжающих сюда на лето русских дам. Все эти мызники и горожане хотя люди бедные, но все они имеют уважение к образованности и твердо верят в ее практическую пользу, а потому они непременно желают, чтобы их дети могли получить образование в гимназии. Дошедшее теперь до их ведома министерское распоряжение об отстранении их детей от права учиться в гимназии только потому не повергает их в отчаяние, что они с неодолимою, упрямою наивностью считают это за «невозможное». Они мотают головами, как их эстонские клеппера, и говорят: «Это невозможно есть! — Это сопротив Петра Великого». Но если они ошибаются, и то, что им кажется «невозможностью сопротив Петра Великого», — окажется на самом деле возможным, то тогда в Аренсбурге произойдет неминуемый *гимназический крах,* ибо для двадцати пяти — тридцати учеников дворянского и чиновничьего звания содержать целую гимназию будет не резонно, и ее, без сомнений, придется закрыть, а с этим столь же неминуемо все понимающее смысл образования население столь больших островов, как Эзель, Даго и Мон, будет лишено средства к образованию и станет поневоле погружаться в невежество. А это не только опечалит всех здешних жителей, отстраняя их от довольно общего и довольно сильного стремления к образованию своих детей, но отзовется самым невыгодным образом на экономических и политических условиях края. С таким невежеством, в котором привыкли жить граждане ма-

леньких городков в серединной России, нельзя жить на островах, где толкаются и шведы, и датчане, и заграничные немцы. Немецкие торговцы балтийского поморья все имеют гимназическое или равное гимназическому образование и принимают к себе на службу тоже только таких молодых людей, которые получили образование. Невежде из «молодцов» — как бы он молодцеват ни был — здесь придется и скоротать свой век в черной работе или на побегушках. В числе приказчиков крошечного Аренсбурга людей с гимназическим образованием более, чем в Москве или Петербурге. То же самое в Ревеле, в Пернове, в Либаве, в Риге и в Дерпте, а меж тем все эти люди из очень бедных семейств — их отцы чинили сапоги приезжим сюда русским «кургастам», а их матери и сестры даже теперь вяжут нам «ревматические носки» из немытой шерсти и стирают наше грязное белье... И хотя они промышляют средства к жизни стиркою и вязаньем, но, однако, содержат в гимназии своих младших сыновей и братьев, чтобы те выросли и получили возможность зарабатывать более, чем достает чернорабочий... Возвратить им теперь их питомцев недоученными или отстранить от гимназии тех, которых они туда подготовили, — это, по их мнению, будет равносильно тому, что отнять у них самую главную надежду на то, что подготовленный ими сын или брат достигнет большего заработка и лучшего положения и тогда успокоит старость родителей и поддержит остальное семейство...

Отнять этакую надежду у семейств не будет ли значить — отнять слишком многое и слишком драгоценное, с потерею чего почти невозможно примириться в настоящем и невозможно ничем утешиться в будущем.

Но дело это имеет еще одну сторону, где экономические условия частных лиц находятся в тесном и неразлучном соприкосновении с условиями общего государственного значения.

Эзельцы, дагероты и монцы, равно как и другие побережные эсты и латыши, во множестве занимаются мореходством. Они прирожденные моряки, и роль их очень велика в русском мореходстве, — что и хорошо рассказано и доказано в статьях латыша г. Вольдемара, напечатанных в «Русском вестнике» покойного

Каткова. Простые сельские люди из эзельцев и дагеротов служат во множестве на пароходах и купеческих парусных суднах, а более образованные служат капитанами, шкиперами, подшкиперами и штеерманами. Между сими последними есть значительное число людей с образованием средних училищ, и хороший капитан или шкипер с образованием всегда имеет преимущество перед соответственным лицом, не получившим образования. Шкипер, кроме своего чисто технического мореходного дела, должен иметь общие сведения, которые дает образование. Он должен знать относящиеся к его делу законы, математику, географию и иметь коммерческие познания — где что производится и куда то производство имеет сбыт. Шкипер судна идет с деньгами, чтобы в случае недостатка наемного груза сделать покупку и знать, куда ее отвезти, где выгодно сбыть. Он должен быть немножко начитан и, как говорят, — «стоять au courant»[1] с тем, что делается на свете. Иначе он будет без фрахтов и, по морскому выражению, «станет блуждать как дурак». Чтобы не быть «блуждающим дураком», он непременно должен иметь общее среднее образование. В портах, куда он заходит, он сидит на берегу, в кофейне или в клубе, с шкипером иностранным — с заграничным немцем, с шведом или финляндцем, и старается того понять и даже перехитрить и во всяком случае не удариться перед ним лицом в грязь. Для всего этого опять, кроме мореходного знания, надо иметь такую образованность, чтобы не быть во всем ниже всякого встречного заграничного собрата. И потому понятно, что моряк латыш или эстонец очень заботится о том, чтобы быть не хуже иностранца. Для этого у шкипера каждой эстонской шхуны есть с собою и европейское платье работы местного Круля или Бинштока, и для этого же он выучился хорошо говорить по-немецки и немножко по-русски, а иногда и по-французски. Все это ему необходимо, и все это он, как сын бедных родителей, мог получить только в той гимназии, где он учился на деньги, добытые матерью и сестрами за стирку белья «кургастам»... Что же будет теперь, если его сын или младший брат

[1] В курсе *(франц.)*.

не попадут в эту гимназию, — если они будут «отстранены» и останутся невеждами... После этого их шкиперами не возьмут, а они должны будут идти в простые матросы — «травить канат» да поднимать якорь. Такое положение не приведет ли их в отчаяние, и не возьмутся ли они за старину — зажигать потихоньку темной ночью фальшивые огни под опушкою лесов на опасных берегах близ маяков Фильзанда и Дагерорта, чтобы наводить суда на рифы, а потом «спасать» эти разбивавшиеся суда посредством полнейшего разграбления их груза...

Береговое пиратство, которым славились в старину Эзель и Даго, несмотря на нынешние преследования его законом, все-таки еще не совсем исчезло и составляет по преимуществу промысел береговых незадачников, и чем необразованнее и малосведущее шкипер, тем он легче примет разведенный на берегу фальшфейер за маяк, точно положения которого он не умеет высчитать, стоя на палубе своей шхуны. Он может отлично крепить паруса, отдавать шкоты, но хронометр, цифры и морские карты будут с ним не в ладах, и пират Фильзанда или Дагерорта начнет ловить на огонь морских угрей и, как пить даст, — «посадит его на гряду», а потом придет его спасать и... грабить (что иногда почти одно и то же).

С отстранением эстонской молодежи на Эзеле, Даго и Моне от гимназии, существующей в Аренсбурге, уровень эстонской образованности упадет до нуля, и это не будет ли в противоречии с теми видами правительства, для которых не требуется, чтобы эстонская или латышская народность в здешнем крае принижалась и темнела в своей умственности. А это неизбежно должно случиться, если здесь отстранить от гимназии простолюдинов, ибо тогда на Эзеле, Даго и Моне, равно как и на всем южном побережье Финского залива, останутся с воспитанием только чиновники из немцев, а эсты и латыши будут *чернорабочие, без выхода...*

Вся та среда, из которой при содействии Аренсбургской гимназии до сих пор выходили люди среднего образования, нужные здесь, на суше и на море, утонет во тьме нищеты и невежества, и бедный край обеднеет еще более. Тогда останется господствовать на суше немецкий барон, а на море финны с севера.

— Придет, — говорят, — финн и спихнет с воды и латыша и эста. Финну есть вольно учиться. Наш южный берег потемнеет, а финляндский все освещается светом: эсты и латыши будут матросами, а финны заступят везде шкиперами.

Так говорят здешние дети, сохраняя полную уверенность и «надежду на Петра Великого», что «это невозможность». Невозможно, чтобы за недостатком местных образованных людей пришел финн с севера, а «Maa-mies» (муж земли) и «Maa-poika» (сын земли) очутился у него в поношении... Это грозит полным обнищанием и всесторонним понижением их острова в темноту. Но, к счастью, кажется еще не все кончено: и эсты, может быть, недаром уповают «на Петра Великого», как русские на Николу милостивого... В русских газетах пишут, будто устранительное распоряжение еще не решено, — и будет еще обсуждаться в законодательном порядке. Надо желать, чтобы к той поре было известно все, что сто́ит быть принятым в соображение при обсуждении вероятных последствий отстранения от гимназий простолюдинов. То, что я здесь писал, кажется, может пригодиться при обсуждении положения длинного побережья, противуположного Финляндии, молодым ребятам которой соли на хвост не насыпано...

Пока же что будет разъяснено, — новый учебный год на Эзеле начался по-старому, то есть в гимназию приняты все те дети, которых родители их привели и которые к следованию за учебным курсом оказались годными.

ПРЕСЫЩЕНИЕ ЗНАТНОСТЬЮ

Melior optime pessima.[1]

На первых днях этого года В. А. Кокорев высказал в «Новом времени» свое мнение о купцах, получивших чины действительного статского советника. По мнению г. Кокорева, таких купцов не для чего титуловать «превосходительствами», а довольно называть их «высокостепенствами». Это, кажется г. Кокореву, как будто ближе подходит к торговому положению упомянутых генералов и более отвечает народному представлению о разнице в сановитости людей служилых и людей торговых.

Без сомнения, в народном рассуждении о генералах есть разница: ина слава принадлежит солнцу, ина же воздается луне, и звезда от звезды разнствует, а между тем титул «превосходительства» ассимилирует во едину стать всех удостоенных. В этом его преимущество, но в этом же его недостаток, против которого в России давно уже слышится сдержанная, но очень едкая горечь. О ней еще говорил Леруа Болье, заметивший в своем любопытном сочинении о России, что у нас необыкновенно много «превосходительств» и что чрез это названный титул у нас не только совсем пал и утратил свое возвышающее значение, но он даже служит теперь к некоторой шутке и насмешке.

[1] Лучшее лучше худшего (*лат.*).

В словах г. Кокорева видна та же горечь и желание защитить превосходительный титул от посягательства на него со стороны людей торгового звания, а равно оградить и самих этих людей от неблагоприятного воздействия на них превосходительного титула.

Так как обстоятельного и специального «сочинения о «генералах» в нашей литературе нет (ибо труд П. И. Чичикова в печати не появлялся), то вопрос о вреде или о пользе от большого размножения превосходительных лиц может быть трактован очень свободно, но он прежде всего нуждается в верном фактическом представлении положения, в каком находится «превосходительство».

Заботы Кокорева могут много помочь купечеству, если знатность по чину купцам вредна, но что касается самого превосходительного титула, то он не много выиграет от того, что его не будут прилагать к тайным советникам из людей торгового сословия. По правде говоря — идет им это или не идет, но ведь их покамест еще очень немного. Одни департаментские делопроизводители или столоначальники ежегодно дают такой прирост в генеральстве, что оскудения никогда не произойдет, и собственно чину превосходительства не поможет эта крохотная очистка.

С превосходительным титулом у нас в самом деле происходит нечто очень странное и неблагоприятное для его возвышающего значения. Г-на Кокорева стоит благодарить, что он заговорил об этом. Манера заменять собственное «крестное» имя человека титулом, который даст известный чин, имеет нечто неприятное, и многие давно говорили об этом как о вредном обычае, который пора бы оставить, не для одних купцов, а для всех вообще, — по крайней мере вне *службы*.

Как от этого одни сами отбивались, а другие прочих сдерживали, это представляет картинку, или, лучше сказать, ряд картинок, которые, может быть, не скучно будет теперь перепустить перед глазами, по случаю возбужденного г. Кокоревым интереса к «истории о генералах».

В нашем флоте в самую блестящую его пору, при командирах, имена которых покрыты неувядаемою славою и высокими доблестями чести и характеров, все избегали употребления титулов в разговоре. Там крепко жил простой и вполне хороший русский обычай называть друг друга не иначе, как по крестному имени и отчеству. Не только капитан корабля, но и адмирал, командующий эскадрою, называли офицеров по имени и отчеству, а офицеры точно так же называли своих старших, то есть их именами и отчествами, а не превосходительствами. Таких славных героев, как Нахимов и Лазарев, подчиненные с семейною простотою называли в разговоре Павел Степанович, Михаил Петрович, а эти знаменитые адмиралы в свою очередь также называли по имени и отчеству офицеров. По титулам чина или по уряду должности величали только тех, кого не знали как звать по имени, и это считалось за неудобство, для избежания которого старались немедленно узнать имя и отчество человека. Такого простого обычая держались все, и флот дорожил этою простотою; она не оказывала никакого дурного влияния на характер субординации, а напротив, по мнению старых моряков, она приносила пользу.

«Чрез произношение имени, — рассказывают старые моряки, — все приказания начальника получали приятный оттенок отеческой кротости и исполнялись с любовью; а ответы подчиненных с таким же именованием старшего придавали всяким объяснениям и оправданиям сыновнюю искренность».

Многие почтенные люди из старых моряков вспоминают об этом обычае с большим сожалением, что он вывелся и заменился отношениями «общеармейского образца». Но стоит ли это сожаления на самом деле?

Моряки всегда немножко суеверны и имеют много примет, но если верить их приметам, то они, кажется, имеют основание жалеть, что их старый морской обычай «семейности» заменился «образцом общеармейской форменности».

«Во все это время, пока мы говорили друг другу по-человечески, — замечают моряки, — флот наш не знал служебных злоупотреблений низкого свойства:

офицеры гнушались лжи, и не было ни взяток, ни обманов. Мы себя берегли от этого».

Обычай называть друг друга по именам стали подрывать нововведениями в балтийском флоте, «поблизости к Петербургу», но на Черном море именословие продолжало держаться до самой севастопольской катастрофы, когда черноморский флот уничтожился и остатки черноморских морских офицеров пошли вразброд. В печальном рассеянии они позабыли старые предания своей семьи, и те, которые смешались с балтийцами, научились у них употреблять в разговоре титульные обороты.

Утраченный «обычай доброй простоты» оставался дорог многим из моряков и имел своих маньяков, для которых представлял своего рода мистическое значение. В доказательство его живучести стоит воспомянуть об одном из таких маньяков, каким был не очень давно умерший контр-адмирал Андрей Васильевич Фрейганг. Это был превосходнейший человек, которого кто знал, тот его и любил и уважал за его необыкновенную чистоту и добрую душу. Его знали множество людей, и из них, конечно, многие еще живут нынче. Он был «политик вне партий» и «золото без лигатуры»; ему был друг славянофил Гильфердинг, и он пользовался особенным уважением Каткова. К Фрейгангу Катков чувствовал сердечное влечение и не раз говаривал: «чтобы немножко себя освежить, надо в Фрейганга посмотреться». Худой, слабый здоровьем, но живой, подвижной и беззаветно добрый старичок, обвязанный гарусным шарфиком и с кортиком, который постоянно ерзал на его тощем тельце и сбивался с бока назад или наперед, Андрей Васильевич всегда о чем-нибудь хлопотал или кого-нибудь устраивал. Он беспрестанно являлся где-нибудь «просителем за людей», и притом просителем самым неотступным, настойчивым и бесстрашным. Чуть, бывало, при нем скажут о чьем-нибудь горе или несчастье, он сейчас придет в беспокойство — слезы на глазах, и начинает себя допрашивать: «Кого я знаю? Кто может помочь? К кому побежать?» И как только вспомнит — сейчас «побежит». Но о себе и

о своем семействе он не просил никого и жил на самые крошечные средства. Словом, это был превосходный и редкий человек, которого при жизни его называли «праведником» и «Нафанаилом, в нем же лести несть»! Между тем в ряду забот Фрейганга было большое печалованье об исчезновении простоты во взаимных отношениях во флоте, — он не мог примириться, что у них «прежде говорили друг с другом *по-человечески*, а потом стали упоминать потитульно». В этом Фрейганг видел «начало болезни», которая непременно принесет большой вред всему организму. Михаил Ник⟨ифорович⟩ Катков один раз слушал, слушал, как Фрейганг об этом рассказывал, и говорит после:

— Что это такое за прелесть! Он говорит, точно будто Давид на арфе играет, — все досады и неприятности при нем успокаиваются.

В одно время М⟨ихаил⟩ Н⟨икифорович⟩ имел деловые свидания с графом Петром Андреевичем Шуваловым.

Случалось, что сильно впечатлительный Катков даже «укрывался» в идиллический домик на Песках, где жил Фрейганг, и говорил, что он там находит успокоение. Но послужить восстановлению крестных имен во флоте Катков, разумеется, не озабочивался, а Фрейганг об этом помнил и обнаружил свой мистицизм.

Когда пронесся слух, что в морском ведомстве обнаружилось первое большое злоупотребление, Катков случился в Петербурге и жил на Сергиевской, в доме Зейферта. Один раз, когда здесь говорили об упомянутом слухе, вдруг в комнату вбегает торопливой походкой в своем шарфике Фрейганг и говорит с волнением:

— Слышали? Совершилось! страшное пророчество совершилось!.. Ужас, позор и посрамленье! наши моряки, наши до сих пор честные моряки обесславлены: среди нас есть люди, прикосновенные к взяткам!.. А он это предсказывал, я это напоминал, я говорил, что это предсказано, и это так сделается, вот и сделалось — и исполнилось, как он предсказал.

— Кто предсказал?

— Павел Степаныч!

— Какой Павел Степаныч?

— Как «какой Павел Степаныч»!.. Нахимов!

И Фрейганг рассказал какой-то давний случай, когда покойный Нахимов был недоволен каким-то продовольственным распорядителем или комиссионером и стал его распекать, а тот, начав оправдываться, стал беспрестанно уснащать свою речь словами «ваше превосходительство». Это так взорвало адмирала, что он закричал:

— Что я вам за превосходительство! Что это еще такое! Вы имени моего, что ли, не знаете, или прельщать меня превосходительством вздумали? У меня имя есть! Это вы ваше превосходительство, а моряков нельзя так звать, они вашим ремеслом не занимаются. Тогда их можно будет «так» звать, когда и они этим станут заниматься.

Праведный бедняк, адмирал с петербургских Песков, глубоко верил, что, перестав называть друг друга по именам, а начав величать по титулам, — моряки подверглись роковой порче.

Замечают тоже, что имя при настоящей заслуженной известности человека приобретало у нас такую известность, что самые фамилии делались ненужными для более точного обозначения лица.

В Орле один купец, тяжко оскорбленный в сороковых годах неистовством губернатора Трубецкого, выйдя из терпения, сказал ему:

— Тиран! я больше не боюсь, что ты князь, я Николаю Семеновичу пожалуюсь.

— Какому Николаю Семеновичу! — закричал Трубецкой.

— Тому, который стоит за правду.

И замечательно, что Трубецкой, человек невежественный и, по выражению еп⟨ископа⟩ Смарагда, — «умоокраденный», узнал, однако, кого ему называют, и с злорадством воскликнул:

— Мордвинова больше нет!

Никакой курьер из самых зычных, прокричав: «генерал идет», — не может внушить того впечатления, которое ощущалось, когда, бывало, кто-нибудь шепнет на московском бульваре:

— Вон Алексей Петрович топочется.

Мало ли в Москве было разных Алексеев Петровичей, но все знали, что *так* называют Ермолова и что перед этим тучным, тяжело передвигавшим свои ноги стариком надо встать и обнажить головы. И все почтительно поднимались и кланялись ему иногда в пояс. Это делалось с удовольствием, не за страх, а за совесть.

Тут была, впрочем, немножко и манифестация: кланяясь старику, как бы заступались за него и сожалели, что его «Ерихонский забил». (А от Закревского отворачивались — будто его не видели.)

Этого же Алексея Петровича при настоящей смете надо вспомянуть и по другим причинам. Самого Ермолова, разумеется, не принято было титуловать «превосходительством», а его просто звали Алексеем Петровичем или «батюшкою Алексеем Петровичем», но едва ли не он первый ввел у нас вышучиванье чиновных титулов.

Алексей Петрович звал своих лакеев «надворными советниками», а ему любили подражать и другие, и с него пошла по Москве мода звать «надворных советников» как птиц на свист или «на ладошку». Из домов мода давать лакеям эту несоответствующую кличку перешла в те гостиницы, где прислуга «ходит по-штатски». Потом это в числе образцов московского барского тона было привезено в Петербург и получило здесь широкое применение. Лакеев начали звать «советниками» в домах и ресторанах, а потом и в трактирах низшего сорта, где посещающая публика «отливает серостью», а «услужающие подают во фраках». Таких услужающих «серый гость» и теперь зовет на клик: «надворный советник».

— Советник, подай пару чаю!

Князь Мещерский (то же имя) иногда кое во что попадает, и он верно замечал, что у нас, к сожалению, высшие не всегда подают лучший пример низшим, а напротив, растлевают целомудренность простолюдина.

С титулом «превосходительства», впрочем, произошло еще несколько других случайностей, о которых стоит отметить.

Когда стало очень много людей, крестные имена которых вышли из употребления со дня производства этих лиц в чин, дозволяющий ставить титул «превосходительства», то началось большое затруднение: как различать и помнить, кто из штатских в каком чине? А между тем многие штатские генералы довольно обидчивы, и никому нет охоты оскорблять их умалением чести. Отсюда в обществе явилось опасение: как бы не ошибиться, и тогда, по пословице «лучше перебавить, чем недобавить» — пошли ставить всем «превосходительство». Кому надо и кому не надо — все равно, пусть получает приданье чести и не обижается. Делалось это по самым серьезным соображениям: «да тихое житие поживем во всяком благочестии», но повело к другой неожиданности: чрез эту сообразительность «превосходительство» явилось сеянное и не сеянное. Куда ни склонит слух свой почтительный человек, везде он слышит «превосходительство», а разберется делами, и узнает, что он принимал за генерала «какую-то фитюльку».

Чтоб выйти из фальшивого положения, оставалось обижаться (на кого?) или самому над собой хохотать.

Это легче.

Юмористический же и наблюдательный ум нашего простонародья всю эту картину созерцал, подметил, что в ней смешно, и началось повсеместное вышучивание «превосходительства». Начался ряд шуток, сколько колких и неуважительных, столько же неуловимых и неудобонаказуемых. В городском простонародье теперь величают «превосходительствами» всех, «которых солидность позволяет». Отсюда постоянно можно слышать, как городской простолюдин, один спроста, а другой с лукавиной, величают превосходительством почтового приемщика, акцизника, торгового депутата и особенно полицейского пристава, а иногда даже и околоточника, если он «фасонист». Всяк, к кому есть нужда или просьба, титулуется от просителя «превосходительством», и титулуемый это приемлет и ничесо же вопреки глаголет. Иногда же такое «величание» проделывается и без всякой нужды, прямо на смех, чтобы безнаказанно вышучивать какую-нибудь мелкую особу и вместе с тем опошлять звание, обязывающее к почти-

тельному отношению. Любой разносчик и загулявший мастеровой, титулующий «превосходительством» околоточника, которого он за глаза зовет «фараоном», конечно знает, что он издевается над тем, кого дразнит «превосходительством», но остановить его невозможно: он за это ничего не боится, потому что он будто опасается ошибиться, и он упорно продолжает приставать на гулянье:

— Ваше превосходительство, пьян я типерича или еще не пьян? Разреши!

Словом, на улице городской народ сумел испортить «превосходительству» всю линию, и здесь теперь у нас ad libitum[1] всяк стал «превосходительство», а чего много и что не в редкость, то и не в почете. Самые большие и самые постоянные обожательницы генеральского звания — петербургские кухарки, и те уже перестают гордиться житьем у генералов. В одном сатирическом журнале кухарка жалуется другой, что «теперь всяк говорит: я сам себе генерал». Иного рода и характера смятение доставляет «превосходительство» в домашних беседах и в коллегиальных заседаниях: тут «превосходительство» как бы отомщевает за себя тем, что портит разговорную речь беспрестанной присыпкой: «я вашему пшеству говорил», «нет, ваше пшество мне не говорили», «ах, ваше пшество, верно, не расслышали». И так далее до бесконечности и, можно сказать, до тошноты. От этого неуместного и смешного присказничества страдает и наполняется канцелярского безвкусия русская живая речь, и это не только в заседаниях, где тоже надо бы говорить дело, а не комплименты, но даже и в гостиных, при дамах. Есть чиновные дома, где и самих дам отитловывают... Все это давно осмеивается, но тем не менее все это продолжается и ныне дошло уже до такой степени пресыщения, что умный человек из купечества поднимает голос, чтобы оградить от такого события свое торговое сословие.

Сыты!

---

[1] По желанию *(лат.)*.

Что касается надписаний на конвертах, о чем упоминает г. Кокорев, то надписи в русском вкусе бывают очень разнообразны. Пишут купцам: «его чести», «его милости», «его степенству» и даже пишут и «его высокостепенству», а когда просят у них «корму», тогда титулуют их и «высокопревосходительствами». Это, конечно, так и останется, хотя бы решено было не признавать генералов из торговцев за превосходительства. «Называться» у нас можно всякому как угодно: это еще разрешено Хлестаковым Бобчинскому.

— «Пусть называется».

По части надписаний замечательно другое: почтовые письменосцы рассказывают, что наверно треть адресов нынче надписывается с титулованием адресатов «превосходительствами». Это опять, без сомнения, свидетельствует не то, что «русская нацыя» возлюбила «превосходительство», а то, что она изволит им со скуки забавляться. Я еще недавно видел проштемпелеванный письменный конверт, на котором была надпись: «Его превосходительству Александру Семенычу Бакину в своем заведении». Бакин же этот оказался трактирщик, и тот, кто адресовал письмо «его превосходительству в его заведение», конечно знал, что он пишет не генералу, а что он просто балуется — смеется над генеральством. Почтальон кидает письмо на стойку, крикнет на смех: «Генерал, получи!» — и бежит далее. Публика «грохочет». Шустрый парень похваляется:

— Дай срок, и я дяде Миките адрист с генеральством надпишу. Ребята смеяться будут.

И пишут, да и хорошо делают, потому что, в самом деле, пока человек живет, ему все чести прибывает, а другой человек издалека лишен возможности знать: на какую он степень зашелся.

В Петербурге еще недавно жил в собственном доме, на Бассейной, присяжный стряпчий Соболев. Он был известен как казуист в своем роде и кроме того написал в свою жизнь множество доносов — особенно на Некрасова, В. Ф. Корша и А. А. Краевского (он открыл, что Корш — венгерец). Черновые этих произведений проданы на вес букинисту Николаю Свешникову, а у него куплены мною. Этот стряпчий обращал внимание правительственных лиц и на злоупотребления в вы-

ставке несоответственных титулов на адресованных письмах и предлагал меры — как это прекратить. Такие письма он предлагал «не доставлять», но, вероятно, его предложение оставлено без внимания.

Большой беды, однако, во всем этом, может быть, еще нет. Покойный Аксаков предлагал когда-то сразу всех «произвести в дворяне». Тут русские люди делают нечто в том же роде: они сами себя «в междуусобной жизни» возводят в превосходительство, и таким образом все безобидно выравниваются, но значение превосходительного титула на скале серьезного почитания, конечно, так глубоко уронено, как никогда не ронялось ни «благородие», ни «высокоблагородие», ни «степенство». Но почему живой народный ум вышучивает одно «превосходительство», а не вышучивает ни благородия, ни высокородия? Не потому ли, что благородные и высокородные сохраняют за собою «имя человече», а с превосходительным титулом соединился неприятный русскому чувству обычай упразднять в разговоре человеческое имя? В одной раскольничьей книге прямо осуждается «вести речь не по имени человечу».[1] Следовательно, превосходительное титулование главным образом досаждает не на бумагах, а в живых общественных сношениях между людьми. Это неважно для нас, частных людей, не призванных думать «о престиже превосходительства» — в надписях и бумагах. Так как с почина г. Кокорева теперь довелось об этом говорить, то нам дороги не адресации, а наша русская разговорная речь, — дорого наше общежитие и наш прекрасный язык с его характерною теплотою обращения, и о том, что нами в этом отношении утрачено, мы вправе напомнить обществу. Пусть генералов из торговцев пишут по бумагам как угодно, но пусть люди хранят вне службы свои имена, какие (по Феокриту) «всяк при рожденье себе в сладостный дар получает». Это может сделать само общество — даже женщины, если только они

[1] «Честь обычай изменяет и помышления надмевает». Сын одного угольщика получил высокий сан. Его стали титуловать. Отец пришел к нему и спрашивает: «Знаеши ли мя?» Сын отвеща: «Отче, не знаю уже сам себя — а како тебя могу знати». *(Прим. автора.)*

последуют завету императрицы Екатерины, чтобы входящие в дом их «оставляли чины за порогом».

У нас еще в очень недавние годы жили дамы, которые были к этому чутки и очень умно стояли за хороший вкус в своем доме.

Позволю себе ввести здесь маленький рассказ из собственных личных воспоминаний.

В Кромском уезде Орловской губернии, в селе Зиновьеве, жила помещица Настасья Сергеевна, рожденная кн. Масальская. Она в юности получила блестящее образование в Париже и пользовалась общим уважением за свой ум и благородный, независимый характер. Состояние у нее было среднее (пятьсот душ), но хорошо поставленный дом ее был открыт для званых и незваных. Ее очень почитали и ездили к ней издалека, не ради пышности и угощений, а «на поклон» — из уважения. В зиновьевском доме было хлебосольно, но просто, приютно и часто очень весело. Кроме того, зиновьевский дом был также в некотором роде источником света для округа. Большинство соседей брали здесь книги из библиотеки, унаследованной хозяйкою от Масальского, и это поддерживало в окружном обществе изрядную начитанность.

Когда меня мальчиком возили в Зиновьево, Настасья Сергеевна была уже старушка, но я отлично ее помню и с нее намечал некоторые черты в изображениях «боярыни Плодомасовой» (в «Соборянах») и «княгини Протозановой» (в «Захудалом роде»). О ней говорили, что «она всем дает тон», и вот что я раз видел насчет этого тона.

В губернаторство кн. Петра Ив⟨ановича⟩ Трубецкого (которого Настасья Сергеевна «не желала видеть за грубость») прибыл из Петербурга в Орел сановник или важный чиновник Телепнев. Не могу вспомнить, какая у него была должность, но только он приехал по высочайшему повелению для каких-то расследований по делу о поджогах и о еретиках двух сел — Большой и Малой Колчевы, выселенных впоследствии на Кавказ или в Сибирь. По моему тогдашнему ребячеству я в точности этих дел не разумел и теперь подробно сказать о них не могу, но только касалось это именно того,

о чем я упоминаю. Телепнев сам происходил, кажется, из орловских дворян, но возвысился по служебной карьере в Петербурге. В Орле он был встречен отменно и с «притрепетом»: к нему не знали как подойти, но очень радовались, что он «губернатору нагнал холоду». Все около Телепнева вертелись, искали чести ему представиться, и кто этого достигал, те ему льстили и лебезили, друг на друга ябедничали, — доносили на губернатора, на опеку и на предводителя Глебова, которого сами опять бессменно много лет кряду выбирали в ту же должность. Телепнев был, кажется, «прозорлив», он держал себя гордо и свысока «всматривался в губернатора», деяния которого, впрочем, слишком ярко горели у всех на виду. С Телепневым были два «привозные чиновники» с приснопамятными именами: Иван Иваныч и Иван Никифорыч. Эти посещали избранные дома в обществе и рассказывали, как много значит их принципал и какие он перед своим отъездом получил от государя Николая Павловича словесные полномочия. Помню, что все повторяли, будто государь, кроме данных Телепневу инструкций — еще особо в продолжительной аудиенции, «проводил его до дверей кабинета и все еще растолковывал». Что тут было правда, что неправда, ничего не знаю, но только перед Телепневым, как говорится, все в лоск клались и находили удовольствие поползать.

О святках, именно на второй день рождества, к Настасье Сергеевне в Зиновьево съехались гости — «поздравлять старушку с праздником». Собрались, по обыкновению, к обеду, с тем чтобы проводить вместе весь день и разъехаться вечером после ужина. Собрание было пестрое: соседи дворяне, достаточные и бедные, приживалки и приживальщицы, уездный казначей из Кром, который «получал к празднику живностию за то, что не притеснял крестьян по квитанциям»; уездный доктор, дьяконица Марья Николаевна (которая была, собственно, дьяконская дочь, — робкая пожилая девушка, особенно уважаемая Настасьей Сергеевной «за добродетель и скромность»), «англофасонистый» кромской предводитель князь Александр Алексеевич Трубецкой («оратор, агроном и мот»), пышная красавица Шубина и испитой, сухой дворянин Казюлькин, по про-

званию «Нетленное Фигаро». Это был, что называется, «субъект».[1] Он жил в холодном, полуразрушенном доме в своем разоренном именьице при впадении Гостомли в Рыбницу, одевался в венгерку с шнурами, отлично говорил по-французски, весь свой век разъезжал по гостям на ледащей тройке в веревочной упряжи; сватался ко всем барышням и от всех получал решительные отказы, но нимало этим не обижался; довольно мило играл на цитре и охотно «представлял» на вечерах Гамлета, Танкреда и ослепленного Велизария. Домой он попадал только изредка, и то случайно и неохотно, ибо здесь, «по неосторожности своей, зависел от ключницы». Словом, сбиралось множество гостей, и вдруг, совершенно ни для кого неожиданно, из окон залы заметили еще незнакомый возок на почтовых, и через несколько минут человек докладывает о Телепневе (как его звали по имени и отчеству — не помню).

Хозяйка приказала «просить», но сама осталась на своем диване, — зато многие гости пришли в замешательство. Они закопошились и начали охорашиваться, а дьяконица Марья Николаевна тотчас же соскользнула со стула и уплыла вон в дальние комнаты к экономке. Кроме самой хозяйки, только один еще дворянин Казюлькин, по прозванию «Фигаро», стоял твердо и держал себя с достоинством. Он даже начал пощипывать свои редкие усы, что у него обыкновенно выражало неудовольствие и гнев и предшествовало часто какой-нибудь резкой и нелепой выходке.

При такой-то обстановке Телепнев вошел. Как человек воспитанный и светский, он умно представился хозяйке, получил ее привет и был усажен в ближайшее к ней кресло. Но тут сейчас и пошла порча компании: дворяне стали к Телепневу приближаться, подседать, и послышалось величание его «превосходительством».

---

[1] Фамилия Казюлькин не должна никого удивлять. У нас по дмитровскому рубежу жил еще дворянин Клопиков, который был скуп, как Плюшкин, и так же, как Плюшкин, ходил с ключами, в женской куцавейке и с головою, повязанною женским повойником. *(Прим. автора.)*

У хозяйки раз и два тряхнулись на чепце оборки, а Фигаро начал переходить от одного гостя к другому и язвительно шептал:

— Что же вы далече сидите?.. идите поближе и повеличайте его превосходительство.

Потянуло по зиновьевскому дому таким тоном, про какой тут и не слыхивали. Даже две дамы уже запревосходительствовали.

Фигаро смотрел на хозяйку с выражением ужаса и гнева и показывал ей глазами, что «это невозможно»!

— Я, мол, свое дело исполняю, я стою на страже и кричу: «Татары идут!», а ты знай, как их отражать.

Вскоре это и случилось, и Фигаро был утешен: когда один из гостей особенно зачастил «превосходительством», хозяйка извинилась и поправила его, сказав:

— Нашего почтенного гостя зовут так-то и так-то. (Она назвала Телепнева по имени и по отчеству.)

А через несколько минут, когда другой опять запревосходительствовал, — она опять сделала то же самое, и когда начал такую историю третий, то Телепнев уже сам сказал ему:

— Мое имя и отчество — если угодно — так и так.

Настасье Сергеевне это было очень приятно, а «Фигаро» перестал щипать усы, и опять настал «простой тон», как всегда бывало: гости смеялись, шутили, весело отобедали, потом катались на тройках, из которых одною превосходно правил князь А. Трубецкой, а Фигаро выехал на своих одрах в веревочной упряжи, и в его-то ветхие сани сели самые милые дамы и барышни и с ними заезжий вельможа. Фигаро захотел отличиться, вздумал обгонять заводских коней Трубецкого и всех своих пассажиров вывалил, а одров утопил в сугробах. Дамы и сановник, вываленные в снег, возвратились в дом пешком и были в таком веселом расположении, что смеху и шуткам не было конца. Телепнев хохотал больше всех и даже участвовал в присуждении наказания для Фигаро, который должен был за свою неловкость танцевать качучу с кастаньетами в женском платье. Когда же вечером Телепнев, спешивший в город Кромы, уезжал ранее других, хозяйка провожала его до передней и, проходя с ним через библиотеку, извинилась (она любила извиняться) и сказала ему по-французски:

— Вы меня, пожалуйста, извините, что я давеча говорила всем ваше имя: у нас разговор в другой форме не в обычае. За хлебом за солью все равны... Я ожидаю, что вы мне это простили и не сочли за неуместное.

Телепнев улыбнулся, почтительно поцеловал ее руку и отвечал, что он сохранит самое лучшее воспоминание о ее милом обществе, в котором провел очень приятный день в жизни.

— Ну, а я благодарю вас еще более. И нам в вашем обществе было очень приятно. А если бы иначе, то все бы начали себя другим образом чувствовать... неодинаково... Марья Николаевна, которая в желтой шали, дьяконица, она мне большой друг, я ее уважаю за добродетели, а она бы сконфузилась и убежала, а Казюлькин очень добрый и благородный, но легко обижается и может колкость сказать.

Дворянин же Казюлькин и сам выступил на сцену: когда сановник в передней одевал шубу, он отвесил ему поклон и сказал напутствие:

— Счастливый путь и всего хорошего. Как честный человек и дворянин, прошу пожать вашу руку. Казюлькин. Очень рад, что вам было весело. Нагоняйте губернатору холоду, а сами не простудитесь, захватите от нас тепла в шубу. Я просьб не имею, но буду иметь честь вам представиться.

И он действительно ездил на своих одрах и мочалах в Орел и сделал Т—ву «визит без надобности», но не был принят и не обиделся.

— Что же такое, — говорил Казюлькин, — здесь он свой тон держит, а мы там свой выдержали. Это порядок: всякий бестия на своем месте.

Приходский иерей при погребении Настасьи Сергеевны отличился тем, что сказал действительно правдивое слово: «Сия-де была для многих примером: она о всех лучше предусматривала и учреждала в своем домостроительстве; она совмещала благородство с простотою и разум со снисхождением; она соединяла вкупе разлученные неравенством, якобы все были равны во имя всех создавшего бога».

Исчезновение таких дававших тон обществу хозяек есть чувствительная утрата в нашей общественности, и она теперь сказывается скукою домашних собраний и

всем тем, что мы видим, наблюдая всеобщее и повсеместное неумение жить сколько-нибудь весело, даже при огромнейших затратах. Веселье и ум удалились, а их заменили шум и дорогостоящая аляповость, которую раньше всех стали вводить у себя «прибыльщики» и «компанейщики», принесшие собою очень дурной пример и соблазн в общежитие.

Великорусская народная поэзия представляет самыми мелочными и ненасытными честолюбцами купцов: купец постоянно в знать лезет, он «мошной вперед прет». Не заслугами, а опять «мошной родства добывает и чести прикупает». Купец «к князю за стол мостится», купец «в пуд медаль ищет», он «с дворянином ровняется», дочь за майора выдает, за сына боярышню сватает, на крестины генерала просит и т. п.

Малороссийская поэзия, изобилующая наивным юмором и иронией, тоже уловила и осмеяла эту черту, представив, как русским купцам везде всё кажутся чины и знатность. Это находим в смешной песенке, как «комарь с дуба упал». Он летел с страшным стуком и грохотом и расшибся до смерти; а хохлы подняли своего комаря и похоронили его с большою почестью. Они «изробили комарику золотую трумну (гробницу), красным сукном ее одевали, золотыми цвяшками ее обивали», а потом «высыпали (то есть насыпали) комарику высоку могилу». Могила далеко завиделась. Тут сейчас и появляются великорусские купцы из Стародубья. «Едут купцы-стародубцы, пытаются: що се за покойник: чи то грап, чи князь, чи полковник?» Иначе купцы не могли себе представить, чтобы народная любовь и усердие могли бы кому-нибудь «высыпати высоку могилу». Но малороссийские паробки, стоя на могиле своего комаря, внушительно отвечают «купцам-стародубцам»:

Се не грап, не князь, не полковник,
А се лежить комарище — на все військо' таманище.

Так будто «хлопци втерли носа московським купцам-стародубцам» и сами остались великолепно сидеть и думать на «высыпанной комарику высокой могиле».

Пресыщение важностью, о котором заговорили после получения превосходительных титулов торговыми людьми Ветхого и Нового закона,— тоже завели у нас купцы. На этот счет можно найти подтверждения у князя М. М. Щербатого в книге «Об упадке нравов в России» и еще более в любопытнейшей книге Е. П. Карновича «Богатства частных лиц в России». И это очень понятно, что разбогатевшие «прибыльщики и компанейщики» — люди без вкуса и без воспитания — не могли заботиться о «хорошем тоне», которого они и не понимали, а искали только одного — «похвальбы знакомством с знатными особами, без различия внутренних их качеств». Купцы первые начали без стыда и без зазора нанимать захудавших военных и канцелярских генералов «сидеть в гостях» на крестинах и на свадьбах. Вся забота шла только о том, чтобы за столом было кому говорить: «ваше превосходительство». Дворяне над этим снисходительно смеялись и говорили, что этому нечего удивляться, что прибыльщики да приказные, как люди невоспитанные и насчет чести и благородства равнодушные, не могут иметь благородной гордости. И действительно, что бы ни говорили о дворянстве, разность во вкусах оказалась несоизмеримая — дворянские кружки все-таки всегда были умнее и интереснее. «Тон» воспитанности и образованности, без сомнения, удерживался в «среднем дворянстве», которое Герцен правильно назвал «бьющейся жилой России». «Прибыльщики» из дворян и из купцов в самом своем прибыльщичестве держали себя не одинаково: дворянин (по Терпигореву) «ампошировал», а купец (по Лейкину) «пхал за голенище». Напханное за голенища держалось крепче. О простоте они понимали различно: что одним казалось лишней претензионностью, в том другие видели упрощение. Всеволод Крестовский где-то рассказывает, что один купец из евреев, произведенный в действительные статские советники, сказал ему:

— Зачем вы всё беспокоитесь припоминать мое имя: вы называйте меня без церемонии *просто:* «ваше превосходительство».

Простота людям этого сорта не нравится.

Почтенный ветеран нашей литературы И. А. Гончаров в последних своих очерках о «слугах» правильно

замечает, что «простые (то есть необразованные) люди простоты не любят». Для благородной простоты, без сомнения, нужна воспитанность, но воспитанности у нас очень мало. Что в этом положении ни затей — все выйдет не в том вкусе, как хочется и как бы следовало.

Г-н Кокорев желает, чтобы жалованных в чины купцов не называли превосходительствами, а титуловали их высокостепенствами. Притом, как теперь превосходительство очень попримелькалось — высокостепенство, пожалуй, будет свежее и оригинальнее, но все это ведь только новые фантазии на ту же старую тему, и пользы от этого никакой. С высокостепенствами может случиться то же самое, что происходит с превосходительствами, и «сын отца не познает».

Есть опыты еще в ином роде: в Москве около «великого писателя земли русской» и здесь между его почитателями крепнет «содружество простого обычая». Весь неписаный устав этого союза заключается в сохранении благопристойной простоты в жизни — люди эти сами освобождают себя от всего, что им кажется ненужным и излишним. Между прочим, они также не произносят и не пишут никому титляций, а называют людей прямо их собственными именами.

Велико ли тесто вскиснет на этой закваске — неизвестно, но во всяком случае *в идее* это проще и глубже, чем фантазия об учреждении «его высокостепенства». На фантазии пойдут вариации, и разведется опять новая докучная басня.

«Ученейший Беда» (Bedae), например, стоит, конечно, выше всех коммерции советников, а между тем его называют только «Беда достопочтенный» (venerabilis). А бывший московский генерал-губернатор Закревский, говорят, будто имел такую фантазию, что, призывая к себе одного из главных тузов московского торгового мира, называл его иногда «почти-полупочтеннейший». Вот какие можно выдумывать вариации! А потому, может быть, несколько правы те, кому кажется, лучше всего говорить просто: «здравствуйте, Лев Николаевич», «прощайте, господин Кокорев».

БИБИКОВСКИЕ «МЕРЫ»

Недавно между некоторыми газетами произошел обмен мыслей об университетских попечителях, причем было вспомянуто о попечительстве Бибикова и отмечен тот факт, что Бибикову «не приходилось призывать в университеты полицейские и военные команды для подкрепления своего нравственного авторитета».

Д. Г. Бибиков действительно в университет полиции и солдат не вводил, но нельзя сказать, чтобы во время его попечительства солдаты совсем не принимали никакого участия в исправлении погрешностей университетской и вообще учащейся молодежи киевского учебного округа. По крайней мере, многим известны два очень памятные примера в этом роде. Теперь небезынтересно будет привести их на память в виде исторической иллюстрации и поправки.

В Киеве жил и недавно скончался прекрасный практический врач и профессор Сергей Петрович Алферьев. Он занял профессорскую кафедру при университете в 1848 или 1849 году. Вскоре же он получил на свои руки одного юношу, из близкого покойному семейства. Молодой человек был достаточный дворянин и, поступив в число студентов, свел в тогдашнем студенческом круге «аристократические» знакомства. Между прочим, он был знаком с племянником Дмитрия Гавриловича, Сипягиным, который находился за расточительность в опеке, а

нравственным руководителем и охранителем при нем был «учрежден» весьма известный впоследствии редактор «Домашней беседы», Виктор Ипатьевич Аскоченский. Сипягин и Аскоченский жили в одном из флигелей генерал-губернаторского дома в Липках.

Студенты в бибиковское время позволяли себе сильные кутежи, за которыми следили педеля университетского инспектора Тальбера и один из его субинспекторов по фамилии Дудников. Он, однако, и сам был большой кутила и погиб странною смертью — упал у себя дома хмельной на ночную посуду, порезался и истек кровью (дело об этом напечатано в сборнике «замечательных процессов» Любавского).

В числе отчаяннейших кутил и счастливых волокит особенно славились Сипягин, Котюжинский и тот молодой человек, который жил у Алферьева и о котором теперь идет речь.

Раз студенты вели себя более чем нескромно и побили педеля, а потом оскорбили субинспектора. Дело дошло до попечителя.

Д. Г. Бибиков потребовал к себе Алферьева вместе с его воспитанником. Когда они приехали, то профессора пригласили в кабинет, а студента удержали в приемной. Бибиков расспросил Алферьева о семейном положении и образе мыслей молодого человека. Алферьев отвечал, что провинившийся студент принадлежит к хорошему дворянскому семейству, а образ его мыслей есть — легкомыслие.

— Барчук? — молвил Бибиков.

— Да, барчук.

— Оставьте его здесь, — я с ним поговорю.

Затем профессор вышел, а студента сейчас же позвали в кабинет. Алферьев подождал немножко в дежурной комнате, но не дождался выхода юноши, а зато видел, что почти тотчас, как студент вошел в кабинет, туда были позваны два дежурившие в передней жандарма.

Это заставило сильно обеспокоиться за юношу. От дежурившего же чиновника профессор узнал, что Бибиков прямо из своего кабинета послал молодого человека с этими двумя жандармами другим ходом во флигель. Тревога профессора еще более усилилась.

— Я считал его погибшим, — говорил Алферьев и бросился к Писареву (правителю канцелярии) просить о помощи.

Писарев был занят и принял профессора не скоро, так что Алферьев вернулся к себе домой часа через три, но зато, к крайнему его удивлению, он застал студента уже возвратившимся, и совсем не в той тревоге, в которой тот был с той минуты, как его потребовал Бибиков.

— Что с тобой было? — спросил Алферьев.

— Ничего особенного, — отвечал студент. — Бибиков был со мною даже очень ласков.

— Ты что-нибудь лжешь?

— Нет, право. Конечно... сначала он было немножко посердился, но потом... ничего... даже дал папироску и отпустил.

— Дал тебе папироску?!

— Дал.

— И ты у него курил?!

— Курил.

— Ты врешь, — а впрочем, это твое дело.

Так это и осталось.

Окончился год; молодого человека, покурившего у Бибикова папироску, перевели на второй курс; стало время студентам разъезжаться на каникулы. Веселые товарищи опять собрались на прощанье покутить за Днепром в трактире Рязанова. Питомец Алферьева был там же и, охмелевши, заснул на диване. А в это время у его товарищей вышло недоразумение с прислугою. Стали шуметь и кричать, что кого-то «надо бить».

При слове «бить» спавший мгновенно пробудился, вскочил и заговорил:

— Бога ради, бога ради! Господа!.. Не надо бить, а то меня Бибиков *опять выпорет!*

Очевидцем этого события был в числе прочих покойный муж известной писательницы Марко Вовчок, Аф. Вас. Маркович, который сначала принял это за бред, а потом ужасно огорчился. Куритель после каникул в университет более не возвращался, а проф. Алферьев впоследствии не раз рассказывал этот анекдот многим, и из людей, которые его слышали, по сей день еще многие живы.

Подтверждение же этого события я слышал потом здесь, в Петербурге, от Аскоченского, который во время рассказанного события жил в том самом флигеле генерал-губернаторского дома, куда жандармы отвели молодого человека.

Аскоченский говорил, что он «по соседству *слышал*, как студент курил бибиковскую папиросу».

— Вы, конечно, поняли, что там делалось?

— Разумеется — воздавали похвалу на полу.

— И вам не припало на сердце как-нибудь за него заступиться?

— Как?

— Ну, я не знаю как... Вы там жили и могли знать, к кому пойти, кого просить.

— Потому-то, что я все это знал, — я ничего и не сделал. «Припадание на сердце» могло принести только многосторонний вред и никакой пользы.

Был ли такой случай единственным во время попечительства Бибикова или подобные вещи повторялись по мере надобности, — об этом, по словам Аскоченского, «ничего достоверного сказать невозможно».

После того как студент, оскорбивший педеля и субинспектора, выкурил у Бибикова папироску, явился и другой случай, который произошел вполне гласно и потому может быть рассказан без сокрытия имени пострадавшего.

Один взрослый ученик седьмого класса 2-й киевской гимназии по фамилии Шварц (сын зубного врача Адама Шварца и брат известного в Киеве акушера Александра Ад. Шварца) не стерпел придирчивости учителя и ударил его при всем классе. За это Бибиков велел его высечь перед собранием всех учеников 2-й гимназии, и приказание это было исполнено через солдат, и притом так, что молодой человек лишился чувств (помнится, ему дали двести ударов), а потом он был забрит в солдаты и послан в отдаленную местность, где и находился очень долго.

Повторяю, что эта вторая история отнюдь не страдала прикровенностью, в которой, может быть, заключался недостаток внушительности первого случая. Несчастный и предосудительный поступок Шварца и постигшее его наказание были известны всему городу, и

суровая расправа над ним всех привела в большой ужас, но через некоторое время опять случилось нечто с одним субинспектором...

Основываясь на сказанном, не следует ли прибавить к характеристике попечителя Бибикова, что он хотя и не призывал полицейских команд в университет, но пользовался, однако, такими их услугами, к которым ни до него, ни после него не обращался никакой другой попечитель.

О ХОЖДЕНИИ ШТАНДЕЛЯ ПО ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

> В сказании сем не мало, но много писано неправды, и того ради аще бы отчасти нечто было и праведно писано, ни в чесом же ему яти веру подобает.
>
> *(Из соборного приговора 1678 г.)*

Молодой человек, по имени Штандель, побывал в Ясной Поляне у Льва Николаевича Толстого и описал свое хождение в двух номерах «Русского курьера». По общему мнению, он был нескромен и совсем не щадил Л. Н. и его друзей, которые показались этому путешественнику не такими умными и серьезными людьми, каких он ожидал встретить. За свою развязность и бойкость г. Штандель получил от некоторых газет очень основательные и вполне им заслуженные замечания, но все до сих пор касались этого дела со стороны *нравственной,* а никто не попытался отнестись критически к *фактической* стороне штанделевского сказания. Между тем это довольно интересно и отчасти «возможно». Возможно, например, проверить то: верно ли и основательно ли Штандель разузнает и наблюдает факты и точно ли и обстоятельно он их излагает в своих описаниях.

Предлагаю здесь кое-что в этом роде на пробу.

1) Г-н Штандель написал («Русский курьер», № 244), что Ясная Поляна находится будто в *Тульском* уезде.

Это неверно. Ясная Поляна очень близко от Тулы, но тем не менее она состоит в *Кропивенском* уезде, а не в Тульском.

2) Штандель пишет, что «первое здание *сельца* (Ясной Поляны) есть особняком стоящая маленькая церковь». И это неверно.— Во-первых, селение, где есть церковь, называется не «сельцо», а *село,* а во-вторых, в Ясной Поляне совсем нет церкви. Ближайший к Ясной Поляне приходский сельский храм находится на расстоянии двух верст.

3) Штандель рассказывает о «соседе» Льва Николаевича Толстого, г-не Кузминском, — как этот «сосед» будто «махнул рукой на свои пажити», и вообще как он небрежно хозяйствует — «поздно встает и рано засыпает, придерживаясь традиций доброго старого времени». Штандель думает, что «поздно вставать» — это значит «придерживаться традиций доброго старого времени»! И это неверно, но всего более г. Штандель ошибается в том, что у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне есть «сосед» — Кузминский. Такого соседа у Л. Н—ча нет, а у него есть *родственник* (свояк) по фамилии Кузминский (председатель петербургского окружного суда), который просто *гостит* иногда в Ясной Поляне и *гостил* в то время, когда туда приходил Штандель. Ни хозяйства, ни построек, ни пажитей у г. Кузминского в Ясной Поляне нет, и яснополянское сельское хозяйство решительно ничего не приобретает и ничего не теряет от того, каких воззрений держится г. Кузминский на отвлеченные вопросы и в котором часу он засыпает и просыпается во время своих летних каникул.

4) По словам Штанделя, Л. Н—ч познакомил его с «Павлом Ивановичем *Гайдуковым,* служащим при «Посреднике». И это неверно. При «Посреднике» прежде не было и теперь нет служащего человека с фамилией «Гайдуков», да и у Льва Николаевича не было в гостях «Гайдукова», а был у него в ту пору Павел Иванович, да только не Гайдуков.

5) Штандель пишет: «На работу приходит он (Л. Н.), его дочь, Гайдуков и *некая Марья Александровна. Она из крестьянок* и, очевидно, пользуется расположением Льва Николаевича». И тут сказанное о происхождении Марии Александровны несправедливо. Мария Алексан-

дровна Ш⟨мидт⟩ вовсе не из крестьянок и даже не из так называемых низших, «непривилегированных» классов, а она дворянка, дочь доктора, женщина, получившая очень хорошее образование и занимавшая прежде должность классной дамы в одном известном воспитательном заведении в Москве. Люди, имеющие счастье знать эту просвещенную, добрую и благородную женщину, уважают ее и почитают за «истинную христианку».

6) В конце 6-го столбца Штандель сообщает, что Л. Н. говорил с «мужиком» и как этот мужик подтрунил над ним, г. Штанделем. Это, однако, совсем *не был мужик,* а это был весьма известный художник Ге, который и мог дозволить себе немножко пошутить с г. Штанделем.

7) Штандель еще один раз обращается к Марье Александровне Ш., с полною уверенностью, что она есть настоящая необразованная крестьянка, показывает ее необразованность. Он пишет: «Марья Александровна охотница поговорить. Я заподозрил ее в неискренности убеждений. Странно как-то видеть *крестьянку, выросшую в деревне* и только понаслышке говорящую решительно обо всем. Когда Л. Н. сказал ей, что я работал в газетах, она с апломбом *заявила* (?!):

— В *ретиратуре?* (слышав раньше о литературе)». Г-н Штандель, очевидно, был уверен, а может быть, успел уверить и кого-нибудь из читателей «Русского курьера», что Марья Александровна по необразованности своей слышит слово «литература», а сама не умеет чисто выговаривать это чуждое крестьянскому слуху слово и произносит «ретиратура». Г. Штандель опять ошибается и смешит всех, кто знает, о ком идет дело. Та, о которой г. Штандель говорит и которую он принимает за необразованную крестьянку, неспособную выговорить слово «литература», — *сама не чужда литературе,* и вдобавок, ее участие в литературе почтенно, а не смешно и не скверно. «Ретиратура» есть шуточное слово, переделанное в насмешку из слова «литература», и оно выпущено в свет совсем не Марьею Александровною в Ясной Поляне летом 1888 года. Оно бродит давно и повсеместно повторяется шутки ради теми, на чей взгляд кажется, будто в литературе идет что-то «ретирующее» или отступающее от добрых целей и заветов. Марье

Александровне, очевидно, показалось, что и представленный ей писатель тоже принадлежит к «ретиратуре».

Довольно удивительно, что г. Штандель, который где-то «работает в газетах», — никогда этого слова не слыхал, а услыхав, не понял его шуточного значения.

8) Штандель описывает, как он провел время «до обеда», а потом, что̀ подавали «за обедом» и чем угостил его от обеденного стола Павел Иванович не-Гайдуков, а между тем на самом деле г. Штандель за обедом в яснополянском доме *не был* и даже издали *не видал,* как там обедают. Обедают в яснополянском доме в пять часов пополудни, а Штандель был в доме только *во время завтрака* и за столом с яснополянскою семьею не сидел, а Павел Иванович не-Гайдуков принес ему кушанье *со стола, от завтрака,* который Штандель счел за обед или по ошибке, или потому, что он, может быть, еще не знает, чем в русском доме отличается обед от завтрака.

И 9) При доме яснополянского помещика г. Штандель видел «гору цветов». На самом же деле при доме есть только небольшой цветник, как бывает при подгородных петербургских дачах, но никакой «горы цветов» нет. «Гора цветов», равно как и церковь, которой в Ясной Поляне нет, но которую г. Штандель тем не менее там «видел», кажется как будто должны быть отнесены к числу *видений,* объяснить которые хотя и нельзя, но зато и доверять им не следует.

К этим коррективам, выбранным мною из письма моего доброго и правдивого приятеля Павла Ивановича не-Гайдукова, напитавшего г. Штанделя мясом в яснополянском доме, следует прибавить еще следующее замечание: г. Штандель, оказывается, пробыл в Ясной Поляне *всего только четыре часа.* Из этих четырех часов он два часа провел в бодрственном состоянии, а два часа проспал в кабинете у Льва Николаевича. Из двух же часов бодрственного состояния г. Штандель провел полчаса за мясным завтраком, который принес ему из общей столовой Павел Иванович не-Гайдуков. Следовательно, на все наблюдения и на философские разговоры с человеком такой всемирной известности, как Лев Ни-

колаевич, и на споры с не-Гайдуковым, с Ге и мнимою крестьянкою Марьею Александровною г. Штандель имел всего на все полтора часа, или девяносто минут. Да и в эти же девяносто минут он еще и поработал — сходил «барчуком, подвернув штаны, на грязный колодезь» и принес ведерко воды, и слышал, как все над ним в это время смеялись.

Таким образом, выходит, что менее чем в девяносто минут г. Штандель успел сделать девять совершенно фальшивых наблюдений, средним числом он каждые десять минут принимал что-нибудь одно за другое или даже видел то, чего совсем нет. Это, думается, очень характерно и должно выразительно рекомендовать его наблюдательность и степень доверия, которую такой корреспондент в состоянии внушать к себе. А между тем именно с этой-то, чисто фактической стороны литературный опыт Штанделя о Льве Н. Толстом до сих пор оставался без надлежащего освещения, и потому он не пользуется всем тем вниманием, какого по справедливости заслуживает. Краткое восполнение в этом роде не будет излишним.

Приведенные мною *фактические* поправки к сказанию г. Штанделя во всяком разе свидетельствуют, что «в сказании сем не мало, но много написано неправды, и того ради, аще бы отчасти нечто было и праведно писано, — ни в чесом же ему яти веру подобает».

Так судили и приговаривали соборы, и можно думать, что кто такому суждению и ныне последует, — тот ошибки не сделает.

ДЕВОЧКА ИЛИ МАЛЬЧИК?
(ДЕСЯТЫЙ ГРЕХ НЕДОСТОВЕРНОГО ШТАНДЕЛЯ)

Г-н Штандель напечатал 31 октября в «Русском курьере» большие возражения против сделанных мною указаний на фактические неточности и ошибки, допущенные им 4 сентября в описании жизни и общества в Ясной Поляне. Замечаниями моими г. Штандель нимало не убеждается и не конфузится того, чтó он написал 4 сентября о яснополянском доме, — напротив, он желает сконфузить других, а на меня подействовать своими убеждениями. Полезный урок всегда хорошо получить от всякого, в каком бы возрасте ни находился поучающий, но опытность заставляет принимать всякое поучение с обсуждениями и с поверкою.

Г-н Штандель в новой статье своей (31 октября) пишет, что он наблюдал хорошо и в том, что у него случились ошибки и неточности, — не он виноват: мог-де и Лев Николаевич *«переврать»* фамилию. Марья Александровна и другие друзья Льва Николаевича теперь наводят г. Штанделя на воспоминание об «одичалых свиньях», которые испугали этого молодого человека в Ясной Поляне, а мне он замечает, что для наблюдений отнюдь не всякому человеку нужно много времени. Другому довольно только накинуть глазом или просунуть нос. Г. Штандель говорит: «Когда я вхожу в душную избу, я уже при входе духоту ощущаю; когда я подхожу к выгребной яме, я издали чув-

ствую запах». Я этому верю, но что г. Штандель верно передает то, что он видел в Ясной Поляне, — этому я не верю, и *теперь* (после статьи 31 октября) в его основательность становится еще труднее поверить, — и именно вот по какой нижеследующей причине. В статье 31 октября г. Штандель, упомянув о том, как Лев Николаевич Толстой мог «переврать» фамилию не-Гайдукова, — объясняет, как случилось и то, что сам он, г. Штандель, сделал неверное сообщение о г. Кузминском. Он пишет (31 октября): «Относительно г. Кузминского у меня говорилось, что встреченная мною *деревенская девочка,* указывая на расположенный по горе дом, сказала: «А вона усадьба-то — белый дом — то барина Кузминского». Поверять слов *девочки* я не имел охоты». Верю, но нельзя делать все только то, на что есть охота, — часто нужно бывает делать и то, к чему обязывает долг, — и это тоже порою выходит интересно и полезно. Этому и в нынешнем случае есть подтверждение. Прочитав, что г. Штандель 31 октября пишет о *девочке,* я справился с тем, что он писал 4 сентября о *мальчике,* и нашел, что это тогда было записано не на *девочку,* а на *мальчика.* Вот как это место читается в «Русском курьере», 4 сентября, № 244.

«По улице пустота; только собаки лают и заступают дорогу. Встретился еще какой-то *босоногий мальчик.* «Ясная Поляна?» — спросил я его. Он испуганно метнулся с дороги и неохотно ответил: «Поляна». — «Проводи-ка меня, *мальчик,* до графской усадьбы, — я тебе пятачок дам». *Мальчик* остановился».

Они идут, и *мальчик* (а не девочка) говорит г. Штанделю:

«А вона усадьба-то, белый дом-то барина Кузминского».

Если г. Штандель даст себе труд хоть без охоты проверить, «как у него *говорилось»,* то он увидит, что «говорилось» именно так, то есть на *мальчика,* а не на *девочку.*

Г-н Штандель на меня сердится, что я его останавливаю мелочными указаниями на шаткость и сбивчивость его показаний. Что делать? И все дело-то это не очень крупного значения, а когда утрачиваешь к кому-нибудь доверие, тогда уже присматриваешься ко всему,

что характеризует известную личность, но жалко то, что сам г. Штандель все старается еще увеличить сумму своих несообразностей! Зачем он 4 сентября написал, что разговаривал с «босоногим *мальчишкой»;* а теперь уверяет, что это была *«девочка»,* а не мальчик... Это совсем подрывает к нему всякое доверие. А он еще повторяет это два раза: «встреченная деревенская *девочка».* — «Проверять правдивость слов *девочки* я не имел охоты».

Последний несчастный опыт должен убедить г. Штанделя, что в его положении не лишнее проверять правдивость даже собственных слов, чтобы мальчики и девочки не прыгали один вместо другой и не становились обличителями крайней сомнительности всего повествования этого недостоверного, но «неунывающего россиянина».

ВЕЛИКОСВЕТСКИЕ БЕЗДЕЛКИ

В сороковых годах молодые люди у нас, собираясь вместе, часто игрывали в *фанты*. Это теперь совершенно пренебрежено и оставлено. Никому от этого, разумеется, ни жарко, ни холодно, но вот что замечательно: в домах, где пробовали или пробуют возвратиться к покинутым фантам, — это теперь не удается и не удастся потому, что задача фантов оказывается *не по силам обществу*. Это не важно, но это характерно! Задают, например, одну из стариннейших фантовых задач: «сказать три правды и три неправды». Фант очень легкий, и достается он очень красивой молодой девушке, окончившей курс в известном образовательном заведении. Она живет в обществе, — или, как теперь опять говорится: «выезжает в свет», — и «в свете» она, конечно, говорит и правды и неправды, но это тогда, когда она их не различает и сыплет, как снег из рукава, а когда по условиям игры нужно сочинить и подать «три правды и три неправды», — она этого не может. Ей такое творчество оказывается не по силам. Она конфузится, краснеет, никнет и сходит с фанта сконфуженная, совсем не исполнив задачи, или просит себе «что-нибудь попроще». Ей это слишком мудрено! А между тем бабки наши в своей молодости отделывали такие фанты без затруднений. Странное явление: лгать внучки могут, не хуже, чем в старину лгали

их бабушки, а художественного творчества даже в области лжи и клеветы у них стало меньше, чем бывало в минувшее время. И шпильки и булавки как будто притупели...

Не меньше странного также обнаруживают фанты и с познаниями. Недавно в одном доме с реставрированными фантами молодому человеку с высшим образованием выпало: «назвать из того, что он видит, три предмета из царства прозябаемого, царства ископаемого и царства животного». Молодой светский человек запутался в этих «трех царствах», так что и не вышел наружу. Сукно, холст и шелковая материя у него все пошли в «царство растительное», но зато из царства животного он *ничего* не нашел перед своими глазами. Ему старались помочь — усиленно говорили о находящихся в комнате шерстяных тканях, горящих стеариновых свечах и его собственных перчатках, — но он все-таки не нашел ничего принадлежащего к «животному царству».

— Но ваши перчатки! — подсказал ему кто-то потерявший терпение.

— Ах. Это я знаю, — отвечал молодой человек, — но они ведь не лайковые, а замшевые.

Так справляются с фантовою стариною, но есть коечто и в новом роде.

Так как реставрация фантов все-таки обещает, кажется, побыть в моде, то к ней навстречу и в пособление спешит с своим предложением всегда на все тороватая коммерция. Вышли «альбомы признаний». Это взято с английского. Обыкновенный альбомчик с печатными вопросами, против которых тот, кому выпадает фант, должен написать ответы. Их уже и прозвали: «Вопросные пункты». Вопросов много — числом сорок шесть, и все они просты и кратки, но между тем с ответами на них, вероятно, встретится много головоломщины. Вот для образца некоторые из этих сорока шести вопросов: Какую цель преследуете вы в жизни? В чем ваше счастие? Чем или кем вы желали бы быть? К какому народу вы желали бы принадлежать? Долго ли бы вы хотели жить? (Вечно.) Какою смертью вы хотели бы умереть? (Я желаю быть бессмертным, — бессмертною.) К какой добродетели вы относитесь с наи-

большим уважением? (К скромности, — при которой я могу быть виднее.) К какому пороку вы относитесь с наибольшим снисхождением? (К честности.) Что вы более цените в женщине? (Доступность.) Ваше мнение о современных молодых людях? (Ребята теплые.) К чему вы стремитесь: покоряться или чтобы вам покорялись? (Проваливайте мимо! Мы сегодня уже подавали.) Ваш любимый писатель в прозе? (Маркиз де Саад.) Ваш любимый поэт? (Барков.) Ваша любимая героиня в романах? (Нана.) Ваш любимый художник? (Сухаровский.) Ваше любимое изречение? Ваша любимая поговорка? Какое настроение души вашей в настоящее время? Искренно ли вы отвечали на вопросы? (Против всех сих вопросов одна скоба и один общий ответ: *«Убирайтесь вы к черту!»*)

С аглицкого или еще с какого обыкновения заимствована эта игра в «вопросные пункты», но думается, что наша предупредительная коммерция не хорошо рассчитала и что у нас в эти альбомчики много писать не станут.

ХОДУЛИ ПО ФИЛОСОФИИ НРАВОУЧИТЕЛЬНОЙ

Несмотря на чисто русское свое название, «ходули» в старину назывались еще иначе. Есть книжка под заглавием «Ифика и политика, или Философия нравоучительная», со множеством гравюр, исполненных на меди. Она напечатана во Львове в 1760 году, и в ней на 51-й странице представлен человек на ходулях, изрядно смахивающий на г. Дорнона: он в легких полусапожках, в панталонцах диагоналями, в коротеньком тулупчике и в круглом колпачке. Под ним надпись:

«На *высокоступцах* чуден есть ходящий.

Но есть чуднейший — высокомыслящий».

«Ходули» называются в той книге «высокоступцы», а объясняются они с точки зрения «нравоучительной философии» в следующем роде: «Детское обретается игралищное орудие некое: *высоступцы* или от дыбания *дыбы* именуемое. Которого игры составляюще малые дети употребляют сице: еже высшим им зретися подставляют высоступцы оные ногам и тако играюще ходят на них возвышенни. Таковому нецыи детскому подобящеся уму, аки бы некоего возвышенно силою всех пред собою в нижайших судят быти. Что же случается? Яко и дети оные множицею долу опровергаются, тако и сии горделивии еще горже страждут, изступлением бо ума содержими ни себя убо познавают, ниже сушия пред ногами зрят и падают иде (где) же не чают».

К тому же человеку, который поднялся на ходули, или на «высоступцы», или на «дыбы», — нравоучительная философия наставляет подойти и проговорить: «Что простираеши выю? Что вежди возносиши и яко всех держа так воздухошествуеши? Ни ли хотел бы еще да и крила тебе израстут? Человек убо сый, а уже летати ищешь! Волоса не можешь сотворите бела или черна, а уже не ступаеши по земли!.. Что же тя нареку? Аще тя реку пепел, и прах, и дым, и персть, то еще не изражу твою худость, и опухлость, и напыщение, и возгорение, и всю тщету твою». Идущий на ходулях, или «высоступцах», по философии «пепла всякого худейше бывает», и его непременно ждет «скорая погибель», а всем людям, просто по земле ходящим, это должно послужить к пользе и к назиданию: видя, сколь сие «есть многобедно», все должны «взыскать отсюда во всем к полезному смирению».

Вот добрый пример — как должно к самым малым вещам относиться, философски и нравоучительно! А кстати обращаю внимание, что тут же есть и разъяснение замеченной кем-то непонятности в том: почему говорится «конь поднялся *на дыбы*»? «Неужели-де и лошадей на дыбу поднимали?» Вполне ясно и очевидно, что тут разумеется не «дыба», составлявшая орудие пытки («виска»), а *дыбы — ходули*. «Конь поднялся на дыбы» значит, что конь взвился, что он как бы стал на ходули и «воздухошествует, и простирает выю, и вежди возносит, и летати ищет».

НЕСКЛАДИЦА О ГОГОЛЕ И КОСТОМАРОВЕ

(ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОПРАВКА)

Только на сих днях я получил из Петербурга июньскую книжку «Исторического вестника», где в первый раз прочел в подлиннике рассказ «о гоголевской жилетке», сообщенный Иеронимом Иеронимовичем Ясинским со слов помещика Михольского. Рассказ этот уже был цитирован в некоторых изданиях, и гг. рецензенты признали его за «очень вероятный», но мне он кажется совершенно невероятным, и я желаю изложить в нижеследующих строках, почему он невероятен.

Память таких людей, как Гоголь и Костомаров, без сомнения, стоит того, чтобы и в мелочах на них не наводили ничего напрасного. С этой точки зрения я и позволяю себе считать не напрасным мое вмешательство в суждения об анекдотическом случае с жилетом.

Вначале я должен напомнить вкратце: как это дело представлено у Иерон⟨има⟩ Иер⟨онимовича⟩ Ясинского, писавшего свое сообщение со слов помещика Михольского.

Некто Михольский, провинциальный франт и человек, «тяготевший к аристократам», приехал в 1847 или в 1848 году в Киев для того, чтобы «экипироваться» перед свадьбою; а один из его знакомых свез его к Михаилу Вл⟨адимировичу⟩ Юзефовичу, который в ту пору ожидал к себе в гости Гоголя и собрал у себя к его встрече молодых профессоров Киевского универ-

ситета. В числе профессоров при этой встрече были будто бы «Павлов и Костомаров».

«Профессора были одеты в новенькие вицмундиры и, в ожидании великого человека, переговаривались вполголоса». Ожидали его очень долго, а когда Гоголь приехал и «Юзефович побежал» его встречать, «профессора, сидевшие перед этим, встали и выстроились в ряд».

«Гоголь входил, понурив голову; на нем был темный гранатовый сюртук, и Михольский в качестве франта обратил внимание на жилетку Гоголя. Эта жилетка была бархатная, в красных мушках по темно-зеленому полю, а возле красных мушек блестели светло-желтые пятнышки по соседству с темно-синими глазками. В общем, жилет казался шкуркой лягушки» (стр. 596).

Гоголь повел себя перед гостями Юзефовича странно и неучтиво: он не отвечал на поклон «выстроившихся» профессоров и отделывался банальными выражениями, когда Юзефович «бросился представлять ему профессоров, называя их по именам: Павлов! *Костомаров!*» (597).

Ни одному из тогдашних молодых ученых Гоголь не подарил ни малейшего внимания, но «воззрился в жилет Михольского, тоже бархатный и тоже в замысловатых крапинках, но в общем походивший не на шкурку лягушки, а на шкурку ящерицы».

Сосредоточась на жилете Михольского, Гоголь спросил этого франта:

«Мне кажется, как будто я где-то вас встречал... Да; я вас встречал... Мне кажется, что я видел вас в каком-то трактире и вы там ели луковый суп».

Затем «Гоголь погрузился в молчание, глядя на жилет Михольского, и вскоре сделал общий поклон гостям и направился к выходу».

Профессора только его и видели, но это их нимало не смутило, а напротив, они пришли в самое приятное настроение — стали есть и пить за здоровье Гоголя и кричать ему «многие лета».

Причин странной неучтивости писателя никто из профессоров не доискивался, но помещик Михольский ее открыл, эту причину, и сообщил о ней Иер. И. Ясинскому.

«Это *я отравил Гоголю жизнь своею жилеткою»,* — сказал Михольский и в подкрепление своей догадки представил почтенному писателю следующие соображения.

На другой день после встречи Гоголя с Михольским у Юзефовича к Михольскому «прибежал жидок от портного» и «на милость бога» просил «уступить» пленивший Гоголя жилет за любую цену. При этом «жидок» рассказывал, что «приезжий из Петербурга господин купил себе жилет у *Гросса* (киевского портного)», но та жилетка только «подобна» той, какую имел Михольский, а между тем «приезжий из Петербурга господин теперь требует: подавай ему точно такую, как эта».

Михольский сейчас же отгадал, что «приезжий из Петербурга», про которого упоминал еврей-фактор, есть не кто иной, как Гоголь (стр. 598), и жилета своего ему не уступил, а сказал:

«Ты хоть и Гоголь, а такой жилетки у тебя нет, как у меня!.. И хотя он три раза посылал — я не дал».

Этим исчерпывается сущность исторического рассказа, который многим рецензентам показался «весьма вероятным», а я его считаю не только сомнительным, но даже совсем отвергаю возможность такого события при созданной Михольским обстановке.

Я говорю, что рассказанного Михольским происшествия с жилетом *не могло* произойти в Киеве ни в 1847, ни в 1848 годах, ни позже, до самой кончины Гоголя, и вот тому мои доказательства.

1) Весь 1847 год Гоголь провел вне России, за границею, и, стало быть, *в этом году* Михольский никак *не мог* встречать его в Киеве у Юзефовича. Следовательно, событие, о котором Михольский рассказывал И. И. Ясинскому, можно исследовать только разве в пределах 1848 года; но тут мы увидим, что из всех указаний Михольского *ни одно* друг с другом не сходится и не согласуется.

2) Гоголь в январе 1848 года отправился из Неаполя в Иерусалим, а оттуда, *весною 1848 года,* приехал в село Васильевку, в Полтавской губернии, и жил в

Малороссии целое лето. А потому хотя и возможно допустить, что Гоголь в конце лета или «по осени», может быть, и заезжал в Киев, но он в это время никак не мог встретить там на вечере в числе профессоров Николая Ивановича Костомарова, так как Н. И. Костомаров, как известно, был арестован в Киеве накануне своей свадьбы, в Фомино воскресенье, *30 марта 1847 года,* и в 1848 году уже находился на высылке, из которой не возвращался и во все остальное время до кончины Гоголя (1852).

3) Михольский сказал И. И. Ясинскому, будто посыльный «жидок» говорил ему, что «приезжий господин» (в 1848 году) «купил жилетку у Гросса», но этому нельзя верить. Никакой «жидок» *не мог* сказать Михольскому такого вздора, потому что *портного Гросса в 1848 году в Киеве еще не было,* а лучшими и модными портными в то время были там: Червяковский, Мирецкий, и немного позднее — Вонсович. Портной же Гросс прибыл в Киев и просиял на киевском Крещатике только в 1855 или в 1856 году, то есть тогда, когда Гоголь уже перешел в лучший мир, а тело его было погребено на московском кладбище.

Особенно удивительно, как Михольский мог так напутать о портных, при посредстве которых киевским щеголям только и можно было хорошо экипироваться в 1847 или 1848 годах. В качестве франта Михольский, кажется, непременно должен бы знать, кто из портных был тогда славен в Киеве.

И 4) Михольский сказывал г-ну Ясинскому, что факторство о жилете вел «жидок, прибегавший от портного», — но этого тоже быть не могло. В то время (при генерал-губернаторе Бибикове) в Киеве не было на постоянном жительстве ни ремесленников, ни посыльных из евреев. Единственное исключение представлял собою одиноко обитавший на Печерске «резчик печатей Давидзон», который жил в Киеве по особенному усмотрению генерал-губернатора, «как ремесленник, необходимый для присутственных мест и почтовых учреждений». Но этот Давидзон был человек очень слабый и больной и на посылках не бегал, а почитал для себя за большую тягость даже то, что он должен был приходить и исполнять какие-то специальные занятия в кабинете

почтового чиновника, на визитных карточках которого значилось: «статский советник Блюм, киевский почтовый люстратор».

Итак, я считаю ясно установленным, что Гоголь в 1848 году не мог встретить в Киеве Костомарова, что жилета в 1848 году нельзя было покупать в Киеве у Гросса и что посыльные евреи в 1848 году по Киеву не бегали. А три такие нескладицы в одной маленькой истории о жилете совсем подрывают всякое доверие к рассказчику, и мне кажется, что Михольский, кроме «качеств франта», которые заметил в нем Иероним Иерон⟨имович⟩ Ясинский, обнаружил еще и качества человека чрезвычайно забывчивого или неискусного выдумщика.

Особа Михольского мне лично нисколько не известна, и самое имя это я впервые узнал только из «Исторического вестника».

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

Словарь 1865 года, заключающий в себе «объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка», благодаря находчивости и ревности русских журналистов устарел и не удовлетворяет уже надобностям, которые ощущает и должен ощущать современный читатель. Новые слова иностранного происхождения вводятся в русскую печать беспрестанно и часто совсем без надобности, и — что всего обиднее — куются в тех самых органах, где всего горячее стоят за русскую национальность и ее особенности. Так, например, в «Новом времени», которое пустило в ход «эвакуацию» и другие подобные слова, вчера еще введено в употребление слово *«экстрадиция»*... Порта с Болгариею заключила конвенцию об *«экстрадиции»*... Если кто не догадается, что́ это должно значить, то пусть он не беспокоится искать «экстрадиции» в «словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка», — там этого *нового* русского слова нет.

Пусть теперь не знающий иностранных языков читатель думает и гадает, что это такое значит «экстрадиция»?!

И. С. Аксаков говаривал, что «за этим стоило бы учредить общественный дозор, — чтобы не портили русского языка, — и за нарушение этого штрафовать в пользу бедных».

Теперь бы это и кстати.

ЗАМОГИЛЬНАЯ ПОЧТА ГОНЧАРОВА

Люди, бывшие в переписке с покойным Иваном Александровичем Гончаровым, получают от лиц, исполняющих последнюю волю усопшего, — конверты, заделанные и подписанные старческою и слабою рукою почившего писателя. Надписи на конвертах сделаны с очевидным большим усилием, так что в иных едва можно узнать след сходства с гончаровским почерком, в его здоровое время. По дрожанию руки писавшего надо думать, что заделка этих конвертов составляла заботу И. А. Гончарова в самое последнее время его угасавшей земной жизни. В конвертах этих знакомые покойного писателя находят *свои письма,* которые они когда-либо писали Гончарову. Он все эти письма сберег и перед уходом отсюда, «из земного круга», в бе́режи и в порядке аккуратно возвращает их замогильною почтою, и притом со всею скромностью, — запечатанными его хладевшею рукою, дабы ничей любопытный посторонний глаз не читал того, что не для него писано, и ничьи болтливые уста не разглашали того, что люди сообщали друг другу по тому или другому поводу для личного обмена мыслей, а не для «большой публики». Человек этот, просивший у всех скромности к его письмам, находящимся в чьих-либо посторонних руках, показывает приведенным образчиком своих отношений к чужим письмам, что не одному себе «выпрашивал снисхождения», как думают охотники видеть все в дурном свете, а что Гончаров действительно придавал большую

важность неприкосновенности письма *каждого человека* и сам строго берег всякое чужое письмо от опасности открыть его тем, до кого письмо не касается, и сделать через то писавшему лицу рано или поздно совсем неожиданный, часто и очень неприятный и неудобный сюрприз — вдруг появиться у всех на глазах с своим писанием, назначавшимся только для известного лица, а не для всей большой публики...

Деликатность Гончарова не только приятно и отрадно видеть, как последний знак осмотрительного и опрятного отношения к людям именитого и достославного человека, но надо стараться остановить на нем внимание молодых людей, чтобы это не прошло бесследно, а дало бы хороший плод, возбудив в молодых людях охоту последовать примеру благородного старика. Такое последование Гончарову можно бы оказать именно в знак глубокого уважения к его деликатности и к его завету щадить в каждом человеке — неприкосновенность его личных чувств и сношений его с людьми ему близкими. А кроме молодых, тут также есть урок и некоторым старшим людям, которые слишком не церемонились с попадавшими в их руки письмами сторонних лиц... Если деликатность Гончарова некоторые называют «крайностию», то пусть говорящие таким образом вспомнят только, что за суета была поднята распубликованием писем Тургенева и Крамского! Как трясли их кости, когда оставшиеся на земле знакомцы этих покойников с азартом пережившего сверстника стали трясти свои «портфели» и вытащили из своих ящиков тургеневские письма и, наконец, предали их тиснению для разбора: кого, чем и для чего заденут и как оскорбят и опечалят?..

Пусть и случай, до которого касалось письмо, уже минул, или пусть даже ниже выяснилось все в обратном смысле и последующее совсем изменило отношение автора письма к тому, кому оно было написано... Все равно: ату его!.. Валяй! Печатай!

Жестокие нравы!

Если Гончаров клонит к крайности, то и те тоже влекли к другой крайности. Человек с деликатным чувством, конечно, не затруднится выбрать: какая из этих двух крайностей лучше.

ПИСЬМА
В РЕДАКЦИЮ

О РУССКОМ ЛЕВШЕ

(ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ)

Моя небольшая книжечка «О тульском левше и о стальной блохе» вызвала несколько литературных отзывов, из которых два убеждают меня в надобности сделать маленькое объяснение.

Говоря это, я разумею отзывы «Нового времени», которое нашло, что в моем рассказе народ несколько принижен, и отзыв «Голоса», которому кажется, что в этом рассказе народ очень польщен. Притом, как рецензенты «Нового времени» и «Голоса», так и все другие, высказавшие свое мнение о «левше», в одно слово утверждают, будто сказ о левше есть «легенда старая и общеизвестная».

Это требует поправки, и я прошу позволения ее сделать.

Все, что есть чисто *народного* в «сказе о тульском левше и стальной блохе», заключается в следующей шутке или прибаутке: «англичане из стали блоху сделали, а наши туляки ее подковали да им назад отослали». Более ничего нет «о блохе», а о «левше», как о герое всей истории ее и о выразителе русского народа, нет никаких народных сказов, и я считаю невозможным, что об нем кто-нибудь «давно слышал», потому что, — приходится признаться, — я весь этот рассказ *сочинил* в мае месяце прошлого года, и *левша* есть лицо *мною выдуманное.* Что же касается самой подкованной туля-

ками английской блохи, то это совсем не легенда, а коротенькая шутка или прибаутка, вроде «немецкой обезьяны», которую «немец выдумал», да она садиться не могла (все прыгала), а московский меховщик «взял да ей *хвост пришил,* — она и села».

В этой обезьяне и в блохе даже одна и та же идея и один и тот же тон, в котором похвальбы могло быть гораздо менее, чем мягкой иронии над своею способностью усовершенствовать всякую заморскую хитрость.

Рецензент «Нового времени» замечает, что в левше я имел мысль вывести не одного человека, а что там, где стоит «левша», надо читать «русский народ».

Я не стану оспаривать, что такая обобщающая мысль действительно не чужда моему вымыслу, но не могу принять без возражения укоры за желание принизить русский народ или польстить ему.

Ни того, ни другого не было в моих намерениях, и я даже недоумеваю, из чего могли быть выведены такие крайне противоречивые заключения. Левша сметлив, переимчив, даже искусен, но он «расчет силы не знает, потому что в науках не зашелся и вместо четырех правил сложения из арифметики все бредет еще по псалтырю да по полусоннику». Он видит, как в Англии тому, кто трудится, — все абсолютные обстоятельства в жизни лучше открыты, но сам все-таки стремится к родине и все хочет два слова сказать «государю о том, что не так делается, как надо», но это левше не удается, потому что его на «парат роняют». В этом все дело.

Я никак не могу согласиться, чтобы в такой фабуле была какая-нибудь лесть народу или желание принизить русских людей в лице «левши». Во всяком случае, я не имел такого намерения.

Николай Лесков.

10 июня 1882 г.
С.-Петербург.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

(ОБ ОТЧИСЛЕНИИ Н. С. ЛЕСКОВА «БЕЗ ПРОШЕНИЯ» ОТ СЛУЖБЫ В УЧЕНОМ КОМИТЕТЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ)

Малозначительное событие — оставление мною службы в Ученом комитете министерства народного просвещения — неожиданно для меня сделалось предметом разнообразных толков, которые частию проникли в печать и, как у нас сказано, — «возбуждают недоумение», которое я имею побуждение разъяснить.

Я отчислен от министерства «без прошения» по причинам, лежащим совершенно вне моей служебной деятельности, которая в течение десяти лет признавалась полезною и никогда не привлекла мне никакого упрека и ни одного замечания при трех министрах: графе Д. А. Толстом, А. А. Сабурове и бароне Николаи. Для оставления службы мне не вменено никакой вины, а указана только «несовместимость» моих литературных занятий с службою.

Ничего более.

В том, что я отчислен не по прошению, а «без прошения», тоже нет ничего меня порочащего или обидного. Мне была предоставлена полная возможность отчислиться по той форме, которая обыкновенно признается удобнейшею, но я сам предпочел ту, которая, на мой взгляд, более верна истинному ходу дела.

Этим, я надеюсь, могут быть разъяснены все «недоумения» моих ближайших и дальних друзей и недругов.

Николай Лесков.

8 марта 1883 г.
С.-Петербург.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

К прискорбию для себя и к очевидной досаде редакции, может быть и для некоторых читателей, я должен отказаться продолжать печатание начатого у Вас романа «Соколий перелет». Я сознаю всю неловкость этого отказа, но не могу поступить иначе. Роман этот начат писанием давно — более двух лет назад, при обстоятельствах, которые для печати весьма разнятся от нынешних. В романе я хотел изобразить «перелет» от идей, отмеченных мною двадцать лет назад в романе «Некуда», — к идеям новейшего времени. В романе «Соколий перелет» также должны были выступить на свет и многие из лиц, известных публике по роману «Некуда», который в одной из критических заметок г-на П. Щ⟨ебальского⟩ был назван «пророческим». Во многом действительно намеченное в том романе совершилось как по-писаному. Каков бы показался в этом *общественном значении* роман «Соколий перелет», — я не знаю; но я хорошо знаю, что он не пошел бы в тон нынешнему взгляду на литературу, и во что бы то ни стало *я останавливаюсь*. Останавливаюсь просто потому, что, — верно или неверно, — я нахожу эту пору совершенно неудобною для общественного романа, написанного правдиво, как я стараюсь по крайней мере писать, не подчиняясь ни партийным, ни каким другим давлениям.

Приношу этим письмом мою повинную редакции и всем подписчикам газеты.

Взамен этого романа я напишу Вам и сообщу в нынешнем же году для напечатания роман чисто бытового характера, на мотив всегда удобных для разработки положений: «Влюбился и женился» или «Влюбился и застрелился».

Конечно, я употреблю все от меня зависящее, чтобы обмен этот не был для ваших подписчиков невыгоден, и постараюсь дать интересное чтение.

Николай Лесков.

С.-Петербург.
10 марта 1883 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

О ЕФИМЕ БОТВИНОВСКОМ

Милостивый государь! В № 23 «Новостей» от 24 апреля воспроизведен отрывок из моих воспоминаний о «предобром отце Ефиме». Я очень рад, что праведная память этого великодушного человека обращает на себя внимание печати и через то делается известною большому числу людей. Доброго и великодушного человека всегда помянуть полезно, но в моем рассказе об отце Ботвиновском есть вещи, которые могут казаться и действительно кажутся вполне несбыточными и невероятными. Это и совершенно понятно по чрезвычайной непосредственности характера описываемого лица, которое было столь оригинально, что я непременно должен был представить его характеристику в таком органе, редакции которого удивительный и неимоверный отец Ботвиновский и все о нем сообщаемое были так же близко известны, как и мне. «Предобрый Ефим» был мне друг и также в дружбе находился с епископом Филаретом Филаретовым и с Феофаном Гавриловичем Лебединцевым, нынешним редактором выходящего в Киеве журнала «Киевская старина». Сему последнему я и отдал мои «юношеские воспоминания», в составе которых «предобрый Ефим» составляет только эпизод. Но давая «Ефима» «Киевской старине», я просил Ф. Г. Лебединцева не полагаться без проверки на мою память и по возможности поверить мои сказания и

особенно невероятные из них (как, например, погребение дамы под престолом Троицкой церкви) подкрепить заверением или же вовсе выпустить. Редактор «Киевской старины» исполнил мою просьбу с доброй приязнью и рассказы мои о Ефиме проверил и сделал о том от себя удостоверение («Киевская старина», апрель 1883 г., стр. 700). Это для меня, по очень многим и очень солидным причинам, — важно и даже *необходимо.* «Церковно-общественный вестник» Ал. Ив. Поповицкого воспроизвел рассказ об отце Ефиме из «Киевской старины» (с моего согласия), но при перепечатке опустил имеющее для меня большое значение подстрочное примечание редактора «Киевской старины» Ф. Г. Лебединцева. Этим у рассказа отбавилось достоверности, на которой я непременно желаю настаивать. «Новости» заимствовали рассказ мой о «предобром» Ефиме из «Церковно-общественного вестника», и потому, конечно, совсем не могли указать на то, чем дело удостоверено.

Я уже просил А. И. Поповицкого дать место моим строкам, которые бы содержали желательное мне пояснение, и вас имею честь просить о том же самом.

Николай Лесков.

⟨24—26 апреля 1883 г.⟩

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Милостивый государь
г. редактор.

В 20 № московской «Газеты Гатцука» напечатана заметка, в которой между прочим сравниваются мои литературные коварства с чистосердечием, которое обнаружил по отношению митрополита. Филофея писатель Тертий Филиппов, имевший свою роль в деле Булах.

Эту статью и приведенное в ней четверостишие приписывают мне.

А как я этой статьи *не писал* и имею свои причины желать, чтобы на мой счет ни теперь, ни после не было поставлено ничто, написанное о г-не Филиппове безыменно, и в раздражении, и в обиде, для которых в названной статье указаны поводы, то в некоторых литературных целях я имею честь просить вас, г. редактор, дать мне возможность объяснить в вашем издании, что я названной статьи о г-не Филиппове не писал и не мною тоже сочинено четверостишие, оканчивающееся строками:

И дорогое имя Тертия
Блестит уже в лучах бессмертия.

Мне об этом стихотворении известно только то, что известно очень многим в нашей столице, то есть что

стихотворение это начертано под портретом г-на Филиппова, который он довольно охотно показывает.

Сколько я помню об этом стихотворном начертании, мне кажется, что «имя Тертия» там названо не «дорогое», а «всеблагое». Впрочем, который из вариантов вернее, — я не знаю.

Николай Лесков.

С.-Петербург,
29 мая 1884 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ОБ ОБЕДЕ Н. С. ЛЕСКОВУ

В 44 № «Еженедельного обозрения» упоминается о намерении почтить меня каким-то знаком внимания по поводу исполнившегося двадцатипятилетия моих занятий литературою. Там сказано, что намерение это *«отложено»* на 1885 год.

Дозвольте мне сказать, что это намерение *не отложено, а совсем оставлено,* по усердной моей просьбе, для которой я имел уважительные, в моих глазах, причины.

Николай Лесков.

15 октября 1884 г.
С.-Петербург.

АВТОРСКОЕ ПРИЗНАНИЕ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ

Давняя и, смею надеяться, искренняя литературная приязнь наша сказалась с Вашей стороны очень дорогим для меня вниманием. Мне присланы 248, 249 и 252 №№ «Варшавского дневника», где напечатаны критические статьи о моих сочинениях. Это пришлось как раз ко времени совершившегося двадцатипятилетия моих занятий литературою. Внимание чрезвычайно милое и мне необыкновенно приятное. Старый испытанный друг, живя вдалеке, на окраине вспомнил меня и помянул не злом и не клеветою, которых я перенес немало. Но дороже всего мне то, что дружба Ваша высказалась ко мне не только снисходительно, но и оправдательно. Я говорю об отношении Вашем к одному много раз воздымавшемуся против меня обвинению, которое я имею основание считать несправедливым и незаслуженным. В статьях Вашей газеты сказано, что я большею частью *списывал* живые лица и передавал действительные истории. Кто бы ни был автор этих статей, — он *совершенно прав.* У меня есть наблюдательность и, может быть, есть некоторая способность анализировать чувства и побуждения, но у меня *мало фантазии.* Я выдумываю тяжело и трудно, и потому я всегда нуждался в живых лицах, которые могли меня заинтересовать своим духовным содержанием. Они мною овладевали, и я старался воплощать их в рассказах, в основу которых тоже весьма часто клал действительное событие. Так почти написано все, а по преимуществу роман «Некуда», в котором, однако,

критики упорно желают видеть *тенденциозность*. Вы знаете и многим известно, что этот роман представляет многие действительные события, имевшие в свое время место в некоторых московских и петербургских кружках. Я терпел самые тяжелые укоризны именно за то, что *списал* то, что было, и потом это же самое вменено мне в «тенденциозность», которою попрекают меня и доселе. Тенденция от французского tendance или от латинского tendere значит *тянуть*, стремиться, иметь склонность, направление. К чему же я *тянул* в «Некуда»? Об этом пора сказать, и я хочу это сказать именно у Вас — в газете человека, который ближе многих знает мои убеждения. *Я ни к чему не тянул*. Я только или описывал виденное и слышанное, или же развивал характеры, взятые из действительности. Я даже действовал во вред той тенденции, которую мне приписывают, и теперь сам покажу это. Роман «Некуда» считается самым противосоциальным, и между тем едва ли не в нем в одном представлен в лице Райнера молодой социалист с доброю душой и с нежными, честными побуждениями. Я не разделял и не разделяю социалистических стремлений, но я написал такое симпатическое лицо потому, что я *видел* перед собою такого живого человека, жившего среди нас во время, которое представл⟨яет⟩ мой рассказ. ⟨Это⟩ уроженец того края, где вы теперь трудитесь, — это был Артур Бенни, сын протестантского пастора из Томашева Равского, с которым нас соединяла горячая дружба, несмотря на коренное несходство нашего политического идеала. Он был оклеветан в Петербурге теми, которые с ним единомыслили, был выслан из России и потом убит под Ментаной в гарибальдийском отряде. Я никогда не разделял его утопий, но я знал его чистым и прекрасным юношей, который трогал своих судей своим благородным чистосердечием, и я *таким* его изобразил в вымышленном лице Райнера. Таким же после его смерти я представил его и под собственным его именем в книжке «Загадочный человек», которую я написал по совету Ив⟨ана⟩ Серг⟨еевича⟩ Тургенева. Если бы тенденциозность или желание «тянуть» господствовало во мне над желанием изобразить правдивую картину тогдашних нравов, — я думаю, мне незачем было привлекать к делу лицо столь симпатичное, несмотря на то, что

заботы его жизни не казались мне достойными подражания. И тем не менее я его написал с любовью, *как тип,* выражавший данное время и данный ассортимент характеров. Так поступал я и всегда и во всем, что мною написано. Я *сберегал хорошее* в каждом лице и думал, что в этом есть долг правдивого писателя, каким я по крайней мере старался быть. Отрицательные типы действительно я писал хуже, чем положительные, потому что мне тяжело изображать такие характеры, не гармонирующие с моим личным настроением, но все же я не мог рисовать без теней, по-китайски. В моей памяти накоплялись лица такие и иные... И как могло быть это иначе?.. И вот это-то я хотел бы с вашего позволения поставить теперь на вид автору напечатанных у вас обо мне статей. При всей его ко мне внимательности он, кажется упустил из вида, например, то, что в книге «Мелочи архиерейской жизни» есть пленительно добрый Филарет Амфитеатров, умный Иоанн Соловьев, кроткий Неофит и множество добрых черт в других персонажах. Мне очень жаль, что это обыкновенно опускается и что у Вас случилось то же самое. Правдивое слово на этот счет не было бы лишним для тех, кто, порицая в художнике тенденцию, сам не замечает, что сам же он и требует от меня односторонности или тенденциозности, вполне неудобной для писателя, желающего оставить истинные картины нравов своего времени. Как директор политического органа, вы, может быть, смотрите на некоторые вещи иначе, чем я, и я готов признать за вашим взглядом превосходство, но сам я желаю остаться только тем, чем есть и чем могу быть, то есть художником, изображающим то, что подпадает моему наблюдению. Я что вижу, то и пишу, и очень вам благодарен, что вы, единственный старый литературный друг мой, высказали его с тем прекрасным чистосердечием, которое давно и навсегда заставило меня любить и уважать вас. Поверьте, что ваш критик не обманулся; поверьте, что если бы меня «тянула» не любовь к выражению житейской правды, а «тенденция», то я иначе бы нашелся когда и куда потянуть. Я никогда об этом не думал.'

Николай Лесков.

С.-Петербург.
10 декабря 1884 г.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПО ТРЕМ ПУНКТАМ

Когда оскудевает материал, доступный для литературной разработки, гг. писатели нередко обращаются к очищению критикою собственного литературного кружка. Мне в свое время приходилось много послужить собою для такой потребы и ныне опять довелось стать на очередь: с трех сторон летит в мое окно «крылатое слово». Во-первых, одно издание, при розыске, «до чего дошла наша литература», ставит, не знаю в который раз, на вид объявление об «указке», составленной мною для отыскания данных мест в св. писании. Это почему-то представляется за дело, недостойное литератора, — за дело, которое будто бы унижает литературу. Другой журнал недоволен встречею моего имени во многих изданиях и говорит, что я «сделал из моей *музы* потаскушку». Третий видит дурное в том, что я «воспользовался случаем в Якобштадте и тотчас пустил язвительную статью, которая связывает настоящее с прошлым». Это говорится о столкновении в Вейсенштейне, в 1867 году, которое описано мною в «Историческом вестнике» за февраль 1885 года.

Я чувствую потребность объясниться по всем этим трем обвинениям.

§ 1. Я действительно составил «указку», с помощью которой всякий может без затруднения отыскать требуемое место в Новом завете. Я тоже и напечатал эту «указ-

ку» в виде «полосок», которые можно удобно держать в книге, как закладку. Во всем этом я признаюсь. Причина, побудившая меня напечатать такую указку, была следующая: в учебных заведениях одно время стали упражнять детей в изучении св. писания и спрашивали ответы, за которые ставили отметки, а *пособия,* вроде указки, не давали. Это детей очень затрудняло. Помнит дитя, что есть такое слово в св. писании, а отыскать его не умеет. У меня жил милый ребенок, и я видел его затруднения и терзался ими. Потому я захотел помочь дитяти и составил *для него* указку. Указка моя полюбилась другим детям, и я издал ее для общего пользования (по 2 коп. за штуку, — из коих 1 коп. идет книгопродавцу). Я думал, что я этим не сделал ничего худого ни для детей, ни для взрослых, которые тоже берут мои указки, и о сю пору не понимаю — что худого в том, что я издал указку? Не могу понять, кого я этим обидел и у кого должен просить прощения? Всех откровеннее разъяснил это с самого начала литератор, писавший в «Петербургской газете» под псевдонимом «Оса». Он первый заметил мою указку и первый в свое время посмеялся надо мною в «Петербургской газете». По его словам, дурно было то, что я «взялся за *поповское* дело», но это несправедливо: из русского духовенства никто такой указки не составлял и не издавал. В данном случае я просто сделал такое маленькое дело, которое вызывалось потребностью и которого между тем *никто* не делал. Но если даже есть основания считать это и за «поповское дело», то это до меня не касается и я не вижу в этом такого крайнего проступка, который стоило бы из года в год каждый великий пост причитать: «Вот до чего дошла наша литература!»

Может быть, можно указать случаи, где она доходит до чего-нибудь гораздо более предосудительного.

Я имел в виду одну детскую пользу и важность евангелия, в котором, по моему убеждению, сокрыт глубочайший *смысл жизни.*

§ 2. Имя мое, как говорят, «треплется и веется», — «*муза* моя пущена, как уличная *потаскушка*». Это сказано сильно, но несправедливо. «Потаскушка» в данном случае заменяет другое слово, которое в печати тоже употребляется, но не поставлено, очевидно, из некоторой ко мне снисходительности. Автор пощадил меня, что

называется, «по старой памяти». В том смысле, в котором слово «потаскушка» употреблено применительно к моей «музе», оно должно выражать неразборчивость, склонность вращаться, где попало. Моя муза будто идет, куда ее поманут. Стало быть, она продажна...

Если уж пошло на сравнения, то «муза» моя не похожа на «потаскушку», ибо — она своих ласок не продавала и не продает. Ее положение, кажется, гораздо удобнее сравнить с положением скромной девушки, которая умеет делать изрядные работы, но не желает исполнять их по всякому фасону. Чтобы не сидеть без дела и не щеголять ни безстудием лица, ни постною харею, она покрылась простым платочком и ходит на поденщину...

Мне кажется, что она сделала еще не самое худшее из того, между чем ей предстояло выбирать. Лучше работать по-рыночному, кому попало, чем с притворным благоговением нести мишурные шнуры чьего бы то ни было направленского штандарта.

§ 3. Статью «Подмен виновных», может быть, и есть возможность привести в какое-нибудь историческое соотношение с недавним якобштадтским происшествием, но я не имел этого в виду и могу это доказать.

Статья «Подмен виновных», напечатанная в февральской книге «Исторического вестника», была мною написана тогда, когда о якобштадтском случае еще и слуха не было. Статья эта, содержащая рассказ о событии, имевшем место *восемнадцать лет назад,* была написана мною *прошлым летом.* Осенью она уже была отдана в редакцию журнала «Новь» и оттуда возвращена мне г. Вольфом в числе других моих рассказов, целиком не пропущенных для «Нови» цензурою. В «Историческом вестнике» статья эта была не только набрана, но даже и отпечатана прежде, чем случилось что-то в Якобштадте. В этом я пошлюсь как на А. М. Вольфа, так и на редактора «Исторического вестника», С. Н. Шубинского. Двух свидетелей, полагаю, достаточно.

За сим писавый кланяюсь

Николай Лесков.

⟨1885⟩

⟨В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НОВЬ»⟩

Милостивый государь Александр Маврикиевич!

Мой роман «Незаметный след» остался неоконченным. Печатание его оборвалось на первой части, что крайне неприятно как лично для меня, так равно для читателей и редакции «Нови».

Приступая к печатанию моего романа, редакция «Нови» была гарантирована письменным условием между мною — автором романа, и вами — редактором-издателем «Нови», в своевременном доставлении всего романа, так что печатание «Незаметного следа» должно было окончиться еще в марте.

Но разные неблагоприятные обстоятельства, о которых неуместно было бы говорить здесь, — помешали мне исполнить принятое мною на себя обязательство. Единственно по моей вине редакция «Нови», окончив печатание первой части романа, не могла напечатать окончание его, — в чем я и извиняюсь перед читателями журнала, а также и перед редакцией, которую я, совершенно неожиданно для самого себя, поставил в такое неловкое положение в отношении подписчиков журнала.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении.

Н. Лесков.

⟨Сентябрь 1885 г.⟩

ЧУЖОЕ ЗАГЛАВИЕ

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

Позвольте мне сделать заявление, к которому я вынужден довольно странным поступком одной маленькой издательской фирмы.

В текущем 1887 году, по весне, книгопродавческая фирма М. О. Вольф выпустила книжку моих «Рассказов кстати». Это были фельетонные рассказы, написанные à propos, по поводу того или другого из современных происшествий. Потому они и названы «Рассказы кстати». Цена их 2 руб. 50 коп.

Ныне же фирма Вольф прислала мне книжку, вышедшую на сих днях в Москве, под тем же самым моим заглавием: «Рассказы кстати», с ценою 1 руб. 25 коп. Кто автор названных московских рассказов, — я не знаю, а издателем ее обозначена фирма «Сверчок».

В интересах моего издателя я нахожу вынужденным заявить, что московские «Рассказы кстати» писаны не мною и что на эксплуатацию заглавия, под которым мои рассказы были писаны и потом отдельно изданы, — у меня никто согласия не спрашивал.

Николай Лесков.

12 октября 1887 г.
Петербург.

⟨ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»⟩

Усвоение московской книжке тождественного названия с моею книжкою, изданною в Петербурге Вольфом, было неприятно не мне, а моему издателю. Я был того мнения, что всякий протест в этом случае бесполезен, так как лицо, о котором приходилось упоминать, очевидно держится того взгляда, что в издательстве можно считать позволительным и пристойным все, что не наказуемо по закону. Нынешнее письмо московских издателей должно убедить людей, ранее не согласных со мною, что мои соображения были верны.

Свое вынужденное и очень краткое заявление я ограничил тем, что тождественность заглавия назвал явлением «странным», а о самых московских рассказах сказал только, что «они писаны не мною» и что о присвоении им заглавия моей книжки «меня никто не спрашивал».

Мне кажется, что все это правда и что в словах моих нет никакого принижения чести вовсе неизвестной мне московской фирмы.

Все остальное в письме этих господ можно оставить без дальнейшего слова.

Николай Лесков.

⟨1887⟩

ТОВАРИЩЕСКИЙ ПОДАРОК

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

В «Новом времени», 2-го октября, напечатана заметка г. Петербуржца о юбилейных подарках писателям, и при этом сделано указание на вышедшую на сих днях из печати «Библиографию» моих литературных работ с 1860 по 1887 год. Г-н Петербуржец находит, что такие библиографии были бы уместны во всех тех случаях, когда собираются чествовать заслуги писателя, но у нас об этом «должен похлопотать сам юбиляр, как похлопотал, например, г. Лесков». Приблизительно в этом же роде 1 октября по поводу моей «Библиографии» высказался г. Фаресов в газете «День».

Я очень признателен г. Петербуржцу и г. Фаресову за их внимание к моей «Библиографии», но прошу у вас позволения сделать к этим известиям поправку, которая имеет свое значение в возбужденных теперь разговорах о «литературных юбилеях и подарках».

Я не желал бы, чтобы кто-нибудь подумал, что «Библиография» моих сочинений есть подготовление к празднованию моего юбилея. Двадцатипятилетие моей литературной деятельности уже прошло. Два года тому назад некоторые из небольшого числа моих литературных друзей желали чем-то ознаменовать этот день, и об этом тогда проскользнуло известие в «Еженедельном обозрении». Я тотчас же отклонил эту затею и напечатал о том заявление. Друзья мои смилостивились и оставили меня

в покое. С тех пор никаких сборов к празднованию моего юбилея не было, нет теперь и не должно быть вперед, так как я считаю это для себя неудобным, незаслуженным, ненужным и ни под каким предлогом ничего подобного никогда не приму. Но и о «Библиографии» своей я тоже не «хлопотал». Она появилась совсем иначе: *без моего участия.* И деятели и свидетели этого происшествия все налицо и все известны в литературном круге.

Насчет своих литературных работ я всегда был так же беспечен, как и другие, и когда, по весне 1888 года, возникла мысль об издании собрания моих сочинений, то я увидел себя в крайнем затруднении: как обозреть свои собственные работы и как сделать из них соответственный выбор? Тогда молодые писатели Ф. Ф. Александров, В. И. Бибиков и И. И. Ясинский посоветовали мне обратиться к П. В. Быкову, у которого будто бы отмечены все мои работы. Я был этим удивлен, но обратился к г. Быкову, который *пожелал мне сделать литературный товарищеский дар* — он сам безвозмездно составил и прислал мне «Библиографию» моих сочинений — дар, глубоко меня тронувший и чрезвычайно мне приятный и полезный.

Таково происхождение моей «Библиографии», о которой я нимало не «хлопотал», а которая досталась мне как *литературный подарок* от товарища, сумевшего сделать для собрата самый дорогой и приснопамятный подарок. Я эту «Библиографию» напечатал на память себе, для раздачи друзьям, и пустил несколько экземпляров в продажу для тех немногих людей в публике, которых это может поинтересовать.

Во всем этом достоин внимания и воспоминания, а может быть достоин и подражания, пример П. В. Быкова, благодаря которому я имею «Библиографию» моих работ. Дар этот сделан мне этим литератором по одной только литературной дружбе, и тем он мне бесконечно дорог.

Пользуюсь этим случаем, чтобы гласно выразить П. В. Быкову мою искреннюю благодарность за его настоящий литераторский дар товарищу.

Николай Лесков.

⟨1888⟩

О ПОВЕСТИ «ЗЕНОН-ЗЛАТОКУЗНЕЦ»

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

Некоторые грустные и для меня, как для писателя, весьма многозначащие обстоятельства побуждают меня просить редакцию «Русских ведомостей» напечатать от меня нижеследующие строки.

В августе 1888 года в петербургских газетах было помещено известие, что я написал повесть из первых веков христианства, под заглавием «Зенон-златокузнец». Потом вскоре же среди разных других литературных новостей было упомянуто, что повесть «Зенон» приобретена редакциею журнала «Русская мысль», который издается в Москве, и что повесть эта будет напечатана в осенних книжках этого журнала.

Все три известия были верны, но одно из них — именно последнее — осталось невыполненным, и это подало повод к таким рассказам и толкованиям, которых я не могу оставить без разъяснения.

В кружках литературных и среди читателей, интересующихся тем, что нового является в литературе, быстро распространились и упорно держатся два крайне неприятные мне известия. Говорят, будто в повести «Зенон-златокузнец» под вымышленным именем представлено мною одно недавно умершее лицо русского происхождения, жившее и действовавшее в Москве, и будто это повело к затруднениям, расстроившим мои отношения с редакторами журнала «Русская мысль», почему повесть «Зенон» и не напечатана в этом журнале.

Оба эти сведения совершенно ложны: никакого охлаждения или разрыва в отношениях моих с редакциею «Русской мысли» не происходило. Отношения наши нынче так же дружественны, как они были до сих пор и каковыми я желаю сохранить их навсегда. Во всей повести «Зенон-златокузнец» нет ни малейшего намека на какое бы то ни было известное «русское лицо», и никто не может указать ни в одном из лиц повести даже случайного сходства в указанном роде. Повесть «Зенон» относится к III веку христианства в Египте. Она, если можно так выразиться, есть повесть обстановочная. Тема для нее взята из апокрифического сказания, давно признанного *баснословным*, а историческая и обстановочная ее стороны обработаны по Эберсу и Масперо и по другим египтологам. Ничего представляющего какие бы то ни было современные происшествия в России, в Европе или вообще на всем белом свете, — в повести моей нет. Повесть просто представляет интересное старинное происшествие. Герой повести «Зенон» — художник из Александрии, а героиня Нефорис — богатая вдова из Антиохии, влюбленная в Зенона и обращаемая им в христианство. Все событие происходит в конце III или начале IV века в самом городе Александрии и частью на утесе Адер около одного из гирл реки Нила. Никаким сопоставлениям с русскими нравами и положениями там нет и места — в чем я и свидетельствуюсь редакциею «Русской мысли», которой хорошо известно содержание повести «Зенон-златокузнец». Лучшим же подтверждением моих слов может послужить немецкий перевод «Зенона», который сделан с корректурных листов и появится в немецком журнале.

Николай Лесков.

С.-Петербург,
10 января 1889 г.

ОБ ИРОДОВОЙ ТЕМНИЦЕ

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

Когда я написал у Аксакова «Сказ о тульском левше», в журнальном обозрении «Вестника Европы» было замечено, что сюжет этой легенды будто бы «давно известен» г. обозревателю. Я тогда же должен был признаться, что сюжет этот не мог быть никому известен, так как никакой легенды о «тульском левше» нет, а сюжет этот *я сам сочинил* и г. обозревателю до напечатания о нем не рассказывал. «Новое время» дало мне возможность это напечатать, и таким образом я тогда же очистил себя от греха, что ввел г. рецензента в заблуждение. Теперь со мной другой случай в подобном же роде, и я опять прошу позволения поправить ошибку другого критика.

В «Русской мысли» в ноябре напечатан мой рассказ «Аскалонский злодей» — сирийское происшествие в Иродовой тюрьме, современное императору Юстиниану и императрице Феодоре. В этом рассказе, между прочим, я изобразил «Иродову темницу». Критик газеты «Новостей» А. М. Скабичевский порицает мой рассказ и ставит мне в укор, что мною *выдумано* изображение темницы. О достоинствах или недостоинствах «Аскалонского злодея», разумеется, не мне судить, но о *выдумке* я позволю себе признаться достопочтенному критику, что мне совсем не нужно было *выдумывать* изображение старинной Иродовой темницы, так как оно есть готовое:

я выбрал это описание из древних Прологов, где таких описаний (по частям) можно встретить во множестве. Многим из посещающих меня моих литературных товарищей давно известны мои разнообразные выборки всего, что может быть пригодно для воспроизведения едва намеченных по источникам картин древнехристианской жизни в Египте, Сирии и Палестине. Знают многие и те именно выборки, которые пригодились мне для «Аскалонского злодея», где Прологовые черты мною только сгруппированы, а не выдуманы. Одну из Иродовых темниц, как известно, описали гораздо ранее меня Флобер («Иродиада») и пастор Берсье («Придворный проповедник»). Материалы этих почтенных лиц мне неизвестны, а мои материалы я указываю: они в Прологе и Четиих Минеях, где их может найти всякий, кто захочет над этим потрудиться хоть столько, сколько я трудился, составив целое обозрение «Женских характеров по Прологу», которое не знаю когда увидит свет. И кто с этим делом сколько-нибудь знаком, тот в моих описаниях сирийской темницы выдуманности не находит, а находит, наоборот, *верное* изображение. В этом удостоверяют, во-первых, «Русские ведомости», к редакции которых близок самый лучший знаток жизни древнего христианского Востока, а во-вторых, «Киевлянин» (№ 271), где в отчете об «Аскалонском злодее» читаем такой отзыв: «Вот несколько строк мастерского описания древних тюрем, *какие еще и ныне встречаются на Востоке,* да и в Европе едва ли давно отошли от сирийских преданий». Если А. М. Скабичевский дорожит справедливостью, которая несколько уместна даже и в критике, то пусть он не утверждает, что я *выдумал* то, что я, признаюсь ему просто, *выписал.* Против него за меня есть два свидетеля, которым, кажется, дело ближе его знакомо. А впрочем — как ему угодно.

Николай Лесков.

⟨1889⟩

ДРУЖЕСКАЯ ПРОСЬБА

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

Мне стало известно, что друзья мои из литературной и артистической среды положили устроить мне праздник по поводу совершившегося тридцатилетия моих занятий литературою. К этому также присоединяются некоторые знакомые и незнакомые мне лица из общества.

Такое внимание глубоко меня трогает, и я затрудняюсь найти соответствующие слова, в которых мог бы выразить в полноте то, что чувствую; но я болен и не в состоянии вынести никакого продолжительного над собой усилия; а окинуть памятью все, что мне пришлось пережить и перечувствовать в тридцать лет моей литературной жизни, мне не только не легко и не приятно, но это очень тяжело и даже мучительно.

Убедительно прошу всех известных и неизвестных мне друзей моих явить к этому снисхождение и оставить без исполнения вполне неудобную в моем состоянии мысль об устройстве мне юбилейного праздника, так как он был бы для меня величайшей тягостью. С меня слишком довольно радости знать, что обо мне добром вспомянули те люди, с которыми я товарищески жил, и те читатели, у которых я встретил благорасположение и сочувствие. «Сие едино точию со смирением приемлю, благодарю и ничесо же вопреки глаголю». А затем я почитаю мой юбилей совершившимся и чрезвычайно удобно и приятно для меня отпразднованным.

Николай Лесков.

⟨1890⟩

КУРСКАЯ ТРЕЛЬ О ТОЛСТОМ

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

Вчера в одной из столичных газет воспроизведена корреспонденция курского литератора, посетившего Ясную Поляну и описавшего в местном органе свою побывку у Толстого. Описание это воспроизведено без замечаний и поправок, а оно неверно очень во многом, на что я и хочу указать.

1) Сказано, будто кабинет Л. Н. Толстого «напоминает жилище Обломова», — что там книги, онучи и «овсяные грабли». Описание это сделано очень плохо, а сравнение совсем не верно. Для этого только стоит вспомнить подлежащие страницы романа И. А. Гончарова. Кабинет этот лучше описан у Гр. П. Данилевского, хотя тоже неверно.

2) Сказано, будто Л. Н. пьет «*густой* кофе» с «замечательными по густоте и достоинству сливками», а он на самом деле пьет самый простой *зерновый кофе* с такими сливками, какие есть на столе для всех.

3) Упомянуто про «учеников», но никаких «учеников» при Льве Николаевиче нет, а бывают у него его друзья и почитатели, но не «ученики» в том смысле, как хочет их представить курский литератор.

4) Старшие дочери Льва Николаевича, которые наичаще при нем находятся, названы «Надежда» и «Любовь», а имена их совсем иные, и нельзя не удивляться: где были уши курского писателя, когда он ел и пил за столом, у которого молодые графини наливают чай или исполняют другие обязанности хозяек, причем всем или

некоторым приходится называть их по именам, но не «Надеждою» и не «Любовью»...

Посещая такого человека, как Л. Н. Толстой, и еще с намерением описать всех, с кем садился за его хлеб за соль, — надо же было по крайней мере позаботиться хоть о том, чтобы верно назвать по имени упоминаемых в описании людей; но курский писатель и об этом не позаботился, а сделал в этом роде такое же смешение, как знаменитый ходок из московского «Курьера» г. Штейнгель.

5) Г-н Штейнгель написал, что он застал у Льва Николаевича распорядителя фирмы «Посредник» Павла Ивановича *Гайдукова*. Я тогда указал г. Штейнгелю в «Новом времени», что фамилия упомянутого человека *не* Гайдуков, а иначе, и после в шутку называл его *«Не-Гайдуковым»,* но курский корреспондент, бог его знает на каком основании, ⟨желает?⟩, чтобы Павел Иванович *Не-Гайдуков* непременно назывался *Гайдуковым!..* Так на этом и стоит, что тот непременно должен быть «Гайдуковым»...

Вместе и озорство и неряшество! Напутал, наболтал и сунул в свой орган, и там печатают, а другие оттуда черпают эту болтушку и разносят ее по свету.

А кажется, как бы не понять, какого доверия стоит этот соловей, у которого в короткой песни да столько фальшивых трелей!..

Николай Лесков.

⟨1891⟩

ПИСЬМА

1881

1

С. Н. ШУБИНСКОМУ

9 января 1881 г., Петербург.

Любезный Сергий Николаевич!

Спешу уведомить Вас, что статья готова. Название ее: «Дворянский бунт на Добрыньском приходе». — «1866 г.» — Объем — ровно 2 листа. Написалось, кажется, хорошо, — сильно, но цензурно. Выпусков не могу потерпеть никаких, ни на одно слово. Говорю об этом вперед и заранее. Вы были неправы и напрасно трусливы в словах об увольнении без прошений. Я уступил и сожалел, потому что потом это все резче еще сказано в «Нов⟨ом⟩ времени». — Теперь есть места сильные «об архиереях», но я знаю, как это надо сделать, и сделал цензурно; но выпускать ничего не стану и ни за что, и знаю, что это будет только трусость. А может быть, ее и не будет, — это лучше.

Ваш *Н. Лесков.*

2

А. С. СУВОРИНУ

Ночь на 3 февраля 1881 г., Петербург.

Уважаемый Алексей Сергеевич!

Не осудите меня за неодолимое желание написать Вам несколько строк по поводу обстоятельства, которое сильно меня огорчило. К удивлению моему, мне сказали, что мне приписывают какую-то заметку о Ф. М. Достоевском, напечатанную в «Петербургской газете». Я ее не видал и о сю пору не знаю ее содержания, а потому и не обратил на эти слова внимания, но потом пришел

Лейкин и сказал, что и Вы тоже имеете такую уверенность, которую он, однако, поколебал в Вас, назвав Вам настоящего автора. Значит, Вы считали возможным, что я, написав статью против покойного, потом пришел к нему в дом и шел за его гробом... Это ужасно! Зачем Вы сочли меня способным на этакую низость? Какой повод я дал для этого всею моею не бесчестною жизнию? В моей литературной деятельности я знаю два проступка, за которые краснею, — это вывод на сцену «углекислых фей» да некоторый портрет в рассказе «Островитяне». Это дурные поступки, но они были сделаны давно, в молодости, да и кто из писателей не грешен точно такими же грехами... С тех же пор я никогда ни одного раза не подпал подобному исключительному соблазну. Меня порицали напрасно ряды лет: мне вредили и повредили ужасно; на меня явно клеветали, и я никогда не тщился никому отплачивать, хотя и мог бы... К Вам я всегда хранил неизменную доброжелательность, — даже в то время, когда Вам казалось во мне все дурным и предосудительным. О Достоевском я имею свои понятия, может быть не совсем согласные с Вашими (то есть не во всем), но я его уважал и имею тому доказательства. Я бывал в критических обстоятельствах (о которых и Вы частью знаете), но у меня никогда не хватило духу напомнить ему о некотором долге, для меня не совсем пустом (весь гонорар за «Леди Макбет»). Вексель этот так и завалялся. Я знал, что требование денег его огорчит и встревожит, и не требовал. И вот, едва он умирает, как мне приписывают статью против него... Когда же это я был таким предателем и в каком кружке меня таким считают? Уверяю Вас, что ни в каком... Если бы я писал, то я бы и подписал — как сделал по поводу Малины; но чтобы каверзить и идти за гробом покойника... Неужли же я так скверно жил, что дал повод считать меня на это способным? Нет; ни мои знакомые, ни сослуживцы, ни люди, с которыми я имею денежные дела, не усумнятся сказать, что я не каверзлив, и мне это так обидно, так больно слышать от Вас, что я не хочу таить этого в сердце и спешу сказать Вам. Я не сержусь и ровно ничего не добиваюсь, — думаю даже, что Вы, может быть, посмеетесь над моею тревогою, но все-таки я хочу Вам это сказать. Вы обо мне

подумали так дурно, как я того не заслуживаю. Зачем это? Зачем Вы не спросили меня прямо в глаза?.. Или Вы думали, что я отопрусь, стану еще лгать...

Если Вам дорога справедливость, — в чем я не сомневаюсь, — прошу Вас, ради убеляющих нас седин, вспомните, что я ведь много, много страдал от литературных клевет, и на будущее время о любом подозрении спросите меня прямо в глаза. Поверьте, я всегда отвечу правду, и только одну правду.

Преданный Вам

Н. Лесков.

3

С. Н. ШУБИНСКОМУ

⟨Март 1881 г., Петербург⟩.

Уважаемый Сергий Николаевич!

Два дня писал и все разорвал. Статьи написать не могу, и на меня не рассчитывайте. Я не понимаю, что такое пишут, куда гнут и чего желают. В таком хаосе нечего пытаться говорить правду, а остается одно — почтить делом старинный образ «святого молчания». Я ничего писать не могу.

Всегда Вам преданный

Н. Лесков.

4

И. С. АКСАКОВУ

26 октября 1881 г., Петербург.

Уважаемый Иван Сергеевич!

По-моему, «Блохи» должно быть еще на 2 №, а не на один. Кажется, как будто я ее делил на четыре куска, а не на три. Впрочем, может быть я забыл, так как это давненько было, и с той поры пришлось написать много. У Ахматовой же на днях выйдет такая же легенда о нынешнем государе, под заглавием «Леон — дворецкий сын, застольный хищник». Она хуже «Блохи», но ее тоже хвалят, только она писана наспех и потому хуже отде-

лапа. Там мания «хищения» с намеком на известные лица, но, разумеется, все нарочно запутано, так что не разобрать, кто этот «Леон» — не то лакей, не то кто-то повыше. Там и «хап-фрау», и «лейб-мейстер», и его «обер-преподобие». Ахматова открылась мне, что, желая напечатать очерк, но в то же время и опасаясь за него, она посылала «одному лицу» корректуру и от него получила радостный ответ, что «государю это не может не понравиться» и что «печатать следует *без малейшего пропуска»*. Не знаю доподлинно, кто это «одно лицо», но жалею, что недоговорил многое, боясь бабьего недомыслия редактора. Пиши я «Хищника» для Вас, он бы, конечно, вышел лучше, потому что Вы всех лучше понимаете, «что льзя и то, чего не можно»; но я *не мог* отбиться от Ахматовой, а другого у меня ничего готового не было. Царь там очень прост, очень тепел и (по-моему) очень приятен. Рассказ смешон, весел и в том же простодушном тоне, как «Блоха». «Блоху» здесь очень заметили даже литературщики, но мне кажется, что лучшая часть все-таки в конце — левша в Англии и его трагическая кончина. Впрочем, и «Обнищеванцев» критики очень хвалят ведь, даже в «Деле». На будущее время пока ничего ясного не придумал, но, может быть, напишу Вам «праведника» из острожных смотрителей, между коими наичаще встречаются «звери». Был некто полковник Саврасов из севастопольцев, определенный смотрителем виленской «центральной тюрьмы», где всё содержатся одни каторжные, и он своею честностью, простотою и добротою доводил их до того умиления, что они более всего боялись «огорчить старика». На него пришел государю Александру Николаевичу донос о послаблениях. Послали генерала-немца «дознать» — тот приехал, посмотрел и *расплакался*. Саврасов попросил его выбрать из каторжных «самого злого» на вид, и когда такой был выбран, он велел снять с него кандалы, дал простое платье и 3 руб. денег и послал вечером в город (за четыре версты) купить гвоздей. Каторжник пошел, купил и принес при генерале сдачу. Заболевавших тоскою он посылал «на огороды», а не в острожную больницу, и они «молились и отгуливались». Чахотки и сумасшествий у него так и не было. Немец все по правде доложил государю, — тот тоже расплакался и велел вы-

звать Саврасова и долго его целовал, обнявши и плачущи. Саврасов и теперь жив и служит комендантом в Шлиссельбурге, — к нему, говорят, будто послали Гесси Гельфман. Како Вам ся мнит таковой тип? — Пожалуйста, посмотрите в ноябрьской книге «Исторического вестника» статью «Благонамеренная бестактность». Там я говорил нечто о Вас, — кажется, это Вам не может быть неприятно, а мне нужно было иметь компаньона по взгляду на дело гнусного подхалимства в мнимом верноподданничестве, с целями; недостойными поддержки. Дело идет о брошюрах, которыми вместо пользы приносится вред долгим жеванием одного и того же несчастного события. Пожалуйста, посмотрите эту коротенькую заметочку. — О «Хронике» я того же мнения, что и Рачинский. Это — лучшее чтение для детей, но уговорная форма с министерством представляется мне возможною только так, если Вы возьмете экземпляр книги, тщательно зачеркнете в нем красным чернилом места, которые находите нужным выпустить, и пришлете тот экземпляр мне, с прошением в Уч⟨еный⟩ к⟨омитет⟩ м⟨инистерства⟩ н⟨ародного⟩ пр⟨освещения⟩ (с двумя марками по 60 коп.), и в том прошении скажете о Вашем намерении издать книгу с пропусками «в том случае, если Ком⟨итет⟩, рассмотрев ее, найдет *в этом виде* удобною для школьных библиотек». Тогда я буду стараться при докладе выяснить, что нужно сделать, а Вы получите ответ, который, в свою очередь, обеспечит Вам возможность рассчитывать на содействие м⟨инистерс⟩тва, когда книга будет отпечатана. Других способов я не вижу.

Ваш слуга
Н. Лесков.

5

И. С. АКСАКОВУ

25 ноября 1831 г., Петербург.

Уважаемый Иван Сергеевич!

Во-первых, благодарю Вас за деньги, которые я получил и расчетом доволен, а во-вторых, хочу Вам сказать нечто в дополнение к Вашим словам об обидах израненным добровольцам и литераторам, выходившим на бои

с духом крамолы, когда она зарождалась и разносилась. Мне жаль, что Вы не упомянули обо мне, который перенес *более всех,* и Вам, конечно, памятно, в каком я был ужасном положении, когда Вы просили за меня Кокорева... И это была, конечно, цветущая пора моих сил, и я никогда не ленился, но меня считали «зачумленным» и «агентом III отделения», что Суворин и Буренин в тогдашнем их настроении писали, не обинуясь. При такой репутации я бился пятнадцать лет и много раз чуть не умирал с голода. Не имея никаких пороков по формуляру, я не мог себе устроить и службы, потому что либеральные директоры департаментов «стеснялись мнениями литературы»... Приличенному вору и разбойнику было легче найти место, чем мне, — и все это за роман «Некуда», который, по словам Страхова в «Гражданине», весь исполнился «как пророчество». Что я намечал, то и вызрело, и зато у меня *пропала* лучшая пора жизни (с 32 до 47). Я измучился неудачами и, озлобясь, дал зарок никогда не вступаться в защиту начал, где людей изводят измором. Но так поступали не одни нигилисты, а даже и охранители. Есть в моей жизни такой анекдот: Катков, в заботах обо мне, просил принять меня чиновником особых поручений (2000 руб.), но у меня оказался «мал чин», так как я был тогда губернский секретарь в 40 лет. Можно было это обойти назначением к исправлению должности, но решили, что довольно с меня и меньшего жалованья, — назначили членом ученого комитета (1000 руб.), и с тех пор я здесь восемь лет «в забытьи», хотя Толстой знал меня хорошо, считая, по его словам (Кушелеву и Щербатову), «самым трудолюбивым и способным», и лично интересовался моими мнениями по делам сторонним (например, церковным). Наконец им стало стыдно не давать мне ничего, и Георгиевский лет через пять после моего поступления сделал представление о награде меня за многие полезные труды и «за прекрасное направление, выраженное в романе «Некуда», навлекшем на меня ожесточенное гонение нигилистической партии», — чем бы Вы думали: чином надворного советника, то есть тем, что дается каждому столоначальнику и его помощникам. Мне это испрашивалось *в числе двадцати человек,* назначаемых к особым наградам *к Новому году.* И что, Вы думаете, последо-

вало? Толстой на обширном и убедительном докладе Георгиевского надписал: «Отклонить», а из числа двадцати чиновников *одного меня вычеркнул*. И это всякий чиновник д⟨епартамен⟩та видел и хохотал над тем, что значит быть автором «Некуда». «После того и деться некуда», — острил в сатире Минаев. Чем же эта молодежь напоевалась, видя такое усердие меня обидеть, признаться сказать, в таком деле, которое мне и неинтересно, потому что быть или не быть «надворным советником» уже, конечно, — все равно. — Мне кажется, что это стоит рассказать, и если придет к слову, я против того ничего иметь не буду.

Ваш *Н. Лесков.*

Еще: как печатался роман «Некуда». Его марали не один цензор, а трое: цензор де Роберти, Веселаго и тогдашний начальник Упр⟨авления⟩ *Турунов,* а потом еще посылали листы в III отделение. Роман ими весь искалечен.

6

И. С. АКСАКОВУ

9 декабря 1881 г., Петербург.

Покорно Вас благодарю за ласковое слово, уважаемый Иван Сергеевич. За мною действительно немножко ухаживают, но не то мне нужно и дорого. Имя мое шляется везде как гулевая девка, и я ее не могу унять. Я ничего не пишу в «Новостях» и не знаю Грипленберга, но когда мне *негде было* печатать, — я там кое-что напечатал, и с тех пор меня числят по их департаменту. Не отказать же Татьяне Петровне Пассек, которая в 72 года без хлеба; не откажешь своим киевлянам, трудно отказать и Лейкину, который всегда был ласково услужлив, а теперь ему это будто на что-то нужное. Но Вы очень проницательны и отгадали мое состояние: я сам напугался этой раскиданности и невозможности сосредоточиться. Еще год такой работы, и это меня просто убило бы. Вот почему я и схватился за большой труд как за якорь спасения и очень рад, что так сделал.

Фавор, который выпал мне после долголетнего преследования, меня не увлек и не обманул, а, напротив, я понял его вредную сторону и избегаю ее. Суворин действительно запасся от меня маленьким пустяком, озаглавленным «Иллюстрация к статье Аксакова об упадке духа». Гатцуку я написал давно обещанный рассказец рядового святочного содержания. Конечно, все это не «Левша с блохой», которые очень и очень замечены. — Катков на меня никогда не сердился по поводу «Соборян». Ему было известно, что первая часть их была напечатана в «Отеч⟨ественных⟩ записках» в год смерти Дудышкина, — это *не* скрывалось, и «Русск⟨ий⟩ вестник *не* платил мне за повторенную в нем первую часть. В «Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исках⟩» роман был прерван по случаю смерти Дудышкина и перехода редакции в руки Некрасова, который, впрочем, очень ко мне благоволил. С Катковым мы разошлись по поводу «Захудалого рода», и разошлись мирно, *по несогласию во взглядах*. Другого никогда ничего не было, и сказанное Вам — есть ложь. «Некуда» частию есть исторический памфлет. Это его недостаток, но и его достоинство, — как о нем негде писано: «Он сохранил на память потомству истинные картины нелепейшего движения, которые непременно ускользнули бы от историка, и *историк непременно обратится к этому роману*». Так писал Щебальский в «Р⟨усском⟩ в⟨естнике⟩», и Страхов в том же роде. В «Некуда» есть пророчества — *все* целиком исполнившиеся. Какого еще оправдания? Вина моя вся в том, что описал слишком близко действительность да вывел на сцену Сальясихин кружок «углекислых фей». Не оправдываю себя в этом, да ведь мне тогда было двадцать шестой год, и я был захвачен этим водоворотом и рубил сплеча, ни о чем не думая кроме того, чтобы показать ничтожное пустомыслие, которое развело всю нынешнюю гадость. Сеяли ветер и пожинаем бурю. Порою я себе прощаю этот памфлет, — иначе я тогда не умел бы сделать картины. Впрочем, памфлет есть только во второй части, — именно «углекислые феи Чистых прудов». Но что же на меня клеветали... О мой господи! А Толстой со мною был превосходен, — я могу думать, что он даже как будто уважал меня, — он меня, больного, просил, например, пробежать вовсе не касавшиеся

министерства н⟨ародного⟩ п⟨росвещения⟩ доносы по синоду, желая моего чутья, «где тут правда», но он не любил людей с своим мнением.

Н. Л.

Статью Влад. Соловьева ругают как «верующий мирянин», так и его сателлиты, — особенно раб божий Тертий и Аполлон, — говорят: «Это не предмет журнализма». Они осточертели уже.

1882

7

Ф. А. ТЕРНОВСКОМУ

20 августа 1882 г., Петербург.

Уважаемый Филипп Алексеевич! Без числа и меры виноват перед Вами, что ни словом ни отозвался на Ваше письмо, вслед за которым получена и рукопись. То я был в отлучке, то нет Шубинского, и так дело все длится да длится и до сих пор находится в нерешенности. — Мне кажется, это интересно, но у нас иногда бывают взгляды иного рода:

Им не надобно звона гуслярного, —
Подавай им товара базарного.

А потому надо говорить и договориться, а тогда только и считать дело законченным. Но если Шубинский найдет здесь «мало *общего* интереса», то не уполномочите ли меня приютить статью где инде? Гонорар в 25 руб. везде дадут, но, может быть, захотят *опустить* что-либо из частностей личного значения. Это бывает и нужно,—иначе выходит то, что вышло с дневником Аскоченского. Балабухи из Киева пишут,—нельзя ли «ничего не выпускать», чтобы было про Балабух как можно побольше. А все остальные ругаются,—«что́-де нам до любовишек и волокитства за неизвестными девчонками». И впрямь, его дневник часто напоминает пошлую песню:

Как за речкою мы жили,
Много девушек любили —
И Катеньку, и Машеньку,
Ильинишну, Кузьминишну,

Макарьевну, Захарьевну,
Да всех понемножку.
Дергали за ножку.

Я говорил Шубинскому, что надо было *выбрать* 2—3 листа характеристики этого грубого нахала, слывшего в Киеве за умника, но все надеялись «пленить попов». Вот и тянут, что называется, «попа за ⟨....⟩». То же самое надо сказать о глупейшем и даже в некотором отношении подлом «дневнике Аскоченского».

Все это говорю Вам к тому, что тут ведь играют роли соображения, достоинству литературы совершенно посторонние, а Шубинский, как я его знаю, — человек очень хороший, но ведь он почти «приказчик на отчете» у Суворина... Подождите половины сентября, и мы дело с Вашею рукописью выясним и так или иначе ее устроим. Во всяком случае, она в руках человека, понимающего здешние обороты и Вам самым искренним образом приятельски преданного. — «Киевская старина» ведется не без умения и не без удачи. Цензура к ней тоже милосердствует, но «пономарь Лампадоносцев» сильно ею недоволен, особенно со времен «Кирилла Терлецкого», все сказание о коем считает «сплошною ложью». Подсыльному мерзавцу, которого он присылал с этим сказом к Суворину, я говорил, что вполне бы рады были напечатать опровержение, но, однако, такового не последовало.

Не знаю, что бы такое прислать Ф. Г. Лебединцеву, — чем бы его отблагодарить за экземпляр журнала? Не поможете ли советом или указанием? Хотел послать заметку на статью кн. Голицына о «почаевских святынях», которых, собственно говоря, «не существует в природе» (например, *стопы* божьей матери), но я боюсь, что это совсем нецензурно, даже для милосердной цензуры. У меня есть много писем покойного Филарета Филаретова, из коих, кажется, стоит кое-что напечатать, например по поводу его столкновений с Арсением из-за книги Иова. Поговорите Вы с Феофаном Гавриловичем да напишите мне. — Да напишите свой адрес *поточнее,* а то я все путаюсь с надписью конверта.

Преданный Вам
Н. Лесков.

8

Ф. А. ТЕРНОВСКОМУ

8 сентября 1882 г., Петербург.

Уважаемый Филипп Алексеевич! В погоню за письмом, вчера Вам посланным, спешу Вас уведомить, что книги я получил, — одну из них оставил себе, другую сдал в редакцию «Историч⟨еского⟩ вестника», а третью, с наилучшею рекомендациею, сдал в руки некоего купчины Игнатия Лукияновича Тузова (преемника Кораблева и Сирякова). Он мой постоянный издатель и покупатель, достаточный человек и аккуратный плательщик. Мне он вполне верит и, на слово мое полагаясь, согласен купить у Вас «все на корню» на нижеследующих условиях: 1) Чтобы *все издание* (500 ли или 600 экз.) было у одного его в руках, то есть чтобы ровно ничего не было продано Вами никому другому, а наипаче Оглоблину. Словом, чтобы книги *в Киеве не было в продаже*. 2) За все издание (500 или 600) он Вам наличными деньгами и сразу даст по 2 руб. за экземпляр (то есть 1 тыс. или 1200 руб., если у Вас есть 600 экз.). 3) Деньги будут уплочены, каким Вы укажете порядком, тотчас по получении Тузовым товара, который Вы, — если это условие Вам нравится, — должны выслать ему сюда, в Петербург, и как можно скорее, дабы иметь их к осеннему съезду людей в город. 4) Условие Вы можете доверить письмом — подписать за Вас мне, и я могу получить от него почтовую расписку в высылке Вам денег по количеству товара. 5). Вы ему напишите письмо (Игнатию Лукьяновичу Тузову, СПб., Большая Садовая, в собств⟨енном⟩ книжном магазине) и в том письме удостоверите, что книги более ни у кого нет. По-моему, все эти условия для Вас очень выгодны, и продать всё сразу за наличные деньги по полтине за номинальный рубль — цена очень хорошая. 35% будут на комиссию и враздробь, а там поди еще—выбирай по грошам, да еще и что-нибудь заваляется и засядет. Словом, совета не даю, но считаю это *очень хорошим* и для себя такие условия принимал с радостию. Отвечайте скоро и точно, а в случае согласия даже советую прислать мне депешу, чтобы дело оформить.

Ваш *Н. Лесков.*

P. S. Заявление на последней странице о приложении весьма темно и непонятно. Вместе, что ли, обе книги составляют до 800 страниц? И вместе, что ли, им цена 4 руб. или приложение одно само по себе будет стоить 4 руб.? Ужасно неясно. — С отзывом надо ждать, пока появится книга в магазинах. Отзывы сейчас вызывают спрос, а когда книги нет в лавках и удовлетворить спроса нет возможности, то это убивает книгу, и когда она появится, то уже ход ее с самого начала идет вяло, ибо все позабыли, что о ней сказано. Отзыв напишу коротенький в «Нов⟨ом⟩ времени» и большой в «Историч⟨еском⟩ вестнике».

9

С. Н. ШУБИНСКОМУ

8 октября 1882 г., Петербург.

Уважаемый Сергий Николаевич!

Я прочитал и возвращаю Вам присланное Вами письмо Аменецкого из Казани. По-моему, о печатании его не может быть и вопроса, так как оно просто — письмо бессодержательное. Кого же это может интересовать и в каком отношении?..

Прошу Вас извинить меня, что не был у Вас в среду в 8 часов вечера. Я заезжал к Вам во вторник в 7 час. 45 мин., чтобы извиниться заранее, так как ко мне приехал брат и мне в среду надо было быть с ним; но мне в 7 час. 45 мин. не удалось ни Вас видеть, ни найти способ сообщения Вам о цели моего визита. Тут, очевидно, не все должно быть поставлено в вину мне, а нечто отпадает и на Ваши порядки, может быть доведенные до не совсем удобной аккуратности. Сам «бог есть мера, — говорит мудрец, — и остерегается перейти свою мерность, чтобы она не расстроила гармонии». Вы очень аккуратны, — это правда, но правда и то, что Вы иногда злоупотребляете этим прекрасным качеством и делаете его даже не удобством, а неудобством. Так и меня — человека, всю жизнь умевшего быть удобным в деловых сношениях, — Вы ставите в невозможность вести дела без объяснений и извинений, к которым я сам никогда и никому не подаю поводов, ибо всегда стремлюсь сделать все должное как могу своевременнее и лучше.

Статью «Синодальные персоны» я был бы очень рад получить назад и охотно заплатил бы за ее набор. Мне это было бы выгодно. Я знаю, что она содержательна и любопытна. Не знаю, что Вы хотите мне о ней сказать. Во всяком разе, усердно прошу Вас нимало ею не стесняться.

Повидаться теперь, — в виду Ваших обременительных занятий, — конечно, уже становится особенно трудно, но бог милостив — может быть, на помощь придет какая-нибудь счастливая случайность.

О будущем годе ничего Вам не могу сказать, кроме того, что статья по письму Самарина написана; объем ее (полагаю) около 4½ или 5 листов, а заглавие ее — «Русские деятели в остзейском крае». — Там Суворов, Самарин, архиерей Филарет Гумилевский (историк), Филарет Филаретов и Платон, нынешний митрополит киевский. Статья живая, полуисторическая, полуполемическая со введением некоторых увеселяющих и характерных анекдотов. — Вы ее можете получить когда хотите, но лучше пусть она лежит у меня до надобности. Я не могу себя удерживать от размышления о написанном и от желания поправлять там то или другое. — Впрочем, можете и взять, если это для Вас покойнее.

Рассказ, я думаю, Вам не особенно нужен, а у меня просят кое-какой отрывочек. У Вас ведь много материала.

О письмах Филарета Дроздова писать не могу. Надо все это прочитать. Это ведь очень работно; а написать для критического отдела заметку лучше сумеют те, кто критикует не читая.

Преданный Вам

Н. Лесков.

10

С. Н. ШУБИНСКОМУ

14 октября 1882 г., Петербург.

Уважаемый Сергий Николаевич!

Ничего не могу ответить Вам на Ваше письмо. Разумеется, всякий живет, как ему кажется лучше; но не хочу возводить пустяков и на себя, — я не бываю часто виноват в бесцельной неаккуратности и укоризн в том сподо-

бился от Вас от первых. Впрочем, довольно об этом. Вы изобрели такой шрифт, который оплачивает суточную работу шестью рублями, — так работать невозможно, даже и не болея корыстолюбием. Поэтому рецензий я писать не могу. От Ф. А. Терновского получил одно преинтересное предложение для журнала, но у Вас, кажется, есть предубеждение против этого человека. Помоему, это напрасно: у него все с содержанием, а в прошлой книжке опять какое море брандахлыста!.. По ошибке я Вам сунул что-то другое вместо статьи Аменицкого. Извините, пожалуйста. Теперь прилагаю эту статью, хотя не знаю: для какого она годна употребления.

Кладу сюда же рецензию о новой, замечательной книге по еврейскому вопросу. Книгу я знаю и статью читал и выправил. Писал ее еврей же, потому что я боялся ошибиться в суждении о талмуде. — Фамилия автора Дубнов, — студент Петербургского университета, филолог.

Кажется, все. — Когда, бог даст, встретимся где-нибудь, — поговорим более обстоятельно.

Задержка работ мне тоже невыгодна, и я, слава богу, не вынужден этого сносить. Я Вам опять попался: у меня до 8 листов готовой работы ($2^1/_2$ в наборе, да 5 в столе), а я должен изворачиваться кое-как... За что это и ради каких благополучий? Ведь я все это мог бы отдать другим и получить гонорар и скорее, и больше, и с благодарностью, а не с замечаниями. Вы едва ли не забываете, как трудно сводить концы человеку, который живет аккуратно. Не сердитесь, — а это так. Я не люблю ни просить, ни должать, и для того работаю усердно и по возможности аккуратно. Слова Вы могли вычеркнуть.

Ваш *Н. Л.*

11

Ф. А. ТЕРНОВСКОМУ

28 октября 1882 г., Петербург.

Благодетель Вы мой! Что же Вы это со мной делаете и за какие провинности? Как же можно дать *казовую* книгу с одним титулом, а прислать другое и притом *самое непрактическое* заглавие, с обозначением связи чего-то в прошедшем и с ожиданием дополнений в будущем?..

Разве это можно? Тузов Вам послал деньги (600 руб. за удержанием уплоченных за пересылку), но он раздражен и тяжко смущен этой обложкой, с которою — говорит — «и половины не дал бы и ни за что бы не стал путаться с такою книгою, продавая которую надо еще объяснять, что это за «второй выпуск и что составляет выпуск 1-й». И впрямь, что это Вам за охота пришла давать эту неудобную в торговом деле вставку?.. Ужасный Вы *не коммерсант!* Потом целая пачка книг погибла от неосторожной и вполне неряшливой укладки, а весь нижний и верхний ряды пришли измаранные. С них теперь срывают обертки и будут здесь допечатывать. Ведь это возня и расход, а Тузов очень хороший плательщик, но скареда... Щунять Вас не хочу более, потому что люблю Вас, но желаю, чтобы это «напредки пригодилось». Нельзя, сударь, переменять содержания обложки — купцы к этому «ревнивы». Хвалу и честь Вам за «язык аспида» уже прописал, а реферата ожидаю. Это меня очень интересует. Вместо рассуждений лукавых о том, что почнете писать для Шубинского, Вы бы прислали отчет о «Боярской думе» Ключевского, — и это было бы полезно редакции и приятно автору, а то теперь о ней что-то навараксал Ив⟨ан⟩ Дм⟨итриевич⟩ Белов, не имущий никакого дарования. Ужасно Вы долго собираетесь. В редакции «Нов⟨ого⟩ времени» и «Истор⟨ического⟩ вестника» о Вас имеют досадительное понятие по книге о «Леванде». По-моему, эта книга относится к тому роду литературы, который позволительно считать «скучным». О других же лучших Ваших произведениях здесь надо делать внушения, а они того живого-то и не читали, да и не разумеют, но отвечают: «Да, он писал что-то про Леванду — то очень скучно». Нельзя уверить, что Вы — человек по преимуществу самый живой и отзывчивый, — и все это через Леванду!.. — И Суворину и Шубинскому очень нравится Ваша мысль дать исторические очерки по движению художественной литературы. Это блистательно исполнил датчанин Брандес (см. «Современные течения в литературе»), но надо опасаться, как бы не повторить Н. И. Петрова, который топит журнал со своею украинскою литературою. Вот уже именно вспомнишь Писемского, — «вода с Аполлоновых ⟨...⟩». Полоскано там что-то, да черт знает что. Противный пи-

сатель! Да еще сколько там (в редакции) выпускают! Ваш Исмайлов все гостит у Пятковского, которому я напоминаю многократно и многообразно. В «Истор⟨ическом⟩ вестнике» статья об Исмайлове, или, лучше сказать, о Муравьеве, идет 1 ноября. Она вышла довольно пустомысленная. Просят Вас прислать начало этюдов о литературе, — будут Вам рады и заплатят с удовольствием. Такие же этюды предлагал Кирпичников, но еще не собрался, а в «Вестн⟨ике⟩ Европы» есть подобный опыт Пыпина, — по-моему, едва ли удачный. Знания много, а талантливости как-то тут-то и не оказалось, — от этого много подробностей и нет общего освещения, которое дает, например, Брандес или Тэн. Все сливается во что-то серое. Кстати о сапогах: Ф. Г. Лебединцев просит меня прислать работку. Я пришлю, но хотел бы знать *от Вас*: что́ мне заплотят? Я во всяком разе пришлю работу, но если плата сносна, — я дам работу большую, а если она убыточна, — я дам работку поменьше. Н. И. Костомаров в убыток себе не возьмет, а мы с того только и хлеб едим, так дешевить нет и причины. Знаю, что это очень щекотливая материя, но тем не менее прошу Вас мне это сделать. Тогда я буду знать, как поступать, не огорчая ни себя, ни Лебединцева.

Новости наши все заключаются в одном стремлении на «попятный двор». Покушений к этому несть числа, и почти все равномерно пошлы. Проект Тертия о школах читал. Организация такая: в уезде попечительство из трех попов, в губернии — попечительство под председательством архиерея, в П⟨етер⟩бурге — главное попечительство под председательством лица, «которое зауряд заседает с правом голоса в Государственном совете». Гадайте, кто сей будет, ему же то требуется?

Ваш *Н. Лесков.*

12

Ф. А. ТЕРНОВСКОМУ

12 ноября 1882 г., Петербург.

Драгоценный Вы мой Филипп Алексеевич! Получил три Ваши писулечки и оттиск реферата. Всё Вы правильно пишете и хорошо отгадываете. Исмайлову придется полежать, как апортовому яблоку. Я получил

на него отказ и на днях его возьму к себе, а потом вышлю Вам. Тузов утихомирился и, кажется, застыдился своих претензий. Рецензий о книге Ключевского Вам и не достояло писать. Рецензии пишутся ныне куцые, шарлатанские и необстоятельные. Белов просто дает «вытяжку», и это, по-нынешнему, — наилучшее. Ваш Петров прислал рецензию о Вашей книге — сочувственную, но что Писемский на своем циническом, но метком языке называл «без〈.....〉». Подробной и написать негде, да и читать не станут. Читают одно *занимательное*. Я оставляю за собой право слепить что-нибудь à propos[1] вроде «Византийского боярина», которому нашпилил уборцев из первой Вашей книги. Это — самое лучшее как для пишущего, так и для редакции и для читателя: он снова читает повесть, сказание, а не критику. Если бы Вы мне не написали последней записочки, то получили бы от меня на сих же днях как раз то же самое предложение. Шубинский не хочет критики на Ключевского, а желает иметь новый живой этюд по поводу Ключевского. Это как раз то, что и Вы мне пишете. Мысль Ваша о параллелях мне вполне сочувственна, и я тем более стоял бы за нее, что Вам это очень удается. Заглавие тоже хорошо, но я бы его несколько изменил, чтобы казалось еще независимее. Почему бы не озаглавить так, например: «Византийский отблеск в русском боярстве — опыт бокового освещения к русским фигурам «Боярской думы»? Ко мне частенько «братия» толкаются за заглавиями и, смеяся, «просят наречь имя младенцу». Я люблю заглавие, чтобы оно было *живо* и в самом себе рекомендовало содержание живой повести. Может быть, и Вам мое изобретение пригодится для вывески статьи, о которой я уже переговорил и буду ее ждать. Начать советую с нее, потому что это вопрос теперь циркулирующий, а «литература», как...[2] — всегда уместно, да и Вы не скоро с нею справитесь. Итак, пишите же с богом. — Ф. Г. Лебединцеву статью изготовил. Разумеется, это вовсе не история, а фельетон кое о чем, но читаться, надеюсь, будет и кое-что пошевелит. Размер вышел от 2½ до 3 листов. Половина уже переписана, а вдоль на-

[1] Кстати *(франц.)*.
[2] Оторван край письма *(ред.)*.

писано все. Понятно, что я не могу этого ни подарить, ни отдать за печеное яблоко. Я заставил Шубинского спросить Н. И. Костомарова, на каких условиях он дает свое «Жидотрепание» (он очень заболел), и сегодня же написал Лебединцеву откровенное письмо, что я могу, по приязни, немного сбавить, но тоже менее 80 руб. за лист взять не могу (Вы, вероятно, знаете, что художественный вздор оплачивается дороже учености). Если же Ф. Г—чу это неудобно, то я ему *в году* напишу что-нибудь новенькое. Тогда о цене говорить не будем, но, конечно, это уже будет обрывочек или оборвышек. Я ему послал содержание заготовленной статьи и ее эпиграф. Этого довольно, чтобы судить, а написано, разумеется, как могу и как умею. Прошу Вас, достойный благоприятель, побывайте у Лебединцева *немедленно,* попросите прочесть Вам заголовок содержания и потом переговорите в тоне выяснения дела. Лучше раньше иметь эти вопросы уясненными. Затем прошу Вас мне написать, ибо очерк этот у меня тянут, а я нового ничего к генварю написать уже не в силах. Веселое ведь весело читать, а делается это в работе труднее, чем самое скучное (что, впрочем, принято называть «серьезным»). — Книга Ваша идет. Суворин говорил, что и он бы ее купил. Это всегда так бывает.

Жму Вашу руку.

Н. Лесков.

P. S. Видали ли Вы гравюру, как Протасов едет в телеге на тройке архиереев, а в корню митрополит Рафальский?

13

С. Н. ТЕРПИГОРЕВУ

13 ноября 1882 г., Петербург.

Любезный Сергей Николаевич!

Пушкинский кружок, которого Вы и я состоим членами, удостоил меня избрания к некоторым должностям. Я, конечно, ценю такое доверие и всемерно рад бы его оправдать, но известные Вам недосуги мои лишают меня возможности быть точным и исполнительным; а дела

этого не терпят. К тому же, я чувствую себя и нездоровым.

А потому усердно прошу Вас оказать мне товарищескую услугу, выразив общему собранию мою глубокую благодарность за честь избрания, и вместе с тем просить от всяких должностей меня освободить.

Искренно Вам преданный

Николай Лесков.

1883

14

Ф. А. ТЕРНОВСКОМУ

19 января 1883 г., Петербург.

Давным-давно, что день, собираюсь писать Вам, сердечный мой Филипп Алексеевич, но все некогда. Пишешь, пишешь — и станешь. Сказать надо много: статьи Ваши прошли с большим «апломбом»; три дня Вы были героем читающей публики, и если принять, что Вас прочли сто тысяч человек (по три человека на экземпляр), да столько же в перепечатках («Новости», «Петербург⟨ские⟩ ведомости» и «Соврем⟨енные⟩ известия»), то это чего-нибудь стоит. В редакции «Нов⟨ого⟩ вр⟨емени⟩» хваление общее, и оба московские кутейника на мой вопрос отвечали: «Ну, говорить нечего, — хорошо». Суворин очень доволен. Вычеркнул две последние строки он, а не я, и Вы отгадали причину — «осторожность». Он просил меня написать Вам, чтобы Вы не сердились за это.

Тут действительно к 3-му дню стало *остро,* пришел вестником от Лампадоносцева Ламанский, а у Каткова Вас уязвил Субботин. Суворин все за Вас огрызается, но с веселостью. Шансы Ваши в газетном мире вспрыгнули высоко, и все о Вас спрашивают: «Откуда он такой взялся?» Счет и деньги Вам посланы. Расчет сделан *из ста рублей* за лист, то есть по 10 коп. за строчку столбца. Это плата хорошая. Я ее не назначал, — он сам спросил: «Я отмечу Т⟨ерновско⟩му по сту руб. — довольно ли?» Я ответил: «Мне кажется, это как следует», и более разговора не было. Более за публицистику и нет платы, — это самая высокая. Газета Вам выслана, и билет выслан.

Тузов очень рад: «Статья двинула книжку». Я с Вашего дозволения и в Ваших интересах вычеркнул две строчки во вступлении. Это там, где говорилось, что научно-литературная деятельность интереснее и важнее общественной. Суворин, как чуткий и ловкий журналист, был бы этим недоволен, так как это производило бы невыгодное *в журнальном смысле* впечатление: дескать, «все лучшее мы покажем в первом, а во втором уже одно кое-что», то есть второго можно и не читать. Вы, господа ученые (за исключением Костомарова), совсем не хотите помнить, что тут дело о «розничной продаже». Остальное в статьях все сбережено. Корректуры все читал я, и ошибок очень немного. Пишите и присылайте о Толстом и Достоевском. Это тема богатая и благодарная. Рекомендую заглавие: *Гр. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский под Кривосудом.* Если сами выдумаете лучшее, — тем лучше. В февральской книжке «Исторического вестника», кажется, будет обещание этой статьи. Желательно, чтобы Вы нашли удобным дать хотя косвенный ответ на выходки Субботина и последовавших за ним и московской шушеры. Поповские издания прислали Лампадоносцеву статьи *с подчеркнутыми строками*... Пусть это будет им на радость. — У Исмайлова еще возьму кое-что о воспитании, но все это положительно возможно только в пересказе. Он — надо отдать ему справедливость — умел писать очень скучно, сухо и безжизненно. В пересказе это нравится. Многого, однако, взять невозможно. — Об университетском уставе все в глубокой тайне. Катков здесь, и Любимов, и Мещерский, и tutti frutti.[1] В государственном совете разве говорит Бунге да Рейтерн, да и то не зычно. Вообще идет дело о «формировании голосов». К⟨атков⟩ в этом мастер. Более же никто ничего не знает, но, мне кажется, хорошего ждать очень трудно. — Что Вы писали о поездке на север, то мне совсем по мыслям и по сердцу. Я и сам намечал себе не раз этот путь, и вдвоем исполнить его уж куда ж бы мило. Начать надо с *даниловских доживальщиков.* Их все описывают по слухам, а их бы надо посмотреть. Пругавин, Нем⟨ирович⟩-Данченко мне подозрительны, а Майнов раз, после усердной рюмки, *сознался* мне, что он «там и не был»... На-

[1] Все прочие *(итал.).*

пишите, сколь это сбыточно к осуществлению с Вашей стороны. Разумеется, в Питере — Вы мой гость, и гость желанный. Что «Елисея» приписали, — это хорошо. Удивительно, что я все думал, будто я это и обозначил. Благодарю Вас и впредь прошу о том же. Ошибки у всякого возможны. Думаю, что и Ф⟨еофан⟩ Г⟨аврилович⟩ сделал то, что должно. О «Кукурузе» я мог позабыть, но архиерей, кажется, был Евсевий. А впрочем, если Ф. Г. лучше помнит, то и прекрасно. В «антиках» должен недурно выйти «Старец Малахия» и «Поп Ботвиновский» — дивная *громада смеси* пошлости, беспутства и доброты какой-то героической. По-моему, Лебед⟨инцев⟩ дурно сделал, не пустив «Антиков» с 1-й книжки. Они пустяки, но их *знали*, и еще так недавно, и их хоть ругать да будут, а это лучше молчания. Так мы по крайней мере судим.

Н. Лесков.

15

Ф. А. ТЕРНОВСКОМУ

25 января 1883 г., Петербург.

Уважаемый Филипп Алексеевич! Последней Вашей славы я пережил за Вас некоторый тяжелый час. Аннину довелось быть свидетелем доклада нового российского эпитропа Тертия Лампадоносцеву. Злой человек хотел зла. Суворин и Шубинский говорили мне написать Вам об этом, чтобы Вы приготовились дать отпор. Аннин настаивал, что «не стоит тревожить», и примеры Лесгафта и Модестова считал к Вам не идущими. Кажется, он был полезен для того, чтобы обрезонить Д⟨еля⟩нова. А может быть, более всех помогла острая шутка, что «надо не Терновского выжить, а Филарета выбросить, чтобы он не писал таких писем, над которыми нельзя не смеяться». Я не мог ни извещать Вас об этом, ни молчать и потому просил Лебединцева предупредить Вас помягче. Теперь здесь дело, кажется, кончено. Дай бог, чтобы оно и там Вас не потревожило. Смешной Модестов даже, кажется, завидует стоящему о Вас говору: такой, говорит, *смирный*, а всех взбудоражил. Статьи ему кажутся «невин-

ными», вероятно потому, что не имеют много знаков восклицания. Однако прошу Вас меня успокоить и непременно черкнуть: что это такое было — о какой «поднятой буре» пишет мне Лебединцев? Не подписать статей было невозможно, потому что это по теперешним правилам все равно обязывало редакцию дать ответ, *кто автор*. Вы ведь, вероятно, знаете, что есть такое правило. Следовательно, мы ничего бы не выиграли: придирка к Вам была бы такая же, и даже хуже, а успех принадлежал бы какому-то NN или ZZ. Я все это имел в виду и взвесил и поступил по разумению и расположению. Лебединцев мне прислал корректуру *без начала* (два листа), и потому это меня не удовлетворяет. Разве я не понятно писал, «что мне нужно *собрать себе экземпляр* без цензуры». Потом он мне прислал «загвоздочку»: деньги, пишет, «вышлю *все разом*». Это, значит, в апреле или в мае, но после 6—7 листов... не было бы сие мне и ему «неудобно». Три месяца работа шла и лежала, да три месяца за нее деньги ждать, — это неладно, и так не повелось. И зачем это? Пишет — «бедствую». А я это со стороны издателя признаю за «уметы». Издание не следует предпринимать без денег, потому что тут работник самый нежный и нервный, и «мзда наемничья» поистине «вопиет». Еще раз скажу — это не резон. Я ему ответил уклончиво так: «Что касается до денежных расчетов, то я просил принять на себя Терновского и думаю, что он мне в этом не откажет, так как я веду эти дела для него здесь». К сему добавил, что такой способ рассчитываться, «вероятно, и для него будет самый удобный». Да оно и в самом деле так. Вам же позвольте подать теперь такой претекст, что я будто понял слова «все разом» не в самом обширном значении и просил Вас доставить деньги жене брата Алексея на семейную надобность, имеющую срочное применение. Может быть, это доставит случай теперь выбрать хоть за первое, а все-таки в долгу меньше останется. Беда с этими мелкими редакциями! Для утешения же Ф⟨еофана⟩ Г⟨аврилови⟩ча пожертвуйте ему от меня *без гонорара* четверостишие (экспромт) Буренина по прочтении мною в редакции («Нов⟨ого⟩ времени») смешных строк Лебединцева, как «Иван убрался»... Экспромт этот по всем правам принадлежит к материалам «Киевской старины», если достаточно, чтобы я

разрешил его печатание вместо цензора. — О статье по поводу еретичества Льва Толстого в февральской книжке «Исторического вестника» объявляется.

Жму Вашу руку.

Н. Лесков.

16

С. Н. ШУБИНСКОМУ

1 февраля 1883 г., Петербург.

Большую мы с Вами, Сергей Николаевич, развели «междуусобную литературу», и препустую. Нечем Вам против меня и слова молвить, и потому — что пишете, то пишете неистово и не в делах. Не Вам, сударь, поставлять мне на вид дружелюбие, преданность и расположение. Я все это имел и доказал. Такой ли я, сякой ли, но я человек прямой: люблю — так люблю, а не люблю, то и того не укрываю; но о том, кого люблю, за глаза и инако говорить не стану. — Люди, которые меня не любят, конечно есть, но есть которые и любят... Думаю, что это почти как у всякого, — даже как и у Вас... Нашли Вы тоже о чем говорить! Дела мои хоть в одном роде чисты: я «не ухищрялся против брата и на врага не клеветал». Вас я любил очень, горячею любовью и потому тягостно, до боли в душе и теле, обиделся, когда раз, два и, наконец, три убедился в удивительной странности поступков Ваших. Это стало для меня несомненно с «Синодальных персон» и шло быстрыми подтверждениями. Я и сам удивлялся: что за охота унижать человека Вам преданного, — надеюсь, — Вам полезного и никогда против Вас не обмолвившегося ни словом, ни намеком... Удивительно! Точно Вы исполняли какую-то неодолимую потребность жаловаться. То я Вас «поставил в затруднение» объемом статьи; то «Синодальные персоны» многим «не нравятся» (и между прочим тупице Майкову, который столько же понимает в литературе, как свинья в апельсинах), то я не так деньги получил... Тпфу! Да что это за черт такой! Я всегда точен, всегда аккуратен и на меня в делах жалобы не терплю. Я ее не заслуживаю. Далее: как Вы, историк, могли сказать, что полтора листа из глухой поры 30-х годов — «много»? Это обидно слышать, потому что это нелепость, которой нет меры. —

Я Вас ведь читаю хорошо: Вы по капризу и предубеждению считали дрянным и мертвым писателем самого живого и прелестнейшего из современных исторических писателей. Я Вас не раз принимался разуверять в этом,— Вы упрямо качали головою. Я показал этого писателя в образце, и все развели руками: где он такой взялся? — Может быть, Ленька Майков и иже с ним — другого мнения, так на тех и всегда смотрели как на тупиц. — Вы сдали с рук записки редкостного интереса, которые заставляют говорить о себе всех истинных любителей литературы. Думаю, что Вы их не читали, по предубеждению против «скучного Терновского» и по роскошеству Вашим «изобилием материала». Это Ваша вина, и я Вам ее два раза указывал, и Вам ничего не стоило ее поправить: надо было только сказать: «если это хорошо, то сделайте это для «Исторического вестника». — Вы опять мотали головою. — Теперь еще я давал время все поправить, и Вам стоило сказать: «Однако я ошибся, — это в самом деле очень хорошо, и Вы сделайте все остальное мне сразу, чтобы это к другим не попадало». Так оно было бы и умно и по-приятельски, а Вы вместо того мне-то, старому писателю, у которого уже, конечно, есть хоть вкус и понимание, приводите чью-то вопиющую глупость при конторщиках и думаете, что Вы правы и милы, а я «придирчив»? — Поздравляю Вас с таким открытием.

Расчет прикажите сделать, а денег вперед я с Вас не желаю и не возьму. Я Вас одолжаю тем, что жду с исполненною работою, но сам не одолжаюсь. Вы меня простите, — но это так.

Что касается личных чувств, то я ведь тоже не молод, чтобы не ценить их и легкомысленно рвать. Я без фраз имею право называть себя

Вам преданный

Н. Лесков.

17

Ф. А. ТЕРНОВСКОМУ

12 марта 1883 г., Петербург.

Любезный Филипп Алексеевич! Очень благодарен Вам за Ваше милое, теплое и дружески встревоженное письмо. Искренности слов и чувств Ваших я верю и сам

Вам плачу тем же самым. Я рад, что узнал и полюбил Вас со всею свойственною мне горячностью.

Дело рассказывать долго нечего: оно произошло 9-го февраля — с глазу на глаз у Дел⟨яно⟩ва, который все просился «не сердиться», что «он сам ничего», — что «все давления со вне». Сателлиты этого лакея говорили по городу (Хрущев, Егорьевский и Авсеенко), будто «давление» идет даже от самого государя, но это, конечно, круглая ложь. Давителями оказались Лампадоносцев и Тертий. Прошения не подал, и на *просьбу* «упомянуть о прошении» — *не согласился.* Я сказал: «Этого я позволить не могу и буду жаловаться». Я *хотел* вынудить их не скрываться и достиг этого. Не огорчен я нисколько, но рассержен был очень и говорил прямо и сказал много горькой правды. На вопрос: «Зачем Вам такое увольнение», — я ответил: «Для некролога», — и ушел. О «Комаре» не было и помина, а приводились «Мелочи архиерейской жизни», Дневник Исмайлова и «Чехарда», в которой мутили не факты, но выводы об уничтожении выборного начала в духовенстве. Припоминалось и сочувствие Голубинскому, и намекалось на Вашу статью о Филарете. Доходило до того, что я просил разбить: слышу ли это от министра или от частного человека? Он отвечал: «И как от министра и как от Вашего знакомого». Я сказал, что это мне неудобно, ибо, по-моему, «до министра это не касается, а моим знакомым я не мешаю иметь любое мнение и за собою удерживаю то же». И вот вообще все в этом роде. «Новости», выгораживая меня от Маркевича, дали мне возможность написать «объяснение», которое Вы, чай, читали.

Сочувствие добрых и умных людей меня утешало. Вообще таковые находят, что я «защитил достоинство, не согласясь упомянуть о прошении». Не знаю, как Вы об этом посудите. Я просто поступил по неодолимому чувству гадливости, которая мутила мою душу во время его подлого и пошлого разговора, — и теперь не сожалею *нимало.* Мне было бы нестерпимо, если бы я поступил иначе, — и более я ничего не хочу знать.

Статья действительно Вам не задалася. Суворину она не понравилась. Я ее взял, состряпаю совместно, подпишу и устрою иначе, еще не знаю где; а гонораром

поделимся. Ваша будет канва, — моя вышивка, а выручка общая.

Передайте Лебединцеву прилагаемый счет из конторы «Нового времени» и, если можно, дохните на него мыслию, что от убавления в год 1 тысячи руб. карман у меня не стал гуще. Почему бы ему удобнее накоплять гонорар, а не платить его, как принято во всех редакциях? Я ведь уверен, что Костомаров не ждет (это уже его правило), да оно, признаться, и всякому так, 240 руб. — это месяц обихода. А ведь за передрягами и досаждениями было не до работы... Чудаки, право, — хотя хорошо, что не против себя.

Если Вас может интересовать сочувствие и отношение ко мне товарищей, то прилагаю Вам записочку Аполлона Майкова (которую прошу и возвратить), — увидите, чтó это была за комедия и что сочувствие умных людей *со мною.* Посетили меня и сочувствовали и председатель судебной палаты Кони и светила адвокатуры, — словом, думаю, что я, значит, поступил *как надо.* Но я Вас люблю, Вам верю и хочу слышать Ваше мнение. Вы знаете: это нужно человеку раздосадованному. Других дурных чувств у меня, слава богу, нет, и «ближние мои» — это те, кто понимает дело умом и сердцем.

Ваш *Н. Лесков.*

18

Ф. А. ТЕРНОВСКОМУ

6 апреля 1883 г., Петербург.

Любезный Филипп Алексеевич! Не отвечал Вам, все поджидая времени, чтобы устроить нашу статью «о ересях» и свести наши счеты; и ныне час тому настал, и час благоприятный. Статья наша напечатана в «Новостях» 1-го и 3-го апреля, и в ней вышло около 1200 строк. По 10 коп. это составит 120 руб., то есть по 60 руб. на брата и сотоварища, да 50 руб. Вам следует получить с меня за рукопись «Исмайлова», которою я, может быть, еще воспользуюсь. Итого я у Вас в долгу 110 руб. Прошу Вас покорно при окончательном расчете с Ф. Г. Лебе-

динцевым *безотговорочно* эту сумму из моих денег удержать (если же будет остаток или недостача, — то написать мне). Статья в литературном мире прошла очень замеченною и похваляемою. Тут ее поняли, — поняли некоторые и в публике, хотя для сей последней она, конечно, *суха* по самому роду вопроса. Я ее, кажется, не перепортил и *сохранил все,* — только старался «разбумажить» и дать ей, насколько возможно, живости и «касательств». Очень любопытен знать о сем Ваше *искреннее* мнение. Трудиться вместе у французов есть в обычае, и оно иногда имеет большие удобства, но у нас редко случается, а мы с Вами попробовали: я остаюсь доволен, но не знаю, как Вы. Посылаю Вам карточку Философовой, так как это касается Вас столько же, как меня. — О болезни супруги Вашей сердечно сожалею. Да будет небо к Вам милосердно. Попутешествовать с Вами, — чего бы лучше! И конечно — «экономно», но места, Вами намеченные, мне не совсем нравятся: во-первых, они очень жаркие, а во-вторых, что́ там видеть? Нельзя ли бы нам куда-нибудь «ко святыням»? Там бы расходы путевые скорее возместились. Однако я всему предпочту провести время с Вами, ибо Вы милы и дороги душе моей; напишите, пожалуйста, мне пообдуманнее и поопределеннее об этой статье.

Дружески Вас обнимаю и жму Вашу честную руку.

Н. Лесков.

P. S. Напишите непременно, — надо сообразить время и средства.

19

С. Н. ШУБИНСКОМУ

15 апреля 1883 г., Петербург.

Сергей Николаевич!

Пожалуйста, напишите: когда, то есть в какой день в неделе, Вас наверно и непременно можно заставать дома вечером. Это иначе невозможно. Видеться и переговорить — представляются надобности, а стоять у двери, как хотите, — нельзя. Это просто уж и не по летам, и не

по нраву, ни по приличию, — ни по чему не идет, и нигде это не делается, и всяк этого избегать станет. А что до меня, то мне это решительно не по характеру, — как себе хотите. А видеться нужно бывает, чтобы сказать и условиться, какая работа заматывается в уме. Иное так носишь, носишь, да и бросишь. Нельзя же редактору жить «во свете неприступном» постоянно. Вы это чудите что-то. Говор такой идет, что «что-то секретное делаете». Это теперь неудобно есть.

Ваш *Н. Лесков.*

Будьте дома хоть по воскресеньям с утра до двух. Уж чего еще проще!

20

С. Н. ШУБИНСКОМУ

23 апреля 1883 г., Шувалово.

Любезнейший Сергей Николаевич!

Посылаю достопочтенству Вашему великую библиографическую редкость — мою записку о расколе. Ее желает получить Семевский, и я имею основание подозревать, что он, пожалуй, на сих днях добыл один ее экземпляр из Академии наук (их отпечатано 80 экз., по числу тогдашних членов государственного совета и попечителей округов. Где остальные — неизвестно, может быть у Головнина). Надо ее напечатать и, пожалуй, немедленно, может быть в июне. Мой экземпляр надо сберечь и *не разрывать его.* Пусть так и набирает, не спеша, один наборщик, прямо с книги, и потом книгу эту мне возвратите. Гонорар желаю самый малый, 50 руб. за лист. Думаю, что это недорого за эту работу, полную живого интереса для историков и для всего раскольничества. — Конечно, нет необходимости помещать всю записку сразу в одной книге, а можно ее разделить на две, по 2 листа.

Да добудьте мне, пожалуйста, «Отеческие записки», где обо мне писано. Это, может быть, даст мне повод и охоту написать Вам любопытное литературное воспоминание: «Историю романа «Некуда».

Ваш *Н. Лесков.*

«Южнорусское разноверие», кажется, придется запродать Нотовичу.

В понедельник 25-го вечером жду Вас непременно. Помните, что ведь все сами назвались. Куплю тельца упитанного и дам есть в 12 часов. — Будет, думаю, травля одному либералу и одному Атаве.

21

Ф. А. ТЕРНОВСКОМУ

23 мая 1883 г., Петербург.

Уважаемый Филипп Алексеевич! Благодарю Вас за письмо Ваше, ставящее меня «на горизонт событий».

Да, в таком положении цели наши согласовать нельзя, и упрямое стремление к тому было бы с нашей стороны малодушеством. Надо покориться обстоятельствам, соблюдая в непокорстве им один дух своего разумения. Скорблю о Вас как о близком и приятном друге, но знаю, что Вы всё встретите и всё вынесете, ибо знаете, где искать утешения. Это само по себе есть утешение: «крепкий млат, дробя стекло, кует булат». Души чистые и нежные, как Ваша, всегда ковки. Из этого, конечно, не следует, чтобы они не страдали много и чтобы за них не замирало сердце. Пусть небо милосердствует о Вас и детях Ваших.

План моей поездки я изменяю совсем иначе: не хочу тащиться никуда далеко, а хочу только оставить город и переехать в место более спокойное, более свежее, зеленое, удобное для купанья и для работы *на месте*. Бог знает, увидишь ли еще что-либо подходящее, а между тем пропутешествуешь немало и без пользы, а купанье в море мне всегда приносило пользу, да и работается в этих тихих купальных городах прекрасно. А потому я все прежние затеи отложил и еду в Аренсбург, на остров Эзель. Это все там в три раза дешевле и в несчетное число удобнее Киева, а мне хочется работать на месте: я, что называется, «забрался работой», так что надо много удобств, чтобы переработать то, за что взялся к осени. Таков, полагаю, и будет мой адрес с 5-го июня: Остр⟨ов⟩ Эзель, г. Аренсбург, до требования (post restante). Напишите мне свой адрес из Крыма.

Тем я задавать не мастер, но две у меня ⟨есть?⟩: 1) «Молот на разбитие камня веры» — его стиль и дух, вероятность происхождения этого сочинения по его филологическим признакам и т. п., или 2) «Разнохарактерность религиозного сектанства великорусского и малороссийского». То и другое может быть написано при небольшом количестве подручных книг; и то и другое, несомненно, было бы очень интересно и нашло бы себе место без хлопот. Но я в истории не знаток и как могу Вам давать в ней советы или выбирать темы? Я всегда находил, что Вы сами отлично чувствуете, что живо и что может интересовать. По поводу «молота», однако, можно сказать много крайне любопытного и еще никем не развернутого. Есть ли у Вас хороший экземпляр этой рукописи? У меня есть превосходно писанный четким и красивым полууставом.

О некоем охлаждении нашем с С⟨увори⟩ным не сожалейте. Он мог прямо сказать о статье Вашей, что она *ему* «не ко времени» по обстоятельствам, от Лампадоносцева зависящим. Это было бы не храбро, но честно и не обидно, но он смелкодушничал и начал хаять: «Неужто это статья?!» Я промолчал и, напечатав ее в другом месте, показал тем, что «да, это статья, и очень любопытная, — хорошая статья...» Только всей и обиды я ему сделал. Неужто же надо было, чтобы его хамство шагало, как конь Аттилы, — «где наступил — там и трава не растет». Ишь ты! Не много ли чести будет?.. А что «Отечест⟨венные⟩ записки» сказали мне некоторые любезности, а ему шпильки, то я тому не виноват.

Разлада, то есть распри, между нами нет, но его «оппортунизм» стал такого свойства, что цикл вопросов, в которых бы я мог идти с ним не разноreча, значительно сократился. Вы, чай, читаете, «что» такое он пишет из «дома» и как относится к малейшему с ним несогласию. «Говори искренно», а чуть кто сказал искренно, — тот сейчас, не говоря худого слова, «подлец». Я, право, не вижу себе роли в таком органе, но, быть может, она и явится, — тогда можно и писать. Но теперь это все не в моем роде.

О плательщичестве пишете напрасно: щедрости большой он никогда не обнаруживал, а неисправных плательщиков теперь уже нет, — это когда-то было, но давно

вывелось. Нынче все исправно платят, даже и вперед, и то людей нет. Лиха беда — было бы что дать, — была бы душа в сборе и работали бы руки. — Нервы измучились и устали от всего вместе взятого, и оттого-то хочется не восвояси перебалтывать все одну и ту же утомительную, скучную и раздражающую болтовню, а хочется к немцам, которые, по крайней мере летом, только купаются и слушают своих плохих соловьев.

Преданный Вам

Н. Лесков.

P. S. «Государственная утопия Леонтьева» сдана в «Новости». Не знаю, когда он насмелится ее тиснуть. Деньги Вам вышлем, вероятно, в июне. — Дух сектантства в Малороссии и Московии мог бы быть очерчен в очерке беглом без критики, а с одною «светотенью», которая вышла бы сама собою. Это живая вещь. — От Феофана ничего не получал. Письма Жуковского небезынтересны, а личность его очень стоит внимания. Журнал ведется весьма недурно, но в чашке нельзя растворить сахару более, чем можно. Ему нужно или найти капитального честолюбца с хохлацким вкусом, или журнал придется бросить. Чтобы он имел успех, его надо делать *хохлацким.* Иначе он никому не потрафляет. — С Шубинским мои отношения всегда одинаковы и не страдают от «Нов⟨ого⟩ времени».

22

С. Н. ШУБИНСКОМУ

23 июля 1883 г., Шувалово.

Уважаемый Сергий Николаевич!

Я живу на даче в Шувалове (по Софийской ул., дача Орлова, № 19) и здесь же видаю Карновича (Парголово, № 136). У него нет «Старины» и стихотворений Лермонтова в переводе Висковатова. Вы, однако, совершенно правы, что стихи эти были и есть в переводе Висковатова, — есть они и отдельными оттисками; но тем не менее и новый их перевод, думается, имеет место. Адрес Минаева: СПб., Озерки, по Выборгскому шоссе, № 39-й (Дм. Дм. Минаев), у Курочкина. Вы ему туда и напишите. Цена его 50 коп. за стих, я это Вам и писал,

да, видно, листок мой вывалился из незаклеенного конверта, который надписывал Короленко. — Списывайтесь лучше сами.

Заметка о Марко Вовчке была моя, и я думаю, что Петров ошибается: М. А. не могла быть в Орловском институте, и ее развитие всецело принадлежит ее прекрасному мужу, которого я очень хорошо знал и любил, да и обязан ему всем моим направлением и страстью к литературе. Он давно умер, убитый горем и, может быть, бесславием... Но на что же Вы будете отвечать? Пусть Петров разъяснит, была ли она в институте, и очеркнет характерную и милую личность «пана Опанаса», которого супруга всегда стремилась стушевать ниже Пассека или Карла Бенни, иже недостойни быша разрешись ремень у ног его. Характеризовать, так уж надо правду говорить, а не разводить помои «с Аполлоновых ⟨...⟩». — М. А. теперь в Харькове вновь замужем за Людовиком № 151-й.

Владелец «мартьяновской улицы» в Озерках бывает часто видим и собирается к Вам в Любань, — звал и меня, но я боюсь не застать Вас дома. — К осени купил у Грота полдюжины карточек с подходящими евангельскими текстами и попытаюсь привезти их к отсутствующему из дома хозяину Вашей квартиры. Капризов у меня нет, и я никогда ничем не нарушил моей к Вам приязни. Не знаю: так ли у Вас?.. Впрочем, обо всем этом не стоит говорить.

Прошу Вас передать мой поклон Екатерине Николаевне.

Преданный Вам

Н. Лесков.

23

С. Н. ШУБИНСКОМУ

17 августа 1883 г., Шувалово.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Простите меня, что долго не отвечал Вам. Опять простудился и проболел кряду целый месяц претягостно, начав воспалением горла и продолжав воспалением уха, едва не перешедшем на мозг. Да; живем как рыбы в воде

или по крайней мере как лягушки в болоте. Вот наш и отдых! «Бедному жениться, — так и ночь коротка». Что делать. «Покорствуй, раб, небесной воле». — С Минаевым, надеюсь, Вы списались. Мне не по сердцу посредства с ним. Это люди совсем иного фасона. «Подкузьмич» (как называют здесь «солдата»), кажется, не разоряется, но наипаче приобретает и маклерит. Карновичей вижу: *это — моя радость*. Простые вопросы, простые советы, радушное рукопожатие и сердечное слово. Поговорим, и хорошо станет. Литераторов вижу мало. Навещали Максимов и Михневич, — другие навещали, пока было при чем посидеть... Изнемогся я от боли ужасно, и ничего не мог работать. — 27-го думаю переезжать в город. Работаю нынче для Вольфа, а потом имею еще заказов надолго. Вам ничего обещать не могу, да и не думаю, чтобы Вам это было нужно. «Изобилие материалов» у Вас известное, а Вы только набираете и тем накликаете себе напрасные укоризны. Имя (если угодно) ставьте сколько угодно, но так вообще, — а обещать что-нибудь определенное — я не могу. — Любопытно несколько: где рецензийка о книге «Государственное учение Филарета»? Неужто она о сю пору почитается «опасною», тогда как уже дважды в более резкой форме прошла в «Новостях»? (раз сама по себе, а второй по поводу утопий Леонтьева). Газета может, а «исторический» журнал боится. «Пиши куплет»! Катерине Николаевне кланяюсь. Давно ее не видал. Катенька, чай, выросла на сырости-то. Бедные дети в этой противной природе. А зима — опять то же, что и было. Вас продергивают за «хождение на вести». Имея привычку любить и уважать в Вас многое, я сердечно радуюсь этому, — хотя думаю себе: «Не изоймете его этим: он причину себе вымыслит, что на вести ходить надо». Скучно, тяжко, и вокруг столь подло и столь глупо, что не знаешь, где и дух перевести. Не могу себе простить, что я никогда не усвоил себе французского языка в той мере, чтобы на нем работать как на родном. Я бы часа не остался в России и навсегда. Боюсь, что ее можно совсем возненавидеть со всеми ее нигилистами и охранителями. Нет ни умов, ни характеров и ни тени достоинства... С чем же идти в жизнь этому стаду, и вдобавок еще самомнящему стаду? — За приглашение на наливки очень благодарю. Наливки у Кате-

рины Николаевны очень хорошие, да — лиха беда — дойти до них трудно, да и вино уже утратило свою веселящую силу. — Все притомилось от тоски, безрадостья и уныния.

Ваш *Н. Лесков.*

24

С. Н. ШУБИНСКОМУ

20 августа 1883 г., Шувалово.

Получил Ваше вчерашнее письмо. Действительно, дача измучила. Это не отдых, а терзание, а в городе тоже несносно. Все нам худо. И в Киев ездить — тоже тяжело. Что и природа без людей, с которыми можно хоть потосковать вместе! Ужасно тяжело, несносно тяжело! Суворин летит в Париж... Видно, как там ни скверно, а все туда тянет... Бесстыдники! что они пишут и что поддерживают? Положим, от этого хуже не делается, да все-таки — как же не стыдно? Видел Нотовича и Розенгейма, а те видели вчера Краевского, который сказал: «Голос» будет, но это будет не тот «Голос». Газета продана, говорят, Циону, а другие говорят, что Цион — только подставка. Выйдет «Голос» без подписи Краевского и будет орган «консервативный», может быть с некоторым немецким отблеском. Что-то такое, чего и не разберешь, но любопытно, хотя ничего хорошего быть не может. Война у всех на устах, и ее ждут скоро, но, кажется, это в значительной мере поддерживается общеизнурительною скукою всего общества. Вы пишете, что не надо падать духом, а надо бодриться. Слова нет, что это так, но ведь всякие силы знают усталость. Столько лет работы и уныния чего-нибудь да стоили душе и телу. Родину-то ведь любил, желал ее видеть ближе к добру, к свету познания и к правде, а вместо того — либо поганое нигилистничание, либо пошлое пяченье назад, «домой», то есть в допетровскую дурость и кривду. Как с этим «бодриться»? Одно средство — презирать и ненавидеть эту родину, а быть философом и холодным человеком... Но до этого без мук не дойдешь. И на небе ни просвета, везде minimum мысли. Все истинно честное и благород-

ное сникло: оно вредно и отстраняется, — люди, достойные одного презрения, идут в гору... Бедная родина! С кем она встретит испытания, если они суждены ей?

Стихотворение о том, как Вы ходите аккуратно «на вести», имело, очевидно, в виду не лето, а период действительно бывший. Но ведь это шутка и ничего более. Историю Петра продергивали за «сухое, мертвенное изложение». Не знаю, — основательно или нет. «Подкузьмич» — делец неутомимый. Его здесь зовут «шуваловский маклер». Он «на обухе рожь молотит». — Видел в 31 № «Живописного обозрения» мой портрет, гравированный Панемакером. По-моему, очень нехорошо и с очень плохой моей фотографии. — Обещать Вам я все-таки ничего не могу. Была работка, подходившая Вам («Апокрифические предания о юности Гоголя»), да я ее продал, а теперь очень забрался работою и подороже Вашего и не на такой ужасный (между нами говоря) лист. А не хотите ли Вы взять работку у Сергея Максимова? Это что-то о Сибири. Думаю, что должно быть не без интереса. — За всякое приветливое слово «лобзает Вы душа моя», и поверьте, что я не в долгу у Вас... Да, да; далеко не в долгу. Оттого, может быть, мне и было нечто особенно больно. Литературное общество — злое и безучастливое (хуже чиновников), и я в нем всегда сторонился, но тем более любил тех, в ком встречал черты живого человеколюбия и участливости. Отрадой мне было увидеть все это в Вас, и Вы знаете, как я расположился к Вам всею душою, даже и посейчас, а Вам зачем-то надо было меня как-то выставить со стороны мне даже и несвойственной. Вот и все. Это меня очень огорчило, но я добрые стороны Ваши очень ценю и нареканиям на Вас не верю. Время гнусное, но тем теснее надо добрым людям стоять друг возле друга и поддерживать друг в друге веру в человека.

Видел нашего старичка-Милючка, и слышал, как он «сопутствовал» Григорию Петровичу в его имения, слышал, как он своим блекотанием встречал Авс⟨еенко⟩ словами: «А я по вас соскучился». Кто с кем соединился и смешался? Как же не любить Карновичей, Костомарова и еще тех, кто кое-как несет свою скорбь одиноко, не якшаясь направо и налево, а сохраняя душу свою хотя в некотором возможном опрятстве. И Вы способны это

отмечать и ценить, да вдруг — возьмете да и выдадите своего,— невесть для чего! Право, это ставят Вам в вину!

Преданный Вам

Н. Лесков.

В среду непременно хочу переехать в город. Весь размок здесь.

25

А. С. СУВОРИНУ

8 октября 1883 г., Петербург.

Уважаемый Алексей Сергеевич!

В высокой степени любопытно то, что Лев Толстой сделал, но «Петерб‹ургские› ведом‹ости›» врут, что он отказался будто потому, что христианину нельзя судить. Есть текст «по суду любящих имя твое — спаси мя». Судить самый высокий христианин *может,* и суд его будет благ, ибо, «любя имя божие», он может «спасти», а не погубить. Судиться «у своих», то есть *у верующих,* даже повелевается св. писанием. — Дело, вероятно, зависело от присяги, от ее убийственного для христианской совести текста, повелевающего нам «клясться богом». Я об этом в прошлом году давал заметку Вам. Гей ее (в Ваше отсутствие) счел негодною — и возвратил, — она напечатана под моим же именем у Аксакова, с заглавием «Снедаемое слово». Многие не произносят — «снедают» — слова присяги, — Толстой, очевидно, на это лукавство не согласился. Но он не один таков. Из военного министерства ко мне приезжал три раза казачий генерал Хрещатицкий, присланный по поводу той же моей статьи в «Руси», с просьбою комиссии по учреждению войск «составить новый, иной текст присяги», так как и в войсках люди (особенно казаки) тяготятся ужасающими клятвами русской присяги. Я два раза отклонял от себя это, но потом составил новый текст присяги, кажется довольно удачно. Хрещатицкий опять приехал ко мне благодарить меня и передавал «общий восторг». Присяга написана коротко, стильно, в христианском духе, без угрожений и самонадеянности.

Нынче по зиме это должно решиться *для войск,* но доколе же будет оставаться все это в нынешнем возму-

тительном виде для людей гражданских! Случай с Толстым слишком благоприятен, чтобы теперь промолчать об этом в чуткой газете. По крайней мере я так думаю и за напоминание о том прошу у Вас извинения.

Имя генерала Хрещатицкого, конечно, неудобно упоминать, но о деле, думается, можно бы написать хорошую передовую статейку.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

А Толстому, знаете ли, чего хочется!.. Он совсем онародовел и «жаждет *пострадать*». Поверьте, что это *так!*

26

А. С. СУВОРИНУ

9 октября 1883 г., Петербург.

С величайшим бы удовольствием исполнил, о чем Вы мне пишете, Алексей Сергеевич, но я завтра уезжаю в Москву и теперь весь в сборах и хлопотах; а это надо написать спокойно и хорошенько. По приезде назад с радостью это сделаю. Это ведь не к спеху.

О Льве Н. Толстом я совершенно тех же мыслей, как и Вы, но это не исключает сбыточности моих предположений насчет «желания» постраждовать. Он будет рад, если его позовут к суду за ересь, но этого, как Вы справедливо думаете, — не будет. *Желание* постраждовать ведь даже прямо выражено им в конце его предисловия к его евангелию. Вихляется он — несомненно, но точку он видит верную: христианство есть учение *жизненное,* а не отвлеченное, и испорчено оно тем, что его делали отвлеченностью. «Все религии хороши, пока их не испортили жрецы». У нас византиизм, а не христианство, и Толстой против этого бьется с достоинством, желая указать в евангелии не столько «путь к небу», сколько *«смысл жизни»*. Есть места, где он даже соприкасается с идеями Бокля. Старое христианство просто, видимо, отжило и для «смысла жизни» уже ничего сделать не может.

На церковность не для чего злиться, но хлопотать надо не о ней. Ее время прошло и никогда более не возвратится, между тем как цели христианства *вечны.*

Поступки Толстого «есть чудачество», но оно в народном духе.

Разве Вы думаете, там тоже не чудачат? Но ведь без этого нельзя. — По приезде приду к Вам и поговорим.

Ваш *Н. Лесков.*

27

С. Н. ШУБИНСКОМУ

20 октября 1883 г., Петербург.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Вчера я вернулся из Москвы, куда ездил не праздно: сделал некоторые свои книжные дела и кое-что добыл по части рукописей. Одна покупка есть превосходная — рукопись попа города Великих Лук: «Удивительные повести о семи мудрецах», 1702 года. Повести *превосходные* бог весть с какого латинского оригинала, — все любовные и действительно «удивительные». Напечатаны они нигде не были, и я полагаю, что мой экземпляр есть *уника,* в чем удостоверяет меня и Гатцук, хороший знаток старой литературы. Писано все уставом, с заставицами и зачальными литерами. Добра в них очень много, и прелюбопытного. Есть и еще нечто, но это самое дорогое и поистине *прелюбопытное.*

Прошу Вас, буде не слишком обременены материалом, — повидаться со мною. Я дома у себя ежедневно от 6 до 8 час. вечера, а когда Вы принимаете без отказа, — это мне по-прежнему остается неизвестно.

Так как «удивительные повести» могут быть гожи и для других изданий, которые ко мне обращаются за работами, то я просил бы Вас мне ответить: предвидится ли Вам в них надобность или нет? Повести все маленькие. С уставного письма я не могу сообразить точно, как с своей рукописи, но думаю, что каждая повесть не более одного листа, и читаться будут они со смехом и с интересом. Похабности в них есть, но простодушные, как в «Тысяче и одной ночи». По-моему — это клад для исторического журнала. Жалуйте!

Преданный Вам

Н. Лесков.

1884

28
С. Н. ШУБИНСКОМУ

8 февраля 1884 г., Петербург.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Я послал Вам вчера письмо о деле, а возвратясь домой, нашел у себя Ваше письмо об обедах. Очень благодарю тех, кто обо мне вспомнил и поручил Вам пригласить меня; благодарю и Вас, что Вы приняли на себя это поручение. Затем, разумеется, оставалось бы только сказать по-архиерейски: «благодарю, приемлю и ни что же вопреки глаголю». Обаче нечто нудит меня ко иному, несколько пространнейшему ответу.

Во-первых, я нахожусь в сомнении: действительно ли кто-то поручил Вам «пригласить» меня? Не есть ли это только Ваша личная ко мне любезность, или, быть может, это товарищеская любезность С. Н. Терпигорева.

И во-вторых, я опасаюсь: не сделаю ли я неприятности моим присутствием каким-нибудь другим, менее ко мне расположенным членам редакции, из тех, например, которые имеют достаточные причины меня презирать и оберегать от общения со мною свое превосходство?

Я, к сожалению, не могу считать Вас столько простым, прямым и искренним, чтобы не допускать возможности употребления с Вашей стороны шутки, которая может меня поставить в такое неловкое положение, какого я сносить не умею. Это уже было, и один раз очень досадительно (по поводу моего удаления в трактир для заговора с Михневичем против авторов «Медеи»). Дай бог, чтобы ничего такого же не случилось второй раз.

Осторожность же по отношению к чистотелу некоторых сотрудников газеты, в которой я лишен удобства принимать литературное участие, мне внушают многие

приметы, из коих позволю себе обратить Ваше дружеское внимание на две, самые свежие:

а) один из влиятельнейших сотрудников этого издания на днях рассказывал в Палкинском трактире, что «А. С. не знает, как от меня избавиться». «Имени, говорит, его (то есть меня) не печатают, так он без имени статейки тычет. С⟨увори⟩н хохочет... Теперь велел и их не печатать». Это было говорено при множестве людей, в числе коих находился один сотрудник «Вестника Европы», и он на другой день говорил это у Пыпина.

б) на сих же днях другой, еще более крепкий газете сотрудник, в том же месте, при чиновнике, близком Победоносцеву, порицал меня за неблагочестие и неблаговерие и за неблагодарность к С—ну, который будто, «наконец, освободил от меня свою газету».

Я не имею ни малейшего неудовольствия к уму одного из этих господ и к честности другого и верю, что А. С. С—н ничего этого не говорил, что ему приписывается. Я знаю, что в нем есть столько душевной чистоплотности, вкуса и гадливости. Поэтому, когда он меня позвал к себе в дом, я, нимало не рассуждая, тотчас же к нему пошел. Я его хорошо знаю и не обманусь в том, чему на его счет можно верить, а чему нет. Но идти в коллективное собрание, состоящее из лиц, отомщевающих на мне их собственное ничтожество, но никогда не сытых смутьянством, — я без зова самого Суворина не могу. Это не кичливость, но простая осторожность. Я не знаю, кто это Вас просил пригласить меня, и не считаю за невозможное, что это как раз именно и есть те же самые литераторы, которые желают в моем появлении дать наглядное доказательство тому, как я искательно дорожу их сообществом и «надоедаю С—ну». Вы же, быть может, этого не знаете, а быть может, и сами шутите, как случилось с заговором о «Медее». Во всяком случае, если это даже и пустяки, то пустяки гадкие и препротивные, и я не желаю давать пищи ни сплетникам синодального прокурора, ни каверзникам редакции Стасюлевича. А потому думайте и говорите обо мне заочно все, что Вам угодно, но в личном присутствии имейте мя отреченна.

Никогда никакого зла Вам не сделавший

Н. Лесков.

29

М. И. ПЫЛЯЕВУ

9 августа 1884 г., Петербург.

Уважаемый Михаил Иванович!

Во мне всегда была, — не знаю, счастливая или несчастная, — слабость увлекаться тем или другим родом искусства. Так я пристращался к иконописи, к народному песнотворчеству, к врачеванию, к реставраторству и пр. Думалось мне, что это уже и прошло, но я ошибся: разговоры с Вами и Ваша книга о «драгоценных камнях» потянули меня на новые увлечения, и как из всякого такого увлечения я всегда стремился создать нечто «обратное», то и теперь со мною случилось то же самое.

Мне неотразимо хочется написать суеверно-фантастический рассказ, который бы держался на страсти к драгоценным камням и на соединении с этою страстью веры в их таинственное влияние. Я это и начал и озаглавил повесть «Огненный гранат» и эпиграфом взял пять строчек из Вашей книги, а характер лица заимствовал из черт, какие видел и наблюдал летом в Праге между семействами гранатных торговцев. Но чувствую, что мне недостает знакомства с старинными суеверными взглядами на камни, и хотел бы знать какие-нибудь *истории* из каменной торговли. На этом останавливаюсь и с этим к Вам прибегаю, как к доброму товарищу и не только дорогому литературному другу, но и к такому редкому человеку, который, помимо своих специальных знаний, понимает, чтó именно нужно мне для затеваемого мною баснословия вроде «Запечатленного ангела». — Укажите мне (и поскорее, — пока горит охота), где и что именно я могу прочитать полезное в моих *беллетристических* целях о камнях вообще и о пиропах в особенности. Пиропов я насмотрелся вволю и красоту их понял, усвоил и возлюбил, так что мне писать хочется, но надо бы не наврать вздор. Вы много знаете, очень живо и образно говорите об этих вещах и очень можете меня наставить. Пожалуйста, не откажите мне в совете, если не личном, то письменном, — чего я буду ждать от Вас с уверенно-

стию в Вашу милую мне приязнь и с упованием, что она остается для меня неизменною.

Искренно Вас любящий и уважающий

Н. Лесков.

Дома я всегда от 6 до 9 час. вечера. В Праге вспоминали Вас часто.

30

В. Г. ЧЕРТКОВУ

15 октября 1884 г., Петербург.

Милостивый государь
Владимир Григорьевич!

Я получил письмо, адресованное Вами мне через редакцию газеты «Новости». Письмо это нимало меня не оскорбляет, но несколько удивляет. Если Вы читаете «Новости», то Вы, вероятно, встретили там мое возражение «Петербургским ведомостям», которые усмотрели в моей заметке о к⟨нязе⟩ Мещерском горячее заступничество за Пашкова. Того же мнения были и другие газеты и лица, мнения которых выражал г. Авсеенко. Но Вы и В. А. Пашков усмотрели совсем иное — именно, «обиду» и насмешки... Кто-нибудь из Вас не так понял, как следует, но я не нахожу Ваше отношение ко мне основательным. Надо писать так, как можно писать, и не поступать по пословице: «гнет — не парит, а сломит — не тужит». Я не вижу причины, чтобы люди христианских убеждений непременно являлись бестактными и всегда представляли себя так, чтобы их брали как простофиль. Я пишу, имея в виду то, что мне всего дороже, и жертвую кое-чем, что, по-моему, не важно, не существенно и никому не вредит. Иначе бы надо было только вздыхать да молчать.

Я не нахожу, чтобы это было умно и полезно.

Прошу Вас принять уверение в моем к Вам уважении.

Ваш покорнейший слуга

Н. Лесков.

31

П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ

16 октября 1884 г., Петербург.

Уважаемый Петр Карлович!

Письмо Ваше я получил и что-нибудь Вам пришлю для Вашего «Дневника», а Вы, пожалуйста, пришлите-ка мне «Дневник», которого я *никогда* не видал, да окажите-ка мне дружескую услугу, которую *лишь Вы один* и можете оказать.

В 44 № дружески ко мне расположенного, очень умненького и чистенького «Еженед⟨ельного⟩ обозрения» было напечатано следующее:

«Это во-первых. А во-вторых, что сделали наши рыцари чистой литературной воды, чтобы выделиться из среды деятелей навозной журналистики? Есть ли у них хоть слабое подобие общих интересов, поползновение сплотиться и идти дружно рука об руку, — или же все врозь ползут? Некогда пробовали учредить третейский *суд чести* и испугались насмешек тех, кому это неудобно было. В прошлом году затевали что-то вроде литературных обедов, и пока, кажется, ничего из этого не вышло. Сделали ли далее что-нибудь наши литераторы, чтобы возвысить в глазах публики свое значение, или просто-напросто хотят напомнить ей о существовании «литературного сословия»? Сколько раз затевали праздновать юбилей тех или иных писателей, и всегда дело ограничивалось словами или келейным торжеством. Не далее как в прошлом году много толковали об юбилее симпатичной писательницы, пишущей под псевдонимом В. Крестовского (не Всеволода Крестовского), на настоящий год, если не ошибаемся, также отложен юбилей Н. С. Лескова и еще кого-то другого. Что же сделано? А ведь, во всяком случае, это силы крупные в нашей небогатой талантами литературе. Теперь на очереди юбилей литературного фонда. Хотелось бы знать, будет ли он отпразднован торжественнее, чем — ну хоть, например, юбилей Обуховской больницы, знаменитой только тем, что в ней никто почти не выздоравливает?»

В ответ на это я 16 октября напечатал в 286 № «Новостей» следующее:

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

об обеде Н. С. Лескову

В 44 № «Еженедельного обозрения» упоминается о намерении почтить меня каким-то знаком внимания по поводу исполнившегося двадцатипятилетия моих занятий литературою. Там сказано, что намерение это «отложено» на 1884 год.

Дозвольте мне сказать, что это намерение *не отложено,* а *совсем оставлено* по усердной моей просьбе, для которой я имею уважительные в моих глазах причины.

Николай Лесков.

15 октября 1884 г.
С.-Петербург.

За этим таится перетолковывание, — будто я «ломаюсь», а мне самому не только неловко, но и совсем неудобно пространно объясняться.

Вы ближе многих знаете, какой тернистый путь проходил я по литературному полю и каких мерзостей только не подбрасывали мне под ноги мои собратия... И за что? Что злого и бесчестного написал я? Началось с «Некуда», собственно со 2-й части, где я картинами показал, что либерализмом драпируются мошенники и что с таким сбродом честно-либеральным людям «идти некуда». Но ведь то и сталось! В «Расточителе» я показал, как бессудно было время дореформенных судов, и между тем *все,* и во главе всех тогдашние «Петербургские ведомости» (Корша), руками Суворина и Буренина писали, что я «опошляю *новый суд*», — хотя заключительные слова драмы таковы: «И вот какими *нас новый суд застал»*. Меня не только подозревали в шпионстве, но печатно уверяли, что «Некуда» написано «по заказу (разумеется, III отделения), тогда как «Некуда» переносило *усиленную* цензуру: его читал цензор де Роберти, а за ним поверял Веселаго, а за ним М. Н. Турунов, и еще некоторые главы посылали в III отделение. «Некуда» измарано цензурою жестоко. Там выпускались целые главы. «Расточителя» боялись брать на сцену актеры, что их «заругают», а вот «Расточителю» 20 лет, и *он до сей поры не сходит с репертуара в провинции* и каждый год

приносит мне гонорар. Лучшие годы жизни и сил я слонялся по маленьким газеткам да по духовным журнальчикам, где мне платили по 30 р. за лист, а без того я умер бы с голоду со всем семейством. И одно духовенство действительно явило мне любовь. Нынче по осени в Казани вышла книга «Духовные типы в русской литературе», где эпиграфом взято место из «Соборян» (слова Туберозова в благодарность светской литературе). Туберозов поставлен *первым* в числе типов, и даже сказано, что все другие писатели были, конечно, «подражателями». Между тем в изданном томе писем Ф. Достоевского он говорит даже о какой-то моей «гениальности» и упоминает о *«странном* моем положении в русской литературе», а печатно и он лукавил и старался затенять меня. Что же я мог бы вспомнить на обеде, сделанном в мою «честь»? Что я мог бы по совести высказать, кроме обиды и досады за низкие и подлые клеветы? Не лучше ли было отклонить это? — что я и сделал... И опять — я знаю, что мысль почтить меня родилась тоже в кружках духовенства и людей «верующих», но о чем могли бы мы говорить? Поговорите об этом со своей совестью и по расположению ко мне.

Н. Лесков.

Недавно еще «Нов⟨ое⟩ время» в отсутствии Суворина обозвало меня «фарисеем». ⟨Вы зн⟩аете — какой я фарисей? Что я написал в фарисейском духе?

32

С. Н. ШУБИНСКОМУ

⟨Вторая половина октября 1884 г.,
Петербург⟩.

Я очень рад, что силуэт Боброва Вам понравился и Вы его напечатаете. Я бы советовал сделать с него «фотогравюру». Он стоит этого. Нет сомнения, что шарж тут есть, но легкий и не безобразный, а «во вкусе века». Притом все говорят, что портрет этот «имеет поразительное сходство». Притом, что за фигура! Другой такой выдумать невозможно.

Кое-что (очень немного) я Вам напишу к портрету. Это я сделаю, когда Вам будет нужно, и это будет очень немного, так что затруднений в гонорарном отношении быть не может. Вы заплатите, что найдете нужным по «сиротскому положению» своего журнала. — Если же справедливо то, что носится в публике и что мне сообщают, — будто Вы или Ал. С. Суворин «дали Феоктистову обязательство, что я не буду писать для «Исторического вестника», — то я Вам дам к портрету Боброва несколько строчек безымянных. — А если это правда, то я этим нимало не обижаюсь, но, откровенно сказать, очень хочу знать и непременно буду знать: кто это из Вас двоих был так малодушен, что дозволил делать себе внушения и еще отвечал на них?.. Вот век и вот характеры! Это, видно, не Катков с Ковалевским, и даже не... Нет; неужто это правда? Неужто Вы изъяснялись, извинялись и обещали «воздержаться»? Неужто можно допустить над собою такой срам и унижение! Как он должен уважать Вас, — он, которого даже Авсеенко презирает и презирать не боится...

Горишь со стыда, слыша такие вести... И особенно мне обидно за Вас... И зачем Вам было давать такие слова, когда Вы, верно, знаете, что я в жизнь мою никогда и ни одному редактору не предложил работы иначе, как по его просьбе. Зачем мне эта благодать, и чем полтинник «Исторического вестника» выгоднее рубля из другого кармана? — Простите, что все это говорю Вам, но я не люблю таить злобы на сердце, — а Вы, наверно, дали к этому какой-нибудь повод.

Н. Л.

33

С. Н. ШУБИНСКОМУ

28 октября 1884 г., Петербург.

Очень рад, что заметка Вам нравится. — Заглавие перемените. Пусть будет: «Один из трех праведников». Я думал, что надо непременно «к портрету». Так и соедините: вверху крупно поставьте «Один из трех праведников», а ниже, в скобках, «к портрету А. П. Боброва».

Это будет хорошо. — Догадка Ваша насчет литографии, быть может, верна, и потому вычеркните все, что касается моих догадок насчет портрета китайскою тушью. Это неважно, но проговариваться не надо, когда есть сомнение. — О Костомарове глубоко скорблю. Это был настоящий писатель и человек с литературною честностью, каких все становится менее и менее. «Память его будет с похвалами» и «во благих водворится». Он пожил и потрудился довольно, но без него станет пусто.

Преданный Вам
Н. Лесков.

34

И. С. АКСАКОВУ

10 ноября 1884 г., Петербург.

Досточтимый Иван Сергеевич!

Не знаю, в милости я у Вас ныне или в немилости? Со дня памяти митрополита Филарета Дроздова Вы лишили меня «Руси». Гнев оный ощущаю. Филарета же чтить не могу, но обаче всегда в добром к Вам почтении пребываю и просьбы или поручения Ваши помню.

В последний раз как Вы писали мне с присылкою гонорара за «Левшу», Вы просили меня, «если случится штучка *особенная,* обточенная и обделанная», то чтобы прислать ее Вам для «Руси».

С той поры ничего такого не было.

Здесь не надобно звона гуслярного, —
Подавай им товара *базарного.*

Осужденные биться из-за «буар, манже и сортир», — поспеваем лишь подавать то, что вприспешню требуется; но трафится штучка, которую облюбуешь и для своего удовольствия сделаешь по-иному. То случилось и ныне. Стал я заготовлять к р⟨ождеству⟩ Х⟨ристову⟩ фантастический рассказец и увлекся им и стал его отделывать, а потом, как отделал, стало мне его жаль метнуть туда, куда думалось. И ту помянуся мне слово Ваше последнее, и в нем Вы соблаговолите видеть вину сего моего

писания. Рассказец очень маленький (в пол-листа), фантастический, касается государя Александра Николаевича и «его камня». Истолкователем выведен старый гранильщик, чех с «сухих гор Мереница». Разумеется, все почтительно и (думается) вполне *оригинально*. Это поэтический каприз, «штучка», кунстштюк, где вымысел стоплен с действительностию и отливает и горным суеверием и ужасною действительностию. Прислать или не надо? Отпишите, государь, а я всегда Ваш слуга и послушник

Николай Лесков.

P. S. Насчет «возвращения правительства» Вы были превосходны. Рассказ, о котором пишу Вам, называется «Подземный вещун». — Место для него наилучшее было бы в рождественскую пору, ибо он *фантастичен,* хотя и не весел, более грустен. Он совсем готов и переписывается.

Терновский, умирая, написал карандашом:

«Одно неприятно в моей смерти, что Победоносцеву покажется, будто он убил меня». Теперь ищут «главу Климента», украденную в Киеве московскими иерархами. Говорят, будто она в Кремле и ее можно узнать с помощию «краниологии». — То ли еще не заботятся о вере христианской?!!

Кстати — это разыскание было намечено Дроздовым. — «Целая эпоха»-то, значит, с ним не «сошла в землю», а еще довольно ее и на земле осталось.

35

С. Н. ШУБИНСКОМУ

21 декабря 1884 г., Петербург.

Имел честь получить письмо Ваше, Сергей Николаевич! Замечание Ваше о заглавии — неверно. Заглавие метко и едко. Но, может быть, оно неудобно. Предлагаю Вам два на выбор:

1) «Площадной скандал» или

2) «Всенародный гросфатер».

Выбирайте одно из трех. — Далее я ничего предлагать не могу и *не желаю*. Я даю заглавие *по первому*

впечатлению. Все, что Вы пойдете выдумывать, — будет хуже.

При несогласии Вашем на одно из этих заглавий прошу Вас немедленно рукопись мне возвратить. Объяснений у нас на этот счет, конечно, не будет.

Деньги мне не необходимы, но мне нежелательно ходить в учреждение, где их выдают. А потому, если работы мои Вам угодны, — прошу Вас тотчас учесть их по таксе Вашей можливости и прислать мне деньги, как и другие мне присылают. — Деньги я имею обычай получать вперед, по учете рукописи, и иного правила держаться *не хочу.*

«Слова» вычеркивать можете, мысли целые — нет.

Ваш слуга
Н. Лесков.

36

А. Е. РАЗОРЕНОВУ

⟨1884 г.⟩

Только вчера, друг мой Алексей Ермилович, посвятил вечерок пересмотру Ваших стихов. Есть среди них вещи очень и очень недурные, но отделывать их вы или не умеете, или же совсем не хотите. Так писать нельзя. Помните, что основное правило всякого писателя — переделывать, перечеркивать, перемарывать, вставлять, сглаживать и снова переделывать. Иначе ничего не выйдет. Стихи так же, как и всякое беллетристическое произведение, — не газетная статья, которую можно набирать с карандашной заметки. Не знаю, знаком ли вам следующий случай из жизни нашего историка Карамзина. Когда появились его повести, один из тогдашних поэтов, Глинка, спросил автора: «Откуда у вас такой дивный слог?» — «Все из камина, батюшка!» — отвечал Карамзин. Тот в недоумении. «Не смеется ли?» — думает. «А я, видите ли, — отвечает, — напишу, переправлю, перепишу, а старое — в камин. Потом подожду денька три, опять за переделки принимаюсь, снова перепишу, а старое — опять в камин! Наконец уж и переделывать нечего: все превосходно. Тогда — в набор». Советую и вам поступать

так же с вашими стихами. Мысли в них попадаются хорошие, да форма далеко не всегда литературная. Нынче к стихам строго относятся. Уж больно приелись все эти фигляры, которые пред публикой наизнанку вывертываются за гривенники и двугривенные. Надо иметь особенно сильное дарование, чтобы стать впереди других, заставить о себе говорить. Такие даровитые люди, как известно, не плодятся, как летние грибы, а появляются веками. Конечно, в литературе нашей нет трезвенных слов. Вместо руководящей критики то и дело приходится наталкиваться на полемические статьи бравурно-развязного тона, с потугами и недомолвками, берущими через край. Одно время у нас совсем не было критики, даже газетные рецензии встречались редко. Оно и лучше было. Разве может быть теперь такая здравая критика, которая руководила бы не одних начинающих писателей, а освещала бы путь, давала бы добрые советы и тем, кто достаточно окреп на литературной дороге? В наше время разгильдяйства и шатаний отошли в вечность такие имена, как Белинский, Добролюбов, Писарев. Теперь люди, которым нет места на поприще изящной словесности, взялись за картонные мечи и давай размахивать ими направо и налево: берегись — расшибу! Это люди, озлобленные собственной неудачей. Вот почему я не советую вам слушаться и прислушиваться к мнению таких горе-критиков. Работайте по-прежнему, не обращая ни на кого внимания. Я не поэт, и давать вам совета не стану. Но если есть божья искра, она не потухнет. Вот мое последнее слово.

Истинный ваш доброжелатель

Ник. Лесков.

37

А. С. СУВОРИНУ (?)

⟨1884 г.⟩

Я отдал Литературе всю жизнь и предал ей все, что мог получить приятного в этой жизни, а потому я не в силах трактовать о ней с точки зрения поставщичьей. По мне пусть наши журналы хоть вовсе не выходят,

но пусть не печатают того, что портит ясность понятий. Я не то что не понимаю современного положения печати, а я его знаю, понимаю, но не хочу им стеснять себя в том, что для меня всего дороже: я не должен «соблазнить» ни одного из меньших меня и должен не прятать под стол, а нести на виду до могилы тот светоч разумения, который дан мне тем, перед очами которого я себя чувствую и непреложно верю, что я от него пришел и к нему опять уйду. Не дивитесь этому, что я так говорю, и не смейтесь: я верую так, как говорю, и этой верою жив я и крепок во всех утеснениях. Из этого я не уступлю никому и ничего, — и лгать не стану и дурное назову дурным кому угодно. Некоторые лица все это приписывают во мне «непониманию». Они ошибаются: я все достаточно понимаю, а не хочу со всеми мириться, и как я сторонюсь от соприказными и злодеями, то мне не надо ни изучать их ближайшие привычки, ни мириться с ними. Я уже старик, — мне жить остается немного, и я желаю дожить дни мои, делая, что могу, и не мирясь с «соблазнителями смысла». У меня есть свои святые люди, которые пробудили во мне сознание человеческого родства со всем миром. До чтения их я был «барчук», а потом «око мое просветлело» и я их считаю очень дорогими людьми, и вот их-то именно теперь и принято похабить и предавать шельмованию рукою ничтожных лиц, ведомых всем по их злобе, лжи, клеветничеству и сплетничеству...

38

А. С. СУВОРИНУ

〈Конец 1884 г.〉

Уважаемый Алексей Сергеевич!

Против «составителя брошур», то есть Льва Толстого, выпущена книга — очень глупая. Я об ней написал статейку, кажется не совсем глупую. Я люблю и почитаю этого писателя и слежу за его делом страстно. Мне дорого тоже, что мои писания о нем его не огорчают. Но мне все приходится пробираться и побираться, где бы можно сказать о Толстом не банальное, шаблонное слово. Трудно это очень, и я не понимаю почему? — Статейку свою я отдал переписать четким почерком, собственно

для Вас, чтобы Вы прочли ее, не посылая в набор, и потом бы не сердились и не уклонялись под такими причинами, которые не достойны ни Толстого, ни Вас, ни даже меня и наших с Вами отношений. Я люблю Ваши литературные мнения и охотно их слушаю, когда они искренни, а когда они не искренни — я их понимаю и сожалею. — Статейка вполне цензурна и занимательна, но, конечно, не по вкусу тем, кто эту глупость задумал. — Черкните мне: станете ли Вы читать мою маленькую тетрадку (3 почтовые листка), — и тогда я Вам пришлю. Когда прочитаете и увидите, что это Вам не годится, — возвратите и не сердитесь, потому что сердиться дурно, и не за что, и вредно, и скучно, и т. д. А объяснить — почему возвратите — не надо.

Всегда Вам преданный

Н. Лесков.

1885

39
С. Н. ШУБИНСКОМУ

10 сентября 1885 г., Петербург.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Я всегда «содержу Вас в памяти» и всегда рад доставить «Ист⟨орическому⟩ вестнику» что-либо живое и интересное. Мне очень приятно было встретить несколько убедительных для меня доказательств, что в публике, читающей Ваш журнал, есть люди, очень дружественно встречающие мое имя и даже ожидающие моих работ. Поработали мы вместе уже немало и, как видится, не без успеха. Мне было даже странно слышать порою внимание именно к моим работам в «Ист⟨орическом⟩ вестнике», и притом всегда с сочувствием к тому, что принято называть «интересом» и «направлением». Нас одобряют люди зрелого возраста и с удовольствием читают юноши. Это отрадно. Дай бог, чтобы, перетрясая недалекую старину, мы положили свою лепту на то, чтобы сохранить и пронести до лучших времен добрые предания литературы, окончательно, кажется, позабывшей свое благородное призвание и обратившейся в прислужничество, за которое надо краснеть.

С посланными Вам статьями поступите как хотите. Обе они небезынтересны — особенно «Бракоразводное забвенье».

Имею к Вам и просьбу: великое душевное расстройство, которое я перенес из-за неудачного сына, лишало меня возможности подумать о работе в течение целого лета и осени. Только теперь, отправив его в Киев, в юнкерское училище, я взялся за работу и желаю не покла-

дывать рук. Плата за его подготовление, отправка, снаряжение и проч. стоили еще около 700 рублей. Это потрясло мой бюджет, и я чувствую некоторое денежное стеснение. Не можете ли Вы (если можете) исходатайствовать мне у Алексея Сергеевича аванс под работу, Вам сданную, в размере рублей двести? Это, быть может, не превысит того, что я Вам сдал, но если бы и превысило, то не беда, — я (как вы знаете) в денежных делах аккуратен и в долгу не остаюсь. А между тем теперь я нуждаюсь. Если можно — сделайте мне эту нимало не опасную для кредита издания услугу.

Об издании рассказов Алексей Сергеевич говорил со мною, но мне показалось, будто неохотно, а потом тут сряду вышла история у его сыновей с Вольфом, и мне казалось несвоевременно и некстати докучать с делом мелким и малоценным. А тут подвернулся покупщик, и я все рассказы продал.

Преданный Вам

Н. Лесков.

40

А. С. СУВОРИНУ

⟨Ноябрь 1885 г., Петербург.⟩

Достоуважаемый Алексей Сергеевич!

У меня был Острогорский и сказывал об участии, которое Вы приняли в горестном положении женщины, жившей с Пальмом.

Я всегда был уверен в добрых движениях Вашего сердца, но боюсь за Ваши недосуги, за которыми нетрудно многое упустить и позабыть, а потому позволяю себе сказать Вам, что́ именно было бы теперь всего нужнее для этой женщины и особенно для ребенка, которому всего два года.

Они буквально без приюта. Ждать помощи им неоткуда. Острогорский собирает лит⟨ературное⟩ чтение. Что оно принесет, — это неизвестно. В лучшем случае — рублей 200—300. — Потом попробуем выпустить сборник, по возможности из хороших старых отрывков, а не из нового дарового хлама. Опыт «Складня» показал, что это

лучше. Можно ли надеяться, что Вы окажете кредит для издания сборника, с тем, разумеется, чтобы издание поступило в Ваш магазин и было оплачено на общих основаниях?

Без уверенности в таком кредите нам трудно соображать далее.

Кроме того, — не позволите ли Вы просить Вашего содействия, чтобы в число лиц, обыкновенно принимаемых временно, на время новогодней подписки, взяли именно эту, Ольгу Александровну Елшину?.. Сколько бы ей ни положили за ее занятия, — она все-таки найдет в этом и денежное подспорье и нравственный кураж. А последнее тоже очень много значит. — «Ждать» — это ужасное томление!..

И еще один вопрос: не сочтете ли возможным дозволить кому-нибудь из нас, при посредстве Вашей газеты, снять с своей головы шляпу и просить у добрых людей помощи для дитяти? Я не вижу, чего скрываться и через то дать остынуть участию и оставить ребенка почти на верную гибель. Матери двадцать три года... «Утешится она, и друга лучший друг забудет», но дитя надо приютить... Если позволите писать мне, — я испрошу дозволения у матери этой крошки и стану кланяться миру.

Позвольте мне знать Ваше мнение.

Всегда преданный Вам

Н. Лесков.

41

С. Н. ШУБИНСКОМУ

26 декабря 1885 г., Петербург.

Я в большом затруднении, как Вам ответить, уважаемый Сергей Николаевич! Цензурные стеснения в разработке тех исторических вопросов, которые мне наиболее по сердцу и наиболее по плечу моему, — совсем меня подавили. Я переглядел весь мой сырой материал и ужаснулся... Весь подбор, все соприкасается тем или иным боком к истории церковного управления. Я люблю, чтобы мои счеты были чисты и аккуратны и обеспечили все, что забирал у Вас, готовыми работами, отделанными стара-

тельно и совестливо, и вот — ничто готовое и сданное в печать не проходит!.. Какая досада! — Я постараюсь найти что-либо светское, но это не будет то, чем я люблю служить «Ист⟨орическому⟩ вестнику». Постараюсь, но... обещать не смею к сроку.

Суворин меня очень обрадовал: рассказ его в рождественском номере исполнен силы и прелести и притом — смел чертовски. Это написано так живо и сочно, что брызжет на читателя не только горячею кровью, но даже и спермой... По смелой реальности и верности жизни я не знаю равного этому маленькому, но превосходнейшему рассказу. Я думаю, что если бы он не сам написал этот мастерской рассказ, то он бы отказался его напечатать. Я более всего рад, что талант его жив и цел и ни годы хандры, ни иные причины его не упразднили. Рассказ дышит силою и зрелостью ума, глядящего зорко и опытно. Словом, это прекрасно, несмотря на несоответствующее заглавие и на несколько скомканное окончание. Какая бы из этого могла выйти драма!.. И, однако, ее на сцену бы не допустили. В общей экономии картины холуй остался не выписан, а тут два-три штриха могли потрясти читателя глубже, чем все остальное, написанное страстно и с удивительною жизненностью. «Орлу обновишася крила его». В этом рассказе материала художественного на целую повесть, в которой анализа можно было обнаружить столько, сколько его не обнаруживал нигде Достоевский. И притом — какого анализа? — не «раскопки душевных нужников» (как говорил Писемский), а погружение в страсть и в казнь за нее страстью же (страстью лакея). Это не «пустяки», а «преступление и наказание» по преимуществу. Суворин сжег в этот рождественский вечер в своем камине не «рождественский чурбак», а целый дуб, под ветвями которого разыгралось бы много дум. За это на него можно сердиться. Так глубоко не всегда заколупишь. Жаль, если этот рассказ останется мало замеченным, — а это возможно, как возможно и то, что его справедливые *направленские* рецензенты назовут «клубничным» и т. п.

Ваш *Н. Лесков.*

P. S. Она могла в трех строках рассказать, как она в первый раз отдалась лакею... Ее томил страх после смерти любовника... она не спала, ей что-то чудилось... лакей вышел из ниши, где тот погиб, и тут его смелость и нахальство и ее отчаяние. Думала отделаться одним мгновеньем, а он ввел это в хроническое дело... У нее явилось что-нибудь вроде не бывшей ранее страсти к духам... она все обтирала руки (как леди Макбет), чтобы от нее не пахло его противным прикосновением. Эта новая ее привычка до развязки рассказа увеличивала бы силу чего-то в ней совершающегося. — Очень глубокий и сильный рассказ!

В Орловской губернии было нечто в этом роде. Дама попалась в руки своего кучера и дошла до сумасшествия, все обтираясь духами, чтобы от нее «конским пóтом не пахло». — Лакей у Суворина недостаточно чувствуется читателем, — его тирания над жертвою почти не представляется, и потому к этой женщине нет того сострадания, которое автор непременно должен был постараться вызвать, как по требованиям художественной полноты положения, так и потому, чтобы сердцу читателя было на чем с нею помириться и пожалеть ее, как существо, оттерпевшее свою муку. По крайней мере я так чувствую, а может быть, и он тоже.

Н. Л.

Иначе все как-то легко сошло... Очень уж легко.

42

А. С. СУВОРИНУ

28 декабря 1885 г., Петербург.

Уважаемый Алексей Сергеевич!

Соловьеву нельзя не ответить. Ведь это вопрос очень живой, и над тем, что говорит о нем Соловьев, будут смеяться, как над глупостью. — «Четвертое колесо» не имеет обидного смысла, а выпустить его — значит не противопоставить самого сильного сравнения, контрирующего с «альфой и омегой». — Снять «четвертое

колесо» — все равно что сварить уху без рыбы. Тогда и болтай вздор по-соловьевски. Я люблю и иногда умею ставить эти вещи кратко и в упор. Если же это, по Вашему мнению, боязно, то делать нечего: оставим Соловьева проповедовать его благоглупости. — Огорчаться этим я не подумаю.

Рассказ Ваш действительно превосходен. Вы до него ничего столь хорошо не написали. Вы посмотрите-ка за собою: не это ли и есть Ваш жанр, до которого Вы вон когда только докопались!.. Это очень глубоко, умно и сильно сделано. Лакей не должен был заявить свои претензии в ту же ночь, как убрал тело... Я так не думал. Это было бы грубо и противохудожественно. Нет, — он ее томил взглядами, она страдала от мысли, что он «чего-то» еще хочет. Ум ей налгал, что — «нет, — этого не может быть». Она сочла за унижение его остерегаться, — а он тут-то ее и оседлал. Вы бы написали это прелестно. — Стремление «отогнать противный запах» есть характерная черта женщин, спавших с мужчинами, возобладавшими ими насилием того или иного рода. — Убрать тело лакея было необходимо. Это Вам правду сказали. От этого конец и вышел скомкан.

Что же Вы не поставите заметочку о друге моем, великом часовщике Эриксоне? Ведь он действительно такая знаменитость, какою каждая обсерватория в Европе желала бы обладать. Его мастерская — это восторг, и его приспособление к выверке хронометров в произвольной температуре введено теперь им впервые в России.

Статейку о Соловьеве прикажите разобрать.

Рассказ свой наклейте на листок и допишите ему две сцены: первое — проклятое соитие с лакеем (в последнем рассказе дамы) и уборку тела лакея. Если не сделаете этого теперь, то после так хорошо не выйдет.

Ваш *Н. Лесков.*

1886

43

А. С. СУВОРИНУ

16 января 1886 г., Петербург.

Уважаемый Алексей Сергеевич!

Прилагаю Вам статью о календаре графа Льва Толстого, который печатается здесь на моих глазах. Статья написана по корректуре. Книга должна выйти через два дня. Цензурою она пропущена (к удивлению моему). Для газеты, конечно, хорошо, чтобы статья упредила выход книги за день. Для этого и поспешаю. — Статья, конечно, вполне цензурна. Не прикажете ли ее немедленно набрать и прислать мне корректуру, так как все писано мною страшно наспех. Я сделаю поправки по корректуре и сообщу Вам накануне о дне выхода книги; но набор должен быть готов, чтобы его можно было тотчас поставить по приказанию Вашему.

Преданный Вам

Н. Лесков.

44

А. С. СУВОРИНУ

28 февраля 1886 г., Петербург.

Уважаемый Алексей Сергеевич!

Усердно благодарю Вас, что в сегодняшний знаменательный для Вас день Вы вспомнили обо мне и почтили меня приглашением, от Вас и от имени Вашей

супруги. Я очень ценю этот знак Вашего внимания и внимания Анны Ивановны.

Лично прибыть на радушный зов Ваш не могу, по нездоровью и некоторым иным обстоятельствам, угнетающим душу; но всеусердно прошу Вас верить моей радости за успех, которым венчались труды Ваши в истекшее десятилетие. Припоминаю прошедшее, гляжу на настоящее и сердечно желаю еще лучшего будущего. А если бы кто-нибудь по душе спросил меня: чего же я могу пожелать Вам в настоящем, втором десятилетии?— то я сказал бы, что желаю Вам того, что многие почитают для Вас гибельным, — я желал бы Вам поработать еще при лучших условиях для свободы совести и слова... Вы бы доказали тогда, что успех может принадлежать Вам не в силу сторонних обстоятельств, а по праву таланта и знания своего дела. И тот успех, без сомнения, оживит Вас и даст Вам такие радости, которые милы и дороги при всяком благополучии.

Этих-то радостей я Вам и желаю, как самый старый Ваш литературный сотоварищ, никогда во всю жизнь не нарушавший своей к Вам приязни.

Николай Лесков.

45

А. С. СУВОРИНУ

3 марта 1886 г., Петербург.

Простите меня, старый коллега, что я два дня не ответил на Ваше дорогое и милое письмо! Я Вам не лгал: я болен, и еще больше — расстроен. Я был бы «не к пиру гость», но я был все время с Вами, и притом очень близко и очень приятно. — До 12 час. я говорил и спорил о Вас и внушал добрые к Вам чувства, находя в собственной душе моей для Вас мир и благословение. «Несть бо человек, иже поживет и не согрешит». — До 5 часов утра я читал полученные из Москвы новые тетрадки Льва Толстого и... все время с Вами... Я чувствовал: «как он до святости искренен!» И слышал, как это Вас радовало и восторгало. — В 5 час. я сам открыл бутылку

красного вина и выпил ее всю за Ваше здоровье, — причем подошел к окну, поглядел в Вашу сторону и сказал: «Будь, друг, счастлив!» На другой день нашел у подушки Ваше прекрасное письмо и... рассмеялся. Выходит, что мы оба всю эту ночь были вместе, и притом в самом хорошем друг к другу настроении... Много ли таких воспоминаний в жизни!.. Я свернул Ваше письмо и положил его в своей божничке строгановскому Спасу за спину. Он у меня бережет то, что мне нравственно дорого.

Спасибо Вам за это письмо.

Что мы не умеем сойтись плотнее, — это, конечно, досадно, но хорошо и то, что добрые чувства все-таки живут в нас.

Я зайду скоро, а пока напечатайте-ка прилагаемую заметочку о пасквильных акростихах. Поэт тут упоминаемый есть Д. Минаев. Событие, разумеется, верно, как то, что я чту имя божие.

Ваш *Н. Лесков.*

P. S. А замечаете ли Вы, что Лев Толстой и в нынешнем своем настроении *оживляет* литературу. Он шевелит совесть, будит мысль, переустанавливает точки зрения на лица и репутации... Сколько бы дела и интереса для независимой критики, чтобы все это разобрать и оценить! Отчего же этим не занимаются? Ведь это живо, любопытно и полезно!

46

А. С. СУВОРИНУ

〈Март 1886 г., Петербург.〉

Я не в претензии, Алексей Сергеевич, но на «тетрадки» указывать можно, и на них люди указывают (например, Скабичевский). Другое дело — «неудобно». Тут все сказано.

О Розенберге — пустяки. Это дело забавное и интересное для редакторов, которые сами часто подпадают диффамациям.

Вообще же пусть ничто из этого Вас нимало не стесняет.

«Китрадки», по миновании в них надобности, мне возвратите.

Если бы со стороны железнодорожников было возражение, — я Вам пришлю указание на конкретный случай в этом роде.

Преданный Вам
Н. Лесков.

P. S. Щебальский Аксакова терпеть не мог... «С.-П⟨етербургские⟩ в⟨едомости⟩» соврали. — Щеб. лицо искреннее, а не направленское, как Аксаков. Его характеристика, может быть, не велика, но оригинальна: Петр Карлович — это тот, который «Каткову не уважал» и, будучи крайне беден, умел держать перед собою в решпекте даже Леонтьева. А сухой Любимов и надменный Феоктистов дорожили честью знакомства этого голого бедняка. — Как «литературный характер» это был самый благородный и вполне независимый человек и патриот с превосходным тактом. Славянофилы его всегда не любили и отягчали его судьбу в Москве, а Щ. считал их «людьми своего вкуса», для которых нужны «декорации». Очень жаль, что такое характерное лицо остается помянутым совсем по-казенному. — В литературе, кажется, нет уже и тени литературного вкуса и преданий.

Н. Л.

47

С. Н. ШУБИНСКОМУ

⟨Апрель 1886 г., Петербург.⟩

В статье Штромберга было не 600 строк, а 196 строк. В таком наборе она стояла два месяца за неимением места. — 27-го марта мне прислали корректуру с просьбою «сократить». Я еще сократил на 80 строк. Всего осталось в статье 116 строк. — Я поспешил тотчас известить автора, что мною корректура уже прочитана и статья завтра выйдет... С тех пор прошло пять дней, и 116 строкам нет места... Понимаете ли Вы мое положение? Да будет проклята эта минута, когда Вы сочли

нужным отдать эту статьишку в «Новое время» и там вызвались ее напечатать! На что мне это было нужно, чтобы выйти свиньею из свиней перед людьми добрыми и оказывавшими мне дружбу. В «Новостях», в «Пет⟨ербургской⟩ газете», в «Русских ведомостях», в «Газете Гатцука» — везде бы это мне напечатали, и я бы услужил людям, а теперь я с ними навсегда расстался... Для чего Вы мне это сделали? Чем я заслужил такую предательскую гадость? И наконец — будет ли же этому конец? Имейте же хоть каплю сострадания. Вы ведь не в лесу выросли.

Н. Л.

48

С. Н. ШУБИНСКОМУ

3 апреля 1886 г., Петербург.

Высокочтимый генерал!

Мне до глубины души больно, если я в самом деле огорчил или «обидел» Вас моею запискою. Вы знаете и не можете не знать, что я Вас горячо и искренно люблю и уважаю, а потому огорчить Вас умышленно я не могу. Но, может быть, в словах моих было что-нибудь неуместное. Простите мне это, дорогой и милый друг мой Сергей Николаевич! Как я узнал об этом, так сейчас же поехал к Вам лично просить не извинения, а прощения. Так я всегда делаю, чтобы наказать себя за несдержанность и дать тому, перед кем виноват, — самое полное удовлетворение, какое человек человеку дать может.

Самое дело не стоит слов, на него потраченных. Рекламой можно назвать все — даже статьи о Богдановиче и о Григоровиче. Но и это наплевать. А не надо было держать статью и давать обещание, не читая ее... Была бы она где-нибудь мною приткнута, и мне было бы спокойно, — а мне только и нужно. Посмотрите-ко, что я получал ежедневно... Это было очень неприятно. — Теперь я положил сообщенную Вами переписку в конверт и отослал ее, и мне спокойно: человек увидит, что я свое дело сделал и даже обруган за это. Знаменитым людям «какой-то Ш⟨тромберг⟩» — все равно, а для меня это

сосед, приятель, оказывавший мне услуги, и я не могу так презрительно относиться к людям вообще.

В отношении Вас виновата форма «памятных листков». Они очень удобны, но всегда отдают какою-то резкостью. Так пенсне делает дерзким лицо. Оскорбить же Вас я не желал и еще в третий раз говорю Вам: простите меня, Христа ради!

Преданный Вам

Н. Лесков.

49

А. С. СУВОРИНУ

8 апреля 1886 г., Петербург.

Достоуважаемый Алексей Сергеевич!

Праздную радостное для меня событие! Сегодня получил из Вашего магазина расчет, из коего явствует, что все мои издания, у Вас сделанные, окупились, и мне еще следует получение в 104 руб. — vivat! Да еще из Москвы нет счета, а там тоже что-нибудь продано... Но главное то, что я Вас ни подо что не подвел и Вы на мне ни копейки не потеряли. Это все мое самолюбие. Да еще не забудьте, что я забирал ежегодно рублей на 80—100 книг, и это тоже все погашено изданиями... Зачем же Вас тревожили и пугали и отбили от издания «Обойденных», которое идет у Тузова благополучно?..

«Очарованный странник», попавший умнице Комарову, лежал восемь лет в погребу и потом продан С. Истомину, у которого я его забирал по 60 коп. назад. Ступин Истомин был рыночник и, может быть, поступил со мною нечестно, — он мне будто отдал все, что у него было; а быть может, он, как больной человек, и сам не знал, что у него есть в складе. Но, как бы то ни было, после его смерти его наследник нашел еще связки «Странника». Я вчера его обязал предъявить мне все, что у него есть, и он объявил мне, что у него, может быть, есть «экземпляров 100—120». Он их продает только с уступкою 20%. Я у него возьму все с уступкою 40%, то есть по 60 коп. за экземпляр, и предлагаю эту книгу (100 или 120 экз.) Алексею Алексеевичу по той же цене, за которую сам надеюсь выкупить весь остаток. —

Затем предлагаю «Левшу» по полтине за рубль, то есть по 20 коп. за экз. вместо 40 коп. — «Смех и горе» по 75 коп. вместо 1 руб. 50 коп., «Шерамура» по 75 коп. вместо 1 руб. 50 коп. и «Некуда» по 1 руб. 50 коп. вместо 3 рублей. — «Странник», «Левша», «Шерамур» и «Смех и горе» — это книжки самые железнодорожные. Вы их знаете и можете судить, правду ли я говорю. Покупка эта для Вас небезвыгодна, а мне более нет нужды иметь книги на комиссии, и надо с ними развязаться. Если не возьмете их Вы, — я должен буду продать их кому-нибудь другому. Ваш же опыт показал, что книги эти в торговом смысле безопасны, — особенно с такою большою скидкою, какую я предлагаю. Если же на какую-либо из них и эта цена кажется высокою, — скажите без церемонии, и постараемся сойтись. Я только не вижу причины — почему мне не сделаться с Вами, а идти к кому-либо другому? Может быть, и Вы с этим согласитесь.

Затем «Очарованного странника» сейчас же (к зиме) надо издать в одном томе с «Левшою», под одним общим заглавием: «Молодцы». Они пойдут и не могут не идти теперь. Вместе они составят 12—13 листов и могут идти по 1 рублю, не мешая остатку «Левши» (по 40 коп.) и «Страннику» (по 60). Притом 120 экз. «Странника», конечно, до тех пор и распродадутся. «Странник» убит или, лучше сказать, заморен глупым издателем, томившим его восемь лет в погребе. Так и книгу «О женщинах» можно было заморить. Но ему надо дать выход, и он пойдет. Не иное что, а его надо было переводить г-же Коскуль на французский язык. Он занимателен, оригинален, и от него «Русью пахнет». Мне жаль видеть, что из него сделал Комаров.

Пожалуйста, не оставьте моего письма без внимания и без ответа. Я очень болен, и мне надо ехать полечиться и надо свои дела справить. Вишневский же в воскресенье верно изобразил меня у Вас в вымышленной им беседе с Лейкиным. Там неправда только то, что будто у меня «есть зависти причина», — я никому и ничему не завидую. Только так еще и можно сносить кое-что.

Преданный Вам

Н. Лесков.

50

С. Н. ШУБИНСКОМУ

22 мая 1886 г., Петербург.

Извините меня, достоуважаемый Сергей Николаевич, что я не могу послать Вам теперь рукопись «Повесть о боголюбезном скоморохе». Повесть еще немножечко не закончена, и притом она в самом примитивном виде, то есть вся измаранная. Ее надо переписать, выправить и еще раз переписать. Это у меня так делается. Иначе — вещь не в своем виде. — Далее можно говорить только о Вас, который иногда бывает любопытнее всякой повести о скоморохе. Я Вам писал, что повесть вполне цензурна, а Вы мне отвечаете: «Я не верю». Почему это? Разве не я сам всегда удерживал Вас, когда Вы хотели посылать рукописи мало-мальски сомнительные? — Вы не можете сказать, что это было не так! Потом, — разве, Вы думаете, я мало горд для того, чтобы не давать поводов говорить обо мне с Феоктистовым?.. Или я так глухо писал Вам, что в повести о скоморохе нет ничего религиозного, — до того, что даже не упоминается ни про евангелие, ни про церковь, ни про попа, ни про дьякона, ни про звонаря. Словом — нет ничего относящегося к церкви, а только сюжет заимствован. Живет скоморох, хочет исправиться, но не может, потому что все увлекается состраданием к несчастным, а в конце ему говорят, что ему уже и исправляться не в чем. Даже бздёху ладонного, и того нет, а есть просто очень любопытная повесть, написанная с изучением и старанием. — Я очень рад, что она Вас испугала и что Вы мне не верите. Это Вас займет и сделает Вам приятное досаждение от самого себя.

Очень сожалею о Ваших семейных неблагополучиях. Мое здоровье тоже очень худо — так худо, что не знаю, как и ехать.

Желаю Вам благополучного лета.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

51

С. Н. ШУБИНСКОМУ

14 июня 1886 г., Петербург.

Достоуважаемый Сергей Николаевич!

Четыре дня, как я уже хожу и даже помаленьку выхожу из дому. Работы для Вас сделал две: «Повесть о скоморохе» и статью «О женских способностях и о противлении злу». Первая написана вся, но вчерне, — только «вдоль», а еще не «впоперек». В ней от 3½ до 2-х листов. Ее надо отшлифовывать и переписывать, что я и сделаю в Аренсбурге, куда пора уехать. Статья состоит из большого, в 2 печатные листа письма Пирогова к Эдифе Фед⟨оровне⟩ Раден о значении дел вел. кн. Елены Павловны, с моим предисловием и послесловием. Объем ее от трех до трех с половиной листов. Это статья в высшей степени интересная в историческом и философском смысле, имеющая живое отношение к вопросам о женщинах и о противлении злу, которые коверкает юродственно Толстой. Воззрения Пирогова, конечно, противоположны воззрениям Толстого и уничтожают сии последние и умом и серьезностью авторитета Пирогова. Статья два раза переписана и доведена до отделки, выше которой я дать уже не могу. Она совсем готова к печати, и по существу трактуемого в ней предмета ее надо не задерживать. Она имеет большой интерес исторический и еще больший современный. На случай указано в рукописи место, где удобно разделить статью надвое. Это на 17-м листе. Если же не захотите делить, — тем лучше. Как мне досталось это письмо Пирогова, писанное к Раден, — объяснено в самом начале статьи. Вы, может быть, не знаете, что я по рекомендации Грота и Победоносцева (!) был приглашен в Михайловский дворец, чтобы принять на себя составление «Истории деятельности вел. кн. Елены Павл.», и имел в своих руках многие ее бумаги, а от «истории» отказался. Письмо Пирогова (на немецком языке) Раден дала мне с тем, что оно мне, «может быть, пригодится». Я сделал себе с него перевод

и берег его до лучшего случая. Случай этот теперь настал. Семевский слыхал об этом письме и искал его, но не нашел, потому что оно у меня. Статья совершенно цензурна, и я ею очень дорожу. Это вдохновительно, серьезно и умно, и теперь кстати. — И так мною для Вас изготовлено 7—8 листов работы, из коих 3—3½ в совершенно отделанном виде сегодня же сдаются Короленко. (Что это так, то есть, что статья сегодня будет сдана, — я надеюсь, Вы мне поверите.) Теперь о деньгах, которые нужны, чтобы ехать. Усердно прошу Вас доверить мне, что работа сдана Короленке, и выслать мне, если можно завтра, записку на получение 350 рублей, которые мне необходимы. В невольном долгу, образовавшемся на мне от запрещений, теперь останется около 200 рублей, которые и отчислятся из повести, для Вас написанной. К концу июля Вы ее получите, и тогда долг будет не за мною, а за редакциею. Гатцуку, «России» и «Варшавскому дневнику» я отказал в этой повести и никому, кроме «Исторического вестника», ее не отдам. Вы, кажется, имеете ко мне доверие и можете ее считать, как бы она была у Вас в портфеле. Не отнимайте только у меня удовольствия ее на свободе выправить и отделать.

Прошу Вас сердечно — отвечайте мне скоро и удовлетворительно, чтобы я опять не разболелся и не закис тут безнадежно.

Облегчение я получил от лекарства, которое мне прислал аптекарь, без доктора. Три месяца я прострадал!.. Как я измучился, как изнемог, — Вы того и представить не можете. Рвусь в теплые грязи и на чистый воздух.

Поклон мой Екатерине Николаевне.

Пожалуйста, отвечайте тотчас.

Ваш *Н. Лесков.*

Мои «Соборяне» переведены и вышли в «Универсальной библиотеке». Это был мне совершенный сюрприз. — Теперь должны скоро выйти по-французски «На краю света» и рассказы из «Исторического вестника». — Конечно, я пальцем не шевелил, чтобы это было сделано.

52
С. Н. ШУБИНСКОМУ

17 июня 1886 г., Петербург.

Благодарю Вас, любезный друг Сергей Николаевич, за исполнение моей просьбы и за милое письмо. Помимо того, что провидению угодно было дозволить нам обоим любить честность и благородство поступков, мы с Вами достаточно съели соли и горечи вместе, чтобы знать друг друга и один другому верить. Это отрадно и это в то же время есть своего рода право и обязательство. Статья, которую я Вам сдал (о Пирогове) есть, по моему мнению, не только любопытная и современная, но и драгоценная для «исторического» журнала. Это перл пироговской задушевности. И кого, как не его одного, можно поставить в упор против учительных бредней Л. Н. Толстого. — Знаю, что Вы неохотно даете такие статьи в летнее время, и понимаю, почему это делается: но думаю, что на этот случай надо бы немножко отступить от правила. Теперь идут всё прожекты уничтожения женских курсов, и в женских сферах стоит страшное возбуждение. Таким настроением, мне кажется, издание должно воспользоваться — особенно когда оно может дать не фразы, а веское слово авторитетного лица, подкрепленное ссылками на факты из такой замечательной эпохи, как Крымская война. Притом тут взгляды Елены Павловны, которая имела массу почитателей — ныне ренегатов. Женщины чутки, и они отлично разносят вести о всем их касающемся. — Впрочем, я ни на чем не настаиваю, а я только советую. «Усматривайте полезное», — как говорит митрополит Платон.

Купил 57 записей о скандалах 30—40-х годов и заплатил 60 рублей. — Очень любопытно. Стану писать. Назову: «Шепотники и фантазеры. Апокрифы, вымыслы и шутки безмолвной поры».

(Эпиграф): «Беста им рвения велико на всяку прю, на зависти, и клеветы, и рети, и шептания, и плища, и суесловия, и инии дьячество имяху за шепты» (Акты ист., I и II, 381, 367).

Сделаем это вроде «Мелочей архиерейской жизни» и потянем отрывками на полгода, то есть книг на шесть, листа по $1^1/_2$. — Материал не строго достоверный, но

любопытный по характеристике времени. Вообще я очень набрался историческим материалом и за все заплатил наличными. Купил тоже заметки «о помилованиях». Это очень важно к мотивам суда присяжных и само по себе прелюбопытно. Зато не найду рукописи «об архиерейских хиротониях». — Ал⟨ексей⟩ Петр⟨ович⟩ Коломнин взял у меня на короткое время литографированные статьи Льва Толстого, да и позабыл их у себя. Боюсь, не пропали бы! Пожалуйста, при свидании спросите его о них, и если они ему не нужны, то возьмите и приберегите их у себя до моего возвращения. Из Аренсбурга, вероятно, Вам напишу. Еду на корабле «Адмирал» 20-го числа, в пятницу. Здоровье кое-как служит пока. Как бы только добраться. Времени для лечения остается очень немного. Надо грязи, а потом купанье. Напуганность во мне огромная — ветерка боюсь. — Поклон мой Катерине Николаевне и Катеньке.

Преданный Вам

Н. Лесков.

P. S. Ахилла открывает мне двери в европейскую литературу. Получил требования на согласие из Лондона и из Бадена. Конечно, все это само собою — без всяких моих забот.

53

А. С. СУВОРИНУ

29 сентября 1886 г., Петербург.

Уважаемый Алексей Сергеевич!

Очень хотел бы повидаться с Вами, да моя сироточка девочка заболела дифтеритом, и хотя я поместил ее в больницу Ольденбургского, однако сам хожу туда ее посещать и затем боюсь входить в дома, где есть дети.

Посылаю Вам статейку, чтобы прикончить вопрос о притеснении русских на рижских пароходах. При посредстве «Нов⟨ого⟩ времени» мы провели это дело славно, — все выяснили, всех заинтересовали и довели дело до конца — или до того предела, до которого литература может вести общественное дело, помогая власти.

Прочтете и увидите, что мы в три хода кончили кампанию, за которую Вам множество людей скажут спасибо.

Теперь о другом. По поводу же этого, но о другом, — хотя в том же роде.

Прожив изрядное количество лет, и много перечитав, и много переглядев во всех концах России, я порою чувствую себя как «Микула Селянинович», которого «тяготила тяга» знания родной земли, и нет тогда терпения сносить в молчании то, что подчас городят пишущие люди, оглядывающие Русь не с извозчичьего «передка» (как мы езжали за три целковых из Орла в Киев), а «лётком летя», из вагона экстренного поезда. Все у них мимолетом — и наблюдения, и опыты, и заметки... Всему этому так и быть следует, ибо «всякой вещи есть свое время под солнцем», — протяжные троечники отошли, а железные дороги их лучше, но опыт и знание все-таки своей цены стоят, да и покоя не дают. То напишу я заметку Вам, то Нотовичу, то Худекову, и они, кажется, везде читаются и даже будто замечаются и, быть может, отличаются от скорохвата. С. Н. Шубинский говорит, будто он везде меня узнает, а Худеков говорит, что «простые читатели» меня «одобряют». А мне что-то, наконец, надоело этак раскидываться повсюду... «И ту вспомянуся мне глагол некий», недавно усмотренный при перечитывании Ваших писем (числом 31!!), иде же глаголется: «Я сотрудничеству Вашему всегда рад». И я тоже рад, да оно у нас не клеится (хотя мы всегда отменно дружелюбно расходимся. Это я приписываю моей искренности и, может быть, чересчур чуткой щекотливости). Но хочу я еще раз предложить Вам вот что: не найдете ли Вы для себя желательным и удобным, чтобы я писал мои «Наблюдения, опыты и заметки» одному Вам, не отрывочно, а в размере фельетона, не в срочные дни, а по мере, как они у меня набираются от встреч с людьми и от чтения газет и книжек? Гонорар мне все платят 15 коп., и Вы тоже, и я этим доволен и больше ничего не требую, но только прошу, чтобы мой фельетон (раза два в месяц) не шел ни в чей приходский день, а шел на затычку — когда нет стихарного звонаря. (Я терпеть не могу никому мешать в работе.) — В том, что называется «направлением», я, конечно, не со всем согласен, что иногда в «Н⟨овом⟩ вре⟨мени⟩» пишут, но я и

не верю, чтобы было возможно соглашение мыслей по всем пунктам, которых должно бывает касаться большое издание. Надо иметь ум и литературные понятия, которые, по моему мнению, есть у Вас и не вполне отсутствуют у меня. Следовательно, есть то, о чем нечего распространяться, но на чем можно хорошо держаться. Немножко же разноречия даже и не мешает, — оно живит и разнообразит взгляды и веселит чтение. Итак, — если Вы мне по-прежнему «рады», то хотите ли Вы иметь «Наблюдения, опыты и заметки» Н. С. Лескова?

Повторяю: они будут пестрые, — о чем попало, но всегда по поводу чего-либо недавно случившегося и непременно из такой сферы жизни, которая мне хорошо известна.

Ваш смиренный ересиарх

Николай.

54

А. С. СУВОРИНУ

8 октября 1886 г., Петербург.

Очень благодарен Вам, Алексей Сергеевич, за присланное Вами вчера письмо. Вы отгадали, — я был очень неприятно смущен тем, что Вы мне не ответили. Я знал, что я ничем не заслужил такого ко мне отношения, и только это одно меня успокаивало и сдерживало от сильного желания сказать Вам, что полное невнимание Ваше мне показалось очень тяжело. Как-никак ведь мы старики, и нам обидеть друг друга нехорошо. Притом я писал так просто, что письмо мое не могло Вас ни затруднить, ни рассердить. Я знал, что Вы могли бы сказать мне: «Я знаю, что Вы можете сделать это хорошо, но Вы иногда упрямы, а газета требует», и т. д. И я бы сказал, что Вы правы, и нимало бы не обиделся. Словом, я был смущен, и теперь утешен тем, что Вы и это поняли и загладили добрым словом.

Соображения Ваши нахожу правильными. Фельетоны действительно «полонят» газету, и притом сами они совсем не фельетоны. Но публика привыкла искать «под чертою» чего-то более живого, более легкого и житейского, — стало быть, «публике надо потрафлять».

Но заведенные Вами «полуфельетоны» тоже привились, и их ищут в газете. Таковы «маленькие фельетоны» и «маленькие хроники». К ним под кадриль будут и «Наблюдения и заметки». Для фельетонов в настоящем их смысле я и не годен. У меня есть опыт и некоторое здравомыслие или то, что называют «деловитость», но остроумие, составляющее душу в фельетонах, мне, к сожалению, совсем несвойственно. Я могу вывесть язвительное сопоставление, но у меня нет игривости и остроты. А потому мне даже лучше говорить в деловом тоне заметок. В 300 строках, конечно, иногда можно высказаться, а иногда и нет. Каков предмет и сколько приходится перебрать фактов. Ставьте мои заметки где Вам угодно — вверху или внизу. Мне это все равно. Разводить многословия я не люблю, но желаю всегда выяснить дело до основания. Писать буду всегда по поводу чего-нибудь текущего. Начну с Л. Толстого и, быть может, немножко удивлю Вас, показав Вам нечто такое, что все прозевали. Меня мучило его положение «о непротивлении злу». Негодяи считают это себе на руку, а глупцы вопят, видя в этом «уничтожение смысла жизни». (Их забота ершиться с противлением.) Но я не понимал долго и сам: что это такое? Как, в самом деле! Неужто, если пьяный солдат насилует девочку-ребенка (как было в ботаническом саду в Киеве), я должен стоять и смотреть, «не сопротивляясь злу», а не отнять насилуемую и не сбросить насильника? Я послал через одного человека этот и два другие примера и еще усиливался понять — не говорит ли Т. глупость? Наконец я получил помощь от чужой головы и понял сам то, что и всем надо бы давно понять, но что не понято, собственно, по страстности отношений врагов и друзей Толстого и по их верхолетству. С этого и начнем «Наблюдения и заметки». Вы увидите, что «противление злу» у Толстого есть, и насильники напрасно считают, что он им выгоден. И это любопытно, и на 300 строках это можно усиливаться «высказать», но не знаю, удастся ли в таком объеме довести это, то есть доказать точно фактами из его же собственных сочинений. А у него это построено правильной лестницей, которой никто, однако, не замечает.

Будьте веселы и здоровы, а я начинаю писать, — чего и Вам желаю.

Болгаре меня утешают. Вот она Nemesis![1] Вот она, ирония и кара за презрение к умам, к честности и к дарованиям! Какое унижение, и как усердно оно заслужено!

У Вас был намек о «дипломатической иерархии», да не доведено до дела. Их перемещают совершенно как архиереев (что противно канону), и даже есть поповское «местонаследие». Есть роды дипломатов, прямо с правами на «приход», — например какие-то Кудрявцевы в Испании и кто-то в Португалии. Все это самая вопиющая бездарность, и все «стыдятся русских»... Есть на их счет хороший анекдот Рост〈ислава〉 Фаддеева.

Через две недели кончится мой карантин, и тогда забегу повидаться.

Ваш слуга
Н. Лесков.

Пыляева статьи, по-моему, превосходны, — они и любопытны и очень теплы, что встречается теперь как редкость. — Чехов хорошо вырабатывается.

55

С. Н. ШУБИНСКОМУ

29 октября 1886 г., Петербург.

Нелегкая дернула меня послать Суворину статью о Толстом (о противлении злу). Конечно, статья резонная и не против того, что пишет «Н〈овое〉 в〈ремя〉». — Ее держат уже месяц. Корректура давно исправлена. Статью ставят и вынимают и в это время, вероятно, нервничают и меня ругают...

Пособите, пожалуйста: возьмите эту статью оттуда от греха. Я в месте помещения не стеснен и очень на себя досадую, что обременил моим предложением «Новое время». Все это Вы виноваты со своим подзуживанием... Пожалуйста, возьмите оттиск, и все будет кончено. Ни претензии, ни объяснения причин — ничего. Я и так все знаю.

Ваш *Н. Лесков.*

---

[1] Немезида, судьба *(лат.)*.

56

А. С. СУВОРИНУ

⟨1886 г.⟩

Достоуважаемый Алексей Сергеевич!

Еще раз простите меня, невежу. Получил Ваш прекрасный и щедрый дар и все надеялся обмогнуться и пойти поблагодарить Вас, а вместо того день за днем мне стало хуже, и я теперь совсем разболелся. — Покорно Вас благодарю за экземпляры «Горе от ума». Они очень, очень изящны. Статья Ваша — живая и чуткая. Гарусовским списком, думается, Вы, однако, напрасно пренебрегаете. Некто Алферьев в Москве имел тетрадь, где «Горе от ума» было списано его рукою, а на ней, — не знаю, по какому случаю, — была грибоедовскою рукою сделана надпись: «Верно. — Грибоедов», и стояло какое-то число. Тетрадь эта долго жила у нас в семье, и я по ней впервые выучил «Горе от ума», на котором было написано автором «верно». И то было вполне схоже с Гарусовым.

Признательный Вам

Н. Лесков.

1887

57

А. С. СУВОРИНУ

24 января 1887 г., Петербург.

Уважаемый Алексей Сергеевич!

С. Н. Шубинский сказал мне, что Вам будто неприятно, что Вы мне возвратили статейку о календаре гр. Толстого, потому что я такой человек, который «обижается». — Мне очень отрадно было услыхать, что Вас озабочивает, не обидели ли Вы меня? Благодарю Вас за это доброе чувство и уверяю Вас, что я нимало Вами не обижен. Замечания Ваши верны, но не во всем. Выписки были велики, но все очень содержательны и оригинальны. То, что установляет Толстой во взгляде на солдатство и на сельское соседство, — вполне ново, умно и оригинально. Конечно, писать об этом лучше бы в «Сельском вестнике», но ведь там календарь Толстого разбирать не станут. Почему же газета общего характера не может интересоваться оригинальнейшим изменением взглядов народа о сокращенном солдатстве, о котором никто из нас и одного слова не умел проговорить в толк? — Очевидно, моя статейка попала Вам под «дурной стих» (что я видел даже *по почерку* письма), и Вы сорвали на ней свое неудовольствие... Это мне так кажется, и я об этом жалею, потому что все-таки я больше кое-кого разумею в том, что заготовляется Толстым для народа, и никогда не бываю его рабом и других ему в ноги не укладываю. Я понимаю толк в народной книжке, и что я сказал о Толстом, то принято как «дельное слово», а его «Винокур» (с немецкого) и «Коготок» есть вещи скучные и не имеющие той цены, какую

силятся им придать хвалители Толстого. Это и доказать легко.

Пожалуйста, не думайте обо мне так, что я будто все «обижаюсь», как барышня. Ей-ей — это неправда. Я только не бойцуюсь. Устал и разлюбил всякий горячий спор и всякое «противление». Ведь все равно я бы Вас не разубедил в том, что Вам показалось. Лучше смолчать.

А я бы на Вашем месте не один раз сказал об этом календаре гр. Толстого, а двенадцать раз: именно каждое 1-е число месяца я бы выписал толстовский совет. И это все бы прочитали, и поговорили бы, и сами бы кое-что о сельском быте узнали. Вот это было бы доброе служение честному стремлению Толстого, а не то что хвалить его, как цыганскую лошадь... Чего его нахваливать? Его надо *внушать* в том, где он говорит дело, а не расхваливать, как выводного коня. С ним и вокруг него ведь много нового. Это живой и необычайно искренний человек. Дух его не «горит» (что любил Аксаков даже в письме к Кокореву о денежных делах), а этот *«летит,* как верженне камня», уже «склоняющегося к земле». Его надо отмечать во всякой точке, удобной для наблюдения, ну да что же поделаешь, если этого негде сделать? Расхвалить или «раскатать» — это сколько угодно; но разобрать и особенно внушить — этого невозможно.

Я очень благодарен, что и «О рожне» напечатали. «О «куфельном мужике» лучше было, да пришлось печатать в «Новостях», потому что у Вас не удалось бы рассказать правды о Достоевском. Я уже привык слоняться, где бы только просунуть то, что считаю честным и полезным.

Преданный Вам

Н. Лесков.

58

В. Г. ЧЕРТКОВУ

28 января 1887 г., Петербург.

Владимир Григорьевич!

Я шестой день не выхожу из дома. Болен мучительным судорожным кашлем, от которого, однако, чувствую уже облегчение. В беде этой усматриваю нечто и утеши-

тельное: я могу не идти не только на обеденное бахвальство по Пушкине, но и на молитвенную комедию о нем со стороны людей, допускающих религию только «как стимул политического объединения». Но зато не могу быть и у Вас. Хотя корректура рассказа как раз лежит у меня на столе и я люблю иметь таких слушателей, как Вы и Анна Константиновна, в то время, когда еще вещь правится, а не тогда, когда она уже вышла. Слушатель нужен не литератор, а человек, верно чувствующий и определенно направленный. Поэтому я хотел бы прочесть «Скомороха» по корректуре Вам и Анне Константиновне, но не при гостях, которых я не знаю. Многоличие здесь не в помощь. Вам (Вы пишете) это было бы приятно, а я Вам говорю, что мне и делу это было бы, или могло бы быть, полезно. Мое-то кажется важнее, но вот: как это уладить? Я могу удержать у себя корректурные листы еще два-три дня. Здоровье мое, наверно, станет улучшаться, и я буду в состоянии выехать и читать тихо (так как у меня судорожная боль в горле). Остальное обдумайте сами с Вашей супругой.

Начало, то есть 1-ю половину легенды, которая выйдет в февральской книжке «Историч⟨еского⟩ вестника», посылаю Анне Константиновне. Прошу ее прочесть. Вторая половина, — самая важная, — в корректуре. Она очень щекотлива, и потому женское ухо при слушании ее мне драгоценно. Будьте любезны, не оставьте меня без ответа.

За желание общения благодарю Вас и сам имею это желание. Дух, которым водимся и дышим, дозволяет нам общение живое и отрадное. Зачем этим не пользоваться и не черпать друг в друге восполнения и поправок? Я буду помнить Ваши вечера по средам.

О «Федоре и Абраме» я не совсем с Вами согласен и боюсь, что Вы не правее меня. Дитя (народ — дитя, и злое дитя) надо учить многим полезным понятиям: кормилицу за грудь не кусать и пальца не жечь, а потом гнезда не разорять и молоденькую горничную за грудь не трогать. Все это разное, да в одном духе, и ведет к одной цели — к воспитанию души. Ориген, Иустин-философ и другие великие умы со всех сторон брали дичок и его культивировали христианским колером, а мы себя

если «укоротим, то не воротим». Не все по одному долбить, — иначе наскучишь и дыру пробьешь. Моя цель не то, чтобы все зараз обхватить и кодекс религии выразить, а чтобы добиться у мужика минуты размышления о жиде... Довольно, Владимир Григорьевич, довольно этого! Не гонитесь за всем сразу. Я знаю то, на что Вы указываете, но дорожу полезнейшим — передать рассказ авторитетно для тех, кои привыкли почитать за авторитет «книги кожаны». Пусть тут торгуют, — это зло не делает. Вспомните, что Л. Н. говорит о «помойном ушате», в котором есть и ценный камешек... Я этим камешком дорожу и говорю Вам как человек, достаточно знающий и понимающий русского простолюдина. Притом же ведь это в самом деле из Пролога, — ведь это же некоторым образом легенда историческая! И жид умел уважать любовь и веру к «мужу галилейскому»... Да чего же еще хотите?.. Иначе ведь все можно засушить и так заанатомировать, что станут все как солдатики, и явятся «скучные произведения», — а с ними и охлаждение читателей.

Теперь к Вам просьба в суетном роде. Ко мне раз пять приезжал от Вашего покойного отца генерал Хрещатицкий, с просьбою составить такую форму солдатской присяги, которая менее оскорбила бы закон Христов. Я от этого отстранялся, но, наконец, сдался и что-то написал. Хрещатицкий был в восторге, и мы распрощались друзьями. Почему покойный отец Ваш послал его ко мне, — я не знаю. Думаю, что указание на меня могло быть сделано Вашею матушкою. Это мне теперь нужно бы знать, потому что Хрещатицкий мне нужен для моего сына, оканчивающего курс в Константиновском военном училище. Россия такая страна, где необходимо иметь звание, а для этого надо отслужить известное время. Я хотел бы написать Хрещатицкому, но не знаю, как его зовут и где он находится. Не известно ли это Вашей матушке, и — еще лучше, — не даст ли она со своей стороны строчки к Хрещатицкому? Пожалуйста, пособите мне в этом.

Прошу Вас верить моему живому сочувствию Вам и Вашей супруге.

Николай Лесков.

59

В. Г. ЧЕРТКОВУ

1 февраля 1887 г., Петербург.
Ночью.

Был сегодня в больших хлопотах с утра, а возвратясь, застал Вашу присылку. Спасибо Вам за память к моей просьбе. «Дневник» прочел немедленно, а письмо до половины. Третьей вещи, которую Вы называете «Предисловие к сочинениям Бондарева», — я не нашел в Вашей посылке. Верно, Вы ее не положили. Посмотрите у себя дома.

В среду вечерком приду посидеть и поговорить с Вами и с Анной Константиновной, которую я «видел когда-то, но только не помню когда». Мне очень радостно, что Л. Н. высоко ставит богомыслие Конфуция и философию Эпиктета и Марка Аврелия, но не понимаю: отчего нет в этой свите Сократа? Это удивительно!

Дело со «Скоморохом» в некоей надежде спасения. «Духовный ц⟨ензор⟩» оказался умнее «плотского». Он говорит: «Тут до меня ничто не касающее», кроме имени Феодула, который есть в святцах. Я предложил взять имена такие, каких нет, как это принято в опереттах: «король Бебе», «паж Шампиньон». Цензору это вполне понравилось. Итак, есть надежда спасения, — только слова о христианстве (лишь слова) все выпустили. Феодула назовем Памфалоном, а Корнилия — Пепераментом или еще как иначе.

В Р. S. у Вас опять упоминается о «предисловии»... Да нет же у меня никакого предисловия! Пожалуйста, посмотрите у себя дома. Итак, быть может, вместо «Боголюбезного скомороха» увидит свет «Пеперамент скоморох». Ничего! — «имя звук пустой».

На самом деле я думаю озаглавить так: «Ермий пустынник и скоморох Памфалон». «Памфалон» таки пусть так им на память и останется.

Пожалуйста, когда будете вблизи, не позабывайте исполнить добрую службу человеку, навестив того, кто чувствует радость в общении с Вами.

Н. Лесков.

60

А. С. СУВОРИНУ

3 марта 1887 г., Петербург.

Уважаемый Алексей Сергеевич!

Два письма Ваши вчера получил и посылаю проклятие тому гусю, который дал перо, коим они написаны. Стальные перья плохи, но все-таки я прочитывал без труда все, что Вы ими писали, а тут доброй четверти слов разобрать не мог. Гуся этого, однако, верно уже добрые люди съели, и ему не будет вредно мое проклятие. — Радуюсь, что Вы не будете сердиться, и потрафляю к вечеру, когда Вы, по приметам, бываете терпеливее, — не скажу «добрее», потому что в основе Вы человек очень добрый. — Прилагаю статью, приведенную в щегольской внешний вид собственно для Вас. Прочитайте ее и, если можете, — напечатайте. Она в размере средней величины фельетона «Н⟨ового⟩ в⟨ремени⟩» и писана по поводу Вашей корреспонденции из Москвы. Если она Вам неудобна, — возвратите. Я, впрочем, думаю, что она удобна, ибо очень смирна и в ней сказано дело. — Две статейки, о которых Вы мне пишете, действительно обе писаны мною, и во второй не было никакого «отступления», но оно явилось не по моей причине, а по иной. Мое там голова и хвост, а в середине втерлось не мое... Вы знаете, как это случается. Мямленье «серафима» при его миссии мне противно. Ни на что нет у них натуры. Я удивлялся Вашему выбору. В России действительно самые ловкие люди — купцы, действующие всегда «с запросом». Мой «высокий тон» тоже был своего рода «запрос» — «чтобы было из чего уступить», но у нас правды поддержать негде. Всё те же гоголевские крысы: «прийти, понюхать и отойти». Если же человек вправду вступиться хочет, то «с ним опасно» — «заведет, втравит», и т. д. Словом, кроме Толстого и Каткова нет людей, которых неправда может взять за живое и заставить говорить языком чести и истины (как ее кто понимает). Утроба из моей 2-й статейки вывалилась и заменена трухою, и я об этом более не хочу и вспоминать. Вы мне представляетесь человеком, который под крик и гам потерял голову. Это со мною было много раз,

например у Сальясихи, когда я прослыл зверем за то, что не пускал душевнобольную женщину делать все, что может прийти в голову сумасшедшей. Я не понимаю, как действуют такие вещи, но глубоко сочувствую, когда вижу человека под их одуряющим давлением. — Полонскому я, помнится, рассказывал не о письме, а о рассказе «Ник⟨олай⟩ Палкин», производящем страшно сильное впечатление. Письма, где бы прямо говорилось о Н⟨иколае⟩ П⟨авловиче⟩, я не знаю, но писем ходит много, и я читал письмо к какому-то Штанге, который шел в толпе на могилу Добролюбова и потом подал через Манасеина записку царю. Читал и эту записку. Читал и еще другие письма, из коих вывод резюмируется всегда в одной фразе Л. Н.: «Я их люблю, когда они стоят на верной дороге». От лиц же, самых близких к Л. Н., мне доводилось действительно слышать, что хвалебные статьи с посяганием на имя и репутацию других ему очень огорчительны. Теперь он уже и не читает. Начать статью о драме сближением с либералами я почитаю за очень большую неловкость и удивляюсь В. П., у которого много ума и таланта. Разве не либералы были Милютины и Соловьев? Разве нынешним духом дышали совершители освобождения крестьян? Из того, что масса сволочи именуют себя либералами и, ругая Вас, тычут Вам свои статейки, следует унижать либерализм?.. Кто Л. Н.? А вот разберите: он желает свободы труда, свободы слова, свободы совести, не сочувствует теории наказания, не сочувствует церковным путам, находит, что «люди — дерьмо» разного достоинства, и на высших ступенях кольми паче... К кому же он ближе, — неужели к тем, которые противуполагаются «либералам»? — Вы говорите: «Или он не хочет понять, что разумеют...» Странно это от Вас слышать! А разве кто-нибудь это понимает так, как Вам хочется, а не так, как это у Вас выходит? А выходит оно всегда так, что нравится тем, которых он не любит, ибо они никогда «на верной дороге не стоят», а ведут к стеснениям ума и совести. Это и есть истинное несчастие Вашей газеты, и очень удивительно, что Вы этого не чувствуете. Если уже необходимо притягивать либералов даже к драме Т⟨олстого⟩, то отчего не пользоваться этим реже и не при слове о таком человеке, который чужд всяких партий, и Штанге

напишет письмо и скажет о них: «Я их все-таки люблю», а два столпа противоположной твердыни не обинуясь называет «злодеи». — Простите, ежели что «переписах, и милостию покрыйте».

Преданный Вам

Н. Лесков.

P. S. Сейчас зашел ко мне Полонский. Он не от меня слышал о письме.

61

А. С. СУВОРИНУ

4 марта 1887 г., Петербург.

Извините меня, что я отвечу Вам несколько слов на последнее письмо Ваше. Вовсе не нужно быть Лютером или вообще новатором, чтобы не оставаться равнодушным к тому, как дурачат людей и обирают их во имя бога. Я знаю, что Вы на это можете возразить много, но это все будет «из другой оперы». В сущности же, разум и простая честность внушали и внушают потребность останавливать наглости морочил и обирал. В этих целях гнусные затуманивания религиозного сознания, что бог есть начало добра, — всегда будут вызывать чувства благородного негодования. Как бы Вы к этому ни стали относиться, — дело все-таки останется в этом, а не в ином положении. Т⟨олстой⟩ ведет к укрощению себялюбия и к умягчению сердца, а поп — к принесению ему «денег на молитвы». О чем тут полемизировать и как полемизировать?.. Я не понимаю, что это Вы ставите ему в вину! «Славянофилы». Я знаю их, да и как еще знаю! Тем, конечно, любо было полемизировать, но вообще это никакого удовольствия и никакой пользы не приносит. Употреблю Ваши слова: «Веруй всяк во что хочешь». У славянофилов же было не так: они вопрошали: «Како веруеши?» И хорошая вера была только их вера, «яже вселенную утверди». Это были величайшие спорщики, и спорам их не было бы конца, если бы они просто не перевелись на свете. За свободу совести

и за то, что выше всего в настоящем учении Христа, — они не стояли никогда и не могли стоять за это. — Вы совсем не правы.

Что касается сухости упоминаемых Вами трактаций Т., то в них действительно есть указываемые Вами недостатки; но это суть недостатки, общие всем религиозным трактатам. Однако же без них нельзя, и тот, кто любит вопрос, он не стесняется сухостью трактата, а ищет сокрытой в нем мысли. Трактаты эти сухи, но они произвели большие чудеса, «воскрешая мертвых» и «исцеляя слепых». — По этим трактациям рождалась вера у не веривших, и люди из «Черного передела» переходили в Ясную Поляну. Что-нибудь, верно, есть сильное в этом слове! — О пьесе Т. приходится теперь слышать ужасающие глупости. Теперь в нем уже находят «незнание быта»... В сущности, пьеса эта в бытовом отношении вполне верна; язык ее образен и силен; страсти грубы, но верны и представлены рельефно. Произведение это большое и в чтении очень потрясающее и любопытное. Поучительности в нем нет или очень мало. Для сцены пред зрителями образ⟨ованного⟩ класса она будет груба, и в этом нельзя винить одного зрителя. Человек меняется под влиянием среды и привычек. Московской купчихе в мужчине нравится «снасть», а нервной испанке — страсть. Нельзя, чтобы Никита нравился и той и другой. «Антошины словца» — тоже для уха многих очень резки. «Шекспировское» что-то есть. Это сила грубо поставленных страстей. Долголетия у этой пьесы не будет. Простонародию она мало понравится, потому что здесь не любят сцен из своего быта, — разве так только, чтобы мужик барина «объегоривал». «Либералы» и не либералы — это все равно люди, и никто еще не знает, что из которого может выйти; но кто бы как ни назывался, а когда он говорит правду, — он сто́ит поддержки, и хочется быть на его стороне. Т. говорит: «Я их люблю, когда они на верной дороге». Как же иначе? Иначе ведь будет — не любить правды за то, что ее высказал Y, а не Z. Не дай бог, чтобы до этой степени забывалась старая пословица «Amicus Plato...» [1]

---

[1] Платон мне друг... *(лат.)*.

Ваша гневность и волнения меня смущают, и если бы Вы были дама, я бы, кажется, наговорил Вам много слов, которые не идут нам, «двум старикам». Т. больше, чем Вы, испытывает, что с ним все не согласны, но он умеет себя лечить, а Вы нет. Старинное гарунальрашидство — чудесное лекарство в таких томлениях: Вы же, наоборот, — «сидень», и вот «результе» Вашего сидничества. Вы десяток лет не обновляете себя погружением в живые струи жизни, посторонней изнуряющему журнализму, и оттого характер Ваш действительно пострадал, и Вы это сами замечаете и мучите себя. Купите-ка себе дубленый полушубок да проезжайтесь, чтобы не знали, кто Вы такой. Три такие дня как живой водой спрыснут.

Простите за то, что сказал от всего сердца.

Ваш *Н. Лесков.*

62

В. Г. ЧЕРТКОВУ

8 марта 1887 г., Петербург.

Возлюбленный Владимир Григорьевич!

Чрезвычайно рад я, что Вы выяснили вопрос о праве собственности рассказов Л. Н. Это было необходимо, и сделано это прекрасно. Теперь надо, чтобы на этом дело не стало, — надо, чтобы пример человека, которого мы чтим и любим, не проходил вотще. Нехорошо, если он будет стоять одиноко и за ним не пойдут его ближние и единомысленные ему. Если мы не можем поступиться всем, то можем принести в дар народу «часть обреченную», — своего рода «десятину», то есть то, что на шабашку для народа сработано... Это все мы можем, и, по моему мнению, — все должны это сделать, и по совести, и из принципа, и из любви и уважения к Толстому, чтобы он не был один и видел, что за ним следуют. «Один в поле не воин». Кто-то возражал: «А если он богатырь?» Если и богатырь, то и богатыря не след оставлять одинокого. Пример Толстого должен родить новое движение в душе писателя. Я уверен, что я не первый так чув-

ствую, и так думаю, и хочу так поступать в пределах моей возможности. А потому, не указывая на меня, имейте, однако, в виду следующее: рассказ мой «Христос в гостях у мужика» отдан мною для народного издания «Посреднику» без всякой платы. И пока фирма «Посредник» существует в нынешнем направлении и руковожди ее одушевлены нынешним духом, я впредь не желаю брать никакой платы за то, что «Посредник» найдет полезным издать для народа из моих сочинений. Все это должно идти от меня как дар народу и составлять народную собственность при моей жизни. А потому и перепечатка моих вещей с изданий «Посредника» пусть тоже будет свободна для всякого, и Вы сделаете мне одолжение, если примете на себя труд — сами разрешать всякому свободное воспроизведение всего, что из моих писаний будет издано «Посредником».

Уважающий и любящий Вас

Н. Лесков.

63

А. С. СУВОРИНУ

11 марта 1887 г., Петербург.

Я ни в чем не причинен, Алексей Сергеевич! Вишневский мне написал, а я тогда уже не выходил из дома и не мог ни с кем переговорить о том, какой ему сделан учет. Шубинский и Терпигорев зашли ко мне позже, а я не люблю, чтобы порученное мне дело оставалось без внимания с моей стороны. Вот я Вам и написал. — Извините, пожалуйста, если это Вам кажется за неуместное. Я сделал это совсем в душевной простоте.

Об изданиях Толстого я с Вами согласен. Может пойти чепуха, но иначе не сманить в это дело Сытина и иже с ним. А без них ничего не поделаешь. Л. Н., кроме того, очень дорожит «принципом», — чтобы даром поработали для народа... И — признаюсь Вам — и мне это нравится. Может быть, что и выйдет чепуха, но надо пробовать.

Насчет околеванья идет очень живо и крепко, но только отчего же Василью Федоровичу умереть? Идет

все «стеною», забирая с нашей стороны, а казенные люди, наоборот, удивляют своею неимоверною живучестью. «Батюшка Микола Милостивый» на их стороне, и, — честное слово, — я вижу в этом что-то провиденциальное! «Не туркам, а нам худо».

Толстого нельзя осуждать за дорогую цену его сочинений. Что же он поделает с женою? Поверьте, он искренен и стоит на верной мужичьей дороге к целям «Алексия—человека божия». Он сам чувствует несогласицу и целый день ходил по снегу около Филей и «молился», да, видно, все молился богу, а надо молиться «Николе многомилостивому».

Я очень рад, что Толстой написал Буренину и благодарил его «за указания». Это ему и нравится, и это действительно хорошо; а от нахваливанья как-то... не то противно, не то совестно. Если это так нравится Виктору Петровичу, то почему бы ему не возвести и не «поставить на место» Гр. Скоробрешку? Как бы он был этим доволен! Я этому человеку (то есть Буренину) удивляюсь! Масса начитанности, остроумия и толковости, и при этом, вместо критики, какие-то «выходки»... Верно, это от лени. Он бы мог много послужить вкусу и сознанию общества, а меж тем извадил всех считать его только «ругателем». Всегда сожалел и сожалею об этом его удивительном пристрастии. Все он точно за что-то «отомщевает», как говорил о нем Писемский. Ничего бы он не потерял, если бы это ему, наконец, опротивело.

Гусю, перьями которого Вы пишете, опять посылаю сугубое проклятие.

Благоволите, пока мы живы, принять от меня томишко моих рассказов для Вашей библиотеки и не сочтите этого за тонкий намек на толстое обстоятельство. Это издание не мое, и я не имею выгоды, чтобы о нем говорили. «Бог в тишине». А я пишу программу оперы по Прологу. Это будет забористо... Черти будут петь, и будет один бес «удом, яко цепом, камения молотящий».

Храни Вас Микола Милостивый (он супроть всех понадежней).

Ваш *Н. Лесков.*

На последнее письмо я написал Вам большой ответ, но положил его вылеживаться. После его можно будет изорвать и бросить.

Очень рад, что Вы покинули свою хандру.

64

А. С. СУВОРИНУ

11 марта 1887 г., Петербург.

Вторицею пишу к Вам днесь, Алексей Сергеевич. Две просьбы имею. Лев Бертенсон одолел меня своим великодушием: спас меня, ездит и денег не берет!.. Оле несказанная похвала! Оле добрóто неисчетная! Да где бы я и набрался столько денег, сколько ему платить надобно? Поместите строчки, что он меня вылечил. Пусть хоть это будет ему за мое спасение благодарностью. Не откажите мне в этом.

Рядом известие о Гатцуке. «Варш⟨авский⟩ дн⟨евник⟩» его схоронил, а он вчера пишет мне, что еще жив. Чего они торопятся?

Разверните, пожалуйста, на 105 стр. мои «Рассказы кстати». Увидите там, как я уважаю «Миколу Милостивого». И тогда не скажете, что я «лютарь». — А психопат Вишневский — это дед нашего «Черниговца». Вот было чудушко! Он же и Шубинскому родич.

Не побрезгуйте при случае спросить Мих. Мих. Иванова: каким голосом должен петь бес «удом, яко цепом, камения молотящий»: басом, тенором-грация или баритоном? Я могу его поставить в соответственное положение. Опера называется «Бог Анубис, или Капище Изиды». В 3-м акте коренной текст — «бесы молотят», и вариант «молотьба» за стеною, а только «юные девы христианские содрогаются от слышания». Напечатать думаю у Шубинского. Это в состоянии поднять подписку до большой высоты «уда».

Какие есть сюжеты в благочестивых византийских сказаниях?

Хотел бы знать Ваше мнение: неужто «Скоморох» совсем плох? Я по трусости его сильно испортил.

Ваш *Н. Лесков*.

65

А. С. СУВОРИНУ

11 марта 1887 г., Петербург.

Третицею то же слово реку: благодарю Вас за милые строки. — Вторицею я уже сегодня писал Вам по почте. Фельетон Ваш превосходен. Она полная дрянь, которую даже ненавидеть нельзя. — Старое письмо Вам посылаю. Вы в таком хорошем духе, что всё можете прочесть. Обиды, мною перенесенные, так велики, что я их боюсь трогать и... не трогаю. Мне испортили только целую жизнь. «Некуда» все оправдано как пророчество. Я не был дурак и теперь вижу, что́ должно настать. Писемский!.. Как о нем говорить, когда он обо мне говорил так хорошо, как ни о ком ином!

Хорошо, что напечатали Бразоля. Это большой умница и отличный человек.

Ваш *Н. Лесков.*

66

А. С. СУВОРИНУ

11 марта 1887 г., Петербург.

Вы теперь очень правы в указании главной беды. Будь у нас слово свободно, — печать оживила бы нашу скуку и ничего вредного бы не сделала; но правительство наше так глупо и презрительно, что никогда этого не допустит. О Л. Толстом Вы судите правильно, и надо жалеть, что Вы этого не можете печатать, а печатать нельзя, потому что ясно говорить Вы не можете, а «картавить» — значит вредить себе и самому делу. Вот и беда. То же самое и о всех спорах. О значении религии Вы всегда судите шатко и мелко, конечно потому, что вопросы религиозные Вас мало интерессвали и Вы в них не обнаруживаете сведущности. Ум у Вас сильный, острый, отгадчивый, но совсем не для религиозного изыскания. Тут у Вас идет словно соха у рассеянного пахаря, который борозду гонит, а о другом думает, — глядь, соха из борозды и выпрыгнула. Это дело требует любви к нему, а у Вас нет этой любви, и Вы даже не вникаете

в сущность веры, а защищаете православие, которого не содержите и которого умный и искренний человек содержать не может. Я не хитрю: я почитаю христианство как учение и знаю, что в нем спасение жизни, — а все остальное мне не нужно. Читая Ваше письмо, я оцениваю Ваши мысли, а мне нет дела, кто мне принес это письмо. Воскресенье было нужно, и Т. этого не отвергает. Все было нужно, но не все теперь нужно. Наш век есть торжество в разъяснении учения Христа. Вы за этим не следите и этого не знаете, и это Вас не занимает, но, может быть, займет. Т. говорит: «Хула на духа св⟨ятого⟩ есть догматическое богословие». И это правда. Смысл весь в ученье Христа. — Авторитета Миколы Милостивого никто оспаривать не смеет. Он и цыгана научил «золотое стрюмено красть» и «божиться». Вы думаете, что я поклонник либерализма?.. Я поклонник искренности. Я очень люблю Ваши литературные мнения и в одном отношении часто сравниваю Вас с Катковым, под рукою которого работал много. Раз, когда я жил летом в Ревеле, К. передал мне через Любимова, чтобы я написал что-нибудь об остзейском крае. Я написал. К. отдал в печать не читая. Потом К. приехал сюда, а мне привезли корректуру. Я прочел и отослал ее в Москву. Выходит книжка, а моей статьи нет, — захожу к Базунову, там мне выдают гонорар... Что за притча? Идем мы вечером с К. и Гезеном по Невскому, я и спрашиваю К—ва: что это значит: или моя статья не хороша? Тогда за что же мне деньги? А он отвечает: «Нет; статья очень хороша, а мне нужен Шувалов, и с ним надо было помириться». (Это было во время классицизма.) А Вы бы так прямо и просто ни за что не сказали, а нашли бы в моей статье все пороки и проч. Эта черта и обидна в Вашем обиходе. Разве я не знаю, чего стоит газета и что ей могу повредить? Но Вы на это не укажете, а пойдете весь вопрос вменять за умёты. Вот чего бы, кажется, и не стоило Вам делать, и я удивляюсь, как Вы при тонкости, даже хитрости, ума и замечательной иногда откровенности в самых щекотливых вещах непременно уклонитесь от простоты, а пойдете в полемику!.. Скажите просто: «Нельзя этого теперь», — и все дело легко и ясно. Вот что я разумею под неискренностью в Вашем литературном характере, и Вы мне это простите, потому

что я говорю чисто от сердца и говорю правду — любя Вас и ценя Ваши симпатические стороны. — По поводу уч⟨ения⟩ Т—го Вам бы хорошо наметить отрывочные замечания. Богословски с ним связываться не для чего, но в этом духе, как Вы накинули в письме ко мне, — это могло бы быть очень живо и кое-что многое бы озарило. Вы можете отлично это сделать, и публика это с жаром проглотит.

Аще переписах, — простите ради Миколы Многомилостивого.

Преданный Вам

Н. Лесков.

67

А. С. СУВОРИНУ

14 марта 1887 г., Петербург.

Уважаемый Алексей Сергеевич!

Есть на свете богатый барин, барон Штромберг, — ружейный охотник и такой же психопат, как я и Гей по части часов. Он выудил в специальной часовой газете «Uhrmacherzeitung» [1] любопытное известие о соперничестве, какое в Америке явилось против Швейцарии и Англии в часовой фабрикации. Это интересно не менее, чем всякая другая промышленная новость. Штр. обратился ко мне с просьбою «пристроить» его работку. Я мог послать ее в одно и в другое место, но прежде всего подумал о «Новом времени», так как это, по-моему, интересно. Часы имеют все, и многие их очень любят. Статью я послал Шубинскому. Шуб. отдал ее кому-то в редакции и сказал мне, что ее обещали напечатать. Я передал это Штромбергу. Тот ждал, ждал, да и жданки потерял, и приступает ко мне... Вы знаете, что все мало пишущие люди придают особенно большое значение тому, что они напишут, и мне за эту статейку приходит жутко... Усердно прошу Вас: прикажите отыскать это сочинение и просмотреть его, и если оно пригодно, — напечатайте его, а если нет, — то возвратите мне.

---

[1] «Газета часовых дел мастеров» *(нем.)*.

Фельетон Виктора Петровича написан прекрасными стихами и заключает много правды, но в нем нет того, что «липнет» к лицу, как меткая кличка, например «трехполенный Панин», «трехпрогонный Муравьев», «Муханов на Висле» и т. п. Все только о происхождении да о каком-то малоизвестном прошлом, — в чем и покора немного, да и не все достоверно. Одна кличка «Луиза Мишель», данная Гамме Модестом Ив. Писаревым или Терпигоревым (настоящий автор неизвестен), — гораздо язвительнее и метче, чем все намеки о его перебежничестве. Его голова, его фигура, его блекотание горлом и кличка бабьим именем «Луиза Мишель» — это пресмешно и полно образного о нем представления.

Короленко вышел уже «полным изданием». Вот что значит фавор! Отсюда же, переводя на себя, вижу, что значит и клевета... Я *доволен* моим положением в литературе: меня всё топили и не утопили с головою; повредили много и очень существенно — в куске хлеба насущного, но зато больше никто уже повредить не может... Сладок этот покой, но издание дало бы мне возможность хоть год не писать как можно больше и наскоро, и я, быть может, написал бы что-нибудь путное. Но вредить легче, чем помочь. И есть судьба: старый Вольф заключил со мною условие и умер в тот день, когда мы должны были его подписать. Новый Вольф предпочел издать Боборыкина, и хорошо сделал, потому что того все-таки кое-кто поддерживает... Тяжел мой хомут — совсем оттер шею.

Пересмотрел своего Панталона и сравнил с соответственными ему сценами из древнего мира. Все так писано — не нынешним живым языком. Не говорю о достоинстве языка, но собственно о строе речи. Так же он подстаринен в «Видении св. Антония», и в «Агриппине», и в Вашей «Медее». Просто Вам это не нравится, а другой язык (вроде «Кавказского пленника» Толстого) был бы неуместен. «Зализанность», то есть большая или излишняя тщательность в выделке, есть, но ее, думается, можно снесть, так как это нынче встречается очень редко. Вы вспоминали о Писемском: он, бывало, говорил мне: «Люблю, что у тебя постройка хороша: крылец по дому и все под стреху сведено в пропорцию». Он меня любил и говорил мне правду — по крайней мере я так

верю. У Вас я читал и напечатал «Кадетский монастырь». Этюд этот везде нашел себе ласку и внимание, а Вам и он не нравился. Значит, «не потрафляю».

Пожалуйста, развяжите меня с бессмертным творением Штромберга!

Преданный Вам

Н. Лесков.

P. S. Говоря о попах, Вы забыли про того, который написал в «Отеч‹ественных› записках» «Кузька — мордовский бог». Это прелестное и сильное создание настоящего таланта. Мордва там только и есть живая (а не у Майнова), и страсти там в истинном, классическом развитии.

Зачем Вы не издадите «Кузьку-бога»?

68

А. С. СУВОРИНУ

15 марта 1887 г., Петербург.

Очень Вам благодарен, что Вы дали себе труд прочитать мои «Рассказы кстати». — Замечания Ваши правильны: между мною и читателем стояли события дня, по поводу которых в то время писались эти рассказы «кстати». Ведь это журнальные фельетоны. Поляк и Саша таковы и есть, как Вы их находите. Самое милое лицо Саша, за ним ротмистр с подмышками, а за этим полковой поп. В поляке преимущество выдержанности и воспитанность, при коих все-таки остается просвечивающая пренебрежительность к русским. Это самое я и хотел показать, и, вероятно, показал. Во всяком разе, это рассказы рядовые, а не из ряда вон выходящие; но они не хуже тех, из коих о каждом возглашают, как будто о замечательном произведении. Только и всего.

Зачем это Вы опять разругались? Ах, если бы Вы прислушивались к публике, — как это ей надоело!.. И в существе ведь все это преобидные вещи. А их надо было ждать.

Ваш *Н. Лесков.*

69

А. С. СУВОРИНУ

〈Март 1887 г., Петербург.〉

Уважаемый Алексей Сергеевич!

Вижу по объявлениям газеты, что Вы приобретаете и издаете для «Дешевой библиотеки» беллетристические произведения. По плану этого издания думаю, что Вам нужно немало беллетристического материала, а у меня за последние четыре года понакопилось рассказов, которые были напечатаны в журналах и теперь, кажется, могли бы явиться не без запроса в отдельных томиках. Из них есть такие, которые Вы, быть может, знаете, а других, конечно, не знаете. Все они более или менее ровненького достоинства, но читались и, может статься, оказались бы пригодными для публики, переезжающей по железным дорогам. — Пришло мне на мысль — предложить Вам: не купите ли Вы чего-нибудь и у меня, как покупаете у других людей? Не сочтите этого за назойливость, а примите просто, как просто мое предложение. Я думаю, что могу найти издателя, но с Вами мне приятнее было бы издать томик-два, — а Вам, быть может, мои книжечки не легли бы бременем, так как публика меня кое-как читает.

Что Вы мне на это скажете?

Если предложение мое Вам подходит, то повелите, когда мне побывать у Вас для переговора.

Всегда Вам преданный

Н. Лесков.

70

Л. Н. ТОЛСТОМУ

18 апреля 1887 г., Петербург
(вечером).

Сейчас заходил ко мне Павел Ив. Бируков и известил меня, что Вы на сих днях будете в Москве. Он и Вл. Гр. Чертков очень желают, чтобы могло осуществиться мое давнее, горячее желание видеться с Вами в этом существовании. Я выезжаю в Москву завтра, 19 апреля, и

остановлюсь в Лоскутной гостинице. Пробуду в Москве два-три дня и буду искать Вас по данному мне адресу (Долгохамовнич⟨еский⟩ пер., № 15). Не откажите мне в сильном моем желании Вас видеть, и, — если это письмо найдет Вас в Москве, — напишите мне: когда я могу у Вас быть.

Излишним считал бы добавлять, что у меня нет никаких газетных или журнальных целей для этого свидания.

Любящий и почитающий Вас

Н. Лесков.

71

С. Н. ШУБИНСКОМУ

29 апреля 1887 г., Петербург.

Любезнейший Сергей Николаевич!

Сердечно благодарю Вас, что Вы, получив в свои руки издание «Дешевой библиотеки», сейчас же обо мне вспомнили. Я знаю, что Вы хороший друг и милый человек, но это внимание почему-то особенно меня тронуло. А. С. Суворин очень хорошо сделал, что передал это дело в Ваши руки. Не знаю, какие Вы от этого получаете выгоды, но дело непременно выиграет много, и оно может иметь большое развитие. Указываемые Вами два рассказа: «Кадет⟨ский⟩ монастырь» и «Скоморох» отдаю в Ваше распоряжение на тех условиях, какие Вы предлагаете. Не сомневаюсь, что Вы даете сколько можете и обидеть меня не захотите. Я всегда Вам верю и вполне на Вас полагаюсь. Но я советовал бы присоединить к тем двум еще «Спасение погибавшего» из «Русской мысли», ибо он тоже относится к «праведникам», — не велик, довольно всем нравится и нигде, кроме московского журнала, неизвестен. — Экземпляр прилагаю для прочтения и соображения. Мне бы очень хотелось, чтобы все эти добряки собрались вместе, и это как раз составит томик («Кадетский монастырь» 2 л., «Скоморох» 2 л. и «Погибавший» 1 л. = 5 листов). Сообразите и известите.

Затем еще просьба: переговорите, пожалуйста, с Ал. Серг., к которому мне трудно попасть в такое время, когда с ним можно говорить.

1) У меня есть 175 экз. «Соборян». Это все, что остается. Не купит ли он у меня этот остаток, со скидкою 40%?

2) В складе магаз⟨ина⟩ «Нового времени» есть 1180 экз. моей книги «Смех и горе». Книга эта веселая и приятная для дорожного чтения. Она лежит в забытьи и не попадает на свою колею. Между тем она непременно пошла бы на железных дорогах, где ее даже и спрашивают. Мне с нею возиться не рука и дорожиться ею не время. Номинальная ее цена 1 р. 50 к. Не облегчит ли меня Ал. Серг., сделав несомненно необременительное для себя приобретение этой книги по той цене, какую сам он найдет справедливою, мне не разорительною и себе небезвыгодною. Я думаю, ей бы хорошо перепечатать титул и обертку; назначить цену вместо 1 р. 50 к. — один рубль и дать мне, например, по 35 к. за экземпляр. Я полагаю, что это было бы не худое, а даже хорошее, ходкое приобретение для лавок железных дорог.

Пожалуйста, поговорите с ним об этом и решите, как решали ранее покупки прошлого года.

Прилагаю Вам очень схожую мою фотографическую карточку. Это делал самоучка, но сделал лучше всех. В Пассаже она только печатана с негатива.

Л. Н. Толстой говорил о Памфалоне с похвалою самою теплою. Очень, очень его одобряет. Ал. Серг. был у него за день ранее меня и меня помянул там... Редакция «Русской мысли» чрезвычайно хлебосольна. Меня заласкали и закормили. Впечатление они производят чисто «московское». Я этого жанра не люблю и не подхожу к нему. В общем, это какой-то разброд и «семибоярщина», а это, по моему мнению, в редакционном деле никуда не годится. Довольно автору согласовать свою работу со взглядами одного редактора, а не применяться к разным воззрениям. Это всегда вредно отзовется на задуманной работе и может охладить энергию. Они, однако, ждут романов Г. П. Данилевского, Григоровича, Я. П. Полонского, Щедрина и Гл. Успенского. В виду такого изобилия я не стану писать романа, а ограничусь повестью небольшого размера и такого содержания, чтобы она подходила не на один заказ. — Квартиру начинаю искать, — уехать на Эзель намере-

ваюсь 20—25 мая. Рассказ «Вешатель» сдам Вам к 15-му. Объем его будет около $1^1/_2$ листа.

Поклон мой Катерине Николаевне.

Преданный Вам
Н. Лесков.

72
С. Н. ТЕРПИГОРЕВУ

10 мая 1887 г., Петербург.

Сюжет «воспитания свиньи» прекрасен. Это живой тип, которого не прозрел Островский. «Их будет царствие». Это очень хорошо — верно схвачено и любопытно. Я давно на них засматриваюсь. Выведи в конце путешествующего попа или дьякона и резюмируй тип его словами из библии — «Книги царств»:

«Се Ровоам, сын Соломонь. — Мудр был Соломон, а сей мудрейши отца своего. Сей глаголет: истяжу вы паче отца моего и приумножу тяготы ваши. Юность бо моя толстее чресл отца моего: отец мой бил вас бичами, а я буду бить вас скорпионами».

Это бы надо поставить эпиграфом, но ты это упустил. — Поставь хоть в конце. Слово библейское очень картинное.

Твой *Н. Лесков.*

Зачем ты не успокоишь Шубинского? Что это у тебя за пакостная манера, что ты никакого своего слова не можешь сдержать.

73
С. Н. ШУБИНСКОМУ

19 сентября 1887 г., Петербург.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Слухом слышу, что Вы уже приехали, но оком моим не зрю Вас и о сем стуждаюся и жажду, сетуя, зане глагол некий иму рещи к Вам. — «Почтите ли», или позовете, или где инде спотычку назначите? Черкните, пожалуйста, на новую мою квартиру, что еще ближе к Вам, —

Фурштадтская, четвертый дом от Таврич⟨еского⟩ сада, дом графини Орловой-Давыдовой, «Община сестер милосердия», № 50, кв. 4, первый этаж, ход из-под ворот с Фурштадтской. Надо сговориться насчет возмещения запрещенных рассказов. Я предлагаю это сделать посредством издания «Очарованного странника», в котором 11 листов. Издание его распродано. Книга веселая, занимательная и интересная. Экземпляр взят Н. Ф. Зандроком и давно уже дан в типографию для расчета. Вам только нужно обо всем этом спросить. — В «Русской мысли» (сентябрь ⟨18⟩87 г., стр. 533) — не поинтересует ли Вас отчетом об изданной Вами «первой книжечке» моих рассказов «Скоморох Памфалон» и «Спасение погибавшего». Журнал находит в соединении их счастливую идею издателя и воздает похвалы Памфалону, ценя особенно язык рассказа — «своеобразный и напоминающий старинные сказания», а также «ясность, простоту и неотразимость». Вам это должно быть приятно, так как Вы первый и долгое время Вы единственный ценили этот рассказ, стоивший мне особого труда по подделке языка и по изучению быта того мира, которого мы не видали и о котором иосифовский «Пролог» в житии св. Феодула давал только слабый и самый короткий намек. Мне лично эта похвала и то, что «Скоморох» *всем* нравится и ото всех любим, — ничего не приносит, но я очень радуюсь за Вас — за Ваши скорби и досаждения, Вами перенесенные, и за глупые придирки со стороны тех, кому бы надо благодарить Вас за Вашу заботливость о приобретении настоящей «художественной работы», как ее ныне называют. «Скоморох» проживет сам собою дольше многого, что держится нахвалами и рекламами. Я над ним много, много работал. Этот язык, как язык «Стальной блохи», дается не легко, а очень трудно, и одна любовь к делу может побудить человека взяться за такую мозаическую работу. Но этот-то самый «своеобразный язык» и ставили мне в вину и таки заставили меня его немножко портить и обесцвечивать. Прости бог этих «судей неправедных». — Они, верно, отвыкли думать, что есть еще люди, которые работают не по-базарному, «без помарок», — прямо набело, «как вы⟨.....⟩, так и заморожено». Но «Скомороха» общество возлюбило, Лев Толстой благословил, критика хвалит, и говорят, будто художник

готовит картину на выставку, где изображен наш скоморох. Сцена взята та, когда Феодул лежит на циновке у Корнилия. Корнилий в шутовском уборе собирается идти на потеху, а в двери его стоят две призывающие его к гетере «нильские змеи с играющею кровью и запахом страстного тела». Стало быть, Вы оправданы множицею, и я за Вас, добрый друг мой, радуюсь: мы дали публике настоящее литературное произведение в дни полного упадка и базарничества. Пособляйте скорее разделаться с возмещением за запрещенный «Кадетский монастырь» и за «Пигмея». — «Очарованный странник» вполне к тому способен и достоин. — Рассказ для Вас почти готов. Это «Инженерные бессребреники» (Брянчанинов, Чихачев и Фермор). Деньги нужны. К 150 ⟨руб.⟩ аванса, за мною состоящего, любезно и безопасно было бы дать еще 150. Это было бы очень кстати теперь. А «дает хорошо тот, кто дает скоро». Подпрапорщик Андрей Николаевич Лесков 16 сент. произведен в офицеры с переводом в Новгород. Это (то есть перевод) стоил неимоверных усилий при помощи М. И. Пыляева и генер⟨ала⟩ Асташева. Я рад, что буду иметь его близко к себе. Перевод в гвардию обещают через год. Теперь их благородие желают обмундировываться... «Приказ» о них пошел в Данию для подписи и будет объявлен 3 октября. Вера перестала петь и выходит замуж. Совершилось это в Аренсбурге.

Ваш *Н. Лесков.*

74

А. С. СУВОРИНУ

30 сентября 1887 г., Петербург.

Поздравляю Вас с благополучным возвращением и принятием за дело. Сегодняшняя статейка о Каткове и о глупостях хромого Голицына прекрасна, но в ней есть маленькая погрешность в определении характера М⟨ихаила⟩ Н⟨икифоровича⟩. К удивлению, в нем действительно всегда замечалось очень странное и подчас очень смешное стремление к аристократизму. Он любил «высокое положение» в людях, особенно — родовое, и благоволил к тем, кто имел знакомства в том круге. С этого,

например, началось и долго на этом главным образом держалось его благорасположение к Маркевичу, у которого, — как это ни смешно, — он брал примеры обхождения и старался пришлифовать к себе его совсем не утонченные манеры. Это было известно многим, а мне раз довелось видеть пресмешной случай в этом роде. Маркевич был толсто⟨...⟩ и имел удивительно округленные окорока, по которым умел при разговоре громко хлопать себя ладонями. Один раз, споря с М. Н. в своей квартире, в доме Зейферта на Сергиевской, Маркевич в пылу спора все прискакивал и отлично прихлопывал себя по окорокам, что, видимо, нравилось М. Н—чу и Евгению Богдановичу, который тоже хотел так хлопнуть, но у него не вышло. После этого тотчас Маркевич пошел провожать Богдановича, а М. Н. остался один в кабинете, а я в зале, откуда мне было видно в зеркало, что делается в кабинете. И вот я увидал, что М. Н. встал с места, поднял фалду и начал себя хлопать по тем самым местам, из которых Маркевич извлекал у себя громкие и полные звуки... У М. Н—ча ничего подобного не выходило, и он, оглянувшись по сторонам, сделал большие усилия, чтобы хлопнуть себя, как Маркевич, но все это было напрасно: звук выходил какой-то тупой и плюгавый, да и вся фигура его в этом положении не имела той метрдотельской, величавой наглости, какою отличалась массивная фигура Маркевича.

Тогда М. Н. вздохнул, опустил фалду и с усталостью и грустью сел писать передовую статью, в которой очень громко хлопнул по голове Валуева.

Но уверяю вас, что эти пустяки совсем мною не выдуманы.

Ваш *Н. Лесков.*

P. S. Не будет ли Вашего усердия когда-нибудь взглянуть у меня превосходный портрет какой-то дамы, который считают «портретом русской актрисы». Пересмотрели его многие сведущие люди, и никому не удалось узнать, кто это такая. А между тем это портрет замечательной кисти.

Не согласились ли бы Вы напечатать, за моею, конечно, подписью, статейку о гимназии в Аренсбурге, где всё учатся сыновья рыбаков и прачек, а благородных

всего пятнадцать учеников, и те двух фамилий: семь баронов Нолькенов и восемь бар⟨онов⟩ Буксгевденов. — Ивана Делянова с его последним распоряжением, кажется, позволяется сажать на кол тою частию его тела, которая у него более прочих пострадала.

75

С. Н. ШУБИНСКОМУ

3 октября 1887 г., Петербург.

Ваши письма, Сергей Николаевич, приходили в такие минуты, когда я не мог ни на одно из них ответить. На этих днях произошла свадьба Веры и приезд Андрея. Оба эти события требовали моего личного тормошения, кончившегося тем, что я разболелся и лежу. Тем не менее я отвечал Вам на Вашу записку, при которой были присланы листы «Запеч⟨атленного⟩ ангела», и не моя вина, что Вы этой записки не получили. Я написал ответ, надевая фрак, чтобы ехать благословлять невесту, и послал ответ Вам с тем же посланным, который принес Ваше письмо. Следовательно, я ни в чем не виноват, а виноваты какие-то порядки, от меня не зависящие.

По моему мнению, «Запеч. ангел» есть такой рассказ, в котором не должно быть никаких исключений. Его печатал Катков и хвалил царь Александр II и царица, присылавшая генерал-адъютанта выразить мне ее благодарность. Это знают Тизенгаузен, Кушелев, Пиллер, Контакузен и министр Толстой, а также Мещерский и Победоносцев. Сделанные вымарки глупы, беспричинны и портят рассказ. Для меня — лучше бы его в этом виде не печатать, но я не люблю спорить и написал Вам, что поступите так, как Вы с Ал. Серг. Сувориным заблагорассудите. Я спорить и прекословить не буду. Следовательно, опять дело за Вами, а не за мною.

Что «Зерцало» есть книга переводная, — это я знаю. Тут и Пекарский не нужен, но она была у нас книгой универсальною, как в Англии брошюра «О вежливости». По тому, что ею интересовались, можно понимать, как она приходилась по обстоятельствам. — Что я не попадаю в тон «Историч⟨еского⟩ вест⟨ника⟩», — это я тоже знаю, но помогать себе в этом не могу и не хочу. Я думаю

заодно с теми, кому кажется, что «все роды литературных произведений хороши, кроме скучного». Я люблю вопросы живые и напоминания характерные, веские и поучительные. Терпеть не могу писать вещей, относящихся к разряду: «ни то ни сё». Что интересно, весело, приправлено во вкус и имеет смысл, — то и хорошо, а всякая «вода с Аполлоновых ⟨...⟩» — есть помои, которых сколько ни лей, все до них никому нет дела. — К этому разряду относится все «изобилие материалов», о которых говорят во многих редакциях. — Пусть в это попадает кто хочет.

С Андреем я засуетился по неопытности. Мне помнилось, будто Вы говорили: «Куда деть военное пальто?» Вчера я, однако, нашел ему готовую теплую шинель и в ней отправил его вчера же в ночь в Бронницы. Вы на меня не сердитесь, что я обратился к Вам с такою фамильярностию, — я думал, что Вам Ваши военные вещи не нужны и им лучше найти сбыт, чем пропадать зря, а к тому же недосуг и внезапно наступивший холод, при неопытности насчет военной справы, совсем сбили меня с толку. Мне очень хочется, чтобы Вы мне это простили. Не разыщи я вчера случайно теплой офицерской шинели, — бедный мальчик смертельно бы мог простудиться. В таком затруднении — всюду кинешься. Пожалуйста, простите.

О «Запеч. ангеле» я сделаю все так, как Вы с Алекс. Серг. скажете. Вам ведь все равно идти под суд: Вы уже напечатали «Странника» без моей записки, и я еще не подавал на Вас жалобы. Думаю сорвать с Вас рублей тысячу на мировую и тем удовольствоваться. Вы покряхтите, а все-таки заплатите, и зато тогда у Вас будет хороший материал — на что жаловаться.

Ваш *Н. Лесков.*

76

В. М. ЛАВРОВУ

5 октября 1887 г., Петербург.

Уважаемый Вукол Михайлович!

Уведомляю Вас, что я получил 300 руб., присланные мне Вами через контору Юнкера. Благодарю Вас за эту присылку. Сегодня я послал Вам рукопись: «Инже-

неры бессребреники». В ней три печатные листа с небольшим. Так я заключаю по объему всей рукописи. Послана она Вам по почте, посылкою в холсте, на Ваше имя и на Вашу квартиру «с доставкою на дом». Переписывать было некогда, чтобы не опоздать дать ее Вам для набора к ноябрьской книжке. Рукопись, впрочем, несмотря на помарки и дописки, достаточно четка и ясна для типографии. Но черновой у меня нет, и я усердно Вас прошу иметь это в виду и уведомить меня тотчас же, как рукопись будет Вами получена, что должно состояться 7-го—8-го октября.

Пока я не получу от Вас такого уведомления, это будет меня немножко беспокоить, и я сочту за любезность с Вашей стороны, если Вы не замедлите уведомлением.

Картины, представляющие ужасное время ипокритской и подлой поры безгласицы, — терзательны, но зато представляют свое время яко в зерцале. Теперь у Вас моей работы должно быть листа 4 — под нее получено авансом 300 руб. Таков наш счет с Вами. «Челядь», конечно, идет без моей корректуры, но «Бессребреников» прошу прислать в полосах, до сверстки, но по последней корректуре. Иначе — не утерпишь, чтобы не делать поправок корректорских, а это непременно увеличит пестроту необходимых авторских поправок. Через небольшое время я Вам пришлю небольшую статейку о современных офицерских нравах, написанную по книге, сочиненной гг. офицерами и выпущенной в свет под заглавием «Досуги Марса». Это очень глупо и очень характерно, а потому и интересно. Это составит что-нибудь около полулиста или немножко более. Желательно ли Вам это? Прошу написать. А то это годится и в «Историч⟨еский⟩ в⟨естник⟩», но я думаю, что Вам не худо заставить поинтересоваться Вашим журналом многочисленный состав военных читателей.

Был у меня С. Н. Терпигорев и много удивлялся, что Вы ему не даете никаких известий о сданной им повести или романе. В чем дело? Вы бы это лучше как-нибудь разъяснили.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

P. S. Кланяюсь Виктору Александровичу и г. Ремезову. Последнему прошу сказать, что я ему очень благодарен за отзыв о «Памфалоне-скоморохе». Как Ваши дела с Н. Н. Б—вым?

77

С. Н. ШУБИНСКОМУ

6 октября 1887 г., Петербург.

Уважаемый Сергей Николаевич!

В «Запеч⟨атленном⟩ ангеле» семь листов. Отдать такой рассказ на 10 тыс. экземпляров за сто рублей просто ужасно!.. Подумайте, во что это обойдется лист? Даже считать стыдно... И для чего уж это такая дешевизна? Мне кажется, что за рассказ дешево дать и по 25 руб. за лист. И так я никому не продавал. Я знаю, что Вы укажете на особенности условия, — это так; но ведь все же 10 тыс. экземпляров!.. Не найдете ли Вы и Алексей Сергеевич справедливым дать мне ту, очень малую цену, которую я считаю справедливою и дешевою, то есть по 25 руб. за лист, или хоть 150 руб. за всю штуку? Пожалуйста, поговорите и напишите мне. Несправедливо же дать за «Ангела» в 7 листов — то же самое, что за «Пигмея» в два листа!

Ваш *Ник. Лесков.*

78

В. М. ЛАВРОВУ

30 октября 1887 г., Петербург.

Уважаемый Вукол Михайлович!

Возвращаю Вам корректуру «Бессребреников» с добавкою предисловия. Оно необходимо, чтобы обеспечить себя на тот случай, если что-либо окажется не вполне исторически верно. Этим, собственно, и начнутся «общественные апокрифы», продолжение которых для Вас нимало не обязательно. Понравятся они Вам и Вашим читателям, — будем их продолжать под общим заглавием «апокрифов», а не понравятся — я их перенесу в другое издание, но все под тем же необходимым упоминанием,

что это апокрифы, по устным рассказам. Предисловие прочтите в корректуре сами или попросите о том Виктора Александровича. Рукопись Терпигорева и «Челядь» получил, а Вам на декабрь пришлю маленький рождественский рассказ из орловского и елецкого быта, — история Кастовского (1837 г.). Это будет лист с небольшим.

Затруднений Ваших с «Марсом» не понимаю. Не все ли равно, куда это ткнуть, — лишь бы было интересно прочитать, а оно интересно. Корректуры идут под бандеролью, заказным, на адрес редакции. Кланяюсь Вам и Виктору Александровичу.

Ваш *Н. Лесков.*

79

В. Г. ЧЕРТКОВУ

4 ноября 1887 г., Петербург.

Добрый друг мой!

Позавчера я получил Ваше милое письмо от 30 октября из Крекшина. Оно мне было очень приятно, потому что я не остаюсь в долгу у Вас и сам люблю Вас, люблю Вашу умницу жену и люблю и чту в единомыслии с Вами человека, дух которого светит нам и ведет нас. Я рад, что Вы дорожите моей дружбой, и прошу Вас верить, что я искренно дорожу дружбой Вашею. Я приехал в П⟨етербур⟩г 22 августа и переменил квартиру. Живу теперь по Фурштадтской, в Общине сестер милосердия — Барятинской (нынче Орловой-Давыдовой). У меня просторно и чисто. Первый этаж и окна в сад. Я это люблю. Книги, о которых пишете, обе изданы. Особо посылаю Вам их по экземпляру. «Жидовин» напечатан во множестве, и право на него дано (бесплатно) на два года. «Скоморох» напечатан Сувориным в числе 10 000 экз. и продается хорошо. Таким образом, обе эти книжечки распространяются очень хорошо, и прилагать усилия к тому, чтобы еще более распространять их, едва ли есть надобность. Притом же на «Жидовина» обращено неблагосклонное внимание по упованию мин⟨истерства⟩ народн⟨ого⟩ просвещ⟨ения⟩, которое усмотрело в рассказе нечто вредное. Следовательно, новое издание, да еще с Вашею фирмою, едва ли было бы разрешено

теперь. Настроение теперь таково, что, например, Суворину не дозволили печатать «Пигмея» и «Кадетский монастырь» и весьма измарали «Запечатленный ангел». Пишу я кое-что, что меня самого нимало не радует и даже не занимает, — единственно для «буар, манже и сортир». К сожалению, это необходимо, и об этом распространяться нечего. Рассказ «На краю света» принадлежит книгопродавцу Игнатию Лукьян⟨овичу⟩ Тузову, мужу крепкому и к деньге усердному, а потому об издании этого рассказа теперь не может быть и разговора. Да и еще скажу: если «Запеч. ангел» вернулся весь исщипанный, то «На краю света» и пытаться нечего представлять. Не то ныне время, чтобы возобновлять подобные вещи, и лучше не обращать на них внимания злодеев. Здоровье мое не очень худо, но и не хорошо. По Вас и по Анне Константиновне скучаю и давно жду Вас. Я думал, что Анна Константиновна уже привела на землю нового странника, а она еще все собирается... Да облегчатся ее страдания мужеством ее прекрасной души. Скажите ей мой поклон и что я жду услыхать, что она уже оттерпела свои муки. О Л. Н—че мне все дорого и все несказанно интересно. Я всегда с ним в согласии, и на земле нет никого, кто мне был бы дороже его. Меня никогда не смущает то, чего я с ним не могу разделять: мне дорого его общее, так сказать, господствующее настроение его души и страшное проникновение его ума. Где есть у него слабости, — там я вижу его человеческое несовершенство и удивляюсь, как он редко ошибается, и то не в главном, а в практических применениях, — что всегда изменчиво и зависит от случайностей. — Друг мой Филипп Алексеевич Терновский никогда не был священником, а был профессор Киевск⟨ого⟩ университета и Духовной академии. Выгнан с обоих должностей Деляновым по требованию Лампадоносцева и умер в нищете в Киеве, где остались его дети, круглые сиротки. Это был человек огромного ума, дивного сердца и поразительных познаний. У меня много его писем. Сироты его почти без куска хлеба при старой бабушке. Умирал шутя и, улыбаясь, шутил над Лампадоносцевым, что «и он даже может убить человека». Смерть его описана мне проф. Лебединцевым. Бирюкова не вижу. Пусть это будет ему стыдно. Писаний Л. Н. читать жажду, но не имею их.

Критику догматич⟨еского⟩ богословия списал. Это очень умно и тонко прослежено. Не можете ли написать, чтобы мне что-нибудь дали почитать?

Братски любящий Вас

Н. Лесков.

80

А. С. СУВОРИНУ

6 ноября 1887 г., Петербург.

Уважаемый Алексей Сергеевич!

Мне приходится навещать умирающего Бурнашева. Ужас нищеты и горя, в которых он находится, невозможно передать словами. Он буквально гол и ходит на четвереньках, потому что не может распрямиться. Конечно, я ему не в силах помочь сколько нужно, ибо нужно все. Он поручил мне просить Вас «от умирающего» напечатать о нем обращение к общественной помощи, не скрывая его имени. Я исполняю эту просьбу и прилагаю при сем текст для обращения. Если это возможно, — не откажите. Он брошен всеми решительно, и хотя, быть может, он и сам неправ, но страдания его ужасны, а он — человек... За верность его просьбы я перед Вами отвечаю.

Преданный Вам

Н. Лесков.

81

А. С. СУВОРИНУ

9 ноября 1887 г., Петербург.

Уважаемый Алексей Сергеевич!

У меня есть полудетский, полународный рассказ «Пугало», печатавшийся три года тому назад в детском журнале Вольфа как «святочный рассказ». Он представляет доброго, честного мужика, «постоялого дворника», которого считали вором и разбойником без всякой иной причины, кроме того, что он был страшен собою и нелюдим, а также скрывал свою жену — дочь отставного

палача. Это истинный кромской случай. Мужик этот привозит большие деньги проезжему, который у него их забыл. — Рассказ читали с удовольствием и большие и дети. В нем три листа, и он цензурен и нигде в особой книжке отпечатан не был.

Позвольте мне предложить Вам: признаете ли Вы за удобное взять этот рассказ для третьей или (после «З⟨апечатленного⟩ ангела») четвертой книжечки «Дешевой библиотеки» моего изделия? — В таком разе я доставил бы Вам печатные листки этого рассказа.

Не знаю, говорил ли Сергей Николаевич с Алексеем Петровичем об «Ангеле». Рассказ был продан Базунову; книги Базунова проданы с аукциона. Не могу себе уяснить: неужто Вольф, купивший книги Базунова кучею и вразброд, имеет права этого издателя, обанкротовавшего?.. Одни говорят: «Не имеет: все условленное с банкротом кончается», а другие путают что-то неудобопонятное. Не спросите ли Вы Алексея Петровича: правильно ли мы поступаем?

Преданный Вам

Н. Лесков.

82

В. М. ЛАВРОВУ

24 ноября 1887 г., Петербург.

Уважаемый Вукол Михайлович.

Книжку за ноябрь получил и удивляюсь Вам, как пронес бог два-три места в «Бессребрениках». — Вы напрасно научились у Мих⟨аила⟩ Никиф⟨оровича⟩ не отвечать на деловые письма. Это внушительно, но пренеудобно, что я сейчас и чувствую и Вам объясню.

Я Вам писал, что изготовлю «святочный рассказ», и просил известить: нужно это Вам для декабрьской книжки или не нужно. Такой или другой ответ, по значению своему, для меня были безразличны, не открывали мне карты. Вы ничего не ответили, а в это время приезжает Гайдебуров и просит рассказ «на декабрь».

В эту минуту (8 час. утра 24 ноября ⟨18⟩87 г.) рассказ у меня на столе: готовый, переписанный и вновь основательно измаранный. Теперь его остается только

отдать и напечатать. В нем два листа; он называется «Родственная услуга»; по жанру он бытовой, по сюжету — это веселая путаница; место действия — Орел и отчасти Елец. В фабуле быль перемешана с небылицею, а в общем — веселое чтение и верная бытовая картинка воровского города за шестьдесят лет назад, при Трубецком и Куриленко. По-моему, рассказ одинаково удобен Вам, Гайдебурову и Шубинскому, но я Вам о нем писал раньше других и считаю неудобным распорядиться им, не получив от Вас отказа.

А потому усердно прошу Вас по получении сего письма, в 25-й день ноября ⟨18⟩87 г., — тотчас телеграфировать мне три слова: прислать ли Вам рассказ, или у Вас материала довольно. В первом случае я вышлю Вам рукопись 26 ноября, и 28-го она будет уже в Ваших руках; а во втором случае я ее тотчас же отдаю здесь, и опять дело устраивается удобно для меня, для Вас и для третьего, кому рассказ нужен.

Во всяком случае, я буду считать себя не свободным перед Вами *до 26 ноября* включительно, а если и 26-го Вы мне ничего не ответите, — я сочту это за то, что Вам мой рассказ не нужен, и тогда отдам его в другие руки.

Очень желаю, чтобы Вы и Виктор Александрович нашли образ действий чистым и правильным.

Ваш *Н. Лесков.*

P. S. Что же Вы будете делать с моею заметкою о военных? Я Ваших затруднений *не понимаю* и, вероятно, никогда не пойму, но возвратили бы, да и конец. Эти вещи все уходят.

83

А. С. СУВОРИНУ

28 ноября 1887 г., Петербург.

Уважаемый Алексей Сергеевич!

Сегодня я написал Таганцеву, что я не хочу оставаться в Лит⟨ературном⟩ фонде и слагаю с себя звание члена. Вчера я хотел посоветоваться с Вами, — что предпочесть: сложение с себя звания или требование, чтобы мне предоставили возможность прочесть перед полным собранием записку, в которой я изложил бы критику на

прошлое и представил бы мои соображения на будущее. Я надеялся написать дельную критику и имею дельные мысли для того, чтобы общество это служило своему делу. За ночь я решил, что мне нужно отказаться от членства, потому что иначе в том, что я буду говорить, можно будет находить, как будто я ищу там чести для себя, а это может убивать всю силу моего слова, задуманного крепко. Теперь мне нужно место для одной большой статьи, зараз напечатанной. Потом могут понадобиться две-три отповеди. Могу ли я рассчитывать, что место это дадите мне Вы, так как у Вас мне приятнее и удобнее вести это дело, чем где-нибудь в другом органе. Мои мысли пусть и будут моими, за моею подписью; а Вы, — в чем не согласитесь со мною, — ставьте свои примечания. Я надеюсь, что мы будем говорить не пустяки и не в пустыне и проберем кручину этим сухим и неспособным к делу «милостивым государям». Я боюсь, что Вы не похвалите меня за то, что я сложил звание члена, но это необходимо. Иначе я не мог бы говорить все, что думаю, и тем сильно бы себя ослабил. Моя основная мысль та, что глупо выбирают по партийности, по чинам и по литературному значению. Надо выбирать по способности служить добру, а не по важности чина или литературного значения. М. И. Пыляев, Вы, я, Шубинский, Гей — все пригоднее, чем, например, Кобеко или Утин. И потом — разве надо капитал собирать, а не завести на него врача, койки в больнице, вакансии в приютах, №№ в дешевых квартирах и т. д. Словом: благословите или нет? Я очень хочу теперь за это взяться.

Ваш *Н. Лесков.*

84

В. М. ЛАВРОВУ

4 декабря 1887 г., Петербург.

Уважаемый Вукол Михайлович.

Я и в помышлении не имел сказать Вам что-нибудь укоризненное или колкое и о Каткове вспомянул просто шутки ради. Если это имело вид обиды, или по меньшей мере — неуместности, то, пожалуйста, не причтите это к

умыслу моему, а отнесите к неудачности выражения и приятельски простите. Я ничего, ровно *ничего* не имею ни против Вас, ни против Виктора Александровича Гольцева, и мне неприятно знать, что Вы думаете об этом иначе. Ни Вы, ни Гольцев не оказали мне ничего, кроме милой ласки и предупредительности, и я плачу Вам за это самою чистосердечною приязнью. Вот и все. Полного согласия во взглядах на все предметы и условия не бывает между людьми, и, конечно, я не из тех, кто считает свои взгляды непогрешимыми, а чужие ошибочными. Если бы Вы знали меня ближе, то знали бы и то, что я всегда бываю уступчив и не спорлив. Переписываться дело довольно тяжелое, но необходимое. Я пишу вещь, подготовляя ее к потребностям одного журнала, а она выходит ближе к другому. Надо же списаться, а если ответа нет, выходит затруднение. Из письма моего Вы должны бы, кажется, усмотреть, что я не имел самолюбивых претензий, а *у Вас у первых* спрашивал, не нужно ли Вам. И потом только дал эту работу другим. В чем же «недоразумение»? Я ничего не вижу. «Досуги Марса» ставьте где хотите и когда хотите. Я писал только о том, что если они Вам *не* годятся (чего я не думаю), то возвратите их мне. Это просто потому, чтобы Вас не связывать, так как эти маленькие отрывочки легко уходят в газеты.

Еще раз прошу Вас — не думайте, что я мог иметь желание сказать Вам колкость, и верьте моей искренней к Вам приязни.

Ник. Лесков.

85

А. Н. ПЕШКОВОЙ-ТОЛИВЕРОВОЙ

17 декабря 1887 г., Петербург.

Я только два дня тому назад вычитал в древнем Прологе рассказ о ручном льве святого Герасима. Но рассказ, по обыкновению житийных описаний, скуден и требует домысла и обработки, а это опять требует восстановления в уме и памяти обстановки пустынножительства в первые века христианства, когда процветал в Аравии св⟨ятой⟩ Герасим. Поэтому я не могу обещать, *когда*

я дам этот рассказ, а только я его дам. Вероятно, это во всякое время Вам пригодится. Написать же историческую или «житийную» сценку с налета, как пишут про зайчика или про курочку, — невозможно. — Рассказ будет очень небольшой, потому что такова вся фабула Пролога, а когда он будет готов, — я его пришлю.

Н. Лесков.

86

А. С. СУВОРИНУ

26 декабря 1887 г., Петербург.

Усердно Вас благодарю, Алексей Сергеевич, за то, что Вы согласны заявить об окончании мною обозрения Пролога, «как повествовательного источника». Я с удовольствием говорю, что сделал дело трудное и полезное для литературы. Пролог — хлам, но в этом хламе есть картины, каких не выдумаешь. Я их покажу все, и другому в Прологе ничего искать не останется. Я вытянул все, что пригодно для темы. — Где я это напечатаю, — это я еще не решил. Может быть, в «Русской мысли» или у Шубинского, если ему нужно. Но это листов пять, а у него всегда «изобилие материала». Прежде же я хочу напечатать образчик этого труда под заглавием «Повествовательные образцы по Прологу». Я дам там два милые рассказа — один во вкусе Л. Н., а другой во вкусе Курганова, — очень интересные. Это я, признаться, хотел предложить Вам на один-два фельетона, что, верно, было бы приятно Л. Н—чу, чтобы рассказ в его духе, стиле и манере явился бы в издании многочитаемом. — Что Вы мне на это скажете? Я мог бы дать это даже к Новому году. — За переписку повести деньги студенту уплочены уже П. Я. Леонтьевой (по 30 коп. за лист). О самой повести я вполне Ваших мнений. Пролог достать можно, но не сразу, и они дороги. Я, однако, закажу и Вас извещу. На днях приду к Вам. Апокрифы писать лучше, чем пружиться над ледащими вымыслами. Меня это занимает. — Что касается С. Н. Шубинского, то, право, говорить стыдно. Ему, словно соску дитяти, надо на кого-нибудь дуться.

87

А. Н. ПЕШКОВОЙ-ТОЛИВЕРОВОЙ

26 декабря 1887 г., Петербург.

Уважаемая Александра Николаевна!

Поздравляю Вас, не знаю с чем, — так разнообразны и многочисленны фамильные дни Ваши. Покорно Вас благодарю за бювар. У меня еще служит тот, который Вы принесли два года назад. Посылаю Верочке сумочку для платка, а в ней кофейную старинную чашечку. — Рассказ написал «вдоль» и положил лежать и улеживаться, а в удачный час пропишу его «впоперек», и тогда дам переписать отцу Пэтру и извещу Веру. — Гонорар она себе может сосчитать изрядный — около 1/2 печ⟨атного⟩ листа. Называется рассказ «Лев старца Герасима». — Слова «святого» надо избегать, а просто «старец». Ничего неприязненного к Вам не имею, но пребываю в мире и любви ко всем.

Смиренный *Николай-ересиарх*.

1888

88
И. А. ГОНЧАРОВУ

2 февраля 1888 г., Петербург.

Высокочтимый Иван Александрович!

В Орле живут две мои приятельницы, тамошние помещицы Страховы, — весьма искусные в переводах с русского языка на французский. Они просят меня испросить для них у Вас разрешение на перевод Ваших «Слуг». Я не могу отказать этим девушкам в том, чтобы довести до Вас их покорную и усердную просьбу. Если это возможно, — разрешите им сделать перевод и послать его к Вогюэ, а если невозможно, то не посердитесь на меня за то, что я позволяю себе беспокоить Вас моею просьбою.

Ваш искренний и глубокий почитатель

Николай Лесков.

P. S. Я пишу Вам, потому что боюсь лично Вас беспокоить, но если позволите, — я приду в то время, какое Вы мне укажете.

89
И. А. ГОНЧАРОВУ

11 февраля 1888 г., Петербург.

Высокочтимый Иван Александрович!

Статья в «Нови» написана бывшим приказчиком Вольфа, по фамилии Либрович. Он также занимается и литературою под псевдонимом «Русаков». Я об этом

узнал впервые теперь, именно по поводу статьи о Вас. Статья эта мне не нужна, и я прошу Вас не беспокоиться возвращать ее мне. Развязность, с которою говорит автор, мне тоже казалась очень странною.

Усердно благодарю Вас за внимание к легенде. Они все очень наивны, и их всегда приходится присноровлять. Я чувствую справедливость Ваших замечаний и высоко ценю Ваще внимание.

Почтительно преданный Вам

Н. Лесков.

90

А. Н. ПЕШКОВОЙ-ТОЛИВЕРОВОЙ

11 февраля 1888 г., Петербург.

Посылаю Вам рассказ. — Вчера мы его прочитали с Репиным и остались им довольны. Картинка у Вас будет через две недели. Потрудитесь сейчас отдать рассказ в набор и доставьте мне *два* экземпляра корректуры, чтобы один из них я мог сейчас же послать Репину. От этого будет зависеть скорость в изготовлении картинки.

Вы нехорошо поступили, не сказавши мне, что Стасов отказался просить Репина о рисунке. Я сыграл очень неприятную для меня роль, и это мне урок.

Н. Л.

91

В. М. ЛАВРОВУ

11 февраля 1888 г., Петербург.

Уважаемый Вукол Михайлович!

Письмо Ваше и рукопись «Сошествия» получил. Не думаю, чтобы она подлежала цензуре, но думаю, что она просто не нравится. Она найдет себе место. «Апокрифов» я поищу в моем архиве. Они действительно нравятся, но их трудно выбирать, чтобы они были цельны

и содержанием своим давали цельное же впечатление. Я пишу для Вас в том же фактически-повествовательном роде двух «обрусителей» в Остзейском крае, под заглавием «Фортинбрас и Оберон» (картинки с натуры). Как только допишу и перепишу, так и пришлю Вам, а если найду «апокриф», то тогда пошлю Вам апокриф, а Фортинбраса с Обероном отдам здесь по обещанию.

Ладно ли это по-Вашему или нет?

Напишите, если не ладно.

В «Петербург⟨ской⟩ газете» было что-то о Бахм⟨етеве⟩, будто он и Щедрина зацепил в «свидетели»... Чего свидетельствовать-то? Скажите поклон мой милому Гольцеву. Его за что-то на днях угрызал Буренин.

Дружески жму Вашу руку.

Н. Лесков.

92

А. С. СУВОРИНУ

11 февраля 1888 г., Петербург.

Посылаю Вам, Алексей Сергеевич, экземпляр «Захудалого рода». Желаю, чтобы он Вам понравился и чтобы Вы его издали. Я люблю эту вещь больше «Соборян» и «Запеч⟨атленного⟩ ангела». Она зрелее тех и тщательно написана. Катков ее ценил и хвалил, но в критике она не замечена и публикою прочитана мало. Если есть досуг,— пробежите ее. Книжка может выйти в полтинник, и это будет удобно Вам, публике и мне. Я буду ждать от Вас ответа даже с нетерпением, потому что это моя любимая вещь.

Что Вы пишете о притуплении своего вкуса, то это неправда. Рецензии и заметки этого не обнаруживают, да и немолодой век еще не есть престарение. Отчего бы Вам потерять то, что Вы имели?! Это у Вас «мерехлюндия». Но, кроме вкуса, у Вас есть еще и честность в оценке, — чего у других совсем нет. Это меня возмущает глубоко, до страдания. На днях я виделся случайно с критиком, который говорил много обо мне и о Вас, что мы, дескать, могли бы быть так-то и так-то поставлены, но нам «сбавляют успешный балл за поведение». Я отве-

чал, что мы оба «люди конченые» и нам искать расположения уже поздно, но что, по моему мнению, в нашем положении есть та выгода, что оно создано органически — публикою, а не критиками, и что критики нам ничего не могут сделать ни к добру, ни к худу. Оно так и есть. Я знаю для себя только один существенный вред, что до сих пор не мог продать собрания сочинений. Это дало бы мне возможность год, два не печататься и написать что-нибудь веское. Изданы уже все, кроме меня, — а меня и читают и требуют, и это мне нужно бы не для славы, а для покоя. В этом отношении ругатели успели меня замучить и выдвинуть вперед меня Сальяса, Гаршина, Короленку, Чаева и даже Лейкина. Слова же в помощь мне — ниоткуда нет, да теперь оно вряд ли и помогло бы делу, важному для меня только с денежной стороны. Но я и с этим помирился и приемлю яко дар смирению нашему. А экономически это все-таки меня губит.

«Катехизис» и «Исповедание» для Вас списывается. Это прелюбопытно, но я сомневаюсь, чтобы это было «народно». Я знаю штунду и в этом «Катехизисе» не узнаю ее. Об этом я Вам сообщу заметку. — О прелестницах по Прологу напишу.

Искренно преданный Вам

Никл. Лесков.

93

И. А. ГОНЧАРОВУ

12 февраля 1888 г., Петербург.

Посылаю Вам заметочку, которую хотел бы поместить в хронике «Нового времени», с целию рассеять неприятные для Вас «преувеличения». Не откажите пробежать эти строки, и если они не усугубляют путаницы и Вам не противны, то возвратите заметочку мне, а я отошлю ее Суворину. — Вчера был у меня редакт⟨ор⟩ «Историч⟨еского⟩ вестника», генер⟨ал⟩ Шубинский, который ежедневно видится с Сувориным, и при разговоре о «воспоминаниях» Русакова я прочел из Вашего письма ко мне то, что касается этих воспоминаний. — Всем

кажется, что это стоит исправить, но я боюсь, чтобы это не было почему-либо Вам неприятно.

Ваш слуга и почитатель

Н. Лесков.

94

И. А. ГОНЧАРОВУ

13 февраля 1888 г., Петербург.

По духу Вашего письма, Иван Александрович, я должен, кажется, думать, что разъяснительная заметка Вам более *не* желательна, чем желательна. У меня же нет никаких иных целей, кроме того, чтобы сделать Вам угодное. Следовательно, для меня безопаснее — оставить эту поправку без употребления, потому что в самом деле возможно, что автор тоже захочет поправляться, и дело может дойти до того, что окажется надобность в Вашем собственном слове, — а это Вам сделает неприятность. А потому я не пошлю заметки Суворину. Но позвольте Вам указать на опасность другого рода: «алмаз алмазом режется, а репортер репортером опровергается». Почему Вы не думаете, что завтра или послезавтра какой-нибудь репортер со слуха пожелает опровергнуть Р⟨уса⟩кова и напишет своею хамскою рукою самый развязный вздор, который и напечатает без всяких стеснений?.. Вот, может быть, почему и следует предотвращать это строками, составленными более или менее толково и не на задор.

Искренно преданный Вам

Н. Лесков.

95

В. Г. ЧЕРТКОВУ

5 марта 1888 г., Петербург.

Милый друг Владимир Григорьевич!

Простите меня, что я Вам долго не отвечал. Я хотел Вам прибавить к «Даниле» женщину «Азу», а Суворин целый месяц приловчался, чтобы ее напечатать. Наконец она сегодня только вышла, с посвящением и послесловием, которые должны маскировать ее дух и направле-

ние аксессуарами литературно-полемического свойства. Хорошо, что она вышла хоть под этим гарниром. Павел Иванович сердится, но я спокоен: мне думается, что всякий умный человек поймет, зачем положен гарнир, а не подано «о-натюрель». Натюрель бы села и не пронеслась в 30 000 экземпляров во все концы России. Далее, мы можем гарнир отбросить и подать «Азу» в ее чистом виде. Пав⟨ел⟩ Ив⟨анович⟩ этим немножко успокоился. Читайте, обдумайте и все подробно и искренно мне отпишите. Я люблю Ваши мнения и дорожу ими. Печатать «Азу» и «Данилу» можете где хотите, но я думаю, что теперь нигде не напечатаете, — разве за границею. Но я на все согласен с Вами, — лишь бы идеи милосердия проходили в народ. Писать так просто, как Лев Николаевич, — я не умею. Этого нет в моих дарованиях, — притом цензура нас развратила, приучив все завертывать в цветные бумажки. Принимайте мое так, как я его могу делать. Я привык к отделке работ и проще работать не могу. — Жалею, что не вижу Вас и Анны Константиновны, с которою, мне все кажется, я будто был уже когда-то знаком, очень давно. Жалею о ее болезнях и немощах и никак не могу оправдывать Вашей настойчивости, чтобы она кормила дитя своей слабой грудью. Вы пишете о «гармонии». Разве одна женщина не должна помочь другой в том, в чем эта слаба? Не понимаю Вас и не одобряю, что Вы делаете и для жены своей и для своего ребенка. Не сердитесь за откровенное слово. Других не стоит говорить. Дружески обнимаю Вас и почтительно целую руку Анны Константиновны.

Искренно Вас любящий

Лесков.

96

А. С. СУВОРИНУ

18 марта 1888 г., Петербург.

Критическая статья о картине К. Маковского «Смерть Грозного» — очень умна, метка и справедлива. Несмотря на ее спешность, она останется памятною и художнику и читателям. Картина истолкована прекрасно, а что от нее

следовало спрашивать — показано еще лучше. Вы напрасно жаловались на утрату чуткости и вкуса, а я вам возражал «в правиле». Это очень хорошая, умная, зрелая и в то же время спокойная и необидная заметка. М⟨аковскому⟩ стыдно будет, если он рассердится или обидится. Так бы надо писать и обо всех — кроме подлецов (то есть людей продажных), но, к сожалению, — так не пишут *ни о ком*. К замечаниям о представленном я прибавил бы, что Ирина *ни в каком случае* не могла «на людях» стоять в той позе, в какой она поставлена около мужа. Как ни исключителен момент, но женщина русского воспитания того века не могла себе позволить «на́ людях мужа ла́пити», а она его удерживает «обла́пя». Читайте Забелина, вспомните типический взгляд Кабанихи (Островского), схваченный гениально, наконец проникнитесь всем духом той эпохи, и вы почувствуете, что это «лапание» есть ложь и непонимание, как сцена могла сложиться в московско-татарском вкусе, а не во вкусе «живых картин» постановки К. Е. Маковского. Вы этого не заметили, или я говорю вздор? По-моему — я говорю дело... И далее: бездушность женских лиц в картинах Маковского есть их специальная черта. Многим думается, что в русских картинах это и кстати, так как русские женщины «были коровы». Это, однако, глупо и неправда. Были коровы, а были и не коровы, и Ирина, смею думать, не была корова, а она была баба с лукавиной и двоедушием. Неужели это не черты для живописца!.. У Алексея Толстого в «Потоке-богатыре» есть боярышня, которая ругается: «сукин сын, неумытое рыло» и т. д., а потом прибавляет про свой «девичий стыд»... Вот это наша старинная «царевна» и даже «царица»: «на людях» очей не поднимает, а «в дальней клети с соборным певцом ⟨...⟩ окарачивает». Художники боятся льстить — это хорошо, — но они не знают, что сами у себя характерную и вовсе не лестную правду жизни крадут. У меня есть этюд головы «боярышни» стыдливой, но ⟨...⟩, и никто из М⟨аковских⟩ и Р⟨епиных?⟩ до него не долезет. Я его когда-нибудь принесу Вам показать. И не забудьте, что он писан девушкой (то есть настоящей «мамзель», а не «гут-морген».) Что же М⟨аковский⟩-то все свою красивую куклу мажет!

97

А. С. СУВОРИНУ

25 марта 1888 г., Петербург.

Простите, Алексей Сергеевич, что я три дня медлю ответом на Ваше письмецо. Это потому, что хотел ответить обстоятельно. — «Монашеские острова», где описана поездка на Валаам, находится при базуновском издании «Запеч⟨атленного⟩ ангела». Их кое-кто любит, но я их терпеть не могу и всегда отрываю и бросаю. У меня их нет, именно потому что не люблю их. — Что Вы спрашиваете о Дамаскине?.. Я не совсем понимаю вопрос Ваш. Я о нем ничего не писал; что́ о нем писал Алексей Толстой, — то Вы знаете: на церковнослав⟨янском⟩ языке есть «житие» и потом еще «жизнеописание». Я вчера справлялся и ничего не нашел более. По историч⟨еским⟩ источн⟨икам⟩ он, надо думать, был «песнотворец» и вообще «художеств⟨енная⟩ натура» и порядочный интриган. Христианство он понимал навыворот и был неразборчив в средствах борьбы. Это не Исаак Сирин, который искал истины и милосердия, а Дамаскин вредил людям, которые стояли за христианский идеал, и довел дело до «иконопоклонения». Но я все-таки не знаю, что вы спрашиваете о Дамаскине, и, может быть, отвечаю Вам невпопад. — О «Маргарите» надо знать: сколько за него просят и *какого он выхода?* В этом есть разница. Но вообще на что он Вам?.. По моему мнению, — ни на что он Вам никогда не понадобится и никакой прелести в библиотеке не составит. Лучше уж купите когда-нибудь *одну* книгу (рукописную) «Зерцало великое», чтобы человек мог прийти к Вам и просить позволения «позаняться», а то срам, что надо в Москву к Буслаеву ездить. А «Маргаритов» сколько угодно у староверов, и им их и читать, а литератору они ни на что не нужны. — Таково мое посильное мнение. — Что «Аза» Вам нравится — этому я, понятно, очень рад. Я с нею столько мучился (буквально — мучился), что сам к ней примучился. Вчера приходил Полонский, которому я обещал отдать первую черновую, и трогательно меня целовал и все говорил мне милое и теплое. «Аза» писана с любовью и крайне тщательно. — Прошу Вас — велите набрать ее ранее и оставить корректуру у меня *на ночь*. Это очень полезно. А то

принесут на полчаса и сидят над душою. Я еще хотел бы в двух местах крошечку тронуть. — Прикажите тиснуть и прислать, а я возвращу, когда назначите, то есть через ночь. — Книгу Крамского взял с Вашего дозволения и многое в ней проследовал, например о Ледакове, Александрове, Стасове, Исаеве, Булгакове и др. Это лучший способ читать такие книги, и этим же способом узнаешь личность автора... Боже, сколько вздора все мы говорим и пишем! Н. И. Крамской, по-моему, не был «хамелеон», но был «с лукавинкой», без чего «нельзя на Московском государстве жить». Если бы был теперь ловкий фельетонист, — он бы по этой книге мог написать две-три такие штуки, что люди запрыгали бы, кто со злости, кто с радости, но это требует труда — и умного чтения, выборки и лукаво-добродушного изложения. А могло бы выйти много qui pro quo [1] и много смеху и колкости. — За книгу эту усердно Вас благодарю и кое-где пущу о ней весть в тоне забирающем и духу органа соответствующем. Но позвольте снахальничать и по-купечески еще что-то вымаклачить. В «агенстве» смеются надо мною, — как они «нажили» на «Смехе и горе». Знаете, как это колет... У русских купцов есть обычай в таковых разах давать «утешение». Я похвалился при всех, что выпрошу себе у Вас «утешение» в виде экземпляра Лейкснера, и, может быть, даже в переплете... Посудите теперь: каково мое положение, если Вы на это промолчите? А «прикинуть», право, стоит. — «Подозрительность» во мне, может быть, есть. Вишневский писал об этом целые трактаты и изъяснял, откуда она произошла. Он называет ее даже «зломнительством», но ведь со мною так долго и так зло поступали... Что-нибудь, чай, засело в печенях... Притом я знаю натуру того, с кем рядом упомянут: ему мало прилепить пятно, а еще надо и почесывать, а Вы — человек впечатлительный... Мы много прожили вместе, и я не хочу ничем огорчить Вас и потому вперед себя ограждаю от наветов «мужа льстива и двоязычна». Я люблю сказать прямо и сам прямое слово слушаю без досады и раздражения. Заметку о скотах опять Вам посылаю. Вы ее прочтите, разорвите и бросьте, — мне она не нужна: но разве это не надо знать газете?.. Я не понимаю Вас.

---

[1] Недоразумений *(франц.)*.

Это большое дело. Не нравится Финляндия — вычеркните ее, но ведь р⟨огатого⟩ скота *никуда* не пускают... Неужто это не вопрос? Я узнал это случайно — при встрече в гостях, и мне это показалось за любопытное.

Ваш *Н. Лесков.*

О скоте я слышал *сам* от инспектора медиц⟨инской⟩ части в Херсоне, который теперь приехал сюда по требованию начальства. Фамилия его «Сотничевский» (доктор).

98

А. С. СУВОРИНУ

26 марта 1888 г., Петербург.

По поводу Дамаскина мы говорим о разных лицах, и это я только догадываюсь, а вопрос Ваш и теперь неясен. Чехов, вероятно, говорил Вам о *валаамском игумене* Дамаскине, чего я не мог вообразить и старался отвечать Вам о настоящем Дамаскине, который просился у калифа «на волю», сочинял «панихиды» и стоял за иконопоклонение против идеалистов христианства.

Любим калифом Иоанн,
Ему что день — почет и ласка;
К делам правления призван
Лишь он один из христиан
Порабощенного Дамаска.

Валаамский игумен Дамаскин (это имя, а не прозвание) — в монашеском мире зван был «валаамский полицмейстер», и эта кличка ему была дана по шерсти. Он был штукарь по вызнаванию секретов, дипломат по сношениям, очень разумный эконом, — знал, где взять и где дать, и вот Вам его фигура и облик. — Как вы держитесь и хотите держаться с «Деш⟨евой⟩ библиотекой» вещей *чисто литературных,* то я не думаю, чтобы туда годились Валаам и его «полицмейстер». Говорить о нем правду — значит «терять дружбу» и «дразнить гусей», а повторять бабьи россказни и монашеские «афинейские плетения» недостойно издателя с литературным именем.

Это может делать синод, Тузов и подобные, но не Вы. Чехов — милый юноша, он может быть в каком-нибудь увлечении. Я это знаю, ибо сам все это прошел и описывал «старца Иону» из Выдубецкой пустыни, который оказался прохвостом и с помощью «церквина сына Тертия» оттягал у крестьян соседнего села всю землю и лес, купленные ими «на слово» и «под записочку» у княгини Екатер⟨ины⟩ Алекс⟨еевны⟩ Васильчиковой (рожд. Щербатовой), уверовавшей в Иону, как современные дуры веруют в Ивана Кронштадтского. Она завещала «все имение» Ионе (то есть его скиту), а скит на этом основании завел тяжбу с крестьянами, которые *купили* землю у своей бывшей помещицы «под записочку», и у них эту землю *отняли,* при содействии «церквина сына Тертия». Мужики (хохлы) сначала ревели, а потом озлились и стали монахов ловить и бить, а отпускали, наклав в порты крапивы. Поднялись дела — усмирения и ссылки... Этих «освященных» особ надо «подождать хвалить, дондеже чудеса сотворят». Валаамский Дамаскин заморил голодом крестьян, возбраняя им ловить рыбу у берегов острова под тем предлогом, что они подвозят ром, которым его монахи опиваются.

«Маргарит» — книга «беседная», — ее хорошо грабителю-купцу в пост читать. В библиотеке литератора она ни на что не нужна. Другое дело редкости «житийные», как «Зерцало» и т. п. Честь была бы Суворину, чтобы писатель пришел к нему в библиотеку и у него просил права поработать, тогда как теперь в синоде (2 экз.) книги не *дают,* а надо просить у Солдатенкова, Буслаева или Владимирова. На этакие книги — тратьте деньги, и Вы себя и других утешите; а на что Вам «беседность», во многом узкая и всегда очень скучная и не полезная? — Четьи-Минеи екатер⟨ининского⟩ времени *полные* имеют еще свое значение, но не важное, так как Феофан из них все поэтическое или легендарное повыпускал, а неполные к чему они? — «XIX век» еще не получил, но ожидаю и Вас очень благодарю. Это мне приятный подарок от Вас и «возмещение» нравственное за торговую насмешку надо мною. Усердно Вас благодарю и прошу не посердиться на мое попрошайство. По русским торг⟨овым⟩ обычаям, при хорошей «развязке» — продавцу полагается «магарыч» или «накидка». Соблюдите обычай.

Природу воронежскую хорошо описываете, и синодик воронежских людей интересен. Какие хамы у нас в дворянских собраниях и в думах: отчего ни Орел, ни Воронеж не имеют на стенах этих учреждений портретов своих даровитых уроженцев? В Орле даже шум подняли, когда кто-то один заговорил о портрете Тургенева, а недавно вслух читали статью «Новостей», где литературный хам «отделал Фета». Сколько пренебрежения к даровитости, и это среди огромного безлюдья!.. И газеты не дорожат своими людьми. Неужели Гаршин не стоил траурной каемки вокруг его трагического некролога?.. Я, ложась спать, думал: «Верно, А⟨лексей⟩ С⟨ергеевич⟩ велит поставить крестик и каемочку». Утром вижу — нет! Почему, спрошу? Нам, литераторам, он ближе, чем Скобелев! Он несомненно «пробуждал мысли добрые». Зачем все известия о приезде «действительных стат⟨ских⟩ советников» печатаются, а непристойным считается известить о приезде Чехова? Это уже Ваше, редакторское, пренебрежение. Пусть бы люди знали, что литераторы достойны внимания не менее столоначальников департамента. Прикажите быть к ним внимательнее, — это даст тон и другим, не умеющим ничего придумать. Вам это часто удавалось.

Смир⟨енный⟩ е⟨ресиарх⟩ *Николай.*

«Азу» ставьте когда угодно. На шестой неделе я Вам дам «Пасхальную ночь в аду» для пасхального номера. Не позабудьте уберечь место для этого полномерного фельетона ростом с «Данилу».

99

А. Н. ПЕШКОВОЙ-ТОЛИВЕРОВОЙ

14 апреля 1888 г., Петербург.

Мордовцева, без сомнения, надо спросить. «Так» подобные дела не делаются. Он мужик добрый и, без сомнения, не откажет Вам. Пересказывать он не мастер: он очень скверно пишет — манерно и с хохлокривляниями. — О французских картинах я одного

с Вами мнения. Письмо Соловьева-Несмелова я прочитал в тех местах, что касается меня. Очень благодарю его за хорошее обо мне мнение, но доводами его не убеждаюсь, а, напротив, еще более противуубеждаюсь. По словам Христа, по учению двенадцати апостолов, по толкованию Льва Ник⟨олаевича⟩ и по совести и разуму, — человек призван помогать человеку в том, в чем тот временно нуждается, и помочь ему стать и идти, дабы он, в свою очередь, так же помог другому, требующему поддержки и помощи. Это же и у Смайльса (книга «Долг», то есть обязанности). И я надеюсь, что никто не обличит меня в том, чтобы я когда-либо отказался от исполнения этого человеческого долга. Но я нигде, кроме католического катехизиса, не слыхал о долге накоплять суммы во имя кого-то умершего, дабы потом ими орудовать в филантропическом духе, да еще вдобавок по усмотрению особого учреждения, и притом такого, смею сказать, лядащего, пристрастного и мертвого учреждения, как Литературный фонд... Теперь это выходит уже какая-то чистейшая глупость, к которой я не имею никакой охоты присоединяться. Я могу допустить, чтобы Лит⟨ературный⟩ фонд был *исполнителем* выдач, мною указанных, но чтобы я дал мой труд в распоряжение этих приказных, — нет, слуга покорный!.. Я не признаю за ним ни доброты, ни ума, ни чистосердечия и никогда нигде не скрываю моего совершеннейшего неуважения к этому обществу. И вот об этом-то я стану хлопотать, чтобы католически капитализировать сумму доброты для того, чтобы вверить ее в руки Фонда?!. Ах, как это хорошо и как всесовершенно пошло! — Нет, я на это не пойду, да и другим бы не советовал. Касьян того и гляди перекинет кого-нибудь такого, после которого прямо надо будет подумать *о хлебе*. Вот тогда я, — если жив буду, — весь к услугам. Иначе же ни на какие комбинации, — особенно с Лит⟨ературным⟩ фондом, — я не только не пойду, и им не сочувствую и их осуждаю не только как бесполезные, но прямо как вредные. Лезть к обществу в карман часто не следует. Сегодня лезут «по поводу Гаршина», не зная еще *на что,* а завтра может явиться что-нибудь вопиющее вроде Лиды, Кущевского, Решетниковой или Бурнашева... И тогда опять лезть, опять

просить?! А не скажут ли нам: «брысь! надоели».— Словом, эта затея жалка мне, и очень жалко, что за нее взялись добрые ребята. Иначе стоило бы их поставить перед зеркало разума на всей красоте, не стесняясь плюнуть в бороду Фонду, который уже не раз обтирался от заслуженных им плевков.— К этому еще могу Вам сообщить, что я говорил о своем отказе тем, кого люблю за разум и веру, и они мне отвечали: «Так и следует»... Они ведь писали к Льву Николаевичу,— что же от него получили?.. Помощь нужна старцам, детям, больным, холодным и голодным. Надо приставить человека к возможности трудиться и зарабатывать, а немощного питать. Более ничего, ничего и ничего! Оле все затея, срам и глупость.

Н. Лесков.

P. S. Я советовал бы (и это очень нужно), чтобы затеяли сборник в пользу нуждающейся «литературной бабушки Татьяны Петровны».— «Сребра и злата не имам, а дар его же да ми господь вдам ей в веселии сердца моего».— Чего они смотрят-то, да не видят того, что *надо сделать.* Горька старость с нуждою, а не похороны... Идолы это, а не живые люди с живыми и чуткими сердцами.— А вон как «Лев» проектирует свои похороны: «вырыть яму на том поле, которое я пахал, и зарыть меня в нее просто, безо всего — без гроба, да *притоптать ногами,* а потом распахать да хлеб посеять, чтобы хлеб рос, а меня *знаку не оставалось»*!.. Вот кто «человек во всем значении слова»!.. А то еще с Фондом возиться! — Пусть заводят «бабушкин кошель», да пусть все дадут ей, что могут, *самое лучшее.* Я супротив других не дам ни меньше, ни хуже.

100

А. С. СУВОРИНУ

15 апреля 1888 г., Петербург.

Благодарю Вас за Ваше сегодняшнее письмо, более, чем за всю нашу переписку. Я знаю, что сознание своей вины есть величайший шаг, ибо с него начинается поворот. Слова Ваши: «и я в этом виноват» — есть пре-

красные слова человека, тронутого сознанием своей былой несправедливости. — Чего мне недостает? — Вы отгадали: именно *критики*. Я очень чуток, и правдивое замечание меня восполняет и родит во мне много мыслей. Критики я *никакой* не слыхал... Теперь я ко всему этому равнодушен, и «замалчивание» меня только смешит.

Журналисты молчат, а публика меня ласкает и любит. Этого довольно. Анатолий... говорил мне, что он у Андреевского имел... разговор о бестактной глупости «пропустить... замечательного писателя». Он хотел писать сам, хотел сводить меня с Стасюлевичем, — хотел сам все это сделать. Потом за то же брался Гончаров... *Я ничего этого не захотел по глубине чувствуемого мною оскорбления и ничего не хочу*. Я имею что нужно: я сыт, и публика меня любит. Нас с ней *теперь* нельзя поссорить, как это было сделано в глупые годы нигилизма. А «в борьбе» с пошлою злобностью (как сказано у Тургенева в «Помещике») таится наслажденье

Неистощимое презренье...
Как яд целительный, оно
И жжет и заживляет рану...

Не читали Вы — это видно. Иначе, может быть, Вы захотели бы указать вчера Виктору Петровичу, что повесть Боборыкина «У плиты» — есть *перелицовка* «Леди Макбет Мценского уезда»... Да! я Вас прошу — окажите мне дружбу — пробежите эту «Плиту», и Вы увидите, что это *моя фабула*, может быть значительно искаженная. И в «Вестнике Европы» этого *не узнали*, и Буренин тоже. Неужто это позволительно? Как бы, я думаю, Стасюлевич удивился, что напечатал «подражательность модисткам» и «предпочел список оригиналу»... По-моему, это стоит, может быть, указать, — и еще не поздно. Чтó Вы говорите о моей литературности, то я хочу оборотить к Вашей жизненности, о которой Вы упоминаете и на которую недаром сетуете. Отстрадали Вы ужасно много, может быть оттого, что над Вами в начале Вашего семьянства не было доброй критики... Все это, однако, прошло, и пусть не воротится в вашей памяти. Теперь, слава богу, — хорошо.

У одной Вашей девочки *чудесное лицо*... Какое-то превосходное слитие лучшего от отца и от матери... Она Вас должна много утешить. — Вы раз сказали о Горбунове, что он «более писатель, чем актер». Я это запомнил, потому что это правда. Вы хороший, живой писатель и *лучший,* по моему мнению, критик теперь, но по натуре Вы не редактор, а нрав у Вас актерский. Вы чувствуете вдруг, порывами, страстно и прекрасно, и Вам бы ездить, играть, увлекать и увлекаться и потом опять писать страстно. Редакторство не по Вашей натуре. — Вы сделали и делаете дело, но все-таки страдаете. Счастливым актером Вы были бы счастливы. Я мог бы, кажется, написать на Вас повесть не такую, как «У пристани» Смирновой... Хорошо это, что мы стариками стали друг другом заниматься.

Очень хорошо!

Рассказы, у Вас находящиеся, издавайте как хотите: я на все вперед согласен. Положите сами по совести и по расчету, — я буду доволен.

Вы меня не обидите. Желаемые переделки сделаю в корректуре. От Шуб⟨инского⟩ ни слуху ни духу; Гайдебурову нравится «Пасхальная ночь», из Москвы спрашивают о Прологах... Я ли буду виноват, если я опять «продам его за сребреники»? Вот настоящий «Сергий изнуритель»! А потом разобидится. Бируков (от Толстого) просил сто экз. «Азы» для кого-то в Москве. Приказали ли вы дать? Ему ста экз. не дают, а давали менее. Зачем не дают? — Толстой написал «Пустой барабан». Бирук. спрашивал меня: нельзя ли его у Вас напечатать, как «Азу»? Я отвечал, что поговорю с Вами и не сомневаюсь в Вашей готовности напечатать рассказ Льва Николаевича, но сомневаюсь в возможности — рассказ нецензурен. Я, однако, знаю его по устной передаче, — мы написали, чтобы Татьяна Львовна прислала рассказ в рукописи. «Пустой барабан» вроде Ивана-дурака.

Ваш *Н. Лесков.*

101
А. С. СУВОРИНУ

19 апреля 1888 г., Петербург.

Усердно благодарю Вас, Алексей Сергеевич, за экземпляр Радищева! Это уже не малый дар, и даже не средний, а большой, восходящий к разряду «поминков». Покорно Вас благодарю. Получилось письмо от Л. Н. об «Азе». Это совсем не то, что говорили. Он (как и Вы) пишет, что «ставит Азу выше всего», и дальше другие похвалы, о которых говорить нечего.

Ровно никакого замечания, — всю одобряет и хвалит с головы до ног и советует мне «еще написать такую». Но я очень устал и утомился, да и довольно этого жанра. Вчера получил письмо от баронессы Менгден и Трохимовского о переводе Азы на нем⟨ецкий⟩ и фр⟨анцузский⟩ языки. По мне это все равно. Что мне не приносит заработка, тем я нимало не интересуюсь. — Какая жалость, что в книге Радищева есть ошибочная буква! Это должно неприятно обидеть Вас. Надо совладеть с собою. Вы хотели сделать «совершенное», а Великий Сатирик хочет, чтобы все человеческие дела были «несовершенны». Не сердитесь на невозвратное. — Об участии в сборнике Гаршина Л. Н. Т. дал совершенно тождественный со мною отказ. Я читал его письмо. Оно, по обыкновению, очень мягко и добро, но содержит твердый и полный отказ, с прибавлением, что он Г—на «знал и любил», но *«по поводу его смерти»* не понимает цели делать что-либо общественное. «Помощь» он признает в тех же простых применениях, как и я им писал. Вы безмолвствуете, точно боитесь тронуть вопрос назревший, на котором этот Фонд можно бы весь вывернуть... Что это за такт?..

Вы писали Гайдебурову о Назарьевой, которой дали 75 руб., и написали, по их мнению, «резко» (словно «насмешка» не идет их величию), а почему бы не резко, но пристально не раскрыть служение их «Культу мертвых»? Это и есть *мое заглавие:* «Культ мертвых», под которым было два случая раздавить их как холодных гадин и бросить всем на смех, но Вы молчите и не хотите даже вызваться дать место... Я этого не понимаю. Победоносцы сделали им одолжение, запретив ношение

венков, а то бы они скоро доспели в ряды форменных похоронных шутов. Вы пренебрегаете делом, которое стоит честной защиты и которое привлекло бы на Вас горячую признательность всех литер⟨атурных⟩ бедняков, всех стариков и бесприютных вдов и сирот и оставило бы о Вас прекрасную память. Но Вы этого почему-то не хотите, и, еще хуже, я боюсь, что Вы когда-нибудь рассердитесь и сорвете на них справедливую досаду, а их надо не оборвать, а *доказать* их непригодность. На это надо (по-катковски) «предпринять поход» и отстоять свое мнение доказательно. Не понимаю, отчего Вам это не хочется! Покойная Александра Алексеевна приписывала Вам «самодурство», вероятно не отдавая себе ясного отчета в значении этого слова. Это слово было в ряду вокабул, которыми говорили сверстницы ее молодого века, и она его повторяла зря. На ней было сильное отпечатление нигилистического «помазания» и какое-то предопределение к несчастию, при полной возможности устроиться удобно в жизни. Я не вижу в Вас свойства, которое она назвала своим словом. Вы непостоянны, страстны и порывисты, и отсюда у Вас частая непоследовательность, но рядом с тем Вы способны и к очень прочным привязанностям!.. Стало быть, есть и последовательность. «Привязанность» Вы тоже внушали и внушаете. Вы любимы в своей семье. Вас искренно любил покойный Вас⟨илий⟩ Марков и теперь искренно и горячо любит Гей. Затем есть немало людей, очень к Вам расположенных. Чего же еще? Друзей ни у кого нет или очень мало. «Сам⟨одур⟩ство» (если хотите) у Вас есть в манере шутить. Это очень странно, но у Вас это напоминает старинных избалованных бар, Ал⟨ександра⟩ Н⟨иколаевича⟩ Арапова, Афросимова и вел. кн. Николая и Владимира, которые, когда шутят, — не хотят замечать обидности их шуток... Когда я слышу о шутках Владимира и Николая, — я всегда вспоминаю Вас и нахожу поразительное сходство... (смейтесь, а это так). Вы как будто не знаете условий общей среды и не замечаете, что, шутя неосторожно, понижаете положение человека среди людей, где есть недоброжелающие ему. Этого люди не прощают и навсегда сохраняют в своем сердце. От этого стоит воздерживаться, и очень можно воздержаться.

Думают, что это у Вас «грубость», но Вы человек не грубый, и вел. кн. Николай тоже, а это так — что-то «великокняжеское»... Однако это и не зло, ибо злой воли тут нет, но лучше, если можно это из себя вырвать. — С Шуб⟨инским⟩ мы кончили к обоюдному удовольствию. Теперь он должен найти нового дежурного покусителя на его спокойствие. — Очень жду Ваших ответов об издании «Захуд⟨алого⟩ рода» и рассказов. Сделайте решение поскорее, удобное мне и небезвыгодное для предприятия. У меня очень болен сын (воспаление легких), и его надо взять из казармы на свободу. Надо стянуть все средствишки, а май м⟨есяц⟩ на дворе, и в двадцать один год воспал⟨ение⟩ легких переходит в роковую чахотку... — Что можете сделать без вреда и стеснения своему издательству, — не откажите в том моему писательству. Все равно ведь издавать кого-нибудь надо, а нас, бог даст, добрые люди купят и прочтут.

Преданный Вам

Н. Лесков.

«Пустой барабан» придет на днях. Как получу — так принесу сам. Только я очень сомневаюсь в его цензурности. Человек неслух — отца-мать не слушал, бога не слушает, а «пустой кадушки» слушается (солдат).

102

А. С. СУВОРИНУ

22 апреля 1888 г., Петербург.

На последнее письмо Ваше, Алексей Сергеевич, я нашелся бы хорошо отвечать, если бы дело шло не обо мне, а о другом писателе. Я бы показал Вам, как я понимаю Ваш поступок и как ценю со стороны его порядочности и доброй услуги человеку, но как дело идет обо мне, то мне остается просто и коротко благодарить Вас за то серьезное дело, которое Вы вызываетесь для меня сделать, и затем я должен позаботиться, чтобы Вы не имели ни малейшего повода пожалеть о том, что вызвались оказать мне содействие к изданию моих сочинений. Я принимаю Вашу помощь; благодарю Вас от всего сердца и буду так же осторожен и честен, как

был честен всегда в денежных делах с людьми. — История с полным собранием такова: Вольф (старик) купил издание у Боборыкина по 10 руб. за лист, за 5 тыс. руб., и в то же время предложил мне ту же цену. Я не отдал, более потому, что человек этот казался мне всегда неприятным и тяжелым в делах. Перед смертью своей он снова заговорил об этом, но ранее конца переговоров умер. Потом было предложение Мартынова, — на тех условиях, как издан Григорович, — я на это не пошел по недостатку доверия к состоятельности фирмы. В этих последних днях один молодой писатель, издаваемый Панафидиным, пришел ко мне с вопросом, не желаю ли я, чтобы мои сочинения издал Пнф. на тех же условиях, как изданы им Гаршин и Ясинский? Я оставил за собою время «подумать». Условия их те: Пф. издает все на свой счет и выбирает расходы из продажи первый с прибавкою книгопродавческих 30%. Кто на себя несколько может надеяться, — для того эти условия не хуже 10—15 руб. полистной платы с отчуждением книг в собственность издателя. Я на себя немножко надеюсь, ибо сочинения мои в общем составе их давно спрашиваются, и я верю, что они должны пойти, и после покрытия расходов издателя могут оставить мне 1 тыс. экз. в мою пользу. Следовательно, мне такая комбинация возможна. Но я все-таки и этакую комбинацию всегда предпочел бы иметь с Вами, а ни с кем иным, ибо, хотя у Вас издание выйдет и дороже, но оно будет сделано лучше и без всякой издательской «находчивости». Поэтому я сам хотел просить Вас сделать для меня издание на коммерч⟨еских⟩ основаниях, то есть издать на Ваш счет; выбрать ваши расходы и книгопр⟨одавческие⟩ проценты, и потом все остальное, очищенное издание выдать мне. Но просить совестно, и я не умею, хотя я *никому* не должен и никто на расчет со мной пожаловаться не может. Вы были милостивы — заговорили сами, и я Вас прошу: издайте мои сочинения. Угодно Вам взять издание в собственность — вот какая была цена: Вольф давал 3500 руб. (за 350 лист.) — я просил с него не по 10, а по 15 руб. (на 5 руб. дороже Боборыкина). Около этого я желал бы взять и теперь (за 400—420 л.). — Если это удобно, то платеж денег может быть рассрочен как угодно. Если

же Вы не хотите издать меня первым полным автором от Вашей фирмы, — то издайте так, как предлаг⟨али⟩ Мартынов и Пнф. — то есть за мой счет с залогом издания Вам до погашения Ваших расходов. И этим я тоже буду доволен и сочту это с Вашей стороны за добрую дружескую помощь. Я знаю, что у Вас мое издание пройдет лучше, и во всяком случае дело будет сделано честно и безобидно. Денег я под издание не буду просить никаких. В этом я — слава богу — не нуждаюсь. Издание же надо выпустить зимою, сразу, все целиком, и потом его можно дополнять в том же формате. Но о технике издания будем говорить после: это дело второе, а первое принцип: будет оно мое или Ваше? Я предпочту ту из этих двух комбинаций, которую изберете Вы, — и желаю одного — считать это дело конченным. Относительно распланировки издания я сам буду искать и просить Вашего совета и указаний, так как Вы понимаете в этом гораздо больше меня. В этом точном определении вопроса Вы меня и разрешите. Что касается денег теперь, то я разумею только те небольшие деньги, которые пришлось бы мне получить за томики, которые Вы изберете для «Дешевой» и «Дорожной библиотек», — что должно идти помимо издания. Более я ничего не испрашиваю, и счет по изданию не будет прерываем никакими авансами. Я хочу, чтобы это было чисто и окупилось, как окуплено все Вами для меня изданное и уже распроданное.

Замечания Ваши о моих силах и ошибках во многом очень справедливы и метки. Одно забываете, что лучшие годы мне негде было заработать хлеба... Вы это упускаете. Катков был благородный человек к сотрудникам: зачем он платил мне по 150 руб., когда мог платить, подобно Кашпиреву, по 50, *и мне «некуда»* было деться!.. А он еще мне *подарил* издание «Соборян». Что только со мною делали!.. В самую силу сил моих я «завивал в парикмахерской у монаха» статейки для «Православного обозрения» и получал по 30 р., изнывая в нуждательстве и безработице, когда силы рвались наружу... Но ведь я и Бенни были *«шпионы III отделения»*... Это писали Курочкин и Василевский с Баталиным и Ниль-Адмирари, и tutti frutti... «Надо было продолжать», пишете Вы. Спрошу: «где и у кого»?

Надо было не сделаться подлецом и тунеядцем, и я об этом только и заботился, «завивая мохры в парикмахерской у монаха»... Что попало — я все работал и ни у кого ничего не сволок и не зажилил. Вот и все. Не укоряйте меня в том, что́ я работал. Это страшная драма! Я работал *что брали,* а не что я хотел работать. От этого воспоминания кровь кипит в жилах. Героем быть трудно, когда голод и холод терзает, и я еще был не один. Я предпочел меньшее: остаться честным человеком, и меня никто не может уличить в бесчестном поступке. Слава божию милосердию, сохранившему меня от диавола, который приходил два раза, и один раз в образе М. Н. Муравьева... Я мог брать имение под Вильной, а вокруг меня не было ничего, кроме «камней пустыни» и злой клеветы... Довольно и того, что я остался для знающих меня «добропостроенным и честным человеком», а для общества — «занимательным и умным писателем»... Я доволен и этим... С Гоголем и с Салтыковым меня не раз сравнивали, но не знаю, достоин ли я этого? М. Н. Катков, печатая «Смех и горе», говорил Щебальскому: «Где у Щ⟨едрина⟩ такая настоящая, *добрая* сатира!» Объезд помещиков вроде Чичикова всегда занимал меня, и я это пробовал слегка в «Смехе и горе» и в «Очарованном страннике». Обстоятельства не благоприятствовали заняться этим в размерах более широких. Я никогда не хотел быть должным и пятнадцать лет ждал издания моих сочинений, чтобы иметь денег на один-два года, но теперь это прошло. Сделайте то, на что еще не ушло время, чтобы я мог что-нибудь сберечь на старость «егда оскудевати силе и крепости». — В прошлом году Вы меня тронули, когда при гробе сына сказали некоему лицу, чтобы купить мои книги («Смех и горе»). Вы сказали: «Я *хочу,* чтобы это было сделано». И Вы сделали мне услугу и себе пользу. Сделайте так и нынче, и я Вам буду очень глубоко признателен. Рассказцы издайте для «Деш⟨евой⟩» или для «Дорожн⟨ой⟩ б⟨иблиотеки⟩», а издание собрания возьмите за себя (10-15—лист), или велите его сделать мне и продавайте до погашения долга. Только, пожалуйста, решите это скоро.

Благодарный Вам *Н. Лесков.*

103

А. С. СУВОРИНУ

7 мая 1888 г., Петербург.

Мне теперь кажется, будто в списке у Вас позабыты очень важные люди для «Словаря», — как-то:

1) Ключевский — в Москве (жития святых).

2) Антонович (старший) в Киеве (Украйна и Польша).

3) Пыляев, Мих. Ив. (люди, обычаи, драгоценности).

4) Быков, П. В. (подробнейшая соврем⟨енная⟩ библиография).

Может быть, и еще кое-кто вспомнится. Да нет никого тоже для истории русского искусства, а это потребуется как вставка при описании всякого угла и закоулка, и этого не следует и нельзя избегать, ибо это-то и дает самую живую окраску месту, показывая, что́ там люди делают, — кроме того, что едят, пьют и на небо б⟨....⟩. Все кустарничество надо иметь в памяти и рассказать живо, с знанием дела и с интересом. Это не только оживит местные описания, но сделает их драгоценными *для иностранцев,* которые теперь надолго будут интересоваться Россиею. Эту штуку надо иметь в буфете, как сою, и подпускать ее в каждое соответственное блюдо. По-моему, для этого ни один из штемпелеванных ученых не годится, ибо все они вялы и скучны, а годится очень опять тот же наш Пыляич, — если только Вы не дадите его обижать, потому что это всякого огорчает и всякому неприятно. Таких подправщиков, как Пыляев, много не найдете, и он будет нужен решительно к каждому городу и городишке. И он их бездну проехал и осмотрел с Асташевым. — Промышленность у Толя и у Гагарина (в географич. словаре) представлена ужасно жалко, а «промышленность есть *душа* местности». Надо показать не только, что тут делается, но и то, что с удобством могло бы делаться, да не делается, и почему это не делается? Это даст свою цену словарю у чужих людей, и об этом еще никто не подумал, а вот Вы послушайтесь моего смирения да подумайте и припасите способного человека да побе-

регите его, чтобы ему было при вас не так, «как на турецкой перестрелке». — Что еще вспомню — о том напишу во время свое.

Смир⟨енный⟩ ерес⟨иар⟩х *Николай.*

104

А. С. СУВОРИНУ

11 мая 1888 г., Петербург.

Я Вам когда-то говорил об этюде Л. Н. Т⟨олсто⟩го под заглавием «Николай Палкин». — Теперь он у меня случился, и я посылаю Вам его для прочтения. Если захотите оставить себе копию, то распорядитесь этим сами, — у меня теперь нет сих дел мастера. Подлинник мне возвратите.

Есть добрые люди, очень радующиеся, что я издам свое собрание. П. В. Быков составил для этого случая «библиографический указатель» *всего* мною написанного за тридцать лет (с 1857 г.). — Я сегодня же отдал его напечатать в 100 экземплярах (2 листа) и доставлю 5 экз. Вам для просмотра и совета. Мне указывают на статьи, о которых я позабыл, но которые представляют картины минувшего и предсказания последовавшего и потому имеют интерес. Просмотрите, пожалуйста, всё с карандашами в руках и обсоветуем. Будьте, пожалуйста, мне другом и приятелем в этом литературном, важном для меня деле, в котором я неопытен и неискусен, и на Вас всею душою полагаюсь.

Ваш *Н. Лесков.*

«Библ⟨иографический⟩ указатель» должен поспеть дней в пять-шесть.

105

А. С. СУВОРИНУ

16 мая 1888 г., Петербург.

Я все нехорошо себя чувствовал и ничего не мог делать, кроме как читать о Сирии и Египте, но слышу, что Вы собираетесь уезжать, и стараюсь вырваться

из лап одолевающей душевной дремоты. — Сношения с Вами у меня бывают потребностью, и в них есть та особенность, которая свидетельствует о нашей поглощенности литературою: в личных беседах от уст к устам (что легче писанья) мы никогда не умеем сказать ничего сердечного друг другу, а как расстанемся, — так сейчас же что-то напишем!.. Это что-то вроде прирожденного писательства. Вам пора уезжать... Опять развел такое ругательство, что никакие нервы этого не могут выносить... Почитайте что-нибудь другое. Посылаю Вам листки, полученные вчера от Черткова, «из мира людей не от мира сего». Тут есть много любопытного, в чем раскрывается жизнь этой группы, представленная в «Северном вестнике» г-жою Шабельскою — глупо и злонамеренно. Вы, верно, заедете к Л. Н — чу, и потому Вам, может быть, покажется не излишним узнать теперь: на чем они живут и как подвигаются друзья их. Меня это жгучим образом интересует, и потому мне думается, что и Вам это может быть интересно. Если ошибаюсь — не сердитесь, ибо не за что. По прочтении — возвратите бумаги мне да не позабудьте положить в конверт и «Палкина», который остается у Вас. — К изданию «Собрания» подготовляюсь основательно и для того печатаю в Вашей типографии «Библиографический указатель» всего мною за тридцать лет написанного. Это необходимо, ибо я сам позабыл очень многое. Быков мне сделал большой и милый подарок этим поднесением. Спасибо ему. Я хотел печатать 50 экз., но меня уговаривают напечатать 200 экз. и предсказывают, что 100—150 разойдется в продаже между любителями, а 50 я раздарю товарищам и друзьям. Я на это сдался. Без такого указателя было бы очень трудно окидывать взглядом все поле, с которого надо собирать мою солому. Экземпляры будут у меня и у Вас, и я на своем все подчеркну и пошлю Вам в Крым, а Вы просмотрите и подайте мне свой совет. — Пока же начнем с крупнейшего и более нравящегося публике: т. I. «Соборяне» и «На краю света»; т. II. «Обойденные», «Смех и горе» и «Запечатл‹енный› Ангел»; т. III. «Некуда»; т. IV. «На ножах». Дальше пойдут томы составные, и их компоновать надо по указателю. То, что взято из Прологов, —

семь рассказов напечатанных и восемь готовых к печати (из обракованного обозрения Пролога) составят отдельный том под заглавием «Пустынные картины» (древнее христианство в Сирии и Египте). Все это в моей голове начинает мне выясняться и, бог даст, уложится стройно.

Для «Дешевой библиотеки» я принимаю Ваши условия и «откровенно, как Атаве», говорю Вам: я этими условиями доволен. Записку на 350 р. по назначению Вашему — прошу теперь дать мне. Теперь деньги становятся нужны. Расписку дам в конторе. Записку на продажу дам Петру Петровичу Коломнину, с которым мне приятнее иметь дело, но впрочем — это как Вы укажете. На выпуск страниц из «Плодомасова» согласен; конец к «Котину» допишу *в корректуре.* Теперь меня к этому не невольте, потому что я его *еще не надумал.* Я допишу. — Я уверен, что даже Ш⟨у⟩б⟨ин⟩ский удостоверит, что я свое слово всегда держу крепко и верно. Сейчас я могу написать гадость, потому что я очень изнурен и расстроен. Через две-три недели среди эзельских чухон я прихожу в порядок. Будьте уверены, что за мною задержки не будет. — О приплате нечего толковать, — это мелочи. О деньгах доводится сказать в другом деле. Я нахожу удовольствие и *удобство* помещать мои христианские или египетские легенды в «Новом времени». Мне это нравится лучше, чем печатание в журналах, — а друзья мои еще сильнее на этом настаивают. И Лев Н., и Чертков, и другие — все находят, что «это лучшее место», и они заботятся пропускать листы с моими легендами «в народ». Притом Л. Н. заметил, что он писал «мужчин», а я (без умысла) «даю женщин той же семьи». Толстых журналов мужикам не набраться, а газетный лист до них доводят. И Вам эти рассказы, — я знаю, — не в тягость. По одному в месяц или в два — их все шесть или даже восемь можно бы у Вас напечатать, но гонорар газеты значительно ниже журнального, и один я являюсь от этой комбинации в чувствительном для меня убытке... У Вас мне платят по 15 коп. за строчку — без различия, что за статью и заметку, как в «Новостях» и «Пб. газете», так и за зрелую, многообделанную повесть... Это ужасно несправедливо, и мне так никто дешево не пла-

тит... Разве «Нов. вр.» беднее Лаврова и Гайдебурова? И потом: разве я работаю хуже других, которым платят и у Вас дороже?.. Это и несправедливо и *мне обидно*. Дайте мне за беллетристику что стоит, — что платили, например, Костомарову! Не посердитесь, — я этим (и *только этим*) живу. Не огорчайте меня, — я и так изнемогаю.

Ваш *Н. Лесков*.

106

Л. Н. ТОЛСТОМУ

26 июня 1888 г., Аренсбург.

Не посердитесь на меня, Лев Николаевич, что я беспокою Вас моими строками. — Живучи здесь на морском берегу, в тиши и уединении, — я перечитал наново лекции покойного друга моего Филиппа Алексеевича Терновского по церковной истории и нашел в них нечто, чего как будто не замечал прежде. Упоминается о направлении, которое обнаружилось в III веке у христиан в Севастии, — что они признавали войну делом непримиримым с христианскою верою и воевать не хотели, но в солдаты шли, когда их забирали насильно, но там (в службе) опять оружия для нанесения смерти и ран в руки не брали, а чтобы отстоять свое убеждение — безропотно подвергались мучительствам и позорной смерти. — Таких «святых мучеников, *иже в Севастии»*, — поминает и наша греко-восточная церковь, но я пропускал это ранее мимо ушей и никакого внимания на это не обращал. Теперь же и хотел бы покопаться в этих делах, да не могу. Здесь нет ни Прологов, ни Четьих Миней, и вообще — никаких житейных книг; а у Вас, я предполагаю, они есть. Усердно прошу Вас посмотреть в них: что там рассказано о мучениках севастийских? Если же найдете что-либо из подробностей, то не будете ли так милостивы, чтобы заказать сделать для меня выписку и ту выписку мне прислать сюда, в Аренсбург, так как мне здесь же хотелось бы об этом писать. Равномерно — нет ли у Вас церковной истории Гизелера и Гагенбаха, которыми пользовался пок⟨ойный⟩ Терновский и у которых предмет был трактован,

без сомнения, полнее и свободнее, чем у русского профессора. — У меня же есть копии казенной переписки о том, что делать с духовными христианами, которых впервые набрали в рекруты в 30-х годах и они повели себя во многом подобно как мученики, «иже в Севастии». Имп⟨ератор⟩ Николай тогда велел отдать их в «профосы», чтобы устыдить их и унизить, но они этому были рады и чистили ямы с удовольствием. К несчастию их, — какой-то гарнизонный до́ка доискался однако, что к обязанностям «прохвостов» принадлежит также «заготовление розог и шпицрутенов» и самое исполнение палачевских обязанностей в обозе. Все это, как видите, очень любопытно и дает прекрасный, живой материал, но чтобы приняться за его обработку — надо иметь выписку из того, что житийные книги передают о мучениках в Севастии.

Не откажитесь пособить мне в этой моей литературной нужде, и я тотчас по получении выписки примусь писать «Прохвоста».

Преданный Вам и Вас любящий

Н. Лесков.

Адрес мой просто: «Аренсбург на Эзеле, Никл. Семн. Лескову». Надо писать «на Эзеле», а то письма нередко посылают «в Оренбург».

107

Л. Н. ТОЛСТОМУ

22 июля 1888 г., Аренсбург.

Досточтимый Лев Николаевич.

Покорно Вас благодарю за письмо Ваше от 17 июля, которое я получил здесь вчера. Оно мне было и утешением, и радостью, и ободрением. Отправив письмо к Вам, я стал себя укорять, для чего я это сделал? Зачем я позволил себе Вас утруждать просьбою, да еще такою хлопотною? И стал я на себя сердиться ежедневно и положил в уме, что Вы мне не должны отвечать, потому что просьба моя груба и нахальна. Вы меня утешили, ибо я вижу, что просьба моя не показалась Вам неуместною. Мне ведь *не к кому* было обратиться

с этим вопросом, кроме Вас. Я радуюсь, что Вы здоровы и отдыхаете среди любимых Вами сельских занятий, и я получаю ободрение в Вашем совете работать, не заботясь об угодничестве цензуре. Я от этого много страдаю материально, но еще более от досаждений редакторских. Эти господа думают, что непременно надо иметь их точки зрения и их заботы... За всем этим маешься, маешься, да и устанешь, и начинаешь сам в себе сомневаться. В Вашем слове я всегда черпаю силу, которая в нем есть и которая мне доступна для усвоения. А потому я глубоко благодарен Вам за Ваше теплое и ласковое письмо.

Совестно мне перед девицами, которых Вы понудили сесть ради меня за Пролог, но чтобы не лицемерить, — не смею от этой помощи отказаться, а реку яко же обычно есть архиереям: «Приемлю, благодарю и ничесо же вопреки глаголю». Справку, думается, можно сделать легко, если у Вас есть «месяцеслов» Косолапова. Там (помнится) есть оглавление и алфавит. Надо найти «Севастиа», или «Себастия», а потом «мученики иже в Севастии», — тогда сейчас и найдется то, что нужно. Выписочку мне нужно небольшую, но в которой бы содержалась «суть», и притом подлинными словами Пролога или Минеи, потому что я имею такой план, что мальчик раскольничьей семьи, перешедшей в господствующую ц⟨ерковь⟩, — живет с дедушкой, добрым стариком, но дремучим буквоедом, в землянке, на задворках и читает ему о мученицех в Севастии и двенадцати лет открывает в книге то, чего дед «чел, чел, да не узрел». Придут начетчики, и двенадцатилетний хлопец с ними будет спорить о *духе,* и «остро придет им слово его», и «да не разорит он предания», отдадут его в солдаты, как «худую траву — из поля вон». А там он пойдет «под пеструтины» и будет «профосом» во исполнение повеления. Его доброта, чистосердечие, насмешки над ним, он «прохвост». Аудитор богомольный научит заставить его быть «обозным палачом». Надо удавить жида и поляка. «Прохвост» отказывается и делается новомученик по севастийскому фасону. Таков мой план или моя затея, но я *не знаю:* что там написано о севастийцах? Пособите мне, и молодым графиням на том же кланяюсь.

Пишу же Вам все это со скоростию для того, чтобы Вы не послали мне справки сюда на Эзель, так как я на сих днях отсюда собираюсь уехать, а к 10 августа буду или надеюсь быть в Петербурге (Фурштадтская, № 50, кв. 4). Прошу адресовать мне выписочку в Петербург.

Верно Вам преданный и благодарный

Н. Лесков.

108

А. С. СУВОРИНУ

17 октября 1888 г., Петербург.

Я все это понимаю и рассуждаю об этом совершенно так же, как Вы. Какова эта «мать», про то нечего и толковать. Список учиненных ею разводов не полон. Вы позабыли самую свежую историю: развод в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩ Николая Константиновича с его женою, — причем один Исидор «положил протест» для формы. Там уже не было никакого резона. Это дело хуже сербского. Но меня все это нимало не интересует: мне дорого было одно: напомнить ничего не знающему обществу, что у него есть права пользоваться одиннадцатью поводами к разводу, а не тремя только... Мучительно видеть, что делается в браке. Я думал, что Вы мою цель поймете... Я ведь столько пострадал... Брак с сумасшедшей, брак с прокаженным, брак с клеветником, искавшим погубить... Это ли не аспидство! — Вы спрашиваете: «Не для смеху ли?» Признаюсь Вам — даже и для смеху. Эту «мать» не знать чем пронять.

Однако плюньте на это. — Печатаете ли Вы ст⟨атью⟩ Флиса? Я пришлю ответную заметку. Из Киева проф. Мейн и Подвысоцкий мне прислали целую литературу и благодарности. «Никогда, — говорят, — это дело не было так возбудительно поставлено». Мы «опрокажены» до центральных губерний, и все это идет, и ничего против этого не делается.

Очень желаю Вас видеть, да все не изловчусь попасть к Вам.

Преданный Вам

Н. Лесков.

109

К. А. ГРЕВЕ

26 октября 1888 г., Петербург.

Сегодня я получил Ваше второе письмо, Карл Андреевич. Я Вам за него благодарен и ждал его и думал, что Вы его мне напишете. Вышло любопытное qui pro quo. Я Вас адресовал к В. А. Г⟨ольцеву⟩, а через час после посылки письма к Вам получил смутное и неопределенное известие о постигшем этого человека неблагополучии. Мне было очень неприятно думать — как Вы, ничего подобного не предполагая, обратитесь к Г—ву и что такое получите в ответ. Я хотел Вам телеграфировать, но боялся дать простой и невинной случайности характер, ей не соответствующий, и предоставил дело своему течению, с полною надеждою, что его чистота сама себя сбережет. Притом же я писал к Г—ву одновременно с тем, как писал Вам, и мое письмо не возвращено мне, а потому, конечно, оно перлюстрировано и показало настоящий характер наших отношений и цель, с какою я просил Вас побывать у В. А. Г—ва. Надеюсь, что смотрите на это так же, как я, и оправдываете меня в том, что я, попав в одну непредвиденную случайность, не употреблял усиленных и экстренных мер предупреждать Вас, а оставил всему пройти так чисто и откровенно, как оно проведено Вами. Мне остается только пожалеть, что я Вам наделал хлопот. Да еще с сюрпризами, но я никак не мог ожидать такого происшествия с Г—м, которого еще так недавно видел и которого знаю за человека рассудительного и зрелого. Событие это для всех его знающих составляет здесь неразгаданную тайну. — Г—в хорошо знает мои сочинения, и он вообще очень литературный человек и мог бы быть Вам полезен при обсуждении, как распорядиться переводами. Писать обо всем очень трудно, и все-таки всего не выскажешь на бумаге. Мне Ваш выбор, например, кажется странным. Почему «Соборяне»? Разве немцы поймут эти типы? Или попы могут их заинтересовать более, чем герои «Некуда» и «На ножах» — романов политического характера? Эккарт наполнил выписками из меня $^1/_3$ своей книги «Bürgerthum und Büreokratie», отдавая мне хвалы

за «неуклонное беспристрастие». С этою чертою моего характера (поколику она мне в действительности доступна), знакомы и некоторые другие умные люди немецкой национальности в Остз⟨ейских⟩ провинциях, и это, я думаю, и располагает ко мне редакцию журн⟨ала⟩ «Nordische Rundschau».[1] Так что же их должно наиболее и наивернее интересовать: художественная сторона моих сочинений или то, что Эккарт называет «беспристрастием», а покойный Щебальский называл в «Русском вестнике» — «профетизмом». Дело наше такое, что его надо обдумать и обсудить переводчику с автором вместе — чтобы иметь план, а не подавать образованной публике переводы в случайном беспорядке. «Скоморох» — вещь не русская, а «Блоха» чересчур русская и едва ли переводимая (по языку). «Сказание о Федоре христианине и Абраме жидовине» — опять не русская, и она хороша только для свирепой и темной черни народной. Я имею насчет выбора иной взгляд, и нам с Вами надо видеться и говорить лицом к лицу. Будьте со мною просты и напишите мне откровенно: какие условия «N. R.» уполномочила Вас предложить мне за «исключительное право перевода». Я не злоупотреблю Вашим словом, и если это сколько-нибудь мне выгодно, — мы сделаемся, и я приеду в Москву именно теперь, когда я устал от многой работы и проехался бы с удовольствием.

Жму Вашу руку.

Н. Лесков.

110

В. М. ЛАВРОВУ

28 октября 1888 г., Петербург.

Уважаемый Вукол Михайлович!

Хоть Вам, должно быть, теперь и очень недосужно, — однако, пожалуйста, ответьте мне парою строк.

Ко мне обратился некто г. Греве из Москвы с запросом об условиях для уступки исключительного права на перевод всех моих сочинений для немецкого журнала «Nordische Rundschau», изд⟨аваемого⟩ в Ревеле,

[1] «Северное обозрение» *(нем.)*.

Письмо его было кратко и неясно сообщало, какие условия может предложить мне редакция названного журнала.

Чтобы выяснить дело, я поручил это по дружбе Виктору Александровичу и послал ему в этом смысле письмо по его адресу, а в то же время написал и г. Греве (Маросейка, Петропавл. училище). Через два часа после посылки писем я получил от Гайдебурова известие о постигшем В. А. несчастии. Вечером в тот же день слух об этом стал всеобщим. Я находил лучшим оставить дело без справок. Вчера я получил от г. Греве новое письмо, в котором он пишет, что ездил к В. А. два раза и его не видал и видеть не может. В конверте, где было мое письмо к В. А., было положено тоже письмо г. Греве ко мне, которое для меня имеет значение, а ни к какому делу, постоянному вопросу о переводе моих сочинений, — не нужно.

Усердно прошу Вас справиться у супруги В. А., доставлено ли в их дом мое письмо с письмом г. Греве и где теперь это последнее находится?

Я надеюсь, что такого рода справка не заключает в себе ничего предосудительного и неудобного.

О самом В. А. глубоко сожалею и хочу думать, что не повлечет за собою роковых последствий. Мы здесь обо всем этом в полном недоумении. Кланяюсь Вам и Митрофану Ниловичу Ремезову.

Преданный Вам

Ник. Лесков.

111

К. А. ГРЕВЕ

31 октября 1888 г., Петербург.

Благодарю Вас, Карл Андреевич, за Ваше простосердечное и тем очень мне милое письмо. Я так и думал, что мне придется иметь дело с Вами, а не с издательством. Вы прекрасно сделали, что объяснили мне, сколько Вам будут платить. Поэтому я могу судить, что́ могу по доброй совести отделить для себя. Я думаю, что не обижу Вас, если пожелаю иметь $1/5$ с Вашего гонорара. То есть за каждый лист, который будет напе-

чатан по-немецки в Вашем переводе, Вы будете платить мне 5 рублей, с правом печатать свой перевод, где Вы пожелаете, — раз и навсегда. Если эти условия для Вас не обременительны, то Вы можете считать нашу сделку состоявшейся и в этом смысле заготовьте и пришлите мне условие. Я его просмотрю и возвращу Вам. Потом мы его напишем в двух экземплярах, и статья эта будет кончена. Нотариальных засвидетельствований не надо. — Что же касается «Скомороха», перевод которого Вами уже сделан и отослан в редакцию «Nordische Rundschau», то я сегодня же посылаю г-ну Дейблеру в Ревеле записку в удостоверение того, что я на напечатание этого перевода согласен. Сойдемся мы с Вами или нет — это все равно, — я не хочу, чтобы сделанный Вами труд пропал даром. Более я, разумеется, никаких подробностей Дейблеру не пишу. — Соображения Ваши насчет выбора пьес теперь мне представляются с другой стороны и кажутся совершенно правильными. Сожалею только, зачем впереди «Скомороха» не пошла «Прекрасная Аза». Она из этого же древнехристианского быта, но она лучше «Памфалона». Если Вы ее не знаете, то пробежите ее... Она была в «Новом времени» за 1888 год и переведена на французский язык. По-немецки ее можно передать очень колоритно. Посылаю Вам сегодня же под бандеролью «Библиографию» всех сочинений, которая может оказать Вам помощь при желании ознакомиться с тем, что мною написано. Там же вложена для Вас моя фотография.

Ваш покорный слуга
Н. Лесков.

112

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

14 ноября 1888 г., Петербург.

Достоуважаемый Виктор Александрович!

Я был обрадован Вашим письмом в том отношении, что узнал из него о Вашем возвращении домой, к испуганному и огорченному семейству Вашему, о котором

я искренно скорбел; но то, что вы мне пишете о «Зеноне», — мне очень неприятно. Еще более досадно, что известие Ваше так «нарочито кратко», что я из него не вижу ни причин выставки «Зенона» из ноябрьской книжки, ни того, когда Вы надеетесь его поместить. Все это, разумеется, живо меня интересует, и я очень сетую на «нарочитую краткость», усугубляющую мои авторские терзания с этой повестью, на которую я положил целый год пристального труда. Усердно прошу Вас пояснить мне, что можно, дабы я имел хоть утешение знать: чего могу ожидать?

За обещание выслать гонорар по расчету набора в предстоящем декабре месяце, — очень благодарю. Гонорар, конечно, нужен, и я его буду ждать с изрядным нетерпением, но не в нем все значение повести для автора. Прошу вас написать мне: какие виды редакция имеет в будущем на «Зенона»?..

Еще же — черкните мне: получено ли в доме Вашем мое письмо, которое я писал Вам во дни Ваших неприятностей, не зная того, что с Вами случилось, и просил Вас войти для меня в переговоры с некоторым г. Греве, желающим переводить все мои сочинения для «Nordische Rundschau». Немцам — к удивлению моему — особенно нравятся мои египетские и сирийские рассказы, составленные, как Вам известно, на темы из Пролога. Они в первую голову взяли «Федора христианина», «Скомороха» и «Азу» и ждут «Зенона». Мне это удивительно потому, что у них есть такой писатель, как Эберс, которым я сам пользуюсь, ибо Египта не видал и знаю его по Житиям да по Масперо и по Эберсу; но тем не менее Греве пишет, что им мои христианские очерки особенно нравятся, и они их «непременно желают» иметь скоро. Не признает ли Вукол Михайлович возможным и для «Р⟨усской⟩ м⟨ысли⟩» безвредным дать один оттиск «Зенона» г-ну Греве, чтобы он мог делать с него свой немецкий перевод для «Nordische Rundschau». Пока он сделает перевод, Вы, быть может, выпустите в свет оригинал. А если немцам показывать, что́ мы делаем из этого старья, то хотелось бы показать не «Азу» и «Скомороха», а именно «Зенона», который обработан тщательнее всего прочего, мною сделанного в этом роде.

И еще паки: читали Вы «Антука», которого я Вам послал оттиск? Я уважаю Ваши мнения и хочу знать: как показалась Вам эта безделка, бывшая у Вукола Михайловича под заглавием «Обозный палач». Неужто в ней есть то узкое ненавистничество, которого нет в душе моей ни к какой национальности, но которое, однако, увидел Лавров. Меня это очень занимает, и я хочу поверить себя Вашим мнением.

Пожалуйста, измените своему непохвальному обыкновению и ответьте мне ясно, определительно и «не нарочито кратко». О деньгах похлопочите. На них был расчет. — Не нужна ли еще маленькая «сирийская легенда» в лист с небольшим? Называется «Аскалонский злодей». Жанр тот же, но приноровлено к рождеству Христову.

Ваш *Н. Лесков.*

113

М. И. ПЫЛЯЕВУ

19 ноября 1888 г., Петербург.

Рукопись отдал переписывать. Заглавие надписал: «Старчики и юродцы», — чтобы отбивало от настоящих, будто бы уважаемых «старцев и Х⟨риста⟩ р⟨ади⟩ юродивых». Будет готово дней через десять. Редактор «Русской мысли» теперь здесь, и я с ним буду говорить об этой статье. — В «Нов⟨ом⟩ вр⟨емени⟩» — «Старую Москву» отложили «в долготу дней», до весны... Так уже это положено, и надо выждать время, чтобы пробовать изменить это настроение, навеянное, кажется, тем же самым опахальщиком, который во всем каверзит. Надо иметь терпение.

Ваш *Н. Лесков.*

114

А. С. СУВОРИНУ

24 ноября 1888 г., Петербург.

Поступите, Алексей Сергеевич, как Вам угодно и как удобно. Я на все согласен. — Цензурное преследование мне досадило до немощи. Вы знаете, за что это?

Это все за две строки в «Некуда» назад тому двадцать пять лет. Не много гордости и души у этого человека, — а другие ему «стараются». У меня целый портфель запрещенных вещей и пять книг «изъяты». Надо силу, чтобы это выдержать при всеобщем и полном безучастии, как в России.

Что Вы скажете, — я на то согласен. Кажется, можно еще печатать.

Ваш *Н. Лесков.*

115

К. А. ГРЕВЕ

29 ноября 1888 г., Петербург.

Простите меня, любезнейший Карл Андреевич, что я так долго не отвечал Вам и задержал у себя присланный Вами проект нашего условия. Я был уверен, что это не помешает Вашим работам, а у меня было много досаждений, за которыми приходилось отлагать дела в сторону. Теперь посылаю Вам «Азу» — как вещь, особенно мною любимую, и проект условия, в которое я сделал вставки, сколько мне кажется, совершенно необходимые и Вас нимало не стесняющие. Просмотрите их, сообразите и, если они Вам покажутся справедливыми, внесите их в условие. Сделайте два экземпляра, подпишите оба и пришлите мне. Я их тоже подпишу и один оставлю у себя, а другой возвращу Вам. — Если перевод в «Nordische Rundschau» вышел, — пришлите мне оттиск или книжку. (Не знаю, как это у них в Ревеле водится). Напишите мне, не наделало ли qui pro quo мое письмо в Ревель. В газетах я заявил, что право перевода принадлежит исключительно Вам. — Здешние литературные немцы говорят, что если Вы переведете «Левшу», то Вы, стало быть, «первый фокусник».

Искренно Вам доброжелательный

Н. Лесков.

116

А. С. СУВОРИНУ

30 ноября 1888 г., Петербург.

Уважаемый Алексей Сергеевич!

Я послал Анне Ивановне книжку Берсье по ее желанию, после случившегося у нас разговора о некоторых местах св. писания. Я не имел и не имею никакого желания что-либо пропагандировать, а Берсье отличный критик и знаток библии, у которого можно встретить превосходные разъяснения на те вопросы, которые Анна Ивановна мне предлагала. Более ничего.

Что касается моего прошлого, то Вы вполне правы: в нем очень много дурного. Я это знаю и никогда этого не позабываю. События Вы вспоминаете верно, но не все. В театре я не был, потому что заболел. Затея принадлежала не мне, а Бенни, Ничипоренке и «тому, черному», — то есть Шаврову. Весь тот период был сплошная глупость, имеющая для меня обязательное значение, — мягко и снисходительно относиться к молодой глупости юношей, какими были и мы. После того периода был петерб⟨ургский⟩ период слепцовских коммун — «ложепеременного спанья» и «утреннего чая втроем». Вы ведь никогда не были развратны, а я и в этот омут погружался и испугался этой бездны!.. Потом пошла «фраза», и ипокритство, и, наконец, клевета на честнейшего человека (Бенни) меня совсем оттолкнула от этого кружка, показавшегося мне мерзким. Об этом говорили и другие. Боборыкин и Воскобойников подбили меня написать «Некуда», в котором занесено много правды. Не оклеветан там никто, или по крайней мере во множестве романов обличительного тона допущено гораздо более злости, чем в «Некуда».— Сальяс и вообще наш тогдашний моск⟨овский⟩ кружок были плохою школою для молодого, не бездарного и не глупого, но маловоспитанного и не приготовленного к литературе человека, каков был я, попавший в литературу случайно и нехотя. Пользу мне сделало страданье, Катков и Аксаков, — Катков, кажется, более других. Я стал думать ответственно, когда написал «Смех и горе», и с тех пор остался в этом настроении — кри-

тическом и, по силам моим, незлобивом и снисходительном. — К переменам, происходившим в Вас, я иногда внутренно относился с недоумением, но и только, — и никогда, нигде и ни при ком не изъяснял их в дурном смысле и сам в себе так их не объясняю. Я люблю оставлять неприкосновенным то, что мне не открыто, и вполне верю в возможность самых резких перемен в настроении человека, — особенно такого живого и впечатлительного, как Вы. На этом же основании я позволил себе назвать Ваше отношение к моим ошибкам несколько «безжалостным». — Если верить народной поговорке — «бог меня любит, — я уже пострадал здесь». Зачем Вам быть суровей бога? Поверьте мне в одном — что я был всегда искренен и никогда ничего не делал из «видов». Ни один сплетник не может сказать при мне, чтобы я той же искренностью не объяснял и Ваших перемен, когда мне приходилось отозваться. Самомнения во мне нет. Это неправда. Невеждою я себя признавал и признаю всегда и не обинуясь говорю об этом. И я и Вы пришли в литературу необученными, и, литературствуя, мы сами еще учились. Это, конечно, нехорошо, и глупостей можно было наделать, но мы, без сомнения, кое-чему научились, или, как Вы говорите о себе, — вы «поумнели». — Что же делать, когда воспитания и науки не было, а между тем надо было петухом петь и чтобы перья болтались? — Я скорблю, что не было возможности думать и не писать. Я счастлив лишь в том отношении, что «не привержен к политике», которая исключает мир с совестью и справедливостью. — Семейные горести Ваши я все помню и содрогаюсь от воспоминания о них, но не буду переходить к этому, чтобы облегчить себе переход к деньгам (а то Вы сделаете то лицо, которое Крамской написал на портрете). Хорошо, что Вы говорите «не твердо» и «можете поправить». Поправьте 150 на 200, и это не будет дорого, и я буду доволен и Вам признателен. (Опять вижу лицо с портрета! Дескать: «Ишь ты, подъезжаешь!.. Знаю я вашего брата!») — Что касается «покаяния», то как его приносить, чтобы не быть опять неточно понятым и обвиненным в лицемерии? Это тоже штука. Не лучше ли молчать и понуждать себя быть кротче и смирнее? Я много не понимаю. И это трудно,

но дорого усвоить себе хоть настроение к этому. Нам же, старикам, благо да будет друг другу не упрекати, и не стужати, и не сваритися, и не злобствовати, но друг друга сожалети, миловати и наготу взаимную покрывати, яко же и Иафет покры тело Ноево, и тогда бог мира и любви даст всем облегчение до конечного степени.

Лжесмир⟨енный⟩ *Н. Лесков.*

117

А. Н. ПЕШКОВОЙ-ТОЛИВЕРОВОЙ

5 декабря 1888 г., Петербург.

Посылаю Вам № «Новостей» с напечатанным письмом П. В. Засодимского. Можно от всей души послать проклятие гусю, который дал перо для начертания этого слабого, широковещательного, бесстильного и «недостигательного» письма! — Какой враг мог надоумить этого доброго и почтенного человека выступить с таким бабьим объяснением! Стоило молчать двадцать лет, чтобы прорваться в таком задорно-слабом и горделиво-обидчивом письме... Вот уж именно его противнику даже «черт детей качает»... И зачем это всех за хвосты, и Суворина, и Жителя, и т. д. И зачем же гордость? Зачем еще: «я имею *право* гордиться»?.. Это что за глупость? Какое это может быть «право гордиться»? Вот тебе и христианство, и гуманность, и Лев Толстой!.. Все сразу к черту и к матери в штаны!.. Как же этого карася не жарить и не переворачивать, когда он сам на сковородку лезет. — Чудесно отписался, и ходи до новых веников «дядюшкой-болтушкой».

Бедный старик!

Н. Л.

118

К. А. ГРЕВЕ

5 декабря 1888 г., Петербург.

Достоуважаемый Карл Андреевич.

Возвращаю Вам подписанный мною экземпляр условия между мною и Вами. Да будет оно долгоденственно и благоуспешно. Письмо Ваше принесло мне особенное

удовольствие тем, что в нем я увидел «коего духа есте». Усматривается это из описанного Вами разговора с Вашею супругою «о Феодоре и Абраме». Женщины наибольшею частью «практичны», отчего, по замечанию Гейне, они, даже идучи в театр на трагедию, «все-таки запасаются чем-нибудь съестным», — и это выходит недурно. Практически «на сей день» супруга Ваша основательнее нас в суждении об Абраме, но при отношении к делу «в долготу дней» — правда окажется на нашей стороне, хотя и я закажу работу охотнее немцу или русскому, чем еврею. Дело в том, что история Федора и Абрама такова и в Прологе (VII век), откуда я взял эту фабулу. Потом: «Истинно не то, что есть и было, а то, что могло быть по свойству души человеческой» (Лев Толстой), и наконец: «Прими их лучше их достоинства, — ибо если всякого принимать по его достоинству, то не останется ни одного, который не заслуживал бы порядочной оплеухи» (Шекспир, «Гамлет»). По этому «большому масштабу» мы с Вами в наших желаниях умирить людей действуем, кажется, не в наихудшем настроении. Я в моей жизни знал двух-трех евреев — людей высокой пробы, но согласен с Вашею супругою, что % дурных людей в еврействе чрезвычайно велик. К сожалению, тут невозможны точные сравнения. Я не люблю и русской нравственности, особенно московской, и питаю отвращение к прусскому солдатству и к остзейскому баронству, но надо избегать племенного разлада. «Единство рода человеческого», — что ни говорите, — не есть утопия; человек прежде всего достоин участия, потому что он человек, — его состояние я понимаю, к какой бы национальности он ни принадлежал. «Родство же духовное паче плотского». Попы сделали из этого глупость, а истинный смысл тот, что человек, родственный мне по мысли, — роднее того, который одного со мною племени, но настроен совсем иначе, как я. Вот это и значит «родство духовное» и «родство плотское». В Орловской и Тульской губернии крестьяне говорят удивительно образно и метко. Так, например, баба не говорит о муже: «Он меня любит», а говорит: «Он меня жалеет». Вдумайтесь, и Вы увидите, — как это полно, нежно, точно и ясно. Муж о приятной жене не говорит, что она ему

«понравилась», а говорит: «Она мне по всем мыслям пришла». Смотрите опять — новая ясность и полнота... «Красота что линючий цвет сбежит», и «богачество изжиться может», а уж как «она мне по мыслям», так что́ этого лучше и кто ее заменит. Духовное родство это и есть друг другу «по мыслям прийти», и тогда «несть ни эллина, ни иудея, а все Христос», ибо «мысли», то есть управляющее нами настроение, в нем, а он «сын плотника из Назарета, и мы это знаем». А он их отлично знал, от них замучен, и за них молился, и ими нам передан гораздо лучше, чем греками. Попросите от меня у супруги Вашей снисхождения тем, за кого господь наш плакал и молился. Почтительно целую руку ее на этой просьбе «Христа ради».

С «Левшой и блохой» трудно будет Вам справиться. Тут знания немецкого просторечия недостаточно. Что Вы сделаете с созвучиями и игрой слов: «клеветон» вместо фельетон, «спираль» вместо спертый воздух, «досадительная укушетка» и т. п. Конечно, что-нибудь выйдет, но общего тона такой вещи передать на ином языке нельзя. А Вы возьмите-ка «Смех и горе» — вот это все переложится, и будет и весело, и забавно, и приятно, и даст целую массу русских положений и характеров. Книга должна быть в магазине «Нов⟨ого⟩ вр⟨емени⟩» и стоит 1 руб. Издание все в подборе.

Бог Вам в помочь.

Н. Лесков.

119

А. С. СУВОРИНУ

11 декабря 1888 г., Петербург.

Алексей Сергеевич!

Я получил Ваш запоздалый ответ на вопрос об апокрифе. Я не думаю Вам что-либо навязывать, а, ходя по комнате, вздумываю иногда «послужить» чем-нибудь приятельственному изданию и пишу Вам в таких случаях. Обижаться и раздражаться на меня Вам нечего и не из-за чего. Гр. Л. Н. Т⟨олстой⟩ не считает меня разномысленным с собою в вопросах веры,

а, напротив, — считает близким ему. «Хвалю (пишет он мне), что Вы стоите на пути и пишете так, что Вас запрещают». По-моему, это, однако, очень худо. Апокрифы все «грубы», или, лучше сказать, — детственны, но без них не понять бы: откуда взялись «сужекты лиц» и «пэозажи природы» в нашей древней иконописи, ибо все эти «сужекты» и «пэозажи» сделаны по апокрифам, и «Запеч⟨атленный⟩ ангел» ими полон, и однако он нравился — и царю и пономарю. И ныне царь закупает иконы у Постникова и их развешивает в церкви Аничкова дворца и «дивуется: что это такое и откуда сочинено»! Я и подумал: «сём-ну мы ему это разъясним!» А как Ваше с нашим не в лад, то мы со своим и назад. — Веры же во всей ее церковной пошлости я не хочу ни утверждать, ни разрушать. О разрушении ее хорошо заботятся архиереи и попы с дьяками. Они ее и ухлопают. Я просто люблю знать, как люди представляют себе божество и его участие в судьбах человеческих, и кое-что в этом знаю. Общество все апокрифическое всегда интересует, и Вы это не хуже меня знаете; а если есть опасность, что обществу и царю понравится, да пономарю не понравится, — так Вы взяли бы да так просто это и сказали. Оно было бы и ясно, и прелюбезно, и мне не обидно, и Вашего разума и духа достойно. Я думаю, что тут все дело не в Вас, а в «пономаре»... А то бы Вы и «клин» и блин — все бы взяли бы и напечатали и были бы правы перед судом разума и совести. Только отчего это Вам как бы противно — так просто и сказать, как оно есть?!. Ой, грехи, грехи тяжкие! Прежде Вы такой не были! Можно было с Вами говорить, как с Катковым или с Аксаковым...

Форма рождественского рассказа сильно поизносилась. Она была возведена в перл в Англии Диккенсом. У нас не было хороших рождественских рассказов с Гоголя до «Зап⟨ечатленного⟩ ангела». С «Запеч⟨атленного⟩ ангела» они опять пошли в моду и скоро испошлились. Я совсем не могу более писать этой формой. Я Вам попробую прислать описание одного истинного «доброго дела». Оно проще, но зато трогательнее, чем вымысел. Это будет небольшое место и с именами, которые известны в городе.

Корректуры «Инженеров» отдал. — Надо бы спешить их отпечатанием.

Вы со мною поступили немилосердно, как Давид с Урием: увидали у меня одного истинного доброхота и того отняли. Надо Вам было шутить такою серьезною вещью, как место, которое мне обещал дать Атава!.. Вот он и рассердился на меня, и этого места теперь у меня через вас не будет!.. Зачем Вы это учинили?

Немцы мне прислали 500 талеров. Весьма своевременно! Это мне «Скоморох Памфалон» станцевал.

Всегда лжесмиренный слуга Ваш

Н. Лесков.

120

П. И. БИРЮКОВУ

30 декабря 1888 г., Петербург.

Любезный друг Павел Иванович!

Сегодня утром раб божий Ивантий принес мне Ваше письмецо о том, что Вы уезжаете в Москву и согласны сделать там для меня услуги. Услуги эти очень нужны, и я прошу Вас о них.

«Зенон-златокузнец» погублен без всякого сомнения (теперь мне это известно) нелепыми действиями редакции «Русской мысли», которая берет вещи, писанные для издания, выходящего без предварительной цензуры, и возит их в Петербург на цензурное одобрение, после чего ей негласно разрешают или так же негласно запрещают. То самое сделано было и с Зеноном, который запрещен негласно, то есть просто на словах, переданных от Ф⟨еоктисто⟩ва через московского цензора. Это без сравнения хуже цензурного форменного запрещения, потому что тут нет даже возможности жаловаться и искать прохода в другой, высшей инстанции. Между тем в литературных кружках и в цензурном ведомстве все это получает огласку, и хода произведению нет — он загорожен на неопределенное время, до перемены обстоятельств, на которую теперь надеяться очень трудно. На то, чтобы напечатать «Зенона» вскоре,

нечего и рассчитывать. Но деликатные редакторы, ходящие к Ф⟨еоктистову⟩ спрашивать «пермете сортир», к тому же еще и лукавы чисто по-московски. Вы знаете их «московскую волокиту», которую они тянули со мной с сентября по 24 декабря и в день рождества Христова прислали о том четыре строчки, что «Зенон», к их прискорбию, им решительно запрещен». На девять писем к Лаврову и Гольцеву они или совсем не отвечали, или же отвечали, что «объяснят при свидании», а мне надо знать: кто же именно и за что именно запретил повесть о событии в Египте в III веке? Я все-таки еще хочу пробовать что-нибудь сделать для того, чтобы провести повесть, которую очень желает получить Гайдебуров. Молчание «Русской мысли» я понимаю так, что им неловко написать, что они цензуруются негласно и ездят сюда добровольцами за «пермете сортир», но мне надо узнать: что́ именно было — что они делали и кто им запретил? Я уже имею сведения, но я не знаю, верны ли они? По моим сведениям, два цензора дали ответы такие, что повесть не содержит ничего непозволительного, а потом ее посылали к синодалам, и, наконец, Ф⟨еоктистов⟩ решил ответом обо мне: «Я его не люблю». Человек, мне все это передавший, верен во всех своих словах, но все-таки надо узнать: как это дело делали в редакции московских молчальников? Прошу Вас допросить их как можно точнее и безотступнее. Лавров живет в Шереметевском переулке, в доме графа Шереметева; редакция помещается в Леонтьевском переулке, № 21, а Виктор Александрович Гольцев — в собственном доме у Успенья на Могильцах. — Всего надежнее (по моему мнению) — говорить с Гольцевым, который был против показывания «Зенона» Ф⟨еоктисто⟩ву, креатуре Каткова, послежнику Лампадоносцева и моему всегдашнему недоброжелателю. Я надеюсь, что Гольцев добросовестно скажет Вам все, что́ такое они вытворяли с «Зеноном» и как и на чем успокоились. Прилагаю листок, с которым Вам удобно будет попросить объяснений от моего имени и в моем лице. Потрудитесь его с собою взять, чтобы они не уклонились от делового разговора с Вами.

Потом: они печатали «Зенона» с вымарками московской цензуры и дали мне один такой оттиск с вымар-

ками. Рукопись изгибла у них. Я потребовал оттиска без выпусков. Мне прислали мараную корректуру... Прошу Вас всемерно постараться добыть у них для меня чистый оттиск полного «Зенона», как он был мною написан в рукописи, которая изведена у них в типографии. Я верю, дорогой друг, что Вы сделаете все, что можно. Черткову вчера писал «в несоглас» и спорил. Льву Николаевичу кланяюсь.

Любящий Вас
Н. Лесков.

Потрясение, внесенное в душу мою обидою и ограблением, несколько утихает.

1889

121
П. И. БИРЮКОВУ

7 января 1889 г., Петербург.

Любезный друг Павел Иванович!

Ваше письмо принесло мне удовольствие двоякого рода: во-первых, я только из него понял, как шло дело с «Зеноном», а во-вторых, я обрадован был участием, которое принял во мне Лев Николаевич, мои чувства к которому Вам известны. Тут же было нечто и странное: я все почему-то так и думал, что Л. Н. «встанет и пойдет»... Он и ходил. Милота́ наша милая и премилая! — Дело с «Зеноном», по-моему, теперь зачинать нельзя. Оно испорчено Лавровым, обнаружившим свое залихватское легкомыслие и вкус к добровольческому метанию бисера. Некто из самарян рассказал мне, что когда два подначальника, ознакомясь с повестью, сказали Фите, что «ни единыя вины не обретают», то Ф⟨еоктистов⟩ «бросил листы на стол и сказал: «Я его не люблю!» Вот вина! И ее действительно достаточно, чтобы все подначальные теперь усердствовали, — следовательно, надо дело оставить до лучших обстоятельств на неопределенное время. Напрасные попытки только будут увеличивать досаду и раздражение и будут тоже радовать людей, об удовольствиях которых я хлопотать не хочу. Удивляюсь, почему столь простых вещей, которые Вы сообщаете, — не сообщил мне ранее Г⟨оль⟩цев! Нельзя ли спросить его об этом? Был момент, когда я мог все это рассказать через основательного человека Рихтеру и В⟨орон⟩ц⟨о⟩ву, и это могло бы иметь хоть то значение, что Р⟨ихтер⟩ спросил бы: что́

в этой повести дурного? Но и Г⟨ольцев⟩ и Л⟨авров⟩ молчали, как рыбы... Писать об таких щекотливых вещах им представлялось опасным... Лукавые москвичи! Себя я обуздал именно тем, чем говорите, то есть привел себе на ум: «Вы путь ведете». Теперь я просто недомогаю. Угнетало меня больше всего поведение собратий, которое я мог бы назвать лучше «падением». Они вели себя как те собаки, которые бросаются грызть собаку, которую увечит жестокий человек. Никто не чувствовал, что происходит бесправие, а говорили: «Ах, да он сам виноват!.. Охота ему!.. Отличаться хочет!.. С кем связался бороться!.. Он описал в старинных личинах Филарета и П⟨обедонос⟩цева. Разве это можно?!. Поделом ему!..» Я только и слышу и припоминаю совет Льва Н—ча — «не шевелись», как больной. — В «Зеноне» нет намеков ни на какие живущие личности, и Прологового там только одна тема с воробьиный нос, а все остальное — вымысел со смешениями из Эберса и Масперо.

Можете Вы для меня сделать вот что: сходите к известному Вам переводчику моих сочинений на немецкий язык, преподавателю Петропавловского немецкого училища Карлу Андреевичу Греве (Маросейка, Хохловский переулок, дом Моносзон, против Иванова монастыря), и скажите ему, что есть на свете «Зенон» и что по обстоятельствам (которые ему надо открыть) этого «Зенона» надо бы (кажется) перевести на немецкий язык прежде прочего, что он переводит, и напечатать прежде появления оригинала. Далее мы сделаем из этого оборот, какой нужно. Но прежде чем идти к Греве, обсудите это со Львом Николаевичем, — хорошо ли это я желаю? На Греве, впрочем, непременно посмотрите, чтобы рассказать мне: що воно есть? По письмам он мне нравится, но взгляд на человека — важное дело. Я ему пишу сегодня же, что Вы у него побываете. У него есть жена Паула Греве, приславшая мне свою карточку после «Колыванского мужа». Яка ця — сія пані? По письмам оба эти лица производят на меня впечатление благоприятное. Одно боюсь — перепугаете Вы немку своим кожухом!.. Авось она не беременна! — Потом прошу Вас запомнить для меня все, что Л. Н. скажет о «Зеноне». Я всегда дорожу его

замечаниями и принимаю их, и теперь приму и воспользуюсь ими — пересмотрю и исправлю. Его суждение мне всего дороже. Я люблю его более всякого иного человека на земле, ибо он уяснил мне множество драгоценных вопросов, которые я сам решал довольно близко к его решениям, но не верил в достоинство своих решений, и притом у меня они выходили смутны, а у него мне все стало ясно. С практикою других я в разладе: я не верю в «куркен-переверкен», а более доверяю исторической постепенности, которую Л. Н. указывает, например, в вопросе о смягчениях пожирания людей и животных. Придет к тому, что совестно будет убивать ручное животное, а потом — всякое животное. «Волк ляжет с ягненком». То же и об «опрощении». Не все могут всё вдруг сделать, а только «могущий вместит». Куркен-переверкен пугает, а постепенно конь дается между своих ушей стрелять. Масса мелких землевладельцев, и землевладельцев с хорошим христианским настроением, остается для меня самым верным шагом для моей нынешней поры. Я хочу написать такой романчик и назвать его по имени героя «Адам Безбедо́вич» (из поляков-евангеликов). Поляки отлично способны сидеть в деревне.

Ваш *Н. Лесков.*

122

К. А. ГРЕВЕ

7 января 1889 г., Петербург.

В Москве гостит у Льва Никол. Толстого в Долгохамовницком переулке, № 15, его и мой друг, Павел Иванович *Бирюков.* Он морской офицер, опростившийся и ходящий *по-мужицки.* Я просил его видеться с Вами и переговорить об одной моей повести. Я полагаю, что он к Вам придет, а может быть, и не один, а с графом. Это бывало. Предупреждаю Вас, чтобы не вышло недоразумения с этими *мужиками.* Они, конечно, не обидятся, но Вам, быть может, будет досадно.

Бирюкову я послал такой же формы листок к Вам.

Н. Лесков.

123

И. Е. РЕПИНУ

22 января 1889 г., Петербург.

Л. Н. Т⟨олстому⟩

Я знаю мир души твоей,
Земному миру он не сроден.
Земной мир соткан из цепей,
А твой как молодость свободен.
Не золотой телец — твой бог,
Не осквернен твой храм наживой.
Ты перед торжищем тревог
Стоишь как жрец благочестивый!
Ты как пророк явился нам,
Тебе чужды пороки наши —
И сладкой лести фимиам
И злом отравленные чаши.
Ты хочешь небо низвести
На нашу сумрачную землю.
Остановясь на полпути,
Тебе доверчиво я внемлю.
Слежу за гением твоим,
?! Горжусь его полетом смелым...
Но в изумленье оробелом
Не смею следовать за ним!..

К. Фофанов.

Любезнейший Илья Ефимович!

Стихотворение это прекрасно, но в нем есть одно *ужасное слово,* которое совсем не идет к тону и противно тому настроению, которого должна держаться муза поэта-христианина, в истинном, а не приходском смысле этого слова. Это слово «горжусь»...

Л. Н. будет смущен и огорчен, что он внушил кому-то самое противное его духу чувство «гордости». Это несоответственное слово употребляют попы, газетчики, славянофилы и патриоты-националисты, но оно не должно исходить из уст поэта-человеколюбца, тронутого горящим углем любви христианской.

Я знаю, что Вы любите Фофанова, и, вероятно, любите его так, что говорите ему правду. Заметьте же то, что я Вам сообщаю тоже по любви к Фофанову, и передайте ему это дружески так, чтобы это его не обидело.

Любящий Вас
Н. Лесков.

Слежу за гением твоим,
Смущен его полетом смелым и т. д. — или все, что хотите... но не «горжусь».

124

И. Е. РЕПИНУ

8 февраля 1889 г., Петербург.

Любезнейший Илья Ефимович!

Вчера я не попал на товарищеский обед, а Вас подбивал туда ехать... Дурно! — Простили ли Вы меня? Если еще не простили, то поспешите скорее простить, ибо в мире нам «лучшее». А потом потщайтесь мне на помощь.

Вы, чай, слыхали, что я сам печатаю «собрание» своих сочинений... При этом издании *требуется* портрет автора... Какой? Приятель-художник должен в этом случае помочь писателю. Об этом и прошу Вас. Придумайте и посоветуйте мне: какой дать портрет, чтобы было хорошо, скоро и не безумно дорого. Очень Вас прошу об этой дружеской услуге и во всем совету Вашему последую.

Говорят, будто Матэ очень дорог и очень медлителен. Не возьметесь ли Вы попробовать его, — что́ он пожелает взыскать с меня? Вообще будьте другом — помогайте.

Любящий Вас
Н. Лесков.

125

И. Е. РЕПИНУ

18 февраля 1889 г., Петербург.

Любезнейший благоприятель Илья Ефимович!

Читать мне «Зенона» не хочется по многим причинам, но тем не менее я исполню Ваше желание и свое обещание. Вещь эта не особенно хорошая, но она *трудная*, и ее можно читать только тем, кто понимает, каково

было все это измыслить, собрать и слепить, чтобы вышло хоть нечто не совсем обстановочное, а и идейное и отчасти художественное. Таких слушателей негде взять. Потом «идея»... Для меня, для Толстого (Л.), для Вас — это *суть*, а для всех теперь идея не существует. Я читаю Вам — как советовал кто-то скрипачу: «играть для одного в партере». Я в ужасе, я в немощи, я в отчаянии за ту полную безыдейность, которую вижу... Мне нравятся «Запорожцы», но я *люблю* «Св. Николая», а прием им будет обратный этому... Так падать, как падает эта среда, — это признак полной гадостности. Это какие-то добровольцы оподления, с которыми уже невозможны ни споры, ни разговоры. Прямо: «Не тратьте сили — спущайтесь на дно!» Я это чувствую повсеместно и читаю почти на всех лицах. Еще им недостает смелости поднять руки на Л. Н., но что и это будет сделано, — попомните мое слово, что Вы увидите ужасающее бесчинство! Зачем же мы собираемся? Зачем говорим еще? Зачем?.. Не лучше ли молча «спущаться на дно»?.. Не обижайте меня, — не говорите, что это неправда, потому что это — правда.

Лучше будем укреплять друг друга в постоянстве верности добрым идеям, — хотя я боюсь, что «Св. Николай» будет не умно понят. Гольцев хорошо напишет, но не это повлияет на установление взглядов толпы, и я думаю, что Вы это чувствуете и однако на это идете... Вот что я в Вас уважаю. Надо иметь в душе *мужество*.

За переговоры с Матэ благодарю. Сожалею, что Вы меня не застали. Не понимаю, о какой гравюре Вы пишете: на дереве или на металле, и на каком? Постараюсь приехать к восьми часам вечера.

Ваш *Н. Лесков*.

Живописцы могут служить идеалам теперь лучше, легче, чем мы, и Вы обязаны это делать. Дайте «Запорожцев», но рядом заводите на мольберте что-нибудь вроде остановителя казней. Почему нет группы кротких «штундистов» перед архимандритом консистории?.. У нас есть свои «Зеноны». Отчего нет «Беседы в думском зале», где было бы несколько полковников

и оратор на кафедре?.. Ах!.. Чем это не сюжет, достойный вдумчивого живописца с чистым сердцем и доброю совестью? Куда можно бы превзойти «Пустосвята» Перова! И какие лица!.. И в уголке молчаливые штундисты, и Л. Н., и П⟨авел⟩ И⟨ванович⟩, и Ч⟨ерт⟩ков, и еще кое-кто... Это была бы во всех отношениях настоящая патриотическая картина. Те бы «буквальники» спорили, а эти бы молчали, но с ними был бы бог, в них бы *светилась правда.*

126

И. Е. РЕПИНУ

19 февраля 1889 г., Петербург.

Я не говорил, что «Запорожцы» — вещь безыдейная, и идейность ее понимал точно так, как Вы ее изъясняете, однако идея идее рознь. Хорошо сказать то, что говорят «Запорожцы», но идея «Св. Н⟨иколая⟩» пробой выше. — Штундой еще не пользовался ни один художник, и об этом стоит подумать, да и сделать без отлаганья на досуг. Тут широкое поле Вашей даровитости и вдумчивости, и я не стану больше говорить об этой идее и *счастлив буду,* если Вы ее облюбуете и начнете исполнять.

С Шишкиным очень рад познакомиться. Я люблю его задумчивые леса. От того, чем заняты умы в обществе, нельзя не страдать, но всего хуже понижение идеалов в литературе... На что Вы надеетесь, — я не понимаю. Конечно, идеи пропасть не могут, но «соль обуяла», и ее надо выкинуть вон. Литература *у нас* — есть «соль». Другого ничего нет, а она совсем рассолилася. Если есть уменье писать гладко, — это еще ничего не стоит. Я жду чего-нибудь идейного только от Фофанова, который мне кажется органически честным и хорошо чувствующим и скромным.

Талантлив Чехов очень, но я не знаю, «коего он духа»... Нечто в нем есть самомнящее и... как будто сомнительное. Впрочем, очень возможно, что я ошибаюсь. Старый Глеб Успенский служит хорошо. Кто же еще?.. Кто на смену? Где критика? Кто до сих пор понял весь вред нигилизма, игравшего в руку злодеям,

имевшим подлые расчеты пугать царя Александра II и мешать добрым и умным людям его времени?

Проклятое бесправие литературы мешает раскрыть каторжные махинации ужасной реакции. Утешаться ровно нечем.

Н. Л.

127

И. Е. РЕПИНУ

27 февраля 1889 г., Петербург.

Любезнейший благоприятель Илья Ефимович!

Приветствую большой и несомненный успех Ваших произведений. На выставке нет ничего лучше «Св. Николая» и портрета Глазунова. Похвалы Вам единогласные. Стоят картины прекрасно, и лучшего им не надо. Николай, Глазунов и Щепкин на выставке выиграли против того, что показывали в мастерской, а Бородин в мастерской казался лучше. Не понимаю, как он тут освещен.

Суворин был в восторге от «Св. Николая». Вероятно, будут ему и хвалы большие. Фигура палача в раме утратила свою казавшуюся колоссальность. Толпы у «Св. Николая» не редеют, а толки очень курьезные и неожиданные — например, что Вы хотите «показать главенство церкви над государством». — Если верно, что за «Св. Николая» Вам дано всего десять тысяч, то это очень дешево, — особенно ввиду цены «Фрины». Не завернете ли как-нибудь с выставки ко мне? Я был бы рад видеть Вас после успеха Вашей благородной картины.

Ваш *Н. Лесков.*

128

А. С. СУВОРИНУ

2 марта 1889 г., Петербург.

Достоуважаемый Алексей Сергеевич!

По достоверным и приятным для меня сведениям, мои книжечки в «Дешевой библиотеке» идут хорошо. Отдельное собрание подвигается и захватит все, что я могу почитать за более удачное и зрелое. Первые

опыты и все хламовое я выброшу и в собрание не включу. На десять том⟨ов⟩ наберется и изрядного материала, но в этот же материал попадет и то, что я особенно люблю, более всего люблю и знаю, что это хорошо, — это «Захудалый род князей Протозановых». Это любили Катков, и Аксаков, и Черкасский, и Пирогов... Мне это дорого, как ничто другое мною написанное, и я жарко хотел бы видеть этот этюд распространенным как можно более. В «собрании» он этого не достигнет, и я не могу остаться спокойным, не испробовав всех средств, чтобы этот этюд, дорогой мне и людям, вкус которых мне ручался за его достоинства, — не был доступен публике по сходной, дешевой цене. — Вы издавали несравненно слабейшие мои работы, — не откажите же мне, пожалуйста, в большом литературном одолжении — издайте «Князей Протозановых» в «Дешевой библиотеке»!.. Ведь они же этого стоят! А я вас прошу, понимаете, — не из-за чего-нибудь мелкого, а этого жаждет и алчет дух мой. Это порыв, это требование моей души. Неужто Вы мне откажете?.. Пусть лучше не откажите, Вы ведь должны знать, что как себя ни замучь, а все-таки что-нибудь свое любишь артистическою любовью. То и тут. Любящему все прощает, кто сам знает, как это чувствуется.

Ваш *Н. Лесков.*

129

НЕИЗВЕСТНОМУ

5 марта 1889 г., Петербург.

Оставленную Вами пьесу я прочел и нахожу, что она чрезвычайно слаба и плоха во всех отношениях, начиная с замысла — основать дело на статье закона, эксплуатировать который в таком широком объеме совсем недостаточно. Отвергшие ее имели полное основание так поступить, и это молодому автору гораздо полезней всяких снисхождений, при столь несамостоятельной вещи неуместных и даже непростительных. «Коль

основанье — ложь, то все тогда ничтожно зданье». Здесь основанье — ложь, а все остальное притащено снаружи, а не развивается из свойства характеров и положений. Стало быть, в пьесе, помимо недостатка и разумности сюжета, нет даже азбучного познания, как должно строить пьесу так, чтобы в ней чувствовалась жизнь и внутреннее движение. А это совершенно необходимо, и этого-то вовсе нет. Следовательно, это ничего и не стоит.

Если Вам, по любви Вашей к автору, мое мнение интересно, то я из него не прошу делать секрета для молодого писателя, к которому я и сам чувствую симпатию. — Пусть эту пьесу бросит, а другую у богов просит.

Н. Лесков.

130

М. И. ПЫЛЯЕВУ

12 марта 1889 г., Петербург.

Статью Вашу отдал переписывать, и с нею — запас бумаги на будущее время. Заглавие изменил так: *Петербургская сторона. Дома именитых людей по р. Мойке.*

Дальше велел оставить десять строк чистых, где по прочтении впишу подзаглавие (реестрики), что́ именно есть в статье. Это заинтересовывает читателя и совершенно необходимо.

Во вторник к четырем часам буду в магазине «Нов⟨ого⟩ времени», и ждите меня, или я Вас подожду.

Усердно прошу о друге моем Зинаиде Петровне Ахочинской. Поддержите ее кураж, сколько позволит правда и Ваша ко мне приязнь. Она, по отзывам Репина и Боткина, «очень талантлива; хорошо училась и с большим вкусом пишет». На выставке есть ее следующие работы: портрет французской актрисы *Рэнэ,* портрет Татьяны Петровны *Пассек* (больной, в кровати), мастерская Боголюбова и «цветы». Пожалуйста, дойдите до них и не пройдите вниманием.

Мы все семейно любим эту девушку сердечно и дорожим ее успехом, крайне ей необходимым в ее трудном положении. Я надеюсь на Вашу приязнь и прошу только *внимания*.

Ваш *Н. Лесков*

131

И. Е. РЕПИНУ

14 марта 1889 г., Петербург.

Добрый друг Илья Ефимович!

Огорчили нашу милую Зинаиду Петровну — не приняли у нее портрет Т. П. Пассек!.. Уж как мне ее жалко, то и выразить не могу. Приняли три штучки, а портрет-то и не приняли. Я это узнал и ей написал, — она поехала к Боткиным, и слух подтвердился. Она очень сконфужена — плакала до того, что заснула. Может быть, портрет и плох, но если Боткин схитрил, то это очень гадко. Однако надо ее поддержать словом и советом. Был у меня сегодня (в понедельник) Як⟨ов⟩ Петр⟨ович⟩ Полонский, видел подмалевок моего портрета и говорит, будто «хорошо».

Очень ведь важная вещь решить, стоит ей держаться искусства или нет? По-моему, стоит, ибо способности есть, и это даст занятие и положение: но я понимаю, что *надо много работать,* а у нее, кажется, мало прилежания... Она долго очень *сбирается* на работу. Полонская куда шустрее. Хочу их свесть и познакомить.

В пятницу 17 марта у Полонского будет старец Афанасий Фет. Любопытно. — Полонский просил, не зазову ли я Вас? Очень зову. Не приедете ли посмотреть на это «чудище обло, озорно и стозевно»? Еще бы, кажись, лучше по пути заехать ко мне, ибо у меня явилось много нужды поговорить с Вами.

Впрочем, все это теперь изменяется, так как сейчас приехали Зин⟨аида⟩ Петр⟨овна⟩ и племянница моя Вера Михайловна Макшеева, ее подруга по Парижу (готовилась быть певицей у Маркози и здесь в прошлом году вышла замуж за полковника Макшеева).

Эта милая молоденькая дама видела «Св. Николая» и непременно просит меня привезти ее к Вам посмотреть портрет бр. ⟨баронессы⟩ Икскуль, о котором я по нескромности и искренности много наговорил справедливого.

Они просят Вас принять их *в четверг, 16 марта, в 2 часа дня.* Я заеду в корпус за Верой Макшеевой и привезу ее, а Зин. Петр. и мадемуазель Пассек приедут к Вам к этому же времени.

Таким образом, я надеюсь увидеть Вас у Вас же до пятницы, если только Вы не откажете всем нам в удовольствии видеть Ваши новые прелестные работы.

Для меня эти два женские портреты — чистое вдохновение.

Благоволите приехать.

Ваш *Н. Л.*

Надо мне просить Вас о многом, и все, конечно, о добром и об удобном.

132

З. П. АХОЧИНСКОЙ

⟨15—20 марта?⟩ 1889 г., Петербург.

Зинаида Петровна!

Вчера я виделся с Ильею Ефимов⟨ичем⟩ Репиным и говорил ему о Вашем желании с ним познакомиться и просил его по-дружески ориентировать Вас, как мою добрую знакомую. Он на все это вызвался с полным удовольствием и хотел сам к Вам поехать, «чтобы иметь понятие о том, чтó Вы собою представляете как художница». — «Иначе, — говорил он, — я не в состоянии буду ей сказать ничего основательного», так как он о Вас *ничего не знает*. Потом это отдумалось, и он ждет нас вместе от двух до четырех часов в любой день. Хотите, поедемте вместе, а не хотите, — поезжайте одна. Он Вас примет радушно. Там же (у него) случился художник Матэ, который знает «мужественную Лаудан», и я сказал, что эта госпожа есть Ваш сотоварищ.

Относительно всего, что я говорил Вам о работах, — пока поберегите в секрете, и ⟨особенно от⟩ Репина.

Вера и Коля Б⟨убновы?⟩ ⟨напрасно шутили⟩ насчет моего портрета. Шутка эта не должна иметь места, особенно в разговоре с Р., так как я отклонил желания Крамского и Репина и он на меня за это недоволен, но я не желаю иметь своего портрета на выставке, — и его *не будет*. Выставок осенью нет. Выставка будет только в марте, и до тех пор Вы можете поработать много. — «Азу» Вам заказываю. Начинайте с моей «легкой руки». Альбомы Готенрота и Масперо видел. Они неописуемо полны и хороши. Готенрот у меня есть (наряды Египта), Масперо (лица) я могу достать. Сочиняйте. — Когда будете в моих краях, — заезжайте всегда просто, по-товарищески, и не портьте наших отношений переводом на визиты и прочие пустошные вещи. — Альбом нарядов Египта можете у меня взять. Адрес Репина (Михаила Ефимовича) — Екатерининский канал, рядом с Калинкинскою частью, № 26, 1-й подъезд, в верхнем этаже.

Ваш *Н. Лесков.*

133
В. Г. ЧЕРТКОВУ

23 марта 1889 г., Петербург.

Благодарю Вас, любезный друг Владимир Григорьевич, за Ваше письмо, и радуюсь, что Вам разрешено издать «Азу» и «Данилу», но печалюсь о том, зачем Вы не спешите их издать так, как они дозволены, то есть в одной книжке, а затеваете новый вопрос об издании их порознь. На что бы это нужно и чесо ради трата сия миру? Рассказы очень невелики, и им бы как раз хорошо быть в одной книжке, а между тем как поднимете Вы вопрос об их разъединении, то еще нельзя знать, не поведет ли это к неожиданностям весьма нежеланным... Откровенно говоря, — я совсем не понимаю, для чего Вы это делаете, в виду нынешних неблагоприятных условий. Цена книжки $1^{1}/_{2}$ коп. или 2 коп. — совершенно все равно, а время пропадает, и является новый риск и новые беспокойства. «Льва старца Герасима» можете печатать как Вы хотите — одного, или

в соединении с «Дровоколом», или и еще как иначе. Я все это предоставил для пользы народной на Ваше усмотрение, и, по-моему, все хорошо — лишь бы можно было напечатать и дать в руки народу, а не медлить за соображениями какого бы то ни было педантического свойства. Пожалуйста, мною не стесняйтесь и печатайте как Вы можете, — лишь бы скорее и больше.

«Зенона» Вам пришлю. Один экземпляр, который у меня есть, бродит из рук в руки, и я его никак не залучу домой. Пошлю его заказною бандеролью, и Вы его не задержите и возвратите тем же порядком.

Некто, поэт Величко (которого знает Ивантий Иванович), просил меня послать Вам на выбор несколько его стихотворений для какого-то Вашего сборника, о котором он слышал от Фофанова. Я просмотрел эти стихи и не нахожу их близкими к преследуемым Вами задачам в народной литературе. Мы все, сколько нас есть в нашем о Христе братстве, худы и немощны, но все понимаем друг друга и, — плохо ли, хорошо ли, — а всегда берем верно и надлежащий тон. Это радостно. Значит, мы все спелись, а другие, извне приходящие, в тон этот хотят попасть, но не попадают. Это преудивительно, потому что тон наш необыкновенно прост и даже грубоват и примитивен. Вот и Фофанов (премилая душа) все берет в «гордость» да в «славу», а Л. Н. — ча видит «жрецом»... Фу ты, ну ты — пятки гнуты! Как это ему идет «жречество»! — Стихотворения Велички будут положены в одном пакете с листками «Зенона». Вы их прочитайте, и что пригодится, — то возьмите. Одно стихотворение, мне кажется, подходит. — Нельзя ли прислать мне картинки «Азы»? Очень прошу. Их, может быть, прошел бы И. Е. Репин. Кланяюсь достопочтенному Ивантию Ивановичу, обнимаю Вас и почтительно целую руку Анны Константиновны. Кстати: нет ли у Вас ее фотографии? Есть вещи, которые очень отрадно видеть. Она из этих приносящих отраду. — В моих делах нет ничего достойного описания: тружусь и порою хандрю и раздражаюсь. Стало быть, похвалить меня не за что, а надо простить и покрыть милостию.

Смиренный ересиарх *Николай.*

134
В. Г. ЧЕРТКОВУ

28 марта 1889 г., Петербург.

Любезный друг Владимир Григорьевич!

Так как Вы приостановили выпуск «Азы» и «Данилы», а в это время лютость цензуры еще усилилась, то я почти наверное предполагаю, что счастливая случайность их разрешения пропадет втуне. Вам не позволят их вовсе. Это и будет реванш цензуры и вполне правильное возмездие Вам за невнимание к обстоятельствам и педантство Словом, я считаю это дело погубленным вторичным вопросом, как погублен «Зенон»; но если бы милосердие врагов добра было так велико, что и еще раз Вы получите разрешение, то, пожалуйста, сообщите мне: что за картинки делаются к «Азе» и кто (кто именно) их делает? Я бы очень просил позволить мне видеть эти рисунки. Дело в том, что тут есть художница Ахочинская, у которой «Аза» нарисована с натуры, и превосходно. Если заказ Ваш в Москве еще не исполнен, то я просил бы Вас принять рисунки Ахочинской, сделанные по моему совету, а я теперь в египетских дамах «насобачившись». В Москве же нарисуют не «Азу», а «Лупоглазу»», — что будет совсем неприятно.

Дружески жму Вашу руку.

Н. Лесков.

«Зенон» сегодня посылается.

135
К. А. ГРЕВЕ

6 апреля 1889 г., Петербург.

Достоуважаемый Карл Андреевич! Пожалуйста, простите меня за премногие перед Вами неисправности. Мне очень недосужно, и я очень устал. Единственный экземпляр корректуры запрещенного «Зенона» повез Вам в Москву сын редактора, Гатцука, Владимир Алексеевич Гатцук. Он теперь уже в Москве у своего

отца, у Никитских ворот, дом Гатцука. — Сегодня я пишу ему, чтобы он к Вам съездил, но, может быть, вернее и скорее будет, если Вы к нему съездите и возьмете корректуры. Владимир Гатцук (очень милый молодой человек) может Вам рассказать и обо мне и о том, как запрещали «Зенона»; а потом я, поосвободясь, напишу Вам письмо о моем «уединенном положении». Дело просто: я не нигилист и не аутократ, не абсолютист, и «не ищу славы моея, но славы пославшего мя отца». Я Вам напишу, а Вы сами делайте как знаете.

Дай бог Вам устраиваться и жить в мире с собою.

Ваш *Н. Лесков.*

136

В. Г. ЧЕРТКОВУ

Ночь с 8 на 9 апреля 1889 г.,
Петербург.

Любезнейший друг Владимир Григорьевич!

Знатнее всего «понял с полуслова», что я Вас издали порядком порассердил и что Вы тоже меня пощипываете. Все это очень хорошо. Однообразие сильно утомляет душу, а когда «милые бранятся, то они тешатся». Вы же мне милы, и я думаю, что и я Вам не постыл. Затем каждый из нас остается с своею самостию и своими особинами. Я раздражителен — это правда, и это очень большой недостаток. Извинения мне нет, а только объяснение есть: я терпеть не могу никакого доктринерства и профессорского тона где бы то ни было, и потом я не люблю откладывать то, что можно сейчас сделать (хорошего). У Вас же все делается с ужасающей медленностью. Это мне беда видеть!.. Этак (по-моему) дело делать не следует, а, по-Вашему, так только и следует... Очевидно, не столкуемся. «Завтра не наше: наше только сегодня». Надо им дорожить и делать все, что можно, «доколе день есть». Объяснять же и отражать можно все. Известно ведь, что «доказать можно все». В издательстве заметен упадок, и значение фирмы подорвано. Надо спросить рег.

cui bono.[1] Того и гляжу, что оно совсем задерет ножки... И можно будет доказать, что и это тоже очень хорошо. «Вышло-де то, что могло выйти». Я с этим ни за что не хочу мириться. — За обещание прислать мне фотографию Анны Константиновны — очень Вам благодарен. Я буду ждать обещанного. Почему, однако, фотография «грех»?.. «Блюдите, брате, како опасно ходите!..» Этак, пожалуй, скоро и почта станет, пожалуй, «спорым грехом». Черты одушевленного и выразительного лица могут, однако, вдохновлять и бодрить мысль... Почему же это грех? После этого, пожалуй, и чернослив после обеда грех есть... Эй, «блюдите, брате, како опасно ходите!» Этим аллюром люди доходили до вреда своему делу с великою борзостию. Впрочем — моя речь не пословица, а говорю я как думаю, может быть и глупо, но «блюдите»... Летом еще не знаю, как распоряжусь. Если будут средства, хочу видеть «народы мнози», — для этого надо съездить в Париж. К немцам своим не поеду, потому что их теперь «русифицируют», а я терпеть не могу быть при таких операциях. Затем, может быть, решусь сидеть в городе и, может быть, проедусь к Вам и к Павлу Ивановичу не-Гайдукову. Но все это только мечты, а ясного — ничего. Заключаю из Вашего письма, что здоровье Анны Константиновны нехорошо... Это никогда меня не приводит к философии, а всегда к ощущению скорби... Я при этом и останусь. Он ведь о Лазаре «плакал»... Это верно. «Азу» и «Данилу», пожалуйста, пришлите. Картинки непременно были нужны. Как это Вы не знаете мужика! Он привык брать книжечку со шлепком, — так ему и давай шлепок, а то он заговорит: «Это другой нацеи». Все и надо спорить. — Теперь опять — что же это за печатание в числе 7 тыс. экз.?.. Ведь их вперед не дозволят, как «Федора и жидовина»... Зачем же не 15 тыс., не 20 тыс., а 7 тыс.?.. Что это, бедность, что ли, и чья бедность, и per cui bono? Ах, ах, ах и трах-тарарах, — как об этом даже писать стыдно! Это «как мокрое горит», — и ничего более. Не издаем, а просто «нищего за хвост тянем». Ужасно это видеть, кто привык делать живо и энергично. — Буддийский взгляд на «исполнение жизни» и переход «форм бытия»

[1] Кому это нужно *(лат.)*.

мне не чужд и не противен, но тогда надо бы и держаться всего земного проспекта Сакья-Муни и быть «бодисатвой». А меж тем дело путается. Фирме надо торговать, — надо сделать у Суворина объявление; Суворин не буддист, а экономист и деньгу любит solo, solo. Без объявлений нельзя, а объявление стоит своей цены. Ступай, Н. С., покучься, чтобы сбавили. Н. С. идет и кучится, а там смеются: «Что это, говорят, на бедность уж просят!». «Коли им так нудно, так за это и другие взялись бы!»... И, я думаю, возьмутся... «Мокрое гореть» не будет, — сухого хворосту подкинуть, и пойдет дело шибко, а подбор будет иной... Так будет напрасно спущен жар первой печи, и дело будет направлено не в ту сторону... И это мне противно, а между тем я знаю, что наговорить объяснений и доказательств можно сколько угодно, но дух мой понижает дело, как оно есть, и нет никаких доводов, чтобы он перестал скорбеть о деле, таящем на виду нашем, как снег на угреве. И будет грязь, слякоть, — вот и все, — и «посмеются и покивают главами своими»... А дозревание и обновление — это своим чередом. — Сегодня читал корректуру статьи Л. Н. «Об искусстве» (кн⟨ижка⟩ «Русского богатства», Оболенского). Это всего строк 500—600, но это превыше всех похвал за ясность, точность и вразумительность. «Зенона», думаю, Вы уже прочли. Ругин уезжает, а потому, по прочтении корректуры, возвратите прямо мне. Повесть эта, как злое дитя, наделала мне много досад, и главное — расстроила мои дела, которые всегда надо стараться держать в порядке. За это она мне противна стала.

Н. Л—в.

137

Л. Н. ТОЛСТОМУ

30 апреля 1889 г., Петербург.

Лев Николаевич.

Вчера я послал Вам под бандеролькой мой маленький новый рассказ «Фигура». Он дозволен к печати и долж⟨ен⟩ явиться в журнале «Труд» (приложение к «Всемирной иллюстрации»). Это тот самый рассказ о родоначальнике украинской штунды, о котором

я писал Вам некогда, испрашивая у Вас совета, чтобы сделать из этого мал⟨енький⟩ роман. Не получив ответа, я скомкал все в форме рассказа, сделанного очень наскоро. Тут очень мало вымысла, а почти все быль, но досадно, что я из были-то что-то важное позабыл и не могу вспомнить. Кроме того, я Сакена никогда не видал и никаких сведений о его привычках не имею. Оттого, вероятно, облик его вышел бесхарактерен и бледен. Не могу ли я попросить Вас посолить этот ломоть Вашею рукою и из Вашей солонки? Не укажете ли в корректуре: где и что уместно припустить для вкуса и ясности о Сакене, которого Вы, я думаю, знали и помните. Пожалуйста, не откажите в этом, если можно, и корректуру с Вашими отметками мне возвратите; а я все Вами указанное воспроизведу и внесу в текст в отдельном издании. Буду ждать от Вас хоть одной строчки ответа.

Гатцук передал мне свой разговор с Вами обо мне. Спасибо Вам, что знаете меня и говорите обо мне. В суждении своем Вы вполне правы: не столь много требуется «на нужу, сколько наружу». Душевное состояние мое, однако, улучшилось, и много улучшилось после того, как Вы мне написали, что «все хорошо и полно жаловаться». Я не жалуюсь более, и в самом деле стало легче.

Помогите мне выправить и дополнить «Фигуру» в отношении неизвестного мне Сакена.

Если Пав⟨ел⟩ Ив⟨анович⟩ Не-Гайдуков у Вас,— то прошу сказать ему мою благодарность за присланные сегодня выписки из М. Арнольда.

Любящий Вас

Николай Лесков.

138

Л. Н. ТОЛСТОМУ

18 мая 1889 г., Петербург.

Благодарю Вас, Лев Николаевич, за полученное мною письмо Ваше о «Фигуре». Все, что пишете,— верно: рассказ скомкан и «холоден», но я все видел перед собою опротивевшее пугало цензуры и боялся

разводить теплоту. Оттого, думается, и вышло холодно, но зато рассказ прошел в подцензурном издании. «Тени на лицо Фигуры» нужны, и я их попробую навести при внесении рассказа в V том собр⟨ания⟩ моих сочинений, а под цензурою пусть уже хоть так бредет. Кое-что доброе рассказ все-таки внушает и в этом виде. Благодарю Вас и за то, что черкнули о Сакене: я о нем ничего не знал, кроме того, что написал. Оттиска «Фигуры» во второй раз не буду Вам посылать, чтобы не беспокоить Вас. С меня довольно того, что Вы мне сказали. Любовь и признательность к Вам питаю с великою радостию духа, который получил через Вас много света, и силы, и утешения.

Преданный Вам

Н. Лесков.

139

В. М. ЛАВРОВУ и В. А. ГОЛЬЦЕВУ

2 июня 1889 г., Петербург.

Не знаю, кого из Вас, достоуважаемые друзья мои, это письмо найдет в Москве и при исполнении своих редакторских обязанностей: Вас ли, Вукол Михайлович, или Вас, Виктор Александрович. А потому пишу к Вам обоим, с просьбою, чтобы кто получит это письмо, тот бы на него мне и ответил.

Мой придворный поставщик редких книг, букинист Николай Ив⟨анович⟩ Свешников, два года тому назад запил, просрочил паспорт, пропал из вида и, наконец, на сих днях возвратился и предстал полунагой с рукописью о претерпенных им злоключениях, ⟨вызванных?⟩ практикуемой теперь в огромном размере «высылкой на родину». Рукопись, разумеется, неискусная, но с содержанием очень жизненным. Я из нее сделал очерк, представляющий явление новое и нигде никем не описанное. Да его и не может составить никто иной, кроме мужика, который сам все там изложенное видел и претерпел на своей шкуре. Подлинная рукопись, составляющая четыре большие тетради, написанные Свешниковым, находится

у меня; а то, что я из нее извлек и обделал в литературной форме, теперь перед Вами. «Крестьянские опыты», печатавшиеся Аксаковым и Л. Н. Толстым, в сравнении с этим — сентиментальная идиллия и искусственная канитель. У Свешникова я выбрал черты живые, сильные и простые, как сама ужасная жизнь арестанта, высылаемого невесть за что и невесть к кому. Так как это касается петербургской моды, то я подумал, что это всего удобнее напечатать в Москве, и притом *сразу,* а не врастяжку. Всему я придал тон простого внимания *к способу изложения простолюдина.* Так мне казалось удобнее. Сущность содержания сама обнаружит, в чем дело.

Прошу Вас покорно взять эту рукопись в руки и прочесть ее сразу, что берет час времени, и притом очень интересно. Потом благоволите ответить мне: принимаете Вы ее в свой журнал или нет. Если она, сверх моего чаяния, Вам не понравится, — то потрудитесь мне ее возвратить. — Относительно гонорара, так как мой труд здесь только редакционный и компилятивный, — я предоставляю Вам самим заплатить мне по Вашему усмотрению и справедливости. Свешникову же я уплачу сам за его материал. Не откажите мне ответить скоро.

Преданный Вам
Н. Лесков.

140
В. М. ЛАВРОВУ

14 июня 1889 г., Петербург.

Достоуважаемый Вукол Михайлович.

Письмо Ваше о «Спиридонах» получил. Я думаю, что это просто, но очень жизненно и потому интересно и, следовательно, стоит внимания. Свешников — живой человек, и теперь шнырит по П‹етер›бургу, доставляя и разнося книжонки. Написал он безусловно одну правду, а я ее средактировал и привел в литературный вид. «Суть» там вся свешниковская, а вкусовые специи подпущены мною, — какие идут и какие надо. По моему

мнению, Вы резонно сделали, взяв эту маленькую, но не безынтересную штучку.

В производстве у меня на столе есть роман не роман, хроника не хроника, а, пожалуй, более всего роман листов в 15—17. Сюжет его взят из бумаг и преданий о 30-х годах и касается высоких нашего края — по преимуществу или даже исключительно со стороны любовных проделок и любовного бессердечия. «Натурель» он был бы невозможен и потому написан в виде событий, происходивших неизвестно когда и неизвестно где, — в виде «найденной рукописи». Имена все нерусские и нарочно деланные, вроде кличек. Прием как у Гофмана. В общем, это интересная история для чтения, а в частности, люди сведущие поймут, чтó это за история. Главный ее элемент — *серальный* разврат и нравы *серальных* вельмож. «Борьба не с плотью и кровью», а просто разврат воли при пустоте сердца и внешнем лицемерии. — Я называю этот роман по характеру бесхарактерных лиц, в нем действующих, «Чертовы куклы». Живу я в П⟨етер⟩бурге и никуда не еду, потому что все переделываю и переписываю роман и желаю его кончить к августу. *Замолвки* о нем слышал *до разъезда* от Гайдебурова и от Шеллера в «Неделе» и «Живоп⟨исном⟩ обозр⟨ении⟩». Слова никому не давал и не буду давать, пока не кончу. Роман делится на четыре части, каждая листа по 4 или немножко побольше или поменьше. Надеюсь, что это совершенно цензурно. Повторяю, роман по преимущ⟨еству⟩ *любовный,* и все дело в московск⟨их⟩ и петерб⟨ургских⟩ великосветских «чертовых куклах» (курвах) изящной отделки под именами Помон, Неуд, Делли и т. д., упадающих перед герцогом, списанным известно с кого и не имеющим никакого иного имени, как «герцог». Потом тут в гарнире Брюллов (Фебуфис) и tutti frutti. Это все отдает то баснею и стариною, то вдруг хватишься и чувствуешь — ведь это что-то свое. Так все и написано — вроде «Серапионовых братьев» Гофмана. Глубоких или «проклятых» вопросов нет вовсе. «Много бо пострадах их ради».

Хотелось бы без лицемерия спросить: будет ли у Вас что-нибудь о Собрании моих сочинений. Это не для любопытства и не в виде тонкого намека, а некто Биби-

ков составил какой-то мой «литературный портрет». Я его не читал или не видал, но говорят, будто это сделано очень хорошо. Не посоветуете ли Вы этому молодому человеку прислать Вам его работу на просмотр. Он вначале ветреничал и писал плохо, а теперь все вдумывается и пишет лучше. До свидания.

Преданный Вам
Н. Лесков.

141

П. И. БИРЮКОВУ

9 июля 1889 г., Петербург.

Любезный друг Павел Иванович!

Фирма «Посредник» уклонилась от своего первоначального пути в издательстве. Она теперь сама покупает книги у Сытина и на подбирающийся товар поднимает цены с 5 коп. на 50 коп. (за картины). Это поставляет меня в затруднение, и я не могу понять: кому я жертвую моим авторским гонораром!.. Выходит, что пожертвования эти идут в пользу разживающегося купца, который, без сравнения, меня сытее и богаче, а у меня есть кого покормить и одеть... Отсюда выходит, что это становится не то какою-то наивностью и глупостью, не то просто эксплуатациею добрых чувств человека, отрывающего у себя свой заработок, долею которого надо бы делиться с теми, у которых нет никакой иной поддержки. Дело, поставленное в такое неясное и двусмысленное положение, не внушает мне более ни сочувствия, ни доверия к прямоте и ясности целей, преследуемых его сокрывшимися и стушевавшимися руковождями, и я считаю себя вынужденным от него отстать и более не буду давать моего согласия на издание моих сочинений бесплатно. Я сам издам, что захочу, и найду возможность предложить распространителям дешевле, чем Сытин, и притом еще получу заработок от этого издания. Заметьте, что 80 экз. «Данилы» и «Азы» на веленевой бумаге проданы в магазине «Н⟨ового⟩ вр⟨емени⟩» в один день по 25 коп., и их

можно бы продать 2000 по этой цене и дать по 1 коп. народу на простой бумаге. Все это остается у Сытина... Это штука довольно неуместная!

Так как я через Вас сошелся с издательством «Посредника», деятельность которого мне теперь стала непонятна и несочувственна, то я сообщаю Вам, что я не желаю, чтобы Сытин издавал мои книжки.

Искренно преданный Вам

Н. Лесков.

142

В. М. ЛАВРОВУ

12 июля 1889 г., Петербург.

«А на Москве не спешливы и грамати ссылаться не охочи...»

Здравствуйте! На Вашу записочку я ответил давно — в тот же день, когда ее получил. От Вас же ответа нет, по обычаю. Это неудобно. Зачем Вы меня спрашивали о том: есть ли у меня что-нибудь готовое? Нужно Вам что-нибудь или не нужно? Что бы, кажется, взять да и сказать прямо... Так я ничего не понимаю. Оторвавшись от большой работы, написал рассказ листа в два, вроде «Азы» и по тем же источникам, под заглавием «Аскалонский злодей». Пошлю его Вам на сих днях, а Вас попрошу прислать мне (если можно) рублей 500 денег. Потом скажите мне просто по-приятельски, будете Вы что-нибудь писать по поводу выхода собрания моих сочинений или не будете? Это дело самое простое и нимало не щекотливое. Если будете, то прислать Вам экземпляр, или Вы это сочтете за стеснение критической свободы рецензента?.. По характеру моему мне все это представляется простым и нимало не щекотливым, но не знаю, как это у Вас? Пожалуйста, напишите словечко. О Бибикове говорить уже нечего. Я не знаю, что он написал, но знаю, что написанное он уже устроил. Это малец очень со смыслом.

Надежда Ив⟨ановна⟩ Мердер читала мне два этюда из юношеских ее воспоминаний: «Madame Thomas»

и «Maman». Оба очень и очень хороши. Я советовал ей послать их Вам, что она, должно быть, и исполнит.

Пожалуйста, отвечайте и денег пошлите.

Преданный Вам

Н. Лесков.

Где теперь Виктор Александрович?

143

В. М. ЛАВРОВУ

20 июля 1889 г., Петербург.

Благодарю Вас, Вукол Михайлович, за скорый и притом теплый и приятный простотою своею ответ. По характеру своему, который мне изменять уже поздно, я только и почитаю себя в натуральном положении, когда ко мне относятся прямо и просто и тем мне открывают возможность таких же отношений. Это было возможно, и ничего неудобного в этом нет и теперь. Очень Вам благодарен. Экземпляр «собрания» пришлю Вам и Виктору Александровичу, и это мне доставит удовольствие. Когда В. А. приедет сюда, он и получит книги с надписью. Черкните: когда он приедет?

Как бы нам не разминуться. Я никуда не выезжал во все лето, но покушаюсь хоть немножко проветриться. А с Гольцевым и нужно и желательно видеться и говорить лицом к лицу. За обещанную статью в августе очень благодарен. Это очень важно в деле оповещения читателей и привлечения их к участию в подписке.

До сих пор дело идет очень нехудо (по-русски). У меня идет третья сотня подписчиков, а время глухое, и объявлений нигде еще не делано, кроме как в одном «Нов⟨ом⟩ вр⟨емени⟩». С августа буду брать страницы у Вас, в «Р⟨усской⟩ м⟨ысли⟩» и в «Историч⟨еском⟩ в⟨естнике⟩», где публика грамотнее и меня более знает. Журналы хранят упорное молчание, из газет была статья только в одном «Нов⟨ом⟩ в⟨ремени⟩», и та несправедливая, хотя и ласковая.

От Вас и от Гольцева жду справедливости и ничего кроме ее не желаю.

Роман еще в брульоне, но его уже можно считать готовым. «Аскалонский злодей» переписан, но я его опять еще раз измарал, все добиваясь простоты и соответственного старинному сказанию эпического стиля. Я с ним очень заморил себя, и он написан каденцированною прозою — почти стихотворно, — что идет легенде и дает ей особый колорит. Я надеюсь все домарать через неделю и тотчас же пошлю рукопись Вам без новой переписки. Лучше пришлите мне корректуру. По мнению слышавших, «Злодей» будто лучше «Зенона», который, кстати сказать, кажется пройдет здесь под иным, разумеется, заглавием. Словом, Вы можете быть уверены, что «Аскалонский злодей» не запоздает, если хотите для августовской книжки. Через неделю он будет у Вас непременно. В нем должно быть листа 3 или $3^1/_2$. Деньги нужны, и чем скорее пришлете мне 500 руб., тем это будет милее. Счеты наши, помнится, были таковы, что при возвращении «Зенона» я остался в долгу у Вас рублей на 200 с чем-то. (Велите справиться.) «Спиридоны» должны, кажется, покрыть этот долг, хотя я не знаю, как Вы найдете справедливым за них заплатить мне. Думаю, что сделаете безобидно, и ничего не указываю.

Преданный Вам

Н. Лесков.

Июльская книжка мною еще не получена. Если Вам все равно, — пришлите деньги поскорее. Кланяюсь Гольцеву и Ремезову.

144

В. М. ЛАВРОВУ

6 августа 1889 г., Петербург.

Писание Ваше о «Злодее Аскалонском» мы сего числа получили, и то, что «Злодей» Вам и Виктору Александровичу понравился, — смирению нашему в радость. «Теснить» Вас набором не намерен, но надо сде-

лать нечто иное к удовлетворению моему желанию еще поработать над рукописью, — что и Вам будет в пользу. Если теперь ставите «по пятибалльной системе — 4», то после того, как я еще почерчу рукопись, может быть прибавите плюс, и это будет лучше. А потому, — если нельзя набрать, то отдайте *переписать* экземпляр рукописи, и непременно на *графленой бумаге* и *с широким полем*. Затем мой черновой экземпляр оставьте у себя, а переписанный пришлите мне. Пусть он у меня побудет до тех пор, когда Вам понадобится давать набор. Я еще побьюсь, чтобы достичь большей простоты и образности в языке, и, может быть, достигну $4^1/_2$ балла. Вам же это сделать нимало не трудно, и для издания полезно. — Я ведь послал Вам рукопись, во 2-й раз переписанную, *только* потому, что не хотел брать денег, не дав Вам на них обеспечения. Иначе я бы еще раз ее дал переписать и еще бы раз ее помарал. Таков уж мой копоткий прием работать, и иначе я не могу работать. Прошу Вас усердно — пришлите мне или набор, или же список, — и это будет в пользу делу, а не для прихоти моей. Пожалуйста, не оставьте этой просьбы втуне и не считайте ее маловажною. «Аскалонский злодей» мил мне, и мне хочется над ним еще поработать, доколе возможно.

За статью очень благодарю и очень ею интересуюсь. Мир и благоволение да будет над нами.

Преданный Вам

смиренный ересиарх *Николай*.

145

А. К. ШЕЛЛЕРУ

16 августа 1889 г., Петербург.

Достоуважаемый Александр Константинович!

Репин был у меня и я у него, и мы переговорили. Как же это кончить? За чем дело стало? Я хочу уехать проветриться. Надо все кончить, чтобы дело не стояло, а шло.

Прилагаю Вам листок с переменою заглавия. Пожалуйста, прикажите его подклеить к экземпляру повести. Объявлять ее надо под *этим* заглавием: «Гора». Репин это знает.

Преданный Вам

Н. Лесков.

146

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

5 сентября 1889 г., Петербург.

Простите меня, достолюбезный друг, что я, против своего обыкновения, замедлил ответом на письмо Ваше. Я хотел бы благодарить всех Вас за Ваше доброе ко мне отношение, но подоспела досада, которая не дает мне духа, чтобы говорить о чем бы то ни было весело и пространно: благодетельное учреждение арестовало VI том собрания моих сочинений, состоящий из вещей, которые все были в печати. Это том в 51 лист. Вы можете представить состояние моего духа и за это простить мне мое молчание. Я очень Вам благодарен и буду ждать личного с Вами свидания. Уезжать теперь некогда и не до разъездов. Какое терпение надо нашему бедному человеку!

Искренно Вас любящий

Н. Лесков.

Пожалуйста, скажите мой поклон Вуколу Михайловичу и Ремезову. — В статье (его) очень много дельного, а еще более мне милого и утешительного.

147

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

5 октября 1889 г., Петербург.

Достоуважаемый Виктор Александрович!

Вчера получил от Вас письмо, которое Вы написали мне, «переговорив с своими коллегами», результатом чего вышла прибавка в расчете за «Аскалонского зло-

дея». По правде сказать, Вы поступили и справедливо и дружески. «Аскалонский злодей» теперь перед Вами, и Вы можете убедиться, чего мне стоит вещь даже после того, когда она принята от меня редакцией, так что я мог бы о ней уже и не беспокоиться. Очень ценю Ваше дружеское участие и очень благодарен Лаврову. Прошу Вас сказать ему об этом и поблагодарить от меня. «Злодей», по моему мнению, лучше «Зенона», хотя они оба стильны в своем роде. Кстати прибавлю, что «Зенон» под иным заглавием пропущен к печати предварительной цензурой, весь и без всяких сокращений. Вот что делается в нашем благоустроенном государстве!.. В VI томе «толстопузые», говорят, все измарали, — даже «Захудалый род», печатавшийся у Каткова в «Русск⟨ом⟩ вестнике».

Ваш *Н. Лесков.*

148

А. С. СУВОРИНУ

9 октября 1889 г., Петербург.

Достоуважаемый Алексей Сергеевич!

По обстоятельствам, касающимся издания, с которым надо предпринять что-либо решительное, я чувствую надобность с Вами видеться и говорить. Но я так болен, что Бертенсон безусловно запрещает мне всходить на лестницы и чем бы то ни было волноваться (у меня грудная жаба). При всем этом дело столь серьезно, что я хочу быть у Вас, несмотря на воспрещение врача, и прошу Вас назначить мне день и час, когда Вы можете уделить мне 10—20 мин. времени для делового переговора, без посторонних или при Алексее Петровиче.

Прошу Вас оказать снисхождение моему болезненному состоянию и устроить это свидание в эти же дни, когда я чувствую себя немножко полегче.

Ваш покорный слуга
Н. Лесков.

149
В. А. ГОЛЬЦЕВУ

12 октября 1889 г., Петербург.

Любезный друг, кум и благодетель!

Посылаю Вам стихотворение Фофанова, которое висело у меня, прикрепленное на стенке над рабочим столом. Оно написано не одному Салтыкову, а вообще «отошедшим», и появилось в печати после смерти Андрея Алекс〈андровича〉 Краевского. Мне оно очень нравится...

О происшествии с «Зеноном» я сказал Суворину, который возмутился этим и хотел говорить с «важным приставом».

О VI томе все еще нет официального ответа. VII готов. Здоровье плохо, но духом бодрюсь, а Вы же о господе превозмогайте, и мир божий да живет в сердцах Ваших. Смирения же нашего не испытуйте.

Старец ересиарх *Николай*.

150
А. С. СУВОРИНУ

13 октября 1889 г., Петербург.

Достоуважаемый Алексей Сергеевич!

Больше всего оживляет меня Ваше участие. Его я не забуду и за него благодарю. А что выйдет, — к тому отношусь спокойно и ничего хорошего не жду. Эти люди и злы, и подлы, и без вкуса. Я не схожусь с Вами во взгляде на них и очень боюсь, что я их понимаю верно. Но будем делать, что можно. Останавливаться нельзя, а, напротив, надо поспешать — дать в этом году еще два другие тома, VII и VIII. Седьмой уже готов, а VIII Неупокоев видит возможность выпустить к декабрю, но ему нужно для этого Ваше приказание. Прошу Вас об этом, ибо это нужно, так как условлено с подписчиками, что на 1890 год останутся только три тома (в нынешних обстоятельствах это будут IX, X и VI). Иначе мы явимся не устоявшими в своем обеща-

нии, а это дурно влияет на публику. Будьте милостивы: повелите, чтобы VIII том немедленно начинали.

И еще: в виду заходивших толков о пропуске «Зенона», вырезанного в ноябре 1888 года из «Русской мысли», позвольте напечатать в газете прилагаемое известьице, которое имеет целью закрепить или фиксировать ходящие толки в их настоящем характере. Не откажите мне в этом. Маленькая реклама «Живописному обозрению», мне кажется, для «Нов⟨ого⟩ вр⟨емени⟩» ничего не значит.

Преданный Вам
Н. Лесков.

151

В. М. ЛАВРОВУ

14 октября 1889 г., Петербург.

Достоуважаемый Вукол Михайлович!

Усердно прошу Вас переменить эпиграф у «Аскалонского злодея». Вместо тяжелых и малопонятных немецких строф прошу Вас поставить две выписочки по-русски из Лукреция и из Ломброзо. Пожалуйста, не упустите сделать это и обратите внимание на корректуру.

Листок с новыми эпиграфами здесь прилагается.

Преданный Вам
Н. Лесков.

152

А. С. СУВОРИНУ

20 октября 1889 г., Петербург.

А. Д. Неупокоев был у меня вчера вечером и передал мне, что́ Вы написали на ма́рже обложки VII тома. Я ему ответил, что это хорошо и что пусть так и будет. Вообще я на все согласен, как Вы хотите. Я не думаю, чтобы вышло много хорошего, но разделяю Ваше мнение, что́ после известного Вам разговора — лучше помолчать. Того же самого буду держаться и я. —

О заметке в «Петербургском листке» я узнал только вчера, и то благодаря Гайдебурову, который прислал мне эту вырезку. Я так болен, что мне все это сделалось как чужое. Я очень благодарю Вас за обещание защищать меня от обиды. Это мне очень полезно и делает честь Вашему сердцу. Просить за себя очень тяжело и иногда вовсе непосильно, но заступиться за другого — иное дело. От этого человек с справедливостью в душе не станет удаляться. — На большое письмо Ваше я мог бы ответить Вам многое и, может быть, показал бы, что Вы не во всем правы, но думаю — для чего это делать? Что Вам многое не нравится в том, что я написал, — нет ничего странного. Я писал 30 лет и, вероятно, написал много дурного. Люди, гораздо более меня одаренные, и те недовольны собою, и я собою очень недоволен. Много дурного. Но напоминать мне об этом часто, и в то время, когда печатается издание и претерпевает препятствия, а я болен болезнью, которая, вероятно, не пройдет, — это мне кажется напрасно, жестоко и некстати... По-моему, это все равно что позвать человека к своему хлебу-соли и попрекать его или сказать: «Сядь ты где-нибудь так, чтобы я тебя не видел: я ведь едва сношу твое присутствие». Раздражение, которое Вы обнаруживаете, очень подобно этому, и я решительно не могу придумать ничего для того, чтобы дело шло иначе. Знаю одно, что я тут ни в чем не виноват. Укор Ваш за мое слово о «небоязни» признаю справедливым: я сказал сгоряча и не обдумавшись: я боюсь иметь боязнь. Писавши Вам, я позволил себе сказать так о равнодушии к утратам и разорению. Рисоваться мне этим не для чего. Я всегда работаю усердно, и много у меня отнимают: я стараюсь переносить это по возможности спокойно. Иначе было бы еще хуже, чем есть. Я много видел злого и привык к этому. Я думаю, что это довольно просто. Что есть «бог» во всю его величину — это нам непонятно, «ибо длиннее земли мера его», но что он есть про мою нужду — это мне ясно и понятно. Все это я как-то упомянул по порыву душевному, но, конечно, без всякого желания сказать Вам что-либо досаждающее. Я всегда стараюсь избегать этого со всеми людьми. Для чего же Вы сердитесь? Мы одинаково пожили на веку и мнений друг друга

изменять не можем. Разве за это можно уязвлять человека?.. Что такое Добродеев и при чем он? Разве я не знаю, что́ он и что́ Суворин? Я только тогда и увидал Д—ва, когда Шеллер привез его ко мне заплатить мне деньги. Ранее я его и не знал и думаю, что значение таких людей в журналистике столь скромно, что о них говорить и не говорить — это все равно. Если бы Вы сами не сказали мне (у меня), что «об этом стоило бы заявить», — я не послал бы Вам и заметки. Послал потому, что Вы говорили. Вы передумали, — и то хорошо, и я даже рад, что Вы передумали и что заметка не напечатана. В чем же тут досада, обида, раздражение? Как Вы можете это включать в «мелочи своей архиерейской жизни»?! Я считаю эти вещи за простые предположения сделать так или иначе и повторяю, что Вы сделали хорошо. — Затем ничего больше не скажу, кроме того, что мне очень тяжело видеть раздражение во всех Ваших ко мне отношениях и что постоянство Ваше в этом настроении меня не обижает, но огорчает: я не хочу давать Вам лишнего повода смущать покой Вашей больной и самоистязующей души. Я все 30 лет дорожил миром и приязнью с Вами и никогда не искал от этого никакой корысти. Вы это знаете. Я ничего себе не выкраивал. Я помню две минуты в нашей жизни, когда мы пошли друг к другу... Вероятно, мы тогда не думали, что мы дурные, жестокие люди. Поэтому только я и не верю, когда мне говорят, что Вы меня «совсем не знаете». А поверить бы следовало и можно.

Ваш *Н. Лесков.*

153

С. Н. ТЕРПИГОРЕВУ

21 октября 1889 г., Петербург.

Во всех хитростех благоискусному и любвеобильному брату нашему, исподинготу же Сергию, чищебнику же тамбовскому и козловскому и всея Русии пустобреху

Радоватися!

И шлем есьми твоему незлобию и братолюбию от своего недостоинства низкий поклон и благодарение,

еже не возгнушался еси худости нашея и безумия же нашего не отринул еси. А быть к тому делу немощны, занеже нам на больших людях трудно, многих ради недостоинств наших. И тое нашу вину просим обычным твоим братолюбием покрыть и поносити нас токмо в меру своего усердия. Знатно бо нам стало, что к твоему утробию будут важные сочинители и скорописцы, с ними же нашему смирению во едину стать сести и беседовати вровнях за дерзновенное почитаем и того ради усердное шлем моление, — о великий в хитростех брате, прелукавая глава, отче Сергие, — имей ны яко же отреченны.

Смиренный ересиарх *Николай.*

154

А. С. СУВОРИНУ

7 декабря 1889 г., Петербург.

Достоуважаемый Алексей Сергеевич!

Вчера был у меня по делу издания метранпаж Демьянов и сказывал, будто Вы желали поговорить со мною о VI томе — «не сделать ли его X». Так ли это или нет? Я теперь могу прийти к Вам, но не хочу беспокоить Вас без надобности. — VI том делать X очень трудно и, по-моему, не нужно. В этом я не вижу никакой выгоды ни для нас, ни для подписчиков. Можем ждать их «волокиты» до выпуска IX тома. Тогда только наступит пора безотложного решения с распределением материала на X том. В крайности я все-таки не буду совать вещей очень слабых, а напишу лучше для X тома статью «О себе самом» — по существу, мои литературные воспоминания, которые могут быть интересны и могут вызвать толки. Такую статью меня вызывает написать «Deutsche Rundschau»,[1] которую заинтересовали некоторые сообщенные ей переводы. Мне все равно надо ее написать. С нее и сделают перевод. А пока, мне

[1] «Немецкое обозрение» *(нем.)*.

кажется, нам надо позаботиться только о том, чтобы подписчики наши получили в этом (⟨1⟩889) году три тома, то есть V, VII и VIII, который теперь печатается (недопечатано 9 лист.). Окажите мне доброжелательство, — прикажите, чтобы VIII том непременно был выпущен до нового года. — Тогда мы будем исправлены в своих обязательствах и выжидание будет для нас удобно и, может быть, небезвыгодно.

Преданный Вам
Н. Лесков.

Если Вы действительно желаете переговорить со мною, то черкните, когда зайти к Вам; а то придешь не вовремя. — Вы сердитый, а я больной, и ничего у нас хорошего не выходит. А поговорить и мне надо.

155

В. М. ЛАВРОВУ

7 декабря 1889 г., Петербург.

Достоуважаемый Вукол Михайлович!

Получил от Вас депешу о стихотворении Велички и письмецо с вырезкою из «Русск⟨их⟩ вед⟨омос⟩тей». О депеше говорить нечего: «на вкус товарищей нет». Нынче все очень спешат и не отделывают работ и тем себе много вредят. Я это им всегда говорю, но моим речам мало верят и вовсе их не слушаются. — В «Русских ведомостях» кто-то уж слишком добр и ко мне снисходителен. «Аск⟨алонского⟩ злодея» надо было еще потомить в горшке, и он бы упрел лучше. Теперь изо всего моего прологового запаса остается одна легенда — всех лучшая, это «Оскорбленная Нэтэта» (по Прологу и по Иосифу Флавию). Сюжет живой, пестрый, страстный и нежный. Не знаю, как выйдет в деле. Есть жрецы Изиды, римляне, и боги (переодетые волокиты), и муж, и костер, и «оскорбленная Нэтэта» — словом, целая опера или балет, но это все еще «в голове», хотя я, однако, мог бы, кажется, написать ее к февралю

1890 года. — Об этой работе я говорил бы с Вами увереннее и охотнее, но Вы приступаете ко мне с требованиями романа, и приступаете «круто и узловато»... Тут иной разговор и не в одно слово. Роман написан, как Вы видели, только *начерно*. Положим, что и в таком положении романы печатают. Печатают их даже когда они еще только *пишутся*... Примеров таких много. И я так печатал «Некуда» в «Библиотеке для чтения» и «На ножах» в «Русск⟨ом⟩ в⟨естни⟩ке» у Каткова, но для этого требуется большое доверие со стороны редакции как к силам, так и к аккуратности автора. Имеете ли Вы ко мне такое доверие? Это надо знать, а знавши, надо подумавши принять такую обязанность. Могут случиться перерывы, но это ничего — беда небольшая. Я успею отделывать и переписывать, но все это будет уже некоторая спешность — чего я не люблю. Я еще очень слаб после тяжелой моей болезни. Роман я перечитал и хотел бы удержать его у себя еще с год. Это я и решился вчера написать Вам, думая лучше так разрубить нить, чем ее тянуть. Письмо Ваше изменило мое решение: я стал думать, что поступлю не дружески и не товарищески. Теперь я признаю за лучшее пройти пером первую, переписанную набело часть и пошлю ее Вам с тем уговором, чтобы между нами не было никакого стеснения: понравится — печатайте, — я буду готовить далее, а не понравится — возвратите, и я об этом нимало не потужу, и тени гримасы с моей стороны не будет. Я его с удовольствием буду отделывать на свободе. Сюжет чисто любовный и чем далее, тем интереснее, но он *прихотлив* и довольно необыкновенен, хотя это все с настоящих людей и событий. Если начнете печатать, — далее верьте мне, как верили Катков и Боборыкин. Другого исхода нет. — Кажется, я Вам пишу ясно, открыто и дружески. Прошу Вас посоветоваться с «братиею» и отвечать мне *так же* просто, ясно, и чтобы все между нами шло дружно и хорошо. Я буду ждать ответа скорого.

Ваш *Н. Лесков*.

156

В. М. ЛАВРОВУ

Ночь на 8 декабря 1889 г., Петербург.

Я претерпеваю несносное давление с романом. Его просит и Цертелев. Мучение! — Пошлю все-таки Вам, но давайте ответ скоро — в три дня. Мне не миновать его отдать теперь. По-видимому, я справлюсь, хотя с трудом. Рискую один я, а не редакция. Он читаться будет, хотя меня, может быть, не будет удовлетворять. Пошлю первую ч⟨асть⟩ 14 декабря. Ее можно разделить надвое — на 14 глав, но лучше печатать целую. — Ц. предлагает мне 300 руб. за лист. «Родина» тоже. Вы что скажете? Пожалуйста, пишите скорее и откровенно. Меня все это мучает. Я не могу нахваливать романа и не могу просить Вас мне верить, но поступаю по-товарищески. До 14-го есть время переписаться.

Ваш *Н. Л.*

157

А. С. СУВОРИНУ

9 декабря 1889 г., Петербург.

Очень рад, Алексей Сергеевич, что мы смотрим на вопрос о VI т⟨оме⟩ одинаково. Как бы дело ни пошло, — мы, во всяком случае, от выжидания ничего не потеряем. К Вам я зайду на сих днях. Жалею, что Вы вечерами сердиты и надо говорить с Вами утром, когда нет возможности говорить. И зачем это Вы выбрали по вечерам сердиться? Вечер — это самое благобеседное время, а Вы его дарите гневу... Не во гнев милости Вашей молвить, — в наши годы надо «сдабриваться»: в этом возрасте «ласка души красит лицо челозека». Я всегда сожалею, когда слышу о вашей сердитости. Что это такое, чтоб люди нас боялись, как беды какой? Как это себе устроить и для чего? А ведь Вы не можете же не чувствовать, что люди Вас боятся и оберегаются... «Конкуренции» в совпадении сюжета Вашего рассказа с «Аскал⟨онским⟩ злодеем» не боюсь, во-первых, потому, что мой рассказ вышел и я деньги получил, во-вторых, потому, что я нимало не ревнив к своим работам, в-третьих,

потому, что наши дарования очень разнородны и мы можем писать сряду и не повторим друг друга, а еще, наконец, — мне Ваши дарования нравятся более, чем мои, и я люблю читать Ваши писания. Хорошо было недавно о женщинах, но еще лучше Буренин о Пыпине. Вот как надо писать, чтобы учить публику верному пониманию, но зачем это так редко и зачем в конце про жидов посажено ни к селу ни к городу?.. Зачем Вы не приняли Черткова и отчего не хотите напечатать перевод Л. Н. Т. «Суратская кофейня»? Ведь это и любопытно, и умно, и цензурно.

Пожалуйста, не рассердитесь, что я говорю с Вами о сердитости. Мне кажется, с нею очень беспокойно. С С. Н. Шубинским мы сердечно помирились, и я этому рад, потому что я люблю в нем многое хорошее, чего нет в очень многих.— В 1890 году мне и Вам одновременно истекает 30 лет писательства... Длинный срок! Как бы Вас почествовать? Я должен умереть в 1889 году или в 1892. Есть такое показание. В 1889 было близко у этого, но, верно, отсрочено до 1892.

«Аск⟨алонский⟩ злодей» окончен игрушечным образом. Я это знаю и знаю то, как бы надо было это разрешить в связи с житейской правдой: но Ключевский очень одобряет мой домысел и находит, что это «сделано в духе того времени». Это очень трудная и копотливая работа: я рад, что Вы ее теперь сами испытываете. Возьмите-ка вот за нее по пятиалтыннику за строчку, когда тут что ни слово, то чтение да розыски. Тут сколько с вас ни возьми, — все «себе дороже стоит». — Пишешь это, будто как Паганини иногда играл: «для кого-то одного в партере». Я очень жду, что́ Вы напишете: это не шутка, — это трудно. А я в романе (который, собственно, скорее ряд картин, а не роман) сбился на тему «Татьяны Репиной».

Л. Н. отдал «Крейцерову сонату» не в «Русское богатство» и не в «Неделю», а в сборник, предпринимаемый в пользу бедствующего семейства покойного Сергея Андреевича Юрьева. Перепечатывать имеют право все... Ну, а если до истечения 10 лет право собственности перейдет к наследникам, и они «взочнут иск»?..

Н. Лесков.

158

А. С. СУВОРИНУ

Ночь на 10 декабря 1889 г., Петербург.

Простите, что не сейчас Вам ответил. Письмо принесли при людях, и весь день всё люди. Черткова зовут Владимир Григорьевич (СПб., Выборгская стор., Ломанов переулок, дом Пашкова). — Человек он искренний, тихий, но очень сильного и твердого характера, — немножко фанатик. Личность очень достойная.

О «Кофейне» я, верно, напутал. Ч—ков говорил мне, что он «завозил» Вам этот перевод (из Б. Сент-Пьера), с тем чтобы Вы напечатали его в фельетоне, и спрашивал: как я думаю, напечатаете Вы или нет, «хоть без имени Толстого»? Я понял так, что перевод им оставлен у Вас, а теперь вижу, что, вероятно, Ч—ков держит его у себя до личного с Вами свидания. Эта вещица — рассуждение о понимании божественной, творческой сущности. Оно очень любопытно и живо и, по-моему, — совершенно цензурно. — Покоя в Вашем положении быть не может, — это правда, но пишете Вы все-таки очень хорошо — сильно, образно и горячо. Рассказ лучше кончить «грехом». Это статочнее, но я ведь держался жанра и потому написал ближе к той развязке, какую дал Пролог. Писать эти истории очень трудно, но занимательно. Очень рад был бы, если бы Вы позвали меня прослушать рассказ, когда он будет написан. Я иногда бываю не бесполезным слушателем.

Преданный Вам

Н. Лесков.

P. S. Слыхали ли Вы, будто в Ак⟨адемии⟩ худож⟨еств⟩ открыто гнездо «юферастии»?.. Какова мерзость!.. А по компании судя, — дело подозрительное.

159

В. М. ЛАВРОВУ

Ночь на 15 декабря 1889 г., Петербург.

Простите меня, отцы и братия: еще обману Вас на одни сутки. Сижу за рукописью не покладая рук, а работа вырастает, и ее оборвать невозможно. Готовясь

печатать недосмотренное в рукописи, надо все стараться установить на место в первой части, чтобы не искать нитей после. У меня останутся недоправленными две последние главы, но самые для меня мучительные. О нездоровии своем я уже не говорю. Работа и забота о романе меня поглощает и заставляет забыть о себе. Роман начинает меня удовлетворять. Твердо уповаю, что 16-го, в субботу, я Вам первую часть вышлю. Рукопись измарана ужасно, но четко и толково. Читать, может быть, трудно, но в наборе затруднений не должно быть. Объем всего романа представляется мне около 10—12 листов. Название его «Чертовы куклы». Частей будет три или четыре, — наверно еще не распределил. В первой части должно быть листа 3½ или 4. Она самая большая. Разделять его нельзя без ущерба для интереса повествования. Живые лица и имена их маскированы. Положения указаны только соответственные действительности. Место действия вовсе не названо. Приемы вроде комедии Аристофана «На облаках» или еще ближе — вроде нашего «Пансальвина» или Хемницерова «Кровавого прута», но колорит и типы верные действительности (история Брюллова). Того, кто называется «герцогом», я иногда называю «высочеством», иногда — «светлостью». Теперь мне трудно все это выследить и привести к однообразию. Прошу Вас ставить везде «светлость». Перерыв в феврале необходим. Иначе я не успею в сроки. К июню роман может окончиться. У Вас еще есть роман Виницкой, в котором, говорят, много достоинств, — стало быть, Вам обходиться есть с чем. Перерыв дела не испортит, если роман интересен. Я делаю все, что может делать человек Вам искренне и доброжелательно преданный.

Н. Лесков.

Корректура будет мне *необходима*. Задержки за нею, по обыкновению, не будет. Так как рукопись должна прийти в Москву в воскресенье, то я ее адресую Вам на квартиру, в Шереметевский переулок. — Всем кланяюсь. Виктора Александровича благодарю за присланную книжку.

160

А. С. СУВОРИНУ

25 декабря 1889 г., Петербург.

Достоуважаемый Алексей Сергеевич!

Я глубоко тронут, потрясен и взволнован припискою, которую Вы сделали под Вашим сегодняшним рассказом. Волнение мешает мне говорить и о самом рассказе и о том, что я чувствую к Вам в эти минуты. Рассказ прелестен и по отношению к «Злодею» стоит как пушка к мортире: «Пушка стреляет сама по себе, а мортира — сама по себе». Я Вам говорил, что Ваши дарования богаче моих, и особенно у Вас есть преизбыток гибкости, которая дает очень милый тон Вашим рассказам. В ней, то есть в этой гибкости, которою с Вами схожа Яковлева (Ланская), заключалась прелесть и привлекательность Ваших фельетонов былого времени. У меня ее нет или очень мало. Я, может быть, слишком торопился «определиться», а Вы легче меня сердцем и характером и сохраняете до сих пор некоторую неопределенность, а через нее и гибкость и живость. Я люблю Ваш талант и очень рад, что говорил об этом прежде этого случая, когда я чувствую себя растроганным Вашим заступничеством и слова мои могли бы показаться льстивыми. Но я уверен, что Вы знаете, что я не льстец и не искатель. Я благодарю Вас за утешение в ином смысле — не в литературном. Литературное значит меньше, чем жизненное... Я скорбел: как теперь свидеться и заговорить! — а лишить себя этой возможности после 30 лет мне казалось ужасно!.. И именно как раз, как нарочно это в 30-й год... Это было мучительно. Ночь под р⟨ождество⟩ Христово я читал до двух час⟨ов⟩ письма Л. Н—ча «к разным лицам», и в том числе несколько раз перечитал письмо его к В⟨иктору⟩ П⟨етровичу⟩ по поводу затевавшегося протеста из-за Надсона, протеста, от подписания которого первый отказался я, и как раз по тем же соображениям, как и Толстой. Я же первый отказался и от «Сборников» на памятник Н—ну, и опять мы совершенно

совпали в мотивах отказа с Л. Н—чем. Я читал и то, которое послано, и то, которое не было послано и известно только в черняке, и слезы много раз подступали у меня к горлу, и я любил В. П—ча и хотел бы просить и молить его о том же, о чем молил его Толстой... Я не говорю о несправедливости в суждениях, — она, может быть, искренняя, но я сожалею о старании «сделать человеку больно». Это, по-моему, ужасно, и когда это поймешь, то нет сил это переносить. Особенно ужасно «разъединить людей», которые уже видят «край жизни и плаванье злое кончают». Я не думал, что в эти же минуты что-нибудь подобное ощущаете и Вы... И подумайте теперь, как я сильно осчастливен Вами, и поверьте моей сердечной Вам благодарности.

Ваш *Н. Лесков.*

О значении Прологов надо бы потверже сказать. Пролога не священная и даже не церковная книга, а отреченная, так сказать «отставная». Притом там не все говорится о подвижниках, а часто подвижники говорят о «прилогах», то есть о случаях им известных, по-нашему — рассказывают друг другу анекдоты... Разве это все свято и составляет «табу»? И разве я передаю Пролог? Вы правильно сказали: мы берем одни «темы». И разве христианке было логично идти по желанию мужа на чужое ложе? Нет, — а язычнице это было логично, и она могла об этом рассуждать, а не прямо отбросить это по Павлу («Муж не властен в теле жены»). Вот почему я оставил ее язычницею, с целомудренной натурою. Но все дело не в том, а зачем было усилие вредить мне, — «делать больно», — может быть, подложить дров в огонь костра, приготовленного для VI тома, что мне наносит тяжкий вред?.. Я не питаю к В. П. ни малейшей злобы и досады и сожалею о том, если я чем-нибудь мог вызвать в нем такое сильное раздражение. Во всяком случае, умышленно — я ничего такого не сделал, да, кажется, и неумышленно не сделал.

«Данило» разрешен для народных книжек!.. Вот и уразумейте цензуру. И «Фигура» тоже. Этого я уж совсем не понимаю. Посылаю их Вам.

161

А. С. СУВОРИНУ

31 декабря 1889 г., Петербург.

Достоуважаемый Алексей Сергеевич!

По радушному зову Вашему полагал у Вас встретить Новый год, но внезапно последовал наезд родственников из Киева, и все дело смешалось: чтобы не огорчить их, надо встречать год «в родственном кружке». Простите мне, что не могу быть у Вас, не припишите это ничему иному, кроме причины мною объясняемой, и примите мой заочный привет, с желанием Вам всего доброго и успокоительного, ибо, по-моему, нет уже ничего дороже покоя, дарующего возможность «единобеседования с самим собою». У Вас же, — Вы говорите, и это очевидно, — в этом только и недостаток.

О том, что пишете, — что «воздерживаешься от бранных слов, да вдруг и разбранишься», — это правда. «Мужик год не пьет, а как черт прорвет, так он все пропьет». Ну, а все-таки год-то он прожил трезво, а то бы и года не жил. Себя совсем переделать, может быть, и нельзя, но несомненно, что намерения производят решимость, а от решимости усилия, а от усилия привычка, и так образуется то, что называют «поведением». Припомните-ка, каков был Л. Н—ч, и сравните — каков он нынче!.. Все это сделано усилиями над собою и не без промахов и «возвратов на своя блевотины». Об этом нечто известно многим, да и сам он в одном письме пишет: «Только думаешь, что поправился, как, глядишь, и готов, — опять в яме». Это согласно с Вами и ответ Вам. А если бы он не «поправлялся», — то... каков бы он был с этим страстным и гневливым лицом?.. А он себя переделал и, конечно, стал всем милее и самому себе приятнее. Неужли это такая малость, что из-за нее не стоит и пытаться себя сдерживать? Я с этим не согласен и хоть часто бываю «в яме», но хочу по возможности из нее выбиваться. Л. Н. как-то говорил, что «никогда не надо оправдываться и возражать». Как я теперь понимаю — это самая очевидная правда, и в нашем положении она нам многих истин дороже, потому что для нас это первая ступень, с которой надо начинать вылезать из «ямы».

И это, кажется, не так трудно. Гете же писал, что он может молчать, «хоть бы его укоряли в воровстве серебряных ложек», а теперь взгляд на обязанности человека и на его достоинство еще благоприятнее молчанию, чем во время Гете. Я поступил дурно — составил заметку, без которой очень бы мог обходиться, — это подлило масла в плошку, и началось горение... человеку стало неприятно: «чего это он все вертится!.. Дай-кась, мол, я его...» Да с приговоркою: «не ходи вдоль лавки, не гляди в окно!..» И получилась во всяком разе неприятная и никому ни на что не нужная история, а виноват в ней всех больше я. Я не подал причины, но подал повод. Теперь мне это ясно, и я на себя очень недоволен. Желаю себе на Новый год, чтобы никогда подобного не повторять. — Что о былинах пишете — это правильно, но что́ об этом говорить — только муть разводить. Л. Н. поступал с Прологами и с легендой Афанасьева «Родила баба двойню» так же, как и мы. В афанасьевской легенде нет почти ничего того, что написано в сказке «Чем люди живы»: ни сапожника, ни дратвы, ни барина с крепким лбом. Но, повторяю, — лучше обо всем этом замолчать и не спорить. — Подписка у нас на Собрание очень недурна. Почали новую книжку билетов. Можно полагать, что имеем подписчиков около 600. По первоначальной смете это было близко к тому, чтобы издание окупилось. Уповаю, что оно и окупится, и благодарю Вас за оказанное Вами мне доверие. — Портрет мой вышел никуда не годный, — похож более всего на «Аскалонского злодея», и его приложить невозможно. Вчера послал заказ Брокгаузу и думаю, что это будет вернее и даже дешевле. Ваш портрет очень хорош. Я ожидаю себе обещанный Вами экземпляр.

Преданный Вам

Н. Лесков.

1890

162

С. Н. ШУБИНСКОМУ

16 января 1890 г., Петербург.

Достоуважаемый Сергей Николаевич!

Простите, что я замедлил отвечать Вам о Трубачеве. Дать экземпляр не штука — особенно человеку, которого Вы рекомендуете, но у меня уже разобрали довольно этих экземпляров, и никто не напечатал статей, кроме «Киевлянина». Взяли экземпляры Михневич, Арс. Введенский и Бибиков, — последний прямо с целью составить и предложить Вам мой «исторически-литературный портрет», как это делают нынче французы. Не сделали все эти господа ничего, а экземпляр стоит 20 рублей... Я хотел узнать от них: нет ли у них чего-либо уже готового. Арс. Введенский сказал, что он будет рад поместить у Вас статью в лист. Что Вы на это скажете? Если же он Вам удобен менее, чем Трубачев, то, пожалуйста, возьмите у Зандрока билет Трубачеву.

Преданный Вам
Н. Лесков.

163

С. Н. ШУБИНСКОМУ

‹Январь 1890 г.›

От А. И. Введенского ответа нет. Согласны ли Вы будете доверить очерк Петру Васильевичу Быкову, основательности которого надо отдать все преимущества, особенно в историческом отношении, так как он составил

всю мою библиографию? Лучше его никто не знает истории моих работ, и я рад бы был видеть очерк, написанный Быковым. Он на это согласен. Пригласите его к себе (адрес: Угол Коломенской и Кузнечного, 1/15, кв. 17).

Н. Лесков.

164

В. М. ЛАВРОВУ

13 марта 1890 г., Петербург.

Достоуважаемый Вукол Михайлович.

Так сильно я виноват перед Вами, что не знаю, как и оправдываться и каяться. На первое Ваше письмо я ежедневно собирался Вам отвечать и не отвечал, потому что болезнь и досаждения по поводу VI тома моих сочинений совсем меня расстроили до того, что я не был в состоянии ничего определить. Я весь изнервничался. Теперь вчера дело решено без всякого решения: никакой развязки не будет, и том останется под арестом без объяснений... Значит, 3 тыс. руб. пропало, и делай что хочешь. Вот под какими порядками приходится жить и еще работать самую нежную и нервную работу. Отсюда можете себе представить мое душевное состояние и в нем найдете извинение моей отупелости и неподвижности, вообще не свойственной и даже глубоко противной моему характеру. Наглая мерзость значительной подлости меня не побеждает, но исполняет равнодушием ко всему окружающему — к себе самому и к любимому делу. В таком состоянии мне было тяжело написать Вам даже несколько строк, и теперь тяжело, но, однако, я себя преодолеваю и пишу.

«Рассказ кстати: по поводу «Крейцеровой сонаты» я начал и половину написал, но тут подошли неприятности, и работа выпала из рук. Завтра же примусь за нее снова, и о том, как пойдет дело, через неделю Вам напишу. Напишу и новые соображения о «Ч⟨ертовых⟩ куклах», которые здесь очень нравятся и всех интересуют. Кажется, их можно будет продолжать.

Н. Лесков.

Всем кланяюсь.

165

А. С. СУВОРИНУ

13 апреля 1890 г., Петербург.

Я прочитал Ваш сегодняшний фельетон. Он мне очень нравится, за исключением одного небольшого места в первом столбце. Почему это Вам «тоже не по душе» работа по евангелиям? Я думаю — это просто так сказано... Или, может быть, это не «не по душе», а не по вкусу... Ваша душа очень много лучше, чем Вы о ней думаете, — это по ней, ее надо жалеть и уважать за то, что Вы ей подваливаете под ноги и что она «яко добр жернов вся претирает». Толстой делает именно то, что теперь назрело: без веры жить нельзя, а верить в пошлости тоже нельзя. Очеловечить евангельское учение — это задача самая благородная и вполне своевременная. «Не по душе» она только «торгующим благодатию», но Вам это говорить не пристало. Так мне это чувствуется. Я за Вашу душу, которая напрасно Вами оклеветана. «Душа по природе христианка» (Тертулиан).

Приходил благоприятель, нюхающийся с монахами, и сообщил, что старший из духовных цензоров был на днях у Лампадоносцева, и тот не утерпел и спросил его в разговоре:

«Не являлся ли к Вам Л⟨еско⟩в?»

Монах испугался и стал уверять, что он со мною «не знаком».

«Я спрашиваю: не приходил ли он просить о... своих сочинениях?»

«Нет, — отвечал монах, — да мы и ничего не можем сделать, потому что всё запретили по определению».

«Ну, конечно», — отвечал Пбц. ⟨Победоносцев⟩ — и тем кончился разговор, который вполне достоверен и достаточен для того, чтобы показать тон, данный тем, к кому я должен бы «явиться» и просить невесть о чем и выслушивать все, что вздумает сказать подлый и пошлый человек, стоящий на высоте бесправия.

Печатаем том X. — Выпустим его в мае и затем станем подпечатывать том VI (с 16-го листа). Когда под-

печатка будет готова (примерно к августу), тогда попросим запечатанный том распечатать; к 16-ти начальным листам присоединим то, что вновь подпечатаем, а отрезок (25 листов), — чтобы опять запечатали и отдали на хранение, как это делается, — на неопределенное время. Пусть пройдет 5—10 лет, и «Мелочи арх⟨иерейской⟩ жизни» все-таки будут стоить по 1 руб. за экземпляр (2500 руб.). Поэтому их стоит сберечь.

Где?

Обыкновенно вырезки оставляют в той же типографии, где печаталось. Это так делается, но П. П. Коломнин этого не хочет; а я не хочу на него ни роптать, ни жаловаться и могу представить лицо, которое возьмет листы к себе и под свою расписку... Это не трудно, но трудно поверить, что Вы (Ваша душа) позволите, чтобы к числу моих обид прибавилась еще одна, исходящая от Вашего имени, — чтобы меня гоняли с этими листами по городу и заставляли просить Вольфа превосходить Вас в снисходительности и деликатности к товарищу... Я не хочу и не могу этому поверить до тех пор, пока услышу это от Вас самих. — Я Вас прошу, любезный друг и товарищ Алексей Сергеевич, повелеть Н. Ф. Зандроку, чтобы отрезки VI тома были приняты на хранение в кладовую, пока время изменит обстоятельства. Стыдно мне просить об этом другого человека!

Преданный Вам

Н. Лесков.

166

С. Н. ШУБИНСКОМУ

2 мая 1890 г., Петербург.

Достоуважаемый Сергей Николаевич!

Я прочел статью Арсения Иван⟨овича⟩ Введенского в майской книжке «Историч⟨еского⟩ в⟨естника⟩» и глубоко благодарен за нее и автору и Вам. Статья эта вполне справедлива, умна, благородна и благожелательна, а притом она строга и требовательна и не льстива —

что мне особенно дорого и приятно. Это первая статья, которую я прочел о себе, чувствуя в критике настоящую честность, искренность и ясное понимание. Я очень счастлив, что дожил до удовольствия прочесть о себе мнение человека искреннего и понимающего дело. Что он ставит мне в укор, то все правильно заслуживает замечания и укоризны, и он обидел бы меня, если бы отнесся ко мне снисходительнее. Словом: я очень рад, что Вы остановились на этой статье Введенского, и прошу Вас принять от меня глубокую за нее благодарность.

Ваш *Н. Лесков.*

167

П. И. ВЕЙНБЕРГУ

11 мая 1890 г., Петербург.

Достоуважаемый Петр Исаевич!

На почтенное письмо Ваше, в котором Вы спрашиваете моего мнения о том, что́ бы Вам взять в «Славянский сборник» из моих сочинений, откровенно и чистосердечно говоря, я думаю, что лучше бы всего совсем ничего не брать, так как я не только не партизан славянофильского настроения, но даже просто не люблю его. Но мешать Вашему намерению цитировать не могу и не усиливаюсь к этому. Скажу одно, что «Соборяне» уже трепаны и перетрепаны, и я не стал бы еще раз их трепать. Притом же Туберозов едва ли был в «природе», — он не более как «плод моего воображения». Я бы на Вашем месте и для Ваших целей взял бы или «Пигмея», или «Однодума», или «Боброва» (из «Кадетского монастыря»). Все эти очерки есть в I томе Собрания и отдельно в «Трех праведниках». Вы их всегда легко достанете на просмотр.

Достопримечательности моей жизни заключаются в том, что я родился 4 февраля 1831 года, Орловской губернии и уезда в селе Горохове; происхожу из дворян Орловской же губернии; воспитывался в Орловской губернской гимназии; служил в гражданской службе

очень мало и увлечен в литературу Громекою в 1860 году. В литературе был постоянно руган. Впрочем, подробности обо мне собирал П. В. Быков для статьи, которая, кажется, должна появиться в следующем № «Иллюстрации». Я к этому ничего прибавить не могу. Быков знает об этом больше, чем я сам помню.

Преданный Вам

Н. Лесков.

168

А. С. СУВОРИНУ

11 мая 1890 г., Петербург.

В сегодняшнем фельетоне Вы едва ли были справедливы. Разве Лейкин не выразил жизни рыночного быта и мастеровщины? Разве Атава не выразил дворянского рассеяния и «оскудения»? Мельников не воспроизвел быта раскола и староверия, и я, хотя слабо, не передавал духовенства, богомолов и нигилистов?.. Пусть мы это делали хуже, чем Григорович, но, однако же, всетаки делали, — и многим казалось, что мы делали это с хорошим знанием описываемой среды. Вы или увлеклись и ошиблись, или же не хотели быть беспристрастным. Лейкин, Атава и Мельников всегда останутся хорошими знатоками и описателями занимавшей их группы русских людей.

Ваш *Н. Лесков.*

169

С. Н. ШУБИНСКОМУ

2 июня 1890 г., Нарва.

Получил июньскую книжку «Историч⟨еского⟩ вестника» и прочел отзыв Трубачева о «Горе». Покорно Вас благодарю за внимание и за ласку. Трубачев очень добр ко мне, но он не сказал мне лести и не оскорбил истины:

«Гора» требовала труда чрезвычайно большого. Это можно делать только «по любви к искусству» и по уверенности, что делаешь что-то на пользу людям, усиливаясь подавить в них инстинкты грубости и ободрить дух их к перенесению испытаний и незаслуженных обид. «Гора» столько раз переписана, что я и счет тому позабыл, и потому это верно, что стиль местами достигает «музыки». Я это знал, и это правда, и Трубачеву делает честь, что он заметил эту «музыкальность языка». Лести тут нет: я добивался «музыкальности», которая идет этому сюжету как речитатив. (То же есть в «Памфалоне», только никто этого не заметил; а меж тем там можно скандировать и читать с каденцией целые страницы. Мне самому стыдно было на это указывать, а старшие этого не раскушали... А Трубачев это уловил... Это ему делает честь перед старшими.) Очень буду рад, если Тр. попомнит урок, полученный им от Скоробрешки, и освободится от льстивости и искательности. Он умеет читать, — это уже кое-что обещает.

Прочел еще Сатина... Хорошо! Особенно низ 590 стр. Велят «отступать», то есть перестать драться, убивать и отнимать чужое, а он прется и лезет... Этот он-то и служит идеалом юноше и его руководствует... «Вот оно! Вот формула: так и должно быть: человек в бою принадлежит богу». — Чем не философ и не христианин! Положил бы на землю книгу, в которой сказано, что «бога нет в боях», а «бог в мирных почивает», а на эту книгу положил бы головами автора и рядом с ним редактора, да обоих бы и отодрал «во славу бога браней».

Как Вам не стыдно поощрять в молодых людях такие идеи!

И это называется «бог сжалился надо мною — я прозрел»!.. Полез к морде...

Эх, Сергей Николаевич, ей-право стыдно! Бог сжалился и научил драться... Эх, как гадко!.. Неужли Вам не противно?

Дай бог Вам «прозреть».

Любящий Вас

Н. Лесков.

170
В. М. ЛАВРОВУ

9 августа 1890 г., Усть-Нарва.

Достоуважаемый Вукол Михайлович!

Я получил здесь, на летнем своем пребывании, Ваше письмо, адресованное в Петербург. Все лето я старался быть в покое, чтобы поправить сколько возможно свое здоровье, и, кажется, немножко поздоровел, но писанием не занимался. Теперь собираюсь 15 августа назад в Петербург (Фурштадтская, 50, кв. 4) и там, вероятно, примусь за какую-нибудь работу. Готового у меня есть только небольшая сказка «О царе Доброхоте и о простоволосой девке». Она величиною в $1^1/_2$ листа. Тотчас по приезде я ее отдам переписать и пришлю Вам до конца августа; а может быть, и сам лично привезу для того, чтобы поговорить о «Куклах» — как с ними быть, или о другом, что мне хочется сделать. Думаю, что вернее всего я приеду сам. Напишите мне теперь (в П—бург). Застану ли я Вас в Москве во второй половине августа и нужна ли Вам сказка?

Кланяюсь Виктору Александровичу и Митрофану Ниловичу.

Искренно Вас любящий

Н. Лесков.

171
Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВУ

20 сентября 1890 г., Петербург.

Достоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Мне очень совестно перед Вами за мою неисправность, а она все еще продолжается: я не могу в обещанный срок справиться с «Оскорбленной Нэтэтою». Это очень сложная и трудная вещь, для которой надо много читать и набирать мозаикою. Я болен и устал от работ этого прихотливого рода. О «Нэтэте» могу сказать только, что я ее постараюсь доделать и никому, кроме

Вас, не предложу; но я не могу надеяться исполнить это в нынешнем году. Притом же меня оторвало от Прологовых тем нечто текущее и живое: меня интересуют заботы германского императора, которым я глубоко сочувствую, не стесняясь тем, что не ожидаю от них большой пользы в ближайшем будущем; но тем не менее это заботы великого значения, и его «почин дороже денег». Однако же он все-таки теперь ничего не сделает, и, кажется, можно видеть, почему именно он ничего не сделает?

В одной старой книге есть к этому прибаутка, взятая в сборник Л. Н. Толстым. Из этой темы и затей императора я смазал «Сказку о большом Доброхоте и о простоволосой девке».

Она цензурна, а объем ее около полутора листа. Намек ее сильно маскирован, так что ничего *личного* нет. Она готова и переписана. Не хотите ли Вы ее получить в этом году вместо «Нэтэты», которой я скоро исполнить не могу, да и Вам, в журнальном смысле, «Доброхот» сослужит более службы, чем изнасилованная римлянка III века.

Готовый к услугам
Н. Лесков.

172

А. И. ФАРЕСОВУ

20 сентября 1890 г., Петербург,
вечером.

Достоуважаемый Анатолий Иванович!

Получил Вашу записочку и очень Вас благодарю за внимание и за память, но Вы знаете, какое у меня ненадежное здоровье... Я постараюсь быть, но обещаться не смею. Притом же я в разговорах не попадаю нынче в тон господствующих течений, и надо все спорить или делать вид согласия с тем, о чем не хотел бы и слышать. Это требует здоровых нерв, а не моих — сильно подержанных. В субботу были у меня Ясинский и Бибиков. Первый, — продли бог ему веку, — был ко мне снисхо-

делен, но второй не скрывал своих преимуществ в знаниях и литературном понимании и так меня припугнул, что я смирился и умолк, чтобы избегнуть согласия и не подвергаться еще более суровому обращению в собственном доме и при сторонних лицах... Вот ведь к чему ведут в наши дни «общения»... И в своем-то домашнем угле неспокойно, а на люди уж и глаза казать боязно. Ей-право, я не шучу. Что уж тут толковать, когда «иные люди в мир пришли» и идет «их царствие». Мне все кажется, что не о чем уже и толковать нам — староверам. Всё мы знаем — «на чем висит хвост», и лучше нам сидеть тихо по своим углам и молчать в согласии с тем, что мы почитали за истину; и другой истины не знаем, да, пожалуй, и не хотим.

Как я завидую Шеллеру, что он, при своей верности добрым идеям, может безнаказанно всех этих господ видеть и слышать! — Какое это благополучие! Вчера опять был дебат о Шеллере. Опять злился. А потом о Л. Н. Толстом, что он «едва ли честный человек, а скорее *рекламист*». Тпфу ты, пропасти на них нет! Ну, «камо пойду от лица их и камо бежу?» Не сердитесь, друг любезный, если я не приду: я болен, и мне дорога неприкосновенность всего того, чем я жил и что теперь хотят втоптать в грязь. Заходите лучше ко мне, без счета визитами: мне у себя все-таки смелее. У меня на дому меня, кроме Виктора Ивановича, никто открыто не презирает. — Поклон мой Вашей супруге.

Ваш *Н. Лесков.*

173

А. К. ШЕЛЛЕРУ

26 сентября 1890 г., Петербург.

Уважаемый друг Александр Константинович!

Из готовых и несколько сомнительных вещей у меня есть одна, наименее сомнительная, тщательно сделанная «Сказка о большом Доброхоте». Я ее уже много «присмирял», и присмирил до того, что более уже нельзя. Теперь, мне кажется, она может пройти. Ее

я Вам и позволяю себе предложить, с тем условием, чтобы Сергей Емельянович распорядился ее набрать, прислал бы мне корректуру и, по выправке мною корректуры, сделал бы *для меня* два оттиска, а затем особый оттиск послал бы к цензору: но ни в каком случае не посылал бы ему рукопись, десять раз переписанную и опять сильно поправленную. Я полагаю, что Вы и Сергей Емельянович признаете это мое желание справедливым и удобоисполнимым. Обо всем остальном, вероятно, успеем поговорить после того, когда нам станет известно, что сделает цензор.

Искренно Вас уважающий и любящий

Н. Лесков.

P. S. За рукописью можете прислать, когда Вам угодно, — но только лучше, чтобы она была у меня под рукою до тех пор, пока С. Е. найдет благовременным ее набирать. Пока она у меня, я все-таки от времени до времени к ней возвращаюсь. Она написана довольно трудною манерою и требует ухода в стилистическом отношении.

174

Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВУ

12 октября 1890 г., Петербург.

Достоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Я получил Ваше письмо о «некоторых словах» и о цензорах, к которым питал и питаю глубокое и искреннее презрение, и говорить о них избегаю. Московские издания, однако, часто приводят меня в соприкосновения, которые мне всегда крайне неприятны. «Слов» нецензурных в сказке моей нет, но, может быть, есть *мысли*, которые не понравятся той или другой цензурной бестии, — этого я не знаю, но на изменение *мыслей* согласиться не могу. Письмо Ваше, к сожалению, очень лаконично и неясно показывает дело. На вопрос в такой форме я отвечать Вам не могу. Потрудитесь приказать сделать набор и пришлите мне *два* экземпляра — один чистый, *сделан-*

ный полностью с рукописи, а другой с обозначением тех изменений или выпусков, которые Вы пожелаете сделать по требованиям цензурных чиновников. Тогда я буду ясно понимать, о чем идет дело, и тотчас же ясно Вам отвечу, и между нами не будет места ни для каких недоразумений. Без этого же я не могу дать Вам ответа и усердно прошу Вас *прислать мне набор, сделанный полностию с рукописи.* О том, что неотразимо, — я, разумеется, спорить не стану.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

175

Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВУ

23 октября 1890 г., Петербург.

Достоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Я писал Вам, что не получил второго оттиска сказки. На другой день оттиск этот был получен, и я прошу извинить меня, что побеспокоил Вас неосновательно.

Сегодня отправил Вам заказною бандеролью выправленную корректуру. Она довольно помарана, и Вы мне это не вмените в вину... Я никак не могу воздержать себя от поправок и переделок, пока к тому есть какая-нибудь возможность, а типографский набор почему-то всегда обладает свойством обнаруживать в произведении такие недостатки, которых не замечаешь в рукописи, хотя бы и много раз переписанной. Сказка наша теперь, мне кажется, выиграла в своих литературных качествах, и оттиск, который у меня остался, теперь мне уже не удовлетворяет, и я усердно прошу Вас приказать прислать мне один оттиск сказки по исправлении присланной мною сегодня корректуры. Это уже не для поправок, а для меня самого. Пожалуйста, исполните эту мою просьбу.

Теперь о «Нэтэте», которую мне затерзал Маркс. Ему очень нравится название и фабула, удобная для иллюстрации, и он настойчиво просит снестись с Вами и предложить Вам другую работу вместо «Оскорбленной Нэтэты», а эту дать ему. Я не могу этого сделать без Ва-

шего согласия, так как «Нэтэта» Вам обещана, но Маркс думает, что он может это уладить сношением с Вами через В. П. Клюшникова. Я не знаю, что в этом направлении сделано или еще будет сделано, но, с своей стороны, считаю данное Вам слово для себя обязательным и об этом на всякий случай Вам сообщаю. При этом «Нэтэты» все еще пока нет, а у меня есть вещь готовая и тоже не лишенная художеств⟨енного⟩ букета, но современная и немножко «направленская» (антиханжеская). Для журнала, по-моему, это лучше небольшого, чисто художествен⟨ного⟩ очерка. «Злоба дня» всегда найдет более отклика в сердцах читателей, которым ладон и кадило очень начадило. Однако то, о чем я пишу, может быть и не совсем под стать Вашему журналу, а может быть, я и ошибаюсь. Только не подумайте, пожалуйста, что я способен «позволить сманить себя». Если Вы не хотите отступиться от «Нэтэты», то я об этом и говорить не буду.

Ваш покорный слуга
Н. Лесков.

P. S. Моя *готовая* повесть называется «Полунощники» и имеет около 8 листов, — разделять ее нельзя, то есть неудобно.

176

А. С. СУВОРИНУ

31 октября 1890 г., Петербург.

Простите мне, старый друг, неосмысленную фразу в спешно написанной к Вам записочке. Конечно, не думаю же я, что, кроме разговора об издании, мне с Вами и говорить не о чем! Это вышло от поспешности и от радости, что насчет издания уже не может быть тягостных для меня переговоров... Я этим досыта намучился и настрадался. Теперь я спокоен и рад, потому что дело себя оправдало и я снова никому не должен. А потому и простите мою обмолвку.

Благодарю Вас за желание меня видеть и зайду к Вам на сих днях. Я Вас видел в магазине, но видел,

как Илья видел Егову, — «задняя» Ваша, когда Вы уходили к Зандроку; а мешать Вашему разговору с Н. Ф. — не хотел. Ходите хорошо — бодро, не только шибче меня, но даже бойчее Авсеенки, который должен служить всем нам на зависть, ибо до сих пор еще «бегается»... Молодчина! Здоровье мое не восстановилось, но немножко поправилось, а главное — я *привык к болезни,* которая возвышает меня в своем роде до сходства с Грозным. Смеялись над Ал. Толстым, что он заставлял Годунова убить Грозного на сцене *взглядом,* а со мною это возможно в действительности. Я живу — читаю и даже пишу, но малейшее потрясение — депеша, незнакомое письмо, недовольный взгляд — тотчас же вызывают в *аорте* мучительнейшие боли, от которых надо лежать и стонать... Так и живу и пишу кое-что, всегда под сомнением: можно это или не можно? Скоро буду женить сына... Он у меня малый хороший, хоть и подурачился. Берет девушку добрую, скромную, хорошо воспитанную и с собственным куском хлеба про черный день. — Griffith Рановато немножко — ему 24, а ей 18, — но ждать не хотят, ну и бог с ними: пусть женятся!

Ваш *Н. Лесков.*

P. S. Орлову вчера же написал, чтобы он сам изъяснил Вам все, что касается Паскаля. Это короче и лучше; а то еще чего-нибудь напутаешь.

177

А. С. СУВОРИНУ

2 ноября 1890 г., Петербург.

В статье о сожигании трупов (сегодня) несколько раз употреблено слово «поднос» — в смысле совсем не соответственном, тогда как в русском языке есть для этого снаряда два очень точные и ясно определяющие слова: 1) сковорода и 2) противень (то есть сопротивляющийся огню). Последнее было бы особенно уместно и ясно. У него (то есть у снаряда) и вид-то кухонного противня, а не подноса.

178

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

23 ноября 1890 г., Петербург.

«Поумнел» положительно очень хорошая вещь. Побольше бы такой беллетристики. Честь и хвала Боборыкину: умно, положительно чрезвычайно интересно и весьма полезно. Недостаточки если и есть, то их надо искать и придираться. Я очень утешен этим литературным явлением. «Тартарен» этот мне не нравится. Это что-то на дыбе тянутое и мученое. Козлов молодцом со своим переводом. В рецензиях есть хорошие «хватки», как, например, об Агриппине.

На днях имел письмо от Льва Николаевича и отвечал ему, что приеду, кажется, вместе с Вами, а потом писал Марье Львовне о том же и добавил, что графиня Софья Андреевна, вероятно, получит от Г⟨ольце⟩ва письмо с вопросом: удобно ли будет, если мы с ним вместе приедем дня на три? Писал же я так, потому что Вы так говорили, а теперь прошу Вас поддержать мою линию и в самом деле графине написать, а об ответе ее мне сообщить. Я намереваюсь распределить время так, чтобы в Москве не останавливаться, так как это напрасная трата «кошеля и часу». Хотелось бы заехать за Вами, а для этого надо, чтобы точно условиться, что нравам московским, кажется, очень противно.

Н. Н. Ге очень сожалел, что ему не пришлось с Вами повидаться, а я жалею, что мне не довелось с Вами проститься.

Жму Вашу руку и кланяюсь супруге Вашей.

Н. Лесков.

179

Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВУ

30 ноября 1890 г., Петербург.

Усердно благодарю Вас, достоуважаемый Дмитрий Николаевич, за внимание к моим просьбам. Конечно, лучше сделать так, как Вы пишете. Пришлите мне

дефектов и более ничего не пробуйте. Только пришлите дефектов *побольше*.

Встречена сказка публикою очень живо. Точно как я будто до сих пор ничего не писал. Очень любопытны толкования, — что именно следует разуметь в этой сказке. Толкования самые разнообразные: «вкус бо ее отвечает желанию вкушающего». Провели Вы ее очень хорошо, поместив под «белое крыло ангела». Пока этим видением любуешься, — измигул Разлюляй и проскакивает в подворотню.

«Полунощники» еще под сомнением у их автора. Я еще съезжу на сих днях к Толстому, — ему почитаю, а потом надумаюсь, как быть. Я боюсь, что они Вам не к кадрили.

Ваш слуга
Н. Лесков.

180

А. С. СУВОРИНУ

5 декабря 1890 г., Петербург.

Я потому не писал Вам, Алексей Сергеевич, что знаю, как горячо и страстно Вы относитесь к делу, которое в данном случае, — казалось мне, — требует только выдержки и настойчивости с тем лицом, виновность которого очевидна. Я не хотел Вас беспокоить до тех пор, пока окажется, что без Вас уже нечего делать. Этим я Вас не отстранял и нимало не обидел. Впрочем, прошу извинения.

Что я ничего не утрачу в моем имуществе «при Вас», — я в этом не сомневаюсь; но когда дело идет о Неупокоеве, то, — уж извините меня, — я желаю и буду говорить тем тоном, которым пристойно говорить с ним и о нем, доколе он таков, каков он есть... У кого только нет VI тома? (кроме меня). Что мне судить о чьей-либо прикосновенности или неприкосновенности, когда я знаю людей, покупавших VI том у букинистов, и последнее доказательство этому я имел еще вчера. Я несомненно знаю, что VI том брали, дарили, продавали и продают и что это делал не я и не с моего согласия. Вот непрере-

каемый и доказанный факт, который меня обижает и против которого я давно бы должен был что-нибудь делать, но я терпел и думал, что они по крайней мере помнят счет и не расстроят комплекта; но они так увлеклись, что и перед этим не остановились, — вероятно надеясь, что «относительно обязанностей типографии *не может быть никакого сомнения»*... Об этом спорить нечего: факты налицо. Еще на днях VI том был предложен моему родственнику, печатающему свое сочинение в типографии Скороходова...

Может быть, Вы могли бы снести все это в полном спокойствии и в этом случае превзошли бы меня в благородстве и кротости, но я уж терпел, терпел нахальства этого типографского «хама», да, наконец, и не выдержал — написал Коломнину, чтобы он напомнил ему о необходимости собрать комплект. Чем же можно заставить такую личность опомниться? Я думаю, одним указанием на опасность, которой он сам подвергается.

Более я ничего не сделал, и никакого моего «поведения» нет, и я воздержусь от ответа на все, что́ в Вашем письме есть резкого, дерзкого и несправедливого. Мое «поведение» я стараюсь уберегать от всякой обиды людям, и в отношении к Вам оно, во всяком случае, совершенно чисто и безупречно. Вы во мне сомневаетесь, а я в Вас нет, и в Петре Петровиче — нет; а в том, кто сделал себя явно сомнительным, — я сомневаюсь.

Ваш слуга
Н. Лесков.

181

А. С. СУВОРИНУ

14 декабря 1890 *(св. Филимон),*
Петербург.

От всего сердца благодарю Вас за критику. Я люблю Ваши мнения. В отзыве Вашем есть нечто сродное с отзывом Толстого. Только тот снисходительнее. Сказки скучно писать современным языком. Я начал шутя обезьянить язык XVII века и потом, как Толстой говорит,

«опьянил себя удачею» и выдержал всю сказку в цельном тоне. Почему Вы не знаете «измигул» и «сутемень» — это меня удивляет! А Горбунов, Пыляев и Максимов небось знают... Вы это прикидываетесь незнайкою. А сказка — просто «штучка», которая художественна, смешна, но без замысла и вызывает улыбку и маленькое раздумье. А опытный писатель, как Вы и Толстой, вероятно почувствовали: «Тут поработано!» Мне просто хотелось дать хорошенькую штучку. Государство меня совсем не занимает.

Преданный Вам

Н. Лесков.

1891

182
Л. Н. ТОЛСТОМУ

4 января 1891 г., Петербург.

Досточтимый Лев Николаевич!

Получил я Ваши ободряющие строчки по поводу посланного Вам рождественского № «П⟨етер⟩б⟨ург⟩ской газеты». Не ждал от Вас *такой* похвалы, а ждал, что похвалите за то, что отстранил в этот день приглашения литературных «чистоплюев» и пошел в «серый» листок, который читает 300 тысяч лакеев, дворников, поваров, солдат и лавочников, шпионов и гулящих девок. Как-никак, а это читали бойко и по складам и в дворницких, и в трактирах, и по дрянным местам, а может быть кому-нибудь что-нибудь доброе и запало в ум. А меня «чистоплюи» укоряли, — «для чего в такое место иду» (будто роняю себя); а я знал, что Вы бы мне этого не сказали, а одобрили бы меня, и я мысленно все с Вами советовался: вопрошал Вас: так ли поступаю, как надобно? И все мне слышалось: «двистительно» так и надобно. Я и дал слово Худекову дать ему рассказ и хотел писать «О девичьих детях» (по поводу варшавских и здешних детоубийств и «Власти тьмы»), а тут вдруг подвернулась этакая история с Мих⟨аилом⟩ Ив⟨ановичем⟩ Пыляевым. Я и написал все, что у нас вышло, без прибавочки и без убавочки. Тут с начала до конца все не выдумано. И на рассказ многие до сей поры сердятся, и Мих. Ив. смущают спорами, так что он даже заперся и не выходит со двора и болен сделался. Я ему Ваше письмо отнес и оставил для утешения; а одна купчиха ему еще ранее прислала музыкальную «щикатулку» — «чтобы не грустил».

Он и не грустит о пропаже, а надоели и мне и ему со спорами: «К чему это касающе и сообразное». Тут и подоспело от Вас подкрепление, за которое Вас и благодарю.

Под Нов⟨ый⟩ год повреждал свое здоровье у Суворина шампанским вином и слышал от Алексея С⟨ергееви⟩ча о присланном ему от Ч⟨ерт⟩кова рассказе, сост⟨авленном⟩ Вами по Мопассану. Ч—в пишет, чтобы «не изменять ни одного слова», а С⟨увори⟩н видит крайнюю необходимость изменить одно слово — именно слово «девка», имеющее у нас очень резкое значение. Я думаю, что эту уступку надо сделать, и советовал С⟨увори⟩ну писать об этом прямо Вам, так как этак дело будет короче и есть возможность скорее сговориться. Положение Ваше в людях такое, как надо быть. «Ускоки» набегают и шпыняют воздух в Вашем направлении. Зато Вы помогаете и «карьерам». Так, например, гнилозубый Аполлон, как 1 № цензуры иностранной, дал «брату Якову» поручение составить доклад о Ваших сочинениях на англ⟨ийском⟩ языке. «Бр⟨ат⟩ Яков» трудился и гнусил: «Каково это мне: я должен его запрещать». И, разумеется, запретил. Тогда «Аполлон» сказал ему, что это ему «в воспитание», и затем, чтобы утешить его, — привел к нему Лампадоносца и Терция... И возвеселися Иаков, и теперь уже не смущается, и «стих» против Вас сочинил, и Никанора стихом же оплакал... И говорят, будто ему теперь «другой ход дадут». Страхов стал лепетать какой-то вздор. Влдм. Соловьев держит себя молодцом, и с ним приятно спорить и соглашаться. Меня все занимало, как теперь у нас, о чем ни заговори — обо всем хотят судить «с разных точек зрения», — и потому все выходит поганое чисто и чистое погано. А Вл. Сол⟨овьев⟩ подметил у всех «три измерения»: нигилистическое, православное и практическое. Александр Энгельгардт по одному из этих измерений оставил деревню, и живет здесь, и сидит у Головина (Орловского) и у Лампадоносца, и поступает на службу инспектором сельск⟨ого⟩ хозяйства с большим жалованьем; а ходатай за него Лампадонос, у которого жена доводится Энг⟨ельгар⟩дту племянницей. И Менделеев «тамо же приложися», — и примеры эти не останутся бесследственны... Вспоминаешь Салтыкова: «Все там будем!!.» Видеть Вас очень жажду и не откажу себе в этом: при-

еду один и с работою на 3—4 дня (если не стесню собой). Мне теперь хочется побыть с Вами вдвоем, а не в компании.

Любящий Вас

Н. Лесков.

Чистокровный нигилист А. Михайлов (Шеллер) ругает в «Живоп⟨исном⟩ обозрении» Н. Н. Ге и напечатал картину, как «от⟨ец⟩ Иоанн» исцеляет больную... А заметьте, что этот их «отец Иоанн» называется «Иван Ильич».

Усердно прошу сказать мой поклон графине Софье Андреевне, Татьяне Львовне и Марье Львовне. Я часто вспоминаю, как мне у Вас было хорошо.

Повесть моя еще у меня, и я не спешу, — боюсь. Не переменить ли заглавия? Не назвать ли ее: «Увертюра»? К чему? К опере «Пуганая ворона», что ли?

183

Л. Н. ТОЛСТОМУ

6 января 1891 г., Петербург.

Цензура не пропускает рассказа «Дурачок», которого корректуру я послал Вам вчера. Пожалуйста, *не* посылайте этого оттиска Черткову, а оставьте его у себя.

Хотел бы знать о нем Ваше мнение.

Н. Лесков.

Цензор (Пеликан) сказал Тюфяевой, изд⟨ательнице⟩ «Игрушечки», будто им не велено пропускать *ничего,* что пишете Вы и я, и обо всем «докладывать». Врет небось.

184

Л. Н. ТОЛСТОМУ

8 января 1891 г., Петербург.

Не надокучил ли я Вам, Лев Николаевич, своими письмами? Все равно — простите. Чувствую тягость от досаждений, мешающих делать то, что почитаю за полезное, и томлюсь желанием повидаться с Вами, а этого сделать

немедленно нельзя. От досаждений болею, а от болезни делаюсь излишне впечатлительным. Рассказ Ч⟨ерт⟩кову пошлите. Я согласился на дурацкие помарки цензора, и рассказ выйдет искалеченный, но все-таки выйдет. Пусть Ч⟨ерт⟩ков пробует искать с ним удачи, где знает. «Христос в гостях у мужика» запретили. Конечно, то же будет и с «Фигурой». Вероятно, то, что цензор сказал Тюфяевой, — правда: «Ничего не будут пропускать»... Сегодняшняя статья в «Нов⟨ом⟩ вр⟨емени⟩» подбавит к этому охоты и форсу... Повесть свою буду держать в столе. Ее, по нынешним временам, верно, никто и печатать не станет. Там везде сквозит кронштадтский «Иван Ильич». Он один и творит чудеса. На сих днях он исцелял мою знакомую, молодую даму Жукову, и живущего надо мною попа: оба умерли, и он их не хоронил. На днях моряки с ним открыли читальню, из которой, по его требованию, исключены Ваши сочинения. На что он был нужен гг. морякам? «Кое им общение?» «Свиньем прут» все в одно болото. Об Энгельгардте сказывают что-то мудреное, будто он «всех перехитрить хочет»... Не наше дело знать про хитрецов. Видел в «Посреднике» книжечку «Новый английский милорд Георг» в обложке, напоминающей настоящего «английского милорда» лубочного... А содержание доброе, хотя и неискусное. Это тоже «хитрость», но она мне понравилась... Иван Ив⟨анович⟩ Горбунов уже прельстился этим и пишет «Еруслана», а мне захотелось написать «Бову-королевича», и с подделкою в старом, сказочном тоне... Что Вы на это скажете: делать или нет? Посмотрите, чем «Родина» начала венец нового лета божией благости. Кланяюсь Вашим домашним.

Любящий Вас и благодарный Вам

Лесков.

185

Л. Н. ТОЛСТОМУ

12 января 1891 г., Петербург.

Досточтимый Лев Николаевич.

Был у Суворина и дал ему прочесть Ваше письмо, в месте, касающемся рассказа. Суворин был очень рад тому, что этим путем получилась развязка, которой

напрасно ожидали от Ч⟨ерт⟩кова. Теперь рассказ пойдет на следующей неделе. Изменения будут только в том, что придется выпустить слово «похоть» и заменить слово «девка», имеющее специальное значение, — словом «женщина». Что же касается заглавия, то мы его обдумывали втроем и остановились на предложенном мною названии *по имени,* то есть «Франсуаза». Это — самое удобное, простое, краткое, скромное и «приличное». Кроме того, по этому имени легко будет и вспоминать произведение. Ваше имя нигде упомянуто не будет. Думаю, что все это сделано как следует. Заглавия вроде «Сестра» или «Ошибка», по-моему, были бы хуже, чем «Франсуаза».

Здоровье мое худо, а веселость, или, лучше сказать, желание шутить, нападает с досады. Смотришь, смотришь на всю окружающую благоглупость, да и сам задурачишься. Написал в самом архаическом «штыле» — «Сказание о протяженносложенном братце Иакове, — како изыде на ловитвы своя и усрете некоего льва, рыкающа при поляне, и осети его, и множицею брався с ним, и растерза его, и обрете нескудно злата, на нем же и опочи в мире со ужики свои». Там же есть «эпизода» о Вышнеградском, «како плакася, иже рекут его вора быти», и поэты возводят его на Геликон и низводят на землю освященного и с новым именем — «Всевышнеградский». Смотрю, как «Иван Ильич» ходит к нам в больницу исцелять и всегда бормочет только над одною больною, а разом о всех почему-то не молится. Предложил этот вопрос «сестрам милосердия», и они смутились... Область же его все расширяется «милостью божиею» — так, в день его юбилея, когда он (по отчетам хроникеров) съел подряд три обеда и «встал с удивительною бодростью», — председатель общества трезвости, именитый законоучитель П⟨етер⟩бурга протоиерей Михайловский, ошибся мерою вина и, приняв на нутро более, чем можно главе трезвенных, — не встал вовсе, а был изнесен на руках своих духовных детей, а Иван Ильич его от этого не исцелил, а теперь сам избран на его место, так как он не пьет иного вина, кроме мадеры братьев Змеевых в Кашине. Кроме же этих событий, современная жизнь у нас не являет ничего достойного

внимания. Поездку к Вам опять должен отложить, так как получил известие из Киева, что 20 генв⟨аря⟩ ко мне будут оттуда брат с племянницей. Вероятно, поеду тогда, когда они поедут назад через Москву, и я с ними до Тулы.

Преданный Вам

Н. Лесков.

В Конст⟨антиновском⟩ воен⟨ном⟩ уч⟨илище⟩ дежурный офицер донес на юнкера, что тот «имел книгу «Мелочи архиерейской жизни». Юнкера посадили под арест.

186

Л. Н. ТОЛСТОМУ

20 января 1891 г., Петербург.

Очень благодарен Вам, Лев Николаевич, за Ваши письма. Они не писаны с тем, чтобы меня поддерживать и ободрять, а производят то и другое. Вы не ошибаетесь, — жить тут очень тяжело, и что день, то становится еще тяжелее. «Зверство» и «дикость» растут и смелеют, а люди с незлыми сердцами совершенно бездеятельны до ничтожества. И при этом еще какой-то шеренговый марш в царство теней — отходят все люди лучших умов и понятий. Вчера умер Елисеев, а сегодня лежит при смерти Шелгунов... Точно магик хочет дать представление и убирает то, что к этому представлению не годно; а годное сохраняется... «Родину» я Вам послал для «хари», которая там была намалевана с подлейшими причитаниями. С Су⟨вори⟩ным говорил по Вашему поручению без всякого над собою насилия. Мы *лично* всегда хороши с ним, а о прочем он не осведомляется или спросит: «Не сердитесь, голубчик?»—«Не сержусь, голубчик». Так «голубчиками» и разлетимся. Он очень способный и не злой человек, но «мужик денежный» и сам топит в себе проблески разумения о смысле жизни. Вас он очень любит; но ведь он же не может соглашаться с Вами и оставаться самим собою. Искренность, при которой человек не идет к лучшему, но сознает его достоинство и уважает лучшее, а себя порицает и «живет, не оставаясь на своей

стороне», — кажется им глупостью. Надо спорить и «рвать лытки» Т⟨олсто⟩му. Женщины чаще сознают правду и говорят: «Я так не делаю и не могу, но это — дурно, — надо бы так, как Т⟨олстой⟩ говорит». Я считаю это за хороший шаг. «Кто не против нас, тот уже за нас»... В «Нов⟨ом⟩ вр⟨емени⟩» много военных инженеров, и они иногда «обладают» над господином «вертограда словесного». А он думает, что они это «износят из сфер». Так и идет шат во все стороны. Притом Ч⟨ерт⟩ков пишет одному из этих «южиков» удивительные письма об одной из заповедей, и те его состояния не понимают и к нему не снисходят, а только суесловят и стараются придать всему характер какого-то уродства. Я говорил об этом Ч⟨ерт⟩к⟨ов⟩у, и Ге тоже; но он нас обоих за что-то взял в немилость, а Ваня Г⟨ор⟩б⟨уно⟩в здесь и собирается на днях ехать и заедет к Вам. Смотрите — здоров ли Ч⟨ертков⟩? Или, лучше сказать: не больнее ли он, чем это кажется? Его поступки в дороге со мною и с Ге, а потом здесь с другими, и переписка теперешняя о «суррогате» заставляют быть к нему крайне внимательным. Он производит впечатление подстреленной птицы, которой не знаешь чем помочь. «Поша» пишет письма бодрые, и Ругин тоже. Про Анну Конст⟨антиновну⟩ говорят, будто ей лучше, но ни воли, ни инициативы никаких нет. «Посредник» в великом запущении, и для чего это низведено в такое состояние, — об этом нельзя перестать жалеть. 20 №№ «Пете⟨рбургской⟩ газеты» вышлю Вам завтра (сегодня воскресенье — контора закрыта). «Дурачок» я знаю что плох. Повесть мою вчера взял у меня Влад. Соловьев, который непременно хочет меня «сосватать с «Вестн⟨иком⟩ Европы», и того же будто желает и Стасюлевич. Я, с своей стороны, ничего против этого не имею и отдаюсь Соловьеву. Повесть *эта,* однако, по-моему, едва ли *теперь* где-нибудь пригодна. Впрочем, любопытно — что из этого выйдет? Соловьев сам бодр, по обык⟨новению⟩ несколько горделив, но очень интересен. Вчера он привез мне свою книгу «История и будущность теократии», т. 1-й, печ⟨атанный⟩ в Загребе со множеством ужасных, а в иных случаях довольно остроумных опечаток. У него всего только 4 экз⟨емпляра⟩, но он, вероятно, снабдит Вас экземпляром. Я еще только разрезал и понюхал листы книги, но она

меня уже страшно заинтересовала. Какая масса знаний в этом человеке! Очень любопытная книга. А кстати, — он едет на сих днях в Москву. Он же не читал Вашей «Критики догматич⟨еского⟩ богословия» Макария, и я не мог ее дать ему, так как ее все читают. Притом гектографированный экземпляр из рук вон плох. Не снабдите ли Вы С⟨оловье⟩ва лучшим экземпляром, а у него, быть может, возьмете его загребскую книгу. Поехать к Вам очень хочу, да все помеха: брат приедет 25-го да пробудет здесь дней 8—10... Очень это суетливо! Получили ли мою заметочку под заглавием «Обуянная соль»? В лит⟨ературных⟩ кружках ее прочли со вниманием, и инженеры «Нов. вр.» притишились. Хотел бы знать: не осуждаете ли за то, что отвечал? Много у меня досад и мало здоровья, а тут еще нанесло иметь дело с плутоватым купцом. Все «искушение».

Преданный Вам

Н. Лесков.

187

В. Г. ЧЕРТКОВУ

21 января 1891 г., Петербург.

Очень рад, Владимир Григорьевич, что Вас что-то в моих писаниях порадовало. Желаю, чтобы это получило возможность выйти в «широкую публику». Личные наши отношения, к сожалению, должны оставаться в том положении, в которое благоразумие заставило заключить их в виду Вашей противуобщественной склонности к подозрительности. Я не имею к Вам никакой неприязни, но возможность прежнего, задушевного общения у меня отнята, и это не самое худшее, что могло выйти при моем и Вашем характере. Худшее было бы то, что Вы скрывали бы свои подозрения, а я бы долго их не заметил и потом бы имел большое зло на себя за то, что смущал Вас. А теперь хорошо. Я даже не могу Вам посоветовать исправить в себе эту подозрительность, чтобы не подумать, что Вы подумаете, что я думаю заставить Вас думать, как не надо думать... Вон какая механика!.

Н. Лесков.

188

З. П. АХОЧИНСКОЙ

17 февраля 1891 г., Петербург.

Вчера я послал Вам старого хересу, какой мог найти. Во всяком разе, ему более 35-ти лет. Он лучше и полезнее той мадеры, которая Вам неприятна.

Посылаю рябчика и «Сочинения Пушкина», все в одном томе. Рябчика кушайте, а книгу положите себе прочесть от доски до доски. Это и приятно, и полезно, и *необходимо,* так как женщине, желающей занять художественное амплуа, *нельзя* щеголять всестороннею беспечностию насчет литературы — особенно *родной,* и в лице ее самого главного и действительно великого представителя и поэта с мировою известностию. Вам нечего читать в журналах, где бездна чепухи и дребедени, а Вам надо *давно* познакомиться хоть с тем, *чтó есть крупного;* а у Вас, к величайшему стыду и горю Вашему, нет даже этой начитанности, и через это Ваши художественные способности не имеют крыл, — в них нет полета, нет фантазии, а только леностное поползновение, с которым никогда и ничего нельзя достигнуть, и даже в общественном обиходе всегда предстоит неизбежная ретирада перед всякой более любознательной девушкой, уделявшей свое внимание литературе — ибо в литературе есть *царство мысли.* Не отставайте ото всех, так как Вы и без того уже так довольно отстали от многих, что уже и не замечаете своего умственного вращения вне курса... Подумайте о себе: выздоровление есть великая пора для душевных переломов. Человек в эти минуты способен зорко видеть себя и может давать настроение в своем духе и целях. Для многих это было спасительно. Габриель Макс (Max) уловил это в своей «Reconwalescentine» (Выздоравливающая). Вы, выздоравливая, о первом спросили — о корсете... «Когда можно надеть корсет?»... Это ужасно; этого нельзя забыть, и в этом выразилась, как в фокусе, вся Ваша натура... Какой ужас!.. И возле Вас нет никого, кто бы мог Вам это указать и поворотить взгляд Ваш в себя в саму!.. Чтó такое художница без образованного ума, без облагороженного идеала, без ясной фантазии и без вкуса, развитого чтением истинно художественных

произведений?.. Это не художница, а «мастеричка». С этим не стоит и возиться, и в Ваших руках все это теперь продумать наедине сама с собою и *сделать в себе перелом,* а дело друзей Вам на это указать и Вам напомнить о днях, которые Вы губили и губите в среде ничтожной и для образования художницы бесполезной и вредной. «Полюби тишину, слух душевный вперяя в высокие думы...» «Будь глух ко всему, что ничтожно...» Вспомните Моцарта, Бетховена, Мицкевича и Лебрень или Макса и... прокатитесь к Норденштрему, Ласточкину и Касаткину и к tutti-frutti...[1] Как тут уберечь в душе «огонь творения»; а что в искусстве можно без него сделать?!. Допросите себя: с кем Вы и где Вы и куда по этой покатости катит Вас Ваше безволье? — Сделайте же над собою первую победу: прочтите всего Пушкина, потом Шекспира, а потом Викт⟨ора⟩ Гюго. Это Вам необходимо даже для Вашего престижа при людях, имеющих образование.

Н. Лесков.

Опять — четвертую работу со мною я должен был уступить *не Вам,* а другой художнице... Ну, не досада ли видеть, как Вы «подвизаетесь»!..

На меня можете сердиться сколько хотите, — я желаю Вам добра.

189

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

18 марта 1891 г., Петербург.

Достоуважаемый Виктор Александрович!

Удовлетворяя своему желанию, я познакомился с Потапенко, а исполняя Ваше поручение, делал пробу привлечь его к сотрудничеству в «Рус⟨ской⟩ мысли». Вот Вам мой отчет: Потапенко произвел на меня как раз такое приятное впечатление, какого я хотел, чтобы симпатии мои к нему не были нарушены: он умен, у него

---

[1] Всем прочим *(итал.).*

во всем чувствуется художественная простота и чувство меры, хороший вкус и благородство, чуждое искательства. Я думаю, что он может принять равнодушно хвалу и клевету и будет идти независимым путем. Словом — он мне понравился более всех, кого я видел приходящими в литературный кружок за последние 25 лет. По поводу его появления в Петербурге можно радоваться, без боязни за то, что радость эта будет обманута и унижена. Возраст его лет около 30; темперамент горячий и впечатлительный, но не слабонервный. Работает он много и недостатка в работе не ощущает, а, напротив, имеет на нее очень большой спрос. Поэтому приглашение его написать «что-нибудь» для «Р⟨усской⟩ м⟨ысли⟩» — для него ничего особенно лестного не представляет. Платят ему здесь по 150 руб. лист и, вероятно, заплатят и дороже; а работать в том же городе, где живешь, конечно, удобнее, чем посылать работу вдаль. Но мне кажется, что Вы могли бы привлечь Потапенко с большою для себя пользою и с очень малым риском, если бы нашли возможным такую комбинацию, какую сделал Катков со мною, когда я писал «Соборян». У Потапенко есть желание написать роман, а я ему указал на то, как делали со мною, то есть давали мне аванс в течение трех месяцев и я сдавал редакции три печатных листа рукописи и так продолжал до конца романа; а окончательный расчет произвели по напечатании. Он нашел, что это для него было бы, может быть, удобно теперь, перед весною, чтобы летом заняться большою работою, и на этом разговор наш кончился. Обсудите это в самом темп-мажоре, и если найдете для себя подходящим, — напишите мне или прямо самому Потапенко. Зовут его Игнатий Николаевич, а адрес его: Фонтанка, № 24, кв. 45.

Кстати: о рассказах Потапенко не делают отзывов «Нов⟨ое⟩ вр⟨емя⟩» и «Р⟨усская⟩ м⟨ысль⟩», и это его не смущает и не огорчает... Я был этим очень утешен. Это порука за то, что художник любит свое дело больше похвал, и это редкость при нынешнем попрошайничестве, которое стало уже просто гадко и подло.

Преданный Вам

Ник. Лесков.

190

Б. М. БУБНОВУ

27 марта 1891 г., Петербург.

Любезный друг Боря!

В переводе твоем находят хорошее, но указывают и довольно многие недостатки, заключающиеся по преимуществу в изобилии деепричастий и прозаических оборотов; но что самое главное — это наличность множества переводов «Паризины», известных в печати. Представляется даже удивительным: почему ты взялся за перевод именно этого — всех более переведенного произведения! Не можешь ли ты мне этого объяснить. Может быть, ты хотел добиться чего-нибудь такого, что тебя не удовлетворяло в переводе Михаловского и др. Или это так... просто — «случайный выбор»?

Потом ответь ясно на вопросы:

1) Желаешь ли, чтобы перевод твой был напечатан там, где удастся его поместить?

2) Согласен ли на поправки в стихах? (что совершенно необходимо).

3) Доволен ли будешь всяким гонораром, какой дадут?

Н. Лесков.

191

Б. М. БУБНОВУ

3 апреля 1891 г., Петербург.

Любезный друг Боря!

Получив твое письмо с уполномочиями на помещение твоего перевода «Паризины», я отдал рукопись редактору «Иллюстрации» Александрову, прося его напечатать перевод твой в книжке их приложений, которые называются «Труд». Книжки эти выходят раз в месяц, и в этом журнале была напечатана моя, вероятно известная тебе, «Фигура». Александров обещал дать мне ответ скоро, и я его тебе сообщу немедленно.

Перевод Михаловского напечатан в издании Гербеля. Переводы Козлова знатоками считаются за отменно хорошие и образцовые. Я же в этом деле не судья.

А что касается до выбора пьес для перевода, то самое лучшее (по моему мнению) — переводить то, что тебе понятно по духу поэзии и дается по форме стиха. Аверкиев перевел этой зимой «Гамлета», имеющего несколько переводов, но как аверкиевский перевод оказался всех совершеннее, то о нем говорят и его хвалят, но никто не спешит приобрести его для напечатания. То же самое, вероятно, выпало бы на долю перевода и всякой другой пьесы, имевшей уже переводы в печати, но кто любит дело, того это не должно останавливать. Я только не знаю: для чего всё переводить *стихи?* Почему не переводить хорошую прозу? От стихов теперь везде тесно делается, и они составляют для журналов «бремя». Я поговорю с издательницей журнала «Иностр⟨анная⟩ лит⟨ература⟩», — нет ли у нее чего-либо ей желательного для перевода из поэтов, и тебе напишу.

Будь здоров.

Твой *Н. Лесков.*

192

Б. М. БУБНОВУ

12 апреля 1891 г., Петербург.

Редактор «Иллюстрации» обещал мне ответ «на сих днях», но еще не прислал его. Я опять ему напомню и тебе напишу. Надеюсь, что дело уладится. Указываю тебе на следующее: в последней книжке «Недели» есть хорошая (сведущая) критическая заметка о новой книге Балабиной — переводы в прозе стихотворных легенд Оссиана, изданных *Макферсоном.* Они очень характерны, и переводы их трудны, и их мало. Обрати внимание на эту книжку и выбери что-нибудь у Оссиана и пришли. Большие вещи помещать трудно, пока имя переводчика неизвестно. Я всегда буду рад сделать тебе услугу.

Н. Лесков.

Макферсон по-английски есть у Уаткинса (Адмиралтейская площадь), а прозаические переводы Балабиной есть и в Киеве.

193

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

4 мая 1891 г., Петербург.

Достоуважаемый друг!

Поездка наша вместе не состоялась, потому что я был болен и расстроен до того, что не мог и писать. Вы мне это, пожалуйста, простите. Это отнюдь не значит, что я Вас мало люблю или мало дорожу сношениями с Вами; а это значит, что моя душа была невозможно отягощена впечатлениями, с которыми я не в силах был справиться и о которых нечего рассказывать. Как Вы съездили и где проведете лето? — хотел бы знать. Но главное дело. Мне не хочется ничего посылать в «Р⟨усскую⟩ м⟨ысль⟩», так как, по моему мнению, там худо понимают достоинство литературных произведений, а мне нет никакой нужды и никакой радости испытывать на себе их ответы и упражнения. Вы меня просили дать еще раз что-нибудь «Рус⟨ской⟩ мысли», и я не хочу обойти Вашей просьбы. За это время я написал небольшую повесть, в 5—6 листов, которую уже и продал здесь (и она у Вас не прошла бы), и еще «Воспоминания», тоже листа на 4. Воспоминания эти называются: «Нашествия варваров»; построены они по рассказам Жомини и представляют Ашинова, М — ву дочь, болгар и наших патриотов и борьбу с ними дипломатии. Эпизод веселый и смешной. Написано это так, как умею я и как пишу, — ни лучше всего, ни хуже. Покупателя на это имею здесь в лице Шубинского и выгоды отдавать работу Вам никакой не имею, а, напротив, имею неприятность вспоминать старые неприятности и возможность ожидать новых в том же или в подобном роде, но я не хочу огорчить Вас и оставить втуне Ваше желание удержать связь мою с журналом, где Вы трудитесь. Поэтому я должен избрать такой путь, который был бы Вам удобен и для меня не унизителен и безопасен. Рукопись для предварительного прочтения и оценки я послать в «Рус⟨скую⟩ м⟨ысль⟩» не могу, так как это не одобряется моими опытами из прошлого, и мне противно подумать об этом; но я сообщаю Вам, что вещь есть и что я готов уступить ее «Р⟨усской⟩ м⟨ысли⟩», если редакция имеет

ко мне столько же доверия, как и к другим, у кого принимает вещи недописанные или вовсе еще не написанные.

Мои воспоминания интересны, — и это все, что я сам могу о них сказать, и они готовы. Если хотите их получить, — потрудитесь сговориться об этом с триумвиратом и ответьте мне не позже 10 мая, с присылкою мне авансом 500 рублей. Тогда я в тот же день вышлю Вам совершенно готовую рукопись в Ваше распоряжение. Иначе я поступить не могу, так как не хочу рисковать там, где мне было оказано четыре раза самое нелепое отношение. И Вы, — если захотите быть справедливым, — сами, вероятно, найдете, что в этом условии нет ничего грубого и обидного для редакции, которая во всяком разе должна дать мне «сатисфакцию». Словом, иначе я не могу идти на реставрацию моих отношений с журналом, меня оскорбившим. То, что я даю, — то такое, какое оно есть, и поправлять его некому, а надо его брать и печатать, как воспоминания Михайловского или работу Потапенко. Другого средства со мною сделаться нет, и обиды в этом для «Русск⟨ой⟩ мысли» нет. Я предлагаю Вам все, что могу и как позволяет мне чувство моего доверия к тщательности моих работ.

Искренно Вас любящий
Н. Лесков.

Шубинскому я вычитал за Вас всю горькую правду при Фаресове и думаю, что Вы имели хорошего адвоката.

194

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

10 мая 1891 г., Петербург.

Любезный друг
Виктор Александрович!

Вчера после обеда получил Ваше письмо и сегодня посылаю Вам рукопись. Более всего желаю, чтобы она не причинила Вам хлопот и забот. Потом благодарю Вас за сердечное и внятливое отношение к моему письму, которое при меньшей внятливости могло бы, пожалуй,

показаться своенравной выходкой, — чего во мне нет. Вы отлично поняли, почему я так сделал, и прекрасно поступили, чтобы сгладить отношения. Вы, конечно, не ошибетесь, что это не внушит мне ничего несоответственного по отношению к редакции, но упрочивает мою приязнь к Вам. Затем читайте и разбирайте. Здесь описана правда, смешанная с вымыслом и затушеванная, чтобы иметь право быть печатаемою. Указываю для Вас некоторые имена: «Цибелла» — Новикова, «княгиня» — Радзивилл, «баронесса» — Икскуль, «Корабант» — Комаров, «Редедя» — сами знаете кто. События верны действительности. Деньги еще не получал. Варвару Леонидовну видел позавчера, а Варвару Андреевну — вчера. Они здоровы, но грустны... Неужто бедняга В. А. так несчастна, как говорят! Что за страшная и ничем, по-видимому, не заслуженная участь! Или уж они обе из рук вон непрактичны. Соловьева видаю довольно часто, но и он отражает что-то грустное. Уехать на лето намереваюсь 25—29 мая. Летом адрес мой будет: «Нарва, Шмецк, № 4». В выборе времени печатания «Варваров» редакция, конечно, свободна поступить по своему усмотрению, но предупреждаю Вас, что в августе должна появиться моя повесть в «Вестн⟨ике⟩ Европы», где она перейдет и на сентябрь. Так надо иметь в виду, чтобы не сходились в одно время две вещи одного автора в двух журналах. Для меня, конечно, это ничего, но для редакций это невыгодно. Стасюлевичу я тоже сообщил эти соображения. (Вижу Вашу улыбку: как я попал к Стасюлевичу! Ни я туда не ходил, ни он ко мне не приходил, а сторонний человек взял себе рукопись «почитать» и деньги привез.) На выпуски и сокращения в «Варварах» согласен, но надеюсь на Вас, что будете на сей счет скупы и нескороспешны. Если захотите разбить вещь надвое, то разделение надо сделать на обороте 30 стр. рукописи, на X главе. Данилевского, я думаю, можно оставить, или оставить одну букву Д., или как хотите. Кланяюсь Вашей супруге и Вуколу Михайловичу. Вчера здесь держался упорный слух, что Вы будто оставили участие в редактировании «Р⟨усской⟩ м⟨ысли⟩». На чем это основано? К осени хочу отделать и прислать Вам и третью часть «Чертовых кукол». Вторая неудобна, а третья удобна и интересна. Поговорите же об этом в триумви-

рате и напишите мне. Я думаю, что это будет встречено с сочувствием. Их помнят и о них говорят. Напишите, как Вам это покажется. Так, может быть, и проведем все вразнобивку.

Ваш *Н. Лесков.*

На всякий случай посылаю Вам мое письмо к Влад⟨имиру⟩ С⟨ергеевичу⟩ Соловьеву. Оно мне очень нужно, и я прошу Вас переслать ему это письмо поскорее.

«Идолов» прочитал. Это очень умно, правдиво и очень ловко написано. Я со всеми положениями и взглядами автора согласен.

Прочтите в «Вестн⟨ике⟩ Евр⟨опы⟩» на 202 стр. (март) стихотворение Жемчужникова «О глупом бесе». Это страшно!

Ваш *Н. Лесков.*

195

Б. М. БУБНОВУ

14 мая 1891 г., Петербург.

Любезный друг Боря!

Вчера получил твое письмо от 10 мая. Очень рад, что ты окончил помещение «Паризины» с Александровым и что ты доволен этим помещением. В самом деле, оно недурно для начала. Фофанов недавно только стал получать по 35 и наконец по 50 коп., а Величко за последние стихи в «Вестнике Европы» получил по 75 коп. А то они всё тянули по 15 коп., и «Новое время» и сейчас не дает им более как по 15 коп. — «нам-де стихи не нужны». Потом дальше увидим (если увидим), как тебе помогать. Понятия твои о поэзии достойны сочувствия и похвалы. Они совершенно верны, и их тебе «открыла не кровь и плоть». Я был не только обрадован, но растроган твоим хорошим рассуждением. У Бёрне есть такая глава: «для какого возраста человек *готовится?..*» Ничего нет глупее, как думать, что высший расцвет жизни будто в поре «парования», и притом какого? — не парования по согласию в мыслях и стремлениях к достижению высших целей бытия, — а по облюбованию бедр и «сосковой линии»... В этом смысле романы и поэмы носили фальшь

в самом замысле, и это чувствовали Шопенгауэр, и Кант, и Маколей, и сам Гете. В этом и есть что-то глубоко противное и отвратительное для чувствительного духа и ума сколько-нибудь глубокого и проницательного. Мне было 29 лет, когда мы жили с Бенни и он мне на ночь переводил подстрочно Лонгфелло, без которого он не кончал дня. Это истинный *поэт,* без «стальной щетины», — он «возносит дух» над низменностями обычных барахтаний. И я с тех пор знаю, что есть настоящая поэзия! Еще она есть у нежного Шелли. Сравни с ними восточного Гафиза, у которого «любовь (разнополовая страсть) — выше всего», и ты почувствуешь разницу между «небом и землею». Но, однако, любовь есть величайшая и всемогущественная сила, и ее игнорировать нельзя: «она творит святых и героев».

Освобождая места, занятые в старину «силой» и «страстью любовною», — их надо заместить «милосердием» и *«любовью»* в высшем смысле этого слова, — «любовь по мысли» — по сознанию превосходства ясности ума и благородства чувств, — за чем можно и должно «подниматься» (возноситься) и идти с этим в неумирающую жизнь добротолюбия». Байрон в переделке Алексея Толстого и говорит о «таком сердце» — о такой, *возвышающей* женщине и о *ее* творческой, благодетельной любви. «О, если бы такое сердце я нашел! Я с ним одно бы целое составил звено той бесконечной цепи, которая восходит к божеству». Но «они» (женщины, которых он знал) — его не «сближали с людьми, а *разъединяли»,* и он их «потому возненавидел». У самого Байрона это сухо, зло и неясно, а Толстой прозрел эту неясность. И «такое сердце» (женщины, возносящей дух мужчины выше и объединяющей его с божеством) всегда должно быть и будет предметом думы поэта. Любовь, основ⟨анная⟩ на этом, — велика и священна, а все меры «по сосковой линии» уже стали уделом одной чувств⟨енной⟩ низменности, до которой нет дела поэту. Когда ты думаешь так, как пишешь мне, — тогда «с тобою бог, и ты был человек». Пусть тебя не смущает то, *что есть,* а ты служи тому, что *должно прийти.* «Готовь путь — равняй стези надходящему спасению» с непоколебимой верою, что оно идет (или «грядет») и придет. Это и есть *вера* и «работа с верою». Я об этом был

вызван написать. Прилагаю тебе вырезку. Гр. Лев Н. выписал 100 экземпляров этого № и все его раздавал. Ты, верно, не читал этой заметки, а она была вызвана гоготом «практиков» «Нового времени». Не надо смущаться тем, что «жизнь шлепает в своих туфлях». Пусть и «шлепает». Помни Гете: «Не всегда необходимо, чтобы истинное (сейчас) воплощалось: достаточно, чтобы оно *духовно витало* перед нами и *вызывало согласие,* — чтобы оно как звук колокола *гудело в воздухе*». Переводи Лонгфелло и присылай мне почаще. Как переведешь — так и пришли. Это меня всегда будет живить и очень радовать; а я буду твои стихи пристроивать. Обнимаю и целую тебя.

Твой старый друг

Н. Лесков.

Не забудь мой адрес: Нарва, Шмецк, № 4.

196

Б. М. БУБНОВУ

22 мая 1891 г., Петербург.

В майской книжке «Недели» (1891 г.) окончена превосходная повесть Потапенко под заглавием «Генеральская дочь». Она замечательна и достойна внимания во всех отношениях, и между прочим — в том, что тут есть настоящий поэтический тип и глубокое, поэтическое положение. В этом направлении было бы желательно видеть что-либо в стихотворной форме. Обрати внимание.

Н. Лесков.

197

Б. М. БУБНОВУ

16 июня 1891 г., Усть-Нарова.

Любезный друг Боря!

Появилось историческое воспоминание о Гоголе, которое кажется мне лживым с начала и до конца и во всех подробностях. Между прочим, там писано, что

Гоголь, в последнюю свою побывку в Киеве, «купил жилет у *Гросса*», и из-за этого жилета пошла некая будто глупая история, выставляющая профессоров Киевского университета в очень пошлом виде, — что совсем не отвечает характеру профессоров неволинской поры. А главное, что и покупка жилета «у *Гросса*» (по-моему) — не могла происходить, так как Гоголь умер в Москве *ранее*, чем в Киеве появился Гросс. Я это очень хорошо помню, потому что в Киеве ранее процветал Червяковский, а потом Мирецкий и Вонсович, а Гросс появился всех их позже, — должно быть, в 50-х годах, и даже в конце 50-х годов. Приблизительно я это знаю наверно, но мне хотелось бы себя проверить и притом быть *точным* в указании промаха лживого писателя. А потому прошу тебя: спроси дядю Михайла Степановича или еще когонибудь из «пребывающих» старожилов: когда именно просиял в Киеве портной Гросс, и напиши мне это как можно поскорее.

Что же ты не присылаешь мне стихов, чтобы я мог их читать себе и другим в холодке на берегу моря!

Искренно тебя любящий

Н. Лесков.

198

Л. Н. ТОЛСТОМУ

20 июня 1891 г., Усть-Нарова, Шмецк.

Добрый друг наш, Лев Николаевич.

Я теперь живу на Устье-Наровы, в тишине и одиночестве, и о том, что происходит на «широком свете», узнаю только по газетам. Из них я узнал, что к Вам ездил Суворин и что теперь во многих местах обозначается большой неурожай хлеба, угрожающий голодом. Тамбовское письмо Шелеметьевой взбудоражило дух мой до смятенья и слез, и я позволю себе беспокоить Вас просьбою написать мне, как Вы находите — нужно ли нам в это горе встревать и что именно пристойно нам делать? Может быть, я бы на что-нибудь и пригодился, но я изверился во все «благие начинания» общ⟨ественной⟩ благотворительности и не знаю: не повредишь ли тем, что сунешься в дело, из которого как раз и выйдет

безделье? А ничего не делать — тоже трудно. Пожалуйста, скажите мне что-нибудь на потребу.

Ивана Ильича бы, что ли, послали на «закатанные поля» помолебствовать или еще «покататься», как это делают в Орловской губернии. А кстати — для уяснения характера деятельности Ивана Ильича прилагаю Вам копию с хранящегося у меня подлинного письма некой г-жи Боголеповой к фельетонисту «Нов⟨ого⟩ вр⟨емени⟩» г-ну Терпигореву (Атаве). Посылаемая копия с боголеповского письма достойна того, чтобы ее приобщить к известному письму Х⟨ил⟩кова. Выясняется и деятель и его «антураж».

Суворин хорошо сделал, что сказал о «Мимочке». Это заставило многих с нею познакомиться и, может быть, над нею позадуматься. «Житель» еще лучше написал о «толстовцах». Это, мне кажется, — *самое умное,* что появлялось в газетах (русских) по поводу Ваших идей, усвояемых людьми, которые Вас любят и находят удобство иметь Вас перед своими глазами. «Атава» же, должно быть, «возревновал» и написал глупость, полагая, что Вы оплакиваете участь Мимочкиного супруга. Пародии на эту тему, конечно, возможны очень разнообразные и, может быть, очень смешные, и «Мимочка» издали еще предречена в одной из библейских книг, приписываемых Соломону: «...и речет: *ничто же сотворих*».

Очень рад был бы я, если бы Вы мне ответили о голоде и о том, что по Вашему мнению полезно предпринять. Если это возможно — пожалуйста, напишите.

Искренно Вас любящий и почитающий

Н. Лесков.

У меня есть листки с набросками, сделанными рукою русского учителя Ваших младших детей. Листки эти оставил мне Н. Н. Ге, и они у меня не утратились и не завалились, а я их сохраняю и очень ими дорожу, но не нахожу до сих пор удобного случая, чтобы воспользоваться ими для пользы дела. В таком виде, как это написано, — печатать нельзя по цензурным условиям и потому, что тон местами не отвечает предмету и от этого утрачивает значение мыслей прекрасных, честных, острых и сильных и сопоставлений блестящих. Переделать

это и пустить на кон ни с того ни с сего — будет бесцельно... Надо подождать à propos чего-нибудь живого и подходящего. Я это и имею в виду, и «Житель» чуть не дал мне такого повода. Пожалуйста, скажите об этом автору заметок, которые мне принесли много удовольствия и радости и которыми я сам очень желаю воспользоваться, но только думаю, что это надо сделать вовремя и кстати.

Прочитал теперь Гелленбаха, который мне попался под руку перед выездом из Петербурга. Вы, кажется, о нем что-то и где-то писали? Нельзя ли указать: где именно? Пять лет тому назад он мне ничего не открывал, а теперь я извлек из него много отрады и утешения. Особенно это о врожденной интеллигентности... И все это точно как будто и знал и об этом думал и говорил, а между тем не знал и не говорил... Происходит не «узнавание», а только «припоминание» того, что знал, да позабыл в муках рождения своего «в этой форме бытия».

Поклон мой всему Вашему семейству. Видеться с Вами желаю и надеюсь. Здоровье же мое не дозволяет предпринимать поездок: судороги в сердце делаются внезапно, и тогда одного шага нельзя ступить. Душевное состояние хорошо, и беспокойств все становится меньше. С Вами совещаюсь всякий день и поминаю Николая Николаевича, Ругина и Пошу, и мне не скучно и не сиротливо, как бывало ранее, всю жизнь.

Адрес мой: Усть-Нарова, Шмецк, 4.

Шмецк — это приморское селение между Гунгербургом и Меррекюлем. Очень тихо, воздух чистый, и сосновый лес на берегу.

199

Л. Н. ТОЛСТОМУ

12 июля 1891 г., Усть-Нарова, Шмецк.

Добрый друг наш Лев Николаевич.

Письмо Ваше о разноклёвах получил и усердно Вас благодарю, что Вы мне ответили. Суждения Ваши все мне по сердцу и по мыслям, а все-таки мучительно жаль

тех, кого зобастые оклюют и оставят дохнуть. Однако я, разумеется, послушаюсь Вас и в затеваемый «сборник» не пойду. Так я хотел сделать и ранее, а теперь еще более в этом утвердился. Писать такое, как Вы говорите, в нашем положении очень трудно. Я бы хотел дать очерк о Цвингли — сравнив его с Лютером. Там есть на чем показать: что следует разуметь в *преломлении* хлеба. Мистику-то прочь бы, а «преломи и даждь» — вот в чем и дело. Однако враги того, кто говорил эту простую премудрость, делают честное слово невозможным.

Здоровье мое коварно. Называют мою болезнь Angina pectoris, а на самом деле это то, что «кол в груди становится», и тогда ни двинуться и ни шевельнуться. На «тело» я смотрю так же, как и Вы, но когда бывает больно, то чувствую, что это очень больно. Распряжки и вывода из оглобель не трепещу, и мысль об изменении прояснения со мною почти неразлучна. Духа стараюсь не угашать и считаю это всего выше и священнее. В том, что делаю дурного, — не нахожусь на своей стороне и почитаю себя виноватым. С некоторою полнотою освободился только от зависти, от обидчивости и от опасений за будущее, что очень долго меня мучило. Вы мне сделали много неоценимого добра, и мне полезно все, что я о Вас слышу, даже когда Вас порицают и на Вас сочиняют злое. Я сейчас воображаю, как Вы все это «благоприемлете», и думаю: «Хорошо это: его, друга нашего, это не может трогать, а мы его через это только больше любим и сами поучаемся, как сносить зло». Теперь я уже не скучаю и о том, что не вижу Пошу и Ругина, разлука с которыми ранее меня очень огорчила. Тоже и не курю табаку, но «червонное вино» (как говорил дьякон Ахилка) пью умеренно «стомаха ради и многих недуг своих». Влади⟨ми⟩р Соловьев говорит, что Вы ему это разрешили. Писать Вам часто желаю, но стыжусь отнимать у Вас время на чтение, а Вы, по доброте своей, еще мне отвечаете, — и я не могу скрыть, что это мне очень дорого и мило. Жду к себе Влад. Соловьева; живу в одиночестве с девочкой-сироткой, которую кое-как воспитываю. Ей теперь уже 11 лет, и она отменно хорошо читает рыбакам «Суратскую кофейню». Есть тут и «тип» — солдат Ефим, из рязанцев, который, по собств⟨енным⟩ его словам, «пришел сюда к чухнам для обрусительного

образования». Не работает ничего. Служил в гвардии и, «стоя на часах, продал *в беспамятстве* неизвестному сапоги». Был два года «на испытании в умственности и выпущен по безумию». Лицемерен, нагл и подл. Объявляет себя колдуном, который может «знать след лошади». Жил у моего хозяина, кузнеца, в сарайчике, и вдруг две лошадки хозяина ночью сбежали. Потом одна пришла, а другой нет. Ужасный плач был, и все сбились с ног, ходячи по лесам. Обруситель требовал 3 руб. «за показание следа». Чухны не верили ему, говорили: «покажи, а тогда дадим». Он не показывал. У нас же живут (или жили) рыбаки из-под Дерпта — староверы, дед 92 лет, отец 56 и два внука, молодые парни: староверы, беспоповцы. Очень хорошие люди. Пошел один парень шестки вырубать и видит в лесном болоте тучу комаров и слепней, которые над чем-то вьются... Оказалось, что из болота торчит голова лошади, а сама лошадь вся в болоте утонула. Староверы настлали досок и вытащили лошадь. И все враз стали говорить, что это Ефим солдат нарочно спустил лошадей со двора и *загнал* их в болото, чтобы потом след указывать. За это его согнали со двора, то есть выгнали из сарайчика. Он ушел и сказал: «Ну, подожди же вы! Вы же меня будете знать!» И что же Вы думаете: поднялась буря, и из четырех рыбаков трое утонули — два парня и отец, а 92-летний дед один остался жив!.. Ну, разумеется, его кое-как снарядили домой, а солдат Ефим и говорит мне: «Поняли, что я над ними сделал?.. Это я их опрокинул...» Чухны, не знаю, поверили или не поверили, но не стали его к себе пускать, а он «объявил измену» и «определился в церковь» — стоять у двери и смотреть, чтобы с⟨укины⟩ с⟨ыны⟩ чухонцы «собаку в церковь не впустили». Вот «обруситель», которого лучше и не сочинишь, а он есть в натуре. Не описать ли его? Как думаете? Зла ведь от этого не будет, кажется.

Искренно Вас любящий и Вам благодарный

Н. Лесков.

Есть здесь приезжие из Москвы, с которыми есть кухарка, служившая некогда у известного «владыкина сына» протопопа «Гаврилки» — пьяницы, взяточника и картежника. У нее есть сын, «шульер в карты», и он

«в шульерство вник от владычнего сына и от протопопа Абросима, который теперь архиереем стал», а сына ее «за шульерство свели на высыл».

О протопопе же говорит: «Сколь он добр был: приедет пьяный и навзрыд плачет и все деньги дарит, — все дарит, а проспится и назад вдвойне спрашивает. Даст двадцать рублей, а говорит: я тебе триста дал».

200

Л. Н. ТОЛСТОМУ

15 августа 1891 г., Шмецк.

Сейчас уезжаю из Шмецка на житье в Петербург (Фурштадтская, 50). Здоровье не поправилось и, очевидно, не может быть поправлено, но духовное мое состояние очень хорошо: я знаю, что я ничего не знаю и ни в каком деле не стою на своей стороне, но вижу нечто лучшее и полезное. Все лето читал Ваши писания, и они отлично пользовали мое сознание и дух мой. Был рад, получа от Вани Горбунова письмо, в котором он, между прочим, писал, что Вы обо мне вспоминали и говорили с ним. Мне очень радостно и полезно знать, что Вы считаете меня гожим для лучших дел, чем исключительная забота о личном счастье. Благодарю Вас за все добро, Вами мне уясненное и открытое, — Вы мне подарили покой и уверенность в том, что «избавитель наш жив и силен восстановить нас из худости здешнего бытия».

Прилагаю описание чудес Ивана Ильича в Ярославле. Может быть, Вы не слыхали про это. «О господи!»

Преданный Вам и благодарный

Лесков.

201

А. К. ШЕЛЛЕРУ

31 августа 1891 г., Петербург.

Достоуважаемый Александр Константинович!

Окажите мне дружбу: пробегите препровождаемый при сем запас стихотворных опытов и, если можно, отберите из них, что удобно для помещения в «Живопис-

ном обозрении». Поэт этот юный человек и мой родственник, и потому я за него и ходатайствую перед Вами «по родству». Сделайте милость, дайте ему хлебнуть отравы типографских чернил! Он, конечно, малый хороший и очень любящий литературу. Может быть, из него со временем что-нибудь и выйдет. О гонораре, разумеется, нечего уславливаться: что дадите, то и ладно. Остальное, что останется от Вашего выбора, пожалуйста, пришлите мне. А я к Вам не кажу глаз потому, что все очень болен и не могу нигде показаться.

Глубоко Вас уважающий

Лесков.

202

А. К. ШЕЛЛЕРУ

3 сентября 1891 г., Петербург.

Простите мне мое замедление в ответе на Ваше письмо, уважаемый Александр Константинович. Оправдание мое в том, что я не «прихварываю», а тяжко страдаю мучительною болезнию, не позволяющею мне даже ответить на письмо. Не редкие дни, а месяцы сплошь я только страдаю. За это и простите мне все, что может показаться какою-нибудь с моей стороны виною.

Обещание свое помню, но я не в силах ничего писать и ни о чем не могу думать по литературе. Если же мне хоть немножечко полегчает, — я сейчас же напишу для Вас небольшую вещичку, которая у меня помечена, когда я еще был здоровее. Вам первым и напишу.

Преданный Вам

Н. Лесков.

203

Б. М. БУБНОВУ

4 сентября 1891 г., Петербург.

Любезный друг Боря!

Александров не поставил твою «Паризину» в сентябрьскую книжку, как обещался. Это меня очень огорчило за тебя, тем более что ты был весьма скромен

и терпелив. Я сам не могу выходить и еще более не могу вести каких бы то ни было разговоров и слушать вздорные объяснения, так как я знаю, что он сделал гадость. Но я выписал Величку и посылал к нему. Объяснения, конечно, вздорные — «недостаток места». А результат тот, что «Паризина» пойдет в октябре, и, может быть, не вся сразу, а в двух №№. Все это из-за «недостатка места». Ко мне сам Александров постыдился и глаз показать.

Остальные твои стихи я отдал Шеллеру (Михайлову) в «Живописное обозрение», где и должно появиться то, что он выберет. Он хороший знаток и ценитель поэзии и сам пишет стихи. Как что-либо будет напечатано — я тебе тотчас сообщу и пришлю №.

О поэзии твоей скажу тебе все то же: у тебя удивительно забитые темы, на которые очень трудно писать что-нибудь способное трогать разумное чувство. Все это точно от личной тоски и борьбы с какими-то мелкими дрязгами и докуками. Стоит ли об этом на весь мир плакаться? Еще Тредьяковский говорил:

Плюнь на скуку,
Морску суку,
Держись черни,
Но знай штуку.

Бери глубже, — поднимай свой дух и дух читателя, а не плачь, як козак, нещаслывый тым, що полюбыв сиромаху.

Читал ли ты в августовской книжке «Русского обозрения» этюд из Шопенгауэра о «писательстве»? Прочти, если не читал. Посмотри в июльской книжке «Северного вестника» стихи Величко «из Омара Хаяма». Как он хорошо стал писать и как умно выбирает, что писать. Во втором отделе № IV и V просто превосходны.

Добросовестных и умных
Уважай и посещай —
И подальше без оглядки
От невежды убегай!

Если яд мудрец предложит, —
Не смущайся, смело пей!
Даст глупец противоядье, —
Вылей на землю скорей!

Какая прелесть! А № V еще лучше:

О, если я проник в храм твоего доверия, —
То слушай: дам тебе спасительный совет!
Любовию к тому, в чьей власти мрак и свет,
Молю: не надевай одежды лицемерия,
Плаща ханжи не надевай! и т. д.

Н. Лесков.

204

Л. Н. ТОЛСТОМУ

6 сентября 1891 г., Петербург.

Лев Николаевич!

Вероятно, Вы видели напечатанное в «Нов⟨ом⟩ времени» извлечение из письма Вашего ко мне «о голоде». Я этого печатания не устраивал и им смущен. Дело вышло так: я прочитал Ваше письмо Ивану Ив⟨ановичу⟩ Горбунову, а он попросил у меня с него копию и при этом сказал, что его вообще не надо скрывать, а надо сообщать людям, которые дорожат Вашими суждениями. Мы усмотрели и в самом письме Вашем как бы разрешение на это, выраженное в словах: «пишу это не для Вас, но для людей», и т. д. После этого я списал собственноручно копию с Вашего письма для Ив. И. Горбунова, но прежде чем успел его послать, был застигнут некиим Фаресовым (амнистированным лорисовцем), который очень дорожит всем, что от Вас к нам доходит. Я ему прочел о голоде, а он попросил у меня «списать» копию для себя. Я и дал, а через два дня увидел в «Нов⟨ом⟩ времени» уже перепечатку из «Новостей»... Таков весь ход дела, и в нем моей вины столько, сколько я Вам объясняю. Вчера этот Фаресов был у меня и рассказывал, что он «не утерпел» и ко мне будто заходил, чтобы «посоветоваться», да я был болен, и тогда он поступил без моего совета... Вот и все. Я же его не укорял, потому что это уже было бы бесполезно, да, может быть, как оно вышло, — так и хорошо: я бы своего согласия на напечатание, конечно, не дал, а письмо меж тем может зародить в головах думающих людей полезные мысли. Однако, тем не менее, весь этот случай меня кон-

фузит, и я считаю необходимым рассказать Вам, как дело было и в чем тут моя вина, в которой я и прошу у Вас себе извинения и прощения. Я знал этого деятеля за скорохвата, но человека очень честного и искреннего, и имел достаточные основания ознакомить его с Вашими мнениями о нынешнем «модном событии», как иные называют голод. Я уверен, что Вы найдете в себе столько доброты, чтобы простить мне этот случай, но я хотел бы, чтобы Вы поверили мне, что и легкомыслия-то с моей стороны не было, а так... Фаресов, усматривая в своей фамилии букву «ф», — вдруг пожелал скинуться «Фрейшицом» и сделал «волшебный выстрел». Прилагаю Вам при этом вырезку из № «Новостей», где появились выдержки из Вашего письма с послесловием «Фрейшица», написанным им (по его словам) «в цензурных соображениях». По сущности, это совсем ничего собою не представляет. Еще раз прошу — простите меня, что все это случилось.

Преданный Вам

Н. Лесков.

205

Б. М. БУБНОВУ

⟨Середина сентября 1891 г.⟩

Посылаю тебе, любезный Боря, это письмо. Оно тебя должно успокоить за судьбу твоей «Паризины». И ты видишь тоже, что я твоих дел не оставляю в забвении. О других стихах, посланных в «Живописное обозрение», — пока еще ответа не могу дать. Я ведь все болею и ни к кому не хожу, а Шеллер (Михайлов), говорят, тоже захворал. Но то самое, что он мне не возвращает твоих стихов, — само по себе есть добрый знак: вероятно, он облюбовал из них хоть некоторые. Вообще сделаем, что возможно. А ты будь глубже в выборе тем... Посмотри-ка у этого Омара Хаяма — что за родник поэзии! А ты все словно хохол у садочку — одну свою вишенку отаптываешь!.. «Молю: не надевай одежды лицемерия, — плаща ханжи не надевай!» — «Жалкая страсть человека — подобна собаке цепной: крик ее — лай непристой-

ный, докучный, без всякого толка... Дает она *мнимый покой».* — *«Зайца обманчивый сон!..»* Именно все это «заячий сон», с одним закрытым глазом и хлопающими ушами от страха утратить все, чем владеешь. Кажи нам, что есть крепкого, — за что можно удержаться, не делаясь жертвой случайностей и чужих прихотей, часто как раз рассчитанных на то, чтобы понизить в тебе «сына человеческого», которого ты обязан «вознести», и других к тому же склонить, и убедить, и «укрепить слабеющие руки». — В тебе есть теплая и добрая душа, но отчего у тебя так мал полет и размах крыльев? Ты думай более! Мне кажется, что ты все думаешь, что более важна прелесть стиха, а не сила и ясность животворящей мысли... Это ведь ошибка. Зови к жизни тех, кои уже столь давно умерли, что даже «смердят». Иначе на что все искусства и в числе их поэзия! Скука только от всего этого.

Н. Л.

Мне лучше быть с тобой в бордели, в кабаке
И промышленьями заветными делиться,
Чем без тебя, мой бог, идти в мечеть молиться!

206

А. К. ШЕЛЛЕРУ

12 октября 1891 г., Петербург.

Достоуважаемый Александр Константинович!

Я послал Вам несколько стишков моего родственника Б⟨убнова⟩ и просил Вас, если можно, что-нибудь из них напечатать. Посмотрели ли Вы на эти «опыты» и как их нашли? Мне очень совестно утруждать Вас моими докуками, но нельзя миновать этого... Пожалуйста, не посердитесь на меня и что-нибудь мне ответьте.

Там, помнится, есть кое-что возможное для печати и не худшее того, что печатается. А впрочем, я не буду ни в малейшей претензии, если Вы мне возвратите эти опыты. Мне только нужно отвечать на вопросы поэта.

Искренно Вас уважающий

Н. Лесков.

207
Б. М. БУБНОВУ

5 ноября 1891 г., Петербург.

Любезный друг Боря!

Я передам твои стихи в какую-нибудь редакцию, но не знаю, понравятся ли они, а мне они совсем не нравятся. Напечатать можно всё — бумага стерпит, и печатаются вещи очень слабые, но *зачем это* и какое в этом удовлетворение для писателя? Денег тут — грош, а славы и чести нисколько. Что это за доказательство того, «что часть меня большая от тлена убежит и будет жить?» Недоказанное верование ты подкрепляешь ничего не доказывающими мечтами своего воображения, как будешь сваливаться «серебром» с луны!.. Красотою это не поражает и нимало не убеждает в том, что существование нашего «умного» начала, вероятно, шло до того, как наши родители совокуплялись для нашего зачатия, и что потому можно верить, что оно продолжится и после того, когда тело наше, зачатое в яйце матери от семянных живчиков оплодотворившего ее самца, — уже не будет существовать. И на эту тему бездна написано стихов очень хороших. Зачем же еще все ту же самую материю тянуть, и притом не с лучшего конца? Это вещи деликатные, рассуждая о которых легко сказать глупость или пустозвонство. Леопарди на это хорошо отвечал: «Я вечности не чувствую и с бессмертными не говорил». Вот и докажи ему вечность твоими мечтами о том, как ты станешь являться! По-моему, это не поэзия или по крайней мере — не здоровая поэзия. У тебя есть способность слагать стихи, но ты — мечтатель и даже — дитя. От этого надо себя избавить. — Очень рад, что имя, представляющее опасность для домашнего спокойствия, не произносится. Я действительно говорил с Колей два раза, что этого не надо касаться, но, может быть, он бы и сам это так сделал. Мы с ним друг друга, кажется, любим и, может быть, уважаем, но недалеко идем в согласовании наших взглядов; но, может быть, на этот раз я его немножко склонил к тому, что мне кажется более практичным, чем «киевский практицизм».

Андрей приедет ко мне в субботу, и я отдам ему твою записку. Он сходит и получит твои деньги, *если* они тебе еще не присланы. Перевод Андрея в Главное интендантство уже состоялся. Это очень приятно: убивать никого не нужно, и служба без карьеры и без отличий. Ему это очень нравится, а мне то нравится, что ему нравится. Незаметность — превосходная вещь в жизни. Жаль только, что самое лучшее всю жизнь не видишь и узнаешь очень поздно, и потому-то драгоценно изречение: «Счастлив тот, кто умеет пользоваться чужим опытом» (не чужим *умом,* а — опытом).

Я тебе когда-то писал про девушку Морозову — племянницу Саввы Морозова, красавицу с 5—7 миллионами состояния. Я с нее кое-что зачертил в «Полунощниках» («Вестник Европы», ноябрь), но в ней неиссякаемый кладезь для восторгов поэта. Она на днях приезжала сюда просить, чтобы ей позволили раздать *миллион* голодным, но непосредственно — без попов и чиновников. Говорят, будто ей отказали. Она становится легендарною при жизни. Надо смотреть этих ангелов, которые сошли на землю и живут в нашей шкуре, а не тех, которые где-то в тумане фантазии.

Будь здоров.

Н. Л.

208

А. Н. ПЕШКОВОЙ-ТОЛИВЕРОВОЙ

Вечером 21 ноября 1891 г.,
Петербург.

Александра Николаевна!

Если Вы захотите посетить меня или мы встретимся, — пожалуйста, не спрашивайте меня о моем здоровье и о «нашем Льве» и не говорите мне при мне, что я мало страдаю... Вы наносите мне этим ужасный вред и заставляете меня гореть на огненной сковороде по целым ночам. Как Вы не знаете несчастного состояния нервных больных, на которых все действует, — взгляд, а не только слова! Пренебрегите, пожалуйста, тем, какой у меня «вид»! Пусть его смотрит полиция. Иначе я буду

от вас прятаться, как прячусь от многих других, не умеющих снисходить к тяжким моим терзаниям, о которых со мною или при мне вспоминать не следует.

Н. Лесков.

209

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

11 декабря 1891 г., Петербург.

Милостивый государь
Михаил Матвеевич.

Я получил с почты заказное письмо от Вас со вложенным там конвертом от покойного Ивана Александровича Гончарова. Долгом считаю известить Вас об этом получении.

Я хотел бы приехать к Вам и поблагодарить Вас за напечатание моей работы и за доставленный мне гонорар, но тяжкая болезнь лишает меня этой возможности. Извините меня и примите заочно мою благодарность и мое сожаление, что я некоторым образом был причиною к грубостям, выраженным за меня вашему изданию. Утешаю себя только тем, что я тут ничем не виноват. А впрочем — и без вины виноватые порой прощенья просят. И я прошу его у Вас: простите!

Со всегдашним к Вам уважением слуга Ваш

Н. Лесков.

210

В. М. ЛАВРОВУ

14 декабря 1891 г., Петербург.

Уважаемый Вукол Михайлович!

Я получил Ваше письмо, в котором Вы выражаете свои опасения по поводу имеющейся у Вас моей рукописи. Я этих опасений не разделяю, но и не позволю себе их оспаривать. «Все возможно в природе», и все вещи, которых Вы опасались, так же преблагополучно прошли

в других изданиях — не исключая даже «Ночи на острове Буяне», которая казалась у Вас кому-то «немысловною». Это Ваше дело разуметь как знаете. Но как рукописи нет надобности оставаться у Вас без цели, то я прошу Вас передать ее под расписку лица, которое будет за нею прислано от кн. Дм⟨итрия⟩ Ник⟨олаевича⟩ Цертелева. Я же постараюсь прислать Вам что-нибудь другое.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

211
Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВУ

14 декабря 1891 г., Петербург.

Достоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Я получил три дня тому назад письмо о присылке чего-нибудь вместо «Нэтэты», которая еще тоже не существует. А я болен и обещать ничего не могу, но у меня есть две работы, которые, кажется, могли бы у Вас пройти и сослужили бы Вам надлежащую службу. 1) «Женские типы по Прологу», очень любопытные картинки *женских* нравов (счетом 36). Это около 4—5 листов. Рукопись давно готова и вполне отделана, но лежит «страха ради». В ней нет *ничего* нецензурного, но если ее направлять в духовную цензуру (как «Мелочи архиерейской жизни»), то все равно к ней придерутся по злобе и глупости и ее не дозволят. — 2) Есть в редакции «Русск⟨ой⟩ мысли» мой очерк — очень веселый и не без шпилечки, но совершенно цензурный (как я понимаю). Получив Ваше письмо, я тотчас же запросил «Р. м.»: гож или не гож для них этот очерк. Запрос сделан с тем, чтобы дать Вам больший выбор. Сегодня я получил от Лаврова ответ, который при сем прилагаю Вам в подлиннике. Потрудитесь его прочесть. На это я сегодня же написал Лаврову, что я прошу его выдать устрашающую его рукопись под расписку того лица, которое явится за нею от кн. Дм. Н. Цертелева. Письмо это посылается Лаврову одновременно с сим. Надеюсь, что это — самое удобное, что я мог для Вас сделать. Потру-

дитесь послать за моею рукописью и приступите к ее чтению без страха, памятуя, что «Р. м.» так же обоялась «Полунощников», «Горы» и «Часа воли божией». По-моему — моя работа, находящаяся в Москве, — совершенно цензурна, и написана она так, что никого не задевает. Впрочем — пошлите, возьмите, прочтите и сами с собой рассудите.

Более же у меня ничего нет, и я ничего не могу обещать по моей болезни.

Разумеется, я прошу Вас не замедлить ответом. У меня еще есть требования.

Преданный Вам
Н. Лесков.

212
Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВУ

14 декабря 1891 г., Петербург.

Уважаемый Дмитрий Николаевич!

Через малое время по отправке Вам письма — получил с почты мою рукопись от Лаврова. Теперь буду ждать от Вас заказа: что делать, то есть посылать Вам эту страшноватую рукопись или нет. По-моему, она вполне цензурна, и печатать ее можно — особенно при некоторых полезных в деле связях. А впрочем — как себе хотите: другого у меня ничего нет, кроме обозрения Пролога («Женские типы по Прологу» — 36 женских характеристик. Тоже интересное). — Потрудитесь мне без задержки ответить.

Ваш *Н. Лесков.*

213
Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВУ

18 декабря 1891 г., Петербург.

Достоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Получил вчера второе Ваше письмо и думаю, что и Вы получили мое тоже второе, из которого должны были увидать, какое qui pro quo вышло с рукописью. Получив

ее, я, разумеется, захотел ее почитать и почеркать, и потом отдал переписать, с тем что, пока получу Ваш ответ, и рукопись будет готова в новом экземпляре. Это, однако, так не вышло: Вы, «ко удивлению общенашему» (с Вл. С. С⟨оловьевым⟩), ответили, а рукопись еще не готова... За мною маленькая неустойка! Но Вы не сомневайтесь — студент у меня аккуратнейший, и рукопись моя будет у Вас на праздниках, и, во всяком случае, до нового года. Вчера мы о ней рассуждали у меня (я, Влд. С. и Диллон), — и Влд. С. хотел, чтобы я передал рукопись ему, а он привезет ее Вам, но Диллон говорил, что лучше ее послать, так как Вл. С. может замедлить отъездом, а Вам нужно печатать. Подоспевшее к концу нашей беседы Ваше письмо решило дело: я *пошлю* Вам рукопись по почте. Рукопись эту я назвал иначе, как было: она называлась «Нашествие варваров», а теперь будет называться «Заячий ремиз». Новое заглавие смирнее и *непонятнее,* а между тем оно звучно и заманчиво, что хорошо для обложки журнала. А переменить его было необходимо, потому что у тех, у кого была повесть с старым заглавием, есть обычай «советоваться» с теми, с кем отнюдь не надо советоваться. Стало быть, там заглавие уже замечено, и им опять махать перед глазом у них неловко — это увеличит трудности их положения, и Вашего тоже.

Относительно «Женских типов по Прологу» Влд. С. говорит, что мой запас «надо поделить», то есть одну работу отдать Вам, а другую — Стасюлевичу. Я готов сделать и так и этак, то есть обе Вам отдать или «поделить». По-моему, они обе цензурны и обе «читательны», но «Заячий ремиз» — веселее; а это не мешает «Р⟨усскому⟩ обозрению», которое все идет «насупивши чело». Очень уж оно у Вас серьезно! По-моему, хорошо дать немножко передохнуть на неглупой шутке. А потому я «Ремиз» пошлю Вам, а «Женщин» Прологовых выдам головой Соловьеву. Пусть он их почитает и поступит с ними по своему благоусмотрению. Затем это все, мне кажется, теперь выяснено и улажено хорошо и с полным рачением к соблюдению Ваших интересов; а буде что не так, то Вы, пожалуйста, поступите опять «ко удивлению общенашему» и мне напишите. Я постараюсь сделать, как Вам пригожее.

К этому еще нечто о себе. Что бы Вам хоть словцом обмолвиться о Собрании моих сочинений! Конечно, я ищу не похвал и мирволенья, но ищу внимания, которое мне дарят только мои недруги и противоумысленники. — Я ведь проработал 31 год... Неужели тут не о чем сказать слова?.. Талант ли у меня или не талант, но почему же он «больной»? Почему он не глупый, не неуклюжий, или, вернее всего, — не *непослушный?* Был ли бы он здоровее, если бы я *их* слушался?

Преданный Вам
Н. Лесков.

214
М. А. ПРОТОПОПОВУ

23 декабря 1891 г., Петербург.

Милостивый государь
Михаил Алексеевич!

Я прочел Вашу статью о моих сочинениях, и мне захотелось поблагодарить Вас за Ваш немалый труд — все это прочесть, и за Ваше доброе желание — быть справедливым. В последнем отношении Вы многого достигли, и если бы критики относились ⟨так?⟩ к авторам чаще — дело бы шло лучше, чем оно идет при злобных поношениях. «Ошибки всем людям свойственны», и суровости может быть достойно только одно лицемерие, коварство или вообще заведомое криводушие. Этого во мне не было никогда, и Вы ошиблись, если где-либо Вам это показалось. Я, конечно, не стану полемизировать с Вами, как потому, что я этого не люблю, так и потому, что я желаю водворения между мною и Вами отношений доброй приязни, а не пререканий; но критике Вашей (вообще мне *приятной*) — недостает *историчности.* Говоря об авторе, «хотя не законченном, но самозаключившемся», — Вы забыли его время и то, что он есть дитя своего времени. Мне просто надо было снять с себя путы, опутывающие с детства дворянское дитя в России. Я бы, писавши о себе, назвал статью не «больной талант», а «трудный рост». Дворянские тенденции, церковная набожность, узкая национальность и государствен-

ность, слава страны и т. п. Во всем этом я вырос, и все это мне часто казалось противно, но... я не видел «где истина»! Потом соприкосновение с превосходными людьми освободительной поры, которые жаловались, что «им мешали Белоярцевы». Я верил, что без этой помехи было бы достижимо лучшее. В этом моя ошибка, но не злоба. Райнер *не* «маньяк», а мой идеал. Лиза — тоже. Она говорит (после его казни) — «с теми у меня есть хоть *общая ненависть,* а с вами (родными) — ничего!» «Некуда» искалечено, как ни одно другое произведение. Кроме обыкн⟨овенной⟩ цензуры (де Роберти), корректуры марали Турунов, потом Веселаго и, наконец, чиновник из III отделения; а Вольф при втором изд. так обошелся, что хотел восстановить вымарки, но вместо того потерял или, может быть, даже скрыл от меня мой единственный экземпляр, собранный из коррект⟨урных⟩ полос. Катков имел на меня большое влияние, но он же первый во время печатания «Захудалого рода» сказал Воскобойникову: «Мы ошибаемся: этот человек *не наш!*» Мы разошлись (на взгляде на дворянство), и я не стал дописывать роман. Разошлись вежливо, но твердо и навсегда, и он тогда опять сказал: «Жалеть нечего, — *он совсем не наш*». Он был прав, но я не знал: чей я? «Хорошо прочитанное евангелие» мне это уяснило, и я тотчас же вернулся к свободным чувствам и влечениям моего детства... Я блуждал и воротился, и стал *сам собою* — тем, что я есмь. Многое мною написанное мне действительно неприятно, но лжи там нет нигде, — я всегда и везде был прям и искренен... Я просто заблуждался — не понимал, иногда подчинялся влиянию, и вообще — «не прочел хорошо евангелия». Вот, по-моему, как и в чем меня надо судить! Но Вы обо мне все-таки судили *лучше* всех прочих, до сих пор писавших. Все поносившие меня без пощады брали так же мелко и односторонне, как и хвалители. В Вашей критике есть трезвая правда и польза для меня самого. Есть замечания очень верные и прекрасные. За все это и благодарю Вас. — Если бы я был здоров — я бы сам пришел к Вам, но я очень болен, и Вы меня не осудите.

Искренно Вам признательный

Н. Лесков.

1892

215

А. С. СУВОРИНУ

4 января 1892 г., Петербург.

Усердно благодарю Вас, Алексей Сергеевич, на добром слове. За все хорошее и дурное — благодаренье богу. Все, верно, было нужно, и я ясно вижу, как многое, что я почитал за зло, послужило мне к добру — надоумило меня, уяснило понятия и поочистило сердце и характер. Я благодарю Вас, потому что как же принимать внимание в дар, не сказав благодарного слова? Во всем длинном прошлом поведение мое перед Вами без единого пятнышка. Это мне большая радость! Я любил с сочувствием говорить о Вас даже во всю пору моего злострадания, в костер для которого метнута и Ваша головня. Не знаю, чему я обязан, что это никогда и ни на минуту не подняло во мне ничего похожего на злобу. Ровным ко мне Вы не были и не могли быть, — у Вас такой характер; и Вы, вероятно, когда-то получили на мой счет предубеждения, в которых я, может быть, виноват, а Вы их потом не захотели проверить. Я недавно пробегал нашу переписку. Замечательно, что Вы всё сердитесь, а я все уступаю и стараюсь смягчить Вас. Такие случаи бросаются в глаза, и мне было это радостью: я был «сын мира». Вы пишете про «вспышки». По отношению ко мне они, разумеется, не имеют значения, но они — большой вред человеку. От нас ведь непременно ложится где-то тень, и наше будущее будет сообразно этой тени. Вспышки можно одолеть. Пошли это Вам милосердный отец наш. — «Дебюты» мои меня не радуют и не печалят. Я пишу, потому что надо есть хлеб от своего труда. Если завтра я получу возможность заработать хлеб иначе, — я не стану писать. — «Вестника Европы»

я не искал, и он меня тоже. И напечатать в нем что-то я не почитаю себе за честь. Я удивляюсь (искренно), что этакое пустое и незначительное обстоятельство могло вызвать столько шума и ожесточения! О В⟨икторе⟩ П⟨етровиче⟩ я уже не могу и говорить: я увидал что-то ужасное и скорее положил лист и не стал читать. (Я ведь очень тяжело болен.) Меня ужаснул весь этот шум из-за пустяков. Было время (10 лет тому назад), когда Ан⟨атолий⟩ Ф⟨едорович⟩ Кони заботился сблизить меня с «В. Е.», но я этим не пользовался; потом, года четыре назад, об этом говорил Гончаров, но я опять ничего не делал; а теперь случилось так, что зашел ко мне Влад. Соловьев и спросил: «Нет ли чего нового прочесть». Я ему дал рукопись, которая лежала у меня на столе. А он ее взял читать и потом (по его обыкновению), смеясь, сказал мне: «А я рукопись отдал С⟨тасюлеви⟩чу, и он Вас благодарит». Только всего и греха моего перед скромностью. Мне, конечно, было очень неприятно быть виновником такого беспокойства, но я решительно ничем не виноват. У меня очень много пороков, но я не честолюбив и не славолюбив, да и что тут за честь такая! Я, право, не вижу ничего себе особенно лестного и — ей-право — был более всего сконфужен оттого, что это представляли за что-то необыкновенное для меня... Я ничем себя не мню высоко. Мне кажется, что я в литературе занимаю такое место, какое занимал когда-то актер Зубров в труппе. Я — некоторая пригодность, — и только.

Ваш *Н. Лесков.*

Я бы непременно пришел к Вам, да мне нельзя идти на лестницу.

216

А. К. ЧЕРТКОВОЙ

4 января 1892 г., Петербург.

Уважаемая Анна Константиновна.

Я получил Ваше письмо, прочел его и благодарю Вас за то, что Вы его написали и прислали. Замечания и дружеские укоризны, которые я нашел в этом письме, вполне мною заслужены и правильны, и я их принимаю

и надеюсь, что они мне послужат на пользу. Вы ведь, конечно, знаете, что я Вас люблю и уважаю несколько особенно — имею к Вам какую-то, самому мне неясную, мистическую симпатию, и потому мне отрадно говорить с Вами и хочется быть с вами в согласии. И я хотел бы говорить в Вами обширно, а поговорю вкратце, потому что я очень болен, а предмет нашего разговора таков, что будет волновать меня. Поэтому если у Вас (по Вашему мнению) писано без последовательности, то у меня будет все без мотивов. — Я никакой вражды к Вл⟨адимиру⟩ Гр⟨игорьевичу⟩ никогда не чувствовал и теперь не чувствую. Я знаю, что мы «одного духа», и не сомневаюсь, что во всяком данном случае мы можем действовать сообразно одной цели и по одному образцу, и я люблю Вл. Г—ча и знаю, что́ в нем достойно любви и уважения. Сам я не только не лучше его, но я непременно хуже его (например, по запоздалости моего обращения и по сравнительной слабости моей борьбы с страстями), но я его считаю теперь за человека, склонного к подозрительности, и потому я непременно буду опасаться этой его черты; а при таком взаимном недоверии и остерегании себя друг от друга мы уже не можем пользовать один другого духовно, а непременно должны друг друга духовно портить. Можно повелевать своему разуму и даже своему сердцу, но повелевать своей памяти — невозможно! Она все будет хранить то, что в ней отпечатано. Я уверен, что мы с Вл. Г. можем без всякого уговора действовать заодно, но беседовать нам трудно, а вместе пойти или поехать — я с ним уже не считаю возможным, как для своей, так и для его же пользы. Я просто питаю страх к подозрительным людям и всегда уходил от них, чтобы не искушать их и не досаждать себе. По этой же форме отлились и отношения мои к Вашему мужу, которого, при всем этом, я нежно люблю и видел бы его с радостью, но... я всегда вспомню и вздумаю: «А не возбуждаю ли я опять в нем сомнений?!» — То же чувствует к нему и друг наш Н. Н. Ге, с которым В. Г. повторил то же самое, что и со мной. Так вот Вы и скажите мне практически: что именно я должен сделать, чтобы получились бы такие отношения, какие Вы хотите восстановить между мною и В. Г—чем? Скажите просто, и в сердце моем есть столько любви к Вам и веры

в Вашу искренность, что я пущусь на Ваше слово и сделаю то, что Вы скажете. Думаю, что этим я кладу мое сердце в Вашу руку. Помогите же моей памяти...

Что над Л. Н. «смеются», это ничего. И над нами смеются, и я знаю, когда этому надо радоваться, и радуюсь, но... «если я знаю, что через это претыкается брат мой, — лучше я этого не буду делать».

С братской любовью и уважением
целую Вашу руку.
Н. Лесков.

217

Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВУ

23 января 1892 г., Петербург.

Достоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Очень сожалею, что Вы меня вчера не застали. Однако это — совершенная случайность. Я почти не выхожу из дома, а в этот вечер мягкая погода выманила меня прокатиться. С утра *до 2-х часов* я никогда не выхожу из дома и с 6-ти вечера тоже бываю дома. Но вечерами я по большей части бываю слаб и ненадежен, а утром нервы мои спокойнее и я бодрее. На всякий случай я приготовлю Вам «Женские типы по Прологу», — это любопытно и не острее статей Ключевского «Жития святых как исторический материал», но я уж и разобрать не могу теперь: «что льзя и то, чего не можно».

Ваш *Н. Лесков.*

218

С. Н. ШУБИНСКОМУ

18 марта 1892 г., Петербург.

Фельетон о балах очень хорош, то есть — любопытен, обстоятелен и толковито написан, по обдуманному и ранее сочиненному в голове плану. В это ужаснейшее время разнузданного литературного négligé[1] и это уже заставляет радоваться или по крайней мере не создает

[1] Неглиже, небрежности *(франц.)*.

повода к мучению для литературного вкуса, и за это Вам спасибо. А «дань своему веку» все-таки и Вами воздана!.. Где это Вы слыхали, что «рука» будто может «встряхивать болото»?.. Как может это переносить Ваше ухо и как такая нелепица может согласоваться в умопредставлении образованного человека? Рука Петра могла расшевелить застоявшееся болото и разворошить его, или освежить, или очистить, но... «встряхнуть болото». Вы только подумайте: как это так представить, что болото встряхивают!.. Как Вам это не стыдно так писать?!. Была грязная улица, но проехал генерал Ш⟨у⟩б⟨инский⟩ и «встряхнул ее». Что за нелепость! Как это быть может?..

Вы не во всем «за обществом»-то поспевайте, а держитесь кое в чем и лучшего, чем то, что оно теперь одобряет и ободряет. А впрочем, как Вам угодно.

Сегодня и завтра (в четверг) ухожу из дома в 2 ч. непременно.

Преданный Вам
Н. Лесков.

219

С. Н. ШУБИНСКОМУ

23 марта 1892 г., Петербург.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Писавши Вам о Вашем фельетоне с похвалою его обстоятельному изложению, я все-таки, кажется, погрешил против тона дружелюбия, которого был обязан держаться. Ненавистные недостатки характера всё приводят меня к резким словам, о которых я после сожалею и стараюсь себя за них исправлять сознанием своей виновности. А потому, если в письме моем было что-нибудь неуместное, то простите мне это и верьте, что это было сказано не с худым намерением, а с хорошим; а только сам я очень нехорош, и через это у меня часто и хорошее нехорошо выходит.

Пожалуйста простите!

Преданный Вам
Н. Лесков.

220
Б. М. БУБНОВУ

21 мая 1892 г., Петербург.

Любезный друг Боря!

Письмо твое получил. Переводы из Оссиана пришли мне: я подумаю, как их устроить. Все равно — пришли. О значении Оссиана думают разно, но более глубоких взглядов люди чтут его поэзию *за самое ее свойство,* а не судят о ней только «исторически». Я люблю Оссиана и нахожу его поэзию прекрасною. Так же она нравится Влад. Соловьеву. Но есть — которым она не нравится. — Писать я тебе советую продолжать: у тебя есть стих и чувства очень хорошего сорта. Библию прочесть надо. Там есть дивные книги, но не все. Читал ли ты брошюру Генри Друмонда (перевод Долгова) «Самое великое в мире»? Советую прочитать и потом еще и еще раз прочитать. В литературе совсем не «всё отрицания». Ты напрасно так огорчаешься на литературу. Являются вещи превосходные и оживляющие.

Очень рад, что жажда света в духе твоем не утоляется, а горит. «Кто ищет — тот и найдет». Не дай бог тебе познать успокоение и довольство собою и окружающим, а пусть тебя томит и мучит «святое недовольство». Тогда будешь расти, а иначе «одебелеет и утучнится сердце твое, и будешь яко свиния в теплом кале», — от чего и да сохранит нас живой бог, «живущий в *движении* естества».

Любящий тебя

Н. Лесков.

Выезжаю завтра. — Адрес: Нарва, Шмецк, 4.

221
А. С. СУВОРИНУ

11 октября 1892 г., Петербург.

Здесь все Ваши письма, которые я от Вас получал и сохранил, а теперь желаю возвратить их Вам при себе. Прошу Вас не объяснять этого ничем иным, как моим желанием, чтобы при какой-нибудь случайности письма эти не попали в руки людей посторонних.

Н. Л.

222
А. С. СУВОРИНУ

12 октября 1892 г., Петербург.

Достоуважаемый Алексей Сергеевич!

Я послал Вам Ваши письма не в надежде получить за них от Вас благодарность. Мне ничего не нужно. Я болен ангиною, которая не шутит и не медлит. Я не хотел угнетать себя мыслью, что *без меня* станут делать из писанных ко мне писем такое употребление, какого я не хотел. Другие письма я мог бы сжечь и быть покоен, но с Вашими я не хотел этого сделать, потому что знаю, что есть толки, будто я вел записки и оставлю в них расплату с людьми, которые обходились со мною не с добром. А так как это *ложь,* то я послал Вам Ваши письма, чтобы Вы их уничтожили сами. Больше ничего. Благодарить меня Вам, конечно, не за что. О моих письмах тоже не заботьтесь: такое или иное отношение к ним для меня уже не имеет никакой разницы. Помню, что я всегда искал мира и берег его и другим не вредил. Словом — это не важно. Мне важно то, чтобы знали, что я на Вас ничего не собирал, не составлял и составлять не намеревался и не буду. Мне ничего не нужно от Вас, а Вам от меня, но между нами все чисто. Вот и все.

Мяса не ешьте. Это дело в виду у всякого, кто захочет быть к себе внимательным. В Одессе одною умнейшею дамою написана чудесная книга для стола без убоины. Жаль, что все это так не скоро издается. Надо бы поднимать пищевые вопросы к предстоящей гигиенической выставке: Вы, бывало, хорошо чуяли, что своевременно... Подумайте-ка об этом не с рутинерами и с обжорами!.. Землю-то надо обратить в «рай» — в «сад, насажденный богом» (умом). Этика пищи — великий вопрос. Не должно быть голодных и обжор! Теперь $^{9}/_{10}$ пищевых продуктов пропадает даром. Неужто это так и следует? — Курить надо бросить. Я давно не курю и вина не пью, но привычка курить *всех* других сильнее. Но все равно — надо бросить. Моя болезнь (ангина), конечно, неизлечима, но с тех пор, как я не ем мяса (теперь как раз год), — я страдаю меньше, и могу читать, и иногда могу писать. Другое мне *ничто* не помогало.

К вегетарианству я перешел *по совету Бертенсона;* но, конечно, при собственном моем к этому влечении. Я всегда возмущался «бойнею» и думал, что это не должно быть так.

То, что я Вам писал о нищете Соловьева-Несмелова, лежавшего в окровавленных лохмотьях, не было «шантаж». Если бы Вы тогда захотели узнать, что это было, — Вы бы не сделали одного очень прискорбного дела, о котором надо жалеть. Меня же Вы не обидели. Такой укоризной меня обидеть нельзя.

Да будет мир в сердце Вашем.

Н. Лесков.

223
А. С. СУВОРИНУ

9 ноября 1892 г., Петербург.

Достоуважаемый Алексей Сергеевич!

Позвольте мне обратиться к Вам не как к редактору и издателю газеты, а как к товарищу по перу, который сам писал и рассказы по легендам. В «Русск⟨ом⟩ обозрении», которое рвется превзойти «Гражданин», напечатана статья Георгиевского (не красноносого), в которой укоряют меня за «фальсификацию Пролога» по случаю рассказа «Пруденций». Это уже было раз сделано по другому поводу («Аскалонский злодей») в «Нов⟨ом⟩ вр⟨емени⟩», и Вы потом разъяснили в мое оправдание, что тема Пролога не обязательна к точному ее воспроизведению. Тема как тема, а я могу из нее делать, что нахожу возможным. Иначе на что бы ее и переделывать, а надо бы брать ее просто и перепечатывать... И вышло бы просто и глупо, как сам Пролог. Но профессор университета этого не понимает!.. А что касается «Пруденция», то я с ним думал долго и советовался о нем с Гончаровым, и прилагаю Вам при этом подлинное письмо большого художника, из коего Вы увидите, что Гончаров тоже обдумывал мою тему Пруденция и находил ее невозможною в том виде, как она в Прологе. И я ею пользовался только как темою, а развил ее как умел — свободно, и отчасти при содействии Гончарова. — И вот это

вина, это преступление против православия!.. Прочтите, пожалуйста, письмо Гончарова и возвратите его мне.

«Сказанием» это озаглавил Чертков, а у меня она названа «повесть», и я, конечно, мог ей дать любую развязку, так как я источника не указывал. Да хоть бы и указывал, то ведь исторические повести могут же отступать от исторического учебника. — Что же это за придирки!.. И это профессора!

Ваш *Н. Лесков.*

224

Л. Н. ТОЛСТОМУ

4 декабря 1892 г., Петербург.

Многочтимый Лев Николаевич!

Ан⟨атолий⟩ Ф⟨е⟩д⟨орович⟩ Кони вчера прислал мне письмо, в котором просит совета, что ему прочитать, дабы приготовить себя к рассмотрению «во множестве поступающих дел о штундистах». Я продумал всю ночь и не мог остановиться ни на одном произведении, которое бы дало *обер-прокурору* основания судить о штундистах с сохранением к ним жалости и уважения, и из всего, что я знаю, мне наилучшим показалось старое магистерское исследование Ореста Новицкого «о духоборцах». Там именно есть *основания,* которые *одинаковы* у духоборцев, иконоборцев, молокан и штундистов. А разницы, между ними существующие, не делают различия в основах их веры, и потому все сектанты этого духа могут быть защищаемы на одной и той же почве. Книжка же Новицкого хороша тем, что она кратка, ясна и кодифицирована, а церковная злоба в ней умещена в местах очевидных и благопотребных. И потому я указал Кони на эту книжку по преимуществу.

Усердно прошу Вас дать мне короткий, но скорый ответ: не сделал ли я ошибки и не можете ли Вы мне указать, как я должен исправить то, в чем ошибся?

Пожалуйста, дайте ответ.

Преданный Вам

Н. Лесков.

1893

225

Л. Н. ТОЛСТОМУ

4 января 1893 г., Петербург.

Достоуважаемый Лев Николаевич!

Сегодня вошли ко мне Ваня Горбунов и Сытин и сказали, что Вы знаете о моем нездоровье и даже хотели приехать, чтобы навестить меня... Меня это ужасно взволновало и растрогало, и я сладко и радостно плакал. Я не хочу говорить Вам о моих к Вам чувствах. Вы человек проницательный, и не нужно Вам высказывать то, что в словесном выражении теряет свою сущность и усваивает нечто ненужное. Вы знаете, какое Вы мне сделали добро: я с ранних лет жизни имел влечение к вопросам веры и начал писать о религиозных людях, когда это почиталось за непристойное и невозможное («Соборяне», «Запечатленный ангел», «Однодум» и «Мелочи архиерейской жизни» и т. п.), но я все путался и довольствовался тем, что «разгребаю сор у святилища», но я не знал, с чем идти во святилище. На меня были напоры церковников и Редстока (Засецкой, Пашкова и Ал. П. Бобринского), но от этого мне становилось только хуже: я *сам* подходил к тому, что увидал у Вас, но сам с собою я все боялся, что это ошибка, потому что хотя у меня светилось в сознании то же самое, что я узнал у Вас, но у меня все было в хаосе — смутно и неясно, и я на себя не полагался; а когда услыхал Ваши разъяснения, логичные и сильные, — я все понял, будто как «припомнив», и мне своего стало не надо, а я стал жить в свете, который увидал от Вас и который был мне приятнее, потому что он несравненно сильнее и ярче того, в каком я копался сам своими силами. С этих пор Вы

для меня имеете значение, которое пройти не может, ибо я с ним надеюсь перейти в другое существование, и потому нет никого иного кроме Вас, кто бы был мне дорог и памятен, как Вы. Думаю, что Вы чувствуете, что я говорю правду. За одно ваше намерение посетить меня я Вам благодарен до слез, но мне лучше, и Вам не нужно обо мне думать. Приезд Ваш взволновал бы меня до чрезвычайности, и я истерзался бы, думая, как все это сойдет? За Вами бы бегали, о Вас бы писали, и получилась бы целая каша. Восхитительная радость моя видеть Вас была бы вся истерзана тревогою... Хорошо, что Вы не поехали. Напишите мне письмо такое, которое могло бы пользовать дух мой, подвергавшийся нападениям страха... Из ста ступеней до края я прошел наверно 86 и не имел определенного желания возвращаться опять к первой и опять когда-нибудь начинать те же 86 наново; страха ухода уже не было, но был какой-то бесконечный, *суживающийся* коридор, в который надо было идти и... был страх и истома ужасные. Я читал главы из книги «О жизни», читал, что́ есть об этом у Вас в других местах и у Сократа (в Федоне), и все-таки с натиском недуга суживающийся коридор приводил меня в состояние муки... Теперь меня согревает утешительная радость, которой дух мой верит: мне как будто сказано, что я уже был испытан и наказан страхом и что это уже отбыто мною и прошло, и после этого я буду избавлен от этого страха, и когда придет час, я отрешусь от тела скоро и просто. И эта уверенность меня радует. По болезненности моей я теперь все попадаю в этот круг мыслей и не могу из него выйти. Снизойдите к моему настроению и поговорите ко мне в этом духе, чтобы слово Ваше принесло мне разъяснение и утверждение о том, о чем я думаю. На дух мой болезнь имела благое влияние, — я увидал еще свою черноту и, к ужасу, заметил, как много я занимался опрятностью других людей, вместо того чтобы себя смотреть строже. И многое, что казалось важным до этой болезни, стало совсем не важно. Рад, что могу писать Вам, и всем Вашим кланяюсь, а от Вас буду ждать утешения и посильья моему помявшемуся духу.

Преданный Вам

Н. Лесков.

226
Л. Н. ТОЛСТОМУ

10 января 1893 г. Петербург.
Воскресенье, вечер.

Горячо благодарю Вас, Лев Николаевич, за Ваше письмо. Оно принесло мне то, что было нужно: «у *нее* кроткие глаза», и Вы ее уже не пугаетесь и с нею освоились. Это имеет много успокоительного. Думать «о ней» я привык издавна, но с болезни моей овладел мною ужасный, гнетущий страх, — я, кажется, просто боялся *физических* ощущений от того, что «берут за горло». Когда меня мучит ангина, я все помню и хочу овладеть собою: припоминаю «тернием окровавленную главу», вспоминаю кончину Филиппа Ал⟨ексеевича⟩ Терновского (удивительную по благодушному спокойствию) и думаю о Вас, но боль все превозмогает, и я теряюсь от страданий и трепещу, что они могут достигать еще высших степеней мучительства. Умереть есть дело неминучее, и мучителен не шекспировский страх «чего-то после смерти». Это не страшно, но страшат *муки* этого перехода. Терновский (который очень любил Вас) умирал, претерпев множество унижений, лишений и угроз от мстительности Победоносцева, но все был весел и шутил. Умирая, он попросил карандаш и слабою рукою написал: «Одно печально в моей смерти, что Победоносцев может подумать, что он мог убить человека». Когда Лебединцев прочел, — умирающий ему еще улыбнулся и вскоре отошел. И сколько людей исполняют это с достоинством, а страх все это может обезобразить, испортить. Вот где причина и место страха. Если можете, скажите мне что-нибудь на это, вдобавок к тому, что у нее «кроткие глаза». Ваши слова мне все в помощь. Мне стыдно приставать к Вам, но я слаб и ищу опоры у человека, который меня сильнее, — не оставьте меня поддержать. Я, конечно, очень рад, что Вам не противно то, что я пишу. Когда я пишу, — я всегда имею Вас перед собою и таким образом как бы советуюсь с Вами. «Импровизаторов» я писал сравнительно здоровый, а «Пустоплясов» при 39° жара в крови. Как я их написал — и не понимаю! И все это наскоро, и кое-как, и в отвратительных условиях цензурности, при которой нельзя делать

поправок в корректуре... Там есть вымарки очень бессмысленные, но вредящие ясности рассказа. А самый рассказ пришел в голову сразу (за неимением сюжета) после спора о Вас с Татищевым в книжной лавке. «Что бы сказали мужики, да что бы сказал он мужикам?» Я и сделал наскоро такой диалог в мужичьей среде на темы, с которыми лезут в разговорах о Вас. — Третьего дня была у меня Люб⟨овь⟩ Як⟨овлевна⟩ и говорила, что ей цензор сказал, что «он все узнал», а узнал он то, что его «подвели», потому что «пустоплясы — это дворяне, а на печи лежал и говорил Толстой»... Сытину теперь этого рассказа будто уже не позволят. Вот чем заняты!

«Сев⟨ерному⟩ вестнику» желаю всякого успеха, но боюсь, что они с этим делом не справятся: задавит их «макулатура», которой они волокут большую груду и освободиться от нее не умеют. А потом их угнетает цензура, и они от нее тоже не избавятся. Письма Смирновой о Гоголе и о Пушкине будут иметь свое *литературное* значение для литературного круга, но читателя они не привлекут. Притом я боюсь, что оба писателя в рассказах Смирновой выйдут сентиментальными и не в большом интересе, а особенно Гоголь может выйти раскрашенным в те именно краски, которые надо бы с него по возможности *сводить,* а не наводить их гуще. Пока журнал под цензурою, ему, разумеется, будет хуже всех, которые издаются без цензуры, и потому работать в нем особенно трудно. Из Ваших 12-ти глав я читал 7. По-моему, все это нужно, и все хорошо, и все «на пользу». Не оставьте меня добрым словом.

Любящий Вас
Н. Лесков.

227

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

11 января 1893 г., Петербург.

От всего сердца благодарю Вас, Лидия Ивановна, что Вы меня навестили. Это очень мило с Вашей стороны и глубоко меня тронуло и обрадовало как за себя, так и за Вас и за род человеческий, которому нужны люди с жизнеспособными сердцами. Потом мне досадно, что я совсем не мог говорить с Вами, и я боюсь, что Вы не скоро

зайдете ко мне во второй раз. Пожалуйста, знайте, что я чувствую сильное сродство с Вами и имею духовную потребность Вас знать и иметь с Вами умственное общение. Если Вам не тяжело подарить мне иногда часок Вашего времени, — пожалуйста, навестите меня и знайте, что для меня с Вами приходит интерес к жизни и радость от встречи с разумением жизни. «Мимочкой» я, конечно, занят очень сильно и очень интересуюсь знать, какими сторонами Вы ее теперь поворачиваете к солнцу, но я не думал давать Вам советов... Я просто очень заинтересован. Читать до отделки своих работ никогда не следует, но просматривать отделанное с тем, в ком есть понимание дела, — очень хорошо. Любой художник Вам скажет, что собственный глаз иногда (и даже часто) «засматривается» и не замечает, где есть что-то, требующее пополнения или облегчения. Иметь перед собою толкового слушателя — это не значит подвергать себя опасности «перестать быть собою». Л. Н. читает свои вещи по рукописи, и Гоголь и Тургенев делали то же. «Мимочка» есть мастерское произведение, но ведь Ваве на Кавказе надо было положить какую-то черточку, которой не положено, вероятно, потому, что «глаз присмотрелся» и не замечал. Простолюдинов Вы описываете не так смело и бойко, как светских людей, но няньки в бесе́дке все-таки превосходны, а армянин с Катею не получили от Вас всего, что им было нужно и что Вы могли им дать, вполне оставаясь «сама собою». — Вам нечего бояться: у Вас ясный ум, прекрасно настроенное чувство и большой талант.

Дружески Вам преданный

Н. Лесков.

228

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

13 января 1893 г., Петербург.

Благодарю Вас за Ваш ответ и за обещание навещать меня, но скорблю, что Вы, должно быть, горды... Однако я буду стараться не бояться этого, хотя вообще я боюсь людей гордых. Двойственность в человеке возможна, но глубочайшая «суть» его все-таки там, где его лучшие симпатии. «Где сокровище ваше, — там и сердце ваше».

О «Мимочке» я могу не говорить, но какое это лишение и зачем оно. Разве мы «кружева плетем», а не идеи на дьяволов. Ведь у нас есть общая идея, в преданности которой есть наше «сродство», и вот о способах служить этой-то самой идее и надо «не говорить»... Какой ужас. Мучительная, проклятая сторона, где ничто не объединяется, кроме элементов зла. Все желающее зла — сплачивается, все любящее свет — сторонится от общения в деле. Л. Н. много сделал, чтобы поставить это иначе, но я боюсь, что с ним это направление и пройдет...

Однако я в моей жизни так много перемучился за литературу и так много говорил о «Мимочке», что могу дать Вам обещание не говорить о ней более. Я скажу напоследях только одно: я хотел этой вещи занять такое место, чтобы она не только «нравилась» (как кружева), а чтобы она «жгла сердца людей», и Вы должны ее довести до этого.

Простите.

Н. Лесков.

Вчера я писал Льву Н—чу и сообщил ему, что Вы меня навестили, и что я был этим очень счастлив, и что Вы пришли ко мне, так сказать, «во имя его», стало быть он как бы был среди нас. — Я ведь Вам не сказал, что он хотел приехать ко мне... Это меня очень взволновало, потому что имело множество таких сложностей, которых совсем не надо.

Когда я здоров, я ухожу гулять в 2 часа; до 2-х работаю; в 5 обедаю и потом во весь вечер остаюсь дома. Когда бы Вы ни зашли ко мне, я всегда буду этим очень обрадован.

Хотелось бы знать: могу ли я прийти к Вам, когда мне будет лучше? Я боюсь стеснить Вас своим визитом.

229

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

20 января 1893 г., Петербург.

Письмо Ваше прекрасно и дало мне прекрасные впечатления, за которые и благодарю Вас. Подвижность Вашей живой души приносит большую радость за «сына

человеческого». Белинский говорил о женщинах, едва ли представляя себе лучшие образцы женского ума. Впрочем, он знал Ж. Занд. Послал бы Вам «критику богословия» Л. Н—ча, но Вы, может быть, пишете, и отрывать Вас не надо. Я ее нашел, и она к Вашим услугам. Вчера был у меня сын Л. Н—ча (Лев Львович, только что приехавший из Москвы) и рассказывал, как принято было мое извещение о встрече с Вами. Льву Л—чу очень хочется с Вами свидеться перед отъездом. Он придет ко мне проститься завтра, то есть 21 генв⟨аря⟩, в четверг, во 2-м часу дня. Я ему сказал, что я извещу Вас о его желании с Вами встретиться, чтобы еще ближе ознакомить с Вами отца по собственным, личным впечатлениям. Мы оба думаем, что Вы не найдете в этом ничего неудобного и придете ко мне завтра, во 2-м часу, чтобы познакомиться с сыном любимого и уважаемого Вами «великого человека» и нашего общего друга.

А «скучать» по Вас я склонен ежедневно.

Преданный Вам

Н. Лесков.

Нельзя ли дать мне знать: придете Вы или нет? Это нужно для того, чтобы не было никого постороннего.

Из тех, кого встретила на Кавказе Вава, кто-то (может быть, гувернантка актрисы) должны были открыть ей, что «в делах и вещах нет величия» и что «единственное величие — в бескорыстной любви. Даже самоотвержение ничто по себе». Надо «не искать своего». В этом «иго Христа», — его «ярмо», хомут, в который надо вложить свою шею и тянуть свой воз обоими плечами. Величие подвигов есть взманка, которая может отводить от истинной любви. И Скобелев искал величия. В Ваве надо было показать «поворот вовнутрь себя» и пустить ее дальнейший полет в этом направлении, в котором бы она так и покатилась из глаз вон, как чистое светило, после которого оставалась бы несомненная уверенность, что она где-то горит и светит, в каком бы она там ни явилась положении.

Прекрасный облик этот не обстановочная фигура вроде нянек и армянина, а это «перелом лучей света»,

и недоговоренность, незаконченность этого лица есть недостаток в произведении умном и прекрасном.

Я об этом всегда буду жалеть, если Вава нигде дальше не явится и не покажет: «куда ее влекли души неясные стремленья».

Я читал «Мимочку» четыре раза и, получив книжку от автора, прочитал еще в пятый раз. Повесть все так же свежа, жива и любопытна, и притом манера писания чрезвычайно искусна и приятна. «Мимочку» нельзя оставлять: ее надо подать во всех видах, в каких она встречается в жизни. Это своего рода Чичиков, в лице которого «ничтожество являет свою силу». Одно злое непонимание идеи может отклонять автора от неотступной разработки этого характерного и много объясняющего типа.

Я не нахожу в «Мимочке» никакого порока: по-моему, там все гармонично и прекрасно. Чтобы указать на какой-нибудь недостаток, надо придираться к мелочам и так называемым «запланным» фигурам (например, Кате не дано ничего характерного, хотя «сидит» она недурно). У Л. Н. горничная в «Плодах просвещения» совсем не естественная.

Убыло ли бы чего-нибудь «своего» в Гоголе, если бы он снял «шубу» с Чичикова, в которой тот ездит под «дождем» и смотрит, как ныряет в воде голый помещик Петух.

230

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

25 января 1893 г., Петербург.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич!

Я так именно и думал, что Вы теперь мне пишете. Объяснение это очень важно и необходимо, но поставить его «предисловием» или снести «подстрочным примечанием» (как более нравилось Соловьеву) — это, мне кажется, все равно. Потрудитесь дать объяснению такое место, какое Вы найдете более соответственным в редакционных соображениях.

Катков (сколько я помню) не печатал продолжения этого исследования не по цензурным причинам, а по дру-

гим соображениям. Статья, вероятно, была принята кем-нибудь из его помощников (может быть, Щебальским, который был очень непоследователен). Начало напечатали, и кто-нибудь указал К⟨атко⟩ву, что «предмет не подходит». Он, вероятно, посмотрел корректуру дальнейших глав и велел все вынуть, «чтобы не нарушать отношений» с теми, кто ему в это время становился нужен. Я думаю, что это было именно *так,* и в пользу этого есть убедительные наведения. В этих же бумагах были материалы, по которым тот же автор сделал для «Р⟨усского⟩ в⟨естни⟩ка работы, но *совершенно в ином направлении.* А этот материал, где фокусы не укладывались в такую форму, был доставлен Асташеву, «как покровителю Сибири», собиравшему иногда «курьезы, касавшиеся ее управления».

Вы, пожалуйста, еще раз просмотрите это объяснение и поправьте все, что Вам покажется неудобным. А поставить его, мне кажется, лучше *под строку*. Впрочем, и это все на Ваше усмотрение.

Преданный Вам
Н. Лесков.

231

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

26 января 1893 г., Петербург.

Книги, которые Вы хотите читать, при сем Вам посылаю. «Критика», к сожалению, очень дурно гектографирована. Зато можете этот экземпляр держать долго. Это очень интересно.

Обхождение Ваше заприметил и помню. Вы его даже «потрогали за волосы», то есть спрашивали о его писательстве... Но в общем «все хорошо, что хорошо кончится». Вчера я получил письмо от Марьи Львовны, которая пишет, что они все Вами интересуются. Я им Вас немножечко живописал, как умел. Л. Н. еще в Москве, но скоро уедет с М. Л. в Ясную Поляну и в Бегичевку.

Печально подносить лекарство,
Сидеть и думать про себя,

слава богу, не нужно; но я не знал, что Вы только с этими целями сошли ко мне... Я думал об общении проще: общение с себе подобными людьми есть «благо человеку», и я высоко ценю все благо, как здоровый, так и больной.

Книги Толстого я всегда и всем даю охотно, так как я уважаю защищаемые в них идеи и ненавижу ложь, которую они назначены рассеивать. Брать у меня эти книги совсем не значит «одолжаться». Пожалуйста, берите!

Когда мне будет лучше, я надеюсь прийти к Вам, но забыл просить у Вас разрешения прийти в русском платье, так как я не могу надевать ни сюртука, ни фрака и последний давно подарил знакомому лакею. Боль сердца у меня не переносит никакого плотного прикосновения к груди.

Что такое Вы хотите сказать обо мне, — мне из Ваших слов неясно. Я тоже застенчив и неловок, но в старости стал это побеждать, так как это выражает большое самолюбие, не расходящееся, впрочем, и с большою добротою, которую я в Вас чувствую и ей верю.

Преданный Вам

Н. Лесков.

232

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

27 января 1893 г., Петербург.

Я очень Вам благодарен, что Вы пришли ко мне познакомиться и дарите мне Вашею милою приязнью. Впечатления, которые я от Вас получаю, превосходны, и я ничем не в состоянии заплатить Вам за это (вскочите и топните). Толстым я о Вас писал ранее «инцидента», потому что вся семья хотела знать о Вас: какая Вы такая есть на свете? И это не пустое любопытство, а интерес к человеку, который делает хорошо хорошее дело. Мы Вас «прочитали и в содержании одобрили» и полюбили Вашу «душу живую». А поступки интересуют уже для полноты впечатления. Описал же я Вас кратко, но старательно и с большим к Вам почтением и дружелюбием. Агафьи Тихоновны там нет, и «не по поступкам поступания» тоже, а написано хорошо, вот и все. И все довольны,

и Вам нечего просить «не рассказывать»: Толстым-то и можно рассказывать, потому что там сами всё говорят и притом всё понимают и, следовательно, всё умеют и могут простить и не осудить. Это ведь удивительное по простоте семейство (конечно, в лице отца, двух дочерей и сына «Левы»). Впрочем, я чту и саму графиню, которой «проходит меч в душу».

О «Соборянах» говорите правду: они «Вам ближе». Во всяком случае, теперь я бы не стал их писать, но я бы охотно написал: «Записки расстриги», и... может быть, еще напишу их... Клятвы разрешать; ножи благословлять; отъем через силу освящать; браки разводить; детей закрепощать; выдавать тайны; держать языческий обычай пожирания тела и крови; прощать обиды, сделанные другому; оказывать протекции у Создателя или проклинать и делать еще тысячи пошлостей и подлостей, фальсифицируя все заповеди и просьбы «повешенного на кресте праведника», — вот что я хотел бы показать людям, а не Варнавкины кости! Но это небось называется «толстовство», а то, нимало не сходное с учением Христа, есть «православие»... Я и не спорю, когда его называют этим именем, но оно не христианство!

Что, когда о нас дурно говорят, это заключает в себе нечто справедливое, — это я тоже так думаю, как и Вы, и тоже не сержусь. Но тот, кто говорит о нас дурно, — не располагает к себе наше сердце. Это уж непременно так. А я хочу, чтобы Вы считали меня тем, что я есмь, — человеком, Вам дружески преданным. Пожалуйста, зайдите!

Н. Лесков.

233

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

3 февраля 1893 г., Петербург.

Уважаемый друг!

Я хочу, чтобы Вы позволили мне называть Вас таким образом, потому что это отвечает тому, что Вы для меня есть: я Вас уважаю (без фразы), и питаю к Вам самое братское дружество, и с Вашей стороны чувствую дружелюбие.

Поручений уже нет, но надобность поговорить с Вами есть. Г⟨уреви⟩ч была позавчера у меня, и вот «томленье духа»... Как бы ей пособить? Подумайте! Я уж более не могу ничего дать скоро, а «яичко дорого к великому дню». Ах, зачем это всё люди на себя набирают!

Пораздумав долго и много, я нахожу, что «М⟨имочка⟩-вдова» для четвертого этюда, может быть, и хорошо. Надо знать груз, который покроет этот флаг; а это можете знать одна Вы. С общей же точки зрения надо к этому произведению предъявлять такое требование, чтобы эпопея «щипаной курицы» имела в конце заключительное значение в ясной формуле, вроде докончальной фразы в «Ревизоре»: «Чего смеетесь?.. над собой смеетесь!..» Вы это можете сделать и должны это сделать, — иначе «М» будет «медь звенящая»; а этого быть не должно. Поэтому я бы думал, что, дощипав ее до хвоста, надо встать и все перо с нее стряхнуть на головы тех, кому она теперь «забавна»... Надо, чтобы они увидали, что они ее уважали, ибо те, которых они уважают, ведь тоже из «Мимочек». Тогда это будет «эпопея», а не «этюды», и

Имя твое пронесется в Элладе.

Это-то меня и поставило в удивление: неужели Вы отдадите ей льготу во вдовстве?! Она должна истерзать людей тем, что из нее же еще выйдет или вождь, образец, пример и «тон».

Я думаю, что Вы меня понимаете и теперь уже более не обижаетесь за то, что я люблю работу, которую Вы делаете, и хочу ей той полноты, в которой она может оказывать полезное влияние на общество.

Очень благодарю Вас, что поручаете меня Христу. Это хорошо, и от Вас мне это очень приятно.

До свидания.

Н. Лесков.

234

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

28 февраля 1893 г., Петербург.

Очень сожалею, что Вы меня не застали. Варя к Вам ходила и, не застав Вас дома, не оставила Вам оттиск Вашего рассказа и адрес старшей Дементьевой. Она

в Петербурге, на Надеждинской, в доме № 36, кв. 17. — «Новенькая» очень мила. От такой вещи нечего больше и требовать. Все очень ласково, тепло и умно. Есть места очень веселые, которые будут помниться (например, «кто будет резать за столом»).

Пожалуйста, не забывайте дружески преданного Вам

Н. Лескова.

P. S. Расставшись с Вами, я долго продумал о том, что́ говорил Вам о себе по поводу моего одиночества, и нашел, что Вы правее меня: действительно, мне «только так кажется», что я мог бы быть счастлив в семье. На самом деле центр моих симпатий все ложился бы за чертами семейственности. Хуже это или лучше? Или хорошо все, что дано? Верно, так. Эпиктет понимал это, когда говорил: «Твое дело хорошо сыграть свою роль на сцене мира, а пиеса написана не тобою».

Зачем Вы не хотите почитать мне «Мимочку»? Какое у Вас ужасное самолюбие!

Л.

235

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

3 марта 1893 г., Петербург.

Я очень дурно делал, что просил Вас о чтении, но я не знал о Вашей подозрительности и брал дело просто, по-мужски, как это делается. Я сожалею об этом и прошу меня простить. Много уж очень довелось мне раз просить у Вас снисхождения и извинения, но делать нечего. Пожалуйста, извините! Больше об этом никогда речей не будем вести.

Теперь здесь «старик Ге» — старый и умный друг Льва Николаевича, «единого духа» с ним. Он очень хочет с Вами видеться и побеседовать и просил меня попросить Вас с ним встретиться, когда Вам можно (до 2-х часов дня). Он пишет здесь картину. Я обещал ему передать его просьбу Вам, но за исполнение ее не ручался. Он хороший и очень умный старик, сто́ящий любви и уважения, но поступайте, как Вы хотите.

Преданный Вам

Н. Лесков.

18*

236

Б. М. БУБНОВУ

17 марта 1893 г., Петербург.

Не лучше ли бы было тебе, Боря, вместо перевода поэтов (в стихах) обратиться к переводу английских прозаических писателей, и именно к величайшему из них — Томасу Карлейлю? Он ведь у нас переведен очень мало — кажется, всего три сочинения: «Характеристики», «Герои» и «История французской революции»; а он весь велик, интересен и любим. Ты бы подумал об этом! Это ведь тоже и очень поэтический писатель-мудрец. И ты бы такими переводами принес пользу себе и людям, ищущим уяснения неотразимых вопросов в истории, философии и обыденной этике жизни. Я бы тебе это очень советовал вместо корпения над стихами. Стихи можно производить между делом, а главное дело в литературе все-таки должно быть — содействие выяснению идей в сознании большинства людей. Это есть долг человека мыслящего, и в этом же кроется его удовлетворение; а также тут есть и заработок.

Преданный тебе

Н. Лесков.

237

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

29 марта 1893 г., Петербург.

Я давно не имел прямой вести из дома Т⟨олст⟩ых, а потому и не знаю: где кто из них теперь. Возможно, что Л. Н., а с ним и одна из дочерей, или даже обе они, — уже в Ясной П⟨оля⟩не. Городское празднование ужасно. Впрочем, оба адреса (летний и зимний) действительны при всяком распределении семейства. Вся разница может заключаться только в одном дне промедления. Я бы, однако, теперь еще предпочел адресовать в Москву.

«Студент» очень хорош. По этому очерку умный редактор уже должен бы понять даровитость молодой писательницы. Гашет и М. Леви сейчас бы сделали опыт

закрепостить себе такое дарование. Наши «кулаки» не додумались даже и до этого; а умеют только «мозжить».

В художественном отношении не нахожу ни одного замечания; а в корректурном два: 1) Малороссийская фонетика не позволяет говорить и писать «изогнувся». Там говорят и пишут «изогнувься».

Ганьзя рибко,
Ганьзя птычка,
Ганьзя цяця молодыця!

2) На 233 стр. карандашом поправлено «при этом». Выходит: «это уже удалось, и при этом»... Не много ли «этих»?

Благодарю Вас, что подарили Варе свою фотографию: мы рады Вам и всему, что может Вас напоминать.

Н. Л.

238

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

1 июня 1893 г., Меррекюль.

Уважаемая Лидия Ивановна!

У меня есть к Вам просьба, к которой я прошу у Вас «снисхождения по человечеству» и вразумительного слова. Не знаю, замечено Вами или нет, что в числе различных придирок ко мне со стороны критика Б⟨урени⟩на было не раз выражено, что я усиливаюсь как бы равняться с Л. Н. Т.? Так как Вы читаете «Новое время», то я думаю, что Вы этого не могли не видеть. Ко всякой клевете в печати я давно приучен, но эта клевета была мне все-таки чувствительна, так как мне не хотелось играть пошлой роли в отношении Л. Н., но я понимал, что из уст Б—на это не опасно: он только и делает, что выискивает, чем бы человека обидеть, приписав ему что-либо пошлое и мало ему свойственное. Желание вспирать себя до несравнимой высоты он мог во мне сочинить без всякого повода с моей стороны. Потому это меня и не беспокоило. Спокойствие еще более было укреплено во мне тем, что никто из общих знакомых не замечал мне, что я стремлюсь в знаменитости и выра в-

ниваю себя по линии к Толстому. И я все думал, что никто не может видеть во мне того, чего во мне нет и чего я никогда не потерпел бы в себе. К утверждению меня в этом еще более послужили неловкие, но искренние слова «Нов⟨ого⟩ вр⟨емени⟩», что я «следую за Т—м». Это и правда: я сказал и говорю, что «я давно искал того, чего он ищет, но я этого не находил, потому что свет мой слаб. Зато, когда я увидал, что он нашел искомое, которое меня удовлетворило, — я почувствовал, что уже не нуждаюсь в своем ничтожном свете, а иду за ним и своего ничего я не ищу и не показываюсь на вид, а вижу все при свете его огромного светоча». Никто и никогда не слыхал от меня иного, и бог, имени которого я не назову напрасно, видит, что я не ищу никакой известности или так называемой «славы», которая мне и не дорога, и не мила, и не нужна. Если было что-нибудь в этом недостойном роде, то это было очень давно, и я с терзанием вспоминаю, как это ужасно и стыдно, и я думал, что теперь во мне этого уже нет... Я даже был в этом уверен, но, вероятно, я ошибаюсь, и во мне, вероятно, остается то самое, что я ненавижу, и чего я так избегаю, и чем ужасно огорчен и смущен. Открыли мне это Вы: раз Вы мне сказали: «Я боялась и вас, но вы... извините меня: вы все-таки не Т—ой...» Это меня ужасно смутило: я подумал себе: что это? зачем мне говорят, что я «все-таки не Т.»? — И я не мог ничего отвечать Вам, и Вы видели мое смущение и прибавили, что я «тоже» что-то значу, «но не то, что Т...» Я был поражен этими словами и долго думал: что могло их вызвать у умной и сердечной женщины, которая пришла навестить меня, больного? Это уже не критик Б—н, для которого не нужно ничего, кроме внутренней, самодовлеющей злобы... Без сомнения, должно же быть видно во мне что-то такое, что дает указания на мое высокое мнение о себе и о желании равняться с Т—м? Это меня мучило дни и ночи, и самым желательным объяснением я себе мог придумать, что, может быть, у Вас есть привычка сказать человеку что-нибудь колющее и досаждающее... Мне стало думаться, что это возможно, и я успокоился за себя и думал спросить Вас когда-нибудь, — когда это будет удобно, чтобы Вам не показалось за обиду; а меж тем Вы предупредили меня, и в последнее наше свидание

Вы опять мне сказали, чтобы я не думал о себе много... Это уже совершенно меня смутило: что же это может значить? Без сомнения, во мне есть что-то чрезвычайно противное и кидающееся в глаза своею претенциозностью! И отчего же мне никто этого не указал по-дружески, так, чтобы я мог это в себе исправить; а сам я этого не вижу и все так и буду носиться с этою мерзостью!.. Иначе, конечно, Вы не нашли бы никакой нужды напоминать мне о моей неважности, а сделали это только по доброте или потому, чтобы наказать мое самолюбие для моей же пользы. Но так это мне все-таки непонятно, потому что я не вижу (хочу, но не нахожу), в чем проступает наружу моя мучительная и противная ошибка! Прошу Вас об этом горячо, искренно и усердно: это мне нужно «паче поста и молитв», ибо я не хочу раздражать и смущать людей и затмевать последний свет в собственных глазах моих. Поступите со мною «по человечеству», как христианка: скажите мне, в чем грех мой, которым я вызывал у Вас слово.

Преданный Вам
Н. Лесков.

Умоляю Вас не забывать, что состояние души моей мучительно. Иначе бы я не стал писать к Вам этого письма.

239

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

8 июня 1893 г., Меррекюль.

Уважаемая Лидия Ивановна!

Надо начинать с того, чтобы «хвалиться своими чувствами», и я надеюсь иметь на этот раз перед Вами все преимущества, ибо мне несравненно легче любить и уважать Вас, чем Вам питать те же чувства ко мне. И я хорошо и полно пользуюсь выгодами моего положения: я уважаю в Вас то, что мне кажется прекрасным, и люблю Вас так, как мог бы любить «ангела» — существо, которое много меня чище, выше и открытее богу. Чувство это мне мило, дорого и полезно, ибо я знаю, что Вы любите добро и зло не может с Вами уживаться. Во мне же

любить нечего, а уважать и того менее: я человек грубый, плотяной и глубоко падший, но неспокойно пребывающий на дне своей ямы. Лучшего во мне ничего нет, а за это уважать нельзя. Когда Вы меня крестили и я с благодарностью и уважением поцеловал Вашу руку, как руку матери, сестры, христианки или ангела, я принял от Вас благословение, как дитя, а надлежало бы, чтобы прежде Вы приняли на себя бремя моих грехов — выслушали бы мою исповедь, и тогда бы подняли свою руку, чтобы благословить меня... Л. Н. иногда так исповедуется с теми, к кому позовет дух, и это прекрасно; но я думаю, что если бы я мог сказать Вам, как я гадко жил, то Вы, быть может, не перекрестили бы меня, а осудили бы на епитимию, которой я не в состоянии еще исполнить, и тогда мне было бы еще тяжелее. Так Вы, пожалуйста, никогда не говорите, что Вы меня «уважаете», а вместо того не кидайте мне камня, когда я прошу у Вас хлеба... Я Вас прошу указать мне мой скрытый порок, вызывающий у людей известное проявление справедливого негодования, а Вы мне пишете, чтобы я не обижался и что я когда-то сам говорил о Т—м «с восхищением»... Ну что это за пустяки! Я нимало и ни за что на Вас не обижался, а Т. есть для меня моя святыня на земле — «священник бога живого, облекающийся правдою». Неужто Вам опять показалось, что я могу его ревновать и желать сам при нем что-нибудь значить! Он просветил меня, и я ему обязан более, чем покоем земной жизни, а благодеяние его удивительного ума открыло мне путь в жизнь без конца — путь, в котором я путался и непременно бы запутался; а Вы думаете, что меня можно обидеть, сказав мне: «А вы, однако, не Т.!» Я не только «однако не Т.», но я совсем не близок к нему, но его разумение мне понятно, и я, перечитав горы книг известного рода, нашел толк и смысл только в этом разумении и в нем успокоился и свой фонаришко бросил... Он теперь мне уже не годится: я вижу яркий маяк и знаю, чего держаться, а если не управлю, то это уже не от недостатка света, а от немощей глаз и рук моих. Недостатки, любя человека, надо ему их указывать любовно, и Вы мне раз указали одну мою ошибку, и я сейчас же ее почувствовал и решил ее оставить, и мне это было отрадно и полезно; другую Вы даже не высказали (портрет

монаха), но я сам при Вас ощутил, что это дурно, и застыдился Вас и опять себя исправил. Так действует любовь, и я не боюсь говорить Вам, что Вас я люблю и уважаю очень, «как ангела», а Ваше самолюбие считаю чертовским, и оно мне «преогорчевает». Это гниль на хорошем плоде. Что же Вы не хотите сказать: чем я раздражал Вашу этику и эстетику и за что Вы давали мне «ассаже»? Не сказал же я Вам: «а вы, однако, не Сталь», или «вы еще не Жорж Санд»... Я Вам этого не сказал, потому что в Вас нет никакой фанфаронады, а во мне она, без сомнения, есть! И Вы ее видите и правильно гнушаетесь ею, но указать на нее мне не хотите... Такова Ваша любовь ко мне, мой жестокий ангел! Проясните лицо свое и обличите меня, чтобы я не таскал на себе «своего эфиопа». — Место, где я живу, — прекрасное, и моя маленькая дача — превосходна. Тишина невозмутимая, и «лес — в небо дыра». Если бы Вы приехали одна или с Л⟨ю⟩б⟨овью⟩ Як⟨овлевной⟩ Г⟨уреви⟩ч, — я помещу Вас удобно и буду Вам очень рад. В конце июня или в начале июля ко мне хочет приехать Меньшиков, но если бы Вы и съехались, — это меня нимало бы не затруднило, так как в двух шагах от меня есть комнаты в «салоне», на самом берегу моря. От Татьяны Львовны и я получил письмо, в котором между прочим писано о прекрасном впечатлении, какое Вы произвели на Л. Н—ча. На письмах мне довольно писать: «Меррекюль — Лескову». (Не скажите: «А вы, однако, не Гумбольдт». Но ведь тому писали «в Европу», а мне только в Меррекюль...) «Сев⟨ерного⟩ вестн⟨ика⟩» я здесь не получаю. У них, кажется, не очень рачительно насчет порядка.

Преданный Вам

Н. Лесков.

240

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

9 июня 1893 г., Меррекюль.

Сейчас (10 час. утра) получил Ваше второе письмо (от 7 июня). Как Вам не стыдно говорить о том, будто Вы меня обидели! Разве я Вам это писал? Я хотел узнать: почему и за что люди совсем не сходного нрава

преследуют меня тем, что я, «однако, не Т—ой»? Что же нибудь такое есть, за что ко мне с этим емлятся! Вот я это и хотел бы знать, и Вы это знаете, но не хотите мне сказать, по чувству какого-то ложного ко мне сострадания и снисхождения, и я через это все остаюсь во тьме и «таскаю на себе своего эфиопа»; и мне это тяжело, досадно и... противно. А Вы продолжаете давать мне «камень вместо хлеба» и извиняетесь да говорите о «прощении» с моей стороны!.. Или я ошибаюсь в Вашей доброте и искренности (чего я не думаю), или же верно то, что «у самых умных людей в голове что-нибудь в беспорядке». Вы очень умны, и потому общение с Вами очень полезно и приятно (я чрезвычайно люблю сильные женские умы, составляющие немалую редкость), но по самолюбию своему, полагающему свою печать на Ваше мышление, Вы беспрестанно склоняетесь думать, что все имеют такую же «содранную кожу» и что их сейчас надо поскорее смазать самаритянским елеем и сдать на тракте гостиннику. А это совсем не так: я дорожу встречею с Вами в вечности нашего бытия и хочу от Вас пользы душе моей, так как все духовное существо Ваше мне симпатично и дух мой чувствует Ваше превосходство и желает послушать Вашей дружбы. Вы говорите мне о том, что во мне дурно, и помогите мне исправиться, а не поливайте на меня бальзамом своего снисхождения, за которым я могу подразумевать, что Вы мне не верите и не относитесь ко мне с должной серьезностью, как к брату, которому уже осталось мало времени для того, чтобы выправлять свои кривизны. Церковная вера часто дает возможность такому равнодушию ютиться в сердце прекрасных людей рядом с любовью к богу. Это одна из ужасностей этого культа. Но на этом мы не приходим к соглашению и «для того оставим сие философам». В итоге остается то, что я на Вас не обижался и не обижаюсь, а Вы не хотите сказать мне: за что мне следует напоминать, что я, «однако, не Т—ой»? Язву-то свою осиную в меня впустили, а серьезно помочь не хочется, и выходит «дама», а не «сестра Лида» (в старом христианском романе). Жалею, что Вы еще так практически робки и бессильны, но ничего не могу говорить о «прощении». Бог все простит, а также и поп может все простить и за небольшую плату: ему ведь это недорого

стоит и чужой души не жалко. Затем об этом кончено!— «Шурочку» я прочел два раза и, себе не поверив, дал прочесть толковому человеку. По-моему, это — первоучина, и притом ничем не выдающаяся и не дающая даже намека на талантливость автора. Особенно поражает несоразмерность в архитектонике и неясность (тусклость) идеи. Собираются танцевать и разбираются на пары почти на протяжении половины повествования — что неинтересно и даже скучно, а потом поцеловались и будто расплевались... Прижал он ее, что ли, слишком сильно или, может быть, обслюнявил... Вздор какой-то! Я, конечно, понимаю, чтó понравилось тут в Ясной Поляне: вот-де как искра чувственности отшибает! Но только это ведь неправда: в том-то и беда, что она не отшибает, а зажигает! А этот именно как будто «усами под нос навонял», и вышло что-то в пошловатом роде: «и хочется, и колется». Извините, что говорю так прямо, как это мне чувствуется. Меньшикову очерк тоже не нравится. Запаха таланта я тут не чувствую, но она (Л⟨ю⟩б⟨овь⟩ Як⟨овлевна⟩) умна и образованна и, наверно, может иметь успех в литературе, но только едва ли в художественном роде... Впрочем, не нацеловавшись и не наколовшись, трудно говорить об этом со знанием. «Нельзя, не видя океана, себе представить океан». В «Шурочке» есть сходство с теми рассказами молодого Льва, которые «Неделя» не печатает и думает, что делает тем ему дружескую услугу. Рубят они дерево не по себе. Эта «безделка», портившая своим недостатком все достоинства дочерей ц⟨аря⟩ Никиты, есть величайшая бездна в мире. Черт бы иначе с ней не выступил на состязание с величайшими мужами мысли, если бы это так легко поддавалось, как думают наши милые, но неопытные мечтатели!.. К этому и искушенный ума приложить не в силах. Гайдебуров подергал носом туда и сюда и разобрал, что таких рацей разводить нельзя; а (помните) Н. Н. Ге («Безешник») находил, что «это прекрасно». Эти люди начинают обнаруживать сильное сходство с старинными ортодоксальными нигилистами, у которых для оценки повести требовалось «общий вывод и направление». У молодого Льва это по крайней мере выдержано, а в «Шурочке» — нет: только и кажется, что усами покололась, и целоваться охота прошла... Станем

надеяться, что ловкий парень когда-нибудь это дело ей поправит! — Посмотрите, пожалуйста, в июньской (№ 6, ⟨1⟩893 г.) кн⟨ижке⟩ «Недели» очерк Дмитрия Болконского «Конец». Это этюд очень реальный и сильный, хотя в середине есть что-то, отдающее «первоучиной», но этого редко у кого не бывает (и у Вас было). Кто это: Дмитрий Болконский? Ведь это, без сомнения, псевдоним и, кажется, нам с Вами человек знакомый!.. Пожалуйста, прочтите и мне напишите свое мнение. А лучше бы сделали, когда бы взяли плед и подушку да приехали бы в Меррекюль без дальних сборов. Я хорошо Вас помещу и вполне корректно и буду Вам так рад, как будто Вы приехали по дружбе ко мне, а не потому, что у нас тут в самом деле очень хорошо. Пожалуйста, приезжайте! Энгели недавно переменили дачу и теперь живут от меня в двух шагах. Приезжайте, ядовитая дама!

Искренно Вас любящий и уважающий

Н. Лесков.

Варя и Елена Вас ожидают.

Вы вот всё убегаете соединения мыслей вкупе, а я ищу единомыслия, но, во всем подлегая величию ума Л. Н., я не могу принять их взгляда на отношение полов, как несогласное с требованием природы и задачею человечества — совершенствоваться в целой цепи поколений, обязанных явиться по благословению: «множьтесь». Х⟨ристо⟩с не высказался о браке, но в его время брак был многоженный. Можно ли держать союз с тем, с кем ум и дух в полном разладе и дисгармонии? Природа этим возмущается, и она права, а они все, сколько бы их ни было, — неправы.

241

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

13 июня 1893 г., Меррекюль.

Не знаю, серьезно или нет Вы сомневались в том, хорошо ли Вы сделали, что побывали в Ясной Поляне. Посылаю Вам полученное мною письмо Л⟨ьва⟩ Л⟨ьвовича⟩, где есть упоминание о том — какое впечатление

получил от Вас Л. Н—ч. Может быть, Вам это будет интересно и даже приятно, а во всяком случае — успокоительно, и Вы поймете мое желание сделать это для Вас известным. Письмо Л. Л. мне возвратите при свидании. — Роман Баранцевича начинает меня интересовать, так как там есть усилие изобразить «толстовца», и для модели взят Пав⟨ел⟩ Ив⟨анович⟩ Бирюков; но делается это довольно неискусно и без достаточных знаний (напр., стр. 64, толстовец говорит даже о «силе и гордости будущей России...»). И у попов, и у патриотов, и у этих пересмешников все «гордость» в числе необходимых условий жизни христианского общества!.. В статье Волынского напрасно задет Протопопов (не к делу) и на 120 стр. сказано, будто «полуневежественная Обломовка не дала ни одного борца за теоретическую истину». А раскол?! А сожженный попами Курицын и его товарищ? А Косой и Матвей Башкин и вообще «религиозные вольнодумцы»? Неужели это не «борцы за теоретическую истину»? Льву Льв — у я написал о том, что мне кажутся неудачными его опыты разрешать вопросы «взаимного мужей к женам соизволения».

Пред⟨анный⟩ Вам

Н. Лесков.

242

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

27 июня 1893 г., *Меррекюль.*

Однако я вчера нехорошо написал Вам, Лидия Ивановна, в ответ на вопрос Ваш о Л⟨ю⟩б⟨ови⟩ Як⟨овлев⟩не. В простоте моего «сократического метода» была своего рода коварность, недостойная не только Вашей чистоты, но и моего недостоинства. Полагаться на Ваш разум мне очень легко и выгодно, а Вам пришлось бы при этом себя неволить и «совокуплять суетная и ложная». В ночи я все об этом думал, и мне стало стыдно, и я спешу поправить мою вину перед Вами (ибо надеюсь, что перед Лб. Як. мы еще не провинились). Теперь я думаю так, что нам совсем не надо ничего соображать и совокуплять, а надо сказать ей все прямо, как есть,

и пусть она соображает — как ей угодно поступить, имея в виду, что помещение в Меррек⟨юле⟩ ей может быть устроено так же, как и Вам, и что я и, вероятно, Вы, конечно, будем счастливы (я — непременно) ее видеть; а она и Меньшик⟨ов⟩ — оба очень умные люди и, конечно, знают, как встретиться. Лично они друг против друга ведь ничего же не имеют. А читать большое сочинение Толстого раньше всех в России, и в такой компании, как мы собираемся это сделать, — есть (по-моему) слишком большое удовольствие, от которого больно отказаться, и грубо было бы лишить этого такого милого человека, как Лб. Як—на, из-за единого подозрения, что, может быть, ей будет неприятно встретить М—ва или М—в будет стеснен при ней... А может быть, это совсем и не так! Я думаю теперь, что нам (с Вами) не следует останавливаться перед такими сложными соображениями, а с нашей стороны лучше верить в большие достоинства лиц, о которых мы думаем, и говорить с ними, не унижая себя глаголемою «неполной истиной». Оставим это церковным пастырям и учителям. От себя я усердно прошу Вас сказать Лб. Як—не полную правду, — что́ есть у нас в соображениях, и добавить к тому, что я буду счастлив, если она приедет, и что свободы здесь найдется всем вволю. Мы сейчас осматривали с Варей №№ в салоне: сейчас все занято, но 5-го очистится один № с окнами на море, цена 1 руб. 50 коп. в сутки, и № окно в лес, двойной — 3 руб., и есть лишняя комната на даче у моего соседа (удобная). Мужчин же я помещу у себя обоих или по крайней мере одного. Прошу Вас только о двух вещах: не приезжать сюрпризом (без извещения) и брать с собою пледы и подушку. Затем будем радоваться о господе, как умеем: уложим себе «чин сокольничья пути», и Вы станете нам читать с Модестычем, а мы будем слушать то, что наш Лев почитает сам за «самое славное» свое сочинение, и будем при сем во имя его соблюдать умеренность в пище и питии, пребывая в любви друг ко другу о духе святе. Неужели это ничего не говорит сердцу и воображению боголюбезной сестры нашей Лиды! (которая, однако, сродни и Киту Китычу, ибо пока ее обидишь, — она сама всякого сумеет обидеть). По-моему, Лб. Як—ну даже надо стараться привезть.

Я ее и люблю и очень много сожалею, потому что она ведет дело денежное, а этого нет поганее на свете. Я хоть и не дорос до Вашего величия, чтобы сказать «мне деньги не нужны», но я всю жизнь считал заботы о деньгах «проклятием» и допускал их только в самом необходимом (как мне казалось) количестве. «Совокуплять» же их для «предприятий», и еще рискованных, как журнал, — это положение адское! Увлекайте ее с собою, чтобы она очунела. Она умная, образованная и порядочная девушка во всех смыслах. Таких не много на свете, а у нас меньше, чем где-либо; а на плечах у нее лежит дело ужасной тяжести, и притом... «око ее не свободно»... Это грозит нехорошим. Вчера было письмо от Модестыча, который отличился перед нею: пришел, застал ее одну и сказал ей, что она — «Мария на развалинах». (Каков!) А она его поправила и сказала: «Здесь идет созидание, а не развалины»... Я очень радуюсь, что Вы для них что-то сделали, и Вы со временем почувствуете, что это сделано хорошо. Я не думаю, чтобы Вы, я или даже сам Л. Н. могли упрочить дело этого издания, в положении которого есть роковые вещи; но мы должны делами оказать дружескую помощь этой милой особе. Пусть мы не будем укорять себя, что «мы могли сделать, да не делали». Пусть не от нас будет в ее деле что-либо нежеланное.

До свидания, дорогой и уважаемый друг, — не толстовка, не Титания и не что-либо иное, «еще можно есть изрещи на языке человеческом».

«Никто вас, Кита Китыч, не обидит, — вы сами кого угодно обидите».

Н. Лесков.

P. S. Сейчас еще получил письмо от М—ва и буду ему отвечать в том же духе, как пишу Вам по отношению к Лб. Як—не.

Не горячиться и не сердиться, когда говорят о Т. пошлые люди, я тоже не умею. Это, может быть, и нехорошо, но я тут бессилен. Это, я надеюсь, бог простит.

243
А. И. ФАРЕСОВУ

28 июня 1893 г., Меррекюль.

Достоуважаемый Анатолий Иванович!

Позавчера получил Ваше открытое письмо, в котором Вы извещаете меня о своем добром намерении навестить меня в Меррекюле до 5 июля и спрашиваете: будет ли это благовременно? Прежде всего дружеское спасибо Вам за доброе желание приехать; а затем — просьба: пожалуйста, приезжайте, но срок приезда измените. Причиною к этой последней просьбе служит то, что недели за две до этого условлено, что «в первых числах июля» ко мне приедут два гостя; а когда именно «первые числа» начнутся, — я этого с точностию не знаю и сказать о том не умею. Во всяком разе, я буду ждать Вас к себе и — просить Вас приехать тогда, когда мои ранее условленные гости погостят и отбудут. Тогда я Вам неупустительно напишу с моею покорной просьбою — не пренебречь моею хатою и хлебом-солью. — Пожалуйста, напишите мне: когда выходят в свет письма Энгельгардта? Я почему-то думаю, что о нем как будто должен написать что-то поправившийся Глеб Ив⟨анович⟩ Успенский, — и это было бы прекрасно. За диссертацию о Герберте автору присуждена премия митрополита Макария, как за «лучшее историческое сочинение». Ввиду запрещения высокопробных трудов Терновского и Голубинского это имеет очень большое, характеристическое значение, определить величину которого было бы достойным делом исторического журнала. Предтеченский и Городецкий, однако, отошли от дел сего мира, и за отшествие их поскорбел Петр Васильевич Быков. Сколько, в самом деле, русская земля теряет «полезных деятелей» такого сорта, что их во все времена все путные люди могли бы и не понять и не оценить!.. О господи! Доколе, о господи, будет идти это наглое и ничем не вынужденное литературное бесстыдство! Прав Л. Н. — «лучше быть ругаемым».

Н. Лесков.

244

Л. Н. ТОЛСТОМУ

1 июля 1893 г., Меррекюль.

Высокочтимый Лев Николаевич!

Мы на днях приготовляемся читать Ваше последнее литературное произведение. Для того Хирьяков привезет ко мне в Меррекюль экземпляр рукописи, а 10 июля приедут сюда Веселитская и Меньшиков. Хотела быть тоже и Гуревич, да вряд ли будет, так как ей, кажется, неприятен Меньшиков, а его угораздило еще подогнать как раз к этому времени статью о Волынском в июльской книге «Недели». Будем, верно, читать Ваше рассуждение вчетвером, но никто из нас четырех не знает, представляет ли наш экземпляр последнюю, окончательную редакцию или после были сделаны Вами существенные изменения. Экземпляр же, которым владеет Хирьяков, привезен в Пб. еще по зиме этого года; а Лидия Ивановна говорит, что она после своей побывки у Вас в *маe* свезла окончание к Попову в Москву. Это меня приводит в смущение, и я думаю, что мы, пожалуй, будем читать Ваше сочинение в несовершенном его виде... Позвольте мне просить Вас или Татьяну Львовну написать нам (то есть мне: Меррекюль, 94), можно ли экземпляр, списанный зимою (примерно в феврале ⟨18⟩93 г.), принимать за удовлетворительный, или сочинение подвергалось существенным изменениям до самого того времени, как Веселитская повезла его в Москву? Если же перемены сделаны не повсеместно, а только в заключительной главе, то и это знать будет полезно. А если Вы или Татьяна Львовна дадите ответ на эти мои строки сразу по получении моего письма, то этот ответ должен прийти в Меррекюль своевременно, то есть к самому нашему сбору, и поможет нам уяснить наши недоразумения. И Вы нам, пожалуйста, в этом не откажите! А мы, которые будем представлять самую первую группу русской публики, занятую чтением Вашего труда, будем замечать: какое это на нас произведет впечатление, и «аще обре-

тем кая неудобовразумительная словеса», о тех Вам напишем и «худости ума своего не утаим».

Вам почтительно преданный и благодарный

Николай Лесков.

Адрес мой: просто — Меррекюль.

245

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

2 июля 1893 г., Меррекюль.

Из Петербурга или из Гатчины в Меррекюль можно ехать утром (в 9 час.) и в обеденную пору (кажется в 4 часа). Выехав в 9 утра, приезжают в Нарву в 2 часа, переезжают на извозчике город до пристани (цена 30 коп.) и садятся на пароход «Нарва», который идет к Устью или в Гунгербург. Отходит в 3 часа. (1-й кл. — 30 коп.; а 2 — 20 коп.). Город Нарва очень характерен, а берега р. Наровы очень красивы. То и другое стоит видеть. В Гунгербурге встают (4 часа дня), берут извозчика, «карафашку», и едут в Меррекюль. (7 верст, по Гунгербургу 2 версты, по Шмецку $3^1/_2$ и $1^1/_2$ лесом. — Цена по таксе одноконному экипажу — 1 руб. Пароконный не нужен.) Приедете к нам около 5 час. веч. Извозчику в Меррекюле велите подвезти себя «к даче Бормана в лесу, рядом с сапожником». Тут найдете несколько своих покорных слуг, которые сделают вам одолжение, — все будут знать, куда Вас проводить. Такой маршрут я считал бы для Вас за наилучший; но если гор. Нарва и берега Наровы Вас нимало не интересуют, то берите билет не до Нарвы, а до станции Корф (первая за Нарвою), и там на Корфе возьмете карафашку, которая прямо привезет Вас в Меррекюль (7 верст, цена 1 руб.), — это скорее, но не увидите Наровы, — что, впрочем, легко восполнить на обратном пути, когда следует и посмотреть пороги (2—3 версты от города, цена 75 коп.). — Выезжать из Петербурга или из Гатчины днем (около 4 час.) мне случилось, только раз и не

понравилось, потому что всюду приезжаешь как-то «не вовремя». Самое лучшее — ехать утром. Комната для Вас будет нанята 8-го числа с утра там, где случится, не дороже 1 руб. в сутки. Но где именно это будет — сейчас сказать невозможно. Как подъедете к нам, так Варя или Елена Вас и проводят. Труда это не может делать никому и никакого. Я сам не беру денег взаймы и ни у кого не прошу протекций, но этакой щекотливости, как у Вас, — не понимаю! Стоит ли о чем говорить, — что приглядят для меня комнату! Экое, подумаешь, одолжение! Так сразу и потеряете свою свободу!.. Ну, характерец! Кстати: не помните ли, у французов есть какая-то очень хорошая пословица, что если употреблять очень много «politesse»,[1] то может выйти... «qui manque de politesse».[2] Не рассердитесь опять! О господи. А немножко уже опять что-то есть: на какой-то зубчик что-то заскочило. Ну да все равно делать нечего. Никто как бог! Июльские книжки журналов вчера прочел: в «В⟨естнике⟩ Евр⟨опы⟩» есть Винницкая, и это не без наблюдательности и не без таланта, но как-то, что называется у живописцев, «совсем не сделано». Коробчевский — неискусно и бледно, мертво. Хороша статья Максима Ковалевского о Токвиле. Энгельгардт — «невкусно подан». Евграф Ковалевский — неважно. Обозрения прекрасны, особенно «Из общественной хроники». — В «Сев⟨ерном⟩ вестн⟨ике⟩» нынешний кусок Смирновой очень любопытен и приятен, ибо Пушкин тут ни разу не поставлен ниже положения, которое он должен был занимать. Некоторые суждения его тут опережали его время (например, о библии и так называемых «священных историях», но знакомство его с св. писанием было таково, что он считал книгу Иова за «еврейскую» книгу!.. стр. 279). — Беллетристика «С. В.» очень плоха, а редакции нет и в намеке. В обозрениях «Провинциальная печать» есть разговоры pro domo sua,[3] по поводу какого-то Маиашвили. (Это такая фамилия у писателя, который что-то сказал о Флексере!) А в статье г-жи Венге-

---

[1] «Вежливости» *(франц.)*.
[2] «Невежливо» *(франц.)*.
[3] Для себя *(лат.)*.

ровой «Новая утопия» никак не уловишь ни головы, ни хвоста, а зато в самом начале, на 249 странице, в четырех первых строках употреблено четыре раза одно слово: «Морис один... и вместе один... рассказывает одна в одной из улиц...» Это пехотные поручики даже так не пишут. Что же у них делают редакторы?! Бедная наша добрая знакомая! Неужто она думает, что это можно так вести журнал? О, как бы я был рад, если бы я ошибся, что все люди, собравшиеся у кормила этого судна, править не умеют! До свидания. Комнату Вам постараюсь нанять как можно похуже и буду думать, что Вы мне навсегда обязаны благодарностью и, конечно, с некоторою утратою самостоятельности.

А я пребываю к Вам благосклонный
смиренный ересиарх *Николай.*

Кн⟨ижка⟩ «Недели» еще не пришла. Что это там такое!

246
А. И. ФАРЕСОВУ

2 июля 1893 г., Меррекюль.

Уважаемый Анатолий Иванович!

Я получил Ваше письмо и спешу ответить, что гости мои, по-видимому, будут у меня числа до 13-го. Я не замедлю своевременно написать Вам об этом. Помещение мое меня удовлетворяет, а здоровье позволяет молчать о нем. Г-жу Г⟨уреви⟩ч и Ф⟨лексе⟩ра я не могу не считать умными и образованными людьми, потому что я их знаю, и знаю, что они умны и имеют познания. Таких, как они, нельзя называть ни глупыми, ни невеждами; но не соглашаться с ними можно, и иногда это очень хорошо. Умные и образованные люди тоже не всегда свободны от заблуждений и ошибок, но если эти ошибки неумышленны и делаются не для корысти, то на них можно и должно указывать, но за них нельзя людей презирать и ненавидеть. То же и о Герберте, *если* он теперь не

вошел во вкус и не стал соображать, где раки зимуют. Гл. Успенский, как я думаю, хорошо знал Энгельгардта; но оказывается, что он еще болен. Вашу статью я уже прочитал и готов сказать Вам о ней свое мнение. Она любопытна, но Вы как будто неловко отсортовали материал, и оттого статья напоминает блюдо, которое, как говорят, «невкусно подано». У Вас события, упоминаемые в письмах и рассказываемые в личных Ваших воспоминаниях, катаются и перекатываются из одного угла в другой, сбивают хронологию, и в конце концов читатель получает анекдоты, а не нравоописательный очерк, что́ читателю нужно. Не выходит портрета, нет «характера лица и времени». — Я очень сожалею, что Вы не заставили себя подготовиться к этой работе, пробежав что-нибудь образцовее в этом роде, например характеристики Карлейля (Борнс, Нокс и т. п.). «Видеть» человека очень важно, но иногда случается, что иным это и мешает: может казаться, что как знакомый человек виден Вам, так и другие его видят. И начинаются анекдоты. И оттого *домашние* люди часто не могут рассказать о своем семьянине, а чужой, который не пригляделся к нему, — расскажет. В этой же книге есть статья Ковалевского (Максима) о Токвиле, где тоже воспоминания смешаны с письмами, но посмотрите, как письма-то *врезаны* в события! Все они на своем месте и в полном хронологическом соответствии, и читатель ведется последовательно, а не скачет туда и сюда. И как он воспользовался словами своего покойника для того, *чтобы уяснить живущим их время и их положение!* Начиная с 127 по 135 стр., он, представляя Токвиля, мимоходом *вырисовал* целую картину времени и массу отдельных лиц, не исключая даже Николая Павловича (134). Вы всем этим как будто пренебрегли, и это очень жалко; а лицо и материал письменный давали возможность Вам сделать статью отменного интереса. — Аренсбург не равняйте с Териоками или Меррекюлем. Тамошние грязи считают не хуже сакских, и воздух там удивительно хорош.

Александре Адамовне мой низкий поклон. До свидания.

Н. Лесков.

247

А. И. ФАРЕСОВУ

7 июля 1893 г., Меррекюль.

Вам обижаться и не в чем, любезный Анатолий Иванович! Очерки этого рода — очень трудно делать. Если бы Вы мне ранее прочитали Вашу работу, я, быть может, указал бы Вам *ошибку в приеме* и то, что знаю в этом роде за образцовое (Тэн, Карлейль, из наших Грановский: «Четыре характеристики»), но ведь и так цель достигнута: внимание общества привлечено. По моему мнению, надо было писать воспоминания и только подкреплять их местами из писем (как сделано у М. Ковалевского) или же написать воспоминания с подстрочными ссылками на письма; а письма напечатать ниже, отдельно. Теперь часто так делают, и это, мне кажется, не худо; а когда хронология путается и заднее колесо забегает за переднее, — это нехорошо. Впрочем, редакция «В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩» ценила материал и своевременность его появления, и потому тут «не всякое лыко в строку», а лишь бы в свое время лапоть был. Вам досадовать на себя нет причины. Повторяю Вам: написать очерк характерного лица — дело очень трудное и «мастеровитое». Этого «тяп» да «ляп» не сделаешь; а вы делали дело наскоро и сделали его добросовестно. Чтобы по поводу Энг⟨ельгардта⟩ нельзя было дать картины «его времени», с этим я не согласен, и много примеров могут доказать Вам противное; а Вы именно и позабыли, что есть превосходный способ «доказательств от противного»... «Это тебе, сударь, вина!» Изменять в дальнейшем ничего нельзя, потому что тогда обнаружится еще более беспорядок плана во всем сочинении. Оставьте как есть и будьте покойны, что польза в этом труде есть, а недостатки его заметят немногие.

Что касается г-жи Гуревич, — мне всегда хочется говорить о ней с уважением: она умная, очень много и вполне основательно училась и предана не пустякам, а благородному делу, с которым трудно оборачиваться. Если она и не удержит своего издания, — все-таки она достойна почтения. Девушек с таким настроением не много на свете. Ф⟨лексе⟩р возбудил против себя многих, и в июльской книжке «Недели» есть горячая и умная

статья о нем Меньшикова («Критический декаданс»), которая должна быть очень горька и Ф—ру и издательнице журнала. Стало быть, они за свои ошибки получают и уязвления и урон. Но все-таки их ошибки хотя и имеют вредные стороны, но они *бескорыстны* и не вызывают того негодования, какое рвется из сердца при виде подличания, растворяемого в радости, что это поощряется врагами литературы и нравится пошлым людям в обществе. Это надо различать.

Преданный Вам
Н. Лесков.

248

Л. Н. ТОЛСТОМУ

28 июля 1893 г., Меррекюль.

Высокочтимый Лев Николаевич!

Сердечно благодарю Вас за присланное Вами мне письмецо. Строки Ваши мне всегда очень дороги и многополезны, но я стыжусь их у Вас вымогать, потому что Вы «должны всем», а не одному кому-либо. Но когда Вы пишете ко мне, — Вы делаете меня радостным. Новое сочинение Ваше мы читали в большой и интересной компании, но с «инцидентами» постороннего свойства, которые мешали если не серьезности, то пристальности чтения. Основательно я его читал до 8-й главы давно — еще до болезни, которую перенес прошлою зимою; а потом теперь сам про себя прочел рано по утрам, когда мои гости спали, и, наконец, с усиленным вниманием читали его в третий раз, когда гости схлынули и у меня остался один Хирьяков, да явился обретенный Лидиею Ив⟨ановной⟩ молодой поп Григорий Спиридоныч, отрекомендованный ею с той лестной стороны, что он есть «сын (ее) Спиридона Ивановича, до брака с Мимочкой». Я рассудил так, как судит брат наш «Николавра», Черниговский и Нежинский, то есть что «ежели сочинение написано и назначено для чтения, то его надо не скрывать под спудом, а ставить на свещнике и читать людям». И в согласии с сим добрым братом нашим я решился престу-

пить запрету нашего «благочинного из Россоши» и принял сына Спиридона Ивановича к чтению. Поп оказался отличным чтецом и прекрасно прочитал все ваше сочинение вслух в три дня, вперемежку с Хирьяковым, а я уже только слушал и думал о том, что слушаю. Замечаний важных или даже интересных по оригинальности я не слыхал ни от кого. Самое веское, что доводилось слышать в этом роде, исходило от очень умного Меньшикова, которого Вы знаете и, — как я слыхал от Льва Львовича, — которого Вы признаете за человека, одаренного большими критическими способностями (что так и есть); но Меньшиков взял Ваш адрес и хотел писать Вам. Стало быть, мне передавать Вам его мнения не нужно. О первом же его впечатлении лучше всего можно судить по его письму ко мне, которое я послал Татьяне Львовне. Замечания попа (академиста, молодого, очень неглупого и не утратившего стыд) — очень почтительны, но мало интересны. Все они напоминают недавний спор наших ученых медиков, при котором эти никак не могли отличать *полезности* одного оперативного инструмента от его «портативности». Самое справедливое в этих замечаниях есть «повторяемость» и «усиления»; но, по-моему, это неважно. Хотя жаль, что это есть в самом деле, так как по этим местам, конечно, и начнется гусевское обстреливание из Казани. Меня это не заботит: я знаю и говорю, что «Л. Н. наш — туляк, и он торгует с запросцем, — чтобы было из чего бедным уступить и чтобы за уступкою тоже еще хозяину сходно было». В написанном читаем «прификс» для тех, «иже хощут быти совершенны»; а в практическом применении ко всем возможна и уступка, для отстающих по слабости, — и уступка есть, притом выраженная с такою ясностию, что никакому слабосилию не огорчительно. Так я понимаю и так говорю и нахожу, что это сочинение Ваше мудро и прекрасно сделано. Надо жить так, как у Вас сказано, а всякий понеси из этого сколько можешь. А если писать иначе, по-ихнему, то трактат пойдет уже не о «полезности», а о портативности и о приспособительности. Это вовсе другое. Я же могу Вам сообщить от себя только одно *фактическое* замечание о так называем⟨ых⟩ «духоборцах», о которых доносил Муравьев, что они не хотят брать в руки оружия. Покойный генер⟨ал⟩ Ростислав

Фадеев рассказывал мне, что эти люди сами себе будто нашли занятие и были «профосами» и по их примеру и другие тоже просились «дерьмо закапывать». И я видел раз у редактора «Историч⟨еского⟩ вестника» копию с какой-то бумаги, где этот факт подтверждался, и я им воспользовался и ввел его в рассказе «Дурачок» (XI том, который я просил типографию послать Вам). Более я не могу ничего сказать Вам по поводу Вашего сочинения, которое, по моему мнению, должно принести людям большую пользу, если только у них есть уши, чтобы ими слушать, а не хлопать. Все то, что Вы думаете и выражаете в этом сочинении, — мне сродно по вере и по разумению, и я рад, что Вы это сочинение написали и что оно теперь пошло в люди. Сын Спиридона Ив⟨ановича⟩ ездил на сих днях в Петербург и по возвращении был у меня (еще при Хирьякове) и сказывал, что он уже говорил в П⟨етербурге⟩ с некиим «синодалом» о том, что прочитал, и что «на него нападали: зачем он это читал!» Но будто бы Янышев тоже сказал, что они «только полицией умеют ограждаться и что сие ненадежно». Лидия Ив⟨ановна⟩ уехала, не дочитав рукописи далее 9-й главы, так как тут подъехала Л. Як. Г⟨уревич⟩, в большом раздражении на Меньшикова за статью, и сестре нашей Лиде надо было ее успокаивать и меня, больного, защищать, а потом увозить Л. Я. в Петербург и там ее еще допокаивать. А затем Лид⟨ия⟩ Ив⟨ановна⟩ хотела предпринять пешее (босиком) паломничество в Колпино, «к божией матери»; а меня просила дать ей список с Вашей рукописи, который я себе сделаю. Я ей отвечал, что копию ей дам, но не понимаю, зачем она мучает себя, читая это сочинение; зачем хромать на оба колена: или Т⟨олстого⟩ надо осудить и проклясть вместе с клянущими его, или «инфаму». Она мне вчера прислала превосходное письмо — кроткое, но писанное, очевидно, в каком-то борении. О паломничестве босиком в Колпино не упоминает ни словом, но пишет: «не отговаривайте меня читать *это* сочинение: *мне нельзя этого бояться,* и уж, конечно, не из литературного любопытства я хочу прочесть это. Я надеюсь, что Вы мне дадите Ваш экземпляр. Поручаю Вас Христу, который во всяком случае дал человечеству все, что возможно было дать ему, и *дает ему еще своих толкователей.* А все мы все-таки

страшно далеки от него, и подойти к нему можно только любовью и чистотой сердца. И того и другого я только и прошу у бога — для себя. А для Вас, например, прошу и того и другого». Тут и все: и милая доброта, и приязнь, и шпилечка по моему адресу. А главное, здесь чувствуется какое-то «дыхание бурно» в собственной ее удивительной, чистой, смелой и роскошной душе. Как я рад, что Вы и все Ваши семейные ее полюбили. Простите, что я Вам наболтал много слов с малым толком.

Преданный Вам

Н. Лесков.

К писаниям я охоту не теряю, но все болею; а писать хотелось бы *смешное,* чтобы представить современную пошлость и самодовольство. О том, о чем Вы пишете, и писать не могу и не должен.

249

М. О. МЕНЬШИКОВУ

3 августа 1893 г., Меррекюль.

Достоуважаемый Михаил Осипович!

Сегодня я получил Ваше письмо, помеченное 1-м ч⟨ислом⟩ августа. Сердечно Вас благодарю за добрые слова и за желание писать о моем XI томе. Мне было бы интересно слышать Ваше публичное суждение о моих работах, но Вы свое дело сделали, а остальное не от Вас зависит. Станем подражать совершенному, иже «и намерения целует». Искренно Вас благодарю за то, что дали себе труд читать и писать, и за то, что перенесли в этом деле незаслуженное досаждение. — После того, что Вы мне говорили о главных течениях в семье Вашего принципала, я верю, что Вам нелегко и ему с Вами не совсем ловко, хотя думаю, что и разлучаться с Вами он не желает, да и Вам, при всей выгодности Ваших нынешних курсов на литературной бирже, надо его еще подержаться. Кроме одного «В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩», все еще менее надежны, а и там «молодцы» берегут не

хозяина и не дело, а самих себя. В «Р⟨усской⟩ мысли» Вас ценят, но далеко они, и очень неискренни, а в «Ист⟨орическом⟩ в⟨естнике⟩» замечают только Ваш «успех», но не имеют ни убеждений подходящих, ни вкуса, и притом там все проедено интрижливостью, как в «Нов⟨ом⟩ врем⟨ени⟩», где поэтому и невозможно работать. Ввиду того, как Вы шли прошлою зимою, и я думаю, что в скором времени Вы получите в литературе спокойное и удобное для себя положение, которого Вы заслуживаете преимущественно по силе Ваших дарований и по прекрасному настроению Ваших чувств. Поверьте, что я ошибаюсь, но не часто и не в том, о чем я много думал, как о Ваших литературных силах. Вы должны быть бодры и смотреть вперед без боязни; а что до всего остального, то «сильному не нужно счастье: в борьбе таится наслаждение неистощимое» (Тургенев. «Помещик»). Борьба с «чиновником», может быть, скоро пойдет на убыль, но зато предстоит огромная борьба с общею пошлостью, которую развел чиновник до своего издыхания. Тут Ваше и дело, и дай Вам бог для этого поработать и в свое время сложить за этой работой свою умную голову.

Льву Николаевичу я тоже писал и, вероятно, в том же роде, как и Вы, — а кстати я ему писал и то, что Вы имеете намерение ему писать (он ведь Вас очень отличает и любит). После Вашего отъезда я получил от него большое письмо, в котором он, между прочим, просит сообщить ему «замечания». Я и ответил, что из всего, что слышал, стоило бы сообщить мнения Ваши, но Вы сами ему будете писать, а я от общего содержания нахожусь в восхищении и радуюсь, что Л. Н. написал такое сочинение, и жду от этого большой пользы для тех, кто «хощет совершен быти», а что замечания «не хотящих быть совершенными» держатся около шероховатости да непортативности снаряда. А это не оценка: снаряд все-таки приноровлен для отличной цели, а в приспособительности его могут быть допущены свои приемы. По-моему, например, из этого можно бы сделать мастерской конспект и отменные иллюстрации. Ответа я еще не имею ни от Л. Н., ни от Татьяны Львовны. Вероятно, они еще застряли в Рязанской губернии, а мы им писали в Ясн⟨ую⟩ Поляну. Из всех замечаний я ему сообщил

одно фактическое о духовных христианах, которые испросили себе занятие «профосами» (или «прохвостами»), чтобы «пакость закапывать». Я указал, что уже и пользовался этим в рассказе «Дурачок», который я озаглавил «Прохвост», но цензура не снесла этого названия (рассказ вышел в детском издании). — «Продукт природы» есть à propos, которые я очень люблю писать и которых можно бы много давать и всегда кстати, да негде было этого делать во всю мою жизнь. К сожалению, это писано слишком наскоро и до того, как я узнал о «неклюдовской скамейке». Там, где драли переселенцев, секут (или секли) на кресте. Из досок была сколочена буква Т, с кольцами на концах, и с этой Т растягивали человека... Пензенский исправник говорил: «Воспрописуемте распятого же за ны». Забыл тоже сказать о «вшивом спорте», как «пускают вошь на выгонки» с другою вошью. Столько уж этого вошеводства, что зуд делается от воспоминаний. Мне «Шурочка» кажется слишком искусственною. Распаленная чувственность, конечно, противна, но «девственные» натуры тоже не таковы. Надо бы брать св. Цецилию, или Дж. Элиот, или, еще лучше, есть у нас в деревнях такие дьяконские дочери, «вековуши», которые места младшим сестрам уступили, а сами позабыли: есть у них какой-нибудь пол, или они бесполые существа, рожденные «для пользы семейственной». У этих бывает девственная любовь (см. «Захудалый род»).

250

М. О. МЕНЬШИКОВУ

28 августа 1893 г., Петербург.

Очень рад был я получить от Вас весточку, уважаемый Михаил Осипович! Простите, что не сразу ответил, потому что все еще дома не в порядке и писать не на чем. À propos можно писать, но будут ли их печатать? Они ведь все с заковыками, и притом такими, которых нельзя сглаживать, потому что всякое ослабление обращает их в карикатуру... Однако я попробую. Вот я на днях послал маленькую заметочку о Тургеневе в «Орлов-

ский вестник». Если она будет замечена и возбудит какой-нибудь говор, — я скажу «апропо де бот» о «Культе мертвых». Тургенев-то ведь терпеть не мог «поповского воя и хныканья», а мы только этою «противностью» и знаменуем и выражаем свои к нему чувства... Нам пора отделаться и отделываться от этого мерзкого лицемерия, пошлости и притворства. Кто-то, однако, захочет напечатать, что у Лит⟨ературного⟩ фонда нет ни вкуса, ни находчивости, ни инициативы, как литераторы могут почтить память своего великого собрата. Я бы хотел загнать сюда под ноготь спицу, и повострее... «Неделя» это разве напечатает? То же и во множестве других случаев. Отчего Вы молчите о Тургеневе? Отчего не провести сравнения между огромными силами Л. Толстого и «благоустроенным» умом и талантом Тургенева? Это было бы очень благопотребно... О Вас я и скучаю, и соболезную. Я помню свою молодую пору, когда мне было что говорить, но никогда не было к тому удобства. Теперь Вам все-таки лучше. Тяготение к сельской жизни мне кажется почтенным, но я думаю, что в литературе Вы нужнее; да и Вам самим не стерпеть устранения от нее. Циник Писемский говорил: «Это все равно, что гульба девке: выдай ее замуж, а она все на панель в сумерки спешит». Литература ужасно втягивает в себя человека с литературною жилкою; а она в Вас очень сильно бьется. О том, что Л. Н. отвечал Вам, я слышал. Он Вас очень высоко ставит, и в самом деле способности у Вас редкие, и Вам не надо удаляться от литературных занятий.

Искренно Вас любящий

Н. Лесков.

251

М. О. МЕНЬШИКОВУ

5 сентября 1893 г., Петербург.

«Пределы критики» — превосходно. Это, по обыкновению, очень умно и справедливо, но особенно тепло и благородно, и даже трогательно (например, 223 стр.). Очень радуюсь Вашим работам.

Читали ли: «Мимочка отравилась»? Где Вы живете теперь? Отчего не откликнетесь?

Павлу Александровичу скажите, что на сих же днях я ему пришлю первый «рассказ кстати» — опять из меррекюльских этюдов (про своих и чужих). Будет он называться: «У свиного корыта». Если не понравится, — пусть возвратит, но пока не знает, каков он, — пусть побережет для него место на 1 лист.

О Б⟨урени⟩не я думал, что он умнее и что он не позволит высвистывать себя как индейского петуха, выкрикивающего на посвист; а он, оказывается, совсем дураслив делается... Вот тоже опучительность, до чего может доводить самомнение! Он не только изнахальничался и опошлел, но уже и не способен различать, что с ним делают. Эта нынешняя игра их имеет забавную и характерную «задницу» (по-сербски). Ясниц тут что «медиум» на спиритическом сеансе, а «дух-вещатель» это, конечно, Ноздрев, живущий в благородной душе Атавы... Тот заводит Ясница; Яс⟨ниц⟩ свистит под его дудку, а знаменитый критик не видит, что из него делают шута, и на каждый посвист лопочет во весь голос, то краснея, то синея и «наливая соплю». Но впереди поражение ждет Ясница, ибо Б—н кончит тем, что изругает его по всем правилам своего искусства, и тогда мы увидим Ноздрева, которому все равно, кто бы кого ни обработал.

Н. Лесков.

252

А. И. ФАРЕСОВУ

16 сентября 1893 г., Петербург.

Достоуважаемый Анатолий Иванович!

Я получил Ваше взволнованное письмо, в котором Вы мне пишете, что писатель, которого я нахожу очень умным и хорошим знатоком своего дела, — Вам не нравится и в Ваших глазах не имеет ровно никаких достоинств. Припоминаю, что я и ранее как будто слыхал уже о нем от Вас нечто подобное, и укоряю себя в том, что по рассеянности сделал Вам новое указание на этого

человека. Сердиться за Ваше мнение не имею ни основания, ни причины. «Мнения свободны», и «так устроен свет, что где хоть два есть человека — есть два и взгляда на предмет». Почитать писателя малозначащим или многозначащим свободен каждый, но при столь резких несогласицах невозможно трактовать о данном лице или о данном сочинении... Это очевидно, и мы об этом писателе более говорить не будем, точно так же, как не говорим о «Палате № 6», которую я почитаю за прекрасное произведение, а Вы — за очень плохое. Никогда не должно спорить о том, что представляется двум людям совершенно несхожим.

Желаю Вам поправляться. Александре Адамовне прошу передать мой поклон. Я тоже немножечко простудился и чувствую душевное угнетение и безмолвствую.

Н. Лесков.

253

А. И. ФАРЕСОВУ

17 сентября 1893 г., Петербург.

Ничего не могу сделать для перемены своих убеждений насчет литературного значения Меньшикова: признаю его за человека очень умного, с большим знанием литературы и с выдающимися способностями к разносторонней критике и анализу. Таково же, как мне известно, и мнение Л. Н. Толстого, но если бы Л. Н. имел и не такое, а иное мнение, даже совсем противоположное и ближе подходящее к Вашему, — это бы на меня не оказало влияния. Мне надо не быть самим собою, чтобы отложиться от моего собственного разумения; а этого сделать нельзя, и я должен оставаться при своем понимании, за которое Вы, конечно, вправе меня осудить. Но *рассуждать* об этом мы не можем, так как мы *разно видим,* и потому нам не на чем сговориться. Так это пусть и останется.

Про Золя я охотно слушаю, когда говорят о его таланте и его манере писания, но говорить о его *уме* и критическом чувстве — мне кажется делом напрасным.

А вообще можно и должно держаться такого правила, что умных и даровитых людей надо беречь, а не швыряться ими как попало; а у нас не так. О нас Пушкин сказал:

Здесь человека берегут
Как на турецкой перестрелке.

Оттого их так и много! Меня, однако, литература больше терзает, чем занимает. Мне по ней всегда видно, что мы народ дикий и ни с чем не можем обращаться бережно: «гнем — не парим, сломим — не тужим».

Ваш покорный слуга
Н. Лесков.

254

М. О. МЕНЬШИКОВУ

18 сентября 1893 г., Петербург.

Уважаемый Михаил Осипович!

Посылаю записочку. Желаю, чтобы ее напечатали в газете. «Рассказ кстати» пишу, но он разрастается и меня мучит. Он будет листа в 2 с хвостиком, а Павел Александрович, кажется, таких хвостатых не любит... Будет он мяться, и захочется ему хвост «урезать», а сего ненадобе... А ко мне кучатся за работкою, и эта работка всем пригодна. А писана она à propos статей «Недели» о «Китайской стене». Называется же «Загон» и представляет картины того, что было «в загоне» при замкнутой китайской стене.

Пришли бы Вы, по дружбе, ко мне проведать меня да посоветовать мне: как быть с этою статьею? Не лучше ли ее отдать в «В⟨естник⟩ Е⟨вропы⟩» или в «Р⟨усскую⟩ м⟨ысль⟩», а для «Недели», может быть, напишется что-нибудь по«милиатюрнее».

Искренно Вас любящий
Н. Лесков.

255

М. О. МЕНЬШИКОВУ

11 октября 1893 г., Петербург.

Уважаемый Михаил Осипович!

Я Вам отдал рукопись, как человеку знающему толк в литературе, а получил письмо от В. Гайдебурова, которого литературности я не знаю. По болезни моей мне неудобно вступать в разговоры на письмах с человеком, который пишет к авторам, не удостоив даже дочитать данную ему рукопись. Посылаю Вам его глупое и неучтивое письмо, а рукопись мою прошу Вас возвратить Петру Алексеевичу Богословскому, который доставит Вам эту записку. Не позабудьте также и листочек, который я вчера послал Вам с посыльным.

Искренно Вам преданный и Вас уважающий

Н. Лесков.

256

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Ночь на 16 октября 1893 г., Петербург.

Сегодня вернулась от Вас Л⟨идия⟩ Ив⟨ановна⟩ В⟨еселитская⟩ и пришла меня навестить и долго и много о Вас рассказывала. По ее словам, она очень довольна своею поездкою, хотя опять с Вами не переговорила... Вот задача или незадача! Стасов от нас близехонько, и она к нему пойдет за синологом, а «кобеля потрясучего» кличут Виктором Петровичем. Живет он где-то в Поварском переулке, но № дома не знаю, и сам у него никогда не бывал. Ему можно писать в редакцию их издания (М. Итальянская, 18), но, впроч⟨ем⟩, Л⟨идия⟩ Ив⟨ановна⟩ послала в адресный стол за справкою и, вероятно, через два дня будет иметь возможность сообщить Вам его точный адрес. «О сем доволи». «Океан глупости», говорят, вывел Вас из терпения, и Вы хотите противо-

поставить этому отрезвление в немецком издании. Правда ли это? «Океан глупости» противен чрезвычайно, но благоразумно ли ставить свою ладонь против обезумевшего быка? Я ничего опасного не чувствовал в «Царстве божием» и теперь уверен, что сочинение это не может вызвать никаких нежелательных последствий; но писать протест и помещать его в немецком издании — это значит сделать вызов, и не одному лицу, а всей орде... Я не отрицаю пользы и славы такого поступка, но я думаю, что тут есть опасность, которой, может быть, следует пренебречь, но которую непременно надо считать вероятною и даже почти неизбежною. Поступок такого свойства вполне Вас достоин, но... Вы, говорят, недавно читали Герцена, так у него есть сравнение, в котором есть полное сходство с тем, что будет: «Вы явитесь в положении человека, который старается войти в здание в то время, как все оттуда выходят». Мы стары, и нам дорожить собою много не стоит, но надо все-таки знать, чего можно ожидать? А ожидать, по-моему, следует того, что всякое мстивство Вам может быть произведено не только в согласии с «обществом», но, так сказать, как бы в удовлетворение его желаний... К тому, что в «Царстве б‹ожием›» прежние читатели Ваши были подготовлены и освоены сочинениями, которые выходили ранее; но удар, направляемый в нынешнюю мету, произведет совсем новое и сильное впечатление. Вы без сравнения умнее меня и дальнозорче, но я все-таки хочу Вас просить «семь раз померить» то, что Вы хотите «отрезать». Но в принципе я Вам совершенно сочувствую. Если можно Вам об этом говорить со мною, то не пренебрегайте моим желанием знать: в каком фасоне это будет написано и в какое немецкое издание будет направлено? И почему именно в *немецкое*, а не в *английское*? Немецкое приводит целую ассоциацию идей, которые совсем неудобны у нас теперь, а за английскими изданиями держится репутация такая, что там находит себе место всякое благородное слово, которое нельзя у себя высказать.

Преданный Вам

Н. Лесков.

257
М. О. МЕНЬШИКОВУ

20 октября 1893 г., Петербург.

Я знаю, что делаю редакции затруднения вставками, и очень этим конфужусь, но фельетонный очерк должен отражать как можно полнее веяния минуты, и потому все, что в этом смысле картинно и характерно, то надо подать на блюде... Ведь это же и для редакции важно! Если только возможно, я прошу не оставить последнюю вставочку, а всунуть ее. Это все взято «с натуры», и все это бродит в обществе и дает живой колорит очерку «кстати». Пожалуйста, поставьте! Если затем необходима компенсация в виде лишения меня возможности просмотреть последнюю корректуру, то я уж лучше лишу себя этого, но вставочку прошу вклеить.

Николай Лесков.

258
А. И. ФАРЕСОВУ

26 октября 1893 г., Петербург.

Ап⟨остол⟩ Павел сказал одному мужу: «Многие книги в неистовство тя прелагают». И, видно, что было древле, то есть и днесь. Вы очень сердитесь, так, что становится и «за человека страшно». Ни Гольцев, ни Протопопов не дураки и не неучи, а люди умные, образованные и с определенными взглядами известного политического направления. Они все вопросы рассматривают с точки зрения *этого* направления, у которого есть очень много сторонников высокой пробы умственной и нравственной. Во всяком разе, это направление, которое *можно понимать* и обсуживать. Каблиц же поступал со всеми вопросами как крыловская «Мартышка» с очками: «То их понюхает, то их полижет, то их на хвост нанижет». Он все *вертел,* а *ничего* не объяснил и не доказал, и говорить о нем всерьез как о выразителе чего бы то ни было, кроме ломанья, — я не почитаю ни за возможное, ни за достойное затраты времени. По-моему, это такой был мыслитель, что изъяснять его нет никакой надобности и ника-

кой пользы. «Книги его прелагали в неистовство». Да поможет бог всякому человеку избежать этого. У нас и без того много неистовых. Он кончил достойным себя образом: шулера мысли признали в нем свои родственные черты и позвали его к себе «на совет нечестивых», и... он пошел... Комическое положение!

Я надеюсь, что мы об этом мыслителе говорить больше не будем. Для меня это навсегда «Мартышка и очки», и притом мартышка довольно противная. Поздравьте и меня с глупостью.

Н. Лесков.

259

А. И. ФАРЕСОВУ

28 октября 1893 г., Петербург.

Мне трудновато, Анатолий Иванович, вести переписку о таких вопросах, как «массовый подъем» или «герои и героическое», ⟨которые⟩ имеют преимущества ясности и положительности. Об этом написаны горы, и в числе судивших об этом лиц есть Карлейль, Спенсер, Милль, Морлей и другие, при которых нельзя же упоминать о Каблице или выставлять в многозначащем роде свое мнение... Его *иметь* можно, но с ним надо быть очень скромным. Вопрос этот из тех, которые человек великого ума называл «проклятыми». Массу надо поднимать, но она не поднимается массою... Что делать с этим «проклятием»? Я этого не знаю, и не сержусь на это, и не хвалю тех, кто «съел бы» людей иного мнения; а Вы мне это приводите... Для чего, спрошу? Мне это и не нужно, и неважно, и неинтересно. Свинья все ест, а человек должен быть разборчив в том, для чего он открывает уста. Я желаю понимать Карлейля в его теории «героизма» и совсем лишним почитаю всякое знакомство с литературною жвачкою маленького и почти совсем ничтожного человека в области мысли, о котором я не знаю, для чего Вы писали. Когда же Вы выставляете наперед свое и его мнения в убийственном по своей трудности вопросе, — я не нахожу ничего более пристойного, как привести слова Феста Павлу: «Книги

в неистовство тебя приводят». И как иначе! Что я должен думать о том, что Вы уже который раз попрекаете Гольцева тем, что он *«экс-профессор»*!.. Разве Вы не знаете, почему он *«экс»*? Разве его выгнали за дурное дело?.. Разве честные и умные люди могут приводить такие попреки? Стыдно Вам это, Анатолий Иванович!

Н. Лесков.

260

А. И. ФАРЕСОВУ

29 октября 1893 г., Петербург.

Все это так бы можно пустить, но Вы не раз, а *каждый* раз на слове и на письме стегаете этого честно пострадавшего человека тем, что он *«экс*-профессор». Это очень нехорошо и не делает Вам чести. Но еще хуже то: зачем Вы тогда негодуете на отношения Ф⟨лексера⟩ к Чернышевскому и Белинскому? Значит, Вы понимаете, что именно тут есть неуместного, но для себя Вы этим не стесняетесь. И за что? За то, что люди берут дело с другой стороны, чем юродивый К⟨абли⟩ц, и *утверждают выводы, сделанные Белинским и Чернышевским*! Вами просто овладевает «неистовство», и это самое лучшее, что можно сказать в Вашу защиту. Вы высказываете на людей *подозрения* — что они думают, когда пишут... Кто же Вам дал такое право разъяснять чужие *думы?* И в чем Вы могли увидать черные замыслы в статьях Гольцева и Протопопова, где сказана одна фактическая правда, и как раз сходная с тем, что писали Бел., и Черн., и Карлейль, и все великое множество умных людей, которые знают историю и видят, что «масса инертна», а успехи делаются немногими, способными идти вослед «героев» (Один, Кромвель, Лютер, Магомет, Христос, Будда). О чем Вы спорите-то? Это ведь не то, что хорошо или нет участвовать в издании экс-шпиона? А если хотите знать мое мнение, то не посердитесь за него: я Вам скажу, что Вы не столько обнаруживаете *любовь к истине,* сколько *любовь к шуму.* Это вредно для истины и не поведет Вас к успеху в литературе.

Совет Вам возможен один: меньше кидайтесь по верхам журналистики, где мало обстоятельности, а обратитесь к самостоятельным исследованиям. Почитайте хоть Гиббона. Иначе всё будете «шуметь» и не принесете делу пользы.

Н. Лесков.

261

А. И. ФАРЕСОВУ

30 октября 1893 г., Петербург.

Совершенно справедливо, Анатолий Иванович, что полемику о достоинстве суждений Каблица надо бросить. Еще бы лучше было ее не начинать, потому что человек этот *как мыслитель* — только смешон и жалок. Вы процитировали много имен, и все они говорят и то и другое; а хоть бы они говорили ни то и ни другое, то всегда останется ясным, что «не все желудки способны варить одну и ту же пищу», и отсюда у Сократа, у Оригана и у Августина получили свои права учения «исотерическое» и «экзотерическое», то есть более полное и менее полное (для людей менее понимающих). Писемский шутя предлагал таких умников, как Каблиц, «посадить в пивную, чтобы там сказал: како верует?» Пустым делом мы с Вами занимаемся. А Гольцев и Протопопов не невежи, а люди, которые в литературе не говорят ничего к помрачению совести и понятий. Я кончил.

Н. Л.

262

Л. Н. ТОЛСТОМУ

1 ноября 1893 г., Петербург.

Высокочтимый Лев Николаевич!

Вчера мне случилось видеть «заведующего общежитием студентов» (зятя Бем), и он рассказал мне, как шли «беспорядки» из-за разномыслия в посылке депеш

в Париж («заведующий» этот — такой, какой к этому месту сроден и нужен). Было так: хотели послать депешу очень немногие, а *против* посылки были все поляки, все немцы и «мелкие народцы», то есть эсты, литвины, хохлы и евреи. Русские же партизаны делились по факультетам: юристы и филологи подписали в количестве 96-ти человек, а остальные *не* подписались. А естественники и математики *все не* подписались. Немцы отвечали прямо, что они «не хотят» посылать депеши; поляки вначале давали уклончивые ответы, но потом тоже стали прямо говорить, что «не хотят», мелкое рассеяние уклонялось от ответов и от подписей. Окна действительно били, и междуусобная потасовка была начеку. Тогда и были приняты «меры», о которых рассказчик не сообщил, и затем депеша «от студентов» составлена и послана ректором Никитиным. Ответа на нее нет, и это «заведующий» объясняет тем, что в Париже не только знали о разномыслии студентов, но и еще того более: будто бы студенты через Берлин или другой заграничный город телеграфировали в Париж, что они этим празднествам не сочувствуют.

Сообщаю это Вам для Ваших соображений и еще раз повторяю, что «заведующий общежитием», зять Бемов (Барсов), — человек, который удостоен своего поста по своим заслугам, но рассказ его я принимаю за верное и сам на него полагаюсь.

На торжестве Григоровича не был. Описания, вероятно, читаете. Письмо Ваше, говорят, было встречено с очень благородною серьезностью и напутствовано живым, как бы демонстративным рукоплесканием. Кони переселился ко мне в соседство и хочет «стучаться вечером», чему я, конечно, рад. Лидию Ив⟨ановну⟩ видел вчера. Она пишет нечто для Гуревич. Я написал нечто для «Недели», и это уже набрано, но как-то пугает всех, и потому не знаю: выйдет это или нет. Называется это «Загон». По существу это есть *обозрение*. Списано все с натуры. Если выйдет это, то, пожалуйста, прочитайте и скажите мне: безвредно это или вредно. Мне не нужно похвал, а нужно проверять себя по суду того, кому верю. Не в том дело, мастеровито ли это, а в том: есть ли сие на потребу дня сего? Мне ведь тоже говорят и так и иначе; а я один, слаб и умом шаток. Обозреньице это

читают в корректуре люди разные и кое-что мне возражают, что будто этого не надо бы; а другие говорят «надо»; и в числе этих редакция «Недели», а я сам уверен так, что это представить стоило, и вреда я ничему доброму не делаю. Посмотрите, пожалуйста, и Вы.

Преданный Вам
Н. Лесков.

263

Л. Н. ТОЛСТОМУ

2 ноября 1893 г., Петербург.

Высокочтимый Лев Николаевич!

В «Вестнике Европы» за ноябрь м⟨есяц⟩ ⟨18⟩93 года, в XV статье, начин⟨ая⟩ стр. 393-й, под рубрикою «Иностранное обозрение» напечатаны очень дельные характеристики «океана глупости» и выражены мелкие замечания и соображения о «русских журналистах в Париже». Все это, конечно, суховато и в докторальном тоне, но справедливо и хорошо. Считаю не излишним на всякий случай указать Вам на это, так как Вы, кажется, «В⟨естни⟩ка Европы» не получаете. Во всяком случае, хорошо, что хоть откуда-нибудь послышался человеческий голос, а не одно повсеместное скотское блеяние наших «делегатов».

За день до юбилея Гр⟨игорови⟩ча сюда приезжал из Москвы Гольцев и был у меня прямо с поезда и планировал посетить того и другого и возгласить здравицу «кавалеру»; но я его более уже не увидал, так как ночью прилетели к нему ангелы и умчали душу его обратно в Москву, и так все, что он придумал сказать дорогому имениннику, осталось в нем... Сегодня он пишет мне уже из Москвы, что и там был визит его семейству и у его семейных спрашивали: «всегда ли он ночует дома и *часто ли не ночует?»* Гольцев очень обижен.

Суворин возвратился вчера утром (на другой день после производства Гр⟨игорови⟩ча в кавалеры). Я его не видел. Гайдебуров еще не показывает глаз. Может быть, ему будет немножко стыдно, так как я его

уговаривал не следовать примеру пошлости и не ехать в Париж, и то же ему говорил Меньшиков, но он не послушал нас и Меньшикову сказал на словах, а мне даже *написал,* что «только посмотрит, а делегатом не пойдет и никаких оказательств делать не будет»... Есть такое его письмо, но и я и М⟨еньшиков⟩ этому, конечно, не верили, и «Гайдебуров Павел себе чести сбавил». Сегодня в «Новостях» классический Модестов изъясняет серьезное значение образовавшегося «союза народов» и выводит рост русского общества... Очень пошло, но любопытно для объема профессорского понимания. Я теперь не беспокоюсь более о том, что написал для «Недели». Пусть посмотрят на этот «рост». Пока еще нет известий, выберется моя статья на свет или не выберется.

Преданный Вам

Н. Лесков.

264

Л. Н. ТОЛСТОМУ

14 декабря 1893 г., Петербург.

Высокочтимый Лев Николаевич!

Покорно Вас благодарю за Ваши строки о моем «Загоне». Я очень люблю эту форму рассказа о том, что «было», приводимое «кстати» (à propos), и не верю, что это вредно и будто бы непристойно, так как трогает людей, которые еще живы. Мною ведь не руководят ни вражда, ни дружба, а я отмечаю такие явления, по которым видно время и веяние жизненных направлений массы. Но мне самому очень важно знать, что и Вы этого не порицаете. Я иду сам, куда меня ведет мой «фонарь», но очень люблю от Вас утверждать себя и тогда становлюсь еще решительнее и спокойнее. К сожалению, моих «à propos» *негде* печатать. Г⟨айде⟩б⟨уров⟩ не только их боится, но еще и страх накликает, и я продолжать эту работу не могу. Тем, что Вы пишете по поводу флотских визитов, я заинтересован до крайности. Правда, что это как будто поздновато будет, но ничего: дельное слово свое возьмет.

Зима стоит мягкая и влажная, и это мне на пользу: я не испытываю таких мучений, каким подвергался в прошлом году. Поехать в М⟨оскву⟩, чтобы повидаться с Вами, очень желаю и надеюсь; а удобное время к тому только на святках, потому что я один ехать не могу (может сделаться припадок сердечной судороги), а сиротка моя свободна только на святках. А она знает мою болезнь и не теряется, а умеет делать, что надо.

Теперь в Москве должен быть наш очень умный Меньшиков, и Вы с ним, конечно, уже беседуете. Статьи его все очень хороши, а «Работа совести» — превосходна. Я Вам писал о ней. Посылал я Вам тоже кое-какие вестишки как материал, быть может годный для занимающей Вас работы. Надеюсь, Вы получили все мои письма.

О Х⟨ил⟩кове я все знаю, и это отравляет мне весь покой. Хуже всего это — как к этому относятся люди нынешнего общества, совсем потерявшего смысл и совесть. Говорят об этом очень мало и всегда — вяло и тупо и с таким постановом вопроса: «Это-де как смотреть — *с какой точки зрения*». И всегда, разумеется, устанавливаются на такой точке, с которой родители «сами виноваты». Для меня это так несносно, что я со многими перестал говорить, чтобы себе и им крови не портить. И главное тут еще то, что мать Х⟨илко⟩ва начала это «с благословения Пержана», а Пержан что ни спакостит, то все «свято». Вот он когда сквитовался с Х⟨илко⟩вым за сцену в Сумах!.. Теперь, впрочем, все «mesdames» успокоены, что «по крайней мере деток очистят, а то они в чесотке». Не могу про это говорить более и удивляюсь нечеловеческому самообладанию дам и поэтов. Еще слышно, взяли детей у Паниной, которая тоже в церкви не венчана, и дети ее не обмокнуты. Я ее не знаю, но говорят, будто она женщина бойкая, пылкая и мстивая... Спаси ее бог от большой напасти. И вот, вообразите же, никто из «противленцев» не возвысит голос и *с своей точки зрения* не оценит, как это *опасно* — отрывать детей от сердца матери. Тупость мешает это представить себе, а одно слово, что «отец И⟨оанн⟩ благословил», — все примиряет. «Так и надо». Я кипячусь и ссорюсь, и иначе не могу, и даже, кажется, не хочу иначе. У всех так и поперла поповская отрыжка. И даже те, от кого этого не ждал бы, — все на одну стать

сделались. Невыносимо грустно, мучительно и противно и в лад слова сказать не с кем,— вот как живу. Удушливый гнев и негодование по крайней мере поддерживают дух и не дают места унылости.

Читаю всего более «Письма Сенеки к Люцилию». Не хожу *ни к кому,* потому что везде один тон. — Одновременно с Вашим письмом вчера получил письмо из Москвы от «редакции Иогансона», у котор⟨ой⟩ есть редактор, неизвестный мне Вас. Евг. Миляев, и ему вздумалось издать «сборник»... Он нацеплял «имян» и меня туда же тянет, но Вашим именем не хвастается... Верно, Вы смужествовали, и я последую Вашему примеру. Остепенять надо этих затейников, которые лезут, сами не зная куда и зачем.

Преданный Вам

Н. Лесков.

265

Л. Н. ТОЛСТОМУ

15 декабря 1893 г., Петербург.

Высокочтимый Лев Николаевич!

В последнем письме моем к Вам я сказал в одном месте, что Вы теперь, верно, уже беседуете с Мих. Осип. Меньшиковым. Это я написал потому, что М⟨еньшиков⟩ совсем собрался ехать в Москву, и я уже пожелал ему счастливого пути и радостной встречи с Вами; а он вчера пришел ко мне неожиданно и объявил, что сборы его рассыпались и он не поедет за редакционною работою, которой теперь очень много. Я Вам это и пишу, чтобы объяснить соответствующее место в моем прошлом письме и не явиться перед Вами легкомысленником. — Вчера получил известие от великосветской дамы (кн. М. Н. Щербатовой), что рассказы старой Х⟨илко⟩вой о заразной нечисти на детях Дм⟨итрия⟩ Ал⟨ександровича⟩ не подтвердились: чесотки нет; а цели для отобрания их две: 1) окрестить и 2) усыновить и укрепить за ними наследство. Обе эти цели встречают почти всеобщее одобрение, — особенно вторая, то есть закрепление

наследства. Говорят тоже, что будто «потом детей возвратят», но я думаю, что это «потом» будет очень не скоро. Вообще мероприятие это принято с ужасною тупостью ума и чувств. Есть даже «благословляющие» и уверенные, что «этим путем будет спасен и *отец,* который возвратится к богу». И это не у одних православных, а и у пашковцев. Ругин (Ив. Дм.), перешедший к пашковцам (он «уверовал в спасение»), вчера принес мне известие, что у них тоже радуются, что Дм⟨итрий⟩ Ал⟨ександрович⟩ «придет», и уже молились «за него и *за Вас*», — чтобы и Вас б⟨ог⟩ «привел». Слушаешь будто что-то из сумасшедшего дома. Было «пророчество» и на Марью Львовну — что она тоже «придет» и «будет спасена», и т. д. — Сентиментальное место у Жуковского о смертной казни я нашел: это в 6-м томе 6-го издания (1869 г.), начиная с стр. 611. — Приспосабливаюсь этим воспользоваться.— Происшествием с Х⟨илко⟩выми удручен до изнеможения сил и не могу, да и не хочу, приходить в иное состояние, ибо *это* почитаю теперь за самое пристойное. Какие рассуждения при такой скорби? Если все будет идти так, то лучше ни с кем не видаться, чем прилагать мученье к мучению. — У Сенеки встречаю много прекрасных мест о «неделании», и все это изложено в восхитительной ясности. Вспоминаю Вас за этим чтением. Об ответах на мои письма никогда не прошу Вас, но если получаю Ваши строки, то бываю ими утешен и обрадован, а нередко и укреплен, — в чем постоянно и сильно нуждаюсь.

Преданный Вам

Н. Лесков.

266

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

21 декабря 1893 г., Петербург.

Уважаемая Лидия Ивановна!

Посылаю Вам «Стальную блоху». Если мы с Вами и раззнакомились, то это не мешает, чтобы у Вас была моя книжка, за которую притом я денег не платил

и продавать ее не понесу. Примите ее, пожалуйста, по старой памяти и дайте Вашей маме — почитать больному генералу, который, вероятно, найдет тут что-нибудь знакомое и, может быть, улыбнется. В наши с ним годы и это чего-нибудь стоит. — В отношении нашей с Вами разлуки ничего не скажу, как то, что «все искреннее лучше всего неискреннего». И хорошим людям порою бывает друг с другом «тесно», и это так надо и оставить, пока покажется (если покажется) кому-нибудь по ком-нибудь «скучно». Я уже говорю всем, кто меня о Вас спрашивает, что я Вами презрен и покинут и вполне того стою, но умышленного рачения о сем не прилагал.

Желаю Вам всего полезного и доброго.

Н. Лесков.

1894

267

М. О. МЕНЬШИКОВУ

12 февраля 1894 г., Петербург.

Уважаемый друг!

Статья Ваша о моем XI томе вышла в тот день, когда у меня собирался консилиум и когда я был особенно взволнован. Я ее прочитал и не сразу мог ее оценить. Сразу я увидал только, что Вы человек смелый и искренний и ставите меня значительно выше, чем я в самом деле стою. Я был очень обрадован Вашею смелостию и искренностию, которые, к сожалению, встречаются очень редко. Потом я увидал, что эта милая мне по своей доброжелательности статья написана в самом деле как бы не Вашею рукою и даже в чуждом Вам тоне и манере... И мне стало и больно и смешно: раз во всю мою рабочую жизнь (за 35 лет) один только истинно умный, честный и мужественный человек захотел и решился говорить обо мне без «картавки», и тут надо было, чтобы у него «рука развелась»!..

«Это замечательно!» — как говорят в «Первой мухе», но это и хорошо. Это почему-нибудь так надобно. Статья останется мне воспоминанием Вашей отваги и доброй ко мне приязни; она мне очень лестна, и в ней есть превосходные места о темпераментах; но она написана М⟨еньшико⟩вым больным или усталым, и в ней есть даже одна несправедливость против меня, и притом очень меня уязвляющая: выводя низкие типы нигилистов, я дал, однако, в «Некуда» Лизу, Райнера и Помаду, каких не написал ни один апологет нигилизма. Это нехотя замечали мои клеветники; а Вы этих лиц вовсе

не отметили. И я, больной, все думаю, что это так было и надо. И мне все хочется обнять Вас и благодарить за Ваши добрые чувства и за отважную попытку поддержать меня, а на письме изложить все это трудно. Репину при трех попытках не удалось написать моего портрета, а Вам не задался литературный очерк обо мне. Значит, так и надо. Я хотел бы, чтобы Вы только верили, что я высоко ценю Вашу дружбу, люблю Вас и очень Вам благодарен за то, что Вы говорили обо мне с такою искренностью, какой я не позабуду.

Искренно Вам преданный
Н. Лесков.

268

С. Н. ТЕРПИГОРЕВУ

22 февраля 1894 г., Петербург.

Любезный друг Сергей Николаевич!

Очень тебе благодарен за внимание и за приглашение к обеду, но быть не могу. Вот уже пять лет, как я нигде, кроме дома, ничего вкушать не могу. И это не потому, что так меня научила известная тебе Фермуфия, а потому, что я очень болен и не могу есть ничего, приготовленного для людей здоровых. Притом же и все сказанное тебе о моей поправке неверно и даже прямо ложно: я поправился настолько, что по совету Чудновского выезжаю среди дня *на полчаса* прокатиться, и от этого мне лучше; но затем, после этой прогулки, я возвращаюсь и лежу в молчании и тишине. Про такую поправку и говорить бы, думается, не для чего.

Читаю твои фельетоны и не то чтобы защищал их (ибо они не нуждаются ни в чьей защите), но часто их изъясняю и отстаиваю (ибо это бывает нужно). Пишешь ты однообразно, но верно и хорошо, и знаток быта это должен понимать; но ужасно видеть: для чего ты всегда гадишь роль «резонера», в которой выводишь себя!.. Зачем это он у тебя все ехидствует и ухмыляется и никак не может взять ни при одном случае тон иной, более достойный и соответствующий положению вещей и идей?

«И истину царям *с улыбкой* говорить» уже стало пошло; а у тебя твой резонер уж и с исправником зубы точит!.. Что же это за манера? И выходят *все* очень хороши, кроме... тебя самого, от которого отдает чем-то семинарским и пошловатым. Неужто ты думаешь, что при каком-нибудь уважении к себе неглупый человек станет хихикать с таким исправником, а не поставит его просто на пристойное от себя расстояние, как ставят иногда и твоего сенатора и Баранова! Это тебе стыдно так писать и через это давать ложное освещение всей картинке, которая во всем остальном прекрасна. «Истины» пора говорить без улыбок, и это можно, а еще более — *это должно.* Писатель не должен подавать пример отсталости в отношениях.

Очень хорош твой бр⟨ат⟩ Симолин! И хорошо общество, где такой экземпляр возможен. — Желаю тебе всех благ.

Н. Лесков.

269

А. К. ЧЕРТКОВОЙ

2 марта 1891 г., Петербург.

Вчера неожиданно получил от Вас, Анна Константиновна, прекрасное, доброе письмо и был им очень тронут и благодарю Вас за него. Все, что Вы написали, сродно и близко моему пониманию, и мне совершенно легко отвечать Вам на это. Без сомнения, я вполне уважаю и люблю Вас и Владимира Григорьевича, в котором есть много такого, что следует и любить и уважать, но я боюсь, что при сближении его со мною в нем опять пробудится его беспокойство, и «выйдет последняя вешь горше первыя» (так как и я теперь предубежден против него и могу впадать в подозрительность там, где для нее, может быть, нет и места). Но никакой неприязни к Вл. Гр. я не питаю, а, напротив, люблю его и находил бы удовольствие с ним видеться и беседовать. Если он будет в П⟨етер⟩б⟨урге⟩ и застанет меня здесь, — я усердно прошу его навестить меня, и, я надеюсь, мы с ним встретимся братски. Болен я был долго и очень тяжело,

и теперь, конечно, не пользуюсь здоровьем, которое, без сомненья, непоправимо. Дух же мой порой бывает бодр, а иногда унывает и раздражается. Стараюсь содержать его в лучшем порядке, но далеко не всегда этого достигаю. Болея сами, Вы, вероятно, знаете, как это колеблется. Больной я почти постоянно был одинок и привык почитать это не за самое худшее. Люди приносили много суеты, до которой мне становится все меньше и меньше дела. В размышлениях своих о душе человеческой и о боге я укрепился в том же направлении, как и верил, и Лев Николаевич Толстой стал мне еще более близким единоверцем. Думаю и верю, что «весь я не умру», но какая-то духовная постать уйдет из тела и будет продолжать «вечную жизнь», но в каком роде это будет, — об этом понятия себе составить нельзя здесь, и дальше это бог весть когда уяснится. Мне очень понравилась фантазия Короленки «Тени», присоединенная в конце к книжечке о Сократе. Я тоже так думаю, что определительного познания о боге мы получить не можем при здешних условиях жизни, да и вдалеке еще это не скоро откроется, и на это нечего досадовать, так как в этом, конечно, есть воля бога. Зимою я был смущаем не раз доходившими до меня вестями о том, что будто Л. Н. допускает сильные изменения в своих верованиях; и я огорчался и сожалел, что это породит смущение в других. Нечто такое и сталося, но потом я увидел, что это могло произойти от «ревности не по разуму», которую являют иногда то те, то другие. Позже это на меня навеяло усталость и раздражение, которых я испугался и почел за лучшее очень много сократить свою сообщительность и найти покой в тишине «благого молчания». И я уклоняюсь от «ревнующих», и это мне дает покой; а к Л. Н. в сердце своем я питаю еще сугубую любовь и вполне с ним единомыслен в предметах веры, для чего и получаю себе в его словах уяснения и поддержку. Чувствую однако, что лучшее, поэтическое время духовной жизни прошло и теперь настала иная пора, когда надо делать, а не говорить. Сюда по зиме приезжал Поша, и говорил он столько, что мне показалось, будто он говорил много и что это говорение стало уже не ко времени, и оно не полезно, а вредно; и мне это очень не понравилось, и я это ему, разумеется, ска-

зал. Я бы лучше хотел, чтобы дело зрело в тиши, как семя, а не было уронено и доведено до смешного, и мне кажется, я понимаю положение и что я хочу полезного. Повестей Льва II и г-жи Гуревич я тоже не одобряю, несмотря на всю их строгую нравственность. Это само по себе болезнь.

Благодарю Вас за доброе письмо и кланяюсь Владимиру Григорьевичу.

Ваш *Н. Лесков.*

270

М. О. МЕНЬШИКОВУ

10 марта 1894 г., Петербург.

Уважаемый друг Михаил Осипович!

Очень Вам благодарен за то, что обещаете позаботиться о моем «глаголемом» Петруше. Я его знаю с детства его и смело рекомендую его в Ваше благорасположение. Он парень с толком, с характером и с очень теплой и нежной душою. Страстная любовь его к литературе очень велика, и он всегда стремился к этим занятиям. Для секретарства в редакции он человек очень пригодный и, по-моему, — золотой (скор, точен, неутомим и толков).

За книгу Гильти премного Вам благодарен. Она действительно превосходна, и я начал читать ее уже во второй раз, и с огромным удовольствием и с согласием. А «Инхиридион», или «Руководство» Эпиктета, который (то есть Инхиридион, или Энхиридион) известен мне по переводу Григорья Полетики (напеч. в 1767 г.), у Гильти переведен весь, и этот перевод, конечно, во всех отношениях лучше старого перевода Полетики.

Если (может статься) Вы найдете достойным воспроизвесть перепечатанный сегодня «Нов⟨ым⟩ временем» анекдот о Тургеневе, то не сочтете ли за полезное указать со ссылкою на меня, что это было в приемной у Дмитрия Андр⟨еевича⟩ Толстого и штуку эту проделал дежуривший у него синодальный чиновник Петров, который вслед за тем проворовался и умер. Но важно то, что ему

ничего не «попало», как переврал интервьюер, а что Дм. Толстой всегда смотрел «распределение приема» и, стало быть, видел, что тот своей хамской лапой поставил Тургеневу № после всех столоначальников (или делопроизводителей)... Это все вполне верно, и происходило это в бытность Толстого об⟨ер⟩-пр⟨окурором⟩ синода и министром народн⟨ого⟩ просвещения.

Не позабудьте пособить Петру Ильичу! Он, кажется, надул себя, бедняга!

Я возвышаюсь до чрезвычайности! Был у меня Третьяков и просил меня, чтобы я дал списать с себя портрет, для чего из Москвы прибыл и художник, Валентин Алекс⟨андрович⟩ Серов, сын знаменитого композитора Александра Н⟨иколаевича⟩ Серова. Сделаны два сеанса, и портрет, кажется, будет превосходный. Не найдете ли любопытным заглянуть? Проработает он еще с неделю и затем увезет портрет с собою в Москву.

Ваш *Н. Лесков.*

271

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

11 марта 1894 г., Петербург.

Уважаемый друг!

Письмо Ваше так меня тронуло, что я сейчас же хотел на него отвечать, но в это мгновение пришел некто, прилипчивый как банный лист, и я письмо Ваше спрятал к сердцу, где и проносил целую неделю. Простите! За слова приязни и участия сердечно Вас благодарю. Болен был очень, так что я сомневался в возможности «отсрочки», но она последовала; «яблонь вновь окопана», и садовник, вероятно, еще ожидает плодоношения... Теперь пока ползаю, как выходящая из окоченения муха, и кое-что делаю для «Русской мысли». Я это помню и «стараюсь». Прошу Вас об услуге: нельзя ли мне получить от Кушнарева (конечно, за деньги, только не за анафемские) экземпляр «Декамерона» без выпусков, сделанных ради русского пуризма? Или об этом

надо просить Веселовского? В таком разе: где его адрес и как его звать? Но нельзя ли Кушнареву быть ко мне милостивее и уладить дело попроще?

Преданный Вам
Н. Лесков.

272

М. О. МЕНЬШИКОВУ

27 марта 1894 г., Петербург.

Усердно Вас благодарю, Михаил Осипович, что обороняете меня от озорства Шубинского. Сказанное сегодня очень хорошо и вполне довлеет злобе его. Больше ничего и не нужно. А для Вас скажу, что это за человек этот Шубинский (известнейший сплетник и интриган): он три года неотступно приставал ко мне, чтобы я дал ему что-нибудь, и делал это и при Суворине, и при Коломнине, и при Ефремове; а когда я ему ничего не хотел даже пообещать, — он взял и выкинул вот эту штуку, которую я, однако, не почитаю для себя за вред, но почитаю за неприятность, потому что семинарист, руководимый этим генералом интендантского ведомства, могут написать что-нибудь в духе, противном тому, что я почитаю за благо и в чем хочу быть соединен симпатиями тех людей, которых я люблю и уважаю.

Очень Вам благодарен за дружескую услугу.

Ваш *Н. Лесков.*

273

М. О. МЕНЬШИКОВУ

8 апреля 1894 г., Петербург.

Уважаемый Михаил Осипович!

Посылаю Вам «писемце» очень милой дамы, которая пишет мне про Вас. Прочитайте. Это любопытно и приятно.

Прочитал я Вашу статью о старых и молодых писателях.

Совершенно верно, что к молодым предъявляются требования несправедливые.

Я это однажды уже высказал (за Чехова и Короленко), и именно в этом же самом духе и направлении. Не знаю только: кто же это из старых писателей их унижает? Мне кажется, что это делает только один из критиков, которому я и отвечал и тем его обозлил. И Григорович и Боборыкин очень хвалят Чехова! Вообще молодым их положение досталось легко и без боя (если не считать г. Буренина, который не одних «молодых» унижает).

На кого и на что именно Вы указываете в стороне «стариков», мне, к сожалению, неясно, и мне досадно будет, если и другие старики не окажутся проницательнее меня.

Жаль и то, что Вы оставили совсем необозначенным: в каком бы настроении надо было писать, чтобы выходило «то, что нужно»! Что до меня, то я давно себе это решил и покоен: я смерял мои силы и окинул глазом работу, и увидал как раз то, что видел Каульбах: «Вижу, что в храме торгуют и что торговля мешает быть в храме тому, что должно быть там». И понял я, что прежде всего надо выгнать торгующих в храме и вымести за ними их мусор, и тогда, когда горница будет подметена и постлана, — придет в нее тот, кому довлеет чистота, и нет ему общения с продающими и покупающими. И я взял метлу и все выметаю мусор и гоню к выходу торговцев, и почитаю это за мое дело, которое я умею и могу делать, тогда как другого, большего, я не умею делать и если бы взялся за него, то сделал бы его худо и не принес бы даже и той пользы, которую, может быть, принес, поталкивая торговцев и выбрасывая их помёты за церковный порог. О деятельности своей я думал так и так ее и веду, и ничего более крупного и полезного я делать не умею и не могу; а по тону — и не обязан и не должен. Вы в этой статье не ясны и едва ли вполне справедливы.

Преданный Вам

Н. Лесков.

274

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

10 мая 1894 г., Петербург.
С 15 числа — Меррекюль.

Уважаемый Виктор Александрович!

Благодарю Вас от души за содействие к получению бесцензурного «Декамерона», благодарю и Ивана Николаевича Кушнарева за подарок этот. Очень ему признателен. Посылаю сегодня в редакцию давно обещанную рукопись. Называется она «Зимний день». Содержание ее живое и более списанное с натуры. Как я чувствовал «Некуда», — так будто предощущал и «сологубовское сосьете». Счетом это будет теперь уже восьмая вещь из всех мною Вам предложенных и напечатанных потом в других изданиях (8-я потому, что в страстную субботу «Пет⟨ербургская⟩ газ⟨ета⟩» напечатала «Сошествие во ад», оттиск которого Вам посылаю). Посмотрите эту брошюрку: там любопытно, как наслояется легенда о воскресении. По-видимому, все это шло путем шантажа с архиереем. Это меня и интересовало и теперь многим кажется очень замечательным. Что такое у Вас видели «невозможного» в этом этюде, — решительно не понимаю. Был у меня ⟨1 сл. нрзб.⟩ М. А. Протопопов и имел со мною разговор о деле постороннем, но касалась речь и его разлада с «Русской мыслью». Как это сугубо жалко! Неужто тут ничего нельзя поправить! Он, положим, шероховат и не покладист; против этого и слов нет, но и у Вас тоже хороши редакционные приемы... «Здесь человека берегут, как на турецкой перестрелке»... А тоже не много, кажется, кем неглижировать осталось! Мне очень жаль, что Прот. нет у Вас более. Нельзя ли как-нибудь попосредничать к реставрации его в журнале? Я бы очень об этом постарался. Справьтесь о получении рукописи «Зимний день».

Н. Лесков.

275

М. О. МЕНЬШИКОВУ

18 мая 1894 г., Петербург.

Усердно благодарю Вас за присланный пакет из Венгрии. Кому-то нужен мой портрет и подпись. — Нахожу себя в долгу перед Вами ответом на одно письмо, но не отвечал на него потому, что не могу отвечать. Оказывается, что у меня была ошибка: я думал, что мы гораздо солидарнее, чем это выяснилось, а спорить напрасно. «Благое молчание ни в чем не вредно». А потому и покроем все оное «благим молчанием».

Отчего Вас, а не Гайдебурова звали в комитет? Они не имеют права, да и не имели и привычки призывать лиц, не имеющих официального редакторского значения. Это бывало при «Незабвенном», но давно вывелось и казалось уже невозможным. Неужто опять реставрируют! И кто же, и с кем!.. Зачем Вы позволили им осуществить это вожделение? Я этим, признаться, смущен. Что Вам-то за дело выслушивать их «внушения», да еще «строжайшие»? Мне думается, что Вам совсем не надо было ходить к ним.

Я остаюсь в городе до 23-го, а потом уезжаю в Меррекюль. На всякий случай, адрес мой просто Меррекюль и ничего более. От Л. Н — ча имел письмо вчера. Там все благополучно.

Искренно Вам преданный

Н. Лесков.

276

В. М. ЛАВРОВУ

26 мая 1894 г., Меррекюль.

Многоуважаемый Вукол Михайлович!

Сегодня я получил Ваше письмо, в котором Вы пишете, что пришлете мне сюда, в Меррекюль, Ваши переводы с польского языка. Я очень благодарю Вас за этот приятный подарок, так как я не все эти переводы читал, а очень хочу их прочесть; а в городе на это никак

не устроишься. Усердно Вас благодарю за это. Что же касается наших отношений, то они никогда не мешали мне быть вполне расположенным к Вам и к Вашему изданию, которому я желаю доброго успеха, и очень рад, если могу ему пособлять в этом.

Теперь, кстати, просил бы Вас о двух вещах:

1) Чтобы контора сообщила мне сюда: как стоят мои счеты с журналом?

и 2) Чтобы Виктор Александрович дал мне помощь — отыскать адрес московского художника Валентина Александровича Серова, который постом этого года написал мой портрет для П. М. Третьякова. Я выехал из Пб — га, не снявши с себя удовлетворительной фотографии, а имею необходимую надобность послать портрет «Венгерской иллюстрации», которая просит об этом. Я прошу Серова прислать мне фотографию с того портрета, который он написал. Можно ли этого достичь или нет? Пожалуйста, помогите мне все как можете, чтобы я не выходил перед чужими людьми манерником и кривлякою, которому будто хочется, чтобы его просили, а он будет ломаться. Если Серова нет в Москве, то нельзя ли мне сообщить адрес Третьякова.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

277

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

4 июня 1894 г., Меррекюль.

Сегодня получил от Вас, уважаемый Виктор Александрович, письмо «со шпилечкой» (как говорил лихой памяти м⟨итрополит⟩ Филарет). Решил последовать тому мудрецу, который «на свой счет ничего неприятного не принимал». С какой стати, взаправду, подумал я, будто это я «сплетничаю»! Я мир люблю и люблю попробовать водворить мир, если это возможно. Я знаю по опыту, что множество неладов возникают именно от недоразумений, которые не могут устранить стороны заинтересованные, а человек посторонний может принести пользу. И он тогда называется не «сплетник», а миротворец, и он «блажен»

даже тогда, если на него сердятся и обижаются. А Вам могу сказать с Луцием: «Мой милый, не суди так строго!» М. А. П⟨ротопоп⟩ов, которого я видел раз в жизни, парень неуживчивый и угловатый; а вы, братцы мои, — русские мыслители, — с своим ⟨...⟩ «стилем» в деловых письмах и всякого-то человека не успокоите, а приведете в «три волнения». Я его, впрочем, не оправдываю, но жалею, что его не будет в журнале, потому что он все-таки пишет занятно и довольно умно, а порою и очень умно. Но если он Вам не к масти, то, разумеется, говорить о нем нечего. А я так думаю, что у него очень велик «павлин в голове», а Ваши старцы сели за ставцы и не хотят подумать, что у человека бывает «головное воображение» и оно потом проходит. Вы вот Каткова не любите, и это хорошо: а зачем Вы не замечаете, сколько у вас на хозяйстве есть катковского духа! Так он отбил от себя Тургенева, Писемского, Марка Вовчка и проч. Все это было по недоразумениям старцев, которых нельзя было достать из-за ставцов. И этим иногда можно достичь того, что совсем не в пользу изданию. — Корректуру в половине июля прошу прислать, и непременно в двух экземплярах. Я ведь ужасный копун и все должен себя выправлять да разглаживать. Я написал для барышни в «Зимнем дне» сценку, которая мне нравится, и я ее должен вставить. Это из того, что говорил Н. Н. Ге, и это образно и важно для «духа времени». Другая рукопись теперь уже совсем готова, но пусть она полежит у меня до корректур «Зимнего дня». Тогда они придут к Вам вместе. Усердно благодарю Вукола Михайловича за его книжки, которые я получил и читаю.

Посылаю Вам свою карточку, отпечатанную в Петербурге с негатива, сделанного Бем здесь в Меррекюле. А «сплетником»-то все-таки не считайте, а сочтите «миротворцем», и не судите строго, и катковского приема в сношениях «огробайтеся». Пр—ва надо жалеть, и нельзя не жалеть! Видите, чай, куда его «головной павлин»-то затащил! Если бы надо было выщипнуть перо-другое и у своего павлина, лишь бы не допустить человека до такого якшательства, я бы, кажется, не почел это для себя ни за какое унижение.

Ваш *Н. Лесков.*

278

В. М. ЛАВРОВУ

28 июня 1894 г., Меррекюль.

Многоуважаемый Вукол Михайлович!

Сегодня я получил письмо от Третьякова, что он пришлет мой портрет работы Серова Вам в редакцию, а Вы поручите фотографу, что с него снять, а потом отошлите опять портрет Третьякову или куда он укажет. Сделайте милость, примите это под свою благопопечительную опеку и сделайте так, как Вас просил: то есть пошлите один хороший оттиск в Буда-Пест, в редакцию «Венгерской иллюстрации», а две дюжины кабинетных сделайте для меня и пришлите их мне в Меррекюль. Если портрет будет доставлен Вам в раме, то, может быть, следовало бы сделать и фотографии с рамою и с обозначением («С масл. портр. художн. Серова, 1894 г.»). Пожалуйста, обдумайте это с фотографом и исполните дружески и хозяйственно.

Работа для Вас сделана, и переписана, и опять перемарана. Пришлю ее вместе с возвращением корректур «Зимнего дня», которых ожидаю в половине июля в Меррекюль. Переписчица здесь очень плохая и к тому же еще немка, а притом еще и чернила ужасные и иных нет. Рассказ с содержанием, но вполне смирный, так что можно эту отчаянную рукопись набирать, а читать и в наборе. Она совсем смирная.

Кланяюсь Вам, Гольцеву и Ремезову.

Ваш *Лесков.*

(22° в тени!!!) Не люблю этого!

279

В. М. ЛАВРОВУ

20 августа 1894 г., Петербург.

Корректуры во второй раз получил вечером вчера, 19 августа; просидел за ними ночь и сегодня, 20-го, их возвращаю. Поправки сделал очень небольшие и сооб-

ражаясь с условиями верстки, но поправки эти необходимы, и я всепочтительнейше и всеусерднейше прошу приказать, чтобы они были тщательно внесены, и затем уж пусть бог нас простит, а люди читают. Не сердитесь на меня за корректуры... Что мне с собой делать, когда я весь свой век такой копун был с работою! Но Ваше издательское дело от того ведь не проигрывает, что работу делают поаккуратнее; а в картинках щекотливого свойства всякая светотень значит много. Пожалуйста, исправьте все по этой, сегодня возвращаемой, корректуре. Новый этюд пришлю на сих днях. Надо опять переписать.

Ваш *Н. Лесков*.

280

Л. Н. ТОЛСТОМУ

21 августа 1894 г., Петербург.

Высокоуважаемый Лев Николаевич!

Перед самым отъездом из Меррекюля, где дышать очень легко, и переездом в Петербург, где дышать трудно, я получил Ваше дорогое письмо с ответом на мои недоразумения о том: писать или нет о друге нашем Н. Н. Ге. А до тех пор Стасов мне еще раз написал об этом самом, да потом побудил к тому общую нашу приятельницу Елиз⟨авету⟩ Меркур⟨иевну⟩ Бем. Я все отпирался, потому что не понимаю, зачем нужно такое сотрудничество?! Другое дело «сообщить письма», но зачем же нужно, чтобы мы писали, а Вл⟨адимир⟩ Вас⟨ильевич⟩ наши писания вписывал в свое сочинение? Право, куда ни толкнись, повсюду находишь какую-то беспорядочность, суету и сутолоку... Я должен повидаться со Стасовым и добиться от него толку: что такое он затевает? Сначала речь шла о «сборнике» (еще мало их!); а во втором письме он уже говорит о «статье», которую он напишет для какого-то журнала и в эту статью вкрапит то, что сообщали ему лица, которых он запросил о Ге... Это мне совсем не представляется ни удобным, ни справедливым. Я не противоречу Вам и думаю, что о Н⟨иколае⟩ Н⟨иколаевиче⟩ все мы можем написать, «не повторяя

друг друга», но, кажется, гораздо лучше, чтобы мы сделали это «выведенные на свободе», каждый за свой собственный страх... На что же нам писать «под редакциею» хотя бы даже и Влад. Вас. Стасова? По-моему, это совсем лишнее стеснение и повод к несогласиям и спорам. Этого мнения я не вижу возможности изменить, хотя после письма Вашего и готов попробовать сочинить нашему другу «похвальное слово» за его преимущества в деле служения «свободному» и *освобождающему* искусству. Но тут-то я и должен буду впадать в тот тон, который мил Стасову не будет, тем более что за последнюю гостинку Ге в Петербурге он со мною много говорил о стасовском национализме и порицал его за его крайности, «сбивавшие людей с толку». Из Вашего письма я, однако, не вижу, что Вы дадите свою работу о Ге как составной элемент для статьи Вл. Вас., и я полагаю даже, что Вы этого не сделаете, и что делать этого не надо, и что Вл. Вас. что-нибудь путает и представляет себе обещания в ином смысле, нежели они ему выражены. Но если я ошибаюсь, а не Стасов и Вы пойдете только *как вкладчик* в стасовскую статью, тогда я ему напишу письмо, в котором изложу только то, что найду сообразным этой стеснительной и неприятной форме сборной характерности одного характера. Пока же это не разъяснится, я буду думать, что ошибается С⟨тасо⟩в и что и Вы и я можем подать свой голос прямо от себя. Мне было бы очень полезно это узнать, и, если это Вас не затруднит, я усердно прошу об этом. — Здоровье мое, без сомнения, непоправимо (ангина не излечивается), но сравнительно сносно. По кр⟨айней⟩ мере так было в сосновом лесу, на скалах и над морем. Я пользуюсь облегчением с жадностью и много читаю и немало пишу, только все «вдоль», без отделок, и теперь, может быть, стану обрабатывать. В Меррекюле нестерпимо тянуло под солнце, в лес и на Удргасскую скалу, переименованную у нас в скалу «пренепорочной Лидии», так как она тут и жила как русалка и чуть ли не слетела раз отсюда в море и пришла вся мокрая по шею. Она прожила в Меррекюле 18 дней и пела в церкви 7-й № «херувимскую» и «многая лета». Одновременно был там и Меньшиков и херувимскую с многолетием слушал. Л. Ив. все та же, как и была, а М—в как будто «прелагается» —

все томится по «положительным верованиям», а этого рода томления и тоска, по моему наблюдению, ведут на тот путь, которым пошел Алехин и Ругин и сойдут еще многие, без различия их умственных средств. Я иногда их «отпрукиваю» и, по совету Нила Сорского, «сдергиваю с облак за ноги, дабы могли зрети землю и иметь суждение с разумом растворенное», но слово мое не искусно и не сильно, а порывы желающих найти «приют веры» очень сильны, и никакое «растворение в разуме» им не мешает производить смущение в умах.

Имя Ваше беспрестанно на устах у людей, особенно у людей того сорта, из которого состоит приморский дачник, но это не для того, чтобы искать света и уяснять себе свое положение в «земной эпизоде», а прямо для спора и для кривляний. Со мной были Ваши сочинения, которые я наиболее читаю: «Евангелие», «О жизни» и «Царство б‹ожие›», но я их в нынешнее лето уже прямо не давал никому, потому что читают не для пользы, а для глупых разговоров, ничего не выясняющих, кроме глубокой погруженности людей во мрак самодовольной пошлости. «Катехизис» был бы очень потребен, но, без сомнения, вы не преувеличиваете трудности такого сочинения... Конечно, оно очень трудно, но зато оно и *очень нужно*... Вам бы надо собрать все силы, чтобы попробовать это сделать. Думаю, что Вы сами видите, что без этого как будто недостает того камня, который может стать в своде замком. Но если бы Вам это и не так казалось, то Вы тут не авторитет, ибо «со стороны дело виднее...» А «со стороны» смотря, и видно, что это *нужно;* и именно *это,* а не что-нибудь другое. По крайней мере я это вижу с ясностью, которой яснее не может быть самая очевидная вещь. Ничто (кроме пересказа евангелия) не потребно столько, как катехизическое изложение, во что христианин *может* верить, «содержа веру с разумом растворенною». Разум позволяет молить бога, чтобы Вам было дозволено и внушено это сделать. Читали ли Вы «Лурд»? Противная манера письма и много легкомыслия в суждениях, но вещь (по-моему) все-таки очень полезная. А главное, критик (мало-мальски смышленый) имеет большое раздолье высказать по поводу этого сочинения очень полезные суждения (например, «Командор»). Все-таки земля является «станциею» и «эпизодом» в жизни

духа, «облеченного в кожаную ризу». И что тут канючить о продлении мучительного пребывания, когда конец его есть очевидное избавление от мук в страдающем теле. И Меньшиков мог бы об этом писать, но он и сам едва ли не ищет чуда.

Преданный Вам *Н. Лесков.*

281

Л. Н. ТОЛСТОМУ

28 августа 1894 г., Петербург.

Покорно Вас благодарю, Лев Николаевич, за то, что Вы мне разрешили мои недоумения насчет того, как я могу писать о Ге. Я, признаться, и не думал, чтобы Вы намечали как-нибудь иначе, и особенно так, как представляет это себе Вл⟨адимир⟩ великий. В том все и горе, что как дойдет дело до воспоминаний о человеке, жизнь и деятельность которого представляют собою интерес и поучение, наперебой этому является суетность воспоминателей, и дело на этом очень много теряет. Вы и Ваши дочери отдали бывшие у Вас письма Ге... Я никак не решился бы сказать, хорошо Вы это сделали или нет; но сам я так не поступил бы. Я знаю все хорошие стороны Стасова и очень его уважаю, но думаю, что он все-таки всего более то, что сказал о нем Щербина, то есть «служебный якобинец», и таких теплых нежных тонов, какие были в Ге, он не может усвоить и не в состоянии их воспроизвесть. Он, без сомнения, захочет «раззолотить главу» Н⟨иколая⟩ Н⟨иколаевича⟩, но накладет всю эту позолоту на своей амальгаме. Я сожалею, что за это взялся именно Вл⟨адимир⟩ Вас⟨ильевич⟩, и утешаюсь только тем, что другие проворные люди сделали бы это еще хуже. Из таких один (Фаресов), писавший в «Вестнике Евр⟨опы⟩» об Энгельгардте, совсем уже изготовился строчить о Ге и отравлять мне вечерние часы рассказом о добытых им «материалах» (то есть письмах от Костычева), после чего я должен ему что-то советовать. А что же можно советовать людям, которые собираются писать о человеке, водившемся верою, не только не содержа в себе никакой веры, но даже почитая это за излишнее

и смешное. Вот это и будут таковы первые два «воспоминания» о Ге — людей, с которыми у него не было общего в самом главном. Фаресов не понимает в этом ничего, но он уже побывал в ред⟨акции⟩ «В⟨естника⟩ Евр⟨опы⟩», и Пыпин сказал ему, что их это интересует. Стало быть, воспоминания явятся Ф—ва в «В⟨естнике⟩ Евр⟨опы⟩», а Стасова в «Сев⟨ерном⟩ в⟨естни⟩ке». По крайней мере так мне говорил вчера Флексер, который был у меня еще раз вчера вечером опять с этим же Фаресовым и говорил, что Стас⟨ов⟩ ждет моего *вклада*... Что за напасть, право! А я самого Ст⟨асова⟩ еще не видал и боюсь, что, заговорив с ним, стану горячиться, а это мне беда. Но, во всяком случае, я «вклада» делать не могу, потому что я с В⟨ладимиром⟩ В⟨асильевичем⟩ во множестве вещей не согласен, особенно после того, как он егозил с Аданшиным альбомом и втравил в это достопочтенную Надежду Васильевну. Потом в хохлатчине поднимаются «враги» Ге, которые знают за ним что-то такое, что желают «обличить»... Мне это передала жена Хирьякова, на сих днях возвратившаяся из Чернигова. Неловкие воспоминания могут все это раззудить и вызвать дрянные речи, которых бы не надо. И потому, думается, пусть уж делается то, что заделано (Стасов и Фаресов) и чего остановить нельзя; а мне и Вам торопиться не для чего, а очень благоразумно повременить, так как очень может быть, что нам еще доведется сказать слово кстати по поводу чьих-либо неверных суждений. Так по крайней мере мне кажется лучше.

В вашем маленьком письмеце стоят слова, что Вы «очень цените мои мнения». Мое к Вам почтительное и любовное отношение не позволяет мне видеть ни в одном Вашем слове чего-нибудь похожего на так называемую «любезность», и потому я и эти слова Ваши принимаю всерьез, а мне от них конфузно... Какую цену могут иметь мои мнения перед Вашим умом? Разве цену толкового читателя. Если это так, то это верно: понятливость во мне есть, а люблю я то самое, что и Вы любите, и верю с Вами в одно и то же, и это само так пришло и так продолжается. Но я всегда от Вас беру огня и засвечиваю свою лучинку и вижу, что идет у нас ровно, и я всегда в философеме моей религии (если так можно выразиться) спокоен, но *смогрю на Вас* и всегда напряженно инте-

ресуюсь: как у Вас идет работа мысли. Меньшиков это отлично подметил, понял и истолковал, сказав обо мне, что я «совпал с Толстым». Мои мнения все почти *сродные* с Вашими, но они менее сильны и менее ясны: я нуждаюсь в Вас *для моего утверждения*. Но как толковый читатель, и притом вполне согласный и сильно Вам сочувствующий, я, конечно, могу себе позволить сказать Вам, что́ думаю и что́ чувствую. И вот потому и теперь я говорю: завязать узел катехизисом есть мысль превосходная и дело очень важное. Кроме Вас и Филарета, этого никто сделать не в состоянии. Филарет свое сделал, а теперь сделайте Вы. Я понимаю, что это дело ужасной трудности и даже для Вас, и несмотря на то, что Ваши средства мне кажутся исполинскими, я все-таки не уверен, что это непременно выйдет хорошо *в лучшем виде,* но почти уверен, что оно все-таки выйдет хорошо и будет очень полезно. Вот потому мне и не жаль, что Вы трудитесь над этим очень трудным, но и очень важным делом. Помогай Вам бог: это очень нужно, и Вы не должны отменять себя с этой работы, так как ее, кроме Вас, некому сделать. — Измена, и ослабление, и шат идет по всей линии. Удивительно! «Положим маску снять, — зачем снимать рубашку?» Прибыл Ругин от Поши... Что́ говорит, так именно уши вянут. В чем они «разочаровались» и кто их очаровывал? Какие всё пустые слова и пустые заботы! Думается, что этого совсем могло бы не быть. То, что Вы вычитали и изъяснили, никакого зачарования не имело, а ставило в свете вопросы до сих пор затененные, и отчего, если это у десяти человек не отбило смысла и разумной веры, — отчего остальным понадобилась такая чехарда?.. Но дело великое сделано: людям дано в умы верное направление. Это Ваша бессмертная заслуга. Надо бы, пожалуй, сократить споры... Мне кажется, они совсем не полезны. Искренно стремящимся к вере все ясно, и как они верят, так и жить могут. Меня споры умаяли до устали.

Преданный Вам

Н. Лесков.

1) Не прошло ли у Вас незамеченным, что у ап. Павла есть указание на *обязанность* родителей «собирать имения детям»? Это во 2-м посл. к Коринф., гл. 12, ст. 14.

2) Известно ли Вам, что на старом языке у нас «наследство» называлось *«задница»?* Это встречается два раза в примечаниях к «Истории» Карамзина (506): *«тяжати о задницю».* По изъяснению Петрова, «Опыт словаря древних речений» (1831 г.), это значит: «иметь спор о наследстве».

282

Л. Н. ТОЛСТОМУ

12 сентября 1894 г., Петербург.

Усердно благодарю Вас, Лев Николаевич, за большое удовольствие и пользу, которые я получил на сих днях от Ваших трудов. На днях я прочитал «Патриотизм и христианство», критическую статью о Мопассане и перевод превосходного письма Мазини. Впечатление от всего этого полное, радостное и полезное. О патриотизме и христианстве я думал точно то же, но в изъяснении «безнравственности» патриотизма Вы дали мне новые определения и доказательства, которых я не мог себе выбрать и составить. В первой половине статья читается тяжеловато: чувствуются длинноты, и видно, где они заключаются: это выписки из газет, которые очень долги и не всегда оправдываются необходимостью. Если читает чтец не особенно «мастеровицкий», то слушатели просто начинают «нудиться» на этих обширных выписках, и это потом вредит всему впечатлению превосходной второй половины. Я прочел «про себя» два раза да присутствовал три раза при чтении вслух, и всё выходили одни и те же результаты: выписки очень длинны, и их бы очень полезно было сократить, оставив только важнейшие места. Так это кажется мне и другим, а как Вы когда-то писали, что хотите знать о впечатлениях, то я Вам и пишу это. Критическая статья о Мопассане чрезвычайно хороша. Этот могучий человек мне всегда представлялся птицею с огромными и сильными крыльями, но с вытрепанным хвостом, в котором все правильные перья изломаны: он размахнет широко, а где сесть, не соразмерит. Все сказанное Вами о нем очень верно, и статья написана так, как бы и надо писать критики, не только для того, чтобы

дать людям верное понятие об авторе, но чтобы и самому автору подать помощь к исправлению своей деятельности. Мопассану, впрочем, это не принесло бы пользы, потому что, как ни вертите, он все-таки смаковал разврат и, конечно, был убежден, что «с бабой думать нечего». *Я не чувствую* в нем нравственности... Письмо Мазини — это один восторг и упоение. Очень хорошо сделали Вы, что обрели его и подали в русском переводе. Из «Патриотизма» «Новым временем» было взято нечто удобное им на потребу (как Вы было расплакались от умиления), а оттуда бы надо было взять бесценное по силе место о том, что делают люди, потому что *«это не важно».* Ах, какое это «пронзительное» и великое указание! То не важно и се не важно, а меж тем все это делают, и выходит целая картина с своей атмосферою, и затем, если кто этого же уже не хочет делать, то это *уже важно!* Все забывают, что «общественное мнение» представляет собою каждый из нас. Я хотел бы сделать вытяжку из этого места, но не знаю, где с нею приткнуться... И последняя... «Р⟨усская⟩ жизнь» сменила людей «нового общ⟨ественного⟩ мнения», которые, впр⟨очем⟩, уходя, разжаловались по-старому. А в «Неделе» за сентябрь месяц на 246 стр. 2-го отдела уже прямо читаем, что «Россия это непочатый угол всякого добра» и «русскому беллетристу предстоит будущность», если он «отрешится от стремления обличать *бессильное ничтожество»,* а станет давать «положительные идеалы».

Скатертью дорожка!

Хочется думать однако, что это делается искренно и без особенно дурных побуждений, ибо это делается без сомнения *во вред себе,* так как читатель, приученный к тихонькому протесту, вероятно не удовольствуется этим новым курсом.

Если пробудем здесь до зимы, то хочу Вас видеть для моей пользы душевной и обольщаюсь надеждою съездить к Вам в Москву.

Ваш *Н. Лесков.*

283

Л. Н. ТОЛСТОМУ

19 сентября 1894 г., Петербург.

Мне очень стыдно за глупые слова, которые я написал Вам о Мопассане. По поводу Вашей статьи о нем я принялся за него наново и перечитал все, с хронологическою последовательностью по времени писания. Вы совершенно правы: он рос, и кругозор его расширялся, и то, что он дал, есть дорогое достояние. Моя погудка о несоответствии силы крыльев с рулевою силою хвоста этой могучей и дальнозоркой птицы никуда не годится. Но так как я до сих пор читал Мопассана урывками и не знал времени появления тех и других произведений его пера, то думаю, что и для такого мнения, какое я имел, есть основание; а как такого рода мнения неверны, то надо радоваться, что Вы, Лев Николаевич, написали Вашу критическую статью об этом достойном любви писателе. Благодарю Вас, что Вы дали мне возможность проверить свои понятия и исправить их.

Очень интересуюсь тем политическим сочинением, которое выпустила о Вас г-жа Манассеина. У меня был Стасов и молол, что Вы ему об этом писали, но он книги не видал; я болен и не могу ее разыскивать, да и не знаю ее заглавия; писал Люб⟨ови⟩ Як⟨овлевне⟩ Гуревич, чтобы она нашла, но она не спешлива; вчера просил Лидию Ив⟨ановну⟩, но и эта ничего не знает. А я был, есть и, кажется, буду всегда нетерпячий и не могу успокоиться, пока пойму дело. Я эту даму видел раз в жизни у поэта В. Величко, и она мне показалась какою-то ужасною... Крайняя материалистка, которая все требовала: «Дайте мне твердую положительную веру с устойчивым основанием». Потом она перешла к своей дружбе с Лампадоносцем и окончила тем, что при его благодати получила развод с старым мужем и вышла за нового, молодого и очень глупого. И вот теперь она, значит, поднесла ему еще свое последнее «мерси»... Я очень хочу прочесть эту книжечку и, может, мог бы кое-что ответить. Если у Вас эта брошюра без надобности, то нельзя ли сообщить ее мне; а я ее возвращу Вам. Иначе, я боюсь, что долго ее не достанешь.

Литературная затея Стасова, по-моему, нехороша: это будет какой-то ворох чего попало, без всякой определенной и ясной цели. Особенно жалка возня с письмами и с датами: «В котором году вы виделись?», «Где об этом говорили?», «Молился ли он богу?» и т. п. Не знаю, каковы были письма Николая Николаевича к Вам и девицам Татьяне Львовне и Марии Львовне, но письма его ко мне были маловажны для биографии. Это были шутливые отписки, иногда совсем шалости, даже с шутовскими подписями: я его «благословлял» как «священно-ересиарх», а он как «Николавра». Что тут вписывать в статью!.. Нет, это *не надо*. Потом Владимиру Васильевичу хочется, чтобы я написал, что́ Николай Николаевич говаривал «о художниках», и между прочим о Репине. А он о них говорил много (особенно когда сидел у меня во время писания Серовым с меня портрета), но зачем же все это выволочь на общее позорище и для обиды многих? Вл⟨адимир⟩ Вас⟨ильевич⟩ просит, чтобы «и о нем, что говорилось, — и то написать»; но уж это совсем было бы из «волшебного цирульника». Я ничего этого делать не стану, а постараюсь дать указание: чем Ге был полезен как художник и в чем ему следует подражать. А это, думается, только и надо. — Лидия Ив⟨ановна⟩ вчера говорила, что она что-то переписывала из Вашего катехизического труда и что это было очень хорошо. (Значит: ясно и понятно для разума и благоприятно для религиозного чувства.) Не могу ли я выпросить у Вас хоть что-нибудь из этого труда для того, чтобы получить о нем хоть частное понятие? Меня ничто так не интересовало, как это Ваше сочинение, и притом я болен и тороплюсь ознакомиться со всем, что манит дух мой к свету. Если можно будет, то не пришлет ли мне что-нибудь из этого для прочтения Татьяна Львовна? Я прочту и сейчас же возвращу. Уехали ли Хилковы за границу? Вчера был у меня Петр Ге. В то же время случилась m-me Бем, и говорили скоро и беспорядочно.

Н. Л.

Ваше упоминание о разговоре с художником (в статье о Мопассане) очень замечено в их среде и произвело впечатление, как «зерно, падшее на камень». Я раз, после

известия о кончине Ге, говорил в этом роде с 73-летним Шишкиным, и он говорил утром: «Вы мне ночь испортили: я до утра не спал», и опять делает то же самое, даже без *надобности,* так как «его часть — сосна». Теперь их подкрепил еще Менделеев, и они, приведя это имя, считают, что все кончено и нечего стыдиться.

⟨Приписка к приложенному письму Л. Я. Гуревич к Лескову.⟩

Из настоящего письма увидите, что книжки Манассеиной нам присылать уже не надо, так как Гуревич ее нашла, но если есть какая-нибудь возможность дать мне ознакомиться с катехизисом, то об этом очень прошу.

Ваш *Н. Лесков.*

284

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

14 октября 1894 г., Петербург.

Увидел вчера меня Григорович и побег прочь борзо, а подошел Суворин и стал сказывать страхи, которые ему про нас тот лгун говорил, похваляючись своим заступлением. И мне это показалося дивно! Неужто не мне, а ему надо было написать: что такое содеялось?! Выписал я сегодня к себе Модеста Ив⟨ановича⟩ Писарева и рассказал ему, что́ надо бы сказать чиновникам, не в извинение (ибо извиняться не в чем), а в пояснение. Это ведь смеху достойно! «Новый курс», разумеется, «таможенная война» и вступление в состав правит⟨ельства⟩ лиц иного пошиба, а не событие нынешней поры. Это только и надо было указать. Никакой «бестактности» не было, а если бы она была, то уже не Г⟨ригорови⟩ч бы от нее защитил. Его репутация известна. Зачем же вы это все-таки делали? Теперь же, пожалуйста, напишите, и так просто, чтобы я мог понять своим простым умом:

1) Успокоены ли вы за «Зимний день»?

2) Когда вы пускаете в набор мой второй рассказ, у Вас находящийся?

Этот совершенно невинен, как беззубое дитя, но все-таки мне необходимо исправлять его в корректуре, и я очень боюсь, как бы он не вышел в свет без моего просмотра в печати. Пожалуйста, имейте в виду, что это совершенно невозможно, а корректуры я не задержу более одного дня.

Я рассчитываю, что этот рассказ пойдет, вероятно, в одной из последних книжек 1894 года, и тогда для начала 1895 года у меня есть рассказ, позабористее «Фефёл», но тоже вполне спокойный. Называется он «Дикая фантазия». Объем листа 2—3. Он уже переписывается, но я о нем еще никому не говорил и первым пишу вам; а вы мне ответьте: надо вам или не надо? Но, пожалуйста, ответьте просто и ясно, и еще скоро.

Любящий Вас

Н. Лесков.

285

И. В. ЛУЧИЦКОМУ

20 октября 1894 г., Петербург.

Уважаемый Иван Васильевич!

Простите и Вы меня, что промедлил ответом на Ваше письмо от 24 сентября: я болен и хотел сказать Вам что-нибудь определенное. Кажется, я буду в состоянии написать для сборника киевских студентов маленькую историйку о том, «как я украл девушку». Это будет идти к роду нынешних целомудренных рассказов, но с содержанием более жизненным и с сюжетом, взятым с натуры. Объемом это будет, вероятно, около печатного листа. Желание написать это для студенческого сборника я имею большое, но все-таки прошу помнить, что я очень болен, что болезнь мне часто подкидывает сюрпризы. Однако я сделать работу хочу и буду об этом стараться. Утвердительнее этого я уже ничего прибавить не могу. А так как я Вам пишу заглавие того, что думаю сделать, то Вы по этому заглавию можете судить, что рассказ будет *тихий* и чисто *бытовой,* а потому не представляющий никаких опасностей в цензурном отношении. Напишу же его,

вероятно, как обыкновенно пишу, и редактировать его нечего, а потому попросите, пожалуйста, Н. И. Кареева прислать ко мне за рукописью на святках.

Очень рад, что мы с Вами познакомились хоть на письмах. Если будете в Петербурге, — удостойте навестить меня. Нас ведь не велика область, чтобы нам не интересоваться друг другом. О Сикорском слыхал, но не читал его. Впрочем, «им имя легион». У Вас же их особенно много. Студентам усердно прошу передать мое сердечное сочувствие.

Ваш *Николай Лесков.*

286

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

16 ноября 1894 г., Петербург.

Уважаемый Виктор Александрович!

Рукопись «Фефёл» сегодня Вам возвращаю. Она опять сильно исправлена, но все-таки находится в таком удовлетворительном состоянии, что набирать с нее вполне удобно. Я очень рад, что она у меня побывала и я мог ее свободно переделывать. Это очень важно, когда автор отходит от сделанной работы и потом читает ее уже как читатель... Тогда только видишь многое, чего никак не замечаешь, пока пишешь. Главное, вытравить длинноты и манерность и добиться трудно дающейся простоты. Теперь я удовлетворен и покоен. Корректуру лучше прислать на один день, но если спешите, то и не надо. Вещь это совсем смирная. Повесть «С болваном» еще раз прочту по чистовой рукописи и пришлю Вам к половине декабря. Если хотите, можете начинать с нее новый год. В ней листов 6—7. По черновой рукописи трудно сказать в точности о размере. По архитектуре она удобно делится и пополам и натрое. Сообщите мне: как Вам удобнее, — я так ее и размечу. Вам это сделать труднее. В повести есть «деликатная материя», но все, что щекотливо, очень тщательно маскировано и умышленно запутано. Колорит малороссийский и сумасшедший. В общем, это легче «Зимнего дня», который не дает отдыха и покоя.

Если бы не совпавшие обстоятельства, он бы надоел. Литература молчит. «Игра с болваном» не так дружно «жарит и переворачивает», как говорят о «З. дне»; в разговорах литературных хвалят «З. день». И прошел он все-таки молодцом: вы, братцы, показали, наконец, мужество! Дай бог его Вам еще более.

Ваш *Н. Лесков.*

287

В. М. ЛАВРОВУ

20 ноября 1894 г., Петербург.

Уважаемый Вукол Михайлович!

Три дня тому назад я послал Вам рукопись «Фефёл» в таком виде, как надо набирать, и писал Виктору Александровичу, что корректуру, пожалуй, можно мне и не присылать; но теперь прошу мне отдать это слово назад... Я такой копун и пачкун, что не в силах самого себя не поправлять, и прошу Вас немедленно приказать, чтобы корректуру «Фефёл» тоже прислали мне непременно. Усердно Вас об этом прошу и без этого быть не могу! Отвечаю Вам за то, что я не продержу у себя корректур более чем один день. Можете на меня положиться. А пока прилагаю лист, на котором написана вставка. Пожалуйста, пошлите ее в типографию, чтобы ее набрали и тиснули на отдельной полосе и прислали мне,— я ее вставлю на то место, где ей надо быть.

Преданный Вам
Н. Лесков.

288

И. В. ЛУЧИЦКОМУ

24 ноября 1894 г., Петербург.

Уважаемый Иван Васильевич!

Благодарю Вас за добрые строки, которые Вы мне написали. Я в Киеве давно не был, да и не тянет меня туда, несмотря на то, что город этот мне очень нравится

по красоте и по воспоминаниям юности; но с давних пор в нем преобладает такое настроение, с которым я стараюсь не сходиться. Спешу Вам написать, что в намерениях моих произошла перемена, и я, кажется, дам для сборника не то, что задумал, а другое. Вместо маленького рассказа, который, конечно, прошел бы незаметно и не принес бы пользы сборнику, я дам Вам бытовую заметку «кстати» по поводу речи сенатора Кони о браках. Это теперь «кстати», и потому, может быть, вызовет к себе внимание и сочувствие. Этим я теперь и занялся и Вас об этом уведомляю и прошу Вас принять то, что я в силах дать при моем нездоровье. Я уверен, что это сослужит свою службу лучше, чем рассказ среднего значения. Заглавие: «Конические сечения в браке» (по поводу речи сенатора Кони).

Анат⟨олий⟩ Федор⟨ович⟩ Кони знает, что я буду писать Вам.

Ваш *Николай Лесков.*

289

С. Н. ШУБИНСКОМУ

15 декабря 1894 г., Петербург.

Как Вы намерены адресовать свое поздравление Марксу и в какой день его пошлете? Пожалуйста, черкните мне об этом, а то я недоумеваю.

А еще важнее — как поздравить Михаила Марковича Шершевского? Это мне очень хочется сделать неупустительно. Обозначьте мне, пожалуйста, его адрес и его день.

Преданный Вам
Лесков.

16 ⟨декабря⟩. Возвещенное Вами «литературное» обещание над Григоровичем уже исполнено. Бедный болтун! Прихвачен и Лев Толстой, но этого жалеть нечего: его не проберешь. Космат. «И местечка, где они, даже не почешет».

Я еще перелистовал «Ниву» и все искал там добрых семян для засеменения молодых душ и не нашел их: все

старая, затхлая ложь, давно доказавшая свою бессильность и вызывающая себе одно противодействие в материализме. Как бы интересно было прочесть сколько-нибудь умную и сносную критику изданий этого типа, которые топят семейное чтение в потоках старых помой, давно доказавших свою непригодность к лицемерию. Не могу себе уяснить, что тут можно почтить поздравлением?! Разве то, что, может быть, можно бы издавать и хуже этого... но, может быть, и нельзя. Впрочем, по «Игрушечке» судя, — можно.

Жена и дочь Мих⟨аила⟩ Марков⟨ича⟩ нашлись очень хорошо! Это делает им честь. А то всё одни пошлости.

290

С. Н. ШУБИНСКОМУ

17 декабря 1894 г., Петербург.

Очень благодарю Вас за ответ. Я, конечно, пошлю депешу и поздравлю с «благополучным успехом предприятия». Я только не мог себе уяснить: в который из трех дней надо это послать? По правде сказать, это и теперь мне неясно. — Что касается общих суждений, то, конечно, жизнь всякого человека «бедственна», и когда он прожил много лет, не сделавши много бед другим, то его есть с чем поздравить; но это очень пустое дело, которым стыдно занимать людей. Похвалять же из «вежливости» в литературе нельзя: хвалы достойно только то, что ведет к лучшему, способствуя очищению совести и уяснению понятий, способствующих освобождению общества от привычек, созданных невежеством и самолюбием. Такие издания были, есть и их будет еще более, ибо «разум не спит» и у «науки нрав не робкий, — не заткнуть ее теченья никакой цензурной пробкой». — Вы должны бы помнить, кажется, «Рассвет» Кремпина... Вспомните-ка и посравните его с «Нивою» или «Игрушечкою» и всем сему подобным дерьмом, которое Вы, однако, хотите почему-то ставить выше совершенно равной им «Родины». Это нехорошо.

О Мих⟨аиле⟩ Марковиче я давно слышал от Фаресова, который составлял адрес для его приветствия женщинами-врачами. Но, помнится, это готовилось на 18-е число; а теперь пишут о 20-м! Он талантливый человек,— стало быть, он «рука божия», посланная в мир исполнить что-то хорошее и серьезное. Такого надо поддерживать, чтобы он шел бодрее и чувствовал, что на него смотрят: то ли он делает, что нужно Отцу нашему? Это никакого сравнения не имеет с «благополучным изданием» листов, от которых получен доход себе. Говорить рядом стыдно! А главное, — это «жена и дочь»!.. Я весь взволнован благородным и в высшей степени грациозным их поступком!.. Никто еще так умно и красиво не нашелся, как эти две женщины,— и его надо поздравить не столько с юбилеем, сколько с такою женою и дочерью. — Я уже очень давно примечал эту необыкновенную девочку в Шмецке и все думал: «Эта что-то разведет в уме!» Вот она и разводит: где себя ни покажет, — все у нее отмечено умом и прямым, здоровым, смелым чувством, которому противно плестись рутинной стежкой. Она меня сильно обрадовала, как я давно, давно не был рад.

Никол. Лесков.

291

А. Н. ПЕШКОВОЙ-ТОЛИВЕРОВОЙ

⟨1894 г.⟩

Вы меня уже и не удивляете. Соловьев-Н⟨е⟩см⟨елов⟩ пошел разъяснить Вам, что *теперь* не время говорить о Льве Толстом, но Вы таки свое прете!.. О чем же Вы меня просите? О том ли, чтобы я написал, чем Т. велик как человек-мудрец, очистивший сор, заполонивший христианство? Я это хотел бы написать, но этого *теперь нельзя,* и я не стану делать унизительных и глупых опытов. А чтобы говорить банальщину о его таланте, — это детям не нужно и это не только Толстому, но даже и мне непристойно. Затем еще можно бы сказать о его житье в старое его время (если это стоит), но для этого надо

подождать «Дневник Берса» в «Царь-колоколе». Что же теперь-то можно написать? Разве нарочитую глупость, и ее-то я должен подписать!.. «Благодарю,— не ожидал!». Но я этого не сделаю. Кстати, я вчера получил оттуда письмо: Л. Н. писал письмо в «Правительственный вестник», *и там ему отказали поместить его строки!..* И вот в это-то время Вы как забрали что в голову, с тем и лезете! «Тешь мою плешь: сери в голову». Извините, — хороша пословица.

Н. Л.

1895

292
А. С. СУВОРИНУ

2 января 1895 г., Петербург.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

Я опять получаю от Вас газету, которой давно не нахожу возможным ничем быть полезным. Знаю, что экземпляр этот Вас не обременит, и ценю Ваше внимание и благодарю Вас.

А к сему и маленькая просьба: ко мне опять приступают по поводу исполняющегося на днях 35-летия... С этим заходили и еще к кому-то, и очень может быть, что зайдут к Вам.

Я всеусерднейше прошу Вас знать, что я ничего не хочу и ни за что ни на чей зов не пойду, а у себя мне людей принимать негде и угощать нечем. Вы окажете мне одолжение, если поможете тому, чтобы меня оставили в покое и, пожалуй, даже в пренебрежении, к которому я, слава богу, хорошо привык и не желаю его обменивать на другие отношения моих коллег, ибо те отношения будут мне новы и, может быть, менее искренны. Старику лучше, то есть спокойнее, придержаться уже старого и хорошо знакомого. Я уверен, что Вы не усумнитесь в искренности и в твердости моего отказа и скажете это, если к Вам отнесутся с какою-нибудь затеею в этом роде.

Преданный Вам

Николай Лесков.

293
С. Н. ШУБИНСКОМУ

3 января 1895 г., Петербург.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Очень может быть, что к Вам обратятся с какими-нибудь предложениями по поводу исполнения 35 лет моих занятий литературою. Сделайте милость, имейте в виду, что я не только не ищу этого (о чем, кажется, стыдно и говорить), но я не хочу никого собою беспокоить, и не пойду ни в какой трактир, и у себя не могу делать трактира. А потому эта праздная затея никакого осуществления не получит, и ею не стоит беспокоить никого, а также и меня.

Преданный Вам

Н. Лесков.

294
М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

8 января 1895 г., Петербург.

Извините меня, глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, что я не сразу чиню исполнение по Вашему письму. Рукопись была готова, а я все не слажу с заглавием, которое мне кажется то резким, то как будто малопонятным. Однако пусть побудет то, которое я теперь поставил: то есть «Заячий ремиз», то есть юродство, в которое садятся «зайцы, им же бе камень прибежище». Писана эта штука манерою капризною, вроде повествований Гофмана или Стерна с отступлением и рикошетами. Сцена перенесена в Малороссию для того, что там особенно много было шутовства с «ловитвою потрясователей, або тыих, що трон шатають», и с малороссийским юмором дело как будто идет глаже и невиннее. Может быть, лучше всего назвать именем героя или «болвана», то есть «Оноприй Перегуд из Перегудова: его жизнь, опыты и приключения». Если вещь Вам нравится, то о заглавии сговоримся.

Мне надо напечатать XII том. Нельзя ли, чтобы меня навестил кто-нибудь из типографского начальства? Я ведь *не не хочу*, а *не могу* сам поехать и взойти на лестницу!

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

295

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

8 февраля 1895 г., Петербург.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич!

Есть поговорка: «пьян или не пьян, а если говорят, что пьян, то лучше спать ложись». Так и я сделаю: «веселую повесть» я не почитаю за такую опасную, но *положу ее спать*... Это мне уже за привычку: «Соборяне» спали в столе три года. «Обозрение Пролога» — пять лет. Пусть поспит и эта. Я Вам верю, что поводы опасаться есть, и, конечно, я нимало на Вас не претендую и очень чувствую, как Вы хотели мне «позолотить пилюлю». Подождем. Возможно, что погода помягчеет.

Искренно Вам преданный

Н. Лесков.

ПРИМЕЧАНИЯ

В состав одиннадцатого тома настоящего издания вошли автобиографические заметки Лескова, его воспоминания, статьи и письма, относящиеся к 1881—1895 годам. Для писателя это годы не только «чтимости», но и нового расцвета его дарования. Ушли в прошлое времена, когда Лескову приходилось «у монахов мохры завивать» — печататься в таких не слишком распространенных и малопочтенных изданиях, как «Православное обозрение», «Церковно-общественный вестник», «Странник», «Гражданин» и др. Сейчас его сотрудничества ищут лучшие, наиболее читаемые журналы, к нему обращаются переводчики, его произведения, выходящие отдельными книжками, быстро раскупаются, требуют всё новых изданий. В конце 80-х годов начинает выходить собрание сочинений Лескова.

Существенно меняется в это время положение писателя в литературе. Прежде всего почти безвозвратно исчезает со страниц печати презрительное и подозрительное отношение к Лескову прогрессивных кругов общественности, литературы в частности. О новых его произведениях всего сочувственнее отзываются прогрессивные издания; писателя приглашают к сотрудничеству и петербургские «Северный вестник» и «Вестник Европы» и московская «Русская мысль». А. Н. Лесков рассказывал автору этих строк о том, что В. А. Гольцев в один из приездов своих в Петербург случайно или намеренно пригласил на обед одновременно Лескова и Н. К. Михайловского; приглашение было принято, и трапезовавшие даже чокнулись, по предложению хозяина, друг с другом. Дальнейшего сближения не произошло, однако самый факт совместной трапезы говорит о многом: еще за несколько лет перед тем он был бы вовсе невозможен...

Примечательно далее, что, принимая сотрудничество Лескова, редакции либеральных журналов сплошь да рядом отказываются

от предлагаемых произведений писателя из-за их нецензурности: «Русская мысль» не напечатала проложной повести «Зенон-златокузнец» («Гора»), «Вестник Европы» убоялся напечатать «Зимний день» и «Заячий ремиз»; отказалась от последней повести и «Русская мысль». Не случайно в эти же годы, и особенно после исключения Лескова из государственной службы за очерк «Поповская чехарда», резко усиливаются цензурные придирки ко всему, что им пишется. Не говоря о всевозможных нарочитых претензиях, предъявлявшихся чуть ли не каждому новому произведению Лескова, по цензурным соображениям прекращаются печатанием две большие его вещи — романы «Соколий перелет» и «Чертовы куклы».

Существенным для идейно-творческого облика писателя в отмеченные годы является его сближение с Л. Н. Толстым. Еще в конце 60-х годов он напечатал несколько статей в связи с только что появившейся «Войной и миром», — статей, в которых высказал свое горячее восхищение громадным талантом Толстого. С середины 80-х годов растет в Лескове интерес также к нравственно-философским трудам Толстого; интерес этот приводит его несколько лет спустя к заключению, что «Лев Николаевич есть драгоценнейший человек нашего времени» (письмо М. О. Меньшикову, 15 февраля 1894 года). Личное знакомство с Толстым, с кругом его последователей нашло большое отражение и в ряде статей Лескова и особенно в его переписке.

Публицистическая деятельность Лескова в 80—90-е годы несколько ослабевает по сравнению с предшествовавшими двумя десятилетиями. С одной стороны, писатель получает возможность выражать свое отношение к тем или иным явлениям российской действительности в наиболее удобной для него художественной форме. С другой — новые литературные связи естественно влекут за собою ослабление (а иногда и прекращение) старых: на протяжении 80-х годов видно постепенное расхождение Лескова, например, с «Новым временем», пока статья памяти Каткова не обнаруживает, что писатель и редакция газеты разительно несхоже смотрят на многие основные общественные проблемы. Сотрудничество в «Петербургской газете», которого настойчиво искал ее издатель С. Н. Худеков, не слишком привлекало писателя из-за незавидной репутации газеты; сотрудничество в «Русских ведомостях», которое пытались устроить Гольцев и Лавров, не получилось: самый жанр публицистики Лескова, всегда острой, «приперченной», был вовсе чужд сухой, «профессорской» газете.

Между тем возможность быстро, «по-газетному», откликаться на литературную и житейскую злобу дня неизменно привлекала

писателя: он чаще, нежели прежде, обращается к жанру «Писем в редакцию». «Писем» этих (само собою разумеется, наиболее интересных для советского читателя) набралось столько, что понадобилось выделить их в особый раздел тома.

Весь материал тома делится на следующие разделы:

1. Автобиографические заметки.
2. Статьи и воспоминания.
3. Письма в редакции.
4. Письма.

В пределах каждого из названных разделов материал располагается в хронологической последовательности.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В настоящий раздел включены три разновременных заметки, наиболее содержательные и интересные из ряда аналогичных заметок, написанных в 80—90-е годы. В это время Лескову неоднократно приходилось удовлетворять запросы читателей и литераторов относительно своего жизненного и творческого пути; о ряде таких запросов упоминается в публикуемых в настоящем томе письмах Лескова. К сожалению, остались неосуществленными распространенные «Воспоминания» Лескова, о которых он не раз упоминал и даже предлагал для издания. Возможно, что первая из «автобиографических заметок» является началом, «подходом» к задуманным воспоминаниям.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

Печатается по копии, снятой в свое время А. А. Измайловым с автографа и использованной им в своей оставшейся в рукописи работе «Лесков и его время» (ИРЛИ). Впервые опубликована в книге А. Лескова «Жизнь Николая Лескова», стр. 8—14.

По соображениям А. Н. Лескова, «заметка» могла быть написана между 1882 и 1885 годами, вероятнее всего — осенью 1885 года.

Стр. 8. *Левитский род Лесковых.* — Левитами в библии назывались низшие представители священничества.

Стр. 9. *...делопроизводителем дворянской опеки...* — Дворянские опеки существовали при уездных судах (для опекаемых дворян).

Стр. 10. *Губернатор Кочубей* — Аркадий Васильевич Кочубей (1790—1878), впоследствии один из высших сановников России.

Стр. 11. *Отец... сам ездил в церковь редко...* — Любопытное дополнение к этому свидетельству Лесков дает в статье «О сводных

браках и других немощах» («Гражданин», 1875, № 3, 19 января), упомянув, что отец его «посылал крестьян в приходскую церковь по наряду, под надзором старосты».

«Помощник и покровитель» и «Волною морскою» — духовные «канты» (песнопения).

...поэкзаменовать по катехизису Филарета... — Имеется в виду составленное митрополитом Филаретом краткое изложение православной веры в вопросах и ответах («Пространный христианский катехизис православныя кафолическия восточныя церкви, рассматриваемый и одобренный св. прав. синодом и изданный для преподавания в училищах и для употребления всех православных христиан, по высочайшему его имп. величества повелению»; выходил во множестве изданий).

Стр. 12. *Самый Писемский мне не нравился...* — Ранние очерки и рассказы А. Ф. Писемского из крестьянской жизни («Питерщик», «Леший», «Плотничья артель»), изданные отдельной книжкой («Очерки из крестьянского быта», СПб., 1856), создали ему славу отличного знатока и бытописателя народной жизни.

Стр. 13. *Страхов умер в Москве...* — Михаил Андреевич Страхов умер 19 апреля 1836 года, на 59-м году жизни.

О силе Афросимова у нас ходил такой анекдот... — Как сообщает А. Н. Лесков, анекдот этот несколько раз использован писателем (например, «Смех и горе», глава 82; неопубликованный рассказ «Пчелка» из цикла «Картины прошлого», 1883); см. А. Лесков, Жизнь Николая Лескова, стр. 13.

Стр. 14. *...гимназия... велась из рук вон дурно.* — В статье «О трусости» («Новое время», 1880, № 1426, 16 февраля) Лесков рассказывает, что в его время «некоторые маленькие ученики гимназии, не особенно секретничая», строчили письма с угрозами поджога «злым» учителям. Так, например, писали директору А. Я. Кронебергу и учителю немецкого языка В. А. Функендорфу «за то, что он линейкой дрался».

Стр. 15. *...как рабу некоему Малху...* — Имеется в виду евангельский рассказ о том, как апостол Петр, защищая Христа от воинов и рабов первосвященника, отсек одному из рабов правое ухо.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликована в книге А. Лескова «Жизнь Николая Лескова», стр. 16—17.

Заметка была написана, по-видимому, для П. В. Быкова, в связи с составлявшейся последним библиографией произведений Лескова

и желанием писателя, чтобы Быков написал о нем критико-биографическую статью.

Стр. 16. *Алферьев,* Сергей Петрович (1816—1884) — профессор-терапевт Киевского университета (дядя Н. С. Лескова). Лесков посвятил его памяти некролог («Новости и Биржевая газета», 1884, № 91, 11 апреля) и не раз упоминал о нем в очерках и статьях.

Якубовский, Игнатий Федорович (1820—1851) — профессор сельского хозяйства и лесоводства Киевского университета.

Алферьева, Александра Петровна (1811—1880), *Шкотт,* Александр Яковлевич (Джемсович) — см. о них: А. Лесков, Жизнь Николая Лескова, стр. 46—47; там же, стр. 118—124, — о службе писателя у Шкотта и разъездах по России.

Стр. 17. *Богородский,* Савва Осипович (1804—1857) — профессор Киевского университета по кафедре законов уголовных и законов благочиния.

Журавский, Дмитрий Петрович (1810—1856) — русский статистик-демократ, убежденный сторонник освобождения крестьян («аболиционист»).

Селиванов, Федор Иванович — помещик, сосед Шкотта по имению.

Вальтер, Александр Петрович (1817—1889) — профессор анатомии в Киевском университете, издатель журнала «Современная медицина» (Киев), в котором Лесков напечатал несколько первых по времени своих статей («Заметка о зданиях» — 1860, № 29; «О рабочем классе» — 1860, № 32; «Несколько слов о врачах рекрутских присутствий» — 1860, № 36, и др.).

Козлов, Николай Илларионович (1814—1889) — профессор патологической анатомии в Киевском университете, позднее — видный чиновник медицинского ведомства в Петербурге, начальник Медико-хирургической академии.

Громека, Степан Степанович (1823—1877) — видный консервативный публицист.

В П⟨етербург⟩ приехал... — А. Н. Лесков считает, что в Петербург Лесков приехал «в конце декабря 1860 или начале января 1861 года» (А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 136).

«Очерки винокур⟨енной⟩ промыш⟨ленности⟩» — статья Лескова, появившаяся в «Отечественных записках», 1861, № 4, стр. 419—444. Не являясь в буквальном смысле слова первой печатной работой Лескова, статья эта была первой работой, «задуманной и написанной для печати». А. Н. Лесков публикует надпись писателя на

экземпляре оттиска статьи: «1-я проба пера. С этого начата литературная работа (1860 г.)» (А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 128—129).

ЗАМЕТКА О СЕБЕ САМОМ

Печатается по книге: А. Фаресов. Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб., 1904. Впервые опубликована в указанной книге (стр. 11).

Заметка написана, по-видимому, в 1890 году и адресовалась секретарю редакции журнала «Живописное обозрение» В. Г. Швецову, как материал для статьи о Лескове, в связи с выходом собрания его сочинений.

Стр. 18. *Осиротел на шестнадцатом году...* — В действительности С. Д. Лесков умер в июле 1848 года, когда писателю шел уже восемнадцатый год.

Стр. 19. *Беллетристические способности усмотрел... Аполлон Григорьев.* — Сведений о критических выступлениях А. А. Григорьева по поводу первых беллетристических опытов Лескова нет. Встречаться они могли в редакции журнала «Эпоха».

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Подавляющее большинство статей и воспоминаний Лескова, написанных в 1881—1895 годах, раз появившись в газете или журнале, впоследствии уже не перепечатывались; часть статей («На смерть Каткова», «Темнеющий берег») по разным причинам вообще не увидели света при жизни писателя и опубликованы уже в наши дни либо впервые публикуются по рукописи в настоящем издании.

ОФИЦИАЛЬНОЕ БУФФОНСТВО

Печатается по тексту журнала «Исторический вестник», 1882, № 8, стр. 441—443.

Статья написана по поводу публикации И. Н. ‹Новицкого› «Исключение Т. Г. Шевченко за его самовольную отлучку» — «Киевская старина», 1882, № 3, стр. 608—609. Опубликованный документ датирован 1 марта 1847 года, между тем как Шевченко был арестован (по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе) только 5 апреля;

это обстоятельство не только подтверждает рассказанные Лесковым причины постановления, но и вносит в нарисованную им картину еще один любопытный штрих: постановление, очевидно, было сделано задним числом. Небезынтересно также еще одно постановление Комиссии, сделанное 20 августа 1847 года, то есть уже в то время, когда Шевченко находился в ссылке, в оренбургских степях; раздумывая над тем, что делать с жалованьем, не полученным Шевченко за два месяца, Комиссия «определила»: «Так как художник Шевченко уволен от звания сотрудника Комиссии и в настоящем году он не имел никаких по Комиссии занятий и не находился налицо, то выведенное в расход жалованье его за январь и февраль месяцы, всего двадцать пять рублей серебром, *не выдавать* ему, а записать в приход по книге, о чем и предписать казначею» («Киевская старина», 1894, № 2, стр. 244).

Стр. 24. *Пилянкевич,* Николай Иванович (1819—1856) — адъюнкт-профессор Киевского университета по кафедре энциклопедии законоведения.

Вигура, Иван Мартынович (Мартинианович) (1819—1856) — адъюнкт Киевского университета по кафедре русских государственных законов. Как сообщает биограф Вигуры, между его слушателями «ходило предание о том, что по возвращении из-за границы (1847 г., — *И. А.*) он заговорил было о конституциях и парламентах, но за это будто бы ему сделали начальническое внушение, после которого он забыл о конституциях и парламентах и говорил только о департаментах, отделениях и столах, об орденах и мундирах» («Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. университета св. Владимира» (1834—1884). Киев, 1884, стр. 110).

Аскоченский, Виктор Ипатьевич — см. т. 7, примечание к стр. 177.

Иванишев, Николай Дмитриевич (1811—1874) — профессор Киевского университета по кафедре законов государственного благоустройства. В 1843—1865 годах был ближайшим сотрудником Киевской археографической комиссии, в задачи которой входило разыскивание и издание исторических памятников, археологические раскопки и пр. В первые годы после своего образования Комиссия привлекала к себе внимание высокопоставленного начальства, вплоть до самого Бибикова.

Стр. 25 *...случай с графиней М—й...* — Об этом случае позднее Лесков рассказал в неопубликованном очерке «Бибиковские каламбуры» (ЦГАЛИ); см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 99.

Стр. 26. *Ставровский,* Алексей Иванович (1811—1882) — профессор всеобщей истории Киевского университета.

Селин, Александр Иванович (1816—1877) — профессор русской словесности Киевского университета. По отзывам современников, его лекции привлекали слушателей своим красноречием, весьма, впрочем, поверхностным. Легенда о «свойстве» с Герценом явилась, вероятно, следствием того, что Селин учился в Московском университете в середине 30-х годов и близко общался со многими лицами, хорошо знавшими Герцена.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ НА КОРОТКИЙ СРОК

Печатается по тексту газеты «Новое время», 1882, № 2335, 29 августа; без подписи. Принадлежность статьи Лескову подтверждается как связью со следующей статьей («Забыта ли Тарасова могила?»), так и заглавием, стилем, осведомленностью автора в обстоятельствах похорон Шевченко, перевозки его тела на Украину и пр. См. Андрій Лесков. Лесков про «народну тропу» до Тарасової могили — «Пролетарська правда» (Киев), 1938, № 280, 8 декабря. В связи с настоящей статьей «Новости» (1882, № 228, 30 августа) поспешили сделать соответствующую поправку к прежним сообщениям, заметив при этом, что о могиле Шевченко забыла не только редакция газеты, «но и все его почитатели и даже друзья, как это свидетельствует полная заброшенность и плохое состояние могилы». На этот выпад Лесков ответил статьей «Забыта ли Тарасова могила?».

Стр. 27. *Газета «Новости»... перепечатала... известие...* — Имеются в виду заметки в «Новостях», 1882, № 224, 26 августа; № 225, 27 августа.

«Один из почитателей Шевченко». — Имеется в виду литератор М. А. Загуляев.

Стр. 28. *...тело Шевченко... было временно положено в могилу в Петербурге...* — Похороны Шевченко на Смоленском кладбище состоялись 28 февраля 1861 года. 26 апреля гроб был вырыт из могилы и отправлен на Украину. 6 мая он прибыл в Киев, а 8 мая пароходом был отправлен в Канев, где 10 мая состоялись похороны поэта, привлекшие громадную массу крестьян (см. Дмитро Косарик. Життя і діяльність Т. Шевченка. Літературна хроніка, Киев, 1955, стр. 254—260).

Некоторые из этих речей тогда производили такую сенсацию, что ген⟨ерал⟩-губернатор находил даже нужным позаботиться скорейшим окончанием всех церемоний погребения поэта. — Лесков неточно, по памяти, передает содержание административных распо-

ряжений в связи с похоронами Шевченко в Каневе. В действительности, киевский губернатор Гессе еще *до похорон* предписывал начальнику каневской полиции «принять... меры к сохранению порядка и о последующем донести», так как «при погребении, по всей вероятности, будет большое стечение народа». А после похорон генерал-губернатор Васильчиков получил донесение, что «студенты Киевского университета говорили речи, в которых ясно высказывалась будто надежда на будущую свободу Малороссии». Васильчиков разыскивал, кто именно из студентов выступал, приказывал «употребить все старания достать эти речи, если они существуют в рукописи» и т. д. («Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах». Киев, 1950, стр. 263—264).

...где «реве ревучий»... — цитата из стихотворения Шевченко «Заповіт» («Завещание»).

Стр. 29. *...какая-то помеха в какой-то неясности или спорности насчет принадлежности участка земли...* — Участок земли, на котором находилась могила Шевченко, считался собственностью его родственников. На этом основании каневские власти отказывались от участия в благоустройстве могилы.

Галаганы, Милорадовичи и Тарновские — богатые украинские помещичьи роды, известные как «покровители» украинской культуры. Упоминаемый далее Василий Васильевич Тарновский (1837—1899) получил известность как усердный собиратель украинских древностей, в частности всевозможных шевченковских реликвий, его рукописей, рисунков и т. д. Возможно поэтому Лесков понаслышке пишет о «задушевных письмах» к нему поэта; в действительности, известные в печати (и, по-видимому, все сохранившиеся) четыре письма Шевченко к В. В. Тарновскому не обнаруживают какой бы то ни было короткости личных их отношений и, во всяком случае, вряд ли заслуживали того, чтобы распространяться в копиях «чуть не по всей Украине».

ЗАБЫТА ЛИ ТАРАСОВА МОГИЛА?

Печатается по тексту газеты «Новое время», 1882, № 2338, 1 сентября.

Обстоятельства появления этой статьи см. выше, примечание к статье «Вечная память на короткий срок».

Стр. 30. *Моя родная сестра* — Наталия Семеновна Лескова (1836—1920), в монашестве Геннадия. О ней см. в книге: А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 415—417.

Стр. 32. *...с братом моим Михаилом Лесковым и с нашим родственником Н. П. Крохиным. — Лесков,* Михаил Семенович (1841—1889); о нем см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 411—415. *Крохин,* Николай Петрович (1837—1890) — зять Лескова, муж его сестры Ольги Семеновны; о нем см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 509—516.

«Вот и Катря!» — то есть героиня поэмы Шевченко «Катерина», рассказывавшей о судьбе обольщенной офицером и брошенной крестьянской девушки.

...дойдет до «старого Каченовского пана»... — Каченовка — имение семейства Тарновских, в котором в разное время бывали и жили Шевченко, Глинка, Гоголь, Маркевич, Штернберг и многие другие писатели, художники, музыканты.

НАРОДНИКИ И РАСКОЛОВЕДЫ НА СЛУЖБЕ

Печатается по тексту журнала «Исторический вестник», 1883, № 5, стр. 415—423.

Поездка Лескова в Ригу по поручению министра народного просвещения А. В. Головнина для изучения вопроса об организации правительственных общеобразовательных школ для раскольников явилась сокращенным вариантом первоначального, более широкого плана. О нем дает представление докладная записка Лескова, представленная министру 21 апреля 1863 года (таким образом, и поездка писателя в Ригу относится к июлю 1863 года, а не 1862-го, как сказано у Усова и повторено в статье Лескова). В записке Лесков намечал довольно длинный маршрут, от Твери, Ярославля и Пошехонья до Ачинских скитов, Перми и Тюмени, с заездом на возвратном пути в Поволжье. «Таким образом, — писал он, — я буду в состоянии ознакомиться с целою восточною полосою раскола трех наиболее распространенных толков (поповщина, федосеевщина беспоповщинская, молоканство) и надеюсь дать определительные ответы по вопросам, интересующим г. министра народного просвещения» (С. Н. Штрайх. Неизданное письмо Н. С. Лескова об исследовании раскола — «Вестник литературы», 1917, № 1; А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 172—173). Из-за отсутствия средств у министерства этот широкий маршрут не был осуществлен и заменен поездкой в Ригу.

Смысл подобной поездки для министерства заключался в желании привлечь на сторону правительства все «русские элементы» для русификации Остзейского края (Прибалтики). Об этом тогда же

Лесков рассказал в бесподписной заметке «Раскольничьи школы» («Библиотека для чтения», 1863, № 5, стр. 89). «Что раскол нимало не страшен государству, — читаем здесь, — это теперь ясно, как солнце. Толки, пугавшие власть расколом, росли от незнакомства с духом и домогательствами раскола. Теперь раскол высказался сам. Стоит найти людей, способных познакомить нас со всеми подробностями раскольничьей педагогии, и она, вероятно, станет страшна менее прошлогоднего снега. Стоит послушать самих раскольников, самих их вызвать на указание путей к соглашению их педагогических желаний с желаниями правительства и сделать дело как можно проще и согласнее с желаниями тех, для кого оно делается. Как бы ни обучен был молодой раскольник, он будет ближе своего отца к современной среде и получит бо́льшую охоту к знаниям, в которых лежит сила, долженствующая непременно одолеть заблуждения, устоявшие против петровских крючьев, кнута и плахи».

Результатом поездки Лескова в Ригу явилась обстоятельная его записка, изданная отдельной книжкой: «О раскольниках города Риги преимущественно в отношении к школам» (СПб., 1863; записка датирована 23 сентября 1863 года, издана в количестве 60 экземпляров). Несколько позже материал записки был использован в большой статье Лескова «Искание школ старообрядцами» («Биржевые ведомости», 1869, №№ 28, 30, 37, 43, 44, 48, 65, 71, 89, 102, 134).

Стр. 34. *В воспоминаниях Павла Степановича Усова о покойном Павле Ивановиче Мельникове...* — то есть в статье П. Усова «Воспоминания о П. И. Мельникове» — «Новое время», 1883, №№ 2528—2537.

Стр. 35. *Валуев,* Петр Александрович (1816—1890) — государственный деятель; в 1861—1868 годах — министр внутренних дел. На этом посту непрестанно враждовал с министром народного просвещения А. В. Головниным.

Стр. 36. *...последователями мнений Аф. Пр. Щапова...* — Афанасий Прокофьевич Щапов (1830—1876) — историк, близкий к революционным демократам. В своих работах отстаивал взгляд на раскол как на явление демократическое и революционное в своей основе; поэтому и он и его последователи считали необходимым возможно более широко использовать раскол в целях борьбы с самодержавием.

Нильский, Иван Федорович (1831—1894) — профессор Петербургской духовной академии, «специалист» по расколу; ссылки на Лескова в его работах не установлены.

Стр. 37. *...в «Лесах» и на «Горах»...* — то есть в романах П. И. Мельникова (А. Печерского) «В лесах» (1868—1875) и «На горах» (1875—1881).

Рассказ «Гриша» — опубликован в «Современнике», 1861, № 3; тогда же вышел отдельным изданием.

«Отчет о раскольниках...» — Лесков ошибочно указывает дату выхода своего «отчета»: в действительности, он вышел в свет в 1863 году и в количестве шестидесяти экземпляров.

Стр. 38. *...в ...книге... Юлиуса Экгарта...* — Публицист Ю. Экгарт отстаивал автономию Прибалтийских губерний.

Стр. 39. *...напечатанную в «Колоколе» А. И. Герцена.* — В «Колоколе», 1858, л. 16, стр. 132, были опубликованы материалы о «подвигах» П. И. Мельникова «на обращение раскольников».

Стр. 40. *Кожанчиков,* Дмитрий Ефимович (ум. в 1877 г.) — книгопродавец и издатель, был близок к прогрессивным кругам общественности.

Стр. 41. *Турунов,* Михаил Николаевич (1813—1890) — видный чиновник цензурного ведомства, с 1868 года сенатор.

...вместо подписи «слово-титло» — то есть буквы С. Т. Расшифровать скрывающееся за этими инициалами лицо не удалось.

...брошюра «С людьми древлего благочестия», которую я написал после этой поездки... — Под этим заглавием Лесков написал две статьи в «Библиотеке для чтения», 1863, № 11, стр. 1—64, и 1864, № 9, стр. 1—45, за подписью: М. Стебницкий. Обе статьи вышли отдельными брошюрами (СПб., 1863 и 1865). В данном случае Лесков, очевидно, имеет в виду первую статью.

Стр. 42. *Суворов,* Александр Аркадьевич, князь (1804—1882) — внук А. В. Суворова. В 1848—1861 годах был генерал-губернатором прибалтийских губерний и сильно преследовал раскольников. Позднее (1861—1866) — петербургский генерал-губернатор, близкий ко двору человек.

Капнист, Петр Иванович, граф (1830—1898) — чиновник министерства внутренних дел, приближенный к министру Валуеву.

Стр. 43. *Ливанов,* Федор Васильевич (ум. в 1870-х гг.) — писатель, автор ряда книг и очерков, посвященных раскольничьему и острожному быту. Данная Лесковым характеристика основной его книги, «Раскольники и острожники. Очерки и рассказы» (СПб., 1868; было несколько изданий), совершенно справедлива. По поводу другой книги Ливанова, «Жизнь сельского священника. Бытовая хроника из жизни русского духовенства» (М., 1877), Лесков отозвался специальной статьей: «Карикатурный идеал. Утопия из церковно-бытовой жизни (Критический этюд)» — см. наст. изд., т. 10, стр. 188.

...начиная с Морозовых и Кузьмы Терентьевича Солдатенкова... — то есть с самых именитых представителей московского купечества: Морозовы — сыновья Саввы Васильевича (1771—1860): Тимофей,

Иван, Елисей и др. К. Т. Солдатенков (1818—1901) был широко известен также своей издательской и общественной деятельностью.

Толстой, Дмитрий Андреевич, граф (1823—1889) — в 1866—1880 годах министр народного просвещения. Крайний реакционер, активно противодействовал передовым направлениям в высшей и средней школе. По ходатайству Каткова Толстой в 1874 году определил Лескова членом «Ученого комитета министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения».

Васильев, Иосиф Васильевич (ум. в 1881 г.) — священник, председатель Духовно-учебного комитета при синоде (с 1867 г.).

«Золотая грамота» — название «первой в России учебно-воспитательной народной хрестоматии», вышедшей в 1875 году, в Москве (две части).

...затруднений П. И. Мельникова в издательстве книги... — В 1866 году Мельникову было дано поручение собрать ряд сведений о расколе по специальной программе. Выполненная работа затем не получила никакого движения. См. П. Усов. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский). Его жизнь и литературная деятельность, СПб., стр. 232—270.

Стр. 44. *Арсений* (Брянцев) (1839—1912) — архимандрит, позднее архиепископ харьковский. О судьбе процензурованной им работы Лескова никаких сведений не сохранилось. Судя по упоминанию о Боссюэте (Жак-Бенинь Боссюэ (1627—1704) — известный французский проповедник и догматик католичества, произведения которого были направлены на «убеждение» протестантов), работа Лескова также предназначалась для пропаганды православия среди раскольников. Намеки относительно «некоего В. В. Кардо-Сысоева» (сведений о нем не сохранилось, кроме того, что в 1878—1882 годах он издавал «народный сельскохозяйственный журнал «Сельская беседа», в сугубо «благонамеренном» роде), по-видимому, имеют в виду его связь с жандармским ведомством («одним учреждением»).

ПУТИМЕЦ

Из апокрифических рассказов о Гоголе

Печатается по тексту «Газеты А. Гатцука», 1883, № 39, стр. 798—803; № 40, стр. 815—818; № 41, стр. 830—834; № 42, стр. 844—847.

Подчеркнутая подзаголовком «апокрифичность» рассказа подтверждается и его содержанием. Образ молодого Гоголя-гимназиста явно создан по ассоциациям с позднейшими мистическими

настроениями писателя. Правдиво звучат в рассказе склонность молодого Гоголя к мистификации, замечательная его способность угадывать существо характера встречного человека. Однако связываемая с этой мистификацией мистическая прозорливость будущего писателя, пророческие его способности предугадать грядущую судьбу человека — все это привнесено в реальную основу «апокрифического рассказа» писателем, знавшим уже «Переписку с друзьями», читавшим «Записки о жизни Гоголя» Николая М. (П. А. Кулиша, первого биографа Гоголя).

Стр. 45. *Напечатанные... письма Н. В. Гоголя...* — Имеется в виду публикация С. Пономарева «Письма Гоголя к В. В. Тарновскому» — «Киевская старина», 1883, № 3, стр. 623—629.

Гудовский, Иван Васильевич — учитель рисования, окончил Академию художеств в 1849 году, знакомый Лескова и Шевченко. Лесков о нем упоминает неоднократно, например в «Печерских антиках», главы 15, 16 и др.

...со слов другого своего земляка... — Семейство Чернышей, потомков известного в свое время генерального судьи Ивана Черныша, имело широкие знакомства среди помещиков Полтавской губернии. Сестра Гоголя Анна Васильевна, рассказывая Г. П. Данилевскому об окружении молодого Гоголя, отметила: «В деревне Толстое, в шести верстах от нас, жили Черныши, которых брат любил» («Гоголь в воспоминаниях современников», М., 1952, стр. 462). Василий Иванович Черныш был отчимом А. С. Данилевского, одного из ближайших школьных товарищей и друзей Гоголя. Можно полагать, что именно Данилевский является тем товарищем и спутником будущего писателя, которого Лесков «для удобства в изложении» называет в своем рассказе Чернышом.

Стр. 46. *В бытность Гоголя студентом Нежинского лицея...* — Н. В. Гоголь учился в нежинской Гимназии высших наук с 1821 по 1828 год.

Стр. 47. *...повесть о том, «как в Туле надули малороссийского паныча».* — По-видимому, имеется в виду повесть Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский», в одной из глав которой старосветский украинский «паныч» попадает в Туле на постоялый двор, обольщается ловким хозяином, простодушно все время удивляясь гостеприимству незнакомого ему человека, и под конец приходит в изумление от поданного громадного счета, который пришлось оплатить. Необходимо, впрочем, заметить, что повесть Квитки появилась в свет только в 1839—1840 годах, так что товарищ Гоголя в середине

20-х годов явно не мог быть с нею знаком. Это привнесено в рассказ уже Лесковым.

Стр. 50. *Закхей* — в евангелии начальник мытарей (сборщиков податей) в городе Иерихоне, впоследствии уверовавший в Христа и ставший одним из апостолов.

А кто их, бидаков, закрипостив? — Екатерина II закрепостила крестьянство на Украине 3 мая 1783 года.

Стр. 53. *Брада Аарония.* — В библии Аарон — один из первосвященников.

...по красной касандрийской рубахе... — Касандрейка (испорченное александрейка) — красная в полоску хлопчатобумажная ткань на рубахи.

Гостомысл — полулегендарный новгородский посадник IX века.

Стр. 54. *...Ивану Андр⟨еевичу⟩ Крылову некогда понравилась «добрая» фамилия купца Блинова...* — один из очень распространенных анекдотов о И. А. Крылове.

Стр. 55. *...«куряне ведомые-то кмети»...* — неточная цитата из «Слова о полку Игореве»: «А мои ти Куряни свьдоми къмети», то есть: «А мои ведь куряне — известные воины».

...Ярославну оберегали... — то есть жену князя Игоря Святославича, героя «Слова о полку Игореве».

Стр. 60. *Тацит,* Корнелий (ок. 55 — ок. 120) — римский историк.

Лабрюйер, Жан (1639—1696) — французский писатель.

Стр. 68. *В России о нем тужили только люди, умевшие понимать его литературное значение...* — Противопоставление общенародной скорби о Гоголе на Украине скорби небольшого круга любителей и ценителей литературы в России неверно. Также неверно замечание о том, что «имя Белинского почти все произносили с раздражением»: сразу же после смерти Гоголя обнаружилась идейная «борьба вокруг творческого его наследия, борьба, разворачивавшаяся не по территориальным, а по классово-идеологическим координатам. В этой борьбе коренной москвич Погодин всячески поносил имя Белинского, между тем как прогрессивная студенческая молодежь Киева и Харькова размножала списки его зальцбруннского письма. «Минуты действительно глубокой национальной скорби» после смерти Гоголя ощущались одинаково сильно, болезненно и остро как в России, так и на Украине.

Стр. 69. *...«собака, кошка, мышь жива, а нет Корделии?»* — цитата из «Короля Лира» (д. V, явл. 3).

...«нет великого Патрокла — жив презрительный Терсит» — цитата из баллады Шиллера «Торжество победителей» (в переводе В. А. Жуковского).

⟨ТОВАРИЩЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О П. И. ЯКУШКИНЕ⟩

Печатается по тексту: Сочинения П. И. Якушкина. СПб., 1884, стр. XLVII—LXIII. Заглавие в наст. издании условно повторяет название всего раздела воспоминаний о Якушкине в указанной книге.

Павел Иванович Якушкин (1820—1872), которому посвящены воспоминания Лескова, представляет собою интереснейшую фигуру писателя-демократа, фольклориста, собиравшего в крестьянской среде образцы народного творчества. В крестьянской одежде бродил Якушкин по великорусским деревням, исследуя и наблюдая народ, так сказать, «изнутри», подмечая в нем такие черты и процессы, подметить которые было не под силу сторонним наблюдателям. Невыясненным до сих пор остается вопрос, насколько активно вел Якушкин среди народа политическую и социальную пропаганду, однако несомненно, что он, вопреки характеристикам большинства мемуаристов (не исключая и Лескова), был убежденным демократом, исповедовавшим идеи Чернышевского, Некрасова, «Современника».

Современная прогрессивная критика особенно выделила воспоминания Лескова о Якушкине из других воспоминаний, помещенных в названной книге. Так, Н. В. Шелгунов писал, что лесковские воспоминания отличаются «наибольшей художественностью и полнотой», — «это как бы законченный художественный очерк, картинка с натуры, нарисованная с обычной г. Лескову талантливостью» («Дело», 1883, № 12, стр. 21—22). Однако и у Лескова рассказ о Якушкине сбивается на анекдоты, и сам Якушкин выглядит не человеком, всецело захваченным большой идеей, а скорее безобидным чудаком, еще одним «праведником» и «легендарным характером», которые так привлекали писателя. Тем выразительнее оказывается попытка Лескова дать в своих воспоминаниях также и характеристику политических и социальных взглядов Якушкина, — правда, весьма противоречивую: если в начале воспоминаний он утверждает, что «политика» занимала Якушкина «очень мало, или, точнее сказать, — она его совсем не занимала», что «формы правления для него были все безразличны — «как народ похотел, так и добро», то в заключении оказывается, что социальные симпатии Якушкина «были все на стороне рабочих людей, особенно батраков, фабричных и вообще всей подобной «голытьбы». Подробную характеристику воспоминаний Лескова и вообще его отношений к Якушкину см. в книге В. Базанова «Павел Иванович Якушкин», Орел, 1950, стр. 57—64.

Стр. 72. ...*сторожей Кухтина и Леонова...* — О них Лесков упоминает также в «Житии одной бабы» и «Смехе и горе», главы 16 и 17.

Об упоминаемом несколько ниже В. А. Функендорфе см. выше, примечание к «Автобиографической заметке».

...мы не встречались до его псковской истории с Гемпелем. — 22 августа 1860 года Якушкин был арестован в Пскове частным приставом Гемпелем, которому показался подозрительным русский народный костюм Якушкина. После выяснения личности последнего он был отпущен. Происшествие это привлекло внимание печати: кроме полемики между самим Якушкиным и Гемпелем (см. Сочинения П. И. Якушкина, СПб., 1884, стр. XCVI—CXIV), на него отозвались почти все газеты и журналы, в том числе сатирические.

...по делам торгового дома, которыми занимался. — Небольшая неточность: «делами «торгового дома» (А. Н. Шкотта) Лесков занимался с 1857 года до весны 1860 года, в Петербург же приехал (в конце декабря 1860 года или начале января 1861 года) в качестве корреспондента «Русской речи». Тогда же, видимо, состоялось его знакомство с Якушкиным.

Стр. 73. *...С. С. Громека («бурнопламенный»)...* — «Бурнопламенным» Лесков называет Громеку за его статьи в «Отечественных записках» против «нигилистов», на протяжении нескольких лет служившие мишенью сатирических нападок прогрессивной печати.

Стр. 74. *«Когда Петр Дм. Боборыкин издавал «Библиотеку для чтения»...* — П. Д. Боборыкин был издателем-редактором «Библиотеки для чтения» в 1863—1865 годах; Лесков активно сотрудничал в журнале. Об участии в журнале Якушкина см. П. Д. Боборыкин. За полвека (Мои воспоминания). М., 1929, стр. 296.

...образовались две партии: «постепеновцев» и «нетерпеливцев». — Так Лесков называет либералов и революционных демократов, литературные, политические и социальные позиции которых с особенной отчетливостью определились в годы революционной ситуации (1859—1861).

Стр. 75. *Раз, после одной из моих побывок за границею...* — очевидно, после возвращения Лескова из первой поездки за границу, в 1862—1863 годы (см. «Хронологическую канву» в наст. томе).

Эдельсон, Евгений Николаевич (1824—1868) — литератор и переводчик, критик, сторонник «чистого искусства»; в 1863—1865 годах активно сотрудничал в «Библиотеке для чтения».

Стр. 79. *...его звал к себе граф Строганов...* — вероятно, Сергей Григорьевич Строганов (1794—1882; дальше Лесков называет его «покойным», то есть недавно умершим). В 1860—1865 годы Строганов руководил воспитанием великого князя Николая Александровича (ум. в 1865 г.); возможно, приглашение Якушкина связывалось с намерением как-то использовать его в деле ознакомления великого

князя с народом. В этой связи мог Лесков говорить о желании Строганова «пособить» Якушкину.

...какая-то художественная выставка. — Летом и осенью 1863 года на Елагином острове была открыта обширная выставка цветов, привлекавшая много посетителей.

Стр. 80. *С. Е. К.* — вероятно, генерал-адъютант С. Е. Кушелев (о нем см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 295).

Стр. 81. *...брат мой, доктор...* — Алексей Семенович Лесков (1837—1909), врач-гинеколог. См. о нем А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 408—411.

Увезли Павла Ивановича из Петербурга в ссылку... — Вопреки заявлениям Лескова об аполитичности литературно-общественной деятельности Якушкина, ему неоднократно приходилось испытывать жандармско-полицейские преследования. Не говоря уже о «псковском эпизоде», в 1862 году он был заподозрен в распространении «возмутительных прокламаций», а в 1864 году — выслан с Нижегородской ярмарки в Петербург, официально — за «пьянственные буянства», фактически, как рассказывает С. В. Максимов, — за «подозрительное» общение с народом. Вскоре за тем он был выслан и из Петербурга — вследствие все той же политической неблагонадежности. Сводку данных о политических преследованиях Якушкина см. в книге В. Г. Базанова «Павел Иванович Якушкин», Орел, 1950, стр. 64—76.

Я тогда жил за границею, во Франции. — Здесь налицо смещение хронологии: весь 1864 год Лесков прожил в Петербурге, работая над романом «Некуда» (см. наст. изд., т. 2, стр. 717—718); во Франции он был в 1862—1863 годах.

Трогательную историю его удаления лучше всех знает... Сергей Васильевич Максимов. — Воспоминания С. В. Максимова (1831—1901) о Якушкине напечатаны в «Сочинениях П. И. Якушкина», СПб., 1884, стр. I—XXX.

Стр. 83. *Якушкин спас девушку, бросившую... букет.* — «Гражданская казнь» Н. Г. Чернышевского состоялась 19 мая 1864 года. При объявлении приговора и позже, когда Чернышевского увозили обратно в крепость, ему были брошены несколькими девушками букеты цветов. Одна из девушек, М. П. Михаэлис, была арестована и выслана из Петербурга, остальные остались неразысканными. Очевидно, одну из них и «спас» Якушкин. Этот факт подтвержден также другим мемуаристом, В. Н. Никитиным (Сочинения П. И. Якушкина, СПб., 1884, стр. XXXI—XXXII).

Стр. 85. *Суворов, Александр Аркадьевич, князь.* — О нем см. примечание к стр. 42. Лесков был одним из тех, сравнительно немногих лиц, которые не увлеклись показным благодушием и «либерализмом»

Суворова и справедливо видели в этом лишь своеобразную «дань времени».

Стр. 86. *Сырокомля* — Владислав Сырокомля (псевдоним Людвига Кондратовича, 1823—1862) — польский поэт-демократ, бытописатель польско-украинско-белорусского крестьянства и мелкой шляхты.

Стр. 88. *Антисфен* (ок. 435—370 до н. э.) — греческий философ.

Стр. 89. *Дрепер* — Джон Уильям Дрэпер (1811—1882) — английский физиолог и историк, автор книги «История умственного развития Европы» (русское издание: СПб., 1866, два тома; были и более поздние издания).

ОТКУДА ПОШЛА ГЛАГОЛЕМАЯ «ЕРУНДА» ИЛИ «ХИРУНДА»

Печатается по тексту газеты «Новости», 1884, № 243, 3 сентября.

Стр. 90. *Академическая газета узнала...* — Академической газетой Лесков называет «С.-Петербургские ведомости», издателем которых формально числилась Академия наук. Как установлено советскими исследователями, Тургенев действительно не выдумал слово «нигилизм»: оно с начала XIX века появлялось в критических и философских сочинениях, русских и иностранных, а в несколько иной форме («нигилианизм») употреблялось еще средневековыми теологами для обозначения еретических учений, сомневавшихся в историческом существовании Христа и божественной его сущности (М. П. Алексеев. К истории слова «нигилизм» — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР», т. CI, № 3, стр. 413—417; Б. П. Козьмин. Два слова о слове «нигилизм» — «Известия Академии наук СССР. Отд. литературы и языка», 1951, кн. 4, стр. 378—385; А. И. Батюто. К вопросу о происхождении слова «нигилизм» в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1953, вып. 6, стр. 520—525; Б. П. Козьмин. Еще о слове «нигилизм» — там же, стр. 526—528.

Блаженный Августин (354—430) — один из «отцов церкви», фанатически отстаивавший право церкви самым суровым образом расправляться с «еретиками» и инакомыслящими.

Павловский, Иван Данилович (1852—1881) — литератор, постоянный сотрудник «Церковно-общественного вестника» (под псевдонимом «Юсковский»). Установить, какую статью имеет в виду Лесков, — не удалось.

Стр. 92. *...я даже вложил это в уста протопопа Савелия Туберозова...* — см. наст. изд., т. 4, стр. 278.

Стр. 94. *Шальберт* (шалбер) — бездельник.

...супинум и герундиум. — Супинум — одна из форм глагола в латинском языке. Герундиум — отглагольное существительное.

Стр. 95. *...в «биргалах»...* — пивных (от нем. Bierhallen).

Стр. 96. *Вильбоа,* Константин Петрович (1817—1882) — музыкальный критик и композитор, автор многих романсов (популярный дуэт «Моряки») и обработок русских песен.

Стопановский, Михаил Михайлович (ум. в 1877 г.) — писатель-демократ, автор романа «Обличители» (1862), сотрудник «Искры».

Стр. 97. *Камбек,* Лев Логгинович — журналист-«обличитель». См. о нем статью С. А. Рейсера «Журналист и «обличитель» Лев Камбек» — «Звенья», кн. VIII, М., 1950, стр. 766—781; там же, стр. 777—778 — большой фактический материал о первоначальном распространении слова «ерунда» в начале 60-х годов.

Лазарев, Александр Васильевич — композитор и дирижер; его концерты из собственных произведений, несмотря на шумную рекламу, неизменно сопровождались скандалами публики из-за бездарности исполняемого и исполнения. Сатирические журналы прозвали Лазарева «абиссинским маэстро».

Толбин, Василий Васильевич (1821—1869) — журналист-демократ, сотрудник «Искры». Часто выступал по вопросам искусства.

...скончался губернатором, с прозвищем «Степан-Креститель». — С. С. Громека последние годы жизни был седлецким губернатором; прозвище подчеркивало его «труды» по обращению польского населения в православие.

Стр. 98. *...ни сознательного намерения профанировать классицизм...* — Имеется в виду утвержденное гимназическим уставом 1871 года преимущественное изучение в гимназиях классических языков, за счет сокращения преподавания литературы, истории и почти полного упразднения преподавания естественных наук. Среди прогрессивной общественности «классицизма», как одно из проявлений реакционной политики царского правительства, вызывал резкие возражения, проникавшие и в печать.

Стр. 99. *...в редакцию В. С. К⟨урочки⟩на* — то есть в редакцию «Искры».

ЛУЧШИЙ БОГОМОЛЕЦ

Печатается по тексту газеты «Новости и Биржевая газета», 1886, № 109, 22 апреля.

Статья Лескова представляет интерес в нескольких отношениях. Прежде всего, это — одно из первых по времени свидетельств увле-

чения писателя Прологами как художественным материалом. Вместе с тем в статье этой писатель, также едва ли не впервые, открыто заявляет о полном своем сочувствии Л. Н. Толстому в его этико-философских и религиозных исканиях, о своем согласии с ним, в частности по вопросу о «направлении» его «простонародных рассказов», отнюдь не «вредном», как заявляла реакционная, ортодоксально-православная критика, но — основанном на сочинениях, издавна принятых христианской церковью. Пиетет к Толстому (ср. в письме Лескова к В. Г. Черткову от 4 ноября 1887 года: «О Льве Николаевиче мне все дорого и все несказанно интересно. Я всегда с ним в согласии, и на земле нет никого, кто мне был бы дороже его») определяет творчество Лескова последних лет; имя Толстого часто появляется и в статьях Лескова и в его письмах к разным лицам.

Стр. 100. *Целый век трудиться...* — Эпиграф — неточная цитата из стихотворения И. С. Никитина «Ночлег в деревне».

Четыре периодические издания... — Нападки на Толстого «за вредное направление» оживились в связи с выходом двенадцатого тома пятого издания собрания сочинений Толстого («Произведения последних годов», М., 1886). В том этот вошли произведения писателя, написанные для народа, «Смерть Ивана Ильича» и др. Полемика вокруг тома особенно обострилась в связи с заявлением Толстого о том, что произведения, напечатанные в нем, могут безвозбранно и безвозмездно переиздаваться всеми желающими.

Стр. 101. *...его вступление к пересказу евангельской истории...* — сочинение Л. Н. Толстого «В чем моя вера?» (М., 1884), конфискованное и уничтоженное цензурою, но распространявшееся в массе рукописных списков и перепечаток на гектографе.

Стр. 102. *Тотчас по выходе рассказа «Чем люди живы»...* — Рассказ Л. Н. Толстого «Чем люди живы» напечатан в «Детском отдыхе», 1881, № 12, стр. 407—434.

...рассказ этот взят из «Народных легенд» Афанасьева... — Лесков имеет в виду легенду № 26. «Ангел», из сборника «Народные русские легенды» (М., 1860) А. Н. Афанасьева (1826—1871).

Потом... мне почуялись старые Пролога. — В статье «Жития как литературный источник» («Новое время», 1882, № 2323, 17 августа) Лесков писал: «Жития читали Пушкин, Герцен (Искандер), Костомаров, Достоевский, и, по слухам, ими же усерднее всех вышеупомянутых занимается граф Лев Н. Толстой». И дальше: «Человек таких дарований и такого настроения, как гр. Л. Т., ударив в старый камень священных сказаний, может источить из него струю живую и самую целебную. Некоторых это печалит, — им жаль, что такой

большой художник займется аскетами, а не дамами и кавалерами. Этим людям непонятно и досадно, как можно полюбить что-либо кроме бесконечных вариаций на темы: «влюбился — женился» или «влюбился — застрелился».

...Гр. П. Данилевский... поместил в «Историческом вестнике»... — Имеется в виду статья Г. П. Данилевского «Поездка в Ясную Поляну» («Исторический вестник», 1886, № 3, стр. 529—544).

Стр. 105. *Авво* — отец (сирийск.), обычное обращение в житийной литературе к старшим, к священнослужителям.

Стр. 110. *...намерение уничтожать литературный успех графа Толстого...* — Намек на попытки синода и министерства народного просвещения использовать пересказы «священного писания» и житийной литературы для воспитания народа и юношества в православном духе, в духе царепочитания. Попытки эти оказались совершенно беспомощными и никакого успеха не имели.

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ ТУМАН

Печатается по тексту журнала «Исторический вестник», 1886, № 6, стр. 598—613.

Стр. 113. *Всякий имя себе в сладостный дар получает.* — Эпиграф — цитата из XXVII идиллии Феокрита (IV—III вв. до н. э.).

На сих днях вышла книжка покойного Карновича о родовых прозвищах — «Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими» (СПб., 1886). Евгений Петрович Карнович (1823—1885), журналист, историк, был одним из близких Лескову людей. См. о нем «Безграничная доброта. Анекдотические воспоминания о Карновиче» («Новь», 1886, № 2, стр. 288—295) в серии «Рассказы кстати». Упоминаемое ниже «прежнее превосходное исследование названного автора» — «Замечательные богатства частных лиц в России» (СПб., 1874; изд. 2-е, 1885).

Стр. 114. *«Князь Тавриды»* — Потемкин Григорий Александрович, князь Таврический (1739—1791), русский государственный деятель, фаворит Екатерины II, происходил из захудалой дворянской семьи Смоленской губернии.

Стр. 115. *«Татьяна Борисовна».* — Лесков намекает на Татьяну Борисовну Потемкину (1797—1869), великосветскую ханжу и «благотворительницу», особое внимание обращавшую на распространение христианства (православия) «среди язычников и в дальних пределах России».

Стр. 116. *...об этом хорошо пишет Энгельгардт.* — Александр Николаевич Энгельгардт (1832—1893), профессор-химик Земледельческого института в Петербурге, был в 1871 году выслан из Петербурга и поселился в своем имении Батищево (Смоленской губ.), где стал заниматься сельским хозяйством. Свои наблюдения над окрестным крестьянством он излагал в письмах «Из деревни», печатавшихся в «Отечественных записках» (1872—1882) и позднее вышедших отдельной книгой (было несколько изданий). Живые и выразительные характеристики деревенской жизни, быта крестьян и помещиков обратили на себя внимание Карла Маркса и В. И. Ленина; последний неоднократно ссылался на наблюдения Энгельгардта в работах «Развитие капитализма в России» и «От какого наследства мы отказываемся».

Стр. 118. *...от «знаменитого итальянца Альфиери»* — то есть Витторио Альфиери (1749—1803), итальянского драматурга и поэта.

Алферьев, С. П. — См. о нем примечание к стр. 16.

Стр. 120. *Все это напоминало историю Тригопортов.* — В тексте статьи Лескова С. Н. Шубинский произвел ряд купюр; вследствие одной из них история о Тригопортах осталась без разъяснений.

Стр. 121. *Пранец — это французская болячка.* — Пранцы (укр. народн.) — сифилис.

Стр. 122. *«Однодворец».* — Однодворцами с XVIII века назывались потомки свободных земледельцев, селившихся на границах Московского государства. Однодворцы выделялись из массы крестьянства, имели даже право заводить крепостных, хотя в то же время облагались, наравне со всеми крестьянами, подушной податью.

Когда... в 1847 году прошла по осени опустошительная холера... — Холерная эпидемия «прошла» в Европейской России в 1848 году.

Стр. 125. *...известного в свое время эмигранта Кельсиева...* — Василий Иванович Кельсиев (1835—1872) — публицист; в 1859 году эмигрировал за границу и некоторое время работал с Герценом. В 1867 году возвратился в Россию, «покаялся» и был «прощен».

...рассуждения Тристрама Шанди у Стерна... — то есть в романе Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристама Шенди, джентльмена» (1759—1767).

Васильев день — 1 января.

Стр. 126. *Морошкин,* Михаил Яковлевич (1820—1870) — священник, историк и духовный писатель.

Разумовский, Кирилл Григорьевич (1728—1803) — брат фаворита императрицы Елизаветы Петровны. Выходец из простых (реестровых)

казаков, он сделался одним из первых вельмож Российской империи, президентом Академии наук (1746—1765), гетманом Украины (1750—1764) и т. д.

Чернышев, Захар Григорьевич (1722—1784) — русский полководец, генерал-фельдмаршал. В 1760 году его войска заняли Берлин.

Стр. 127. *...фамилия Скобелевых дошла до нас в переделке...* — По преданию (см., например, рассказ А. И. Куприна «Однорукий комендант»), прадед известного генерала М. Д. Скобелева был дворянином-однодворцем и носил фамилию Кобелев. Его сын, достигнув генеральского чина, добился изменения «зазорной» фамилии.

Стр. 129. *...множество вполне незначительных людей, носящих фамилию Валуевы...* — Этот выпад полемически направлен против Петра Александровича Валуева (1816—1890), министра внутренних дел (1861—1868), министра государственных имуществ (1872—1879) и т. д.

Стр. 131. *Ермолов,* Алексей Петрович (1772—1861) — генерал; деятельный участник войн с Наполеоном, позднее главноуправляющий в Грузии и командир Кавказского корпуса (1817—1826), пользовался громадной популярностью среди офицерства и части дворянства. Популярность эта усилилась после того, как за связи с декабристами Ермолов был уволен в отставку (1827) и доживал свой век в Москве.

ОТКУДА ЗАИМСТВОВАН СЮЖЕТ ПЬЕСЫ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО «ПЕРВЫЙ ВИНОКУР»

Печатается по тексту газеты «Новости», 1886, № 156, 9 июня.

Стр. 132. *...недавно умерший книгопродавец Блиссмер...* — вероятно, Иоганн-Густав-Генрих Блисмер (1804—1880).

...при известной поддержке от Василия Александровича Пашкова и графа Модеста Мод⟨естовича⟩ Корфа и их друзей. — Имеются в виду представители религиозной секты, получившей значительное распространение в середине 70-х годов в великосветском обществе; ее последователи назывались, по имени В. А. Пашкова, «пашковцами». Сам Пашков, в свою очередь, находился под сильным воздействием английского проповедника лорда Редстока, неоднократно приезжавшего в Россию и имевшего своих приверженцев в Петербурге и Москве. Пашковцы отрицали иконы, святых, церковные «таинства», церковную иерархию; они считали, что каждый христианин должен быть проповедником учения Христа. Лесков посвятил

Редстоку и его великосветским последователям в России большую статью «Великосветский раскол» («Православное обозрение», 1876, № 9, стр. 138—178; № 10, стр. 300—326; 1877, № 2, стр. 294—334). См. об этом А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 338—342.

Засецкая, Юлия Денисовна — дочь Дениса Давыдова, последовательница лорда Редстока и Пашкова. См. о ней А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 338—341.

Пейкер, Мария Григорьевна (1827—1881) — последовательница лорда Редстока, издательница ежемесячного религиозно-нравственного журнала «Русский рабочий». См. письма Лескова к ней в т. 10 наст. издания.

Стр. 133. *Кирилл Туровский* — русский церковный писатель и проповедник XII века. *Кирилл Белозерский* (1337—1427) — игумен Белозерского монастыря, проповедник. Оба в проповедях своих неоднократно обличали пьянство.

Карлейль, Томас (1795—1881) — английский историк и философ-идеалист.

Маколей, Томас (1800—1859) — английский историк и публицист. На его произведения, как и на произведения Карлейля, Лесков часто ссылается как на образцы исторического бытописания, образцы художественного и умелого использования многоразличных источников (см. письмо 247 и др.).

О КУФЕЛЬНОМ МУЖИКЕ И ПРОЧ.

Печатается по тексту газеты «Новости и Биржевая газета», 1886, № 151, 4 июня; № 161, 14 июня.

Статья является откликом на оживленную газетно-журнальную полемику, возникшую вокруг появившегося в апреле 1886 года двенадцатого тома Сочинений гр. Л. Толстого. Сам Лесков принял в полемике непосредственное участие. Так, в мае — июне 1886 года он готовит статью «О женских способностях и о противлении злу» (напечатана несколько позже, под заглавием «Загробный свидетель за женщин», в «Историческом вестнике», 1886, № 11); вслед за нею печатается большая статья «О рожне. Увет сынам противления» («Новое время», 1886, № 3838, 4 ноября), в которой, полемизируя с «поверхностными партизанами противления, умами своими одолевающими Толстого» (имеется в виду более всего А. М. Скабичевский и его изобличение Толстого в «Литературном обозрении» — «Новости и Биржевая газета», 1886, № 271; ср. также № 280), писатель убеждает «умных людей», что у «Толстого «противление злу» есть, а затем им предлежит раскрыть и показать

обществу, что в толстовском методе непротивления верно и что в нем спорно, сомнительно и подлежит поправке». Одновременно пишется и печатается еще ряд более мелких и частных статей, посвященных Л. Н. Толстому.

В статье «О куфельном мужике» Лесков возобновляет разговор с читателем о Толстом и Достоевском как учителях жизни, начатый за несколько лет перед тем: в статьях «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)» («Новости и Биржевая газета», 1883, № 1, 1 апреля; № 3, 3 апреля), написанных по поводу «пропитанной ядом» книги К. Н. Леонтьева «Наши новые христиане» (М., 1882). На связь с предшествовавшими статьями указывает сам Лесков в тексте «О куфельном мужике», замечая, что «старался дать защитникам графа годное оружие для защиты Льва Николаевича от нападок на него со стороны г. Леонтьева». Однако, если в статье 1883 года речь в основном шла о религиозных воззрениях Толстого, то в новой своей статье писатель разбирает этическое учение Толстого, его народолюбие, показывая, насколько обращение Толстого к «мужику» органичнее и серьезнее, нежели раздраженные рекомендации Достоевского «учиться всему» у «куфельного мужика».

Стр. 135. *Мельхиор де Вогюэ* (1848—1910) — французский дипломат и литератор, автор ряда статей о русском романе. Лесков имеет в виду статью: «Гр. де-Вогюэ о гр. Л. Н. Толстом» («Новое время», 1884, № 3035).

Я старался показать... что г. Леонтьев сочинений Исаака Сирина не знает. — В указанной выше статье, а также в статье «Золотой век. Утопия общего переустройства». — «Новости», 1883, № 80. 22 июля; № 87, 29 июля.

...я указывал на сходство сюжетов гр. Толстого с некоторыми историями из Прологов... — См. статью Лескова «Лучший богомолец» в наст. томе.

Стр. 136. *...как множество людей, имевших возбужденный аппетит, обошлись с очень малым количеством пищи.* — Имеется в виду евангельская легенда о том, как Иисус Христос накормил пятью хлебами пять тысяч человек, так, что все насытились. Толстой разбирает эту легенду в сочинении «Краткое изложение евангелия».

Стр. 137. *Макарий Александрийский* (304—404) — аскет-отшельник, признанный христианской церковью святым; память его отмечается церковью 2 января.

Стр. 139. *Чехов,* Антон Павлович (1860—1904). — Личное знакомство Лескова с Чеховым относится к 1883 году. В письме Чехова

брату Александру (между 15 и 20 октября 1883 года) рассказывается о приезде в Москву «моего любимого писаки, известного Н. С. Лескова» (А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем, т. XIII, М., 1948, стр. 79—80). Из писем Чехова в последующие годы (особенно к Суворину) явствует, что взаимно доброжелательные отношения между обоими писателями продолжались вплоть до смерти Лескова. О том же рассказывал автору настоящих строк и А. Н. Лесков.

Стр. 140. *Смерти, описанные И. С. Тургеневым, А. Н. Майковым... г. Гаршиным...* — Имеются в виду «Три смерти» А. Н. Майкова, «Четыре дня» В. М. Гаршина и некоторые рассказы из «Записок охотника» («Смерть», «Живые мощи», «Уездный лекарь», «Мой сосед Радилов»).

...смерть Сенеки вдохновительна и реальна. — Римский философ-стоик Луций Анней Сенека (6—3 до н. э. — 65 н. э.) по ложному доносу был приговорен к смерти и, не дожидаясь исполнения приговора, покончил жизнь самоубийством.

«Мудрец отличен от глупца тем, что он мыслит до конца» — цитата из лирической драмы А. Н. Майкова «Три смерти».

Екклезиаст говорит, что «дерево куда клонится, туда и падает» — неточная цитата из «Книги Екклезиаста» (гл. 11, ст. 3): «И если упадет дерево на юг или на север, то оно там и останется, куда упадет».

Стр. 141. *«У одра умирающих»* — «У одра умирающих, из записок покойного Розенштрауха» (СПб., 1863, перевод с немецкого).

Стр. 146. *Милюков,* Александр Петрович — см. о нем наст. изд., т. 10, примечание к письму 19. Упоминая об «избрании» Милюковым в качестве положительных персонажей «извозчиков», Лесков имеет в виду его книгу «На улице и еще кое-где. Листки из памятной книжки», СПб., 1865 (изд. 2-е — СПб., 1875).

После кончины поэта... Толстого. — Алексей Константинович Толстой умер 28 сентября 1875 года.

Его вдова — Софья Андреевна Толстая (1820—1895).

Маркевич, Болеслав Михайлович — см. наст. изд., т. 10, примечание к письму 72.

Соловьев, Владимир Сергеевич (1853—1900) — философ-идеалист и мистик.

Раз был проездом Тургенев. — Тургенев мог посетить С. А. Толстую во второй половине мая либо в середине июля 1876 года, проездом из Парижа в Спасское и обратно.

Стр. 147. *Ф. М. Достоевский зашел раз сумерками к... Засецкой...* — С Ю. Д. Засецкой Достоевский познакомился зимою

1873 года и по ее приглашению не раз присутствовал на беседах лорда Редстока. Сохранилась также переписка Засецкой с Достоевским.

...из сочинений Джона Буниана... — Английский теософ и странствующий проповедник Джон Бениен (1628—1688) пользовался большим почитанием среди редстокистов. Особенную известность заслужил его роман «Путь паломника», выдержавший множество изданий на разных языках. На русский язык роман этот был переведен Ю. Д. Засецкой («Путешествие пилигрима. Духовная война», СПб., 1878, 3 части). Лесков откликнулся на появление этого перевода бесподписной заметкой «Новая назидательная книга», в которой отметил, что роман переведен с той теплотою, «которую женщины умеют придавать переводам сочинений, пленяющих их сердца и производящих сильное впечатление на их ум и чувства» («Церковно-общественный вестник», 1878, № 40, 2 апреля).

Стр. 149. *Висконти,* графиня Евдокия Денисовна (1839—1885) — младшая дочь Д. В. Давыдова.

Стр. 150. *Мэккензи Уоллес* (1829—1901) — английский журналист, автор книги «Россия» (СПб., 1880, 2 тома).

Леруа-Болье, Пьер-Поль (1843—1886) — французский экономист, автор книг по рабочему вопросу (1871), о женском труде (1873) и др.

Стр. 151. *В «Историческом вестнике» теперь печатаются воспоминания Соллогуба...* — Имеются в виду «Воспоминания» В. А. Соллогуба («Исторический вестник», 1886, №№ 1—6, 11—12), выпущенные затем отдельной книгой (СПб., 1887; новое издание «Academia», 1931). Рассказав о своем визите Достоевскому после выхода в свет «Бедных людей», Соллогуб замечает, что «Достоевский скромно отвечал на мои вопросы, скромно и даже уклончиво. Я тотчас увидел, что эта натура застенчивая, сдержанная и самолюбивая, но в высшей степени талантливая и самолюбивая». Эти качества его характера, по мнению Лескова, решительно изменились после «поездки в Москву на пушкинский праздник», то есть на открытие памятника Пушкину в июне 1880 года. Во время торжеств, после речи, произнесенной Достоевским, ему была сделана восторженная овация.

Стр. 152. *Товианский,* Анжей (1799—1878) — польский мистик, игравший видную роль в среде польской эмиграции 40-х годов в Париже, где он проповедовал богоизбранность польского народа и предопределенность ему выдвинуть из своей среды мессию, который преобразует человечество.

Стр. 153. *...«указание предосторожности»* — предостережение против растущих в стране революционных сил.

Стр. 155. *По словам г. Вл. Соловьева, Достоевский есть тоже еще и «нравственный вождь русского народа».* — В брошюре «Три речи в память Достоевского» (М., 1884) мистик и идеалист Вл. Соловьев писал, что Достоевский был «первым» среди «немногих провозвестников русской и вселенской будущности», так как «он глубже других провидел сущность грядущего царствия, сильнее и одушевленнее предвозвещал его». А в другом месте, говоря об «общественном идеале» писателя, Соловьев замечал: «Его основание — нравственное возрождение и духовный подвиг уже не отдельного, одинокого лица, а целого общества и народа».

НЕНАПЕЧАТАННЫЕ РУКОПИСИ ПЬЕС УМЕРШИХ ПИСАТЕЛЕЙ

(Библиографическая записка)

Печатается по тексту газеты «Новое время», 1887, № 4025. 15 мая.

Стр. 157. *...в бумагах покойного Решетникова найдена совершенно законченная драма* — «В омуте. Драма в пяти действиях» («Русское богатство», 1887, № 5—6, и отдельно: СПб., 1887). *Решетников,* Федор Михайлович (1841—1871) — русский писатель-демократ.

...она, кажется, была известна Глебу Ивановичу Успенскому. — Переписка между Лесковым и Г. И. Успенским относится к марту 1885 года. 3 марта Лесков сообщал Успенскому: «Сегодня посетила меня коротенькая дама, называющая себя вдовою покойного Решетникова, и принесла рукопись пьесы «Заседатель», с просьбою пристроить эту вещь, — Вам будто известную. Я пробежал рукопись и возвратил ее, так как она никуда не годится, а переделать из нее нечего». Лесков просил Успенского, в свое время, после смерти Решетникова, разбиравшего его рукописное наследие, уведомить, «какие там есть рукописи и можно ли надеяться из них что-нибудь выбрать, хоть с переделкою?» «Если есть что-либо просто интересное, то, пожалуйста, назовите, и я, если нужно, выправлю это и устрою в «Новь» и похлопочу, чтобы заплатили получше» («Голос минувшего», 1915, № 1, стр. 217). В ответном письме (10 марта 1885 года) Успенский писал: «Несколько лет тому назад мне пришлось, действительно, перечитать решительно все, что написал Решетников (я тогда писал его биографию для издания Солдатенкова), — и вот что могу сказать Вам, по совести: бока, ребра, печенка, селезенка, подоплека, решительно все суставы, и все,

что в суставах и под суставами, — все у меня с тех пор треснуло, расселось, болит, ноет, скрежещет и вопиет. Окончив работу, я упал в обморок (это положительно верно; работа была спешная, и надо было сделать страшные усилия, чтобы приковать себя к столу. Г. З. Елисеев был свидетелем этого события... Вот что такое означают «неизданные» сочинения Решетникова)». Вместе с тем Успенский предлагал «кой-что извлечь из его дневника» либо из драмы «Раскольник» («Глеб Успенский. Материалы и исследования», изд. Академии наук СССР, 1938, стр. 169). Извлечения из драмы «Раскольник» были еще в начале 70-х годов подготовлены к печати самим Успенским, но не пропущены цензурою и увидели свет лишь в 1917 году («Невский альманах», кн. 2, стр. 85—107). Опубликованная в «Русском богатстве» драма Решетникова «В омуте» является тою же пьесой («Заседатель»), о которой упоминает в своем письме Лесков.

Толстой, Феофил Матвеевич (1810—1881) — чиновник цензурного ведомства, писатель и композитор-дилетант, музыкальный критик, выступавший под псевдонимом Ростислав. «Псевдоним этот, — писал Лесков в другом месте, — в свое время был весьма известен, и Феофил Матвеевич, по правде сказать, прилагал некоторую заботливость к тому, чтобы этот псевдоним имел еще ширшую известность» («Образец большой начитанности» — «Новое время», 1883, № 2768). Упоминаемый Лесковым роман (а не рассказ) Ф. М. Толстого «Болезни воли» напечатан в «Русском вестнике», 1859, №№ 9, 10 и вызвал сочувственную оценку Писарева (см. Д. И. Писарев. Сочинения, т. 4, М., 1956, стр. 276—315), который отметил, что «публика заметила этот роман и прочитала его со вниманием. О нем в свое время много говорили, и люди, познакомившиеся с ним семь лет тому назад, помнят его до настоящей минуты». Сближение романа Толстого с «Записками доктора Крупова» («Из сочинений доктора Крупова») Герцена, сделанное Лесковым, неоправдано и вызвано, должно быть, тем обстоятельством, что оба названные произведения затрагивают области психиатрии и психопатологии.

Пьеса Ф. М. Толстого называется «Нигилисты в домашнем их быту». Рукопись этой пьесы (писарская копия со многими пометами и исправлениями) хранится в ЦГАЛИ. На последней странице рукописи запись рукою Лескова: «Сценарио этот сочинен членом Главного правления по делам печати Феофилом Матвеевичем Толстым и им мне подарен для подражания, если я думаю заняться драматическою литературою, к коей Ф. М. Толстой считал меня способным.

Рукопись этого сценарио делает его историческим памятником 70-х гг. XIX столетия, и потому экземпляр этот, врученный членом Главного управления по делам печати, достоин внимания. Н. Лесков-Стебницкий».

НА СМЕРТЬ М. Н. КАТКОВА

Печатается по тексту публикации А. Н. Лескова в «Звеньях», кн. III—IV, «Academia», 1934, стр. 894—897. А. Н. Лесков использовал копию, сделанную в свое время проф. Б. В. Варнеке с находившихся у актера М. И. Писарева корректурных гранок «Нового времени», с надписью А. С. Суворина: «РЗБРЬ ⟨разобрать⟩. Зачем Ф. И. ⟨Булгаков⟩ давал в набор эту сумасшедшую вещь?»

Смерть (20 июля 1887 года), М. Н. Каткова, многолетнего вдохновителя и негласного руководителя реакционной политики царского правительства в 70—80-х годах, вызвала бурные выражения скорби и печали в реакционных кругах России и за рубежом, начиная с самого царя, Александра III. Перепечатка одних только телеграмм и наиболее значительных печатных откликов составила целую книгу — «Памяти Михаила Никифоровича Каткова» (приложение к «Русскому вестнику», 1887, № 7, стр. 1—209). Отношение Лескова к Каткову к концу жизни последнего было резко отрицательным; особенно ярко это отношение выразилось в настоящей статье — некрологе. Написанная с вызывающей дерзостью, подчеркнуто памфлетно, статья Лескова очевидно противоречила всему, что писала о Каткове даже либеральная пресса. При таком положении не совсем ясны причины, побудившие Лескова написать, а затем отдать написанное в такой орган, как «Новое время», — орган, систематически, правда, полемизировавший с Катковым (в очень умеренных тонах, впрочем), однако придерживавшийся тех же охранительно-консервативных начал, что и катковские «Московские ведомости», мало уступавший последним в реакционности. Судя по резкости надписи Суворина, появление статьи в редакции «Нового времени» совпало с очередным расхождением между ее автором и Сувориным: это также должно было предопределить отрицательное отношение к ней хозяина «Нового времени».

Стр. 159. *...в осиротелую Москву не потяготился проехать сам И. Д. Делянов...* — Министр народного просвещения И. Д. Делянов участвовал в похоронах Каткова в качестве официального представителя правительства. Лесков именует далее Каткова «лейб-пестуном и гоф-вдохновителем» Делянова, так как подавляющее

большинство основных и важнейших мероприятий министерства народного просвещения было либо прямо подсказано Катковым, либо осуществлялось после тщательных консультаций с ним.

...примчался республиканский монархист Поль Дерулед... — Поль Дерулед (1846—1914), реакционный политический деятель французской республики, участник монархическо-шовинистического движения («буланжизма»). По сообщениям печати, Дерулед по приезде в Москву возложил на могилу Каткова «роскошный, художественно сделанный венок из желтых иммортелей, перевитых национальными русскими и французскими лентами»; после одной из панихид он выступил с большой речью («Русский вестник», 1887, № 7, стр. 20).

Стр. 160. *Ашинов,* Николай Иванович — политический авантюрист. В 1883 и 1886 годах совершил путешествия в Абиссинию; по возвращении в Россию начал (при поддержке Победоносцева) формировать добровольческий отряд для присоединения «черных христиан» к «владениям белого царя». Авантюра быстро закончилась международным скандалом и полным крахом: отряд рассеялся, покровители отвернулись от Ашинова, и сам он был отдан под надзор полиции. Ашиновская авантюра с самого начала пользовалась поддержкой Каткова; в благодарность за поддержку Ашинов прислал на могилу Каткова венок из страусовых перьев — от «вольного казачества». Лесков относился и к самому Ашинову и к его затеям резко отрицательно (см. его статьи «Где воюет вольный казак» — «Петербургская газета», 1887, № 314, 15 ноября; «Вольный казак в Париже» — «Петербургская газета», 1887, № 326, 27 ноября; «Вольный казак в литературе» — «Петербургская газета», 1888, № 28, 29 января; «О вольном казаке» — «Петербургская газета», 1888, № 33, 3 февраля; «Вдохновенные бродяги» — «Северный вестник», 1894, № 10).

...сомнительные приношения Полякова... — В январе 1868 года в Москве был открыт «Лицей в память цесаревича Николая» (в просторечии — «Катковский лицей»), явившийся одним из основных рассадников «классического» образования, поставлявших не столько образованных, сколько политически благонамеренных чиновников, преподавателей гимназий и т. п. Лицей был открыт на средства, пожертвованные концессионером-железнодорожником Самуилом Соломоновичем Поляковым (1837—1888).

Леонтьев, Павел Михайлович (1822—1874) — историк, профессор классических древностей в Московском университете; реакционный публицист, многолетний помощник Каткова по издательским его предприятиям, а также по Лицею.

Георгиевский, Александр Иванович (1830—1911) — см. наст. изд., т. 10, стр. 562.

...творили свои лютые эксерсицы австрийские изверженцы... — Насаждение классицизма потребовало количество преподавателей латинского и греческого языков неизмеримо большее, нежели могли подготовить русские университеты. Министерство народного просвещения начало массами приглашать преподавателей-славян из Австро-Венгрии, главным образом чехов и галичан (украинцев). Плохо владея русским языком, преподаватели эти в большинстве своем приносили мало пользы. Случались между ними лица, стремившиеся переездом в другую страну, Россию, избежать заслуженной уголовной кары у себя на родине. Об одном из таких «педагогов», Владимире Малине, «неуловимом многоженце», Лесков написал целую серию статей («Новое время», 1880, №№ 1703, 1707, 1710, 1717).

Стр. 161. *Кюнер,* Рафаэль (1802—1878) — автор гимназических учебников греческого и латинского языков, переведенных с немецкого.

Фелькель, Юлий Карлович (1812—1882) — педагог; издал ряд школьных изданий сочинений Цицерона, Юлия Цезаря и других латинских авторов.

...едва ли не всемирную славу стяжал в 1863 году писаниями по польскому делу... — Статьи Каткова по польскому вопросу, в частности статьи, написанные в связи с польским восстанием 1863 года, не только отражали политику царского правительства и во многом определяли ее, но также способствовали созданию атмосферы полонофобства в обществе, помогая проведению обрусительской политики.

Блудова, Антонина Дмитриевна, графиня (1812—1891) — фрейлина, крайняя реакционерка и ханжа; в ее салоне вынашивались и получали одобрение многие политические предприятия, в частности обрусительского характера.

Корнилов, Иван Петрович (1811—1901) — попечитель виленского учебного округа, реакционер-обруситель.

Коялович, Михаил Осипович (1828—1891) — профессор Петербургской духовной академии, историк, автор ряда книг, статей и брошюр, посвященных «доказательствам» «единения» западных окраин с национальной политикой царского правительства.

...оравы самой разнузданной черни... — В данном случае имеются в виду чиновники, переселявшиеся в польские губернии и получавшие имения опального польского шляхетства — всех, подозревавшихся в сочувствии восстанию.

Стр. 162. *И пусть епископ Амвросий, проводивший в могилу пламенным словом благоволившего к нему редактора...* — Лесков ошибся: в панихидах по Каткову принимал участие епископ можайский Александр (Светляков, 1839—1895), проповедник и духовный писатель, сотрудник «Московских ведомостей».

Трибун Страстного бульвара — то есть Катков. На Страстном бульваре в Москве помещалась редакция «Московских ведомостей».

Корейша, Иван Яковлевич (1780—1861) — московский юродивый и прорицатель.

...на Шеллинговой подкладке... — Свою литературную деятельность Катков начал с изучения философии. В 1840—1842 годах он в Берлине слушал лекции немецкого философа-идеалиста Фридриха-Вильгельма Шеллинга (1775—1854).

...один пастор в беседе с нами... — Лето 1887 года Лесков провел в Аренсбурге, на острове Эзель (Сааремаа), с почти сплошь лютеранским населением (см. статью «Темнеющий берег» в наст. томе).

Миртов — псевдоним Петра Лавровича Лаврова (1823—1900), публициста-народника, философа, политического эмигранта. Поэтому его сторонники именуются «женевскими подголосками».

Стр. 163. *Складень* — икона, состоящая из нескольких (чаще всего — трех, отсюда — триптих) частей.

...если бы смирно сидел на паперти армянской церкви... — Делянов жил в Петербурге, на Невском проспекте, в доме Армянской церкви.

ТЕМНЕЮЩИЙ БЕРЕГ

Печатается впервые, по автографу (ЦГАЛИ), представляющему собою черновую рукопись статьи (первоначальное название: «Гимназический крах»); мелкие стилистические черновые варианты не воспроизводятся.

Статья написана по поводу циркуляра министра народного просвещения Делянова от 18 июня 1887 года, в котором предписывалось не принимать в гимназии «детей кучеров, прачек, мелких лавочников и т. п.»; циркуляр этот, получивший в обществе название «циркуляра о кухаркиных детях», явился одним из звеньев политики царского правительства, направленной на ограждение гимназий от детей «низших сословий»; первоначально Делянов предлагал царю проект «о допущении впредь в гимназии и прогимназии детей лишь некоторых сословий, не ниже купцов 2-й гильдии». В соответствующем «всеподданнейшем» докладе Делянов выражал надежду, что «с приведением вышеизложенных мер в исполнение значительно сократится

число учеников в гимназиях и прогимназиях и улучшится состав их», а это, в свою очередь, будет способствовать ограждению гимназий от проникновения в них «тлетворной» революционной «заразы». В результате «циркуляра о кухаркиных детях» и проведенного одновременно с ним закрытия приготовительных классов, прием учащихся в гимназии в 1887/88 году сократился на одну треть, а в иных учебных округах даже наполовину. На докладе об этом Александр III положил резолюцию: «Нахожу результаты весьма благоприятными» (Ш. И. Ганелин. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. Л., 1950, стр. 74—76). В действительности, положение было отнюдь не столь блестящим, как представлялось министру. В провинции циркуляр вызвал недоумение и недовольство, министерство было засыпано просьбами из многих городов, даже губернских, о разрешении принять в гимназии детей «небогатых родителей», так как иначе гимназии оказывались под угрозой свертывания либо даже полного закрытия. Обстоятельному анализу причин подобных ходатайств на частном примере посвящена статья Лескова.

Статья была написана в самом начале осени, по возвращении из Аренсбурга, и, по-видимому, предназначалась для «Нового времени». Неизвестные причины помешали появлению ее в свет, и она на многие годы залегла в архиве писателя.

Стр. 165. *...в своей Озилии* — то есть на острове Эзель (Сааремаа).

Стр. 167. *...в статьях латыша г. Вольдемара...* — Вальдемарас Крисьянс (1825—1891) — латышский общественный буржуазный деятель и литератор. См. его статьи «Рыболовство на Балтийском море» — «Морской сборник», 1863, № 1; «О развитии мореплавания у латышей» — «Морской сборник», 1866, № 10; «Очерки истории Курляндии» — «Русский вестник», 1870, № 12.

Стр. 168. *Штегрман* (нем.) — штурман.

...будет без фрахтов... — то есть без торговых поручений.

...«кургастам» (нем.) — приезжим на курорт.

ПРЕСЫЩЕНИЕ ЗНАТНОСТЬЮ

Печатается по тексту «Нового времени», 1888, № 4271, 19 января; № 4272, 20 января.

Стр. 171. *Титул «превосходительства».* — Впервые титул «превосходительства» в России появляется в начале XVIII века, в одном

из указов синода, применительно к послу П. А. Толстому. Начавшееся с Петра I, в особенности после того, как он принял титул императора, присвоение военным и гражданским чинам особых наименований («превосходительство», «высокоблагородие», «благородие», «высокородие» и пр.), соответственных значению чина, получает особое развитие в конце XVIII века и окончательно возводится в систему при Николае I, в конце 20-х — начале 30-х годов.

Леруа Болье... в своем любопытном сочинении о России... — Французский историк Анатоль Леруа-Болье (род. в 1842 г.), неоднократно посещавший Россию, написал трехтомное исследование «Царская империя и русские» (1881—1889; было несколько последующих изданий). Ко времени написания своей статьи Лесков знал лишь первых два тома.

Стр. 172. *...труд П. И. Чичикова в печати не появлялся...* — неточная ссылка на второй том «Мертвых душ»; в одной из сохранившихся глав П. И. Чичиков, вознамерившись примирить Тентетникова с генералом Бетрищевым, рассказывает последнему, что Тентетников пишет «историю о генералах».

...их покамест еще очень много. — При Александре II и его преемниках установился обычай награждать высокими чинами (статского, действительного статского и тайного советников) либо орденом Владимира III степени, дававшим право на дворянство, лиц купеческого звания — за исключительно крупные пожертвования на благотворительные цели.

Стр. 173. *Нахимов,* Павел Степанович (1802—1855) — выдающийся русский адмирал, один из главных руководителей защиты Севастополя в 1854—1855 годах.

Лазарев, Михаил Петрович (1788—1851) — русский адмирал, руководитель экспедиции в Антарктику, командующий Черноморским флотом (1833—1850).

Стр. 174. *Фрейганг,* Андрей Васильевич (1809—1880) — вице-адмирал, помощник редактора «Морского сборника», литератор, инициатор организации в России Общества спасения на водах.

Гильфердинг, Александр Федорович (1831—1872) — историк-славист и фольклорист-собиратель; идейно был близок к славянофилам.

Стр. 175. *Нафанаил* — в евангелии от Иоанна (гл. I, стр. 45—51) некий израильтянин, о котором Иисус Христос сказал, что в нем «нет лукавства».

Давид — царь израильский (980—950 до н. э.); библия приписывает ему сочинение книги псалмов.

Шувалов, Петр Андреевич, граф (1827—1889) — в конце 50-х годов — петербургский обер-полицмейстер, затем последовательно

остзейский генерал-губернатор и шеф жандармов, прозванный за всевластие «Петром Четвертым» и вторым Аракчеевым.

Стр. 176. *Трубецкой,* Петр Иванович — орловский губернатор.

Смарагд (Крыжановский, ум. в 1863 г.) — орловский епископ, позднее архиепископ рязанский и зарайский, духовный писатель.

Мордвинов, Николай Семенович, граф (1754—1845) — государственный деятель. Его популярность «либерала» была сильно преувеличена современниками: стремления к парламентаризму английского образца органически сочетались в нем с убежденным крепостничеством.

Стр. 177. *...его «Ерихонский забил».* — Подразумевается И. Ф. Паскевич-Эриванский (1782—1856). Об отношении Ермолова к Паскевичу см. наст. изд., т. 10, стр. 138—139.

Мещерский, Владимир Петрович, князь (1845—1914) — журналист и беллетрист, с 1872 года — издатель крайне ретроградной газеты «Гражданин». Реакционер, личность политически и морально весьма нечистоплотная.

Стр. 178. *...принимал за генерала «какую-то фитюльку».* — Ср. слова Городничего из «Ревизора» (д. V, явл. VIII): «Сосульку, тряпку принял за важного человека!»

Стр. 180. *«Пусть называется».* — В «Ревизоре» (д. IV, явл. VII) Хлестаков на просьбу Добчинского, чтобы его старший сын, рожденный «еще до брака», назывался также Добчинским, отвечает: «Хорошо, хорошо: я об этом постараюсь, я буду говорить... я надеюсь... все это будет сделано, да, да». На Александринской сцене, по традиции, восходящей к первой постановке «Ревизора», эта реплика заменялась другой, не нашедшей отражения в рукописях самого Гоголя: «Пусть называется!»

...присяжный стряпчий Соболев — Александр Прокофьевич Соболев (1801—1883). Его бумаги, находившиеся у Лескова, хранятся в ЦГАЛИ.

Корш, Валентин Федорович (1828—1893) — умеренно-либеральный журналист; в 1863—1874 годах — редактор «С.-Петербургских ведомостей». За противодействие «классицизму» в гимназическом образовании, по распоряжению министра народного просвещения Д. А. Толстого, был незаконно отстранен от редакторства.

Свешников, Николай Иванович (1839—1899) — книгопродавец, автор интересных воспоминаний («Воспоминания пропащего человека». «Academia», 1930). Частично воспоминания его обработаны Лесковым («Спиридоны-повороты» — «Русская мысль», 1889, № 8), принимавшим участие в его судьбе.

Стр. 181. *Покойный Аксаков* — Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886).

Стр. 182. *...последуют завету императрицы Екатерины...* — На малых, «эрмитажных» приемах Екатерины II всем приглашенным рекомендовалось «оставлять чины за порогом».

...важный чиновник Телепнев — по-видимому, Василий Дмитриевич Телепнев (1796—1851), чиновник министерства внутренних дел. Сообщения об особых его полномочиях и пр. являются досужим вымыслом орловского «общества».

Стр. 183. *...с приснопамятными именами: Иван Иваныч и Иван Никифорыч.* — Имеются в виду персонажи повести Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

«...за то, что не притеснял крестьян по квитанциям»... — то есть не притеснял крестьян недоимками по налогам.

Трубецкой, Александр Алексеевич, князь.

Стр. 184. *...охотно «представлял» на вечерах Гамлета, Танкреда и ослепленного Велизария* — то есть, очевидно, читал отдельные монологи из трагедий «Гамлет» Шекспира, «Танкред» Вольтера (в переводе Н. И. Гнедича) и «Велизарий» Э. Шенка (в переводе П. Ободовского).

Стр. 185. *Качуча* — испанский танец.

Стр. 188. *...торговыми людьми Ветхого и Нового закона...* — то есть евреями и православными.

...у князя М. М. Щербатого... — Имеется в виду книга историка князя Михаила Михайловича Щербатова (1733—1790) «О повреждении нравов России» (Лондон, 1858, изд. Герцена, и «Русская старина», 1870, тт. II—III).

...один купец из евреев — Самуил Соломонович Поляков; см. о нем примечание к стр. 160.

...И. А. Гончаров в последних своих очерках о «слугах»... — Четыре очерка И. А. Гончарова «Слуги» (позднее получили общее название «Слуги старого века») напечатаны в журнале «Нива», 1888, №№ 1—3, 18. Лесков приводит цитату неточно, по памяти; у Гончарова она имеет иной, более ограничительный смысл: «Простой русский человек не всегда любит понимать, что читает. Я видел, как простые люди зачитываются до слез священных книг на славянском языке, ничего не понимая...» И затем как вывод: «Простые люди не любят простоты». По поводу очерков Гончарова Лесков несколько раз выступал в печати, неизменно подчеркивая высокую художественность нового произведения писателя. Так, в очень тепло написанной бесподписной заметке «Литературные льстецы и зеваки» («Петербургская газета», 1888, 24—25 января),

он писал: «Лесть, высказанная ему ⟨Гончарову⟩ по поводу его «слуг», слишком груба, чтобы могла нравиться такому воспитанному человеку, как Гончаров, и, может быть, она способна даже вызвать в нем неприятные чувства, близкие к тем, которые тяготили Л. Н. Толстого... Каждение этого фимиама принимал в воню благоухания духовного Достоевский, но это была его особенность, свойственная, может быть, его болезненной натуре! Тургеневу и особенно Л. Толстому такое каждение уже причиняло досаду, и очень жаль, что почтительные к И. А. Гончарову критики не нашлись приветить его новое произведение приветствиями, более соответствующими воспитанию и тонкому вкусу высокодаровитого и почтенного писателя». Ср. также бесподписную статью «Литературный грех» («Петербургская газета», 1888, № 38, 8 февраля).

Стр. 189. *...крепнет «содружество простого обычая».* — Имеется в виду ближайшее окружение Л. Н. Толстого, последователи его религиозно-этического учения («толстовцы»), с которыми в это время сближался Лесков.

Беда Достопочтенный (ок. 673—735) — англосаксонский историк, ученый монах.

БИБИКОВСКИЕ «МЕРЫ»

Печатается по тексту журнала «Неделя», 1888, № 6, стр. 196—198.

Написанная в связи с газетной полемикой о правах и обязанностях попечителей учебных округов, в связи с недавно вошедшим в силу новым университетским уставом 1884 года и непрестанными «студенческими беспорядками», заметка Лескова интересна, как один из немногих написанных фрагментов широко задумывавшихся писателем своих воспоминаний, литературных и «житейских». Кроме печатаемых выше (в разделе «Автобиографические заметки»), в ЦГАЛИ находятся два отрывка: «Как я учился праздновать. Из детских воспоминаний писателя» и «Памятные встречи (отрывки из воспоминаний)». Разного рода припоминаниями особенно богата также переписка писателя последних лет жизни.

К характерной для николаевской эпохи фигуре Дмитрия Гавриловича Бибикова (1792—1870), в молодости участника Бородинского сражения, а затем киевского генерал-губернатора (1837—1852), полновластного владетеля «киевского пашалыка» (по удачному выражению Т. Шевченко), — Лесков возвращался неоднократно, используя рассказы своего дяди, профессора С. П. Алферьева. Эти рассказы использованы в публикуемой выше статье «Официальное буффонство»; позднее Лесков припомнит их в «исторической поправке» «Нескладица о Гоголе и Костомарове» и в неопубликованной

полностью забавной заметке «Бибиковские каламбуры» (ЦГАЛИ; ср. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 98—99). По поводу назначения Бибикова в 1852 году министром внутренних дел Герцен, в связи с прощальной его речью, обращенной к киевскому дворянству, писал: «Это — Цицерон николаевской эпохи, каждое слово — палка сосновая, сухая, сучковатая палка! Нахальство, кровь в глазах, желчь в крови, безопасная злоба, дерзость без границ, раболепие без стыда — все, что мы ненавидим в офицере и писаре, возведенное в генерал-адъютантскую степень, — как же было не сделать министром этого заплечного генерал-губернатора?» (А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. IX, Пб., 1919, стр. 540).

Рассказ Лескова о «бибиковских мерах» совершенно согласуется с тем, что о них сообщают другие источники. Не приводя здесь многочисленных рассказов и анекдотов, — например, А. А. Солтановского («Киевская старина», 1892, № 4, стр. 71—88; «Украина», 1924, кн. III, стр. 83—84, 90, 95—96), Степана Носа («Киевская старина», 1893, № 6, стр. 511—513), В. М. Хижнякова (в его книге «Воспоминания земского деятеля», Пгр., 1916, стр. 19—20), О. М. Новицкого («Записки Історично-філологічного відділу Української академії наук», кн. XIII—XIV, 1927, стр. 177—184), — приведем небольшой отрывок из неопубликованных воспоминаний педагога и публициста А. И. Стронина.

«После какой-то дисциплинарной шалости собрали всех студентов в тронную залу. Явился Бибиков со всем своим причтом, стал на ступени перед портретом государя и начал держать речь к студентам. Боже мой! чего мы не услышали в этой речи! Каких нравственных начал не набрались в ней! «Я люблю штудентов, — говорил этот старый селадон-красавец. — Я сам был штудентом, я отдал между вас племянника моего: кажется, этого довольно для вас. Но я не потерплю, чтобы вы позволяли себе такие шалости, как недавняя. Хотя у меня одна рука ⟨Бибиков лишился руки в сражении под Бородином⟩, но в ней я держу три миллиона человек, а вас-то и подавно удержать сумею. Можете водиться с девками, можете разбивать бардаки, — все это я скорее прощу вам; но бог вас сохрани нарушать дисциплину: первый вновь попавшийся в том будет немедленно выгнан из университета. Помните же об этом и прощайте»... Когда его высокопревосходительство говорил о девках, один из студентов... улыбнулся. Бибиков заметил, остановился и возгласил: «Господин штудент! чему вы смеетесь?.. арестовать его! взять у него шпагу!» Инспектор подбежал и выдернул у студента шпажонку» (ГПБ. Дневник Стронина, тетрадь 1, л. XXIII).

Стр. 191. *Аскоченский,* Виктор Ипатьевич. — См. о нем т. 7 наст. издания, стр. 528—529.

Любавский, Александр Дмитриевич — юрист, автор четырехтомного издания «Русские уголовные процессы» (СПб., 1867—1868), которое, собственно, и имеет в виду Лесков.

Стр. 192. *Писарев,* Николай Эварестович (род. в 1806 г.) — правитель канцелярии киевского генерал-губернатора, фактически вершивший всеми делами края; взяточник и плут.

Маркович, Афанасий Васильевич (1822—1867) — фольклорист, участник Кирилло-Мефодиевского общества (1846—1847), за что был, по приговору Николая I, сослан в Орел. Лесков неоднократно очень тепло отзывался о нем (см. примечание к письму 22 в наст. томе).

О ХОЖДЕНИИ ШТАНДЕЛЯ ПО ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Печатается по тексту газеты «Новое время», 1888, № 4550, 28 октября.

Статья вызвана фельетоном некоего Евгения Штанделя «В Ясной Поляне (От нашего корреспондента)», датированным: «Москва, 30 августа 1888 г.» («Русский курьер», 1888, № 244, 4 сентября). В печатных своих выступлениях и в письмах Лесков много раз возмущался бесцеремонностью разных лиц, не стеснявшихся печатать всевозможные небылицы о Толстом, приезжавших к писателю в Ясную Поляну и затем публиковавших плоды своих скороспелых и зачастую вовсе недостоверных наблюдений и соображений.

Стр. 196. *Кузминский,* Александр Михайлович (1843—1917) — муж сестры С. А. Толстой. В 1888 году — председатель Петербургского окружного суда.

...Л. Н—ч познакомил его с «Павлом Ивановичем Гайдуковым». — Имеется в виду Павел Иванович Бирюков (1860—1931) — литератор-толстовец, один из наиболее близких Толстому лиц. В своей статье Лесков использует сведения о посещении Штанделем Ясной Поляны из писем Бирюкова (не сохранились). В 1888 году Бирюков служил в издательстве «Посредник», основанном для пропаганды идей Толстого.

Стр. 197. *Шмидт,* Мария Александровна (1843—1911) — друг и последовательница Толстого, бывшая классная дама московского Николаевского училища.

Ге, Николай Николаевич (1831—1894) — художник, был очень близок с Толстым и в августе 1888 года гостил в Ясной Поляне.

ДЕВОЧКА ИЛИ МАЛЬЧИК?

Печатается по тексту газеты «Новое время», 1888, № 4559, 6 ноября.

Статья написана в связи с «возражениями» Евг. Штанделя на предыдущую статью Лескова: «Вынужденное объяснение» («Русский курьер», 1888, № 301, 31 октября). Содержание этого «объяснения» явствует из самой статьи Лескова.

ВЕЛИКОСВЕТСКИЕ БЕЗДЕЛКИ

Печатается по тексту газеты «Новое время», 1888, № 4603, 20 декабря; без подписи. Авторство Лескова устанавливается его письмом к А. С. Суворину, 21 декабря 1888 года.

«Альбом признаний», которому посвящена заметка Лескова, пользовался в свое время довольно значительным распространением. М. В. Волоцкой («Хроника рода Достоевского, 1506—1933». М., 1933, стр. 127—129) приводит анкету из него в более полном, нежели Лесков, виде.

Стр. 205. *Маркиз де Саад* — Альфонс де Сад (1740—1814) — французский романист, автор многих порнографических романов.

Барков, Иван Семенович (или Степанович) (1732—1768) — переводчик и поэт, получивший большую известность своими непристойными произведениями.

Нана — главное действующее лицо романа Э. Золя «Нана».

ХОДУЛИ ПО ФИЛОСОФИИ НРАВОУЧИТЕЛЬНОЙ

Печатается по тексту газеты «Новое время», 1891, № 5473, 26 мая.

Отмеченное Лесковым старинное значение слова «дыбы» — ходули — в словарях не нашло своего отражения.

НЕСКЛАДИЦА О ГОГОЛЕ И КОСТОМАРОВЕ

Печатается по тексту «Петербургской газеты», 1891, № 192, 16 июля; под текстом статьи дата: «Усть-Нарова, 10 июня 1891 г.».

Статья Лескова вызвана была опубликованным в «Историческом вестнике» (1891, № 6, стр. 594—598) «Анекдотом о Гоголе» И. И. Ясинского; анекдот показался писателю «лживым с начала и до конца и во всех подробностях» (см. письмо 197). Б. М. Бубнов

помог Лескову уточнением некоторых сведений, в подкрепление того, что запомнилось Лескову со времени пребывания в Киеве, в конце 40-х годов. Резкость тона статьи Лескова объясняется остротой сложившихся в это время его отношений с И. И. Ясинским (см. об этом у А. Лескова, стр. 644—646; здесь даны коррективы к припоминаниям самого Ясинского в книге «Роман моей жизни», Л., 1926, стр. 198—200). Как сообщает А. Н. Лесков, «статья привлекает к себе внимание литературных кругов. Выдержки ее проходят в некоторых газетах. В частности, в № 197 «Московских ведомостей» от 19 июля она приводится в заметке, озаглавленной «Неудачный анекдот». — Автор ужален. Редактор журнала ⟨«Исторический вестник»⟩ Шубинский обижен публикацией «поправки» не в «Историческом вестнике», а в какой-то газетке. Дальше обижаться не было возможности: как ни неприятна и местами ни колка была статья, нарушения полемических форм в ней не было. Пришлось смириться» (А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 645).

При всей недостоверности деталей, на которую и обратил внимание Лесков в своей заметке, «анекдот», опубликованный Ясинским, отражает какие-то факты действительного пребывания Гоголя в Киеве в мае — июне 1848 года. Ф. В. Чижов в воспоминаниях, написанных по просьбе П. А. Кулиша, сообщал: «Мы встретились у А. С. Данилевского, у которого остановился Гоголь... потом провели вечер у М. В. Юзефовича. Гоголь был молчалив...» («Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя», т. II, СПб., 1856, стр. 240).

Стр. 208. *Юзефович,* Михаил Владимирович (1802—1889) — в 1843—1858 годах помощник попечителя Киевского учебного округа, сыгравший провокационную роль в создании «дела» Кирилло-Мефодиевского общества, по которому были привлечены и осуждены Т. Шевченко, Н. Костомаров и др. Позднее — крайний ретроград, негласный вдохновитель многих правительственных мероприятий в «Юго-Западном крае».

Стр. 209. *Павлов,* Платон Васильевич (1823—1895) — в 1847—1848 годах профессор русской истории Киевского университета.

Костомаров, Николай Иванович (1817—1885) — адъюнкт-профессор русской истории Киевского университета в 1846—1847 годах. 28 марта 1847 года был арестован по доносу об участии в «Украйно-Славянском Кирилло-Мефодиевском обществе», отправлен в Петербург. После двухмесячного разбирательства в III Отделении был осужден к году заточения в Петропавловской крепости, после чего выслан в Саратов.

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

Печатается по тексту «Петербургской газеты», 1891, № 328, 29 ноября; без подписи. Авторство Лескова установлено А. Н. Лесковым; ср. также приведенные А. И. Фаресовым беседные высказывания писателя о «манерных» по языку людях, о том, в частности, что «вся quasi-ученая литература пишет свои ученые статьи этим варварским языком» («Против течений», стр. 275).

Стр. 213. *Словарь 1865 года* — «Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. С означением их корней» М. Михельсона (М., 1865).

Экстрадиция — выдача одним государством другому лиц, нарушивших законы последнего.

ЗАМОГИЛЬНАЯ ПОЧТА ГОНЧАРОВА

Печатается по тексту «Петербургской газеты», 1891, № 341, 12 декабря; без подписи. Авторство Лескова подтверждается тем, что, вопреки утверждению заметки, далеко не все корреспонденты Гончарова получили после его смерти свои письма к нему. Как явствует из описи оставшихся после смерти Гончарова рукописей, письма к нему содержались в двух пакетах. Первый — «наглухо заклеенный с собственноручной надписью И. А. Гончарова «Письма разных лиц. Можно уничтожить»; второй — с надписью «Возвратить Николаю Семеновичу Лескову» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. IV, СПб., 1912, стр. 229). Второй пакет и был переслан Лескову одним из душеприказчиков Гончарова, М. М. Стасюлевичем, и о получении Лесков уведомил последнего 11 декабря 1891 года (см. письмо 209). В тот же день, под свежим впечатлением полученной «замогильной почты Гончарова», Лесков написал настоящую заметку.

Вместе с тем статья Лескова откликается также на известную статью самого Гончарова «Нарушение воли» («Вестник Европы», 1889, № 3), содержавшую резкий, хотя и несправедливый по существу, протест против публикации произведений и писем писателей и общественных деятелей, которые самими авторами не были предназначены для печати. В частности, в подтверждение своего убеждения он ссылался на незадолго перед тем изданные отдельными книгами собрания писем И. С. Тургенева и И. Н. Крамского. «Несмотря на то, что письма Тургенева, — пишет он, — прошли через руки нескольких лиц, под редакцией старого и опытного литератора

В. П. Гаевского, — и тут проскользнуло несколько писем... которых Тургенев, конечно, не разрешил бы печатать, и много других, где он делает резкие и иногда несправедливые отзывы о людях или сочинениях». И в другом месте статьи: «В письмах Крамского много лишнего, имеющего мало прямого отношения к искусству... Есть и такие письма, которые Крамской, конечно, не разрешил бы печатать, например, некоторые чисто семейного характера письма».

Возвращение Гончаровым Лескову его писем, возможно, объясняется тем, что, как явствует из них (см. примечание к письму 89), в 1888 году Лесков встал на защиту Гончарова, несколько писем которого были бесцеремонно опубликованы С. Либровичем (В. Русаковым).

ПИСЬМА В РЕДАКЦИИ

О РУССКОМ ЛЕВШЕ

Печатается по тексту газеты «Новое время», 1882, № 2256, 11 июня.

Относительно обстоятельств, вызвавших публикацию данного «литературного объяснения», см. в примечаниях к т. 7 наст. издания, стр. 498—504. Непосредственным поводом для «объяснения» явился бесподписной «Маленький фельетон» «Нового времени», 1882, № 2244, 30 мая.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
(Об отчислении Н. С. Лескова...)

Печатается по тексту газеты «Новости», 1883, № 65, 10 марта.

Датированное 8 марта 1883 года, «письмо» Лескова явилось откликом на появившуюся в тот день в «Новостях» бесподписную заметку следующего содержания: «В газетах явилось известие, произведшее некоторую сенсацию, о том, что известный писатель Н. С. Лесков, служивший в ученом комитете министерства народного просвещения, «отчислен *без прошения* от службы». Кто знает нашу канцелярскую терминологию и знает также г. Лескова, того не могла не удивить эта решительность формы помянутого увольнения от службы. Как припомним, лет десять тому назад Болеслав Маркевич тоже был уволен; но тогда были на то и достаточно веские поводы. Что же касается увольнения г. Лескова, то оно просто является каким-то вопросом и во многих возбуждает недоумение» («Новости», 1883, № 63, 8 марта). По предположению А. Н. Лескова (запись в его архиве), заметка «написана, должно быть, Михневичем,

может быть по предварительному соглашению» (очевидно, с Н. С. Лесковым); в этом случае понятен и «рикошет» в адрес Болеслава Маркевича, уволенного от службы и лишенного придворного звания за получение крупной взятки.

Обстоятельства отставки Лескова, и именно «по третьему пункту», то есть без прошения, подробно рассказаны А. Н. Лесковым в его книге, стр. 424—433.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Печатается по тексту «Газеты А. Гатцука», 1883, № 10, стр. 206.

Роман «Соколий перелет» был задуман писателем еще в середине 70-х годов, в качестве своеобразного продолжения антинигилистических его романов. Предполагалось показать, как бывшие «нигилисты», проповедовавшие в начале 60-х годов революцию, поддерживавшие польское восстание, — спустя ряд лет превращаются в преданных царскому правительству слуг, активно проводят правительственную политику обрусения Царства Польского и западных губерний. В бумагах писателя сохранилось несколько вариантов начала романа, носившего подзаголовки: «Записки человека без направления», «Приключения в моем семействе», «Повесть лет временных» (ЦГАЛИ). В «Петербургской газете», 1881, № 295, 15 декабря, сообщалось, что в наступающем году «Газета А. Гатцука» будет печатать новый роман Н. С. Лескова; в действительности, однако, роман был начат печатанием лишь год спустя («Газета А. Гатцука», 1883, № 7, стр. 139—144; № 8, стр. 162—164; № 9, стр. 178—179; № 10, стр. 194—198), но прекратился на тринадцатой главе первой книги. Начав публикацию трудно рождавшегося романа, писатель очень скоро убедился в его несвоевременности, в том, что основной акцент в нем должен был бы быть не столько на «бывших нигилистах», сколько на царском правительстве, которое растлевающим образом действует на русское общество. Подобная мысль высказана Лесковым, в частности, в письме к П. К. Щебальскому от 15 августа 1884 года («Шестидесятые годы», стр. 342), отчасти в связи с неназванным в нем оборвавшимся «Сокольим перелетом». Эта же мысль, собственно, лежит и в основе печатаемого «Письма в редакцию».

Обещанный в «Письме» «роман чисто бытового характера» не был написан. В 1883 году Лесков напечатал в «Газете А. Гатцука» рассказы «Путимец» и «Зверь», а в 1884 году — «Заметки неизвестного».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

О Ефиме Ботвиновском

Печатается по тексту газеты «Новости», 1883, № 25, 27 апреля.

Стр. 224. *Ботвиновский,* Ефим Егорович. — См. о нем т. 7 наст. издания, стр. 534.

...воспроизведен отрывок из моих воспоминаний... — В «Новостях» (1883, № 23, 24 апреля) перепечатан отрывок из главы 36 «Печерских антиков» — о том, как Ботвиновский уплатил деньги, растраченные уездным казначеем О. С. Тустановским.

Филарет Филаретов — см. о нем т. 7 наст. издания, стр. 534.

Лебединцев, Феофан Гаврилович (1828—1888) — редактор журнала «Киевская старина», в котором были напечатаны «Печерские антики».

...я попросил Ф. Г. Лебединцева не полагаться без проверки на мою память... — 22 января 1883 года Лесков писал Ф. Г. Лебединцеву: «Разумеется, Вы правы, сделав основательные поправки, и были бы очень неправы, если бы их не сделали. Вы — коренной киевлянин, а я ведь «приблудный», да и с тех пор так много прошло времени и я так много писал, что дивно ли мне кое-что позабыть, кое-что смешать и перепутать. Все, что Вы поправляете, совершенно верно, кроме цифры денег, заплаченных Ефимом за Тустановского. Я близко знал эту историю совершенно глупого великодушия и помню, что было гораздо более 10 тысяч. Может быть, 27 или 23, или не менее 18. Что-то вот такие цифры. Впрочем, опять повторяю, — я могу забыть, — поправляйте факты, я Вас прошу об этом. Вы правильно говорите, — «дело в общем», в красках и в впечатлении...» («Исторический вестник», 1908, № 10, стр. 167).

Стр. 225. *«Церковно-общественный вестник»... воспроизвел рассказ об отце Ефиме...* — Главы 35—38 «Печерских антиков» были перепечатаны в «Церковно-общественном вестнике» в виде отдельного рассказа: «Евфим Ботвиновский (Новый рассказ о трех праведниках)» (1883, № 52, 53).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Печатается по тексту газеты «Русский курьер», 1884, № 150, 2 июня.

18—23 мая 1884 года в Московском окружном суде слушалось сенсационное дело по обвинению некоей Н. А. Булах в присвоении громадной суммы (более полумиллиона рублей). Состоя гувернанткой при богатой девушке А. В. Мазуриной, получившей громадное

наследство, Булах совершенно подчинила ее себе, побудила отдать все деньги и затем довела умственно дефективную девушку до полного слабоумия и сумасшествия. Для маскировки присвоения значительные суммы были от имени Мазуриной розданы различным благотворительным и религиозным обществам и учреждениям. В связи с этим «делом» «Газета А. Гатцука» (1884, № 20, 26 мая) напечатала бесподписную заметку «Благочестивое размышление». В заметке упоминался незадолго перед тем умерший киевский митрополит Филофей. «Ныне, когда усопший иерарх «ничтоже речет о себе», на судебном разбирательстве по делу Булах является свидетельство, что будто бы покойный митрополит за 30 000 руб. (те же 30 сребреников) предал, по просьбе Булах, девицу Мазурину на распятие — благословил ее идти в миссию в Сибирь, что перед кончиною, в болезни, и он, видимо, боялся, чтобы не пострадать от правительства за эти 30 тысяч и т. д. — Что в этом свидетельстве правда, что ложь? «Ничтоже речет» в ответ свидетелю ни почивший наш благочестивый иерарх, ни помешанная ныне девица Мазурина».

Названным свидетелем, выступившим на процессе против митрополита, был Т. И. Филиппов. «Тот самый Тертий Иванович Филиппов, — говорилось в заметке, — охранитель «благочестия», который один из первых провидел в рассказах г. Лескова «Заметки неизвестного» якобы вредное глумление даже над духовным саном, потому лишь, что в созданных фантазиею автора типах из духовного сословия автор осмеивает несомненно вредные начала, существующие в духовенстве... тот самый «эпитроп» гроба господня, наследник Готфрида Бульонского, поборник у нас константинопольских фанариотов, добивающихся создать в православном мире своего рода папство, признавший вместе с фанариотами болгарскую церковь еретическою за некоторое обособление ее от грабежа и подавления славян-болгар греческим духовенством, тот самый Т. И. Филиппов, который мечтает попасть в обер-прокуроры св. синода и о котором гласит некий эпиграф:

По службе подвигаясь быстро,
Ты стал товарищем министра.
И дорогое имя Тертия
Уже блестит в лучах бессмертия!»

Как явствует из письма Лескова к сыну от 31 мая 1884 года, заметка эта была «всеми» приписана Лескову. «Я должен был это опровергнуть не потому, чтобы боялся Филиппова, но потому, что этот человек сделал мне слишком много зла и я не хочу шутить с ним. Я поступил бы иначе и смелее». В том же письме Лесков

так объяснял отправку своего «Письма в редакцию» в московские газеты (кроме «Русского курьера», экземпляры «письма» были посланы также в «Русские ведомости» и в «Современные известия»): «Здесь я не мог опровергнуть, — все боятся» (А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 502—503).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Об обеде Н. С. Лескову

Печатается по тексту газеты «Новости», 1884, № 286, 16 октября.

Об обстоятельствах, вызвавших письмо в редакцию газеты «Новости», см. письмо 31 в наст. томе.

АВТОРСКОЕ ПРИЗНАНИЕ

(Открытое письмо к П. К. Щебальскому)

Печатается по автографу (ИРЛИ); впервые опубликовано в газете «Варшавский дневник», 1884, № 266, 15 декабря.

Письмо написано по поводу статьи, опубликованной в «Варшавском дневнике» (1884, №№ 248, 249, 252) и приуроченной к двадцатипятилетию литературной деятельности Лескова.

Упоминания в статье о ранних романах Лескова, несомненно, и побудили его к публикации настоящего «открытого письма»; она послужила удобным поводом к публичному изъяснению всех обстоятельств создания злополучного для автора романа — «Некуда», обстоятельств, рассказать о которых он уже давно и неоднократно стремился. Не повторяя сведений, приведенных в примечаниях к т. 2 наст. издания (стр. 722—724), отметим еще предшествовавшее настоящему «открытому письму» объяснение, содержавшееся в неопубликованной статье «О шепотниках и печатниках» (июнь 1882 г.). «Двадцать лет кряду... гнусное оклеветание нес я, — писал в этой статье Лесков, — и оно мне испортило немногое — *только одну жизнь*... Кто в литературном мире не знал и, может быть, не повторял этого, и я ряды лет лишен был даже возможности работать... И все это по поводу одного романа «Некуда», где просто срисована картина развития борьбы социалистических идей с идеями старого порядка. Там не было ни лжи, ни тенденциозных выдумок, а просто *фотографический отпечаток* того, что происходило. В романе даже самое симпатическое лицо есть *социалист* (Райнер, которого я писал с Арт. Бенни). Ныне князь Бисмарк говорит, что с социалистами кое в чем надо считаться, а я тогда показывал живым типом, что

социалистические мысли имеют в себе нечто доброе и могут быть приурочены к порядку, желательному для возможно большего блага возможно большего числа людей. — В литературном мире, однако, было сложено, что роман этот «писан по заказу III Отделения, которое заплатило мне за него большие деньги». Это испортило все мое положение в литературе, а так как у меня, кроме литературы, никаких других занятий не было, то это мне *испортило жизнь на целые двадцать лет*. Сбросить гнусную клевету не было никакой возможности, потому что об этом *только говорили,* а не печатали... Напрасно я ждал и напрасно жду, чтобы кто-нибудь имел благородство и великодушие *напечатать* то, что говорилось обо мне по поводу «Некуда» и так и остается на мне клеветою неразъясненною и несмытою. А я бы считал это большим благодеянием, потому что на открытое обвинение мне было бы отрадно и легко рассказать историю печатания этого романа, пока живы свидетели его появления. Но один из них, Н. Н. Воскобойников, уже сошел в могилу, а другой — П. Д. Боборыкин — хранит упорное молчание о том, как этот роман задумывался и писался и какие он мне принес суммы».

Несколько позже, в письме к С. Н. Шубинскому от 23 апреля 1883 года, Лесков высказывает желание написать «любопытное литературное воспоминание»: «Историю романа «Некуда». «Авторское признание», по-видимому, является первоначальным, эскизным наброском этого неосуществленного полностью замысла.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПО ТРЕМ ПУНКТАМ

Печатается по тексту газеты «Новости», 1885, № 40, 10 февраля.

«Указка» — «Указка к книге Нового завета» — небольшая, напечатанная на плотной клеенке книжная закладка, с кратким содержанием Нового завета и наиболее употребительными цитатами из него. Разрешение духовной цензуры дано 20 марта 1879 года. В материалах А. Н. Лескова существует запись: «Упоминаемый здесь «дитяти» — это я, тогда, в 1879 году, находившийся в зените пейкерско-пашковского евангелизма». См. по поводу «Указки» бесподписную заметку (по мнению А. Н. Лескова, «несомненно» принадлежащую Н. С. Лескову) «Указка г. Лескова» («Церковно-общественный вестник», 1879, № 126). Разыскать газетные упоминания об «Указке», о которых говорит в своей заметке Лесков, — не удалось.

...литератор, писавший... под псевдонимом «Оса»... — И. А. Баталин.

⟨В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НОВЬ»⟩

Печатается по тексту журнала «Новь», 1885, № 23, стр. V, в редакционной статье «Новь» за год».

Тексту письма предшествовало следующее вступление редакции: «Один из романов, именно — «Незаметный след» Н. С. Лескова, остался незаконченным, то есть напечатана только первая часть романа. Причина этого разъяснена в следующем письме автора романа на имя редактора-издателя «Нови». Речь идет о романе Лескова «Незаметный след (Из истории одного семейства)» — «Новь», 1884, №№ 1, 2.

Ссылка на «неблагоприятные обстоятельства», помешавшие продолжению и окончанию начатого романа, не может быть прояснена с полной уверенностью.

Скорее всего, Лесков просто охладел к замыслу «семейного романа», и, по соглашению с Вольфом, данное письмо должно было оправдать редакцию журнала в глазах читателей.

ЧУЖОЕ ЗАГЛАВИЕ

(Письмо в редакцию)

Печатается по тексту газеты «Новое время», 1887, № 4206, 13 ноября. Имея в виду близость Лескова к редакции «Нового времени», А. Н. Лесков в своих заметках высказывал весьма вероятное предположение, что дата письма в газете («12 октября») — опечатка, и в действительности письмо написано 12 ноября (Архив А. Н. Лескова).

⟨ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»⟩

Печатается по тексту газеты «Новое время», 1887, № 4211, 18 ноября.

Письмо напечатано вслед за письмом братьев Е. А. и М. А. Вернер, издателей журналов «Сверчок» и «Вокруг света» (в 1886—1891 годах), занимавшихся также книгоиздательством; в том же 1887 году ими был выпущен сборник рассказов А. Чехонте (А. П. Чехова) «Невинные речи».

ТОВАРИЩЕСКИЙ ПОДАРОК

(Письмо в редакцию)

Печатается по тексту газеты «Новое время», 1888, № 4525, 3 октября.

Письмо написано в связи с выходом в свет брошюры П. В. Быкова «Библиография сочинений Николая Семеновича Лескова

с начала его литературной деятельности — 1860 г. по 1887 г. (включительно)» (СПб., 1889; напечатана в количестве 100 экземпляров, из коих 50 поступили в продажу). Позднее эта работа, значительно пополненная, была присоединена к собранию сочинений Лескова («Библиография сочинений Н. С. Лескова. За тридцать лет (1860—1889)» — Собрание сочинений Н. С. Лескова. Том десятый. СПб., 1890, стр. I—XXV).

Стр. 238. *...проскользнуло известие в «Еженедельном обозрении»*. — См. выше, открытое «Письмо в редакцию. Об обеде Н. С. Лескову». Написано оно было не «два», а четыре «года тому назад», в октябре 1884 года.

Стр. 239. *Александров,* Федор Францевич — неофициальный редактор журнала «Всемирная иллюстрация» в 1880—1890 годах.

Бибиков, Виктор Иванович (1863—1892) — беллетрист и драматург, постоянный сотрудник «Осколков» и других юмористических журналов.

Ясинский, Иероним Иеронимович (1850—1931) — беллетрист. См. о нем в примечании на стр. 652—653.

Быков, Петр Васильевич (1843—1930) — библиограф. С Лесковым был знаком еще в начале 60-х годов, но длительное время не встречался с ним. Знакомство возобновилось в связи с подготовкой Лесковым собрания своих сочинений. «Не помню кто сказал ему, — вспоминал Быков, — что у меня на карточки занесено все им написанное и помещенное в разных журналах и газетах. «Меня уверили, — писал мне своим круглым, оригинальным почерком Лесков, — будто в числе прочих писателей в вашем литературном архиве значится и мое имя и полный список всего, мною напечатанного. Правда ли это? Если правда, то вы окажете мне истинно товарищескую услугу, поделившись со мною вашим списком. Не откажите открыткой уведомить меня — мне ли зайти к вам, или вы меня посетите, и вообще — приемлема ли моя просьба? Нетерпеливо ждать буду интересного свидания, при котором надеюсь выразить вам крайнее удивление кропотливым трудам вашим и сказать много благожеланий» (П. В. Быков. Силуэты далекого прошлого. Л., 1930, стр. 161—162). По окончании работы Лесков подарил Быкову свою книгу «Гора», сделав на ней такую надпись: «Моему слишком снисходительному литературному другу и пособнику П. В. Быкову» (там же, стр. 155). Кроме того, Лесков подарил Быкову рукопись переработанного старого своего рассказа «Житие одной бабы» («Амур в лапоточках»; см. наст. изд., т. 1, стр. 501—503).

О ПОВЕСТИ «ЗЕНОН ЗЛАТОКУЗНЕЦ»
(Письмо в редакцию)

Печатается по тексту газеты «Русские ведомости», 1889, № 12, 12 января.

Письмо было переслано в редакцию «Русских ведомостей» через Л. Н. Толстого. Сводка данных о творческой истории повести «Зенон златокузнец» («Гора») дана в комментарии к повести (т. 8 наст. издания, стр. 600—607). Сводка эта вместе с тем комментирует и настоящее «письмо».

ОБ ИРОДОВОЙ ТЕМНИЦЕ
(Письмо в редакцию)

Печатается по тексту газеты «Новое время», 1889, № 4962, 20 декабря.

Настоящее «письмо в редакцию» вместе с письмом 1882 года «О тульском левше» представляют интерес категорическими признаниями писателя относительно соотношения в его творчестве элементов вымысла (или домысла) с безусловными историческими и бытовыми фактами. Высказывания критики по поводу одной из прологовых повестей Лескова «Аскалонский злодей (Из сирийских преданий)» («Русская мысль», 1889, № 11) явились тем более удобным поводом для таких признаний, что один из критиков, А. М. Скабичевский, в своих высказываниях («Новости», 1889, № 337) резко разошелся в оценке повести и ее источников с другими лицами, писавшими о ней (Аристархов — псевдоним А. И. Введенского — в «Русских ведомостях», 1889, № 335; И. С—н в «Одесском вестнике», 1889, № 321; аноним в «Киевлянине», 1889, № 271).

Выступление Лескова вызвало в самой редакции «Нового времени» резко противоположную оценку: 22 декабря 1889 года В. Буренин (в № 4964) объявил, что рассказ Лескова «нимало не поучителен и проникнут в подробностях совсем не духом «целомудрия и смиренномудрия», как бы следовало, а духом «празднословия и любоначалия». А еще через три дня сам Суворин («Новое время», 1889, № 4967, 25 декабря) выступил с возражениями критику своей газеты и с утверждением высоких художественных и идейных достоинств повести Лескова.

Стр. 242. *Скабичевский,* Александр Михайлович (1838—1910) — критик, в молодости умеренный народник, позднее — либерал.

Стр. 243. *Флобер,* Гюстав (1821—1880) — французский романист. Написанная им «легенда» «Иродиада» появилась в 1877 году и тогда

же была переведена на русский язык Тургеневым («Вестник Европы», 1877, № 5). В этом переводе ее, вероятно, знал и Лесков.

Берсье, Эжен (1805—1889) — французский проповедник.

...«Русские ведомости», к редакции которых близок самый лучший знаток жизни древнего христианского Востока... — Имеется в виду Л. Н. Толстой или В. С. Соловьев. И тот и другой не были активными сотрудниками газеты, но «близко» стояли к основному кругу ее редакции и сотрудников.

ДРУЖЕСКАЯ ПРОСЬБА

(Письмо в редакцию)

Печатается по тексту газеты «Новое время», 1890, № 5074, 16 апреля.

Лесков считал началом своей литературной деятельности статью «Очерки винокуренной промышленности (Пензенская губерния)», датированную 28 апреля 1860 года, но опубликованную лишь год спустя, в «Отечественных записках», 1861, № 4, стр. 419—444, — уже после того, как в разных изданиях было напечатано несколько его статей (см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 134).

КУРСКАЯ ТРЕЛЬ О ТОЛСТОМ

(Письмо в редакцию)

Печатается по тексту «Петербургской газеты», 1891, № 23, 24 января.

«Письмо» вызвано корреспонденциею некоего Ира (псевдоним) «День у Л. Н. Толстого» — «Курский листок», 1891, № 1, 3 января. Корреспонденция была перепечатана некоторыми петербургскими газетами, в том числе и «Новым временем».

Стр. 245. *Кабинет этот лучше описан у Гр. П. Данилевского, хотя тоже неверно.* — Имеется в виду статья Г. П. Данилевского «Поездка в Ясную Поляну» («Исторический вестник», 1886, № 3).

Старшие дочери Льва Николаевича — Татьяна Львовна (1864—1950) и Мария Львовна (1871—1906).

Стр. 246. *...как знаменитый ходок из московского «Курьера» г. Штейнгель.* — Лесков ошибочно называет так Евгения Штанделя; см. выше заметки «О хождении Штанделя по Ясной Поляне» и «Девочка или мальчик?»

...фамилия упомянутого человека не Гайдуков, а иначе... — то есть П. И. Бирюков (см. примечание к стр. 196).

ПИСЬМА

Как отмечалось в примечаниях к десятому тому настоящего издания, переписка Лескова за годы 1881—1895 сохранилась значительно лучше, нежели его переписка за предшествовавшие годы. Объясняется это, во-первых, тем, что писатель, находясь, по выражению А. Н. Лескова, «в зените чтимости и на закате дней», значительно распространил круг своих корреспондентов. Расширяется в эти годы также круг изданий, в которых участвует Лесков. К нему, известному писателю и признанному мастеру литературы, обращаются за советами, помощью, поощрением. Существенную роль в переписке Лескова начинает играть Л. Н. Толстой и близкие к нему люди — Чертковы, П. И. Бирюков и др. Все это, во-вторых, приводит к качественному изменению содержания переписки Лескова: кроме текущих литературных дел, обсуждения очередных собственных и чужих произведений, все чаще затрагивает он также вопросы политики, проблемы мастерства, касается этических, религиозных и философских проблем.

Большой мастер художественной литературы, Лесков был вместе с тем мастером эпистолярного («письмовного») жанра. Особенности языка и стиля, насыщенность этих писем фактами, представляющими интерес для широкого советского читателя, делают особенно затруднительным их отбор. Печатаемые здесь 295 писем составляют лишь часть из сохранившихся в настоящее время писем Лескова 80—90-х годов. При отборе их пришлось вовсе отбросить письма семейные, наиболее интересные и содержательные отрывки из которых были опубликованы А. Н. Лесковым в его книге (отдельные цитаты из семейных писем использованы в примечаниях). Почти вовсе исключены из настоящего тома письма «учительные», проповеднические — учительство и проповедь никогда не были самой сильной и примечательной стороною таланта Лескова; с образцами же его проповедничества читатель в достаточной степени познакомится по тем отдельным письмам, которые печатаются в настоящем томе. Наконец, исключены письма сугубо делового характера.

Составитель тома старался, по возможности, представить эпистолярное наследие Лескова за годы 1881—1895 со всеми его психологическими оттенками и характерными чертами (чего стоят хотя бы четыре письма Лескова к Суворину, написанные в течение одного дня, 11 марта 1887 года!); стремление представить письма Лескова без нарочитой редакторской ретуши объясняет наличие в настоящем томе, несмотря на сделанные выше оговорки, писем «учительных»,

деловых, равно как и писем, в которых писатель бурно и резко выражает владевшие им сугубо временные чувства раздражения, возмущения, негодования и т. д.

1

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

...статья готова — статья «Дворянский бунт в Добрынском приходе» — «Исторический вестник», 1881, № 3, стр. 357—390.

2

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Письмо вызвано появлением в самый канун похорон Ф. М. Достоевского (умер 28 января 1881 года) бесподписного его некролога в «Петербургской газете» (1881, № 25, 30 января), которого авторство было досужей сплетней приписано Лескову. При большой сложности и обоюдной запутанности взаимоотношений Лескова и Достоевского сплетня эта, исходившая из редакции «Нового времени», была особенно неприятна писателю.

Лейкин, Николай Александрович (1841—1906) — писатель-юморист; близкий сотрудник «Петербургской газеты». По припоминанию А. Н. Лескова, Лейкин и Н. С. Лескову называл действительного автора статьи (А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 292).

...некоторый портрет в рассказе «Островитяне» — по-видимому, образ художника Истомина, включивший в себя черты К. П. Брюллова и отчасти С. К. Зарянко (см. наст. изд., т. 3, стр. 586—587).

...весь гонорар за «Леди Макбет». — Повесть Лескова «Леди Макбет нашего уезда» (позднее — «Леди Макбет Мценского уезда») была напечатана в журнале Достоевского «Эпоха», 1865, № 1, стр. 39—80. Как рассказывает А. Н. Лесков, «очень нуждавшийся тогда Лесков не раз просит — и непосредственно и через Н. Н. Страхова — выдать ему, до последней крайности необходимый, гонорар. Уплата отлагается, время тянется, нужда растет. Но самого Достоевского не достигнуть. В конце концов вместо необходимых на житье денег выдается вексель на полтораста рублей» (А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 290).

...как сделал по поводу Малины... — Имеется в виду австрийский подданный А. Малина, который прибыл в Россию преподавателем латинского и греческого языков, скрываясь от уголовного преследо-

вания на родине за многоженство. Лесков посвятил ему серию статей «Неуловимый многоженец (Из истории брачных затруднений)» («Новое время», 1880, №№ 1703, 1707, 1710 и перепечатка в «Газете А. Гатцука», 1880, № 50, стр. 838—843) и «Поправки и объяснения к статьям о Малине» («Новое время», 1880, № 1717).

3

Печатается по автографу (ГПБ). Впервые опубликовано в книге А. Лескова «Жизнь Николая Лескова», стр. 400.

Письмо касается предложения Шубинского написать статью для апрельской книжки «Исторического вестника» на общеполитическую тему, в связи со смертью Александра II 1 марта 1881 года.

4

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Затевая с 1881 года издание еженедельной газеты «Русь», И. С. Аксаков обратился к Лескову с просьбой о сотрудничестве: «Нет ли у вас чего-нибудь готового, только не в роде «Мелочей», а вот в роде помещенного Вами в «Историческом журнале» ⟨«Историческом вестнике»⟩ рассказа о праведниках кадетского корпуса. Наконец, если у вас есть повесть, даже роман не чересчур длинный, — то и это могло бы быть помещено в моей газете. Впрочем, вы сами знаете, что мне нужно, знаете и то, что помещение в моей газете это не все равно, что помещение в журнальных низинах, называемых фельетонами, ни даже в «Церковно-общественном вестнике» («Исторический вестник», 1916, № 3, стр. 792—793; автограф — ЦГАЛИ). Последние слова, вместе с какими-то аналогичными замечаниями в следующем, не сохранившемся письме Аксакова, вызвали резкую отповедь Лескова. 7 января 1881 года он писал Аксакову: «Я пишу как умею и всегда — как чувствую. Я плохой христианин, но молю бога паче всего не отнять у меня этого состояния моей души. Я никогда не осмеивал «сана» духовного, но я рисовал его носителей здраво и реально и в этом не числю за собою вины. Я не хочу быть «тенденциозным». — довольно сделано и без меня в этом роде. Если мне действительно дана некоторая способность рисовать духовных, как Островскому купцов, — зачем я не имею права служить моим даром литературе правдиво? Хорошо ли, дурно ли, — я с своими малыми силами дал несколько типов духовенства, которые считаются далеко не худшими, и не дал ни одной карикатуры. Сколько «идеальных» есть на все количество типичных, — я не

разбираю и не считаю. Я пишу то, что ясно складывается и формируется у меня в голове... В одних «Мелочах архиерейской жизни» я погрешил (по неведению), представив архиереев, как писал мне один умный владыка, — «лучше, чем они есть на самом деле». Вместе с тем Лесков обещал своему корреспонденту написать нечто, «сотканное из одного русского «прекраснодушия», с китайскою или строгановскою раскраскою — без теней. Это легче всего выудить не в духовенстве. Я сделаю все, что могу, но мучусь мыслию, что буду видеть не один тип, а два: мой вымысел и действительность в лице Вашем. От этого я буду путаться, как конь на мундштуке, и напишу хуже, чем могу писать, когда ищу изобразить одну правду...» (ИРЛИ). Отвечая на это гневливое послание, Аксаков (10 января 1881 года) оправдывался, что вовсе не требует «положительных или добродетельных попов и архиереев»: «Все дело в качестве и в мере иронии». «Ради бога, — продолжал он, — не стесняйте своей свободы как художника и не пишите *для меня* нарочно: знаю наперед, что от этого выйдет хуже. Пишите, как Вам бог на душу пошлет. Напишете «Соборян» — прекрасно, «Запечатленного ангела» — отлично, «На краю света» — превосходно, «Трех праведников» — обрадуете несказанно. Видите, какой выбор!» («Исторический вестник», 1916, № 3, стр. 793; текст исправлен по автографу ЦГАЛИ).

В результате этой переписки Лесков отдал в «Русь» серию очерков «Обнищеванцы» (Религиозное движение в фабричной среде. 1861—1881)» («Русь», 1881, №№ 16—21, 24, 25) и «Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе (Цеховая легенда)» («Русь», 1881, №№ 49—51).

У Ахматовой же на днях выйдет такая же легенда... под заглавием «Леон — дворецкий сын...» См. т. 7 наст. издания, стр. 60, и примечание на стр. 508.

Ахматова, Елизавета Николаевна (1820—1904) — беллетристка и переводчица. В 1885 году Лесков напечатал в «Историческом вестнике» (1885, № 4, стр. 255—256) заметку: «Как заступаться за литературных дам» — по поводу несправедливой и обидной статьи Скабичевского в «Новостях» об изданиях Е. Н. Ахматовой.

Был некто полковник Саврасов из севастопольцев... — По-видимому, речь идет о полковнике Михаиле Николаевиче Саврасове (1825—1886), шуйском воинском начальнике. О службе его смотрителем виленской тюрьмы сведений нет; комендантом Шлиссельбургской «тюрьмы государевой» он не был (да и восстановлена она была лишь в 1884 году).

Гельфман, Геся Мееровна (1855—1882) — революционерка-народница. В 1881 году была привлечена к суду над «первомартовцами» — революционерами, казнившими Александра II; приговорена к повешению, но из-за ее беременности приговор не был приведен в исполнение. В Шлиссельбургской крепости не находилась; умерла в тюремной больнице после родов.

...посмотрите... статью «Благонамеренная бестактность». — В «Историческом вестнике» Лесков напечатал одну за другой две статьи, близко между собою связанные: «Заказная литература (Несколько замечаний по поводу образцовой народной книжки)» (1881, № 10) и «Благонамеренная бестактность» (1881, № 11). Обе статьи посвящены осудительному разбору потока книг «для народа», выпущенных царским правительством (или при его содействии) в связи со смертью Александра II.

Рачинский, Сергей Александрович (1836—1902) — профессор-ботаник Московского университета; по выходе в отставку — деятель народного образования, пропагандист широкого привлечения духовенства к начальному народному образованию и организации церковно-приходских школ.

5

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...благодарю Вас за деньги... — гонорар за «Левшу».

...Вы просили за меня Кокорева... — Об этом эпизоде см. т. 10 наст. издания, письма 67—70; ср. также А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 303—306.

...Суворин и Буренин в тогдашнем их настроении... — то есть в те годы (60-е — начало 70-х годов), когда оба они работали в прогрессивной печати, когда Суворин, в частности, — по определению Ленина, — был «начинающим либеральным и даже демократическим журналистом, с симпатиями к Белинскому и Чернышевскому, с враждой к реакции» (Сочинения, т. 18, стр. 250).

...Есть в моей жизни такой анекдот... — О нем упоминает А. Лесков («Жизнь Николая Лескова», стр. 427—430).

...острил в сатире Минаев. — Лесков ошибся: приведенная им строка — неточная цитата из сатирической «Думы романтика». А. Иванова-Классика:

И, дойдя до чрезвычайности,
Устремили очи все туда,
Потому, достигнув крайности,
Нам деваться было *Некуда*

6

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Я ничего не пишу в «Новостях»... — В газете «Новости» Лесков довольно оживленно сотрудничал во второй половине 1878 и первой 1879 года. Возобновил сотрудничество в 1883 году, после объединения «Новостей» с «Биржевой газетой».

Гриппенберг, Александр Эдуардович (ум. в 1890 г.) — директор-распорядитель акционерного товарищества писчебумажных фабрик «Игнеройс», издававшего «Новости» в 1881—1882 годах.

Пассек, Татьяна Петровна (1810—1889) — писательница, редактор-издатель детского журнала «Игрушечка» (1880—1889), в котором принимал участие Лесков («Христос в гостях у мужика», «Коза»). Лескову принадлежит статья-некролог о Т. П. Пассек: «Литературная бабушка» — «Всемирная иллюстрация», 1889, № 15, стр. 265—267.

...трудно отказать и Лейкину... — В «Осколках», издававшихся Н. А. Лейкиным, Лесков напечатал рассказ «Дух госпожи Жанлис. Характерный случай (Из литературных воспоминаний)» (1881, № 49, стр. 387—390; № 50, стр. 399—402). См. т. 7 наст. издания, стр. 79—92.

Суворин действительно запасся от меня маленьким пустяком, озаглавленным «Иллюстрация к статье Аксакова об упадке духа». — Подобная статья в «Новом времени» не появлялась.

Гатцуку я написал... — В «Газете А. Гатцука» в 1881 году рассказ Лескова «святочного содержания» не появлялся.

Катков на меня никогда не сердился по поводу «Соборян». — Сводку данных о публикации «Соборян» см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 268—276, и наст. изд., т. 4, стр. 518—525.

С Катковым мы разошлись по поводу «Захудалого рода»... — См. об этом наст. изд., т. 5, стр. 577—578, и т. 10, стр. 387—388.

...Толстой со мною был превосходен... — Об отношениях Лескова с министром Д. А. Толстым см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 428—431.

Статью Влад. Соловьева... — По-видимому, статью В. С. Соловьева «О духовной власти в России», опубликованную в «Руси», 1881, № 56, и вызвавшую негодование официальных сфер: Победоносцева (вероятно, его следует подразумевать под «верующим мирянином»), Тертия Филиппова («раб божий Тертий») и др.

7

Печатается по сохранившейся копии с автографа (Государственная публичная библиотека Академии наук УССР). Впервые опубликовано в газете «Русская молва», 1913, № 81, 3 марта.

Филипп Алексеевич Терновский (1838—1884) — доцент по кафедре церковной истории Киевского университета и профессор русской истории Киевской духовной академии. Человек большой моральной чистоты, далекий от какого бы то ни было политического радикализма, Терновский на протяжении многих лет находился на подозрении у высших церковных кругов только за то, что «написал диссертацию, в которой нашлись признаки якобы иноисповедных учений», что на многие вопросы истории церкви глядел не глазами митрополита Филарета, Победоносцева и прочих мракобесов. «Талантливого и трудолюбивого ученого после этого и свели в гроб» («Русский архив», 1904, № 5, стр. 107).

Заочно познакомившись с Терновским, Лесков очень с ним сблизился. В Терновском видел он человека близкого себе «по духу», перенесшего почти одновременно с ним «одинаковые гонения несправедливых людей». В том же письме к Ф. Г. Лебединцеву (28 мая 1884 года), откуда взяты последние слова, Лесков писал: «Для литературы из трагедии Терновского желательно бы сохранить хоть одно самое существенное. У меня есть его письма. Переписка между нами шла деятельная до тех пор, пока обоих нас придавило бесправие, и руки опали от всего. Думаю, что кто же нибудь пожелает сохранить этот милый и чистый облик среди профессоров банконсистменного настроения... Кто же это будет сей? И кто столь превосходно пишет, чтобы все взять на себя одного и, может быть, погубить хороший материал? Не позволите ли мне просить Вас сообщить кому уместно мое мнение, что книгу о Терновском, может быть, лучше было бы составить не так, чтобы один кто собрал и объединил все, что знают многие. А напротив, — не лучше ли сделать так, как издал Михневич книжку о Якушкине, то есть собрать воспоминания многих и не резюмировать их. Это гораздо живее и интереснее и ходче идет в продаже. Пусть всякий вносит свой взгляд и свою субъективность, а читатель сам резюмирует. Это, без сомнения, живее однотонной канители, и, повторяю, это русской ленивой публике более нравится. Печатать, разумеется, надо без цензуры. Я охотно и безвозмездно дам и копии с писем и отдельный очерк моих личных воспоминаний с моею подписью. Вообще я прошу не отстранять меня ни от какого предприятия, имеющего задачею

поставить имя Терновского на вид» («Исторический вестник», 1908, № 10, стр. 171—172).

Предположение Лескова не было осуществлено. Не сохранились и письма, о которых упоминается в приведенном письме. Что же касается писем самого Лескова к Терновскому, то, как свидетельствует в рукописной заметке проф. С. Т. Голубев (ГПБ АН УССР), их было около двадцати. Однако бо́льшую их часть следует считать погибшей; уцелело только девять писем (два в оригинале, семь в копиях) и одна телеграмма.

Им не надобно звона гуслярного... — неточная цитата из стихотворения А. К. Толстого «Пантелей-целитель» (1866).

...не уполномочите ли меня приютить статью где инде? — Под статьей (выше — «рукопись»), по-видимому, разумеется присланная Лескову Терновским рукопись «Из автобиографии Ф. Ф. Исмайлова (род. 1794, ум. 1861). Жизнь в доме генерала от артиллерии П. М. Канцевича (с 29 сентября 1828 г. по конец 1840 г.)». Материалом рукописи Лесков воспользовался для очерков «Картины прошлого» («Новое время», 1883, № 2461, 4 января; № 2469, 12 января; № 2475, 18 января; № 2483, 26 января, и «Новости», 1883, № 19, 21 апреля; № 26, 28 апреля; № 38, 10 мая; № 40, 12 мая).

...что вышло с дневником Аскоченского. — О В. И. Аскоченском см. наст. изд., т. 7, примечание к стр. 177. Его «Дневник» («С предисловием и объяснениями Ф. И. Булгакова») печатался в «Историческом вестнике», 1882, №№ 1—9.

Балабухи — семейство богатых киевских помещиков-предпринимателей.

«Киевская старина» ведется не без умения и не без удачи. — С января 1882 года в Киеве начал выходить журнал «Киевская старина», специально посвященный истории и этнографии Украины. Редактору журнала Ф. Г. Лебединцеву Лесков писал (7 сентября 1882 года): «Журнал, по моему мнению, ведется умно и талантливо. Выбор статей хороший, скучного немного... Направление правдивое. Это очень приятно...» («Исторический вестник», 1908, № 10, стр. 164). В 1883 году Лесков опубликовал «Печерские антики» (см. наст. изд., т. 7).

«Пономарь Лампадоносцев» — то есть К. П. Победоносцев.

...со времен «Кирилла Терлецкого»... — Имеется в виду статья О. И. Левицкого «Южнорусские архиереи в XVI—XVII в. I. Кирилл Терлецкий» — «Киевская старина», 1882, № 1. Епископ луцкий и острожский Кирилл Терлецкий получил печальную историческую известность многочисленными преступлениями, пьянством, буйствами

и развратом, соглашением с папским престолом и т. п. Разглашение этих качеств православного «князя церкви» вызвало возмущение Победоносцева.

Хотел послать заметку на статью кн. Голицына... — По поводу статьи князя Н. С. Голицына «Почаевская Успенская лавра в конце июля 1855 года» («Киевская старина», 1882, № 6, стр. 365—380) Лесков напечатал статью: «След ноги богородицы в Почаеве. Заметка по поводу статьи кн. Н. С. Голицына» («Исторический вестник», 1882, № 10, стр. 227—236).

Филаретов, Михаил (в монашестве *Филарет*) (1824—1882) — ректор Киевской духовной академии, затем епископ уманьский и рижский; духовный писатель и проповедник.

Арсений (Москвин Федор Павлович, 1795—1876) — митрополит киевский и галицкий.

8

Печатается по копии с автографа (ГПБ АН УССР). Впервые опубликовано в газете «Русская молва», 1913, № 81, 3 марта.

В погоню за письмом, вчера Вам посланным... — Письмо не сохранилось.

...книги я получил... — то есть экземпляры «руководства по церковной истории» Терновского «Греко-восточная церковь в период вселенских соборов» (Киев, 1883).

Тузов, Игнатий Лукьянович (ум. в 1916 г.) — издатель и книгопродавец книг преимущественно духовного содержания.

Оглоблин, Николай Николаевич — киевский книгопродавец и издатель.

Заявление на последней странице... — объявление о продаже вместе с новой книгой Терновского также первого ее выпуска: «Три первые века христианства», вышедшего в Киеве в 1877 году.

Отзыв напишу... — Отзыв Лескова о книге Терновского в печати неизвестен.

9

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

...письмо Аменецкого... — Содержание письма неизвестно.

Статью «Синодальные персоны» я был бы очень рад получить назад... — Статья Лескова «Синодальные персоны. Период борьбы за преобладание (1820—1840)» — была опубликована в «Историческом вестнике», 1882, № 11. Желание Лескова вызвано было, оче-

видно, какими-то сомнениями Шубинского в цензурности статьи либо намерением его произвести сокращения или изменения в тексте.

...статья по письму Самарина написана... — Статья эта — «Русские деятели в Остзейском крае. Свои и чужие наблюдения, опыты и заметки» — была опубликована в «Историческом вестнике», 1883, №№ 11, 12. *Самарин,* Юрий Федорович (1819—1876) — общественный деятель и публицист-славянофил. В 1849 году, находясь на службе в Риге, написал «Письма из Риги», в которых выступал против насильственного присоединения к православию эстонцев и латышей. «Письма» быстро распространились в списках и вызвали правительственные репрессии против их автора.

Суворов, Александр Аркадьевич, князь (1804—1882) — в 1848—1861 годах генерал-губернатор прибалтийских («остзейских») губерний.

Филарет (Дмитрий Григорьевич Гумилевский, 1805—1866) — архиепископ черниговский, богослов и историк церкви.

Платон (Николай Иванович Городецкий, 1803—1891) — митрополит киевский и галицкий (с 1882 г.).

О письмах Филарета Дроздова писать не могу. — Имеется в виду книга «Филарет, митрополит московский. Письма его к родным, 1800—1866 гг.», М., 1882.

10

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

От Ф. А. Терновского получил одно преинтересное предложение для журнала... — По-видимому, речь идет о статье по поводу книги К. Н. Леонтьева «Наши новые христиане»; см. примечание к письму 14.

Дубнов, Семен Маркович (род. в 1860 г.) — историк еврейского народа. Рецензии С. М. Дубнова в «Историческом вестнике» в 1882—1883 годах не появлялись.

11

Печатается по копии с автографа (ГПБ АН УССР). Впервые опубликовано в газете «Русская молва», 1913, № 81, 3 марта.

...о ней что-то навараксал Ив⟨ан⟩ Дм⟨итриевич⟩ Белов... — В «Историческом вестнике», 1883, № 1, опубликована рецензия И. Б—ва на докторскую диссертацию В. О. Ключевского «Боярская

дума древней Руси» (М., 1882). *Белов,* Иван Дмитриевич (ум. в 1886 г.) — педагог-историк и беллетрист.

...о Вас имеют досадительное понятие по книге о «Леванде». — Речь идет о подготовленной Ф. А. Терновским книге — «Киево-софийский протоиерей И. В. Леванда, биография и неизданные проповеди, речи и письма» (Киев, 1879).

Это блистательно исполнил датчанин Брандес... — Датскому критику Георгу Брандесу (1842—1927) принадлежит многотомное критическое исследование «Главнейшие течения европейской литературы XIX века» (6 томов, 1872—1890), известное Лескову по ряду откликов, пересказов и извлечений в русской повременной печати.

Ваш Исмайлов все гостит у Пятковского... — то есть в редакции журнала «Наблюдатель», издававшегося Александром Петровичем Пятковским (1840—1904), историком литературы и журналистом.

...статья об Исмайлове... идет 1 ноября. — По-видимому, Лесков первоначально предполагал напечатать свою обработку части воспоминаний Ф. Ф. Исмайлова в «Историческом вестнике», однако, не сойдясь с Шубинским, отдал ее в «Новое время» и «Новости».

Кирпичников, Александр Иванович (1845—1903) — профессор Московского, Харьковского, Одесского университетов по кафедре истории западноевропейских литератур. Неоднократно выступал со статьями в «Историческом вестнике».

...подобный опыт Пыпина... — Вероятно, имеются в виду статьи А. Н. Пыпина «Изучения русской народности», печатавшиеся в «Вестнике Европы», 1881, №№ 8, 9, 11, и 1882, №№ 4, 6, 7, 11, 12. *Пыпин,* Александр Николаевич (1833—1904) — историк литературы, журналист-либерал.

Тэн, Ипполит (1828—1893) — французский буржуазный историк, литературный и художественный критик, философ. Его произведения многократно переводились на русский язык.

Костомаров, Николай Иванович (1817—1885) — историк. Ссылка на него разъясняется в письме Лескова к Ф. Г. Лебединцеву от 12 ноября 1882 года. Сообщив Лебединцеву о подготовляемых для «Киевской старины» «Печерских антиках», Лесков писал: «Я думал дать вам анекдотик или «нечто» в четверть или пол-листа и потому ни слова не говорил о цене. Что бы ни заплатили, все было бы хорошо «по-приятельски». Но работка вышла великонька (листа два с половиною — три). Тут дело становится иначе, и я могу сделаться только так, как Н. Ив. Костомаров, то есть по-приятельски предложить Вам цену много уменьшенную, но все-таки цену определенную. Наши гонорары не секрет: мне платят от 200 до 250 рублей за лист. Н. Ив. Костомаров из своего гонорара (125 р.) назначил вам

заплатить ему 80 р. (кажется, так?). Считая долгом служить вашему изданию, которое мне мило, а доходов еще не имеет, я ограничиваюсь тем же гонораром, на котором вы сделались с Н. Ив. Это все, что я могу сделать по дружбе к изданию и по расположению к издателям, ибо литература для меня не свободное художество, а *ремесло.* Удобно ли и выгодно ли это вам? Прошу ответить скоро и, как говорят офицеры, «совсем франшман». Помните, что я не историю даю, а просто веселую штучку, кое-что, «пель-мель с горошком». Нужно ли это вам? ...Мне кажется, что я делаю все, что может сделать по приязни и доброжелательству человек рабочий, а вы свои соображения имейте, и сделаемся во всяком разе по-приятельски» («Исторический вестник», 1908, № 10, стр. 166—167).

Проект Тертия о школах читал. — Т. И. Филиппов, бывший в то время помощником государственного контролера, усиленно стремился занять пост министра народного просвещения либо обер-прокурора синода. Он рассчитывал, что представленный им в 1882 году и, по настоянию Победоносцева, не получивший дальнейшего движения проект организации церковно-приходских школ послужит началом дальнейшего его возвышения.

12

Печатается по копии с автографа (ГПБ АН УССР) Впервые опубликовано в журнале «Україна», 1927, кн. 1—2, стр. 188—189.

...оттиск реферата. — Имеется в виду реферат Терновского, читанный в собрании Церковно-археологического общества 18 октября 1882 года, «Собрание церковных древностей на Афоне, в Дрездене и Берлине» — «Труды Киевской духовной академии», 1882, № 2.

Петров, Николай Иванович (1840—1921) — профессор всеобщей литературы Киевской духовной академии, автор множества работ по истории русской и украинской литератур, обзоров собраний рукописей и церковных древностей и т. д. Его рецензия (подписанная инициалами *Н. П.*) на книгу Терновского опубликована в «Историческом вестнике», 1883, № 2.

Ф. Г. Лебединцеву статью изготовил. — «Печерские антики».

«Жидотрепание» — статья Н. И. Костомарова «Жидотрепание в начале XVIII в.» — «Киевская старина», 1883, №№ 1, 3.

Видали ли Вы гравюру... — Лесков имеет в виду сатирическую гравюру 40-х годов XIX века, изображавшую обер-прокурора синода Н. А. Протасова (1798—1855), митрополита петербургского Антония (Рафальского, 1782—1848) и др.

13

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Лесков был избран «старшиною» «Пушкинского кружка», объединявшего многих петербургских писателей, художников, артистов и пр. в октябре 1882 года, и, таким образом, отказался от «всяких должностей» по нему менее чем месяц спустя. Непосредственная причина отказа неизвестна. Во всяком случае, Лесков продолжал бывать в «кружке», неоднократно выступал в нем с чтением своих произведений (А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 481).

14

Печатается по автографу (ГПБ АН УССР). Впервые опубликовано в журнале «Украïна», 1928, кн. 2, стр. 111—112.

Письмо посвящено большой статье Терновского о митрополите Филарете («Митрополит Филарет. Его научное и общественное значение» — «Новое время», 1882, №№ 2466—2467), привлекшей к себе внимание общественности и вместе с тем послужившей непосредственной причиной всяческих невзгод ее автора. Написанная на основании писем и дневника Филарета в связи со столетием его рождения, статья Терновского очень убедительно рисовала «святителя» как человека невежественного, карьериста и подхалима, не останавливавшегося ни перед чем для достижения собственных честолюбивых замыслов. Статья была заказана Терновскому еще в августе, через Лескова же: вместе с уцелевшими письмами Лескова к Терновскому сохранилась телеграмма, отправленная из Петербурга 27 августа 1882 года и гласящая: «Суворин просит вас поскорее написать в Вашем духе оценку Филарету Дроздову по случаю столетия, до двух фельетонов газеты. Лесков». Лескову, несомненно, принадлежит и самая мысль заказа Терновскому данной статьи.

Впечатление, произведенное статьей Терновского, Лесков так описывал в письме к Ф. Г. Лебединцеву от 22 января 1883 года: «Статья нашего Филиппа Алексеевича дала ему сразу огромную известность, массу симпатий, но и несколько мерзостных врагов. Три дня как я вне себя: писать ему или нет? Но лучше напишу вам. Товарищ и любитель Филиппа Алексеевича, некто А⟨ннин⟩, был очезрителем, как Тертий ⟨Филиппов⟩ явился к Лампадоносцеву с номерами «Нового времени» и, кладя их на стол, сказал:

— Полюбуйтесь!

Тот сделал жалкое лицо и протянул: «Знаю».

— Что же вы сделали?

— Ничего.

— Неужели этот негодяй до сих пор еще не выгнан?

Лампадоносцев промолчал.

— Он должен быть выгнан!

Тот опять промолчал.

Далее мой послух не знает, что было. Шубинский и Суворин говорят, что дать знать об этом Терновскому надо, но что похвальбу Тертия можно считать за вздор, и бояться нечего. Прошу вас сказать ему, как найдете удобнее» («Исторический вестник», 1908, № 10, стр. 168—169).

Ламанский, Владимир Иванович (1833—1914) — профессор Петербургского университета — славист. Был близок к реакционным кругам.

Субботин, Николай Иванович (1830—1905) — профессор Московской духовной академии, «специалист» по расколу, ставленник Победоносцева и Каткова.

Пишите и присылайте о Толстом и Достоевском. — Терновский предлагал выступить в печати с возражениями на книгу К. Н. Леонтьева «Наши новые христиане» (М., 1882) — книгу, по выражению Лескова, «пропитанную ядом», но встретившую «кое-где весьма дружественную поддержку». Как явствует из следующих писем Лескова к Терновскому, статья была написана, но признана редакцией «Нового времени» и самим Лесковым неудавшеюся; Лесков основательно переделал ее и опубликовал под своей подписью в виде двух связанных между собою статей: «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)» — «Новости и Биржевая газета», 1883, № 1, 1 апреля; № 3, 3 апреля и «Золотой век. Утопия общего переустройства (По поводу новой книги Леонтьева «Наши новые христиане»)» — «Новости и Биржевая газета», 1883, № 80, 22 июля; № 87, 29 июля.

Об университетском уставе все в глубокой тайне. — Речь идет о подготовке нового университетского устава, уничтожавшего многие права университетов; устав был введен в жизнь с 1884 года.

Любимов, Николай Алексеевич (1830—1897) — профессор-физик, реакционный публицист, ближайший сподвижник Каткова.

Бунге, Николай Христианович (1823—1895) — профессор политической экономии, академик. Занимал ряд высоких постов по министерству финансов, председатель комитета министров.

Рейтерн, Михаил Христофорович, граф (1820—1890) — министр финансов (1862—1878), член Государственного совета, считавшийся «либералом».

...вдвоем исполнить его уж куда ж бы мило. — Совместная поездка Лескова и Терновского на север не осуществилась.

Даниловские доживальщики — обитатели старинных раскольничьих скитов на севере России.

Пругавин, Александр Степанович (род. в 1850 г.) — публицист, этнограф и историк, исследователь сектантства. По политическим убеждениям — либерал.

Немирович-Данченко, Василий Иванович (1844—1928) — беллетрист, автор многочисленных романов и путевых очерков.

Майнов, Владимир Николаевич (1845—1888) — этнограф.

Что «Елисея» приписали, — это хорошо. — Здесь и дальше речь идет о «Печерских антиках», подготовленных к печатанию в «Киевской старине».

15

Печатается по копии с автографа (ГПБ АН СССР). Впервые опубликовано в журнале «Україна», 1927, кн. 1—2, стр. 189—191.

Аннин, Павел Абрамович (1842—1911) — чиновник синода, ученик и почитатель Терновского.

Лесгафт, Петр Францевич (1837—1909) — профессор-анатом. В 1871 году был уволен из Казанского университета за выступление против нарушения университетской автономии.

Модестов, Василий Иванович (1839—1907) — профессор римской словесности; в 1880 году был уволен из Петербургской духовной академии за активное противодействие «классическим» реформам Д. А. Толстого.

...четверостишие (экспромт) Буренина... — Экспромт этот не сохранился.

16

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Письмо отражает недовольство Лескова редакцией «Исторического вестника» в связи с задержкой печатания «Русских деятелей в Остзейском крае» и отказом Шубинского напечатать подготовленный Лесковым отрывок из воспоминаний Исмайлова, помещенный затем в «Новом времени» и «Новостях».

...тупице Майкову... — *Майков,* Леонид Николаевич (1839—1900) — историк литературы и фольклорист; академик.

...как Вы, историк, могли сказать, что полтора листа из глухой поры 30-х годов — «много»? — Шубинский отказался поместить

в «Историческом вестнике» «очень любопытную» статью Лескова по запискам Исмайлова — «Сеничкин яд в тридцатых годах», «о притворщиках русского патриотизма». «Суворину она не годится по направлению, и я должен ее отдать Нотовичу или Оболенскому. Мне ее очень жаль» (письмо Шубинскому от 25 января 1883 года; А. И. Фаресов. «Против течения», стр. 160).

...Вы ...считали дрянным и мертвым самого живого и прелестнейшего из современных исторических писателей — то есть Ф. А. Терновского.

Вы сдали с рук записки редкостного интереса... — записки Ф. Ф. Исмайлова.

17

Печатается по автографу (ГПБ АН УССР). Впервые опубликовано в журнале «Украïна», 1928, № 2, стр. 112—113.

Письмо является ответом на запрос относительно увольнения Лескова от службы без прошения; см. «Письмо в редакцию» на стр. 221 и примечание к нему.

Хрущов, Иван Петрович (1841—1900) — чиновник министерства народного просвещения, позднее — попечитель Харьковского учебного округа.

Авсеенко, Василий Григорьевич (1842—1913) — беллетрист, в начале 80-х годов — чиновник особых поручений при министре народного просвещения.

Голубинский, Евгений Евсигнеевич (1834—1912) — церковный историк, автор многотомной «Истории русской церкви», вызвавшей преследования со стороны Победоносцева и синода. Лесков был убежденным почитателем Голубинского (см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 434, а также наст. изд., т. 10, письмо 121).

Статья действительно Вам не задалася. — См. выше, примечание к письму 14.

Майков, Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт. Его «записочка» к Лескову не сохранилась.

Кони, Анатолий Федорович (1844—1927) — председатель Петербургской судебной палаты, позднее сенатор и член Государственного совета. Прогрессивный общественный деятель, литератор.

18

Печатается по копии с автографа (ГПБ АН УССР). Впервые опубликовано в журнале «Украïна», 1927, кн. 1—2, стр. 191.

Философова, Анна Павловна (1837—1912) — деятельница женского образования. Почему ее фотография была отослана Лесковым Терновскому, не установлено.

19

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

20

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

...мою записку о расколе — составленную по поручению министра народного просвещения А. В. Головнина записку Лескова «О раскольниках города Риги, преимущественно в отношении к школам» (СПб., 1863, отпечатано 60 экземпляров). В «Историческом вестнике» «записка» не была перепечатана, однако в результате ознакомления с нею Шубинского появилась статья Лескова «Народники и расколоведы» (см. стр. 34 наст. тома).

...добудьте мне, пожалуйста, «Отеческие записки»... — то есть «Отечественные записки», 1883, № 4, в котором напечатано «Письмо Постороннего» (Н. К. Михайловского) по поводу решения Лескова прекратить печатание романа «Соколий перелет» (см. «Письмо в редакцию» на стр. 222 и примечание к нему).

«Южнорусское разноверие», кажется, придется запродать Нотовичу. — В газете О. К. Нотовича «Новости» подобная статья не появлялась.

21

Печатается по копии с автографа (ГПБ АН УССР). Впервые опубликовано в газете «Русская молва», 1913, № 81, 3 марта.

...цели наши согласовать нельзя... — Речь касается планов совместной поездки в летнее время.

Тем я задавать не мастер.... — Первая из названных тем касается одного из памятников полемической литературы начала XVIII века. Вторая является вариантом упомянутого в предыдущем письме «Южнорусского разноверия».

...о статье Вашей... — по поводу книги К. Н. Леонтьева о Толстом и Достоевском; см. письма 14, 18.

Атилла (ум. в 453 г.) — предводитель гуннских племен, возглавивший кровавые, опустошительные набеги на Галлию и Италию.

С этим связано возникновение поговорки, о которой упоминает Лесков.

...а ему шпильки... — В «Письме Постороннего» относительно лесковского «Сокольего перелета» Михайловский, в связи с заявлением Лескова о невозможности в создавшихся политических обстоятельствах разрабатывать сколько-нибудь значительные общественные темы, вспоминает Суворина и Буренина, сочинивших совместно и поставивших на сцене драму «Медея». Уход в античность двух писателей, «барахтающихся в самом водовороте текущей жизни, со всеми ее многочисленными шипами и немногочисленными розами», оказывается для критика примером, подтверждающим тезис: «У нас нет и не может быть общественного романа, написанного правдиво, хотя он мог бы и должен бы был быть».

«Государственная утопия Леонтьева» — очевидно, статья Терновского и Лескова «Золотой век. Утопия общего переустройства (По поводу новой книги Леонтьева «Наши новые христиане»)», появившаяся в «Новостях»; см. примечание к письму 14.

Феофан — Ф. Г. Лебединцев.

Письма Жуковского небезынтересны, а личность его очень стоит внимания. — По-видимому, Терновский, по поручению Лебединцева, спрашивал мнения Лескова о возможности публикации в «Киевской старине» писем В. А. Жуковского к М. А. Максимовичу, архив которого был приобретен редакцией журнала.

22

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

У него нет «Старины» и стихотворений Лермонтова в переводе Висковатова. — В журнале «Русская старина», 1879, т. XXVI, стр. 353—358, П. А. Висковатов опубликовал 17 стихотворений Лермонтова, сохранившихся в немецких переводах Ф. Боденштедта. Возможно, впрочем, что Лесков и Шубинский ошиблись, приняв за публикацию Висковатова статью В. К. Шульца «Критический обзор стихотворений Лермонтова в переводах французских писателей, 1845—1875 гг.» — «Русская старина», 1882, тт. XXXIV—XXXV, 1883, тт. XXXVII, XXXIX.

Минаев, Дмитрий Дмитриевич (1835—1889) — поэт-демократ, переводчик. О его отношениях с Лесковым см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 479—480.

Курочкин, Николай Степанович (1830—1884) — поэт-сатирик.

Короленко — служащий конторы «Исторического вестника».

Заметка о Марко Вовчке была моя... — Это письмо утверждает авторство Лескова в бесподписной и беззаглавной заметке относительно «Очерков из украинской литературы» Н. И. Петрова, печатавшихся в «Историческом вестнике», 1880—1883 («Новости и Биржевая газета», 1883, № 104, 16 июля, в отделе «Русская летопись»). В заметке этой Лесков высказывает сомнение относительно возможности обучения М. А. Маркович (Марко Вовчка) в Орловском институте благородных девиц, так как институт этот, «сколько нам известно, есть учреждение совершенно новое». Вместе с тем автор заметки особенно акцентировал значительную роль в литературном и общественном образовании писательницы ее мужа, А. В. Марковича. «В очерке, касающемся Марьи Александровны Маркович как малороссийской писательницы, — писал он, — может быть, было бы интереснее отметить, что в это самое время, когда она жила девицею в Орле у своих родственников, в Орел был прислан под надзор губернатора, князя П. И. Трубецкого, студент Киевского университета Афанасий Васильевич Маркович, известный малороссийский патриот и народолюбец. Находясь под надзором, Маркович служил помощником правителя канцелярии орловского губернатора, при правителе Порохонцеве. Маркович был коротко принят в доме Мордовцевых, где у всех тогда жили сильные малороссийские симпатии, доставлявшие в свое время повод беспокоиться местному жандармскому полковнику из поляков, г. Н—ну. Афанасий Васильевич попал в Орел в ссылку по так называемой «костомаровской истории» и был очень интересным лицом, — особенно для любителей малороссийского быта и малороссийской речи. Кроме своего интересного политического положения, Афанасий Васильевич сосредоточивал в себе много превосходных душевных качеств, которые влекли к нему сердца чутких к добру людей, приобретали ему любовь и уважение всех, кто узнавал его благороднейшую душу. Литературное образование его было очень обширно, и он обладал уменьем заинтересовывать людей литературою. В общем отношении он принес в Орле пользу многим. Этот-то замечательный молодой человек встретил Марью Александровну Вилинскую, которая, кроме своей несомненной природной даровитости, обладала также и прекрасной наружностью. Афанасий Васильевич полюбил молодую красавицу, и они сочетались браком — девица Вилинская стала г-жою Маркович, из чего потом сделан ее псевдоним Марко Вовчок. Вскоре имени этой молодой дамы суждено было «расти», а имени Афанасия Васильевича — «малитися», но в сумме влияний благоприятных раскрытию душевных сил и таланта Марка Вовчка — Афанасий Маркович, по мнению многих, имел немалое значение. Во всяком

случае, он значил, конечно, гораздо более, чем Орловский институт, который привлечен сюда Н. И. Петровым совершенно напрасно. Впрочем, профессор Петров, или редакция «Исторического вестника», вероятно, не пренебрегут нашим замечанием и, может быть, не сочтут за лишнее разъяснить: есть ли какое основание считать Марко Вовчка орловскою институткою?» Безмерно почитая А. В. Марковича, Лесков склонен был преуменьшать личные качества характера М. А. Маркович; отсюда — резкость его высказываний о ней как о человеке.

Пассек, Александр Вадимович — студент; в 1859 году увлекся М. А. Маркович и уехал с нею за границу.

Бенни, Карл — врач; будучи студентом Парижского университета, познакомился с М. А. Маркович, вместе с нею возвратился в Россию в 1862 году.

М. А. теперь в Харькове... — В 1883 году М. А. Маркович, вышедшая в середине 70-х годов замуж за М. Д. Лобача-Жученко, проживала в Ставрополе.

Владелец «мартьяновской улицы» — Петр Кузьмич Мартьянов (1827—1899), поэт-юморист, беллетрист, мемуарист; сосед Лескова по даче в Озерках.

...к отсутствующему из дома хозяину Вашей квартиры — то есть к самому Шубинскому. Здесь, как и в ряде других писем, Лесков иронизирует по поводу обыкновения адресата принимать посетителей лишь в строго отведенные для приемов дни и часы.

23

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

«Подкузьмич», «солдат» — П. К. Мартьянов.

Карновичи — Евгений Петрович (1823—1885), литератор, историк и беллетрист, и его жена, Адель Иосифовна (ум. в 1894 г.).

Максимов, Сергей Васильевич (1831—1901) — беллетрист и этнограф.

Михневич, Владимир Осипович (1841—1899) — журналист, постоянный фельетонист «Новостей» («Коломенский Кандид»).

Работаю нынче для Вольфа... — Имеется в виду «рождественская история» «Неразменный рубль» — «Задушевное слово», 1883, № 8, стр. 140—147.

Имя (если угодно) ставьте... — в списке сотрудников «Исторического вестника».

...где рецензийка о книге «Государственное учение Филарета»? — рецензия в «Историческом вестнике» не появилась и опубликована А. Н. Лесковым лишь в 1939 году («Оживленная память» — «Антирелигиозник», 1939, № 6, стр. 33—36). В «Новостях» были опубликованы две статьи, написанные совместно Терновским и Лесковым; см. письма 14 и 18 в наст. томе.

24

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Нотович, Осип Константинович (1849—1914) — журналист и драматург, редактор газеты «Новости».

Розенгейм, Михаил Павлович (1820—1887) — поэт.

Краевский, Андрей Александрович (1810—1889) — журналист, издатель газеты «Голос» (1863—1884). Слухи о продаже «Голоса» и превращении его из умеренно-либеральной газеты в консервативно-охранительную не оправдались: в 1883 году вышло 43 №№, в 1884 году — только № 1; затем газета прекратилась.

Цион, Илья Фаддеевич (1842—1912) — профессор-физиолог, реакционный публицист.

Была работка, подходившая Вам... — «Путимец»; см. наст. том, стр. 45—70.

А не хотите ли Вы взять работку у Сергея Максимова? — вероятно, статью С. В. Максимова «В немшонной стране. Из воспоминаний о Сибири» — «Исторический вестник», 1884, №№ 2, 3.

Видел нашего «старичка-Милючка» — то есть Милюкова Александра Петровича (1817—1897); см. о нем наст. изд., т. 10, стр 534.

Григорий Петрович — Данилевский.

25

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге «Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, стр. 57—58.

...любопытно то, что Лев Толстой сделал... — 28 сентября 1883 года Толстой, вызванный в суд в качестве присяжного заседателя, отказался от исполнения обязанностей присяжного по религиозным убеждениям. Об этом сообщалось во многих газетах (см., например, «Новое время», 1883, № 2734 и др.).

Гей, Богдан Вениаминович — сотрудник редакции «Нового времени», ведал политическим и иностранным отделами.

...напечатана... у Аксакова, с заглавием — «Снедаемое слово (О клятве богом)» — «Русь», 1882, № 46.

Хрещатицкий, Ростислав Александрович (род. в 1841 г.) — казачий генерал, командир бригады.

26

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге «Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, стр. 58.

Письмо по содержанию связано с предыдущим письмом к Суворину и является, по-видимому, ответом на просьбу написать о Толстом статью для «Нового времени».

27

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Гатцук, Алексей Алексеевич (1832—1891) — журналист, издатель «Газеты А. Гатцука».

По-моему, это клад для исторического журнала. — Повестями из приобретенной рукописи Лесков не воспользовался для собственных беллетристических произведений.

28

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Я послал Вам вчера письмо о деле... — В письме к Шубинскому от 7 февраля 1884 года Лесков писал: «Некоторый важный сановник пожелал продиктовать мне свои воспоминания из царствования имп. Николая, а другое властное лицо доверило мне секретные бумаги с тем, чтобы как одними, так и другими материалами воспользовался непременно *я сам и обработал бы их собственноручно».* Сообщая, что и диктант и бумаги уже обрабатываются им, Лесков предлагал адресату совместно просмотреть их и сообщал: «Первый этюд из них под заглавием «Слуги воли монаршей» (особенные доверенные государя Николая) у меня готов, и я хочу послать его в воскресенье Аксакову, так как он отвечает его правильной мысли, что неисполнение «воли монаршей» при Николае было хуже, чем

когда-либо». Ни в «Руси», ни в «Историческом вестнике» этот «этюд» не появлялся.

...письмо об обедах. — Можно предположить, что Шубинскому было поручено пригласить Лескова на редакционный обед «Нового времени», отмечавшийся по високосным годам, 29 февраля.

...против авторов «Медеи» — то есть А. С. Суворина и В. П. Буренина; см. примечание к письму 21.

29

Печатается по автографу (ГИМ). Впервые опубликовано в «Щукинском сборнике», вып. VIII, М., 1909, стр. 193.

Михаил Иванович Пыляев (1842—1899) — историк-бытописатель. Лесков неоднократно помогал ему в обработке собранных материалов и подготовке к печати очередных его книг.

...озаглавил повесть «Огненный гранат»... — Первоначальное название повести «Александрит. Натуральный факт в мистическом освещении» — «Новь», 1885, № 6, стр. 290—297 (из цикла «Рассказы кстати»).

В Праге вспоминали Вас часто. — Летом 1884 года Лесков ездил лечиться в Мариенбад; на возвратном пути провел несколько дней в Праге, где и был задуман «Александрит». 4 августа Лесков возвратился в Петербург; см. А Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 503—508.

30

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

Владимир Григорьевич Чертков (1854—1936) — друг и последователь Толстого, хранитель и издатель литературно-философского его наследия, основатель издательства «Посредник», организованного для пропаганды толстовских идей. Сохранилось 49 писем Лескова к Черткову; значительная их часть посвящена деловым вопросам; мы публикуем здесь лишь письма, представляющие общественно-исторический интерес.

31

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 343—344.

О П. К. Щебальском см. наст. изд., т. 10, стр. 535. В конце 1883 года Щебальский был назначен редактором газеты «Варшавский дневник» и, в этой связи, возобновил переписку с Лесковым, прервавшуюся было в 1878 году.

«Еженедельное обозрение» — литературная и политическая газета, издававшаяся в 1884—1887 годах И. В. Скворцовым, в Петербурге.

Писательница, пишущая под псевдонимом В. Крестовского — Надежда Дмитриевна Заиончковская (1825—1889).

...юбилей Литературного фонда. — В 1884 году отмечалось двадцатипятилетие существования Литературного фонда.

«Расточитель» — пьеса Лескова, поставленная на сцене в ноябре 1867 года; см. наст. изд., т. 1.

...в Казани вышла книга... — Лесков называет книгу неточно; действительное название книги А. Попова «Типы духовенства в русской художественной литературе за последние 12 лет» (Казань, 1884).

...в изданном томе писем Ф. Достоевского он говорит даже о какой-то моей «гениальности»... — В письме к А. Н. Майкову от 18(30) января 1871 года Достоевский, в связи с романом «На ножах», писал: «Много вранья, много черт знает чего, точно на луне происходит. Нигилисты искажены до бездельничества, — но зато — отдельные типы! Какова Ванскок! Ничего и никогда у Гоголя не было типичнее и вернее. Ведь я эту Ванскок видел, слышал сам, ведь я точно осязал ее! Удивительнейшее лицо! Если вымрет нигилизм начала шестидесятых годов, — то эта фигура останется на вековечную память. Это гениально! А какой мастер он рисовать наших попиков! Каков отец Евангел! Это другого попика я уже у него читаю. Удивительная судьба этого Стебницкого в нашей литературе. Ведь такое явление, как Стебницкий, стоило бы разобрать критически, да и посерьезнее» («Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского». СПб., 1883, стр. 243—244). Упоминая дальше о печатном «лукавстве» Достоевского, Лесков мог иметь в виду его статью «Смятенный вид» («Гражданин», 1873, № 8, 19 февраля) по поводу «Запечатленного ангела» и последовавший за нею обмен язвительными репликами («Русский мир», 1873, № 87, 103; «Гражданин», 1873, № 18).

Недавно еще «Нов⟨ое⟩ время»... обозвало меня «фарисеем». — В «Новом времени» (1884, № 3049, 24 августа) Лесков был назван «фарисеем» за его заметку «Пустозвон Питча о Тургеневе» («Новости», 1884, № 232, 23 августа), по поводу фельетона «Нового вре-

мени», 1884, № 3046, 21 августа. Еще раньше, в «Маленькой хронике» «Нового времени» (1884, № 3000, 6 июля) были напечатаны претендовавшие на едкость и остроумие замечания в связи с поездкой Лескова за границу.

32

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

4 сентября 1884 года Лесков обратился к Шубинскому со следующим предложением: «Один из старых кадет I корпуса сделал мне милый подарок, снимок с ретушированного силуэта бригадира Боброва, о котором мы говорили в «трех праведниках». Прилагаю Вам этот портрет «бригадира» и «царя кадетских пирогов». Не захотите ли Вы его награвировать и приложить к «Историческому вестнику»? Приложение, кажется, было бы милое и очень любопытное, а кадет I корпуса еще много на свете» (А. Фаресов. Против течений, стр. 169). Предложение это, имевшее в виду лесковский очерк «Кадетский монастырь. Из рассказов о трех праведниках» («Исторический вестник», 1880, № 1, стр. 112—138), пришлось по вкусу Шубинскому и вызвало письма 32 и 33, а затем появление заметки «Один из трех праведников. К портрету Андрея Петровича Боброва» — «Исторический вестник», 1885, № 1, стр. 80—85.

Феоктистов, Евгений Михайлович — см. о нем наст. изд., т. 10, стр. 570. В 1882—1895 годах был начальником Главного управления по делам печати.

33

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

О Костомарове глубоко скорблю. — Н. И. Костомаров в январе 1884 года был сшиблен на улице упряжкой лошадей и тяжело хворал вплоть до самой своей смерти, 7 апреля 1885 года. Упоминание о нем в письме Лескова вызвано, по-видимому, распространившимися слухами об ухудшении состояния здоровья историка.

34

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

В последний раз как Вы писали мне... — См. примечание к письму 4.

Стал я заготовлять... фантастический рассказец... — «Рассказец» этот в «Руси» не появлялся, но был опубликован в составе цикла «Рассказов кстати»: «Александрит. Натуральный факт в мистическом освещении» («Новь», 1885, № 6).

Теперь ищут «главу Климента»... — очевидно, мощи русского митрополита Климента Смолятича, возглавлявшего русскую церковь в 1147—1154 годы.

35

Печатается по автографу (ГПБ). Впервые спубликовано в книге: А. Фаресов. Против течений, стр. 170—171.

Замечание Ваше о заглавии — неверно. — В следующем, недатированном, письме к Шубинскому Лесков предлагал еще заглавие «Дурной пример», замечая при этом: «Я всегда готов уступить во всем требованиям редакции и умею их понимать и ценить. Но Вы, простите за чистосердечие, владеете каким-то секретом... выводить нервных людей из последнего спокойствия. — Что такое там нужно «усмирять» — усмиряйте. Кажется, и так все смирно» (А. Фаресов. Против течений, стр. 171). В конце концов статья появилась под заглавием «Подмен виновных. Случай из остзейской юрисдикции» — «Исторический вестник», 1885, № 2. Первоначальная редакция статьи, под заглавием «Политический гросфатер в Вейсенштейне», сохранилась в ЦГАЛИ.

36

Печатается по тексту первой публикации — в статье А. И. Яцимирского «Друзья русских самородков» — «Русская мысль», 1902, № 7, стр. 155—156.

Алексей Ермилович Разоренов (1819—1891) — сын крестьянина, владелец мелочной лавки в Москве, поэт-самоучка, участник кружка поэтов-суриковцев. Большинство его произведений не увидело света, но одно стихотворение, положенное на музыку, сделалось широко известным — «Не брани меня, родная».

Не знаю, знаком ли вам следующий случай из жизни нашего историка Карамзина. — Рассказанный дальше анекдот относится к числу распространенных и неоднократно упоминается в литературе.

Глинка, Федор Николаевич (1786—1880) — русский поэт-декабрист.

37

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Отрывок письма сохранился среди лесковских писем, адресованных С. Н. Шубинскому, однако и по содержанию и по тону письма совершенно очевидно, что оно скорее всего было адресовано А. С. Суворину и перекликается с рядом аналогичных высказываний Лескова в письмах к Суворину.

38

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Я...написал статейку, кажется, не совсем глупую. — Статья о Толстом в «Новом времени» не появилась.

39

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

С посланными Вам статьями поступите как хотите. — Из двух статей, о которых идет речь, известна судьба одной — «Бракоразводное забвение (Причины разводов брачных по законам греко-российской церкви)»: она была напечатана в «Историческом вестнике», 1885, № 12, стр. 509—524, но затем вырезана оттуда по требованию цензуры и заменена вклейкой с оповещением «От редакции» — о том, что «набранная и уже отпечатанная в декабрьской книжке «Исторического вестника» статья Н. С. Лескова «Бракоразводное забвение» не могла быть помещена. Поэтому все указания на статью г. Лескова, сделанные на обертке, в «Содержании XXII тома» и в «Указателе личных имен» должны считаться недействительными». По-видимому, причиной задержки и уничтожения статьи Лескова было то, что она, касаясь вопросов церковных, не прошла предварительно духовной цензуры. Об этом Лесков упоминал в недатированном письме к Шубинскому (начало декабря 1885 года): «Статьи «церковно-исторические» отнюдь не суть «статьи духовного содержания». Это было два раза разъясняемо сенатором по поводу двух разбирательств. «Духовные» это догматические, а не исторические. Я все-таки думаю, что Вы не отстояли того, что могли отстоять. Теперь о всем, касающемся церковной истории, остается молчать». (А. Фаресов. Против течений, стр. 175).

Имею к Вам и просьбу... — О «душевном расстройстве» Лескова «из-за неудачного сына», то есть Андрея Николаевича Лескова (1866—1953), подробно рассказано в книге последнего, стр. 521—533.

40

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Острогорский, Виктор Петрович (1840—1902) — педагог, составитель школьных пособий по истории русской литературы.

Женщина, жившая с Пальмом — Ольга Александровна Елшина, беллетристка, детская писательница (псевдоним — Антонина Белозор). Лесков много помогал ей — организуя для нее сбор общественных средств, исправляя на первых порах ее литературные упражнения, помогая продвинуть их в печать, давая практические советы литературного порядка и т. д. В ИРЛИ сохранилось 15 писем Лескова к Елшиной; большая часть их посвящена внелитературным темам, однако иногда писатель касается вопросов, сохраняющих интерес и посейчас. Так, в письме от 16 июня 1886 года, в связи с написанной Елшиной повестью, Лесков пишет: «Повесть не перебелена, а пересерена с черного начерно и списана не в тетрадь, сшитую в одно целое, как все рукописи, подаваемые от авторов, а она написана на листках, один от другого отдельных, и даже на полулистке... Я в жизнь мою не отдавал рукописей в таком непристойном виде и не могу этого сделать. Редакции довольно сберечь одну тетрадь, но 14 клоков она беречь не обязана и не будет виновата, если их растеряет... В таком растрепе Тургенев не решился бы послать рукопись, а Вы молодое начинающее лицо... И разве Вы не понимаете, что рукопись опрятная и четкая облегчает труд чтения и подкупает легкостью чтения в пользу самого содержания. Скверная же рукопись — затрудняет чтение, расхолаживает впечатление и, наконец, сердит читающего и настраивает его против вас... Вы так любите то, «что принято», — как же Вы не знаете, что принято писать четко и красиво?.. Ведь это «азбука приличий». Кое-как написанный клок всегда поведет за собою всё кое-как». И дальше: «И вообще я никогда и ничего кое-как делать не люблю и не стану. Это ведет только к потере доверия, после чего ни для чего не удастся сделать. Не советую Вам так работать. Помните, что блюдо должно быть не только свежо и вкусно, и красиво подано. Мне очень жаль, что я это должен сказать Вам, но, быть может, это послужит Вам на пользу. Помните Гоголя: «много раз марать», и Тургенева: «всегда самому тщательно пере-

писывать»... А то «скоро кошки зачинаются, да слепы родятся» Простите за глупую пословицу, в которой очень много относящегося к нынешнему литературному коекакничанью. Не идите этим путем — он уморит с голоду. Марайте рукопись вдоль и поперек, несколько раз переписывайте, и отдавайте рукопись щеголеватую, а не золотушную замухрышку с желваками».

В письме от 8 июня 1886 года интересны замечания относительно работы Лескова над подготовкой произведений Елшиной к печати. Он сообщает, что «полоскал и гладил Вашу рукопись. Вещица вышла прехорошенькая. Я кое-что посгладил, кое-что усилил, кое-что объяснил, а иное снял со сцены. Были неудобные каламбуры, например: «Ты говоришь, что даешь мне много, но разве я тебе мало давала?..» Это нельзя... В разговорах прислуги были идиомы народной речи, совсем неудобные для орфографии русского языка. Это надо допускать с большим чувством меры, — иначе читателю придется «учиться понимать по-печатному». «Он говори», «она говори» вместо «он говорит», «она говорит» — нельзя писать. Это смешивает две формы одного и того же глагола и делает речь не столько образною, сколько уродливою. Мало ли чего не коверкает чернь. Этого нельзя всего в литературу вводить. Левитов это пробовал, но все это выплюнуто и осмеяно по заслугам. Рукопись исправлена любовно и тщательно и послана 6-го числа в Петербург — с рекомендацией и с напутствием. Надеюсь, что дело уладится и Вы, ко времени съезда с дачи, вероятно, будете с деньжонками. Заглавие я еще раз переменил, надписав: «Материнские тайны» (Глава из девичьего дневника)». Псевдоним написал женский и, по моему вкусу, очень хороший, то есть простое и памятное русское имя и фамилию» (ИРЛИ; ср. А. В. Багрий. Литературный семинарий. Вып. II. Баку, 1927, стр. 27—28).

Пальм, Александр Иванович (1822—1885) — писатель-беллетрист; в молодости — участник собраний у Петрашевского.

Они буквально без приюта. — При содействии Суворина, Лесков напечатал в «Новом времени» несколько открытых писем с призывами к пожертвованиям в пользу «маленькой Лиды»: «Печальная грамотка о маленькой Лиде» (1885, № 3497, 21 ноября), «Ответ Анониму» (1885, № 3500, 24 ноября), «Письмо в редакцию» (1885, № 3514, 8 декабря), «Мирская лепта для маленькой Лиды» (1885, № 3521, 15 декабря), «О деньгах маленькой Лиды» (1886, № 3550, 15 января), «Приславшим 120 р. Лиде» (1886, № 3626, 3 апреля). В результате хлопот Лескова в течение нескольких месяцев было собрано около двух тысяч рублей. Издание литературного сборника, о котором упоминает Лесков, не состоялось.

41

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Цензурные стеснения — запрещение «Бракоразводного забвения»; см. примечание к письму 39.

Суворин меня очень обрадовал... — Рассказ Суворина «Трагедия из-за пустяков» («Новое время», 1885, № 3531, 25 декабря) повествует — от лица некоего полковника — о помещице Ильменевой, которая при неожиданном возвращении мужа спрятала своего любовника в нише с платьем, где тот и задохнулся. Для того чтобы избавиться от трупа, молодой женщине пришлось доверить свою тайну лакею Якову; последний, по словам Ильменевой, «не только обирал меня, не только заставил заступаться перед мужем и обкрадывать мужа и моих детей, но заставил меня сделаться его любовницей!» В отчаянии Ильменева отравила Якова, а труп его скрыл влюбленный в молодую женщину рассказчик-полковник, в свою очередь ставший любовником Ильменевой.

42

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Соловьеву нельзя не ответить. — «В «Новом времени» полемические статьи Лескова против В. С. Соловьева не появлялись. Возможно, Лесков возражал на статью Соловьева «Государственная философия в программе министерства народного просвещения» («Русь», 1885, № 9), полемизируя, таким образом, не только с автором статьи, но и с редактором «Руси» И. С. Аксаковым.

Часовщик Эриксон. — Заметка Лескова о нем неизвестна и, по-видимому, не была опубликована. О нем говорится в повести Лескова «Отцовский завет» («Задушевное слово», 1887, №№ 1—7, 9—12, 14).

43

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Судя по упоминаемому в письме «Календарю», письмо относится к 1887 году (ср. письмо 57): в оригинале Лесков, по-видимому, ошибочно написал год.

Прилагаю Вам статью о календаре графа Льва Толстого... — Имеется в виду «Календарь с пословицами на 1887 год», изд. «По-

средника». Толстому принадлежит в нем выбор и составление пословиц, а также статьи к каждому месяцу. Цензурное разрешение книги было получено 7 января 1887 года, вышла она в свет в последней декаде января. Статья Лескова в «Новом времени» не появилась и опубликована («Календарь графа Толстого») в «Русском богатстве», 1887, № 2, стр. 195—207. О «Календаре» Лесков упомянул также в бесподписной заметке «О пьесе и о народном календаре графа Л. Н. Толстого» («Петербургская газета», 1887, № 15, 16 января). Возможно, что появление этой заметки побудило Суворина отказаться от помещения еще одной, хотя бы и значительно более распространенной, статьи Лескова по тому же вопросу.

44

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...знаменательный для Вас день... — десятилетие «Нового времени».

45

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге «Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, стр. 59.

Письмо является ответом на не дошедшее до нас послание Суворина к Лескову, написанное в связи с празднованием десятилетия существования «Нового времени» и содержащее обзор отношений с Лесковым за двадцать пять лет их знакомства.

Новые тетрадки Льва Толстого — вероятно, гектографированные экземпляры произведений Толстого «Исповедь» и «В чем моя вера?».

...напечатайте-ка прилагаемую заметочку... — то есть открытое письмо Лескова «Об авторе пасквильных акростихов» («Новое время», 1886, № 3596, 4 марта). В письме Лесков имени Д. Д. Минаева не называет, хотя очевидно имеет его в виду. «Так как нет ничего тайного, что не сделалось бы когда-нибудь явным, то и имя путавшего нас пасквилянта (приписывавшего свое сочинение то Лескову, то Фету. — *И. А.*) без сомнения когда-нибудь будет названо, а друзья и единомышленники этого поэта, вероятно, найдут в том для себя своего рода честь и удовольствие».

46

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...на них люди указывают... — А. М. Скабичевский несколько раз глухо упоминал об этико-философских сочинениях Толстого в своих литературных фельетонах в «Новостях».

Розенберг, Петр Львович (ум. в 1899 г.) — знакомый Лескова; см. о нем А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 465—466. Упоминание о нем в данном письме не поддается расшифровке, равно как и дальнейшее упоминание о «железнодорожниках».

Щебальский Аксакова терпеть не мог... — Весь абзац написан по поводу появившейся в «Новом времени» (1886, №№ 3616, 3619, 3621) обширной некрологической статьи о П. К. Щебальском, умершем 20 марта 1886 года.

47

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Записка к Шубинскому — одна из нескольких, адресованных к нему и к Суворину и посвященных хлопотам по устройству в печати какой-то заметки барона А. Э. Штромберга, соседа и доброго знакомого Лескова.

48

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Богданович, Евгений Васильевич (1829—1917) — генерал; составитель и издатель — на казенные субсидии и всякого рода подачки — охранительно-«патриотических» брошюр и листовок.

Григорович, Дмитрий Васильевич (1822—1899) — писатель. Упоминая о нем, Лесков имеет в виду его деятельность в Обществе поощрения художеств по организации художественных выставок и т. п.

...форма «памятных листков». — Короткие записки к знакомым Лесков писал иногда на небольших листках с печатным заглавием «Для памяти». Эту форму обращения Шубинский счел для себя обидной.

49

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Письмо посвящено вопросам издания книг произведений Лескова в связи с получением Суворины́м концессии на организацию книжных киосков на станциях железных дорог. Список книг Лескова, изданных Суворины́м, см. в библиографических указателях Быкова и Шестерикова.

Тузов, Комаров, Истомин — петербургские книгопродавцы и издатели.

...связки «Странника» — экземпляры «Очарованного странника», СПб., 1874, издание газеты «Русский мир».

Алексею Алексеевичу — Суворину, сыну издателя «Нового времени», ведавшему книготорговой деятельностью предприятия отца.

«Очарованного странника»... надо издать в одном томе с «Левшою»... — Издание это не состоялось. В 1887 году Суворин издал три тома «Повестей и рассказов» Лескова: второй том был занят «Очарованным странником».

Так и книгу «О женщинах» можно было заморить. — Книга К. А. Скальковского «О женщинах», изданная Суворины́м, пользовалась большим успехом и выходила многими изданиями.

Вишневский, Федор Васильевич (1838—1917) — поэт и переводчик (псевдоним «Черниговец»). По сообщению А. Н. Лескова, «добродушный, но острый» Вишневский был частым гостем Лескова и «щедрее всех сыпал никем не записывавшимися экспромтами и каламбурами» («Жизнь Николая Лескова», стр. 476).

50

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

20 мая 1886 года Лесков предложил Шубинскому новую свою повесть — «Повесть о боголюбезном скоморохе», — сообщая, что повестью «доволен»: «Перечитал и изучил для нее немало и воспроизвел картину столкновения благородного сердца с фетишизмом и ханжеством». «Повесть вышла в роде Толстого (Льва), но более в роде Флобера «Искушение св. Антония». Ответом на выраженное Шубинским желание познакомиться с рукописью повести явилось настоящее письмо. «Повесть» была опубликована под заглавием «Скоморох Памфалон. Восточная легенда» в «Историческом вестнике», 1887, № 3, стр. 481—526; см. наст. изд., т. 8, стр. 174—231, и примечание на стр. 579—585.

51

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Работы для Вас сделал две... — Относительно «Повести о скоморохе» см. примечание к письму 50. Вторая статья, упоминаемая здесь, появилась в печати с измененным заглавием: «Загробный свидетель за женщин. Наблюдения, опыты и заметки Н. И. Пирогова, изложенные в письме к баронессе Э. Ф. Раден. С предисловием и послесловием Н. С. Лескова» («Исторический вестник», 1886, № 11, стр. 249—280). По справедливому замечанию А. Н. Лескова, в статье этой Н. С. Лесков выступает «ярым противником признанных им общественно опасными, в корне ошибочными, суждений Толстого» (А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 597). Вскоре эти взгляды на Толстого претерпевают решительное изменение.

Раден, Эдита Федоровна, баронесса (1823—1885) — приближенная великой княгини Елены Павловны, вела обширную переписку по вопросам народного образования, организации женского труда и пр.

Елена Павловна (1806—1873) — великая княгиня, жена брата Николая I Михаила Павловича, урожденная принцесса Виртембергская. В ее ведении находился ряд благотворительных учреждений, Русское музыкальное общество и пр. Среди либеральной общественности пользовалась репутацией убежденной сторонницы «великих реформ 60-х годов».

Грот, Константин Карлович (1835—1897) — один из помощников великой княгини Елены Павловны по управлению благотворительными учреждениями, впоследствии член Государственного совета.

Семевский, Михаил Иванович (1837—1892) — историк, редактор-издатель журнала «Русская старина».

В невольном долгу, образовавшемся на мне от запрещений... — Имеется в виду запрещение статьи «Бракоразводное забвение»; см. примечание к письму 39.

«Россия» — литературно-художественный журнал, выходивший в 1887—1890 годах в Москве, под редакцией Г. И. Пашкова. В журнале этом Лесков не принимал участия; упоминание о нем в письме к Шубинскому вызвано, вероятно, полученным приглашением.

Мои «Соборяне» переведены... — то есть переведены на немецкий язык.

52

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Стану писать. — Упоминаемая статья не была написана, и никаких ее следов не сохранилось.

Купил... заметки «о помилованиях». — На основании этих «заметок» была начата статья «Помилованные преступники. Любопытный материал, незамеченный в жару полемики по судебным вопросам», остановившаяся на первой странице (рукопись в ЦГАЛИ).

...не найду рукописи «об архиерейских хиротониях». — Еще в начале 1885 года Лесков написал статью «Архиерейское наречение и хиротония» и тогда же переслал ее Шубинскому, сообщая в сопроводительном письме: «Это так же любопытно и так же безызвестно, как «чин» коронации, с которым мы познакомили публику и сделали ей тем удовольствие... Все это вполне цензурно, серьезно и любопытно» (А. Фаресов. Против течений, стр. 172—173). Объявленная в «Историческом вестнике», статья эта была запрещена цензурой и сохранилась в черновике (ЦГАЛИ). Не теряя надежды когда-нибудь ее опубликовать, Лесков разыскивал при случае дополнительные рукописные материалы.

Коломнин, Алексей Петрович (1848—1900) — зять Суворина, юрист, ведал делами издательства.

Ахилла — действующее лицо «хроники» Лескова «Соборяне».

53

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...моя сироточка девочка... — Варя Долина, воспитанница Лескова; см. о ней А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 488—497.

Посылаю Вам статейку... — Поездка Лескова в Аренсбург дала ему повод для нескольких статей о пароходных неполадках: «Одичалые мореплаватели» («Новое время», 1886, № 3783, 10 сентября, № 3785, 12 сентября); «Еще об одичалых мореплавателях» (там же, № 3797, 24 сентября), «Выигранная кампания» (там же, № 3803, 30 сентября). В письме к Суворину имеется в виду последняя из названных статей.

Нотович, Осип Константинович — редактор газеты «Новости»; см. о нем примечание к письму 24.

Худеков, Сергей Николаевич — редактор-издатель «Петербургской газеты».

...не найдете ли Вы для себя желательным и удобным, чтобы я писал мои «Наблюдения, опыты и заметки» одному Вам... — Предложение это встретило поддержку Суворина, однако не было осуществлено. Причина этого заключается, во-первых, в том, что Лесков по многим существенным вопросам решительно расходился с позицией «Нового времени». Во-вторых, в редакции «Нового времени» сторонним авторам было почти невозможно преодолеть сопротивление наличных сотрудников; даже Чехову, которого настойчиво привлекал к сотрудничеству и горячо поддерживал сам Суворин, пришлось испытать активное недоброжелательство основных сотрудников газеты.

54

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Начну с Л. Толстого. — Лесков говорит о работе над статьей «О рожне. Увет сынам противления» («Новое время», 1886, № 3838, 4 ноября). В статье использованы житейские примеры, приведенные и в настоящем письме.

Болгаре меня утешают. — В августе 1886 года князь болгарский Александр Баттенбергский, под влиянием растущего в стране недовольства его антирусской политикой, вынужден был отказаться от престола. Русское правительство прислало в Болгарию барона Н. В. Каульбарса, который повел себя так глупо и бестактно, что вызвал широкое недовольство выдвигавшимися им от имени российского правительства кандидатами на болгарский престол; в конце концов на болгарский престол был избран Фердинанд Кобургский. Говоря о Nemesis, о «презрении к умам», об «унижении», Лесков имеет в виду первоначальные дипломатические выступления Каульбарса в Болгарии.

Фаддеев, Ростислав Андреевич (1824—1883) — генерал, военный историк и публицист. Упоминание о принадлежащем ему «хорошем анекдоте» не поддается расшифровке.

Чехов хорошо вырабатывается. — Возможно, поощрительный отзыв Лескова вызван только что прочитанным рассказом Чехова «Тяжелые люди» («Новое время», 1886, № 3810, 7 октября).

55

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

...статью о Толстом... — См. примечание к письму 54.

56

Печатается впервые по автографу (ИРЛИ); датируется предположительно по упоминанию о суворинском издании «Горя от ума» — роскошно изданной книге с предисловием самого Суворина «Горе от ума» и его критики» (СПб., 1886).

Гарусовский список — список «Горя от ума», положенный в основу издания комедии под редакцией, с примечаниями и объяснениями И. Д. Гарусова (СПб., 1875). Суворин в своей статье отметил ряд неточностей Гарусовского списка, лишающих его всякого серьезного значения. Позднейшие текстологи, в общем, придерживались того же мнения; см., например, Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова, издание Академии наук, т. II, СПб., 1913, стр. 248—256.

57

Печатается по автографу (ИРЛИ). Полностью публикуется впервые.

«Сельский вестник» — еженедельное бесплатное приложение «для волостных правлений», выходившее при «Правительственном вестнике». Замечание Лескова имеет в виду официальный характер «Сельского вестника», на столбцах которого, очевидно, было немыслимо ожидать какого бы то ни было сочувствия идеям Толстого.

...что я сказал о Толстом... — в статье «О рожне. Увет сынам противления»; см. примечание к письму 54.

...его «Винокур» (с немецкого) и «Коготок» есть вещи скучные... — Предполагаемому источнику пьесы Толстого «Первый винокур» Лесков посвятил специальную статью («Новости», 1886, № 156; см. наст. том, стр. 132—133). «Коготок увяз — всей птичке пропасть» — второе название драмы «Власть тьмы».

58

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

...я могу не идти не только на обеденное бахвальство по Пушкине, но и на молитвенную комедию о нем... — Имеются в виду общественно-официальные чествования памяти Пушкина в связи с пятидесятилетием его смерти.

Я хотел бы прочесть «Скомороха» по корректуре... — Повесть «Скоморох Памфалон» была опубликована в мартовской книге «Исторического вестника». См. также примечание к письму 49.

«Федор и Абрам» — повесть Лескова «Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине» («Русская мысль», 1886, № 12).

Ориген из Александрии (около 185—254) — раннехристианский богослов и философ. Константинопольский вселенский собор (553) признал его писания еретическими.

Иустин (около 105—166) — раннехристианский богослов и философ-полемист.

...от вашего покойного отца... — Григория Ивановича Черткова. *Чертков,* Г. И. (1828—1884) — генерал-адъютант; в течение многих лет ведал особым комитетом «по устройству и образованию войск».

...могло быть сделано вашей матушкою — Елизаветой Ивановной Чертковой.

...для моего сына... — то есть для Андрея Николаевича Лескова.

...Вашей супруге — Анне Константиновне Чертковой.

59

Печатается по автографу (ЦГИАЛ). Публикуется впервые.

...застал Вашу присылку — произведения Толстого, запрещенные цензурою.

...видел когда-то, но только не помню когда» — неточная цитата из стихотворения А. К. Толстого «По гребле неровной и тряской» (1854).

Конфуций (Кун-цзы, 551—479 до н. э.) — китайский философ, создатель прогрессивного для своего времени этико-политического учения.

Эпиктет (около 50 — около 138) — римский философ-стоик.

Марк Аврелий (121—180) — римский император, философ-стоик.

Дело со «Скоморохом» в некоей надежде спасения. — Письмо Лескова фиксирует заключительную стадию цензурных мытарств лесковской повести: после каких-то решительных возражений общей цензуры дело перешло в цензуру духовную. Сохранился отзыв члена Комитета духовной цензуры архимандрита Тихона, который, видимо, имеет в виду Лесков. В отзыве этом (3 февраля 1887 г.) читаем: «Изложенное в статье повествование имеет легендарный характер и составлено, как надобно полагать, на основании древнерусского письменного Киевского пролога, относящегося к XV веку,

в котором, между прочим, есть рассказ из жития пр⟨еподобного⟩ Феодула епарха. Повествование еще не окончено, и предлагаемая статья представляет одну половину его; но то, что изложено, само по себе не содержит ничего вредного или противного духу учения нравственного христианского, и повествование в художественном отношении имеет своего рода достоинство. Напрасно только автор придал название статье «Боголюбезный скоморох», которое не может быть одобрено уже по самому сочетанию слов; а также вводит в повествование пр. Феодула, в житии которого, по сказанию Четьи Минеи, не упоминается подобного изложенному в статье рассказа и, кроме того, встречаются места, заключающие в себе указания, неприложимые к подвижничеству святого, например: «Он (Феодул) все молчал, вперяя ум в молитву, или читал на память три миллиона стихов Оригена и двести пятьдесят тысяч стихов Григория, Пиерия и Стефана». В виду этого статья может быть дозволена к выпуску в свет только в том случае, если автор изменит заглавие ее и сделает нужные исправления в указанном и ниже на той же странице другом подобном местах, не вводя, однако, в повествование личность пр. Феодула» (ЦГИАЛ, ф. 797, дело С.-Петербургского комитета духовной цензуры, 1887, № 1743, лл. 1—1 об.).

60

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Прилагаю статью... — Статья не была напечатана в «Новом времени», и в настоящее время невозможно установить с уверенностью, чему она была посвящена. Равным образом не может быть расшифровано последующее упоминание Лескова о двух других своих «статейках».

...я прослыл зверем... — намек на памятные Суворину сплетни в кружке графини Салиас («Сальясихи»), будто бы Лесков истязал психически больную первую жену свою Ольгу Васильевну.

«Николай Палкин» — статья Л. Толстого о Николае I; написана в 1886 году и тогда же стала распространяться в гектографированном виде.

...письмо к какому-то Штанге... — письмо Толстого к Александру Генриховичу Штанге (1854—1932), организатору кустарных артелей, народовольцу, отошедшему от политической деятельности под влиянием Толстого. 17 ноября 1886 года Штанге участвовал в общественной манифестации в связи с двадцатипятилетием смерти Н. А. Добролюбова; был подвергнут за это полицейским

преследованиям, против которых протестовал, потребовав гласного суда над собою, если он в чем-нибудь виноват. Об этом своем письме Штанге сообщил и Толстому, который в начале декабря 1886 года писал ему: «Ваш поступок не может вызвать ни в одном добром и не спутанном ложными традициями человеке ничего, кроме самого горячего сочувствия; мне же он представляется особенно радостным».

Манасеин — Николай Авксентьевич Манассеин (1834—1895) — в 1885—1894 годах министр юстиции.

...удивляюсь В. П... — то есть Буренину; имеется в виду его статья по поводу «Власти тьмы».

Милютины — Дмитрий Алексеевич (1816—1914), военный министр, проведший военную реформу начала 70-х годов; Николай Алексеевич (1818—1872), государственный деятель, один из ближайших участников крестьянской «реформы» 1861 года.

Соловьев, Яков Александрович (1820—1876) — сенатор, деятель подготовки крестьянской «реформы» 1861 года.

61

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Письмо продолжает полемику с Сувориным относительно общественного значения деятельности Толстого и о последних его произведениях, в частности — о драме «Власть тьмы».

«Черный передел» — народническая организация, образовавшаяся в 1879 году после раскола партии «Земля и воля». «Чернопеределыцы» отвергали террор, отстаивали пропаганду в народной массе. Говоря о «переходе из «Черного передела» в Ясную Поляну», Лесков, возможно, имел в виду А. Г. Штанге, в связи с его письмом к Толстому, о котором упоминал накануне, в предыдущем письме к Суворину.

62

Печатается по автографу (ЦГИАЛ). Публикуется впервые.

Чрезвычайно рад я, что Вы выяснили вопрос о праве собственности рассказов Л. Н. — 7 марта 1887 года в газете «Русские ведомости» (№ 64) было опубликовано следующее заявление издательства «Посредник»: «В виду частого обращения к нам с просьбами о разрешении для перепечатки или перевода произведений Льва

Николаевича Толстого, изданных нами, мы считаем нужным объявить, что все изданные «Посредником» произведения Л. Н. Толстого, на основании желания самого автора, составляют общее достояние и потому свободны от всякой литературной собственности».

63

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Вишневский мне написал... — Ф. В. Вишневский (Черниговец) обратился к Лескову с просьбой (неопубликованное письмо от 21 февраля 1887 года; ЦГАЛИ): «Восстановите мои гонорарные права на мою статью (помещенную в «Новом времени». — *И. Л*.) «Логика войны». Я отметил ее переводом, а между тем она целиком моя, вместе даже с французским эпиграфом, мною же придуманным. Сделал это я затем, что на мысль француза скорее обратят внимание, кому следует, чем на мысль какого-то Черниговца. А между тем, если сочтут ее за перевод, то я потеряю чуть не половину». Письмо это Лесков переслал Шубинскому и получил ответ, что «статья Вишневского рассчитана как оригинальная...» (там же). Еще до получения ответа от Шубинского Лесков написал и самому Суворину; это, очевидно, и вызвало его недовольство.

Об изданиях Толстого я с Вами согласен. — См. примечание к письму 62.

Я очень рад, что Толстой написал Буренину... — В 1886—1887 годах на столбцах «Нового времени» Буренин выступил с рядом злобных статей о поэте С. Я. Надсоне, умиравшем от туберкулеза; в статьях содержались недостойные выпады по поводу личной жизни поэта, перемешанные с намеками, будто бы болезнь Надсона — лишь притворство для получения общественных пособий, и пр. В связи с этими статьями значительная группа литераторов подготовила письмо-протест и предложила Толстому также подписать его. Толстой от подписи отказался, но написал Буренину особое письмо с призывом взвесить и переоценить свои выступления против Надсона. «Если справедливо обвинение против вас, то вы знаете лучше всех и одни вы знаете: есть ли это случай только неосторожности обращения с оружием слова, или легкомыслия, последствия которого не обдуманы, или дурное чувство нелюбви, злобы к человеку. Вы единственный судья, вы же и подсудимый и знаете одни, к какому разряду поступков принадлежат ваши статьи против Надсона». В ответном письме Буренин пытался защититься ссылкой на то, что его статьи о Надсоне являлись ответом на выступления против него са-

мого Надсона. В начале марта Толстой прислал Буренину второе письмо, которое собственно и имеет в виду Лесков. Оно очень коротко: «Благодарю вас за ваше, разъяснившее мне многое, письмо и за укоры, которые вы мне делаете. Они совершенно справедливы» («Литературное наследство», кн. 37—38, 1939, стр. 239—246).

Гр. Скоробрешко — Г. П. Данилевский.

Благоволите... принять от меня томишко моих рассказов... — «Рассказы кстати», (СПб., 1887), изданные Вольфом.

64

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Бертенсон, Лев Бернардович (род. в 1850 г.) — врач, знакомый Лескова. После настоящего письма к Суворину в «Новом времени» (1887, № 3963, 12 марта) была помещена в «Хронике» следующая заметка: «Н. С. Лесков с 26 февраля тяжело занемог вследствие простуды, и болезнь его угрожала принять весьма серьезные последствия. Теперь больной поправляется, благодаря энергической врачебной помощи Л. Б. Бертенсона».

Рядом известие о Гатцуке. — А. А. Гатцук умер 23 октября 1891 года.

Психопат Вишневский — Иван Гаврилович Вишневский, персонаж рассказа «Старинные психопаты» (см. наст. изд., т. 7, стр. 448).

Иванов, Михаил Михайлович (род. в 1849 г.) — музыкальный критик, сотрудник «Нового времени».

65

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Старое письмо Вам посылаю. — Письмо не сохранилось.

Хорошо, что напечатали Бразоля — статью Е. Л. Бразоля.

66

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Раз, когда я жил летом в Ревеле... — вероятно, в 1870 году.

Базунов, Александр Федорович (ум. в 1899 г.) — петербургский книгопродавец и издатель. Через его лавку производились расчеты с петербургскими сотрудниками «Русского вестника».

Гезен, Август Матвеевич (1817—1892) — чиновник министерства внутренних дел по ведомству иностранных исповеданий.

Шувалов, Петр Андреевич, граф (1827—1889) — в 60-х годах остзейский генерал-губернатор, в 1866—1874 годах — шеф жандармов, прозванный за всевластие Петром IV и Аракчеевым II. Примирение с ним было необходимо Каткову для того, чтобы обеспечить себе его содействие в проведении гимназической реформы («классической») начала 70-х годов.

67

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Есть на свете богатый барин... — О хлопотах Лескова по устройству в «Новом времени» статьи барона Штромберга см. также письмо 46 в наст. томе.

«Трехполенный Панин», «трехпрогонный Муравьев», «Муханов на Висле» и т. п. — *Панин,* Виктор Никитич (1801—1874) — министр юстиции, член Государственного совета; тупой и ограниченный реакционер. Прозвище «трехполенный» намекало на его очень высокий рост. *Муравьев,* Михаил Николаевич (1796—1866) — член Государственного совета; душитель польского восстания 1863—1864 годов и прогрессивного общественного движения после каракозовского выстрела (1866). Будучи министром государственных имуществ, часто разъезжал по России с ревизиями, обставляя эти разъезды с большой пышностью, за что и получил прозвище «трехпрогонный». *Муханов,* Николай Алексеевич (1802—1871) — сенатор, член Государственного совета, в 60-х годах — товарищ министра иностранных дел. Прозвище связано с его деятельностью в Польше.

Гамма — псевдоним Григория Константиновича Градовского (1842—1914), либерального публициста.

Писарев, Модест Иванович (1844—1905) — драматический актер, театральный критик и общественный деятель.

Короленко вышел уже «полным изданием». — Имеется в виду книга первая «Очерков и рассказов» (М., 1886) В. Г. Короленко. Книга отнюдь не открывала собою «полного издания»: следующая, вторая книга вышла лишь в 1893 году.

Вольф, Маврикий Осипович (1826—1883) — издатель и книгопродавец.

Новый Вольф предпочел издать Боборыкина... — Наследник М. О. Вольфа Алексей Маврикиевич Вольф издал собрание сочинений П. Д. Боборыкина в двенадцати томах (СПб., 1885—1887).

Пересмотрел своего Панталона... — то есть «Скомороха Памфалона».

Так же он подстаринен в «Видении св. Антония», и в «Агриппине», и в Вашей «Медее». — Лесков имеет в виду повесть Г. Флобера «Искушение святого Антония», а также пьесы В. Буренина «Смерть Агриппины» и А. Суворина и В. Буренина «Медея».

68

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Письмо является ответом на не дошедшие до нас высказывания Суворина по поводу рассказа «Интересные мужчины» из книжки Лескова «Рассказы кстати» (см. предыдущие письма).

69

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

«Дешевая библиотека» — обширная серия беллетристических книг современных и классических авторов, затеянная Сувориным в середине 80-х годов. «Дешевая библиотека» пользовалась большим читательским спросом. В 1887 году в составе «Библиотеки» были изданы три томика «Повестей и рассказов» Лескова (кн. I — «Скоморох Памфалон» и «Спасение погибавшего»; кн. II — «Очарованный странник»; кн. III — «Запечатленный ангел»).

70

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано в книге «Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник». М., 1928, стр. 64—65.

Настоящим письмом открывается обширная переписка Лескова с Л. Н. Толстым, сохранившаяся далеко не полностью: уцелели 49 писем Лескова к Толстому и 6 писем Толстого. Об отношениях Лескова к Толстому и «толстовству» см. А. Лесков. «Жизнь Николая Лескова», стр. 594—613 и наст. том, стр. 635—636.

71

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

...издание «Дешевой библиотеки»... — См. примечание к письму 69. «Кадетский монастырь» в первую книжку «Повестей и рассказов» Лескова не вошел — был запрещен цензурой (см. письмо 73).

У меня есть 175 экз. «Соборян». — Вероятно, речь идет об издании: «Соборяне. Старгородская хроника (Роман). Третие тиснение». СПб., 1878. Далее упоминается книга Лескова «Смех и горе. Разнохарактерное potpourri. Из пестрых воспоминаний полинявшего человека». СПб., 1880.

Л. Н. Толстой говорил... — Встреча Толстого с Лесковым состоялась 25 апреля 1887 года в Москве.

Редакция «Русской мысли» чрезвычайно хлебосольна. — Во время пребывания Лескова в Москве в апреле 1887 года состоялось личное его знакомство с редакцией «Русской мысли», сотрудничество в которой открылось напечатанием «Сказания о Феодоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине» (1886, № 12). В последующие годы Лесков оживленно сотрудничал в «Русской мысли» и дружески сошелся с основными членами редакции журнала В. М. Лавровым и В. А. Гольцевым. Упоминание ниже о «разброде» и «семибоярщине» в редакции журнала очень образно характеризует действительное положение вещей: орган московского либерализма, редакция «Русской мысли» часто и охотно твердила о своем сочувствии прогрессивной литературе; вместе с тем, однако, она пуще всего боялась возможных упреков со стороны цензурно-административных органов в «революционности» и потому охотно предоставляла на страницах журнала место писателям, которых ни в малейшем «либерализме» упрекнуть было невозможно. Отсюда в письме Лескова упоминание писателей самых противоположных направлений. Эта особенность «Русской мысли» дала повод Г. Успенскому назвать ее «телятным вагоном», а Салтыкову-Щедрину — «свиным хлевом».

Рассказ «Вешатель» сдам... — Рассказ под таким названием в «Историческом вестнике» не появлялся.

72

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

73

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Зандрок, Николай Филиппович — заведующий магазином «Нового времени».

Рассказ для Вас почти готов. — Рассказ Лескова «Бытовые апокрифы (По устным преданиям об отцах и братиях). Инженерные

бессребреники (Из истории о трех праведниках)» был напечатан в «Русской мысли», 1887, № 11, стр. 119—175. По этому поводу Лесков 5 октября 1887 года писал Шубинскому: «Я без вины виноват пред Вами и должен представить в том объяснение. Между тем временем, как я писал к Вам с предложением работы, и тем, как получил Ваш ответ, прошло много дней. В это время был здесь редактор «Русской мысли» и просил у меня работки. Не получая от Вас уведомления, я думал, что Вам предложенная мною работа ⟨«Инженеры бессребреники»⟩ не нужна или не подходит, и дал ее Лаврову. Затем, через неделю, я получил от Вас письмо и записку на 150 рублей. Это поставило меня в затруднение, из которого я старался выйти, но не успел в этом, и мне теперь не остается ничего иного, как сказать это Вам и возвратить при сем Вашу записку на 150 руб., которых я не брал и взять не должен. Работу же для Вас я сделаю другую» (А. Фаресов. Против течений, стр. 185). И еще в письме к Шубинскому от 7 октября 1887 года: «Относительно Вашей мне укоризны за отдачу рассказа в другой журнал Вы несправедливы. Я Вам сказал не сочинение, а простую правду: дело вышло в недоразумении по поводу неполучения от Вас ответа. Я думал, что имена Брянчанинова и Чихачева, как монахов, показались Вам неудобными. Никакие иные соображения о «сребрениках» места не имели, и вообще это не в моем нраве. Впрочем, Вам и убытка никакого тут нет, так как я напишу Вам другой рассказ, вероятно не хуже того, который уступил другой редакции» (ГПБ).

Асташев, Вениамин Иванович (1837—1889) — генерал.

«Приказ» о них пошел в Данию... — то есть на подпись Александру III, гостившему в Дании у родителей своей жены.

Вера... выходит замуж. — Падчерица Лескова, Вера Михайловна Бубнова (1861—1918) в 1887 году вышла замуж за З. А. Макшеева, впоследствии душеприказчика Лескова.

74

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Сегодняшняя статейка о Каткове... — бесподписная статья (по-видимому, Суворина) «Святая Русь и грешная Франция» («Новое время», 1887, № 4162, 30 сентября), посвященная разбору брошюры князя Н. Голицына «Теории Каткова». В статье Катков характеризовался как человек, не преклонявшийся перед аристократами и не стремившийся им подражать.

Богданович, Евгений Васильевич. — См. о нем примечание к письму 47.

Статейка о гимназии в Аренсбурге — «Темнеющий берег». Статья не была напечатана в «Новом времени» и по рукописи опубликована в наст. томе, стр. 164—170.

75

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Это знают Тизенгаузен, Кушелев, Пиллер, Контакузен... — *Тизенгаузен* и *Пиллер* фон Пильхау — фрейлины императрицы Марии Александровны, жены Александра II. *Кушелев* — генерал-адъютант. *Контакузен,* граф Сперанский — шталмейстер.

«Зерцало» — «Юности честное зерцало», сборник петровской эпохи, содержавший правила хорошего тона для юношества.

...Пекарский не нужен... — то есть двухтомный труд П. П. Пекарского «Наука и литература при Петре Великом» (СПб., 1862); второй том содержит подробное «описание славяно-русских книг и типографий».

С Андреем я засуетился по неопытности. — В связи с необходимостью срочно отправить А. Н. Лескова к месту его службы в Новгородской губернии, Лесков обращался к Шубинскому с просьбой продать ненужное ему теплое военное пальто.

...Вы уже напечатали «Странника»... — «Очарованный странник» вышел в «Дешевой библиотеке» Суворина.

76

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

Настоящее письмо открывает переписку Лескова с Вуколом Михайловичем Лавровым (1852—1912), издателем и переводчиком, возглавившим (с 1882 г.) «Русскую мысль». Из этой переписки сохранилось 31 письмо Лескова и 5 писем Лаврова. Содержание переписки ограничено вопросами сотрудничества Лескова в «Русской мысли»; в ряде писем сообщаются интересные сведения о творческой истории отдельных произведений Лескова.

«Челядь». — Рассказ под таким заглавием в «Русской мысли» не появлялся. Не была опубликована также рецензия Лескова на сборник «Досуги Марса».

Был у меня С. Н. Терпигорев... — Произведения Терпигорева в «Русской мысли» не появлялись.

77

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

78

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

Возвращаю Вам корректуру «Бессребреников» с добавкою предисловия. — Предисловие это не вошло в последующие перепечатки повести; см. наст. изд., т. 8, стр. 588—589.

...на декабрь пришлю маленький рождественский рассказ... — Обещанный рассказ в «Русской мысли» не появился.

79

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

...на «Жидовина» обращено неблагосклонное внимание... — Речь идет об издании: «Сказание о Феодоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине» (М., 1887). «Неблагосклонное внимание» на брошюру обратил Победоносцев; в результате некоторое время спустя синод признал ее «крайне вредною», и сам Победоносцев в личном письме к Феоктистову просил, «чтоб не дозволялось вновь издавать ее» («Литературное наследство», кн. 22—24, 1935, стр. 537).

У меня много его писем. — Письма Терновского к Лескову не сохранились.

80

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Бурнашев, Владимир Петрович (1809—1888) — журналист, публицист, автор популярных книг для детей и взрослых. Открытого письма Лескова о Бурнашеве в «Новом времени» не было; в № 4201 появилась о нем небольшая бесподписная заметка. Статью о Бурнашеве («Больной и неимущий писатель») Лесков напечатал в «Петербургской газете», 1887, № 323. Кроме того, его памяти Лесков посвятил статью «Первенец русской литературной богемы» («Исторический вестник», 1888, № 5, стр. 534—564).

81

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

У меня есть... рассказ «Пугало»... — См. наст. изд., т. 8, стр. 5. По-видимому, Суворин согласился выпустить «Пугало» отдельной книжкой, так как 12 ноября 1887 года Лесков писал ему: «Рассказ «Пугало» пришлю Вам через магазин». По неизвестным причинам издание не осуществилось.

82

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

«Святочный рассказ» — «Грабеж» («Книжки «Недели», 1887, № 12, стр. 1—52).

Гайдебуров, Павел Александрович (1841—1893) — публицист, редактор-издатель газеты «Неделя» и ежемесячного приложения к ней.

83

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Таганцев, Николай Степанович (1843—1921) — сенатор, в конце 80-х годов председатель Литературного фонда.

...мне нужно место для одной большой статьи... — Статьи о Литературном фонде Лесков не написал.

Кобеко, Дмитрий Фомич (1837—1914) — историк, член Государственного совета, директор Публичной библиотеки.

Утин, Евгений Исаакович (1843—1894) — либеральный адвокат, публицист и литературный критик.

84

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

85

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Александра Николаевна Пешкова-Толиверова, (1842—1918) — детская писательница, издательница (после смерти Т. П. Пассек) журнала «Игрушечка». Близкая знакомая Лескова,

Пешкова-Толиверова крайней непосредственностью характера и неумением организовать дела — свои и чужие — почти неизменно раздражала писателя. Сохранившиеся его письма к ней (ИРЛИ) исполнены раздражения и злости; эти же настроения явственно звучат также в наиболее содержательных письмах, введенных в настоящий том.

Я... вычитал в древнем Прологе рассказ о ручном льве святого Герасима. — «Восточное сказание» Лескова «Лев старца Герасима» напечатано в «Игрушечке», 1888, № 10.

86

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...об окончании мною обозрения Пролога... — О большой работе Лескова, составляющей пересказ и обработку наиболее интересных проложных повестей, неоднократно упоминается в дальнейших письмах писателя к разным лицам. Работа эта предлагалась для опубликования «Русской мысли» и «Русскому обозрению», велись переговоры о ней также с Сувориным и Шубинским. Тем не менее рукопись не была опубликована при жизни Лескова и не сохранилась.

...я хочу напечатать образчик этого труда... — В «Новом времени», 1888, № 4286, 3 февраля, и № 4347, 5 апреля, были напечатаны «две легенды по старинному Прологу»: «Совестный Данила» и «Прекрасная Аза». К первой легенде — очевидно, для сведения цензуры — было сделано следующее авторское примечание: «При обозрении книг древних Прологов, с целью определить содержащийся в них повествовательный материал, которым нынче интересуются, я нашел в этом старинном источнике ровно сто тем или «прилогов», более или менее удобных для литературного воспроизведения. Из них здесь предлагается для образчика два свободные пересказа, — один в духе простонародных рассказов Л. Н. Толстого, а другой — в ином роде. Лица, выведенные в обоих сказаниях, или «повестях», отнюдь не почитаются за святых, а истории их в старое время предлагались только как занимательное и назидательное чтение — «с целью наказания духовного». Это просто «рассказы о благочестных и нечестных людях» (см. «Великое Зерцало», М., 1884). Читатель не должен забывать, что такие легенды отнюдь не имеют за собою в наше время церковного авторитета, а, напротив, они даже подвергались насмешке со стороны теологов, так, например, Феофан Прокопович в духовном регламенте прямо называет их «бездельными и смеху достойными повестями». Из сборников, имею-

щих отношение к «Великому Зерцалу», заимствовали некоторые сюжеты Шекспир, Боккачио и наш Гоголь, повесть которого «Вий» возникла, очевидно, из легенды, помещенной в «Великом Зерцале» под заглавием «Как демоны волшебницу извлекоша из церкви, в ней же погребена бысть» (см. исследование Владимирова по истории русской переводной литературы XVII в., изд. Общества истории и древностей, М., 1884, стр. 93)».

87

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Верочка — дочь А. Н. Пешковой-Толиверовой, Вера Сергеевна Чоглокова.

Отец Пэтр — Петр Богословский; окончивший духовную семинарию, но не ставший священником, П. Богословский работал переписчиком у Лескова и у других лиц, по его рекомендациям.

88

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

О переписке Лескова с Иваном Александровичем Гончаровым (1812—1891) см. статью Лескова «Замогильная почта Гончарова» (стр. 214 наст. тома) и примечание к ней.

...две мои приятельницы... — по-видимому, дочери тетки Лескова Натальи Петровны, бывшей замужем за М. А. Страховым. О переводе ими очерка Гончарова «Слуги старого века» сведений нет.

Вогюэ. — См. наст. том, стр. 636.

89

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

Статья в «Нови» — статья Виктора Русакова (С. Либровича), «Случайные встречи с И. А. Гончаровым» — «Новь», 1888, № 7, стр. 137—144. Гончаров был возмущен статьей, так как автор ее предал гласности факты его повседневного житейского обихода, которые Гончаров считал лишенными какого бы то ни было общественного интереса.

...благодарю Вас за внимание к легенде — «Совестный Данила»; см. примечание к письму 86. Положительным отзывом Гончарова о «легенде», как и не дошедшим до нас отзывом Толстого, Лесков воспользовался в недатированном письме к Суворину (по-видимому, середина февраля 1888 года) для определения возможностей продолжения печатания проложных повестей в «Новом времени» и «Историческом вестнике». «Л. Н. и Гончаров, — писал Лесков, — очень довольны нашим «Совестным Данилой». Мне это приятно было слышать, особенно от Гончарова, после того что я наслушался от «присных», — чем, думаю, и Вам надоедали. Боже мой! что это за пошлые требования! Чего такого они хотят «особенного»? И все это чтобы подгнести и «подложить под нозе». Надо этого, что ли? — У меня руки опустились от изложения второй легенды «о прелестнице» («Прекрасная Аза». — *И. А.*). Я так не могу, не умею и не хочу работать, — я не желаю ничего навязывать из деликатности и прошу Вас сказать мне так искренно, как всегда говорим друг другу: интересно ли Вам дать и вторую легенду «о прелестнице». Если Вам это надоело и «шмели гудят», то, пожалуйста, не деликатничайте со мною на этот счет. Легенде о прелестнице будет предшествовать этюд «о соблазнительных женщинах по Прологу». Самая легенда — очень невелика. Я ее передавал Гончарову, и мы ее пообсудили и нашли наивною, но «полезною» для людей «распутной свободы». Вывод критич⟨еского⟩ этюда будет совсем оригинальный и, думается, неслыханный, но верный» (ИРЛИ).

90

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Посылаю Вам рассказ — «Лев старца Герасима»; см. примечание к письму 86.

91

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

...рукопись «Сошествия» получил. — «Сошествие во ад (Апокрифическое сказание)» было опубликовано несколько лет спустя в «Петербургской газете», 1894, № 104, 16 апреля.

Я пишу для Вас... — В 1888 году Лесков не печатался в «Русской мысли». Упоминаемый здесь же сюжет «Фортинбрас и Оберон», вероятно, не был осуществлен.

Бахметьев, Николай Николаевич (1847—1909) — журналист, секретарь редакции «Русской мысли». В 1888 году судился за подлоги и был сослан в Сибирь. В ходе следствия, действительно, настаивал на вызове, в качестве свидетеля, М. Е. Салтыкова. 27 февраля 1888 года последний писал по этому поводу В. М. Соболевскому: «Зачем оказалось нужным свидетельство мое — я недоумеваю, ибо видел Бахметьева всего один раз, когда Юрьев прислал его ко мне для переговоров о передаче «Р‹усской› мысли» подписчиков «Отеч‹ественных› зап‹исок›». Конечно, я к следователю не явлюсь и пошлю докторское свидетельство» (Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. XX, М., 1937, стр. 349—350).

92

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Посылаю Вам... экземпляр «Захудалого рода» — то есть для издания в «Дешевой библиотеке». Сувориным повесть не была издана и спустя год вошла в состав уничтоженного цензурою шестого тома Собрания сочинений Лескова.

Чаев, Николай Александрович (род. в 1824 г.) — беллетрист и драматург.

«Катехизис» и «Исповедание» для Вас списывается. — Речь идет о штундистской рукописи, попавшей в руки Лескова и скопированной им для себя и для Суворина. Оценке этих рукописей посвящено письмо Лескова к Суворину от 9 марта 1888 года (ИРЛИ).

93

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

Посылаю Вам заметочку... — Как явствует из письма 94, заметка Лескова, опровергавшая какие-то измышления В. Русакова (Либровича) (см. примечание к письму 89), не была опубликована. Однако еще до посылки Гончарову своих возражений Лесков уже ответил Либровичу в бесподписной заметке «Литературный грех» («Петербургская газета», 1888, № 38, 8 февраля).

94

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

95

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

Судя по дате появления в печати «Прекрасной Азы», письмо относится не к марту, а к апрелю 1888 года. Дата на оригинале Лескова ошибочна.

Наконец она сегодня только вышла. — «Прекрасная Аза» напечатана в «Новом времени», 1888, № 4347, 5 апреля; послесловие см. в наст. изд., т. 8, стр. 597—598.

96

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге «Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, стр. 60—61.

Письмо посвящено статье Суворина (А. С—н) «Смерть Ивана Грозного. Картина К. Е. Маковского» — «Новое время», 1888, № 4330, 19 марта.

Маковский, Константин Егорович (1839—1915) — русский живописец, автор многих исторических картин.

Ирина — Ирина Федоровна (1563—1603) — жена царя Федора Ивановича, сына и наследника Ивана Грозного.

Забелин, Иван Егорович (1820—1908) — историк и археолог, автор большого труда «История русской жизни с древнейших времен» (2 тома, М., 1876—1879), который, собственно, и имеет в виду Лесков.

...типический взгляд Кабанихи... — Кабаниха — персонаж пьесы А. Н. Островского «Гроза».

У меня есть этюд головы «боярышни»... — Вероятно, Лесков имеет в виду одну из работ Зинаиды Петровны Ахочинской (Тихоцкой); о ней см. примечание к письму 132.

97

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге «Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, стр. 61—63.

«Монашеские острова». — «Путевые заметки» Лескова «Монашеские острова на Ладожском озере» печатались в газете «Русский

мир», 1873, №№ 206—208, 219, 220, 224, 226, 227, 232, 233, 236. Включены в книгу «Запечатленный ангел», СПб., 1874, в серии «Библиотека современных писателей», издававшейся А. Базуновым.

Что Вы спрашиваете о Дамаскине?.. — Как явствует из следующего письма, Суворина интересовал игумен Валаамского монастыря Дамаскин (Демьян Кононов, 1795—1881). Лесков же здесь пишет об Иоанне Дамаскине (конец VII в. — ок. 754), византийском поэте и богослове, утверждавшем главенство церкви над светской властью (о нем написана поэма А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин»).

Исаак Сирин — христианский писатель V века.

«Маргарит» — сборник «Слов» Иоанна Златоуста; к ним, в русских переводах, добавлялись оригинальные беседы и поучения на разные случаи.

«Великое Зерцало» — сборник занимательных рассказов и поучений, составленный в средние века католическими проповедниками и в XVII веке переведенный в Москве и на Украине.

...в Москву к Буслаеву ездить. — Обширным собранием старинных рукописей Ф. И. Буслаева неоднократно пользовался Лесков.

Вчера приходил Полонский... — «Прекрасная Аза» была посвящена Якову Петровичу Полонскому.

Книгу Крамского взял... — то есть составленную В. В. Стасовым книгу «Иван Николаевич Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критические статьи» (СПб., 1888).

Ледаков, Антон Захарович — художник, товарищ И. Н. Крамского по Академии художеств.

Булгаков, Федор Ильич (1852—1908) — искусствовед, редактор «Нового времени».

Лейкснер, Отто (род. в 1847 г.) — немецкий поэт и искусствовед. В издательстве Суворина вышла его двухтомная книга («культурно-исторический очерк») «Наш век», СПб., 1887.

Заметку о скотах опять Вам посылаю. — Заметка не была опубликована и, по-видимому, уничтожена.

98

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге «Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, стр. 63—65.

Чехов милый юноша, он, может быть, в каком-нибудь увлечении. — По-видимому, Чехов в беседе с Сувориным советовал ему переиздать очерки Лескова о Валааме.

Я... описывал «старца Иону»... — В статье «Унизительный торг» — «Исторический вестник», 1885, № 5.

Васильчикова, Екатерина Алексеевна — «всевластная» жена киевского, подольского и волынского генерал-губернатора И. И. Васильчикова.

...как современные дуры веруют в Ивана Кронштадтского. — Иван Кронштадтский — священник Иван Ильич Сергиев (1829—1908), объявленный почитателями своими чудотворцем и «святым». См. наст. изд., т. 9, стр. 604—605.

...при содействии «церквина сына Тертия» — Т. И. Филиппова.

Солдатенков, Козьма Терентьевич (1818—1904) — купец-старообрядец, издатель, собиратель старинных рукописей.

Владимиров, Петр Владимирович (1854—1920) — профессор истории русской литературы Киевского университета.

Феофан — Феофан Прокопович (1681—1736).

«XIX век» еще не получил... — Вероятно, речь идет о книге О. Лейкснера «Наш век»; см. примечание к письму 97.

Неужели Гаршин не стоил траурной каемки... — В. М. Гаршин умер 24 марта 1888 года.

Скобелев, Михаил Дмитриевич (1843—1882) — генерал, получивший широкую известность в ходе покорения Средней Азии и во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

...я Вам дам «Пасхальную ночь в аду»... — по-видимому, рассказ «Сошествие во ад»; см. выше, примечание к письму 91.

99

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Настоящее письмо в основной своей части посвящено полемике с друзьями В. М. Гаршина, затеявшими издание литературного сборника, посвященного его памяти. Об этом в «Новом времени» (1888, № 4354) появилось «Письмо в редакцию», за подписями А. Герда, А. Плещеева, Я. Абрамова, П. Морозова. В письме говорилось: «Друзья и товарищи В. М. Гаршина, желая почтить его память добрым делом, которое было бы связано с именем покойного, предприняли издание литературного сборника, доход от которого будет употреблен с указанной целью». Под свежим впечатлением от этого «письма» Лесков 12 апреля 1888 года писал Суворину: «Северяне» (т. е. лица, близкие к редакции журнала «Северный вестник». — *И. А.*) у Вас печатают письмо о «сборнике Гаршина», с назначением его «на доброе дело»... Это новость. Третьего дня я дал письменный ответ, что я отказываюсь от участия, ибо я «не сочувствую культу

мертвых и не дам моего труда на камень, пока слышу просьбы живых о хлебе». Я думаю, что этим оскорбились, хотя письмо мое было очень вежливое и кончалось готовностью участвовать, если будут собирать не на камень. — Сегодня читаю в «Нов⟨ом⟩ вр⟨емени⟩» новость... Какое, однако, «доброе дело» на чужой счет?! Какие все это глупости! Как бы хотелось написать об этих товарищеских кривляньях и о «культе мертвых». Дал бы я им занозу прямо через бесстыжие очи в разжиженные мозги, болтающиеся в их сентиментально-глупых башках. Первое «доброе дело» — не беспокоить никого без крайней надобности. У Гаршина не осталось сирот, а одна вдова 27 лет с медицинским дипломом... Кому это будут помогать? или просто хочется суетиться? — Чем и когда Г⟨аршин⟩ был обижен? Он не нес никакой несправедливости, а прожил свою короткую жизнь в «любимчиках» — с 3000 рублей жалованья в о⟨бществе⟩ ж⟨елезных⟩ дорог и 200 р. гонорара с самого начала. Чего еще было нужно? — «Литературный фонд», смею сказать, есть учреждение фальшивое и, может быть, вредное. Наши старцы бесприютны, наши сироты без опекунов. Это бы надо делать. Дом бы надо купить да приютить бескровных, а к сиротам назначить кураторов и иметь сведения о том, что делают с сиротками. Вон Лиду Пальма обирают ежемесячно на 25 рублей и Европеус одевает ее в лохмотки, которые где-нибудь выпросит, а мать Лиды, по удачному выражению одного горячего человека, представляет «...мать» и 25 рублей Лиды дает пропивать своему... сыщику. Отчего нет кураторов при сиротах? Отчего не разбить это пошлое учреждение? Вот и собирайте! А пойдет все свинье под хвост» (ЦГАЛИ; «Письма русских писателей к А. С. Суворину», стр. 67—68). Письмо Лескова к Пешковой-Толиверовой развивает мысль о том, что Литературный фонд не занимается тем, чем ему надлежит заниматься.

Мордовцев, Даниил Лукич (1830—1905) — русско-украинский писатель, автор многих исторических романов.

Соловьев-Несмелов, Николай Александрович (1847—1901) — литератор, детский писатель.

Смайльс, Самуил (род. в 1816 г.) — английский писатель-моралист. В последние годы жизни Лесков интересовался его произведениями.

Касьян того и гляди перекинет кого-нибудь... — Согласно народным верованиям, «Касьян», то есть високосный год, отмечается повышенной смертностью.

Кущевский, Иван Афанасьевич (1847—1876) — беллетрист, сотрудник некрасовских «Отечественных записок».

Решетникова, Серафима Семеновна — вдова писателя Ф. М. Решетникова; Лескову приходилось хлопотать об устройстве произведений ее мужа.

Бурнашев, Владимир Петрович (1809—1888). — О хлопотах Лескова по устройству его дел см. примечание к письму 80.

...сборник в пользу нуждающейся «литературной бабушки Татьяны Петровны» — Т. П. Пассек.

100

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге «Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, стр. 70—72.

Письмо является ответом на несохранившееся покаянное послание Суворина о том, что он как издатель и критик уделял недостаточно внимания Лескову-писателю.

Анатолий. — Здесь и дальше текст оригинала поврежден. Можно думать, что речь идет об Анатолии Федоровиче Кони.

Андреевский, Сергей Аркадьевич (1847—1920) — адвокат, поэт и критик-эстет.

...таится наслажденье... и далее — цитата из поэмы Тургенева «Помещик» (строфа XXIV).

...повесть Боборыкина «У плиты»... — напечатана в «Вестнике Европы», 1888, № 4. *Боборыкин,* Петр Дмитриевич (1836—1920). — беллетрист.

...«У пристани» Смирновой... — Повесть С. И. Смирновой была опубликована первоначально в «Отечественных записках», 1879, №№ 10—12, а затем была издана Сувориным отдельно (СПб., 1880).

«Пустой барабан» — очевидно, первоначальное название одного из рассказов Толстого.

101

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге «Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, стр. 72—74.

...благодарю Вас... за экземпляр Радищева! — Суворин выпустил «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (СПб., 1888) в количестве 99 экземпляров — для узкого круга библиофилов.

Получилось письмо от Л. Н. об «Азе». — Письмо Толстого к Лескову по поводу «Прекрасной Азы» неизвестно. В письме к П. И. Бирюкову (возможно, Лесков имеет в виду именно его) от 14 апреля 1888 года Толстой писал: «Лескова легенду прочел в тот же день, как она вышла. Эта еще лучше той (то есть «Совестного Данилы»,— *И. А.*) Обе прекрасны. Но та слишком кудрява, а эта проста и прелестна. Помогай ему бог» (Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 64, М., 1953, стр. 161).

Какая жалость, что в книге Радищева есть ошибочная буква! — В инициалах Радищева было напечатано: «А. И.», вместо правильного: «А. Н.»

Об участии в сборнике Гаршина... — О подготовлявшемся сборнике памяти Гаршина см. примечание к письму 99. В цитированном письме к П. И. Бирюкову Толстой писал (14 апреля 1888 года): «Получаю я письма о сборнике для Гаршина. Помогите мне, милый друг, в том, чтобы не обидеть людей. Не говоря уже о том, что нет никакого повода и причины составлять сборники и собирать на что-то деньги по случаю смерти Г⟨аршина⟩, я-то никак не могу быть в этом участником, несмотря на мою большую любовь к Г.».

Назарьева, Капитолина Валерьяновна (1847—1900) — писательница. Принимала участие в организации сборника памяти Гаршина.

Покойная Александра Алексеевна — дочь Суворина А. А. Коломнина (1858—1885).

Покойный Вас⟨илий Марков⟩ — вероятно, Василий Васильевич Марков (1834—1883) — поэт, критик, публицист.

Арапов, Александр Николаевич — московский дворянин, известный своими чудачествами.

Афросимов — по-видимому, Н. Е. Афросимов. См. о нем наст. том, стр. 13—14.

Вел. кн. Николай и Владимир. — *Николай* Николаевич (1831—1891) — великий князь, сын Николая I. *Владимир* Александрович (1847—1909) — великий князь, сын Александра II.

У меня очень болен сын... — то есть А. Н. Лесков; см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 546—549.

102

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге «Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, стр. 74—77.

Потом было предложение Мартынова... — Петербургский книгопродавец и издатель Николай Гаврилович Мартынов (1843—1915) выпустил одиннадцатитомное издание сочинений Григоровича в 1884—1889 годах. Вскоре издание было повторено.

Панафидин, А. С. — петербургский книгопродавец и издатель.

Кашпирев, Василий Владимирович (1836—1875) — историк, редактор-издатель журнала «Заря»; см. о нем наст. изд., т. 10, стр. 537—538.

...статейки для «Православного обозрения»... — В «Православном обозрении», издававшемся в Москве священниками Н. Сергиевским и Г. Смирновым-Платоновым, Лесков сотрудничал в 1875—1876 годах.

Курочкин, Василий Степанович (1831—1875) — поэт и переводчик, редактор «Искры».

Василевский, Ипполит Федорович (род. в 1850 г.) — фельетонист (псевдоним «Буква»), редактор юмористического журнала «Стрекоза».

Баталин, Иван Андреевич (род. в 1844 г.) — журналист.

Нигь-Адмирари — псевдоним Льва Константиновича Панютина (1831—1882), поэта-сатирика.

103

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге «Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, стр. 79—80.

...у Вас позабыты очень важные люди... — в издававшемся Сувориным большом настольном календаре.

Ключевский, Василий Осипович (1842—1911) — историк, профессор Московского университета.

Антонович, Владимир Бонифатьевич (1834—1908) — историк, профессор Киевского университета. «Старшим» Лесков его называет, желая отличить от А. Я. Антоновича, также профессора Киевского университета, экономиста, сделавшего быструю карьеру по министерству финансов.

Промышленность у Толя и у Гагарина (в географич. словаре) представлена ужасно жалко... — Имеются в виду «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания» под ред. Ф. Толля (3 тома, СПб., 1863—1864) и «Всеобщий географический и статистический словарь», составленный князем С. П. Гагариным (М., 1843).

...«как на турецкой перестрелке» — цитата из стихотворения Пушкина «Гусар».

104

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге «Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, стр. 80.

П. В. Быков составил... «библиографический указатель»... — Об этом см. наст. том, стр. 238—239, письмо в редакцию — «Товарищеский подарок».

105

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге «Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, стр. 80—82.

...читать о Сирии и Египте... — в связи с работой над проложными повестями.

Почитайте что-нибудь другое. — Лесков послал Суворину, вероятно, какие-то издания о вреде спиртных напитков и табака, выпущенные толстовским «Согласием против пьянства». Толстовцы, очевидно, подразумеваются под «людьми не от мира сего».

Шабельская, А. — псевдоним Александры Станиславовны Монтвид-Толочиновой (род. в 1845 г.), беллетристки. Лесков имеет в виду ее роман «Три течения», печатавшийся в «Северном вестнике», 1883, №№ 1—5.

Пока же начнем с крупнейшего и более нравящегося публике... — Окончательный состав Собрания сочинений разнится от намеченного в этом письме: роман «На ножах» вошел в томы восьмой и девятый, во второй том вошли «Праведники», «Однодум», «Пигмей», «Кадетский монастырь», «Инженеры бессребреники», «Левша» и другие рассказы, в третий том — романы «Обойденные» и «Островитяне», и т. д. Проложные повести составили том десятый издания; в него вошли только семь опубликованных ранее рассказов.

Коломнин, Петр Петрович — служащий издательства «Новое время».

...конец к «Котину» допишу в корректуре — то есть последнюю главу повести, отсутствовавшую в журнальном тексте; см. наст. изд., т. 1, стр. 261.

106

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 65—66.

Гизелер, Иоганн-Карл (1793—1854) — профессор церковной истории в Геттингенском университете.

Гагенбах, Карл-Рудольф (1801—1874) — профессор богословия в Базельском университете.

У меня же есть копии казенной переписки... — Материалами этими Лесков воспользовался для рассказа «Антука» — «Книжки «Недели», 1888, № 10.

107

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 67—69.

Покорно Вас благодарю за письмо Ваше от 17 июля... — Письмо это не сохранилось.

«Месяцеслов» Косолапова — книга Ив. Косолапова «Месяцеслов православной кафолической церкви», Казань, 1874; изд. 2-е — Симбирск, 1880.

...я имею такой план... — Изложенное далее содержание задуманного рассказа об «обозном палаче» не совпадает с написанным вскоре рассказом «Антука».

108

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Какова эта «мать», про то нечего и толковать. — В не дошедшем до нас письме Суворина, на которое отвечает Лесков, по-видимому затрагивался вопрос о незавидной роли «матери-церкви» в общем нестроении.

...развод в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩ Николая Константиновича... — Племянник Александра II, великий князь Николай Константинович (1851—1894) за кражу драгоценностей был выслан в Среднюю Азию и женился там на дочери какого-то чиновника.

Исидор (Яков Сергеевич Никольский, 1799—1892) — митрополит петербургский, новгородский и финляндский.

Это дело хуже сербского. — Имеется в виду крупный международный скандал в связи с объявлением сербским королем Миланом Обреновичем о расторжении своего брака с королевой Натальей.

...мне дорого было одно... — Можно предположить, что данное письмо связано с попыткой Лескова при помощи Суворина «про-

тащить» в печать свою запрещенную цензурой в 1885 году статью «Бракоразводное забвение».

Печатаете ли Вы ст⟨атью⟩ Флиса? — В августе — сентябре 1888 года Лесков напечатал в «Новом времени» серию статей, посвященных проказе и прокаженным на острове Эзель (ныне — Сааремаа): «Культ прокаженных (Кустарные курорты на Эзеле)» — «Новое время», 1888, № 4492, 31 августа; «О прокаженных» — «Новое время», 1883, № 4498, 6 сентября; «О проказе, о пирате, о мщении одичалых, о Бироновом носе» — «Новое время», 1888, № 4521, 29 сентября. На эти статьи отвечал аренсбургский аптекарь Роман Флис («Еще о проказе» — «Новое время», 1888, № 4541, 19 октября). Продолжение полемики было прекращено Сувориным; см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 550—552.

Мейн и Подвысоцкий — киевские врачи.

109

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Переписка Лескова с Карлом Андреевичем Греве (род. в 1854 г.), педагогом, антропологом по образованию, началась в середине октября 1888 года, когда писатель получил от него предложение перевести ряд произведений Лескова на немецкий язык, для выходившего в Ревеле (Таллине) журнала «Nordische Rundschau». В ответном письме (16 октября 1888 года) Лесков выражал сомнение, все ли из его произведений известны будущему переводчику, и предлагал ему обратиться к В. А. Гольцеву, «который имеет библиографию моих сочинений, все эти сочинения более или менее знает и знает также мои взгляды и желания. Вы с несомненною для себя пользою можете переговорить с ним обо всем, касающемся этого дела, и что он Вам скажет и на чем Вы с ним положитесь, то я приму для себя как обязательное, и на том кончим». (ИРЛИ).

...Получил смутное и неопределенное известие о постигшем этого человека неблагополучии. — Гольцев был арестован 10 октября 1888 года за то, что принял бежавшего из ссылки «политического преступника», обратившегося к нему в поисках работы.

Эккарт наполнил выписками из меня $1/3$ своей книги... — См. об этом примечание к статье «Народники и расколоведы на службе», наст. том, стр. 622.

110

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

Ремезов, Митрофан Нилович (1835—1901) — член редакции «Русской мысли».

111

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Дейблер — ревельский (таллинский) книгопродавец, издатель газеты «Nordische Rundschau».

112

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в журнале «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 399—400.

...то, что Вы мне пишете о «Зеноне», — мне очень неприятно. — Повесть Лескова «Зенон златокузнец» (впоследствии «Гора»), предназначавшаяся для ноябрьской книжки «Русской мысли», была оттуда изъята редакцией и втайне от автора направлена в духовную цензуру, которая усмотрела сходство между патриархом в «Зеноне» и митрополитом Филаретом и запретила повесть. См. об этом наст. изд., т. 8, стр. 600—603.

Эберс, Георг-Мориц (1837—1898) — немецкий египтолог и исторический романист.

Масперо, Гастон (1846—1916) — французский египтолог.

...читали Вы «Антука»... — Об этой повести см. письма 106, 107 в наст. томе.

«Аскалонский злодей» — напечатан в «Русской мысли», 1889, № 11.

113

Печатается по автографу (ГИМ). Впервые опубликовано в «Щукинском сборнике», вып. VIII, М., 1909, стр. 194—195.

Заглавие надписал: «Старчики и юродцы». — Статья Пыляева под таким названием неизвестна. Упоминаемая далее книга Пыляева «Старая Москва» была выпущена отдельным изданием.

Опахальщик, который во всем каверзит — вероятно, Суворин или Шубинский.

114

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Цензурное преследование мне досадило до немощи. — В связи с предположением Суворина издать проложные повести отдельной книгой Победоносцев писал (28 мая 1888 года) начальнику Главного управления по делам печати Феоктистову: «Опасаюсь, как бы тут не было кривляний по книге, имеющей церковное значение. Прикажите — не признаете ли нужным? — присмотреть за этим кому следует». 12 июня 1888 года Победоносцев добавлял, что «одна из этих историй» — «Сказ о Феодоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине» — «на днях признана синодом крайне вредною» («Литературное наследство», кн. 22—24, стр. 534, 537). В ответном письме Феоктистов успокаивал своего корреспондента: «Относительно книги Лескова будьте спокойны. Приняты меры» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, кн. 2, М., 1923, стр. 851).

115

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

116

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Анна Ивановна — А. И. Суворина (урожденная Орфанова), вторая жена А. С. Суворина.

Берсье, Эжен (1805—1889) — французский проповедник и богослов.

...в нем очень много дурного. — «Самокритический» тон настоящего письма вызван не дошедшим до нас письмом Суворина, в котором последний комментировал письмо Лескова (114).

Ничипоренко, Андрей Иванович (1837—1863) — сотрудник «Колокола» и участник «Земли и воли» 60-х годов. В 1862 году арестован по обвинению в сношениях с Герценом и Огаревым; умер в тюрьме. Проживая перед арестом в Петербурге, довольно близко сошелся с молодым Лесковым.

Воскобойников, Николай Николаевич (1838—1882) — журналист, в начале 60-х годов — сотрудник «Библиотеки для чтения».

Семейные горести Ваши я все помню... — то есть трагическую и таинственную смерть первой жены Суворина, Анны Ивановны

(1840—1873), покончившей самоубийством, самоубийство его дочери, Александры Алексеевны Коломниной (1885), смерть сына Владимира (1887).

Вы сделаете то лицо, которое Крамской написал...— И. Н. Крамской написал портрет Суворина в 1876 году. При большом жизненном сходстве с оригиналом, портрет, по отзывам печати, очень выразительно характеризовал «душу» оригинала, хитреца-стяжателя.

...яко же и Иафет покры тело Ноево... — В библии рассказывается о том, как Ной, упившись вином, лежал обнаженный. Сын его Хам насмеялся над отцом, сыновья же Сим и Иафет прикрыли наготу Ноя.

117

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Посылаю Вам № «Новостей» с напечатанным письмом П. В. Засодимского. — «Новости», 1888, 5 декабря.

Житель — псевдоним Александра Александровича Дьякова (1845—1895), сотрудника «Нового времени», в прошлом революционера-народника.

118

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

119

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...как Давид с Урием... — В библии рассказывается, что царь израильский Давид, полюбив красавицу Вирсавию, послал ее мужа Урию в сражение, где он и был убит.

120

Печатается по копии из архива А. Н. Лескова. Публикуется впервые.

Раб божий Ивантий — Иван Иванович Горбунов-Посадов (1864—1920), толстовец, сотрудник издательства «Посредник».

«Пермете сортир» (франц.) — разрешите выйти.

Вы знаете их «московскую волокиту»... — Сохранилось несколько писем Лескова к Гольцеву и Лаврову, отражающих «томление духа» писателя по поводу закулисных махинаций с «Зеноном». Так, 20 ноября 1888 года он писал Гольцеву: «Сейчас (сумерки 19 ноября) был у меня Вк. Мх. (Лавров. — *И. А.*) и передал мне, в какое положение поставлен «Зенон». Это положение, без сомнения, есть вполне безнадежное. Меня крайне удивляет ожидание чего-то выиграть здесь, когда проиграно в Москве. Известно ведь, что Ф⟨еоктистов⟩ имеет ко мне особую ненависть, и притом сугубую, так как притеснением меня он доставляет удовольствие П⟨обедонос⟩цеву и Т. Ф⟨илиппову⟩. Следовательно, ожидать хорошего просто смешно и наивно» («Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 400—401). Несколько дней спустя, 29 ноября, Лесков писал ему же: «Накануне своего отъезда из Петербурга Вк. Мхл. Лавров прислал мне Вашу депешу, из которой я увидал только, что Ф⟨еоктисто⟩в сделал сношение с Москвой, но в чем оно заключается, — Вам в то время было неизвестно. Это мучительно и унизительно» (там же, стр. 401). «Что же Вы теперь узнали, — читаем дальше в том же письме, — и что мне скажете? Я сам уже ничего и соображать не могу и жду от Вас с нетерпением известия полного, ясного и без обычной «мягковатой волокиты». Пожалуйста, — будьте милостивы, не замедлите известить меня» (там же, стр. 402). Наконец, 21 декабря Лесков обращается к Лаврову, отвечая на несохранившееся сообщение последнего, написанное накануне. «Я ждал его, — пишет Лесков, — давно и с большим и с очень понятным нетерпением. Тревоги Ваши не могут сравниться с моими тревогами, тем более что Вы все-таки знаете хоть что-нибудь из того положения, в каком находится дело, а я ровно ничего не знаю. Я понимаю условия письменных сношений, но никак не могу понять: почему Вы не желаете сообщить мне: от кого теперь зависит дело и что о нем говорят Вам? Ведь это, во всяком случае, не государственная же тайна и не такой секрет, которого нельзя доверить бумаге. Мне, конечно, все интересно, и всякое известие лучше полной безвестности, в которой я нахожусь здесь, со всех сторон осаждаемый вопросами. Будьте милостивы, — явите мне сострадание и напишите что-нибудь фактическое. Я с своей стороны ничего не предпринимаю, чтобы не сделать какой-нибудь бестактности» (ЦГАЛИ). Отчаявшись получить из редакции «Русской мысли» какие-нибудь определенные сведения по почте, Лесков и поручил Бирюкову выяснить возможно подробнее обстоятельства всего дела.

121

Печатается по копии из архива А. Н. Лескова. Публикуется впервые.

Ваше письмо... — Письмо Бирюкова к Лескову не сохранилось. В нем, между прочим, содержалось сообщение, что с Гольцевым о судьбе «Зенона» беседовал Толстой (1 января 1889 года Толстой записал в своем дневнике о посещении Гольцева).

...сказали Фите... — то есть Феоктистову.

Рихтер, Александр Александрович (1837—1898) — видный чиновник министерства финансов.

Воронцов — вероятно, Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837—1916) — министр императорского двора, один из наиболее близких к Александру III придворных.

Я хочу написать такой романчик. — Имя героя этого ненаписанного романа связывает его с прерванным романом «Соколий перелет».

122

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

123

Печатается по копии из архива А. Н. Лескова. Публикуется впервые.

С художником Ильей Ефимовичем Репиным (1844—1930) Лесков познакомился и особенно близко сошелся в 1888—1889 годах. Осенью 1888 года, задумав написать портрет Лескова, Репин столкнулся с категорическим нежеланием писателя позировать. Отвечая на несохранившееся письмо Лескова, Репин 26 сентября 1888 года писал: «Меня очень удивили мотивы, по которым Вы не желаете допустить существование Вашего портрета. Ничего подобного я предположить не мог и не могу и теперь. Не я один, вся образованная Россия знает Вас и любит, как очень выдающегося писателя с несомненными заслугами, как мыслящего человека в то же время... Да что на эту тему писать... Уж Вы простите, не мне, грешному, объяснять Вам Ваше значение в русской литературе и русской жизни. Это значение большое, оно есть, и мы его, если бы даже и пожелали, не можем не признавать. Портрет Ваш необходим, он будет, несмотря на Ваше нежелание его допустить; он дорог всем искренно любящим наших деятелей.

Что же касается каких-то нападок на Вас, когда-то бывших, как Вы пишете, то я о них первый раз слышу, и это, вероятно, какие-нибудь шавки из подворотен шавкали на Вас... Стоит обращать внимание и волноваться при воспоминании о шавках! Шавка не может не шавкать, она ни на что, кроме пинка, и не претендует за это и, вероятно, была бы очень удивлена, если бы ей сказали, что такой-то крупный писатель все еще не может успокоиться, вспомнив, как она неожиданно бросилась на него из грязной подворотни вся в грязи; она брызнула на него грязью, на сапоги и панталоны...

Право, Вы делаете так много чести какому-то темному и совсем неизвестному шантажу против Вас, что мне даже обидно» (И. Е. Репин. Письма к писателям и литературным деятелям. М., 1950, стр. 37). В результате уговоров Репина Лесков позволил сделать с себя два карандашных наброска. Кроме того, художник иллюстрировал ряд проложных повестей Лескова («Гора», «Совестный Данила», «Прекрасная Аза», «Лев старца Герасима»). Из оживленной переписки Лескова с Репиным сохранилось лишь два письма художника и семь писем Лескова.

Фофанов, Константин Михайлович (1862—1911) — поэт. Репин был восторженным поклонником поэзии Фофанова; в 1888 году написал его портрет.

124

Печатается по копии из архива А. Н. Лескова. Публикуется впервые.

Матэ, Василий Васильевич (1856—1917) — художник-гравер.

125

Печатается по копии из архива А. Н. Лескова. Публикуется впервые.

«Не тратьте силы — спущайтесь на дно!» — цитата из распространенного украинского народного анекдота.

В ответном письме, 19 февраля 1889 года, Репин писал: «Как я Вам благодарен за Ваше письмо, глубокоуважаемый Николай Семенович! В нем столько содержания, что я перечитывал его по нескольку раз вчера и сегодня. Ваша особенная манера писать, к которой я никак еще не приспособился, несколько замедляла чтение,

но содержимое вознаграждало. И живые сюжеты кротких штундистов с чиновным духовенством, и Ваше горячее негодование на новые поветрия интеллигенции и др. — все это так энергично и искренно, хотя и кратко выражено в письме Вашем.

Ваше негодование на «оподление» справедливо: оно произошло от того, что вытравлены лучшие, даровитейшие силы, настало царство посредственности. Но я убежден, что народится поколение более даровитых, след⟨овательно⟩, и более возвышенных духом натур, они с презрением отвернутся от всего пустозвонного хлама; сильный ум потребует другой пищи и других развлечений. Идеи же, настоящие, глубокие идеи, как высшее проявление разума, всегда незыблемо будут стоять в интеллектуальном мире, как звезды на небе, и везде будут влечь к себе лучшие сердца, лучшие умы.

А знаете ли, я должен Вам признаться, что я и в «Запорожцах» имел идею. И в истории народов и в памятниках искусства, особенно в устройстве городов, архитектуре, меня привлекали всегда моменты проявления всеобщей жизни горожан, ассоциаций; более всего в республиканском строе, конечно. В каждой мелочи, оставшейся от этих эпох, виден, чувствуется необыкновенный подъем духа, энергии; все делается даровито, энергично и имеет общее широкое гражданское значение.

Сколько дает этого материала Италия!! И до сих пор там сильна и живуча эта традиция... И наше Запорожье меня восхищает этой свободой, этим подъемом рыцарского духа. Удалые силы русского народа отреклись от житейских благ и основали равноправное братство на защиту лучших своих принципов веры православной и личности человеческой. Теперь это покажется устарелыми словами, но тогда, в то время, когда целыми тысячами славяне уводились в рабство сильными мусульманами, когда была поругана религия, честь и свобода, это была страшная животрепещущая идея. И вот эта горсть удальцов, конечно даровитейших людей своего времени, благодаря этому духу разума (это интеллигенция своего времени, они большею частью получали образование) усиливается до того, что не только защищает Европу от восточных хищников, но грозит даже их сильной тогда цивилизации и от души хохочет над их восточным высокомерием» (И. Е. Репин. Письма к писателям и литературным деятелям. М., 1950, стр. 42—43).

126

Печатается по копии из архива А. Н. Лескова. Публикуется впервые.

Письмо является полемически заостренным ответом на возражения Репина в его приведенном выше письме от 19 февраля 1889 года.

Шишкин, Иван Иванович (1832—1898) — живописец-пейзажист. Репин в том же письме сообщал: «Шишкин жаждет Вас видеть — Ваш давнишний читатель и поклонник».

127

Печатается по копии из архива А. Н. Лескова. Публикуется впервые.

Приветствую большой и несомненный успех Ваших произведений. — На 17-й выставке «Товарищества передвижных художественных выставок» были выставлены четыре картины Репина. Лесков особенно отмечает две из них: «Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных в городе Мирах Ликийских» («Св. Николай») и «Портрет А. К. Глазунова». Кроме них были выставлены портреты М. С. Щепкина и А. П. Бородина.

...ввиду цены «Фрины». — В 1889 году в Петербурге была устроена выставка картин художника Генриха Ипполитовича Семирадского (1843—1902); картина «Фрина» была приобретена министерством императорского двора за громадную сумму в 30 тысяч рублей.

128

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Черкасский, Владимир Алексеевич, князь (1824—1878) — общественный деятель — славянофил, представитель дворянской консервативной фронды.

...издайте «Князей Протозановых» в «Дешевой библиотеке»!.. — «Захудалый род» вошел в шестой том Собрания сочинений. В «Дешевой библиотеке» издан не был.

129

Печатается по тексту журнала «Литературная учеба», 1936, № 5, стр. 159.

В. М. Саянов, опубликовавший письмо, выразил предположение, что оно адресовано Анне Михайловне Евреиновой, издательнице (в 1885—1890 годах) журнала «Северный вестник». А. Н. Лесков в

рукописных своих заметках высказывал по этому поводу сомнение (вряд ли Лесков, относительно мало знакомый с А. М. Евреиновой, стал бы писать ей так запросто, без обращения и надлежащего «титулования») и, в свою очередь, предположил, что письмо было направлено А. Н. Пешковой-Толиверовой, передано последней неустановленному лицу, о котором шла речь в письме, и таким образом отделилось от основной массы писем, адресованных А. Н. Пешковой-Толиверовой.

130

Печатается по автографу (ГИМ). Впервые опубликовано в «Щукинском сборнике», вып. VIII, М., 1909, стр. 195. В подлиннике письмо датировано так: «12, воскр⟨есенье⟩»; датировка уточнена на основании следующих двух писем — Репину и самой Ахочинской.

Статью Вашу отдал переписывать — то есть одну из глав будущей книги «Старый Петербург», печатавшейся отдельными фельетонами в «Новом времени».

Ахочинская, Зинаида Петровна — см. примечание к письму 132.

Боткин, Михаил Петрович (1839—1914) — художник и искусствовед.

На выставке... — Художественной выставке в Академии художеств.

Рэно — французская артистка. Ее портрет писан Ахочинской в мастерской художника Зичи.

Боголюбов, Алексей Петрович (1824—1896) — художник-пейзажист и маринист. В его мастерской в Париже занималась Ахочинская. 18 марта 1889 года («ночью») Лесков писал Ахочинской: «Когда получите эту записку, утром 19-го числа, пошлите купить номер «Петербургской газеты». В № 19-го марта будет упомянуто об этюде с мастерской Боголюбова, и упомянуто хорошо. А потом будет сказано и о портрете Рэно. Желаю, чтобы это доставило удовольствие Вам и Вашим родным» (ЦГАЛИ).

131

Печатается по копии из архива А. Н. Лескова. Публикуется впервые.

...не приняли у нее портрет Т. П. Пассек!.. — Об устройстве портрета незадолго до того скончавшейся Т. П. Пассек Лесков много

хлопотал. По его инициативе портрет был опубликован во «Всемирной иллюстрации», 1889, № 1055, 8 апреля, стр. 265, — при статье самого Лескова «Литературная бабушка».

...видел подмалевок моего портрета... — работы Ахочинской.

Полонская куда шустрее. — *Полонская,* Жозефина Антоновна (1844—1920), вторая жена поэта, была художницей и скульптором. В письме к Ахочинской от 18 марта 1889 года Лесков ставит адресату в пример ее настойчивость в достижении поставленной цели. «Жозефина Ант⟨оновна⟩ Полонская, — пишет он, — терпела много неудач и при страшном прилежании работала без успеха до 32 лет... А теперь она зарабатывает около 2 тысяч рублей в год. Чего еще женщине надо? Надо только не унывать и долго не собираться, а работать как можно больше» (ЦГАЛИ).

Макшеева, Вера Михайловна — падчерица (а не племянница) Лескова.

...посмотреть портрет баронессы Икскуль. — В письме к Ахочинской от 18 марта 1889 года Лесков писал: «У Полонского на вечере была баронесса Икскуль. Портрет поразительно схож, и оборот выбран превосходно» (ЦГАЛИ).

132

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые. Датируется приблизительно — по связи с письмами 130, 131.

Зинаида Петровна Ахочинская (1861—1933) — художница-дилетантка. Обучалась живописи в Париже, по возвращении в Россию познакомилась с Лесковым через В. М. Макшееву. Знакомство продолжалось почти до самой смерти писателя. Сохранилось 17 писем Лескова к Ахочинской (ЦГАЛИ); в настоящее издание введены лишь наиболее значительные из них по содержанию.

...знает «мужественную Лаудан»... — Лаудан — подруга Ахочинской по Парижу, с которой последняя предполагала открыть в Петербурге художественную мастерскую.

Бубнов, Николай Михайлович (1858—1929) — пасынок Лескова, позднее профессор-историк Киевского университета.

«Азу» Вам заказываю — то есть рисунки к «Прекрасной Азе» для отдельного издания повести (рисунки не были выполнены).

133

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

...в соединении с «Дровоколом». — Лесковская «Повесть о богоугодном дровоколе» была напечатана в газете «Новости и Биржевая газета», 1886, № 109, 22 апреля.

Величко, Василий Львович (1860—1903) — поэт, знакомый Лескова. Человек, очень реакционно настроенный, Величко, конечно, не подходил для изданий «Посредника» и в них не печатался. Сохранилось письмо (недатированное) Величко к Лескову, с благодарностью «за хлопоты о моих малых делишках, а наипаче за деликатную заботливость о моей авторской амбиции, которая мне, конечно, подороже гонорара, как бы я ни был материально стеснен. Если не имеете чего-либо в виду для моих вещиц, то не откажите прислать их мне по почте» (ЦГАЛИ).

134

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

135

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Гатцук, Владимир Алексеевич (род. в 1863 г.) — юрист, издатель, составитель сборника русских сказок.

136

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

Раздражительный тон письма (отвечающего на раздраженное же письмо Черткова) вызван крайней медлительностью «Посредника» в осуществлении своего намерения издать проложные повести.

К немцам своим не поеду... — то есть на остров Эзель, в Аренсбург.

Сакья-Муни — одно из имен Будды.

...быть «бодисатвой». — Согласно учению одного из ответвлений буддизма — ламаизма, бодисатвами называются люди, обладающие богатырской и чудодейственной силой духа.

Сегодня читал корректуру статьи Л. Н. «Об искусстве»... — Отправленная в «Русское богатство» статья «Об искусстве» не удовлетворила автора при чтении им корректуры и была оставлена. В переработанном виде была опубликована, под заглавием «Что такое искусство?», в журнале «Вопросы философии и психологии», 1897, кн. 5; 1898, кн. 1.

137

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в книге «Письма Толстого», стр. 74—75.

...мой маленький новый рассказ «Фигура». — Рассказ Лескова «Фигура» опубликован в журнале «Труд», 1889, № 13.

...о родоначальнике украинской штунды... — Штундой именуются рационалистические религиозные секты, пытавшиеся «обновить» православие путем использования ряда положений протестантизма.

Сакен — граф Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен (1789—1881), генерал, участвовал в обороне Севастополя в качестве начальника севастопольского гарнизона. В лесковском рассказе он упоминается как «Ерофеич», «что и теперь еще всё акафисты читает». Это — несомненное использование распространенной «Севастопольской песни», сочиненной при участии Л. Н. Толстого и ходившей под его именем: в ней поминается «Сакен-генерал», который «всё акафисты читал богородице».

Не-Гайдуков — П. И. Бирюков (см. наст. том, стр. 195—199).

...выписки из М. Арнольда. — *Арнольд,* Мэтью (1822—1888) — английский поэт, критик, историк. Можно полагать, что Лескову были доставлены выписки (в русском переводе) из книги Арнольда «Литература и догма» (1877), которую очень ценил Толстой.

138

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в книге «Письма Толстого», стр. 76.

...письмо Ваше о «Фигуре». — Письмо не сохранилось.

...я их попробую навести при внесении рассказа в V том собр⟨ания⟩ моих сочинений... — «Фигура» вошла в седьмой том Собрания сочинений; в текст рассказа были внесены лишь незначительные стилистические исправления.

...я о нем ничего не знал... — Возможно, что Толстой в письме указал Лескову на свою «песню», и упоминание в рассказе об «акафистах» явилось, таким образом, результатом совета Толстого.

139

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

Свешников, Николай Иванович (1839—1899) — букинист, автор интересных «Воспоминаний пропащего человека» («Academia», 1930). Упоминаемая в письме рукопись его, обработанная Лесковым, была опубликована в «Русской мысли», 1889, № 8, под названием «Спиридоны-повороты».

140

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

...у меня на столе есть роман не роман, хроника не хроника... — роман «Чертовы куклы», опубликованный (в незаконченном виде) в «Русской мысли», 1890, № 1. О замысле романа и его осуществлении см. наст. изд., т. 8, стр. 627—631.

Прием как у Гофмана. — *Гофман,* Эрнст-Теодор-Амадей (1776—1822) — немецкий писатель-романтик.

Шеллер, Александр Константинович (1838—1900) — беллетрист (псевдоним — А. Михайлов), в 80-х годах — редактор «Живописного обозрения».

...списанным известно с кого... — с Николая I.

Брюллов, Карл Павлович (1799—1852). В образе Фебуфиса из «Чертовых кукол» воспроизведены некоторые черты портрета и характера Брюллова, а также отдельные факты его биографии.

...будет ли у Вас что-нибудь о Собрании моих сочинений. — В «Русской мысли» была помещена статья М. Протопопова «Больной талант» (1891, № 12); см. примечание к письму 214.

...некто Бибиков составил какой-то мой «литературный портрет». — Имеется в виду, по-видимому, Виктор Иванович Бибиков (1863—1892), беллетрист и журналист. Статья его о Лескове в печати не появлялась.

141

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

142

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

...написал рассказ листа в два... — «Аскалонский злодей (Из сирийских преданий)» («Русская мысль», 1889, № 11).

Мердер, Надежда Ивановна (1839—1906) — беллетристка; писала также под псевдонимом «Северин». Упомянутые Лесковым ее «этюды» были опубликованы в «Историческом вестнике», 1890, №№ 2, 3.

143

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

...была статья только в одном «Нов⟨ом⟩ в⟨ремени⟩»... — бесподписная статья в № 4761, 2 июня 1889 года. В статье, автором которой, по-видимому, был Суворин, интересно одно припоминание: «Я помню, как покойный Некрасов, прочитав «Запечатленного ангела», жалел о том, что автора этого рассказа по разным либеральным соображениям радикальная журналистика оттолкнула, не дает ему хода в литературе, старается дискредитировать его талант в мнении читателей».

144

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

145

Печатается по тексту книги А. И. Фаресова «Александр Константинович Шеллер (А. Михайлов). Биография и мои о нем воспоминания», СПб., 1901, стр. 137.

Письмо посвящено публикации в «Живописном обозрении» повести «Зенон златокузнец» — под измененным заглавием «Гора». См. об этом наст. изд., т. 8, стр. 600—607. Повесть была иллюстрирована в журнале Репиным.

146

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано в журнале «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 402—403.

..благодетельное учреждение арестовало VI том собрания моих сочинений... — О цензурном запрещении шестого тома Собрания сочинений Лескова см. наст. изд., т. 6, стр. 667—669, и А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 576—581. Как убедительно показал А. Н. Лесков, материальные убытки, причиненные автору этим запрещением, в конце концов оказались относительно небольшими: 850 рублей.

147

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано в журнале «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 403.

В VI томе «толстопузые», говорят, все измарали... — Письмо написано еще до окончательного решения участи запрещенного тома. «Захудалый род» был разрешен к изданию. 5 октября 1889 года Лесков писал своему врачу Л. Б. Бертенсону: «Попы толстопузые посердствовали и весь VI том мой измазали. Исчеркали даже роман «Захудалый род», печатавшийся у Каткова... Вот каково «муженепстовство». Это то, что Мицкевич удачно называл «kaskady tyraństwa»... Какие от этого облатки и пилюли принимать надо?.. Что за подлое самочинство и самовластие со стороны всякого прохвоста!» («Русская мысль», 1915, № 10, стр. 90). А на подаренном Бертенсону экземпляре запрещенного тома Лесковым была сделана следующая надпись: «Божиим попущением книга сия сочтена вредною и уничтожена мстивостью чревонеистового Феоктистова подлого ради угождения Лампадоносцеву» (там же).

148

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...при Алексее Петровиче — Коломнине.

149

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано в журнале «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 403—404.

Посылаю Вам стихотворение Фофанова... — «Уходят старые глашатаи свободы».

...после смерти Андрея Алекс⟨андровича⟩ Краевского. — А. А. Краевский умер 8 августа 1889 года.

...хотел говорить с «важным приставом» — то есть с Феоктистовым. Лесков использует распространенное четверостишие из сатирического стихотворения Б. Н. Алмазова «Похороны «Русской речи», скончавшейся после непродолжительной, но тяжкой болезни» (1862):

Важен, толст, как частный пристав,
Жертва злобной клеветы,
Пал великий Феоктистов
С двухаршинной высоты.

150

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Неупокоев, Аркадий Ильич (1848—1906) — управляющий типографией Суворина.

...позвольте напечатать в газете прилагаемое известьице... — В «Новом времени» никакого «известьица» о предположенном напечатании «Зенона» (в «Живописном обозрении») не появлялось.

151

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

...прошу Вас переменить эпиграф у «Аскалонского злодея». — Текст первоначального эпиграфа к «Аскалонскому злодею» не сохранился.

Лукреций, Тит Кар (ок. 99 — 55 до н. э.) — римский поэт и философ-материалист.

Ломброзо, Чезаре (род. в 1836 г.) — итальянский врач-психиатр.

152

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...на ма́рже — на полях книги.

...письмо Ваше... — по поводу большого же письма Лескова от 17 октября 1889 года (см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 579—580) с изложением многих претензий к Суворину.

Укор Ваш за мое слово о «небоязни» признаю справедливым... — Имеются в виду следующие слова из письма Лескова к Суворину от 17 октября 1889 года: *«Я не боюсь потерять ничего* (подчеркнуто дважды. — *И. А.*), да и не боюсь никого, кроме того, кого боится

Бисмарк (то есть бога. — *И. А.*). Это уж так я привык и таким издохну» (ИРЛИ).

Добродеев, Сергей Емельянович — издатель журнала «Живописное обозрение».

153

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: А. В. Багрий. Литературный семинарий, вып. II, Баку, 1927, стр. 28—29.

154

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...мои литературные воспоминания... — Воспоминания не были написаны Лесковым. Можно высказать предположение, что приступом к ним является неоконченная рукопись «Памятные встречи (Отрывки из воспоминаний)», хранящаяся в настоящее время в ЦГАЛИ.

155

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

...депешу о стихотворении Велички... — См. в наст. томе письмо 133.

...остается одна легенда... — Историческая повесть «Оскорбленная Нэтэта» не была закончена Лесковым. Сохранившиеся отрывки ее опубликованы в «Невском альманахе», вып. 2. Пг., 1917, стр. 145—186.

Иосиф Флавий (ок. 37 — ок. 95) — иудейский историк и писатель, автор труда «Иудейская война», который был использован Лесковым для своей повести.

Роман я перечитал... — «Чертовы куклы».

156

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

Цертелев, Дмитрий Николаевич, князь (род. в 1852 г.) — поэт, редактор журнала «Русское обозрение» (1890—1897), в котором Лесков напечатал несколько своих произведений.

«Родина» — «еженедельная газета общественная и литературная»; в 1889 году редактором ее был А. А. Каспари. Лесков в газете участия не принимал.

157

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

«Конкуренции» в совпадении сюжета Вашего рассказа... — О рассказе Суворина «Аскалонская верность» см. письмо 160 и примечание к нему.

Зачем Вы не приняли Черткова... — Написанный в январе 1887 года рассказ Толстого «Суратская кофейня» был опубликован в «Северном вестнике», 1893, № 1. Чертков пытался склонить Суворина к напечатанию рассказа в «Новом времени», имея в виду распространенность газеты, а также учитывая, что таким образом легче будет провести рассказ через цензуру.

...сбился на тему «Татьяны Репиной». — Драма Суворина «Татьяна Репина» вышла отдельной книжкой (СПб., 1889) и шла на сценах Петербурга и Москвы. Говоря о «теме» драмы, Лесков, очевидно, подразумевает не сюжет ее — личную трагедию артистки, отравившейся на сцене после громадного своего сценического успеха, — но ту проблематику ее (отношения художника и «толпы», значение искусства, соотношение искусства и жизни), которая звучала на сцене в речах и репликах одного из действующих лиц, журналиста Адашева. Эти вопросы были особенно близки в это время Лескову, перекликались с «Чертовыми куклами», над которыми писатель напряженно работал.

Л. Н. отдал «Крейцерову сонату»... в сборник, предпринимаемый в пользу бедствующего семейства... Юрьева. — В действительности «Крейцерова соната» была напечатана, с цензурными сокращениями, в двенадцатом томе Собрания сочинений Толстого (М., 1891).

158

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

159

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

...вроде нашего «Пансальвина»... — Имеется в виду памфлет на Потемкина — «Пансальвин, князь тьмы».

Хемницер, Иван Иванович (1745—1784) — баснописец.

Виницкая-Будзианик, Александра Александровна (род. в 1847 г.) — беллетристка. В 1890 году в «Русской мысли» ее произведения не появлялись.

160

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Я глубоко тронут, потрясен и взволнован припискою, которую Вы сделали под Вашим сегодняшним рассказом. — В № 4967 «Нового времени» (1889, 25 декабря) был напечатан рассказ («предание первых веков христианства») Суворина «Аскалонская верность», сопровожденный следующим примечанием автора: «Рассказ этот основан на том же сказании «Прологов», которое послужило темою для произведения Н. С. Лескова «Аскалонский злодей». Рассказ мой был начат, когда я не знал о существовании этого последнего произведения Н. С. Лескова и прочел только тогда, когда кончил свой рассказ. Много начитанности, труда и таланта вложил в свою повесть Н. С. Лесков. Моя задача была легче, ибо я почти не касался бытовой стороны, которой, напротив, Н. С. занялся с особенною любовью. Если читатель, знакомый с «Аскалонским злодеем», найдет досуг для прочтения моей переработки, он увидит, что в двух рассказах на одну и ту же тему нет ничего общего, кроме темы. Я не разделяю мнения В. П. Буренина, что легенды «Пролога» будто бы незачем обрабатывать, не разделяю не только потому, что в этом сам я повинен, но и потому, что легенды эти, обработанные искусно, могут преобразиться в такие прекрасные вещи, как «Аза» того же Н. С. Лескова, который и открыл этот новый источник для рассказов на нравственные и религиозные темы. Автор». Взволнованность Лескова объясняется не только лестной (особенно в устах скупого на похвалы Суворина, склонного больше к скептически-ироническим оценкам и высказываниям, чем к безоговорочным похвалам) оценкой его труда, но также тем, что это была непосредственная хозяйская отповедь на злостный «Критический очерк» Буренина («Новое время», 1889, № 4964) по поводу «Аскалонского злодея» и напечатанного в том же «Новом времени» лесковского «письма в редакцию» «Об Иродовой темнице» (см. наст. том, стр. 242).

Яковлева (Ланская), Надежда Владимировна — беллетристка.

...письма Л. Н—ча... по поводу затевавшегося протеста из-за Надсона... — См. об этом примечание к письму 63. Письмо Толстого к Буренину, о котором упоминает Лесков, в двух вариантах — см. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 64, М., 1953, стр. 15—19.

«Муж не властен в теле жены». — Лесков неверно передает цитату из Первого послания апостола Павла к коринфянам. В нем говорится (глава 7, ст. 4): «Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена».

...зачем было усилие вредить мне... — Имеется в виду статья Буренина по поводу «Аскалонского злодея».

161

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Я ожидаю себе обещанный Вами экземпляр — вероятно, особый, «подносной» экземпляр Собрания сочинений либо экземпляр запрещенного шестого тома.

162

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Трубачев, Сергей Семенович (1864—1907) — сотрудник «Исторического вестника», историк литературы и критик.

Михневич, Владимир Осипович (1841—1899) — журналист.

Введенский, Арсений Иванович (1844—1909) — литературный критик. Его статья о Лескове («Современные литературные деятели. Николай Семенович Лесков») была напечатана в «Историческом вестнике», 1890, № 5, стр. 393—406; см. письмо 166.

Бибиков, Виктор Иванович — см. о нем примечание к письму 140.

163

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Быков, Петр Васильевич — см. о нем примечание к стр. 239. О Лескове напечатал небольшую статью во «Всемирной иллюстрации», 1890, т. XLIII, стр. 333—334, и некролог в «Новом времени», 1895, № 6819.

164

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

«Рассказ кстати: по поводу «Крейцеровой сонаты» я начал... — Рассказ был опубликован уже после смерти автора («Нива», 1899, № 30); см. наст. изд., т. 9, стр. 32—49 и 600—601.

165

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Тертуллиан (ок. 160 — ок. 222) — раннехристианский богослов, почитался как один «из отцов церкви».

Приходил благоприятель, нюхающийся с монахами... — Возможно, подразумевается Шубинский.

...подлый и пошлый человек, стоящий на высоте бесправия — Феоктистов.

166

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Я прочел статью Арсения Иван⟨овича⟩ Введенского. — См. примечание к письму 162.

167

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Петр Исаевич Вейнберг (1831—1908) — поэт, переводчик, литературно-общественный деятель. С Лесковым был знаком с начала его деятельности, однако близко никогда не сходился. Переписка между ними была очень скудна и случайна.

«Славянский сборник» — неосуществившееся литературное предприятие Вейнберга.

168

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

169

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

...прочел отзыв Трубачева о «Горе». — Рецензия С. Т—чева на отдельное издание «Горы» напечатана в «Историческом вестнике», 1890, № 6, стр. 679—681.

Прочел еще Сатина — то есть «Отрывок из воспоминаний» А. Д. Сатина «Как я выучился держать себя в сражении» — «Исторический вестник», 1890, № 6. *Сатин,* Аркадий Дмитриевич (1834—1892) — военный моряк, автор нескольких статей мемуарного характера.

170

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

Готового у меня есть только небольшая сказка «О царе Доброхоте и о простоволосой девке». — Об этой сказке неоднократно упоминается в последующих письмах Лескова к Лаврову и Д. Н. Цертелеву. В конце концов она была напечатана, с цензурными купюрами и с измененным заглавием («Час воли божией») в «Русском обозрении», 1890, № 11; см. наст. изд., т. 9, стр. 5—31, 595—597.

171

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: А. В. Багрий. Литературный семинарий, вып. VII, Баку, 1928, стр. 24—25.

«Оскорбленная Нэтэта». — О замысле этой незаконченной легенды см. примечание к письму 155.

...меня интересуют заботы германского императора... — Молодой германский император Вильгельм II, вступивший на престол в июне 1888 года, на первых порах многоглаголиво возглашал о своих стремлениях к «реформам», в частности проявлял заботы о рабочем вопросе, о народном образовании и пр. (созыв международной конференции по рабочему вопросу, подготовка международной школьной конференции и др.). Эти «либеральные» мероприятия вскоре сменились откровенно и последовательно реакционной политикой Вильгельма.

...прибаутка, взятая в сборник Л. Н. Толстым. — См. об этом наст. изд., т. 9, стр. 598—599.

172

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

Анатолий Иванович Фаресов (1852—1918), «раскаявшийся» народник-семидесятник, превратившийся вскоре в благополучного обывателя и усердного сотрудника «Исторического вестника», «Вестника Европы» и других благонамеренных изданий, познакомился с Лесковым в конце 80-х годов и вскоре облюбовал для себя удел грядущего биографа писателя. На протяжении двадцати с лишком лет он напечатал о Лескове много статей и целую книгу («Против течений», СПб., 1904), не утративших значения до сих пор, благодаря массе опубликованных в них писем самого писателя, писем разных лиц к нему, записей беседных высказываний и т. п. По близости своей к издательству Маркса, Фаресову удалось заполучить также часть архива Лескова, впоследствии приобретенную у него А. Н. Лесковым и в настоящее время переданную в ЦГАЛИ. Следует, впрочем, отметить, что публикации Фаресова чрезвычайно небрежны и неточны; сплошь да рядом публикацию лесковского текста он подменяет собственным пересказом, не выделяя его каким бы то ни было способом.

Ясинский... был ко мне снисходителен... — Отношения Лескова с Ясинским отличались взаимною «нетерпячестью», о характере которой можно судить по воспоминаниям И. И. Ясинского («Роман моей жизни». Л., 1926, стр. 194—202) и по его роману «Лицемеры» («Наблюдатель», 1893, №№ 1—4). См. также примечание к статье Лескова «Нескладица о Гоголе и Костомарове» в наст. томе.

173

Печатается по тексту книги А. И. Фаресова «А. К. Шеллер (А. Михайлов)», стр. 137—138.

Сергей Емельянович — Добродеев, издатель «Живописного обозрения». См. о нем примечание к письму 152.

174

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Я получил Ваше письмо о «некоторых словах»... — очевидно, о желательности отдельных замен и исправлений (из цензурных соображений) в посланной Цертелеву сказке «о большом Доброхоте».

175

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: А. В. Багрий. Литературный семинарий. VII. Баку, 1928, стр. 25.

...о «Нэтэте», которую мне затерзал Маркс. — А. Ф. Маркс предполагал напечатать повесть Лескова «Оскорбленная Нэтэта» в «Ниве», с иллюстрациями художницы Е. М. Бем.

Клюшников, Виктор Петрович (1841—1892) — реакционный беллетрист, редактор журнала «Нива».

176

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...видел, как Илья видел Егову... — Лесков имеет в виду библейское предание о пророке Илье (Третья книга Царств), который общался с богом и получал от него повеления, не видя его.

Смеялись над Ал. Толстым... — Подразумевается последняя сцена трагедии А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного».

Скоро буду женить сына... — В 1891 году А. Н. Лесков женился на Ольге Ивановне Лаунерт (род. в 1872 г.), с которой разошелся в начале 1900-х годов.

Орлову вчера же написал... — А. И. Орлов составил популярную биографию Паскаля (М., 1889—1891). Переговоры с Сувориным, очевидно, должны были касаться издания этой книги.

177

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

178

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано в журнале «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 404.

«Поумнел» положительно очень хорошая вещь. — Повесть Боборыкина «Поумнел» напечатана в «Русской мысли», 1890, № 10—12.

«Тартарен» — «Тартарен из Тараскона», роман Альфонса Додэ.

Ге, Николай Николаевич (1831—1894) — художник, сблизился с Лесковым в конце 80-х годов, на почве общего для них увлечения идеями Толстого.

179

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Пришлите мне дефектов — то есть дефектные листы журнала со сказкой Лескова «Час воли божией», вместо отдельных оттисков.

180

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...моему родственнику, печатающему свое сочинение... — Н. М. Бубнову (пасынку Лескова), печатавшему свою диссертацию «Сборник писем Герберта, как исторический источник» (3 тома, СПб., 1888—1890).

181

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...благодарю Вас за критику. — Как явствует из дальнейшего, Суворин написал Лескову письмо по поводу сказки «Час воли божией».

182

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 77—79.

Получил я Ваши ободряющие строчки... — по поводу рассказа Лескова «Под рождество обидели (Житейские случаи)» — «Петербургская газета», 1890, № 354, 25 декабря. Письмо Толстого не сохранилось, однако сущность его оценки явствует из параллельных высказываний писателя в письмах к другим лицам. Так, В. Г. Черткову он писал 17 января 1891 года: «Какая прелесть! Это лучше всех его рассказов». Позднее Толстой включил рассказ, в своей обработке, в «Круг чтения». Сохранился также валик с записью чтения Толстым этого рассказа для детей яснополянской школы (см. М. Поляновский. Живая речь Л. Н. Толстого — «Литературная газета», 1940, № 47).

...«двистительно»... — из реплик Второго мужика в пьесе Толстого «Плоды просвещения».

...о присланном ему от Ч⟨ерт⟩кова рассказе... — «Франсуаза».

Гнилозубый Аполлон — Аполлон Николаевич Майков (1821—1897), поэт, исполнявший, начиная с 1889 года, обязанности председателя комитета цензуры иностранной. По воспоминаниям А. Н. Лескова, к Майкову «отношение отца было почтительно-холодное. Он ценил его поэтическую форму, но не мог простить ему ни его чиновного генеральства, ни его сухой манеры генерала от литературы» («Вестник литературы», 1920, № 7(19), стр. 6).

«Брат Яков» — Я. П. Полонский, который также служил в комитете цензуры иностранной.

...и «стих» против Вас сочинил... — стихотворение Полонского «После чтения «Крейцеровой сонаты».

...и Никанора стихом же оплакал... — Стихотворение Полонского на смерть архиепископа Никанора (Бровковича, 1826—1890) неизвестно.

Страхов стал лепетать какой-то вздор. — По-видимому, имеются в виду полемические выступления Николая Николаевича Страхова (1828—1896), критика и философа, по поводу статей Владимира Соловьева о книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа».

Энгельгардт, Александр Николаевич (1832—1893) — профессор-химик, был в 1870 году выслан из Петербурга и, поселившись в Смоленской губернии, занялся сельским хозяйством. О своих занятиях и наблюдениях написал «Письма из деревни» (в «Отечественных записках» и отдельно) — книгу, которую высоко ценил Ленин. Слух о поступлении Энгельгардта на государственную службу не подтвердился.

Головин, Константин Федорович (1843—1913) — реакционный беллетрист и критик (псевдоним — К. Орловский).

И Менделеев «тамо же приложися»... — Дмитрий Иванович Менделеев (1834—1907) после вынужденного ухода из Петербургского университета был назначен членом Совета торговли и мануфактур.

Видеть Вас очень жажду... — Поездка к Толстому в январе 1891 года не состоялась.

Чистокровный нигилист А. Михайлов (Шеллер) ругает.... Н. Н. Ге. — «Нигилистом» Лесков называет Шеллера за то, что в его романах неоднократно выводились (с большим сочувствием) «люди шестидесятых годов». В бесподписной заметке редактировавшегося Шеллером «Живописного обозрения», 1891, № 1, стр. 18, по поводу выставки передвижников писалось: «На этой же выставке фигурировала несколько дней приобревшая печальную известность картина Ге «Христос перед Пилатом». В свое время мы подробно писали про эту картину, служащую наглядным примером, до какого

искажения, художественного и исторического, может дойти извращенная фантазия художника». В том же номере журнала помещен рисунок С. Верещагина «Посещение больной о. Иоанном Сергиевым»; о нем также упоминает Лесков.

А заметьте, что этот их «отец Иоанн» называется «Иван Ильич». — Лесков обращает внимание своего корреспондента на совпадение имени и отчества Иоанна Кронштадтского и героя повести Толстого.

Повесть моя еще у меня... — «Полунощники».

183

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 83.

Цензура не пропускает рассказа «Дурачок»... — Этот рассказ Лескова был напечатан в журнале «Игрушечка», 1891, № 1.

Пеликан, Александр Александрович (1848—1915), — цензор Петербургского цензурного комитета.

Тюфяева — А. П. Пешкова-Толиверова (ее фамилия по второму замужеству).

184

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 84—85.

Рассказ Ч⟨ерт⟩кову пошлите — то есть рассказ «Дурачок» для издания в «Посреднике». Издание не состоялось, возможно потому, что рассказ не понравился Толстому. Об этом он писал (17 января 1891 года) Черткову, поясняя, что в рассказе этом «нет искренности».

«Христос в гостях у мужика» запретили. — Этот рассказ Лескова был напечатан в «Игрушечке», 1881, № 1, и предполагался к выпуску отдельной книжечкой в «Посреднике». Издание было осуществлено в апреле 1891 года.

Сегодняшняя статья... — статья некоего Евгения Львова «Замена иудейской печати фарисейскою» («Новое время», 1891, 8 января), в которой повествовалось, что в борьбу «кагальных мужей еврейского совета» вовлечена часть русской печати, задача которой — «возбуждать симпатии к евреям и мирить с их явною равноправностью русское общество».

Повесть свою... — «Полунощники».

Об Энгельгардте сказывают что-то мудреное. — А. Н. Энгельгардт хлопотал о правительственной субсидии для продолжения своих опытов по минеральному удобрению почвы.

Книжечка «Новый английский милорд Георг» — книжка А. Юрьевой «Новая повесть о приключениях английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики-Луизы». М., 1891. Издавая эту и подобные ей книжки, руководители «Посредника» стремились вытеснить из народного обихода пошлые и безграмотные повести и сказки, распространявшиеся лубочными издателями.

Горбунов — И. И. Горбунов-Посадов. «Еруслан» им не был написан, как и «Бова-королевич» — Лесковым.

Посмотрите, чем «Родина» начала венец нового лета... — В № 1 журнала «Родина» был помещен портрет Победоносцева.

185

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 86—88.

...дал ему прочесть Ваше письмо, в месте, касающемся рассказа. — Письмо Толстого к Лескову не сохранилось. Речь в нем шла о рассказе «Франсуаза», напечатанном в «Новом времени», 1891, № 5366, 5 февраля, без подписи.

«Сказание о протяженносложенном братце Иакове». — Шуточное «сказание» это, посвященное Полонскому, не сохранилось.

Вышнеградский, Иван Алексеевич (1831—1895) — министр финансов. Намек Лескова имеет в виду слухи об обогащении Вышнеградского игрой на бирже — беспроигрышной, в его положении.

...ходит к нам в больницу... — Последние годы жизни Лесков жил в доме (Фурштатская ул., № 50), где помещалась женская больница «Общины сестер милосердия во имя Христа спасителя».

...в день его юбилея... — 12 декабря 1890 года отмечалось тридцатилетие «деятельности» Иоанна Кронштадтского.

Михайловский, Василий Яковлевич (1834—1910) — протоиерей, автор религиозно-нравственных брошюр и листовок.

186

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 90—92.

...за Ваши письма. — Упоминаемые здесь письма Толстого к Лескову не сохранились.

Елисеев, Григорий Захарович (1821—1891) — публицист, один из редакторов «Отечественных записок» после смерти Некрасова.

Шелгунов, Николай Васильевич (1824—1891) — публицист, революционер и демократ. Скончался 12 апреля 1891 года.

«Родину» я Вам послал... — Портрет Победоносцева в «Родине» (см. примечание к письму 184) сопровождался подхалимской характеристикой его как «одного из замечательных государственных людей». «Опытный государственный ум, — писалось дальше, — обширная начитанность, глубокие знания, определенность и твердость убеждений дают Константину Петровичу право всюду занимать первое и видное место».

В «Нов⟨ом⟩ вр⟨емени⟩» много военных инженеров... — Лесков имеет в виду ближайших сотрудников газеты В. К. Петерсена и А. Н. Маслова (А. Бежецкий), крайне недоброжелательно к нему относившихся.

«Поша» — П. И. Бирюков.

Ругин, Иван Дмитриевич — один из последователей Толстого.

Вчера он привез мне свою книгу... — большой мистический труд В. С. Соловьева «История и будущность теократии (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни)», т. 1, Загреб, 1887,

Он же не читал Вашей «Критики догматич⟨еского⟩ богословия» Макария. — Имеется в виду трактат Толстого, написанный еще в 1881 году, запрещенный цензурою и обращавшийся в списках и гектографированных оттисках. *Макарий* (Булгаков, 1816—1882) — митрополит московский, духовный писатель и богослов. Его «Догматическое богословие» имело широкое распространение.

Получили ли мою заметочку под заглавием «Обуянная соль»? — Заметка эта была напечатана в «Петербургской газете», 1891, № 12; в ней Лесков полемизировал с критиками его рассказа «Под рождество обидели».

187

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

Данное письмо является образцом сложной и обоюдно заостренной «при» между Лесковым и Чертковым, о которой писатель упоминает походя в письме к Толстому 20 января 1891 года.

188

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Макс, Габриель (род. в 1840 г.) — чешский художник-мистик.

Лебрень, Шарль (1619—1690) — французский художник, основатель и первый директор французской Академии художеств.

Норденштрем, Ласточкин — знакомые З. П. Ахочинской.

...четвертую работу со мною... — то есть иллюстрирование книжек Лескова для «Посредника».

189

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано в журнале «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 405.

Потапенко, Игнатий Николаевич (1856—1929) — писатель. В первой половине 90-х годов оживленно сотрудничал в «Русской мысли» (рассказ «Шестеро», повести «Клавдия Михайловна» и «Подвальный этаж», романы «Любовь», «Смертный бой» и др.).

190

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 359.

Переписка Лескова с его пасынком Борисом Михайловичем Бубновым (1860—1904) охватывает очень незначительный период времени (1891—1893; одно письмо Бубнова относится к 1888 году) и почти целиком посвящена попыткам пристроить в печать переводы Бубнова из английских поэтов. Более широкий интерес представляют высказывания Лескова в письмах по различным литературным вопросам, а также его размышления по вопросам философско-этическим. Сохранилось 33 письма Лескова к Бубнову, опубликованных в сборнике «Шестидесятые годы»; письма Б. М. Бубнова (кроме двух — в ЦГАЛИ) не сохранились.

«Паризина» — поэма Байрона. Существует во многих русских переводах, перечисление которых см. в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 376.

Михаловский, Дмитрий Лаврентьевич (1828—1905) — переводчик Байрона, Шекспира, Лонгфелло и других английских поэтов. «Паризину» не переводил.

191

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 358.

Переводы Козлова. — Имеются в виду переводы ряда поэм Байрона («Дон-Жуан», «Чайльд-Гарольд» и др.). *Козлов,* Павел Алексеевич (1841—1891) — поэт и переводчик.

Аверкиев, Дмитрий Васильевич (1836—1905) — драматург, искусствовед, беллетрист. Его перевод «Гамлета» появился в печати в «Русском обозрении», 1895, №№ 1—4.

192

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 359—360.

В последней книжке «Недели» есть хорошая (сведущая) критическая заметка... — Лесков имеет в виду заметку о книге «Поэмы Оссиана, Джемса Макферсона. Исследование, перевод и примечания Е. В. Балобановой». СПб., 1890 («Книжки «Недели», 1891, № 4).

Балабина — Балобанова Екатерина Вячеславовна (1847—1918) — историк литературы, преподавательница Бестужевских высших женских курсов в Петербурге.

Макферсон, Джемс (1736—1796) — английский поэт, автор получившей широчайшую известность поэтической мистификации — «Песен» шотландского барда (сказителя) Оссиана.

193

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано в журнале «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 406—407.

Поездка наша... — к Л. Н. Толстому.

...я написал небольшую повесть... — «Полунощники».

Воспоминания эти называются: «Нашествия варваров»... — Как явствует из письма 194, рукопись «Нашествий варваров» была доставлена в редакцию «Русской мысли», но в печати не появилась — «по цензурным условиям и потому, что живы были еще лица, выведенные в этих воспоминаниях» («Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 406). Местонахождение рукописи в настоящее время неизвестно.

...по рассказам Жомини... — вероятно, барона Жомини, Александра Генриховича (1814—1888), дипломата, видного чиновника министерства иностранных дел, историка.

...потрудитесь сговориться об этом с триумвиратом... — то есть с основными членами редакции «Русской мысли» — В. М. Лавровым, М. А. Саблиным и М. Н. Ремезовым.

...как воспоминания Михайловского... — Воспоминания Николая Константиновича Михайловского (1842—1904), критика и публициста, печатались в «Русской мысли», начиная с марта 1891 года. Печатание растянулось на несколько лет.

...работу Потапенко. — См. письмо 189.

194

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано в журнале «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 407—409.

Новикова, Ольга Алексеевна (1840—1922) — реакционная публицистка; сотрудничала в английских газетах.

Икскуль фон Гильденбанд, Варвара Ивановна, баронесса — светская дама-благотворительница.

Комаров, Виссарион Виссарионович (1838—1907) — реакционный публицист, в 1876 году начальник штаба сербской армии при главнокомандующем Черняеве.

«Редедя» — сами знаете кто. — По-видимому, Лесков, вслед за Щедриным, назвал именем летописного князя касогов генерала Михаила Григорьевича Черняева (1828—1898), участника завоевания Средней Азии, а в 1876 году — командующего сербской армией в ее борьбе с турками.

Соловьева видаю довольно часто... — то есть Владимира Сергеевича Соловьева. Он был тем «сторонним человеком», который свел Лескова с «Вестником Европы».

Данилевского, я думаю, можно оставить... — вероятно, Григория Петровича Данилевского, беллетриста.

К осени хочу отделать и прислать Вам и третью часть «Чертовых кукол». — Вторая и третья части романа Лескова в печати не появлялись; рукопись их не сохранилась. См. наст. изд., т. 8, стр. 627—631.

Посылаю Вам мое письмо к Влад⟨имиру⟩ С⟨ергеевичу⟩ Соловьеву. — Письмо не сохранилось. В нем Лесков, по-видимому, касается упоминаемой ниже статьи Соловьева «Идолы и идеалы» («Вестник Европы», 1891, №№ 3, 6).

Жемчужников, Алексей Михайлович (1821—1908) — поэт.

195

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 361—362.

Вчера получил твое письмо от 10 мая. — Письмо находится в ЦГАЛИ.

Я был не только обрадован, но растроган твоим хорошим рассуждением. — Бубнов пренебрежительно отзывался в своем письме о «поэтах любви и воспевания красот любимых предметов».

Берне, Людвиг (1786—1837) — немецкий публицист-демократ. Лесков ссылается на его отрывок «Из дневника», однако неточно передает мысль Берне. Последний пишет: «Для какого же возраста предназначает нас рождение? Для какого возраста подготовляем мы себя?.. Для всех возрастов! Да, так должно было бы делаться, но так не делается. Мальчик приносится в жертву юноше, юноша — мужу, муж — старику» и т. д

«О, если бы такое сердце я нашел!..» — неточная цитата из «Дон-Жуана» А. К. Толстого.

Я об этом был вызван написать. — Имеется в виду рассказ «Под рождество обидели».

Помни Гете... — Цитата взята из книжечки «Изречения в прозе Гете». СПб., 1885, стр. 3.

196

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 362.

...превосходная повесть Потапенко... — Повесть «Генеральская дочь» была напечатана в «Книжках «Недели», 1891, №№ 3—5.

197

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 362—363.

Появилось историческое воспоминание о Гоголе... — См. наст. том, стр. 652—653.

...профессоров неволинской поры. — *Неволин,* Константин Алексеевич (1806—1855) — профессор-юрист; в 1835—1843 годах был преподавателем, а затем ректором Киевского университета.

...дядю Михайла Степановича... — М. С. Савицкого, брата жены Лескова Екатерины Степановны, киевского старожила.

198

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 104—106.

...к Вам ездил Суворин... — Суворин посетил Толстого в Ясной Поляне в начале июня 1891 года и по возвращении рассказал об этой поездке в своих «Литературных заметках» («Новое время», 1891, 7 июня).

...большой неурожай хлеба, угрожающий голодом. — Летом 1891 года в печать, несмотря на всяческие цензурные препятствия, начали проникать сведения о громадном недороде, постигшем восточные губернии Европейской России и захватившем правительство врасплох. Под давлением передовой общественности правительство оказалось вынужденным допустить общественную инициативу в организации борьбы с голодом. В борьбе с голодом принял участие Толстой.

Тамбовское письмо Шелеметьевой... — Тамбовская помещица Е. П. Шелеметьева, иногда выступавшая в качестве беллетристки, напечатала большой очерк о наступающем голоде в «Новом времени» (1891, № 5495).

Пожалуйста, скажите мне что-нибудь на потребу. — Толстой ответил Лескову большим письмом, отрывки из которого опубликовал Фаресов в газете «Новости», 1891, № 244. Полностью письмо Толстого см. в Полном собрании сочинений, т. 66, стр. 11—12.

Ивана Ильича бы, что ли, послали... — то есть Иоанна Кронштадтского.

...прилагаю Вам копию... — Посланное Толстому письмо «некоей Боголеповой» не сохранилось.

Хилков, Дмитрий Александрович, князь (1858—1914) — последователь Толстого. 1 августа 1890 года написал Толстому большое письмо с описанием посещения его Иоанном Кронштадтским; письмо получило широкое распространение в списках, одним из которых владел Лесков.

Суворин хорошо сделал, что сказал о «Мимочке». — На повесть Л. И. Веселитской-Микулич (о ней см. ниже, примечание к письму 227) «Мимочка на водах» («Вестник Европы», 1891, №№ 2, 3) Суворину указал Толстой «как на вещь талантливую и написанную, вероятно, женщиной». Суворин написал о ней большую статью в «Новом времени», 1891, 7 июня.

«Житель»... написал о «толстовцах». — Имеется в виду фельетон А. А. Дьякова, писавшего под псевдонимом «Житель», «О толстовцах» — «Новое время», 1891, 16 июня.

Атава... написал глупость. — Фельетон Атавы (С. Н. Терпигорева) «Еще по поводу «Мимочки на водах» («Новое время», 1891, 9 июня) посвящен вопросу, «достоин ли сочувствия и участия» муж

Мимочки, генерал Спиридон Иванович, которому она изменила «на водах».

Прочитал теперь Гелленбаха... — то есть книгу немецкого философа Людвига фон Гелленбаха (1827—1887) «Человек, его сущность и назначение с точки зрения индивидуализма» (СПб., 1895).

199

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 108—110.

Письмо Ваше о разноклёвах получил... — В письме к Лескову 4 июля 1891 года Толстой писал: «...дело все в разделении хлеба, который был у людей. Если этот хлеб, который был и есть теперь, или ту землю, или деньги, которые есть, разделили так, что остались голодные, то трудно думать, чтобы тот хлеб или деньги, которые дадут теперь, — разделили бы лучше. Только новый соблазн представят те деньги, которые вновь соберут и будут раздавать. Когда кормят кур и цыплят, то если старые куры и петухи обижают — быстрее подхватывают и отгоняют слабых, — то мало вероятного в том, чтобы, давая больше корма, насытили бы голодных. При этом надо представлять себе отбивающих петухов и кур ненасытными. Дело все в том, — так как убивать отбивающих кур и петухов нельзя, — чтобы научить их делиться с слабыми. А покуда этого не будет, — голод всегда будет».

...в затеваемый «сборник» не пойду. — Лесков, действительно, не принял участия ни в одном из литературных сборников, доход с которых предназначался на помощь голодающим.

Цвингли, Ульрих (1484—1531) — швейцарский религиозный реформатор, отстаивавший подчинение церковных дел интересам бюргерства, нарождавшейся буржуазии.

Лютер, Мартин (1483—1546) — немецкий религиозный реформатор, пытавшийся сочетать религиозную реформацию с сохранением феодальных отношений.

Есть тут и «тип»... — Этот «тип» (Ефим Дмитриевич Волков) был обрисован позднее Лесковым в рассказе «Загон» («Книжки «Недели», 1893, № 11). См. наст. изд., т. 9, стр. 356.

200

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 114—115.

Был рад, получа от Вани Горбунова письмо... — Письмо не сохранилось.

Прилагаю описание чудес Ивана Ильича в Ярославле. — «Описание» (газетная вырезка, приложенная к письму) не сохранилось.

201

Печатается по тексту, опубликованному в книге А. И. Фаресова «Александр Константинович Шеллер (А. Михайлов)», стр. 138.

...пробегите препровождаемый при сем запас стихотворных опытов... — Б. М. Бубнова.

202

Печатается по тексту, опубликованному в книге А. И. Фаресова «Александр Константинович Шеллер (А. Михайлов)», стр. 139.

203

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 365—366.

Еще Тредьяковский говорил... — Далее неточная цитата стихотворения Василия Кирилловича Тредиаковского (1703—1769) «Песенка, которую я сочинил еще будучи в московских школах, на мой выезд в чужие края».

Этюд из Шопенгауэра о «писательстве» — подборка высказываний немецкого философа-идеалиста Артура Шопенгауэра (1788—1860) «О писательстве и о слоге» («Русское обозрение», 1891, № 8).

204

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 115—116.

Относительно публикации Фаресовым письма Толстого к Лескову см. наст. том, примечание к письму 198. Письмо Толстого вызвало ряд газетных откликов и, как писал Михайловский, «многих, и в том числе и почитателей гр. Толстого, неприятно поразило, надо сказать, извилистостью своей мысли и своею доктринерскою черствостью» («Русская мысль», 1892, № 1). Лесков откликнулся на это выступление Михайловского заметкой в «Петербургской газете», 1892, № 19, 20 января (подпись: «Н.»), где писал: «Г. Михайловский

налегает на Льва Толстого за жестокие чувства, выраженные будто в его *частном письме,* попавшем в печать при злополучном участии слишком поспешного постороннего лица и газеты, которая была слишком невнимательною к своему праву оглашать попавший в руки редакции список с частного письма, не предназначенного для печати. Но ведь г. Михайловскому, надеемся, должно быть известно, — даже не может не быть не известно, что упоминаемое письмо Л. Н. Толстого к одному литератору напечатано в «Новостях» *не в целом виде,* а с очень значительными и весьма существенными исключениями важных мест и мыслей, и что исключения эти сделаны не Л. Н. Толстым и не литератором, к которому письмо было писано, а сделаны эти вымарки *произвольно* и бесправно — или редактором «Новостей», или тем лицом, которое сочло себя вправе доставить список с письма в «Новости» для его опубликования». Еще раньше, в бесподписной заметке «Голодные харчи Толстого» («Петербургская газета», 1891, № 305, 6 ноября), приводилась запись беседы с некиим «литератором» (то есть Лесковым), к которому было адресовано письмо Толстого и который подчеркивал собственную непричастность к публикации.

...пожелал скинуться «Фрейшицом»... — то есть «волшебным стрелком»: Лесков каламбурно обыгрывает название оперы Вебера.

205

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 366.

Посылаю тебе... это письмо — письмо к Лескову Ф. Ф. Александрова от 9 сентября 1891 года, с уведомлением, что перевод «Паризины» будет напечатан в октябрьской книжке «Труда».

«Молю: не надевай одежды лицемерия...» — Здесь и дальше цитаты (не всегда точные) из напечатанных в «Северном вестнике», 1891, № 7, переводов В. Л. Величко из Омар-Хайяма.

206

Печатается по тексту, опубликованному в книге А. И. Фаресова «Александр Константинович Шеллер (А. Михайлов)», стр. 139.

В ответном письме Шеллер сообщал о своем намерении напечатать несколько стихотворений Б. М. Бубнова в ноябрьских номерах «Живописного обозрения» и просил, чтобы автор сам пришел в редакцию. Однако стихи напечатаны не были.

207

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 368—369.

...часть меня большая от тлена убежит... — неточная цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Памятник».

Леопарди, Джакомо (1798—1837) — итальянский поэт-романтик.

Очень рад, что имя, представляющее опасность для домашнего спокойствия, не произносится — имя женщины, с которой сошелся Бубнов, несмотря на противодействие родных. Этому вопросу посвящен ряд неопубликованных писем Лескова к Б. М. Бубнову.

Я действительно говорил с Колей — Н. М. Бубновым. См. о нем выше, примечание к письму 132. Вопреки заявлению настоящего письма, его отношения с Лесковым были обоюдно весьма холодными и даже враждебными.

Андрей — А. Н. Лесков. Б. М. Бубнов прислал ему доверенность на получение гонорара за перевод «Паризины».

Я с нее кое-что зачертил... — Отдельные черты Варвары Алексеевны Морозовой переданы Лесковым в образе купеческой дочки Клавдиньки из «Полунощников».

208

Печатается впервые по автографу (ИРЛИ).

Выразительный комментарий к настоящему письму см. в книге А. Лескова «Жизнь Николая Лескова», стр. 591—593.

209

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 355.

С Михаилом Матвеевичем Стасюлевичем (1826—1911), умеренно-либеральным профессором-историком, издателем умеренно-либерального «Вестника Европы», на протяжении многих лет Лесков не имел никаких отношений — ни литературных, ни личных. Всячески подчеркивая либеральную репутацию своего журнала, Стасюлевич упорно отвергал попытки общих знакомых порекомендовать замечательного беллетриста журналу, почти всегда страдавшему от отсутствия художественно полноценного материала. В свою очередь, и Лесков не скупился на едкие выпады по адресу Стасюлевича и его журнала — и в печати и в личной переписке. Тем значительнее ока-

зываются попытки редакции «Вестника Европы» привлечь Лескова к участию в журнале, наметившиеся в начале 90-х годов; существенную роль в этом сыграл В. С. Соловьев, однако его вмешательство не имело бы успеха, если бы в самой общественной позиции писателя и в отношениях к нему прогрессивных и либеральных кругов не произошел сдвиг (см. вводную заметку к комментариям наст. тома). Участие Лескова в «Вестнике Европы» оказалось случайным: Стасюлевич напечатал «Полунощников», статью «Сибирские картинки XVIII века», однако отказался от помещения наиболее характерных для Лескова последних лет его литературной деятельности произведений — «Зимний день» и «Заячий ремиз»: они оказались слишком резкими для «либерального», но вполне благонамеренного журнала.

Я получил с почты заказное письмо от Вас... — См. примечание к статье «Замогильная почта Гончарова» в наст. томе.

...поблагодарить Вас за напечатание моей работы... — «Полунощники» напечатаны в «Вестнике Европы», 1891, № 11—12.

...я некоторым образом был причиною к грубостям, выраженным за меня вашему изданию. — Вероятно, имеется в виду отрицательный отзыв о «Полунощниках» И. Залетного (псевдоним И. А. Гофштеттера) в «Русском богатстве», 1891, № 11, стр. 162—164.

210

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

...опасения по поводу... моей рукописи. — Речь идет о рукописи «Заячьего ремиза».

211

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

«Женские типы по Прологу». — Эта работа предлагалась и другим редакциям («Русская мысль», «Исторический вестник»), но безуспешно.

Есть в редакции «Русск⟨ой⟩ мысли» мой очерк — «Заячий ремиз».

212

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Содержание письма объясняется предыдущим письмом к Цертелеву и примечанием к нему.

213

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: А. В. Багрий. Литературный семинарий, вып. VII, Баку, 1928, стр. 25—26.

Диллон, Эмилий Михайлович (1854—1933) — ученый-востоковед, публицист; в 80—90-х годах жил в России, преподавал в Харьковском университете, посылал корреспонденции в английские влиятельные газеты.

...она называлась «Нашествие варваров»... — Работа над повестью свелась не только к перемене заглавия, но также к освобождению ее от многих политических намеков, первоначально в ней бывших. См. наст. том, письмо 193.

Талант ли у меня или не талант, но почему же он «больной»? — Эта реплика имеет в виду только что появившуюся статью М. А. Протопопова о Лескове — «Больной талант»; см. примечание к следующему письму.

214

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 381.

Настоящее письмо к критику Михаилу Алексеевичу Протопопову (1848—1915) написано Лесковым по поводу статьи «Больной талант», напечатанной в «Русской мысли», 1891, № 12, стр. 258—297. Об этой статье Лесков писал В. А. Гольцеву (20 декабря 1891 года): «Статья очень хорошая, обстоятельная, ясная и справедливая. Лет 15—20 назад многие его замечания помогли бы мне избежать множества ошибок, о которых я, конечно, сожалею. Но есть и несправедливости — например, о Райнере и Лизе в «Некуда». В их словах он мог бы найти сочувствие автора тогдашнему протесту, а он их-то и не заметил. И название «Больной талант» не метко. У меня был «тугой рост». Я долго ходил на помочах — боялся, и со страху говорил по-детски. А зла у меня не было, и я всегда был независим и искренен. Замечание его о переломе с момента «хорошо прочитанного евангелия» очень верно. Тут я увидел неправды тех, от кого ранее ждал правды, и, бросив помочи, пошел на своих ногах, и иду так. Произошло не «выздоровление», а «возраст». Впрочем, статья очень хорошая, и положительно самая лучшая из всех, какие я о себе читал. Вы бы очень обязали меня, если бы написали мне адрес Протопопова, прибавя и то, как его зовут. Я хочу его поблагодарить» (сборник «Памяти В. А. Гольцева». М., 1910, стр. 250—251).

Говоря об авторе, «хотя не законченном, но самозаключившемся»... — перифраза следующего замечания Протопопова: «Деятельность г. Лескова хотя не кончена, но заключена, для нее наступает история, и о ней можно судить sine ira».

Белоярцевы, Райнер, Лиза — персонажи романа «Некуда».

215

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

«Дебюты» мои меня не радуют и не печалят — вероятно, дебют в «Вестнике Европы» («Полунощники»).

Ан⟨атолий⟩ Ф⟨едорович⟩ Кони заботился сблизить меня с «В. Е.». — С. А. Рейсер сообщил рассказ А. Ф. Кони, «как однажды, когда он рекомендовал Стасюлевичу, испытывавшему в это время недостаток в беллетристическом материале, воспользоваться рассказом Лескова, последний ответил: «Что вы! *Лескова* я печатать в «Вестнике Европы» не буду» («Шестидесятые годы», стр. 356).

Зубров, Петр Иванович (1823—1873) — актер Александринского театра (с 1850 года).

216

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

...над Л. Н. «смеются»... — вероятно, в связи с запрещением цензурою статьи «О голоде» (в журнале «Вопросы философии и психологии»), а затем появлением ее в «Книжках «Недели», 1892, № 1, со значительными цензурными купюрами.

217

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...не острее статей Ключевского... — то есть его книги «Древнерусские жития святых как исторический источник» (М., 1871).

218

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

219

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

220

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 370—371.

Друммонд, Генри (1851—1897) — английский естествоиспытатель и богослов. Его брошюра, о которой пишет Лесков, пользовалась большим успехом в Англии; русское издание: М., 1892.

«живущий в движении естества» — возможно, неточная цитата из оды Державина «Бог»:

Живый в движеньи вещества.

221

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Возвращенная Суворину пачка его писем к Лескову, вероятно, была затем уничтожена: по крайней мере ее нет в составе большого архива Суворина в ЦГАЛИ.

222

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге «Письма русских писателей к Суворину», стр. 85—86.

Мяса не ешьте. — К этому времени Лесков стал убежденным вегетарианцем и всячески пропагандировал вегетарианство (см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 613—619).

223

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Письмо вызвано появлением в «Русском обозрении» (1892, № 10) статьи Г. П. Георгиевского (1866—1938) «Апокрифическое сказание», или литературная фальсификация», посвященной разбору легенды Лескова «Невинный Пруденций» («Родина», 1891, №№ 1—6, и отдельно: М., 1892). Сопоставляя лесковскую легенду с соответствующей легендой Патерика, Георгиевский констатировал, что Лесков передал последнюю «неверно», «придав рассказу

свою собственную тенденцию и отбросив из него все, что говорит или напоминает о церкви и ее исконных установлениях и порядках». В результате, продолжает Георгиевский, «слово от Патерика из благочестивого и строго церковного «слова» превратилось в тенденциозный набор пустых фраз грубого материализма».

...не красноносого... — то есть не Александра Ивановича Георгиевского (1830—1911), председателя ученого комитета министерства народного просвещения, многолетнего недоброжелателя Лескова.

...прилагаю Вам при этом подлинное письмо большого художника... — Письмо Гончарова к Лескову по поводу «Невинного Пруденция» не сохранилось.

224

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 122.

Ан⟨атолий⟩ Ф⟨едорович⟩ Кони вчера прислал мне письмо... — Обращение Кони (бывшего в это время обер-прокурором сената) к Лескову было вызвано усилением борьбы царского правительства и официальной церкви с религиозным инакомыслием. См. об этом воспоминания А. Ф. Кони «На жизненном пути», т. I, СПб., 1912, стр. 538—569.

Новицкий, Орест Маркович (1806—1884) — профессор философии Киевского университета. Лесков имеет в виду его диссертацию «О духоборцах» (Киев, 1832; изд. 2-е: Киев, 1882). Отвечая на не дошедшее до нас письмо Толстого, Лесков в письме от 9 декабря 1892 года уточнял свои суждения об этой книге: «У магистра Новицкого... обстоятельно изложена история рационализма и основания, по которым русск⟨ие⟩ религиозн⟨ые⟩ рационалисты уходят от общения с церковниками. Никто этого не сделал с лучшею основательностью и краткостию (и наивностию), как Орест Новицкий, книга которого уничтожена, а его Ник⟨олай⟩ Павл⟨ович⟩ хотел «на шкуру выворотить», но позабыл это сделать и сделал профессором» («Письма Толстого», стр. 123). Сообщение об уничтожении книги Новицкого не соответствует действительности.

225

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 126—128.

Сытин, Иван Дмитриевич (1853—1936) — издатель. В 80—90-е годы отчасти находился под влиянием Толстого, принимал деятельное участие в работе «Посредника».

...чтобы навестить меня... — 1 января 1893 года Лесков писал об этом А. Л. Волынскому: «Хотите слышать о прекрасном? Слушайте: Лев Николаевич позавчера собрался ко мне, чтобы навестить меня... Успокоительное известие его остановило. Зная его нелюбовь к Петербургу и нежелание быть здесь *ни для чего,* что́ я чувствовал при этом известии и... как я заплакал. Рад однако, что не поехал» (А. Л. Волынский. Н. С. Лесков. Пгр., 1923, стр. 217—218).

Я читал главы из книги «О жизни»... — Книга Толстого под этим заглавием была выпущена в 1888 году в Москве, но запрещена цензурой, уничтожившей весь тираж. Однако некоторая часть тиража уцелела и распространялась нелегально. В 1889 году отдельные главы книги печатались в газете «Неделя» (№№ 2—4), под заглавием: «Мысли о жизни. Страх смерти». Возможно, именно этой публикацией и пользовался Лесков.

...в Федоне... — то есть в диалоге Платона «Федон» — о предсмертных беседах Сократа с друзьями.

226

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в книге «Письма Толстого», стр. 129—131.

Горячо благодарю Вас, Лев Николаевич, за Ваше письмо. — Письмо это не сохранилось. В нем, очевидно, речь шла о смерти и страхе смерти; там же было выражение, которое повторяет Лесков: «*у нее* кроткие глаза» (о смерти).

Лебединцев, Феофан Гаврилович (1828—1888) — редактор «Киевской старины».

«Сев⟨ерному⟩ вестнику» желаю всякого успеха... — В первой книжке «Северного вестника» за 1893 год, кроме «Пустоплясов» Лескова, напечатан также рассказ Толстого «Суратская кофейня». С начала 1893 года начинается сближение Лескова с редакцией журнала, его издательницей Л. Я. Гуревич, постоянным критиком журнала А. Л. Волынским и другими сотрудниками.

Письма Смирновой о Гоголе и о Пушкине. — В «Северном вестнике» (1893—1894) печатались так называемые «Записки» Александры Осиповны Смирновой (1809—1882), бывшей фрейлины императорского двора, близкой знакомой многих выдающихся писателей 20—50-х годов. Как ныне установлено, «Записки» эти в

действительности были сочинены дочерью Смирновой, Ольгой Николаевной. Публиковались они в переводе с французского, осуществленном Л. И. Веселитской (см. примечание к следующему письму).

Из Ваших 12-ти глав я читал 7. — Вероятно, имеется в виду книга Толстого «О жизни», упомянутая в письме к Толстому 4 января 1893 года.

227

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встречи с писателями. Л., 1929, стр. 166—167.

С Лидией Ивановной Веселитской (литературный псевдоним: «В. Микулич», 1857—1934) Лесков познакомился в январе 1893 года, уже после того, как высоко оценил две написанные до тех пор части «Мимочки» — лучшего произведения писательницы. Знакомство быстро перешло в дружбу пожилого Лескова с молодой, начинающей писательницей; этапы этой дружбы отчетливо видны из публикующейся ниже переписки. Сохранилось 35 писем Лескова (ИРЛИ) и 3 письма Веселитской (ЦГАЛИ).

От всего сердца благодарю Вас, Лидия Ивановна, что Вы меня навестили. — О первом своем посещении Лескова Веселитская подробно рассказала в своих воспоминаниях (В. Микулич. Встречи с писателями. Л., 1929, стр. 162—166).

228

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встречи с писателями, стр. 167—168.

Вчера я писал Льву Н — чу и сообщил ему, что Вы меня навестили... — В письме к Толстому от 12 января 1893 года Лесков писал: «А Вы мне вчера принесли радость: я не был знаком с Лидией Ив⟨ановной⟩ Веселитской (автором «Мимочки»), а повесть эту читал раз пять и восхищался ею; и думал когда-нибудь написать автору, но боялся: будет ли это кстати. Познакомиться с нею было моим желанием, а вчера она пришла ко мне сама и обрадовала меня чрезвычайно. А первые ее слова ко мне были такие: «Я знаю, что Вы больны и что Вы любите Льва Николаевича, и я пришла к Вам». Так имя Ваше собрало двух, и вы были с нами третий. Лид. Ив. — моя соседка и обещала навещать меня. «Мимочку» в третьем виде (то есть третью часть трилогии. — *И. А.*) до печати показать не хочет. Я этого не держусь: по-моему, рукопись надо читать (только

не зложелателю и не пересмешнику), и из этого чтения я всегда видел пользу. (Не понимаю, как слышавшие «Мертвые души» не видели того, что Петух ныряет в пруде с удовольствием, а Чичиков едет в шубе!..) Веселитская, мне кажется, из всех женщин, которых я видел, всех умнее и искуснее в обращении с идеями. (Она ведь писала Вам.) Наружность ее милая, скромная и высокопорядочная, но с каким-то роковым знаком несчастия... Какое-то такое (не красивое, но милое) лицо, которому непременно как будто *надо* все страдать и терпеть... На вид ей 32—34 года, и она испытала, должно быть, очень большое семейное несчастие и живет у своих родных, а не с мужем» («Письма Толстого», стр. 132—133).

229

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встречи с писателями, стр. 168—169 (со значительными купюрами).

Вчера был у меня сын Л. Н—ча — Лев Львович Толстой (1869—1945), беллетрист.

И Скобелев искал величия. — *Скобелев,* Михаил Дмитриевич (1843—1882) — генерал, получивший широкую известность во время присоединения Средней Азии и особенно во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

230

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 355.

Письмо связано с публикацией в «Вестнике Европы» (1893, № 3) статьи Лескова «Сибирские картинки XVIII века». Статья основана на материалах, которыми отчасти воспользовался в свое время писавший по истории Сибири Вакх Васильевич Гурьев (1830—1890); ему принадлежит статья «Исповедный штраф в Сибири в течение прошлого XVIII века», начатая печатанием в «Русском вестнике» (1882, № 1), но не законченная. Стасюлевич, которому кто-то указал на нее, предположил, что незаконченность статьи — результат цензурного вмешательства, и забеспокоился... В результате Лесков дал к своей статье пространное предисловие, посланное вместе с настоящим письмом.

Асташев, В. И. — генерал, сибирский золотопромышленник, подаривший Лескову материалы, использованные им для своей статьи.

231

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встречи с писателями, стр. 169.

«Критика»... дурно гектографирована. — Работа Толстого «Критика догматического богословия» распространялась нелегально в рукописях и гектографированных оттисках.

Обхождение Ваше заприметил... — с Л. Л. Толстым.

Вчера я получил письмо от Марьи Львовны... — Письмо не сохранилось.

Печально подносить лекарство... — цитата из первой главы «Евгения Онегина».

232

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встречи с писателями, стр. 169—170.

Агафья Тихоновна — персонаж комедии Гоголя «Женитьба».

233

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встречи с писателями, стр. 170—171.

Г⟨урееви⟩ч была позавчера у меня, и вот «томленье духа»... — При издании «Северного вестника» Л. Я. Гуревич столкнулась со многими трудностями материального порядка.

«М⟨имочка⟩-вдова». — «Четвертого этюда» Веселитская не написала.

234

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встречи с писателями, стр. 171.

«Новенькая» очень мила. — Рассказ Веселитской «Новенькая». Из воспоминаний детства» был напечатан в журнале «Мир божий», 1892, № 7.

Эпиктет (ок. 50 — ок. 138) — римский философ-стоик.

235

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встречи с писателями, стр. 171—172.

236

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в сборнике «Шестидесятые годы», стр. 375.

Карлейль, Томас (1795—1881) — английский реакционный историк, философ и поэт. Его произведениями Лесков очень увлекался, начиная с середины 70-х годов. «Характеристики» — вероятно, «Исторические и критические очерки» (М., 1878) — статьи о Вольтере, Дидро, Мирабо, Калиостро и др. «Герои» — «Герои и героическое в истории» (был ряд изданий).

237

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встречи с писателями, стр. 172—173.

«Студент» — рассказ Веселитской. Впоследствии вошел в сборник ее рассказов (СПб., 1898).

Гашет и *М. Леви* — французские издатели; инициал имени второго из них назван Лесковым неверно: следует Кальман Леви.

Малороссийская фонетика. — Замечания Лескова об украинской фонетике ошибочны и неверны по существу. Здесь, как и в других случаях (например, в «Заячьем ремизе»), Лесков пытался фиксировать звучание украинских слов так, как, казалось ему, он слышит их, без всякой ориентации на какую бы то ни было наукообразность своих записей.

238

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встречи с писателями, стр. 173—175.

239

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встречи с писателями, стр. 175—176.

Сталь, Анна-Луиза-Жермен (1766—1817) — французская писательница, романистка и критик, пропагандировала идеи Просвещения.

Меньшиков, Михаил Осипович (1859—1918) — см. о нем примечание к письму 249.

Гумбольдт, Александр (1769—1859) — немецкий естествоиспытатель и путешественник. Известность его при жизни была так велика, что, по уверению шутников, он получал письма, адресованные так: «Европа. Гумбольдту».

240

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встречи с писателями, стр. 177—178.

«Шурочка» — рассказ Л. Я. Гуревич.

Кто это: Дмитрий Болконский? — Под этим псевдонимом выступал в 90-х годах Дмитрий Андреевич Усов, беллетрист.

241

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встреча с писателями, стр. 178.

...Вы... побывали в Ясной Поляне. — Веселитская приезжала в Ясную Поляну 12 мая 1893 года (см. ее книгу «Встречи с писателями», стр. 12—56).

Посылаю Вам полученное мною письмо Л⟨ьва⟩ Л⟨ьвовича⟩... — Письмо Л. Л. Толстого не сохранилось. В письме к нему от 15 мая 1893 года Л. Н. Толстой так отозвался о Веселитской: «Очень умная, скромная и чуткая женщина» (Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 66, М., 1953, стр. 323).

Роман Баранцевича начинает меня интерегсовать... — «Семейный очаг» — «Северный вестник», 1893, №№ 1—6.

В статье Волынского... — «Ответ «Вестнику Европы» — «Северный вестник», 1893, № 6, стр. 114—123.

Курицын-Волк, Иван — дьяк, был в 1504 году сожжен, вместе с товарищами, в клетке, по обвинению в еретичестве.

Косой, Феодосий — монах Белозерского монастыря, в 1554—1555 годах был привлечен к суду церковного собора за еретичество. Бежал в Литву, где продолжал выступать с критикой основных догматов православия.

Башкин, Матвей Семенович — русский вольнодумец XVI века. Выступал с критикой основных догматов православной церкви, освободил своих крестьян. Вместе с Феодосием Косым был объявлен еретиком и сослан в монастырь.

242

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встречи с писателями, стр. 181—183.

Настоящее письмо послано вслед за письмом от 26 июня 1893 года, в котором Лесков выражал сомнения, стоит ли Веселитской и Меньшикову приезжать в Меррекюль одновременно с Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынским (Флексером), особенно имея в виду, что предполагалось прочесть кое-что из религиозных произведений Толстого. «Читать вместе, вчетвером, и еще с таким многохитростным литературным критиком, как М⟨еньшиков⟩, — писал Лесков, — это превосходно и для всех нас преполезно и препохвально. Такие трудные вещи так и надо читать, чтобы не увлечься в одну какую-нибудь сторону, а осматривать и ослушивать ее с четырех сторон. — На вопрос Ваш: ловко ли приглашать к чтению Люб⟨овь⟩ Як⟨овлев⟩ну? — откровенно скажу: не знаю! Вы у нас такая умница, что всего безопаснее на Вас и положиться. Я могу удовольствоваться, повторив совет Сократа: «Поступай как знаешь, — все равно будешь раскаиваться». М⟨еньшико⟩в очень умен, сердечен и прям, но сходится очень неохотно и трудно; душа и сердце у него, мне кажется, прекрасные, но внешность и манера обхождения его многих к нему не располагают. Флексера он, кажется, «не обожает» и где-то его потрогал (в июньской кн⟨ижке⟩ «Р⟨усской⟩ мысли» его очень потрогали). Я не думаю, чтобы Лб. Як—не приятно было видеть М—ва, и сильно опасаюсь, что при ней М—в будет нем как рыба; а мы трое (или, по крайней мере, я и Модестыч ⟨А. М. Хирьяков; см. примечание к письму 244⟩), потеряем превосходного собеседника... Но, может быть, это выйдет и не так. А во всяком случае: «Поступай, как знаешь, — все равно будешь раскаиваться» (ИРЛИ; ср. В. Микулич. Встречи с писателями, стр. 180—181).

...которая, однако, сродни и Киту Китычу... — В комедии А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье» жена купца-самодура Тита Титыча Брускова Настасья Панкратьевна на его вопрос: «Смеет меня кто обидеть?» — отвечает: «Никто, батюшка, Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами всякого обидите» (д. II, явл. 5).

...сказал ей, что она — «Мария на развалинах». — Игра слов, имевшая в основе своей известные слова, приписывавшиеся римскому полководцу Каю Марию (156—86 до н. э.), изгнанному в Карфаген и велевшему людям, присланным пленить его, передать Сулле, что они видели Мария на развалинах Карфагена. Слова эти неоднократно использовались художниками в качестве сюжета для исторических картин.

243

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

...ко мне приедут два гостя... — Веселитская и Меньшиков.

...когда выходят... письма Энгельгардта? — то есть посмертное издание отдельной книгой писем «Из деревни» А. Н. Энгельгардта.

...поправившийся Глеб Ив⟨анович⟩ Успенский... — Г. И. Успенский психически заболел в 1892 году и был помещен в больницу. В начале 1893 года ему стало легче, он съездил в Нижний Новгород, но затем снова почувствовал себя больным и был вынужден возвратиться в больницу, почти не покидая ее до самой смерти.

За диссертацию о Герберте... — В 1893 году Н. М. Бубнову была присуждена академическая премия митрополита Макария за книгу «Сборник писем Герберта как исторический источник» (СПб., 1888—1890).

Ввиду запрещения высокопробных трудов Терновского и Голубинского... — Лесков ошибается: формально труды Ф. А. Терновского и Е. Е. Голубинского по истории церкви не запрещались, однако авторы их находились у представителей официальной церкви «на сильном подозрении» в исповедании «еретических» мыслей.

Предтеченский, Андрей Иванович (1832—1893) — профессор-историк Петербургской духовной академии, редактор журналов «Христианское чтение» и «Церковный вестник».

Городецкий, Митрофан Иванович (1846—1893) — историк и публицист. Статьи П. В. Быкова о нем и Предтеченском см. в «Новом времени», 1893, №№ 6174—6175, 6199.

244

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 133—134.

...Ваше последнее литературное произведение — «Царство божие внутри нас».

Хирьяков, Александр Модестович (1863—1937) — литератор, последователь Толстого. В письмах к Веселитской он упоминается по отчеству («Модестыч»).

Попов, Евгений Иванович (1864—1938) — близкий знакомый и последователь Толстого, сотрудник издательства «Посредник».

Позвольте мне просить Вас или Татьяну Львовну написать нам... — Ответное письмо Толстого неизвестно. Сохранился отрывок письма к Лескову от 10 июля 1893 года (см. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 66, М., 1953, стр. 366), но в нем о «Царстве божием» не упоминается.

245

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встречи с писателями, стр. 183—184.

...в «В⟨естнике⟩ Евр⟨опы⟩ есть Винницкая... — то есть начало повести А. А. Винницкой «Без мужей».

Карабчевский, Николай Платонович (1851—1920) — адвокат, беллетрист. В «Вестнике Европы», 1893, №№ 6—8, печаталась его повесть «Господин Арсков».

Ковалевский, Максим Максимович (1851—1916) — буржуазный историк и социолог. В «Вестнике Европы», 1893, № 7, напечатана его статья «Токвиль в его воспоминаниях, письмах и разговорах».

Энгельгардт — «невкусно подан». — Речь идет о статье А. Фаресова «Воспоминания об А. Н. Энгельгардте» — «Вестник Европы», 1893, № 7, 8.

Ковалевский, Евграф Петрович (род. в 1865 г.) — деятель народного образования. В «Вестнике Европы», 1893, № 7, напечатана была его статья «Поездка на польдеры».

...нынешний кусок Смирновой... — то есть так называемых ее «Записок»; см. примечание к письму 226. Лесков, по-видимому, очень бегло просматривал «Северный вестник», так как место, на которое он ссылается ниже, не дает повода для каких бы то ни было недоразумений. Пушкину здесь приписываются рассуждения о народности, сводящиеся к тому, что «я не могу перестать быть русским, не чувствовать как русский, но я должен заставить понимать себя всюду, потому что есть вещи общие для всех людей. Библия — еврейская книга, а между тем она всемирна; книга Иова содержит всю жизнь человеческую» и т. д.

Бедная наша добрая знакомая! — Л. Я. Гуревич.

246

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге А. Фаресова «Против течений», стр. 244—246.

То же и о Герберте... — то есть о диссертации Н. М. Бубнова.

Вашу статью... — «Воспоминания об А. Н. Энгельгардте»; см. примечание к письму 245.

...не исключая даже Николая Павловича — то есть Николая I.

Александра Адамовна — жена Фаресова.

247

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге А. Фаресова «Против течений», стр. 246—249.

Грановский, Тимофей Николаевич (1813—1855) — был признанным мастером исторических характеристик. Лесков упоминает его книгу «Четыре исторические характеристики» (М., 1851).

...горячая и умная статья о нем Меньшикова... — «Критический декаданс» — «Книжки «Недели», 1893, № 7.

248

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 135—138.

Сердечно благодарю Вас за присланное Вами мне письмецо. — Должно быть, письмо от 10 июля, дошедшее до нас лишь в отрывке (см. примечание к письму 244).

Молодой поп Григорий Спиридоныч — Г. С. Петров (род. в 1868 г.), публицист, «специализировавшийся» на вопросах религии и морали. За свои выступления был лишен сана. Рекомендация Веселитской имела в виду совпадение отчества Петрова с именем мужа Мимочки, героини трилогии Веселитской.

...брат наш «Николавра», Черниговский и Нежинский... — то есть Н. Н. Ге, проживавший на хуторе в Черниговской губернии, близ Нежина.

...нашего «благочинного из Россоши»... — то есть В. Г. Черткова, жившего в это время у себя на хуторе, в Воронежской губернии, неподалеку от станции Россошь.

...начнется гусевское обстреливание из Казани. — Профессор Казанской духовной академии Александр Федорович Гусев (1842—1904) неоднократно выступал с полемическими брошюрами и статьями, «опровергавшими» религиозное инакомыслие Толстого.

...о которых доносил Муравьев... — В конце первой главы сочинения Толстого «Царство божие внутри нас» приводилась «никому почти в России не известная выписка из дневника Ник. Ник. Муравьева-Карского, не пропущенная цензурой» — о нескольких крестьянах, сданных в солдаты, но отказавшихся служить; они были присланы в Кавказскую армию «для приведения... к настоящим мыслям». «Их уже несколько раз кнутом секли и сквозь строй гнали, но они отдают себя охотно на самые жестокие мучения и на смерть, дабы не служить», — писал Муравьев. *Муравьев*-Карский, Николай Николаевич (1794—1866) — генерал, в 1855 году командовал взятием турецкой крепости Карс.

Фадеев, Ростислав Андреевич (1824—1883) — генерал, славянофильствующий публицист.

...и ввел его в рассказе «Дурачок»... — Герой рассказа «Дурачок» Панька «пошел служить со своим дурачеством и провел всю войну в «профосах» — «за всеми позади рвы копал да пакость закапывал».

Янышев, Иоанн Леонтьевич (1826—1913) — духовник царской семьи.

...или «инфаму» — то есть гадину (франц. infâme). Лесков пользуется здесь выражением Вольтера, который называл так официальную церковь.

249

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Как явствует из ряда отзывов о Михаиле Осиповиче Меньшикове (1859—1919) в предыдущих письмах, Лесков относился к нему с большим сочувствием, даже любовью, склонен был считать его одним из наиболее близких себе «по духу» людей. Действительно, в своих литературных выступлениях в «Неделе» Меньшиков рекомендовал себя либеральным критиком и публицистом с несомненным эстетическим чутьем, последователем толстовских идей — все это не могло не привлекать к себе Лескова. Позднее, с конца 90-х годов, Меньшиков становится постоянным сотрудником «Нового времени» и своими писаниями в этом органе справедливо заслуживает самые презрительные отзывы прогрессивной и революционной печати. В. И. Ленин назвал его «верным сторожевым псом царской черной сотни» (Сочинения, т. 17, стр. 67).

...Вы свое дело сделали, а остальное не от Вас зависит. — По-видимому, Меньшиков сообщал Лескову о каких-то препятствиях (цензурного свойства?) появлению статьи. Возможно также, что речь шла о статье «Художественная проповедь», появившейся несколько месяцев спустя («Книжки «Недели», 1894, № 2).

...Вашего принципала... — Гайдебурова, издателя «Недели».

...«сильному не нужно счастье: в борьбе таится наслаждение неистощимое»... — неточная цитата из поэмы Тургенева «Помещик» (строфа XXIV).

«Продукт природы» есть à propos, которые я очень люблю писать... — Рассказ Лескова «Продукт природы» напечатан в сборнике «В путь-дорогу» (СПб., 1893); см. т. 9 наст. издания, стр. 340—355.

Мне «Шурочка» кажется слишком искусственною. — См. наст. том, письмо 240.

Св. Цецилия — по преданию, юная римская патрицианка, принявшая христианство и приговоренная к смерти. В средние века Цецилия была признана святою.

Джордж Эллиот — псевдоним Мари-Анны Эванс (1819—1880), английской писательницы-романистки.

250

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...я на днях послал маленькую заметочку о Тургеневе в «Орловский вестник» — «Тургеневский бережок» (Письмо в редакцию) — «Орловский вестник», 1893, № 228, 26 августа.

«апропо де бот» — кстати (франц. à propos des bottes).

Отчего Вы молчите о Тургеневе? — в связи с десятилетием смерти писателя.

О том, что Л. Н. отвечал Вам, я слышал. — Письмо Толстого к Меньшикову от 3 августа 1893 года см. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 66, М., 1853, стр. 375.

251

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

«Пределы критики» — статья Меньшикова в «Книжках «Недели», 1893, № 9.

Читали ли: «Мимочка отравилась»? — В «Вестнике Европы», 1893, №№ 9, 10.

Павлу Александровичу... — Гайдебурову.

Будет он называться: «У свиного корыта». — Как явствует из дальнейших писем к Меньшикову, речь идет о рассказе «Загон».

252

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

...писатель, которого я нахожу очень умным... — Меньшиков; см. также письмо 253.

253

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

254

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

«Рассказ кстати» — «Загон» («Книжки «Недели», 1893, № 11). Упоминая о том, что рассказ написан à propos статей «Недели» о «Китайской стене», Лесков имеет в виду статью Меньшикова «Две правды» («Книжки «Недели», 1893, №№ 4, 5) с размышлениями о подлинной сущности понятий либерализм и консерватизм.

255

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Письмо касается каких-то недоразумений с печатанием «Загона», впоследствии улаженных.

П. А. Богословский («отец Пэтр») — переписчик Лескова.

256

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 151—152.

Сегодня вернулась от Вас Л⟨идия⟩ Ив⟨ановна⟩ В⟨еселитская⟩... — Веселитская была в Ясной Поляне в начале октября 1893 года. Вероятно, под свежим впечатлением от ее посещения Толстой 19 октября читал повесть «Мимочка отравилась».

Стасов, Владимир Васильевич (1824—1906) — критик-искусствовед. В октябре 1893 года Толстой обратился к Лескову с просьбой порекомендовать ему какого-нибудь знающего синолога (китаеведа) в связи с задуманной книгой «о китайской мудрости». 10 октября 1893 года Лесков отвечал по этому поводу: «Синологов теперь я лично не знаю, и думаю, что и вопрошать их, о чем Вы пишете, было бы напрасно. Это люди совершенно равнодушные к духу учений и знают разве только историческую сторону предмета. Все их дело, как у экономок: разложить принятое белье по сортам, в подлежащие ящики комода; а все прочее их нимало не интересует. Об этом я могу говорить с «достаточным основанием». Был тут и жил по соседству со мной «добрый китаец» из посольства, который говорил немножко по-русски и любил рассуждать о вере (мы часто гуляли вместе в Таврическом саду), и он был почитатель Лао-цзы и удивлялся: как западные религиозные люди «начинают с конца», то есть с определенных представлений о боге, а не с того, чтобы разъяснить себя самого и натуру и в свете этого понимания прозревать дальнейшее *умом, освобожденным* от мимотекущего обмана! Я думаю, что, быть может, он и подвинул меня читать все, что я мог находить из творений Конфу-цзы и Лао-цзы; но я этого китайца не видал уже 2 или 3 года...» («Письма Толстого», стр. 148—149). В связи с этой просьбой Толстого и возникло предположение встретиться со Стасовым, который, обладая широкими знакомствами, мог порекомендовать нужного и сведущего человека.

Виктор Петрович — Буренин.

«Океан глупости» — демонстративное посещение Тулона русской военной эскадрой, знаменовавшее франко-русское сближение. Толстой посвятил этой демонстрации статью «Христианство и патриотизм», появившуюся, в соответствии с настоящим письмом Лескова, в английской газете «Daily Chronicle».

257

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

В письме идет речь о рассказе Лескова «Загон».

258

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге А. Фаресова «Против течений», стр. 235—237.

Письма 258—261 посвящены полемике с Фаресовым по поводу книги И. Юзова (Каблица) «Основы народничества. Социологиче-

ские очерки»; второй том книги незадолго перед тем вышел вторым дополненным изданием (СПб., 1893) и вызвал ряд критических отзывов. Фаресов в беседе с Лесковым, возможно по поводу смерти Каблица (4 октября), «выразил ему свое несогласие со статьями Гольцева и Протопопова в «Русской мысли»; это вызвало гневные отповеди писателя.

Каблиц, Иосиф Иванович (псевдоним: Юзов; 1848—1893) — публицист, один из теоретиков позднего народничества.

«Многие книги в неистовство тя прелагают». — В «Деяниях апостолов» (гл. 26, ст. 24) эти слова говорит Павлу правитель Фест (ср. в письме 259).

...шулера мысли признали в нем свои родственные черты и позвали его к себе «на совет нечестивых», и... он пошел... — Фаресов дает следующий комментарий к этим словам: «Лесков подразумевает здесь одно частное собрание славянофилов-журналистов, куда приглашен был и О. И. Каблиц. Последний, однако, никогда не принадлежал к ним и очень скоро разошелся с ними» (А. Фаресов Против течений, стр. 236).

259

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге А. Фаресова «Против течений», стр. 237—238.

Спенсер, Герберт (1820—1903) — английский буржуазный философ и социолог.

Милль, Джон Стюарт (1806—1873) — английский буржуазный философ и экономист.

Морлей, Джон (род. в 1838 г.) — английский литератор и политик.

...Вы уже который раз попрекаете Гольцева тем, что он «экс-профессор»!.. — В феврале 1881 года В. А. Гольцев был утвержден доцентом Московского университета по кафедре энциклопедии права. Прочитанный им курс привлек внимание широких кругов студенчества, но одновременно побудил правительство позаботиться об устранении Гольцева. Под настойчивым давлением начальства он был вынужден подать летом 1882 года в отставку и более к преподавательской деятельности не возвращался. В своей книге Фаресов уверяет, что «во избежание лишнего раза упоминать фамилию Гольцева» он в личной беседе с Лесковым «назвал его «экс-профессором» без всякой задней мысли, сохраняя уважение к лично

знакомому мне В. А. Гольцеву» (А. Фаресов. Против течений, стр. 235). Как явствует из письма Лескова, подобная «оговорка» случалась не однажды...

260

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано в книге А. Фаресова «Против течений», стр. 238—239.

...зачем Вы... негодуете на отношения Ф⟨лексера⟩ к Чернышевскому и Белинскому? — А. Волынский на страницах «Северного вестника» выступил с серией статей по истории русской критики, в которых пытался «развенчать» публицистические тенденции русской передовой критики. Статьи Волынского, составившие впоследствии книгу «Русские критики. Литературные очерки» (СПб., 1896), вызвали много полемических откликов и протестов в печати.

Один — верховное божество в религии норманских племен.

Кромвель, Оливер (1599—1658) — выдающийся деятель английской буржуазной революции XVII века.

261

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге А. Фаресова «Против течений», стр. 240.

262

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 156—157.

Зять Бем (то есть художницы Е. М. Бем) — Николай Григорьевич Барсов (1851—1902), помощник инспектора студентов Петербургского университета.

...как шли «беспорядки»... — «Беспорядки», то есть студенческие волнения, в Петербургском и некоторых других университетах были вызваны протестами прогрессивно настроенного студенчества против устанавливавшегося русско-французского военного сотрудничества и празднествами в Тулоне по случаю посещения Франции эскадрой русского флота. Толстой упоминает об аналогичном протесте студентов Московского университета в статье «Христианство и патриотизм».

Никитин, Петр Васильевич (1849—1916) — профессор греческой литературы, ректор Петербургского университета, академик.

Торжество Григоровича — чествование Д. В. Григоровича по случаю пятидесятилетия его литературной деятельности, 31 октября 1893 года.

Письмо Ваше... — письмо Толстого к Григоровичу от 27 октября 1893 года (см. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 66, М., 1953, стр. 409).

Она пишет нечто для Гуревич. — В «Северном вестнике», 1894, №№ 1—4, был напечатан большой рассказ Веселитской «Зарницы».

263

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 158—159.

...ночью прилетели к нему ангелы... — Гольцев был арестован жандармами («ангелами») и выслан обратно в Москву.

Суворин возвратился вчера утром... — из Тулона, где он вместе с некоторыми другими журналистами (в том числе и Гайдебуровым) «представлял» русскую печать.

...после производства Гр⟨игорови⟩ча в кавалеры. — В связи с юбилеем Григорович был награжден орденом Святослава I степени.

Классический Модестов — профессор римской литературы Василий Иванович Модестов (1839—1907). В «Новостях», 1893, 2 ноября, было напечатано его письмо редактору газеты О. К. Нотовичу, с изъяснением радости по поводу сближения между «официальной Россиею» и «Франциею, главною представительницею и носительницею западной образованности».

264

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 160—162.

Покорно Вас благодарю за Ваши строки о моем «Загоне». — В письме к Лескову от 10 декабря 1893 года Толстой писал: «Уже давно следовало мне написать вам, да сначала не прочел вашей вещи, о которой хотелось писать вам, а потом некогда было. — Мне понравилось, и особенно то, что все это правда, не вымысел. Можно сделать правду столь же, даже более занимательной, чем вымысел, и вы это прекрасно умеете делать. — Что же вам говорили, что

не следует говорить? нечто то, что вы не восхваляете старину. Но это напрасно. Хороша старина, но еще лучше свобода» (Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 66, М., 1953, стр. 445).

«Работа совести» — превосходна. — Статья Меньшикова под этим заглавием (по поводу статьи Толстого «Не делание») напечатана в «Книжках «Недели», 1893, № 11, стр. 192—238. Письмо Лескова к Толстому о ней неизвестно. Суть его впечатлений от этой статьи в записи Фаресова звучит так: «Готов и третий раз читать эту статью. Такая деликатность в ней. У нас давно так не писали. Я только у Маколея встречал почтительность к великим людям и почтительное молчание даже перед их ошибками и недостатками. Великих людей так мало у нас, что не велика услуга помолчать, если они что-нибудь и не так делают. Не надо ослаблять критикою их благотворное влияние на общество. Шестидесятые годы, свергая авторитеты, приучили каждого посредственного человека панибратствовать с именами, делающими честь нашему отечеству. Вот ведь какая нежность у этого Меньшикова к Л. Н. Толстому. Прелестная статья! Давно я не читал ничего подобного» (А. Фаресов. Против течений, стр. 211). Толстой также нашел статью «прекрасной».

О Х⟨ил⟩кове я все знаю... — В том же письме Толстой спрашивал Лескова: «Слышали ли вы о Хилкове, о том, что его мать, по высочайшему повелению, приехав с приставом в место его ссылки, увезла его детей? Я не описываю подробней, потому что вы, верно, всё знаете». Дети были отобраны за то, что Хилков не крестил их по христианскому обряду; крещение их было совершено Иоанном Кронштадтским («Пержаном»), и дети были переданы на воспитание матери Хилкова.

Вот он когда сквитовался с Х⟨илко⟩вым за сцену в Сумах!.. — В 1890 году Иоанн Кронштадтский приезжал к Хилкову в Сумский уезд Харьковской губернии «вразумлять» его. Посещение это получило широкую известность благодаря рассказу о нем в письме Хилкова к Толстому 1 августа 1890 года, распространявшемся в списках.

«Письма Сенеки к Люцилию» — «Избранные письма к Люциллию» в издании «Дешевой библиотеки» (СПб., 1893). В библиотеке А. Н. Лескова сохранился экземпляр этой книжки с многочисленными читательскими пометами Лескова.

...Вашим именем не хвастается... — В нескольких письмах к Толстому, не вошедших в настоящее издание, Лесков касается дела, «которое, мне кажется, стоит содействия или противудействия и которое мне причиняет досады и, кажется, угрожает профанациею для дел милосердия и сострадания. Я говорю о литературных сборниках, от которых мне нет покоя и которые обыкновенно начинают свою

песню с того, что называют себя пришедшими от Вас и имеющими будто бы Ваши обещания... Я давно опасался, что тут есть некоторый «грех» — по крайней мере грех легкомыслия и суетности, но теперь знаю нечто худшее, а именно, что книжки-кулаки пользуются суетливостью сборщиков и входят с ними в сообщества, при которых сборщики для них обирают писателей, а потом все выручаемое за сборники остается у тех мастеров издательского дела, которые употребляют сборщиков как кровососок. Я был и остаюсь недругом этого дела, где корыстные люди научают людей легкомысленных заводить затеи для обирательства рабочих людей и нищих, нуждающихся в мирском пособии» («Письма Толстого», стр. 140).

265

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 163—164.

Приспосабливаюсь этим воспользоваться. — Статьей В. А. Жуковского «О смертной казни» (1850) Лесков воспользовался в повести «Заячий ремиз» (см. наст. изд., т. 9).

266

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: В. Микулич. Встречи с писателями, стр. 197—198.

267

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Статья Ваша о моем XI томе... — статья Меньшикова «Художественная проповедь» в «Книжках «Недели», 1894, № 2.

268

Печатается впервые по автографу (ИРЛИ).

«И истину царям с улыбкой говорить» — цитата из стихотворения Державина «Памятник».

Баранов, Николай Михайлович (1837—1901) — генерал, нижегородский губернатор. Упоминания о нем связаны с подготовкой промышленной выставки в Нижнем Новгороде, при ближайшем участии Баранова.

269

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

Письмо связано с попыткой А. К. Чертковой примирить Лескова с Чертковым. Попытка осталась безрезультатной.

Мне очень понравилась фантазия Королечки «Тени»... — Историческая «фантазия» В. Г. Короленко о Сократе «Тени» была напечатана в «Русской мысли», 1891, № 12, и затем перепечатана в издании «Посредника», вместе с очерком о Сократе (М., 1894).

Повестей Льва II... я тоже не одобряю... — то есть беллетристических писаний Л. Л. Толстого.

270

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...о моем «глаголемом» Петруше — П. А. Богословском.

...перепечатанный сегодня «Нов‹ым› временем» анекдот о Тургеневе... — о том, как И. С. Тургенев был поставлен чиновниками Д. А. Толстого последним в ряду «представлявшихся» министру.

Третьяков, Павел Михайлович (1832—1898) — собиратель картин и основатель Третьяковской галереи.

Серов, Валентин Александрович (1865—1911). Портрет Лескова его работы находится в Третьяковской галерее.

Серов, Александр Николаевич (1820—1871) — композитор и музыкальный критик.

271

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано в журнале «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 409.

...кое-что делаю для «Русской мысли» — очерк «Зимний день».

...экземпляр «Декамерона» без выпусков... — Имеется в виду сделанный академиком Александром Николаевичем Веселовским (1838—1906) перевод «Декамерона» в двух томах (т. I — М., 1891; т. II — М., 1892). Так как издание предназначалось для широкого читателя, некоторые места, щекотливые с точки зрения современной морали, были в нем выпущены, однако 100 экземпляров было напечатано полностью, без пропусков. Один из таких экземпляров и желал приобрести Лесков. *Кушнарев,* Иван Николаевич (ум. в 1896 г.) — издатель, выпустивший «Декамерон».

272

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Усердно Вас благодарю... что обороняете меня от озорства Шубинского. — Речь идет о статье М. О. Меньшикова «Художественная проповедь» («Книжки «Недели», 1894, № 4). С Шубинским в это время у Лескова отношения были резко враждебны.

Ефремов, Петр Александрович (1830—1907) — библиограф и библиофил.

Семинарист, руководимый этим генералом интендантского ведомства... — то есть Шубинским. Установить, кого из сотрудников «Исторического вестника» имеет в виду Лесков, не удалось.

273

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Прочитал я Вашу статью о старых и молодых писателях — «Старые и молодые таланты» («Книжки «Недели», 1894, № 5).

...только один из критиков... — Буренин.

Каульбах, Вильгельм (1805—1874) — немецкий художник.

274

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано в журнале «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 409—410.

Посылаю сегодня в редакцию давно обещанную рукопись — «Зимний день». До этого рукопись очерка побывала у издателя «Вестника Европы» Стасюлевича, который, возвращая ее, писал автору: «Это — отрывок из Содома и Гоморры, и я не дерзаю выступить с таким отрывком на божий свет» (А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 563).

«Сологубовское сосьете» — группа знакомых великосветского повесы графа Александра Владимировича Соллогуба, арестованных вместе с ним по обвинению в подделке завещания миллионера В. И. Грибанова. Материалы процесса отчасти были отражены в «Зимнем дне»; см. об этом А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 562—563; наст. изд., т. 9, стр. 630—631.

«Пет⟨ербургская⟩ газ⟨ета⟩» напечатала «Сошествие во ад» — в № 104, 1894, 16 апреля.

«Здесь человека берегут, как на турецкой перестрелке» — цитата из стихотворения Пушкина «Гусар».

275

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

Отчего Вас... звали в комитет? — в С.-Петербургский цензурный комитет.

Это бывало при «Незабвенном»... — то есть при Николае I.

276

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

277

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано в журнале «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 411—412.

278

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

279

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

280

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 172—175.

...писать или нет о друге нашем Н. Н. Ге. — В связи со смертью Н. Н. Ге (2 июня 1894 года) В. В. Стасов задумал написать пространную его биографию, для которой обратился за воспоминаниями о покойном художнике к Толстому, Лескову и ряду других лиц. 1 августа 1894 года Лесков писал по этому поводу Толстому: «О друге нашем Н. Н. Ге я, кажется, не могу писать и Стасову еще не отвечал. Я часто говорю здесь о Ге с Шишкиным и Волковым и все раздражаюсь и убеждаюсь в огромных превосходствах Ге над всеми людьми его среды. Если писателю нелегко протереть себе

глаза и начать видеть, «где свет», то кольми паче сим, последователям Александра и Деметрия, делавшим статуэтки и храмы Дианы Ефесской. Я бы на это и налег и даже на сем камени стал бы строить память Ге, но это раздразнит Александров и Деметриев, да и самому Стасову будет не по носу табак» («Письма Толстого», стр. 170).

Алехин, Митрофан Васильевич (1857—1935) — художник, в 1892 году помогал Толстому в борьбе с голодом в Бегичевке. Позднее отошел от Толстого.

Нил Сорский (Майков, 1433—1508) — русский церковный деятель, проповедовавший «нестяжание».

«Лурд» — роман Эмиля Золя «Лурд» (1894).

281

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 175—178.

Вл⟨адимир⟩ великий — В. В. Стасов.

...он все-таки всего более то, что сказал о нем Щербина... — В эпиграмме «Наше время» поэт Николай Федорович Щербина (1821—1869) писал о Стасове:

Когда стал чином генерал
Служебный якобинец Стасов...

...писавший в «Вестнике Евр⟨опы⟩» об Энгельгардте. — См. примечание к письму 245.

Костычев, Павел Андреевич (1847—1895) — агроном, приват-доцент Петербургского университета, затем директор департамента земледелия, близкий знакомый Н. Н. Ге. Статья Фарсова о Ге в печати не появлялась.

Пыпин, Александр Николаевич (1833—1904) — историк литературы, член редакции «Вестника Европы».

...а Стасова в «Сев⟨ерном⟩ в⟨естни⟩ке». — Биография Н. Н. Ге, составленная Стасовым, была напечатана в «Северном вестнике», 1895, №№ 1—3, а впоследствии, в распространенном виде, выпущена «Посредником» отдельною книгой (М., 1904).

...он егозил с Аданшиным альбомом... — Во время пребывания во Франции русской эскадры, по инициативе журналистки Жюльетты Адан, морякам были преподнесены подарки от «женщин Франции». Сестра В. В. Стасова Надежда Васильевна (1823—1895) организовала ответный адрес и подарок Ж. Адан; Стасов к этому отношения не имел.

...в хохлатчине поднимаются «враги» Ге... — Речь идет о каких-то семейных и узко местных сплетнях, не получивших дальнейшего распространения и отражения в печати.

Меньшиков это отлично подметил... — в статье «Художественная проповедь» (см. примечание к письму 272).

282

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 179—181.

«Патриотизм и христианство». — Статью свою «Христианство и патриотизм» Толстой закончил еще в марте 1894 года и тогда же решил не печатать ее ни в подлиннике, ни в переводах. Несколько позже, однако, он разрешил английский ее перевод. Лесков знакомился со статьей в рукописи.

Критическая статья о Мопассане — предисловие Толстого к роману Мопассана «Монт-Ориоль», выпущенному в переводе Л. П. Никифорова «Посредником» (М., 1894).

Перевод превосходного письма Мазини — сделанный Толстым и напечатанный в «Книжках «Недели», 1894, № 9, перевод письма итальянского патриота и революционера Джузеппе Мадзини (1805—1872) о бессмертии.

«Р⟨усская⟩ жизнь» сменила людей «нового общ⟨ественного⟩ мнения»... — В августе 1894 года большинство сотрудников редакции газеты «Русская жизнь» покинули ее из-за расхождений с редактором-издателем А. А. Пороховщиковым.

283

Печатается по автографу (Толстовский музей). Впервые опубликовано в сборнике «Письма Толстого», стр. 182—184.

Манассеина, Мария Михайловна (ум. в 1903 г.) — женщина-врач, активно выступала в печати по общественным, педагогическим, медицинским вопросам. Лесков имеет в виду ее направленную против Толстого откровенно реакционную книгу «L'anarchie passive et le comte Léon Tolstoj» (Париж, 1895).

...она... получила развод с старым мужем. — Первый муж М. М. Манассеиной — врач-общественник и прогрессивный общественный деятель Вячеслав Авксентьевич Манассеин (1841—1901).

...письма его ко мне были маловажны для биографии. — Письмами Н. Н. Ге Лесков не поделился со Стасовым; после смерти писателя они, по-видимому, утрачены. Не осуществил Лесков также своего предположения написать краткие воспоминания о Ге.

...она что-то переписывала из Вашего катехизического труда... — В апреле 1894 года, гостя в Ясной Поляне, Л. И. Веселитская переписывала «Катехизис» Толстого, над которым он в то время работал.

Ге, Петр Николаевич — сын художника.

Ваше упоминание о разговоре с художником... — Толстой писал об исповедуемой некоторыми художниками и осуждаемой им «теории», согласно которой «художник может или должен изображать то, что истинно, то, что есть, или то, что красиво, что, следовательно, ему нравится, или даже то, что может быть полезно как материал для «науки», но что заботиться о том, что нравственно или безнравственно, хорошо или дурно, не есть дело художника».

Менделеев, Дмитрий Иванович (1834—1907). — В 1894 году Менделеев был избран действительным членом Академии художеств. Упоминая о нем, Лесков, вероятно, имел в виду его работы над изобретением и усовершенствованием бездымного пороха, что после глубоких теоретических его изысканий могло показаться писателю отходом от «настоящей» науки.

Из настоящего письма... — Лесков прилагает письмо к нему Л. Я. Гуревич от 19 сентября 1894 года, с сообщением, что ей удалось добыть на два дня «злополучную книжку Манассеиной», «после поисков по всем решительно подходящим книжным магазинам, куда она, оказывается, еще не дошла».

284

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано в журнале «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 412.

Письмо посвящено каким-то окололитературным сплетням и подозрениям вокруг только что вышедшего «Зимнего дня». Высказывалось, в частности, подозрение, что в упоминании о «новом курсе» следует видеть намек на тяжелую предсмертную болезнь Александра III и чаяния грядущих политических перемен.

Писарев, Модест Иванович (1843—1905) — артист Александринского театра, хороший знакомый Лескова.

Когда вы пускаете в набор мой второй рассказ, у Вас находящийся? — «Дама и фефела» («Рассказы кстати. Из литературных воспоминаний» — «Русская мысль», 1894, № 12).

...у меня есть рассказ, позабористее... — Рассказ этот («Дикая фантазия», с подзаголовками «Полунощное видение», «Признания госпожи Гого», «Страдания, опыты и приключения госпожи Гого») при жизни писателя не появлялся в печати и сохранился в шести вариантах в рукописи (ЦГАЛИ). Опубликован А. Н. Лесковым в «Литературном современнике», 1934, № 12.

285

Печатается по автографу (ГПБ АН УССР). Впервые опубликовано в журнале «Україна», 1928, кн. 2, стр. 113—114.

Профессор всеобщей истории Киевского университета Иван Васильевич Лучицкий (1845—1916) обратился к Лескову с приглашением принять участие в литературном «Сборнике в пользу недостаточных студентов университета св. Владимира» (СПб., 1895). Вопреки упорному своему нежеланию сотрудничать в предприятиях подобного рода (см. примечания к письму 264), Лесков на этот раз согласился, однако из-за нездоровья не написал обещанного рассказа. См. также письмо 288.

Кареев, Николай Иванович (1850—1935) — профессор Петербургского университета, непосредственно наблюдавший за печатанием киевского сборника.

Сикорский, Иван Алексеевич — профессор Киевского университета, крайний реакционер.

Впрочем, «им имя легион» — реакционно настроенным профессорам в Киевском университете.

286

Печатается по автографу (ЛБ). Впервые опубликовано в журнале «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 413.

«С болваном» — одно из первоначальных названий повести «Заячий ремиз».

287

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Публикуется впервые.

288

Печатается по автографу (ГПБ АН УССР). Впервые опубликовано в журнале «Україна», 1928, кн. 2, стр. 114.

...я дам Вам бытовую заметку «кстати» по поводу речи сенатора Кони о браках. — «Заметка» не была написана.

289

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

Маркс, Адольф Федорович (1838—1904) — издатель. Поздравление ему предназначалось в связи с двадцатипятилетием журнала «Нива».

Шершевский, Михаил Маркович (ум. в 1910 г.) — врач.

290

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

«Рассвет» — «журнал наук, искусств и литературы для взрослых девиц», издававшийся в 1859—1862 годах Валерианом Александровичем Кремпиным (ум. в 1889 г.).

291

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые. Датируется приблизительно, по связи с упоминанием о «Дневнике Берса» («Воспоминания о гр. Л. Н. Толстом», Смоленск, 1893; вышли в начале 1894 года).

292

Печатается по автографу (ИРЛИ). Публикуется впервые.

...ко мне опять приступают по поводу исполняющегося на днях 35-летия... — См. об этом письма в редакции «Об обеде Н. С. Лескову» и «Дружеская просьба» в наст. томе, стр. 228 и 244.

293

Печатается по автографу (ГПБ). Публикуется впервые.

294

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: А. В. Багрий. Литературный семинарий, вып. II, Баку, 1927, стр. 33; ср. «Шестидесятые годы», стр. 356.

...чтобы меня навестил кто-нибудь из типографского начальства? — Двенадцатый том Собрания сочинений Лескова предполагался к изданию в типографии Стасюлевича.

295

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано в книге: А. В. Багрий. Литературный семинарий, вып. II, Баку, 1927, стр. 33; ср. «Шестидесятые годы», стр. 356.

В примечаниях к настоящему тому (а отчасти и ко всему изданию) использованы материалы собрания и архива А. Н. Лескова, в связи с чем редакционная коллегия Собрания сочинений Н. С. Лескова и составитель настоящего тома выражают глубокую благодарность Анне Ивановне Лесковой.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА
ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. С. ЛЕСКОВА

Составила К. П. Богаевская

В Хронологической канве отмечены наиболее значительные факты жизни и литературной деятельности Лескова, *все* первые публикации его художественных произведений, важнейших статей и заметок, а также выход в свет всех *первых* отдельных изданий, сборников и одиннадцати томов единственного прижизненного собрания сочинений Лескова.

Поскольку даты создания произведений Лескова большей частью неизвестны, вехами для Канвы, как и для большинства работ по Лескову, служат первые публикации. Все единичные случаи авторских датировок и датировки, установленные исследователями, учтены.

За неимением места мы не указываем источников Канвы. Многие данные почерпнуты нами из высказываний и переписки (частью неизданной) самого Лескова.

При подготовке Канвы мы пользовались неопубликованной рукописью Сергея Петровича Шестерикова (1903—1941) «Труды и дни Н. С. Лескова». Из труда С. П. Шестерикова нами взяты все даты выхода в свет изданий Лескова и появления номеров журналов, в которых печатались его произведения. Они установлены С. П. Шестериковым на основании газетных объявлений. Некоторые даты и факты введены впервые в научный оборот сыном писателя Андреем Николаевичем Лесковым (А. Лесков. Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М., Гослитиздат, 1954).

Все даты в Канве приведены по старому стилю, только во время пребывания Лескова за границей указываются оба стиля, старый и новый.

При предположительных датировках стоит знак вопроса.

Многоточие между датами (12... 20 февраля) означает, что зарегистрированный факт произошел в один из дней указанного периода или в течение нескольких дней. Тире между датами (январь — февраль) означает, что событие происходило в течение всего этого времени.

Слово «дата» перед названием произведения Лескова (дата рассказа «Овцебык») означает *авторскую* дату произведения, опубликованную в печати.

1831

Февраля 4. Село Горохово Орловского уезда. У Семена Дмитриевича Лескова и жены его Марии Петровны (урожд. Алферьевой) родился сын Николай.

1839

Января 24. Выход в отставку С. Д. Лескова, дворянского заседателя Орловской палаты уголовного суда. Вскоре семья Лесковых переезжает из Орла в свое имение — с. Панино Кромского у. Орловской губ.

1841

Августа 29. Л. поступает в 1-й класс Орловской губернской гимназии.

1846

Августа 20. Получает свидетельство из Орловской гимназии о пройденных им «науках» в двух классах.

1847

Мая 2. Подает прошение в Орловскую палату уголовного суда о принятии его в число канцелярских служителей.

Июня 30. Постановлением Орловского губернского правления Л. принят на службу в палату уголовного суда «с причислением ко 2-му разряду канцелярских служителей».

1848

Июля 28. Переведен в 1-й разряд канцелярских служителей.

Июль. С. Д. Лесков скончался от холеры в с. Панине.

Сентября 27. Л. определен помощником столоначальника Орловской палаты уголовного суда.

1849

Сентября 7. Получает двухмесячный отпуск и уезжает в Киев.

Сентября 28. Подает прошение в Киевскую казенную палату «о перемещении в оную на службу».

Декабря 31. «Перемещен в штат Киевской казенной палаты». Переезжает в Киев, где живет у своего дяди С. П. Алферьева.

1850

Февраля 24. «Определен» помощником столоначальника по рекрутскому столу ревизского отделения Киевской казенной палаты.

1853

Апреля 6. Женитьба на дочери киевского коммерсанта Ольге Васильевне Смирновой.

Июня 11. Произведен в коллежские регистраторы.

Октября 9. «Определен» столоначальником Киевской казенной палаты.

1854

Декабря 23. Рождение первого сына Л. — Дмитрия.

1854—1855

Поездка Л. с женой и ребенком к матери в с. Панино и смерть его сына Дмитрия.

1856

Марта 8. Рождение дочери Л. — Веры.

Июля 7. Произведен в губернские секретари.

1857

Мая 1. Получает отпуск на четыре месяца и отправляется в с. Райское Городищенского у. Пензенской губ. на службу в коммерческую английскую компанию мужа своей тетки А. Я. Шкотта — «Шкотт и Вилькенс».

Май — июнь (?). Л. исполняет первое поручение А. Я. Шкотта — перевоз орловских крестьян графа Перовского в Понизовье (неудачи этого поручения впоследствии изображены в рассказе «Продукт природы»).

Сентября 9. Подает прошение об увольнении «по болезни» от службы в Киевской казенной палате.

Октября 30. «Уволен согласно прошению вовсе от службы».

1857—1859

Л. живет в с. Райском с семьей А. Я. Шкотта и постоянно ездит по делам компании в «странствования по России». — «Это самое лучшее время моей жизни, когда я много видел».

1859

«Питейные бунты» в Пензенской губ. Ими вызвана статья Л. «Очерки винокуренной промышленности».

1860

Апреля 28. Одесса. Дата «Очерков винокуренной промышленности» (Пензенская губерния)». По определению самого Л. — «первая проба пера. С этого начата литер⟨атурная⟩ работа (1860 г.)» (надпись на авторском оттиске статьи). См. 1861, апреля 21... 30.

Мая 1... 15. Возвращение с семьей в Киев.

Мая 20. Киев. Дата первой корреспонденции Л. в «С.-Петербургских ведомостях». См. июня 21.

Июня 18. Петербург. Первое выступление Л. в печати — анонимная корреспонденция в № 181 журнала «Указатель экономический» о продаже киевским книгопродавцем С. И. Литовым евангелия по двойной цене.

Июня 21. Петербург. Появление первой корреспонденции Л. в «С.-Петербургских ведомостях», 1860, № 135 (за его полной подписью) — «О продаже евангелия на русском языке по возвышенным ценам».

Августа 18. Публикация статьи «О рабочем классе» — «Современная медицина», 1860, № 32.

Сентября 15. Публикация заметки «Несколько слов о врачах рекрутских присутствий» — «Современная медицина», 1860, № 36.

Сентября 15. «Определен на службу в канцелярию киевского военного, подольского и волынского генерал-губернатора».

Октября 6. Публикация заметки «Несколько слов о полицейских врачах в России» — «Современная медицина», 1860, № 39.

Ноября 29. Л., «согласно прошению», уволен «по болезни» от службы в канцелярии киевского военного, подольского и волынского генерал-губернатора.

Декабря 7. Публикация заметки «Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России» — «Указатель экономический», 1860, выпуск 50 (№ 206).

Декабря 8. Публикация статьи «Полицейские врачи в России» — «Современная медицина», 1860, № 48.

1861

Января 21... 31 (?). Л. приезжает в Петербург и останавливается у И. В. Вернадского, где знакомится с членом общества «Земля и воля» А. И. Ничипоренко.

Л. навещает Т. Г. Шевченко, который дарит ему свой «Букварь южно-русский».

Февраля 9. Публикация заметки «Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе» — «Указатель экономический», 1861, № 220.

Февраля 12. Публикация заметки «Торговая кабала» — там же, № 221.

Февраля 23. Москва. Первое выступление Л. в газете «Русская речь», издававшейся Е. В. Салиас, — «Письмо из Петербурга» ⟨о лекциях Н. И. Костомарова⟩, 1861, № 16. Далее аналогичные корреспонденции Л. напечатаны в №№ 22, 25, 30—33, 36, 37 «Русской речи», 1861 (с № 39 «Русская речь» слилась с «Московским вестником», и редактором ее стал Е. М. Феоктистов).

Февраля 27. Л. с А. И. Ничипоренко в Академии художеств поклоняются телу умершего накануне Шевченко.

Февраля 28. Л. присутствует на отпевании и похоронах Шевченко.

Марта 9. Публикация заметки «Последняя встреча и последняя разлука с Шевченко» — «Русская речь», 1861, № 19—20.

Марта 15. Выход «Отечественных записок», 1861, № 3, с первым выступлением в них Л. — «Сводные браки в России», «О найме рабочих людей», «Практическая заметка».

Апреля 21... 30. Публикация «Очерков винокуренной промышленности». — «Отечественные записки», 1861, № 4.

Май... июля начало. Знакомство Л. с Артуром Бенни, приехавшим из Англии (ему посвящен очерк «Загадочный человек»).

Июня 1. Начало публикации статьи «Русские женщины и эмансипация» — «Русская речь и Московский вестник», 1861, № 44 (окончание *8 июня,* № 46).

Июня 15. Публикация статьи «Как относятся взгляды некоторых просветителей к народному просвещению» — «Русская речь и Московский вестник», 1861, № 48.

Июня 29. Публикация статьи «Русские люди, состоящие «не у дел» — «Русская речь и Московский вестник», 1861, № 52.

Июнь... июль (?). Переезд в Москву.

Июль... август. Знакомство с историком литературы Ф. И. Буслаевым, сотрудничавшим в «Русской речи».

Августа 16... 31 (?). У Л. (в доме Волоцкой) живет А. Бенни.

Август... сентябрь. Приезд в Москву О. В. Лесковой. Семейные распри. Разрыв с редакцией «Русской речи».

Октябрь. А. И. Бенни уезжает ненадолго в Лондон (в начале ноября он снова в России).

Декабря 1. Публикация заметки «О привилегиях» — «Книжный вестник», 1861, № 22.

Декабрь. Переезд Л. в Петербург.

1862

Января 1. Начало сотрудничества Л. в газете «Северная пчела» — передовая статья «С новым годом, с новым счастьем!» (без подписи) в № 1.

Января 6. Публикация статьи «О русском расселении и политико-экономическом комитете» — «Время», 1861, № 12.

Января 20. Публикация статьи «О литераторах белой кости» — «Русский инвалид», 1862, № 15.

Февраля 27... марта 3. Л. был у Бенни на чтении только что вышедших первых четырех глав «Записок из мертвого дома» Достоевского («Время», 1862, № 2). Присутствовали В. А. Слепцов, В. А. Зайцев и другие.

Марта 25. Публикация рассказа «Погасшее дело» (впоследствии: «Засуха») — «Век», 1862, № 12.

Апреля 1. Публикация статьи «О переселенных крестьянах» — «Век», 1862, № 13—14.

Апреля 14. Начало публикации серии фельетонов «Страстная суббота в тюрьме» — «Северная пчела», 1862, № 99.

Апреля 23. Публикация очерка «Разбойник» — «Северная пчела», 1862, № 108 (отдельное издание вышло *около 10 мая).*

Мая 4. Публикация очерка «В тарантасе» — «Северная пчела», 1862, № 119.

Мая 11. Г. З. Елисеев пишет о Л.-публицисте в статье «Внутреннее обозрение» — «Современник», 1862, № 4: «Нам жаль верхних столбцов «Пчелы». Там тратится напрасно сила, не только не высказавшаяся и не исчерпавшая себя, а, может быть, еще и не нашедшая своего настоящего пути».

Мая 24. Возникновение пожаров в разных частях Петербурга, вызвавших слухи о поджогах и связи этих поджогов с прокламацией «Молодая Россия». Пожары продолжались до *30 мая.*

Мая 30. Появление статьи Л. о петербургских пожарах — «Северная пчела», 1862, № 143. В этой статье Л. требует, чтобы полиция или официально представила доказательства виновности студентов в поджогах, или официально выступила в их защиту.

Июля 28. Прилуки. Арест А. И. Ничипоренко. В своих последующих показаниях Ничипоренко говорит о Л. как о человеке, «который своим образом мыслей имел вредное влияние» на «его понятия».

Сентября 6. Л. выезжает из Петербурга в Вильну. *Сентября 8—9.* Л. в Вильно. *Сентября 10—13* — в Гродно. *Сентября 14* — в Белостоке. *Сентября 15* — в Беловеже. *Октября 1.* Приезжает на границу России, в Радзивиллов. *Октября 2.* Переезжает границу. *Октября 15* — во Львове.

Ноября 1... 15/13... 27 (?). Приезжает в Прагу. Знакомится с чешскими литераторами Грегором, Тонером и др.

Ноября 21/декабря 3. Прага. Дата перевода «арабески» Мартина Бродского «От тебя не больно» (напечатан в «Северной пчеле», *1863,* № 95, *12 апреля*).

Ноября 23... 25/декабря 5...7 (?). Л. прибывает в Париж. Знакомится с польским профессором Леонардом Ходзько и чешским поэтом Иосифом Фричем.

Ноября 28/декабря 10. Париж. Дата рассказа «Овцебык».

Декабря 10. Петербург. Начало публикации серии очерков «Из одного дорожного дневника» — «Северная пчела», 1862, № 334.

Декабря 13/25. Париж. Дата перевода «славянского предания» Божены Немцовой «Двенадцать месяцев» (напечатан в «Северной пчеле», *1863,* № 91, *8 апреля*).

Декабря 19/31. Париж. Л. встречает Новый год в кружке знакомых чехов в трактирчике на rue Vavin.

1863

Января 7/19. Париж. Дата рассказа «Ум свое, а черт свое» (напечатан в «Северной пчеле», 1863, № 17, *18 января*).

Января 25/февраля 6. Париж. Дата заметки «Как отравляются угольным чадом в Париже» (напечатана в «Северной пчеле», 1863, № 70, *14 марта*).

Март. Возвращается в Петербург.

Апрель — декабрь 1864. Работа над романом «Некуда».

Апреля 21. Представляет министру народного просвещения А. В. Головнину записку о поездке по России для изучения школ в среде раскольников.

Апреля 30. Редакция журнала «Время» вернула Л. его непринятую рукопись (название ее неизвестно).

Мая 1. Л. был на приеме у Головнина и получил отказ министерства от поездки по России, мотивированный отсутствием средств.

Мая 11 (?). Публикация рассказа «Овцебык» — «Отечественные записки», 1863, № 4.

Мая 24. Дата статьи «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (напечатана в «Северной пчеле», 1863, № 142, *31 мая*).

Мая 25. Начало публикации рассказа «Язвительный» — «Якорь», 1863, № 12.

Июня 13. Начало публикации серии «Писем к редактору «Библиотеки для чтения»: «Русское общество в Париже» — «Библиотека для чтения», 1863, № 5.

Июня 25. Дата очерка «Русское общество в Париже» (второе письмо).

Июля 12. Выезжает из Петербурга в Псков, а оттуда в Ригу.

Августа 19. Выход сборника «Три рассказа М. Стебницкого. 1. История одного умопомешательства. 2. Разбойник. 3. В тарантасе». СПб., тип. Н. Греча, 1863.

Августа 20. Рига. Дата очерка «Русское общество в Париже» (третье письмо).

Августа 22... 30. Возвращается в Петербург из Риги.

Сентября 8. Начало публикации повести «Житие одной бабы» — «Библиотека для чтения», 1863, № 7.

Сентября 23. Закончена докладная записка «О раскольниках г. Риги, преимущественно в отношении к школам».

Октября 1... 31 (?). Выход брошюры «О раскольниках г. Риги, преимущественно в отношении к школам», ⟨СПб.⟩, 1863.

Декабря 17. Публикация первого «письма к редактору»: «С людьми древлего благочестия» — «Библиотека для чтения», 1863, № 11 (отд. изд. вышло в *конце декабря).*

1864

Февраля 8. Начало публикации романа «Некуда» — «Библиотека для чтения», 1864, № 1.

Апреля 20... 25. Цензурой и III Отделением задержаны апрельская и майская книжки «Библиотеки для чтения» из-за романа «Некуда». Разрешено печатание только *около 20 июня.*

Июнь... начало июля (?). Отъезд в Киев к родным.

Июль. Киев. На даче Китаевой Л. встретился со своей будущей женой Е. С. Бубновой.

Августа 29. Публикация «Необходимого объяснения» Л. по поводу «Некуда» — «Библиотека для чтения», 1864, № 6.

Ноября 15 (?). Публикация второго «письма к редактору» «С людьми древлего благочестия. Инок Павел и его книги» — «Библиотека для чтения», 1864, № 9 (отд. изд. вышло *около 10 апреля 1865*).

Ноября 26. Киев. Дата рассказа «Леди Макбет Мценского уезда».

Декабря 7. Киев. Посылает в Петербург в журнал «Эпоха» Н. Н. Страхову рукопись «Леди Макбет...».

1864

Работа над романом «Обойденные».

1865

Января 11. Публикация последних глав «Некуда» и «Объяснения г. Стебницкого» — «Библиотека для чтения», 1864, № 12.

Февраля 13. Публикация рассказа «Леди Макбет Мценского уезда» — «Эпоха», 1865, № 1.

Февраль. Л. возвращается в Петербург из Киева.

Марта 21. Выход первого отдельного издания романа «Некуда», СПб., тип. Э. Арнгольда, 1865 (оттиски из «Библиотеки для чтения»).

Апреля 24. Появление статьи Д. И. Писарева «Прогулка по садам российской словесности» с резко отрицательной характеристикой Л. как автора «Некуда» — «Русское слово», 1865, № 3.

Июня 1 (?). Арест Артура Бенни, ночевавшего у Л., за долги. Вскоре Бенни был обвинен в политическом преступлении, в связи с «лондонскими пропагандистами».

Июня 10... 20 (?). Л. уезжает в с. Подберезье Новгородской губ.

Июля 14... 18 (?). Возвращается в Петербург.

Сентября 18. Начало публикации романа «Обойденные» — «Отечественные записки», 1865, № 18 (окончание — *19 декабря,* № 24).

Октябрь. Высылка А. Бенни за границу после тюремного заключения.

1865

Л. вступил в гражданский брак с вдовой Екатериной Степановной Бубновой (урожд. Савицкой).

1865—1866

Работа над повестью «Островитяне».

1866

Январь — июль. Л. работает над 1-й частью хроники «Чающие движения воды» (впоследствии: «Соборяне»).

Февраля 3... 28 (?). Выход первого отдельного издания романа «Обойденные», СПб., тип. А. А. Краевского, 1866 (оттиски из «Отечественных записок»).

Апреля 4. Публикация очерка «Воительница» — «Отечественные записки», 1866, № 7, кн. I.

Апрель... август (?). Написана большая статья в ответ на статью Ю. Г. Жуковского «Вопросы молодого поколения» («Современник», 1866, № 3). Она была отдана в «Отечественные записки», но света не увидела и нам неизвестна.

Июля 12. Родился сын Л. и Е. С. Бубновой — Андрей.

Сентября 1. Публикация статьи «Русский драматический театр в Петербурге» — «Отечественные записки», 1866, № 17, кн. 1.

Сентября 15. Л. проводит день вместе с Е. Ф. Зариным, В. В. Крестовским и Л. Н. Майковым на даче у С. С. Дудышкина в Павловске. На другой день Дудышкин скоропостижно умирает. *19 сентября* Л. присутствует на его похоронах и от волнения не может выступать.

Ноября 10. Начало публикации «Островитян» и публикация второй статьи «Русский драматический театр в Петербурге» — «Оте-

чественные записки», 1866, № 21, кн. 1 (окончание «Островитян» — *15 декабря,* № 24, кн. 1).

Декабря 15. Публикация третьей статьи «Русский драматический театр в Петербурге» — «Отечественные записки», 1866, № 24, кн. II.

1867

Января 15. Выход первого отдельного издания «Островитян», СПб., изд. М. Иванова, 1867.

Марта 11. Публикация четвертой статьи «Русский драматический театр в Петербурге» — «Отечественные записки», 1867, № 5, кн. I.

Марта 29. Начало публикации хроники «Чающие движения воды» — «Отечественные записки», 1867, № 6, кн. II. Печатание хроники в журнале А. А. Краевского было прекращено с № 8 из-за разногласий между автором и издателем.

Мая 26. Дата драмы «Расточитель».

Августа 8. Публикация драмы «Расточитель» — «Литературная библиотека», 1867, № 13-14, кн. I—II.

Августа 16... 31 (?). Выход отдельного издания драмы «Расточитель», СПб., в тип. В. Спиридонова, 1868 (оттиск из «Литературной библиотеки»).

Сентября 13. Публикация статьи «Летопись литературных странностей и безобразий. I. Литератор-красавец» ⟨о повести В. П. Авенариуса «Ты знаешь край»⟩ — «Литературная библиотека», 1867, № 17, кн. I.

Октября 14. Публикация пятой статьи «Русский драматический театр в Петербурге» — «Литературная библиотека», 1867, № 19, кн. I.

Ноября 1. Первая постановка «Расточителя» в Александринском театре в бенефис Е. М. Левкеевой.

Декабря 1. Публикация шестой статьи «Русский драматический театр в Петербурге» — «Литературная библиотека», 1867, № 22, кн. II.

Декабря 15/27. Рим. В госпитале св. Агаты скончался от раны, полученной под Ментаной в гарибальдийском отряде, Артур Бенни.

1868

Февраля 4. Публикация глав I—IV хроники «Божедомы» (впоследствии: «Соборяне») — «Литературная библиотека», 1868, № 1.

Февраля 14. Дата предисловия «От автора» к сборнику «Повести, очерки и рассказы М. Стебницкого», т. I. СПб., 1867 (сборник вышел *16 февраля).*

Февраля 23. Публикация статьи Тургенева — «Письмо к редактору «С.-Петербургских ведомостей» (В. Ф. Коршу). Тургенев возражал против недостойных намеков, порочащих память А. Бенни, в некрологе его, помещенном в «С.-Петербургских ведомостях» *7 февраля.* С этим выступлением Тургенева связан у Л. замысел «Загадочного человека».

Март (?). Публикация глав V—VIII «Божедомов» — «Литературная библиотека», 1868, № 2. Печатание хроники на этом прекратилось.

Март — мая начало. Работа над очерком о Бенни — «Загадочный человек».

Апреля 4. Л. в письме к Н. Н. Страхову просит «какую-нибудь работу» в «Журнале министерства народного просвещения». «Ведь просто приткнуться некуда тому, кто написал «Некуда».

Июнь. Переговоры с В. В. Кашпиревым о печатании «Божедомов» в организуемом им журнале «Заря».

Декабря 20. Первая постановка «Расточителя» в московском Малом театре в бенефис Е. Е. Чумаковской.

1869

Марта 6. Начало публикации хроники «Старые годы в селе Плодомасове» — «Русский вестник», 1869, № 2.

Марта 9. Начало публикации серии статей «Герой Отечественной войны по гр. Л. Н. Толстому» — «Биржевые ведомости», 1869, № 66.

Апреля 14... 19. Выход сборника «Рассказы Стебницкого (Н. С. Лескова)», т. II, СПб., 1869.

Июня 8. Публикация статьи «Большие брани» — «Биржевые ведомости», 1869, № 153.

Августа 3. Начало публикации серии фельетонов «Русские общественные заметки» — «Биржевые ведомости», 1869, № 208.

Августа 12. В заседании С.-Петербургского окружного суда слушалось дело по иску В. В. Кашпирева о взыскании с Л. аванса за «Божедомов» и по встречному иску Л. Обеим сторонам было отказано.

Декабря 3. Начало публикации очерка «Популярные русские люди. ⟨1.⟩ М. А. Милорадович. ⟨2.⟩ А. П. Ермолов» — «Биржевые ведомости», 1869, № 329.

1870

Февраля 1—18. Публикация очерка «Загадочный человек» — «Биржевые ведомости», 1870, №№ 51, 54, 56, 58, 60, 64, 66, 76, 78.

Март... апрель. Л. посылает в Москву в редакцию «Русского вестника» повесть «Смех и горе».

Ноября 8. Начало публикации романа «На ножах» — «Русский вестник», 1870, № 10 (окончание — *7 ноября 1871*).

Декабря 18. Письмо к С. А. Юрьеву в Москву с планом сотрудничества в его новом журнале «Беседа».

1871

Января 4. Начало публикации повести «Смех и горе» — «Современная летопись», 1871, № 1 (окончание — *10 мая*, № 16).

Марта 4. Л. был на организационном собрании Литературно-художественного кружка в гостинице Демута. Присутствовало 160 представителей литературы и искусства; среди них: И. С. Тургенев, П. В. Анненков, М. О. Микешин, П. Д. Боборыкин, А. Г. Рубинштейн, М. А. Балакирев, В. В. Самойлов, М. А. Зичи, М. П. Клодт.

Марта 9. Выехал из Петербурга в Москву. Во время пребывания в Москве Л. продал «Божедомы» М. Н. Каткову для «Русского вестника», а С. А. Юрьеву передал для «Беседы» письма Д. П. Журавского и Л. А. Нарышкина «Из глухой поры».

Марта 19 (?). Вернулся в Петербург из Москвы.

Апреля 6. Письмо к А. Ф. Писемскому в Москву с восторженным отзывом о его романе «В водовороте».

Мая 7. Посылает П. К. Щебальскому в Москву переделанный конец и посвящение ему повести «Смех и горе».

Июня около 15 (?). Письмо к Тургеневу об Артуре Бенни, приложенное к очерку «Загадочный человек». Л. говорит в нем о своем желании вслед за Тургеневым защитить память Бенни от клеветы.

Июня 12... 19. Выход отдельного издания очерка «Загадочный человек», СПб., 1871.

Июня 20... 26. Выход отдельного издания «Смех и горе», М., 1871.

Июля 4. Окончена часть V романа «На ножах» и послана в Москву в редакцию «Русского вестника» (часть VI была закончена несколько ранее).

Сентября 17. В «С.-Петербургских ведомостях» опубликовано «Письмо к редактору» Г. Бенни (брата Артура) с протестом против издания «Загадочного человека» (№ 256).

Октября 22 (?). Л. выехал из Петербурга в Москву.

Октября 28... 29. Вернулся в Петербург из Москвы.

Ноября 7... 20. Выход отдельного издания «На ножах», М., 1871.

1872

Апреля 15. Начало публикации хроники «Соборяне» — «Русский вестник», 1872, № 4 (окончание — *27 июля,* № 7).

Мая 9. Публикация статьи «Страна изгнания» ⟨о книге С. И. Турбина и М. Я. Знаменского⟩ — «Русский мир», 1872, № 119.

Июня начало (?). Поездка по Ладожскому озеру на острова Коневец и Валаам, вызвавшая серию статей «Монашеские острова». Задуман «Очарованный странник».

Июль — декабрь. Работа над рассказом «Запечатленный ангел».

Августа 1... 14 (?). Л. был в Москве, где встречался с А. Ф. Писемским.

Августа 26... сентября 2. Выход отдельного издания «Соборян», М., 1872.

Сентября 22... октября 8. Пребывание в Петербурге А. Ф. Писемского и встречи с ним Л.

Октября 15... 21. Выход «Сборника мелких беллетристических произведений Н. С. Лескова-Стебницкого», СПб., 1873.

Ноября 19... 25. Выход романа В. Гюго «Труженики моря», «приспособленного для детей М. Стебницким», ч. I и II, СПб. — М., ⟨1872⟩.

1873

Января 17. Публикация рассказа «Запечатленный ангел» — «Русский вестник», 1873, № 1.

Январь... март. Л. посылает в Москву в «Русский вестник» первую редакцию повести «Очарованный странник» (под названием «Черноземный Телемак»).

Январь — ноябрь. Написана хроника «Захудалый род».

Февраля 19. Выход главы VII «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского с отзывом о «Запечатленном ангеле» — «Гражданин», 1873, № 8.

Марта 18. Л. предлагает через В. П. Мещерского напечатать «Очарованного странника» в журнале Достоевского «Гражданин». Рассказ не был принят редакцией журнала.

Мая 10. Л. получает письмо Н. И. Любимова об отказе М. Н. Каткова напечатать «Очарованного странника» в «Русском вестнике» из-за цензурных и литературных соображений.

Июнь — июль (?). Проводит лето в Новом Петергофе.

Июля 24. Публикация статьи «Адописные иконы» — «Русский мир», 1873, № 192.

Августа 8 — сентября 8. Публикация серии путевых заметок «Монашеские острова на Ладожском озере» — «Русский мир», 1873, №№ 206—208, 219, 220, 224, 226, 227, 232, 233, 236.

Сентября 26. Публикация статьи «О русской иконописи» — «Русский мир», 1873, № 254.

Октября 15 — ноября 23. Публикация повести «Очарованный странник, его жизнь, опыты, мнения и приключения» — «Русский мир», 1873, №№ 272, 274, 276, 279, 281, 283, 286, 288, 290, 293, 295, 297, 300, 302, 304, 307, 309, 311.

Декабря 2... 8. Выход сборника «Запечатленный ангел. Монашеские острова на Ладожском озере», СПб., 1874.

Декабря 15. Собрание представителей литературы и искусства у В. П. Гаевского по вопросу об издании литературного альманаха «Складчина» в пользу голодающих самарцев. Присутствовали: М. Е. Салтыков-Щедрин, Я. П. Полонский, А. Н. Майков, И. А. Гончаров, А. Н. Островский, Ф. М. Достоевский и др.

Декабря 16... 22. Выход отдельного издания повести «Очарованный странник», СПб., 1874.

Декабря 19. Второе собрание литераторов у В. П. Гаевского по поводу издания «Складчины». Присутствовали: Л., И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, А. А. Краевский, Н. С. Курочкин, А. Н. Майков, М. О. Микешин, Н. К. Михайловский, Н. А. Некрасов, А. В. Никитенко, А. Н. Островский, А. Н. Плещеев, Я. П. Полонский, В. А. Соллогуб, М. М. Стасюлевич и др.

1874

Января 1. Л. назначен членом особого отдела Ученого комитета министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народа.

Марта 3. Присутствует на чтении А. Н. Майковым его перевода «Агамемнона» Эсхила в доме И. А. Гончарова. Знакомится здесь с А. В. Никитенко.

Марта 7. Публикация очерка «Дневник Меркула Праотцева» — «Русский мир», 1874, № 63.

Апреля 22. Начало публикации рассказа «Павлин» — «Нива», 1874, № 17.

Июня 8... 15 (?). Л. выехал из Петербурга в Киев (через Москву).

Июля 22. Начало публикации хроники «Захудалый род» — «Русский вестник», 1874, № 7 (окончание — *30 октября,* № 10).

Августа 1... 10 (?). Вернулся в Петербург из Киева.

Октябрь (?). Л. расходится с М. Н. Катковым во взглядах на дворянство и отказывается дописывать «Захудалый род». «Разошлись вежливо, но твердо и навсегда». Катков сказал по этому случаю о Л.: «Жалеть нечего, — он совсем не наш».

Ноябрь. Л. ищет себе место в какой-нибудь торговой конторе или в другом подобном учреждении. Обращается с этим вопросом к И. С. Аксакову. Однако поиски остаются безрезультатными.

Декабря 31. Встреча Нового года у Ю. Д. Засецкой.

1874

Написана повесть «Детские годы» («Из воспоминаний Меркула Праотцева)».

1875

Января 1. Начало публикации рассказа «Блуждающие огоньки» (впоследствии: «Детские годы. Из воспоминаний Меркула Праотцева») — «Нива», 1875, № 1.

Январь. Знакомство с И. А. Шляпкиным. Л. показывает ему свою библиотеку.

Марта около 15. Выход отдельного издания хроники «Захудалый род», СПб., 1875 (текст, исправленный автором после искажений, внесенных Катковым в публикацию «Русского вестника»).

Мая 9. Выезжает за границу (через Москву).

Мая 10—11 (?). Москва. Проводит день на даче у И. С. Аксакова. Аксаков просит Л. зайти в Париже к И. С. Гагарину, утверждая непричастность того к авторству анонимного пасквиля, посланного в 1836 году Пушкину.

Мая 20... 22/июня 1... 3. Приезжает в Париж. Знакомство с И. С. Гагариным и разговор с ним о Пушкине и преддуэльной истории. Встречи с Ф. И. Буслаевым. Посещение театра Comédie Française.

Июня 25... 28/июля 7... 10. Присутствует на заседании Национального собрания в Версале, где слушает речь Гамбетты.

Июля 3/15. Выезжает из Парижа. *4/16 июля* приезжает в Мариенбад для лечения водами.

Июля 14... 19/26... 31. Мариенбад. Начат роман «Чертовы куклы».

Августа 8/20. Выехал из Мариенбада в Прагу. С *9/21* по *15/27 августа* — в Праге. *18/30 августа* — в Дрездене. Прогулка пешком по

Саксонской Швейцарии. Проезжает через Гамбург и Варшаву. В Варшаве встречается с П. К. Щебальским.

Августа около 15. Выход отдельного издания рассказа «Павлин», СПб., 1876.

Сентября около 1. Возвращение в Петербург.

Октября 21. У Л. был И. А. Шляпкин. Л. рассказывал ему об А. К. и Л. Н. Толстых.

Декабря 28. Начало публикации рассказа «На краю света» — «Гражданин», 1875, № 52 (окончание — *8 февраля 1876*).

1876

Января 15. В письме к П. К. Щебальскому Л. определяет свое положение: «В литературе за мной признают силу и с каким-то сладострастием ее убивают, если уж не убили. Я не пишу ничего — не могу!»

Февраля 18. Л. дарит И. А. Шляпкину рукописи хроники «Захудалый род» и рассказа «Темняк» (ранняя редакция рассказа «На краю света»).

Апреля 2. Дата рассказа «Три добрые дела» (впоследствии: «Пигмей»). Напечатан на другой день в «Гражданине», № 14.

Мая 9... 14. Выход отдельного издания «На краю света», СПб., 1876.

Июня середина — августа начало (?). Л. проводит лето с сыном в с. Пикруки (под Выборгом) на даче Ю. Д. Засецкой.

Сентября 18. Начало публикации рассказа «Железная воля» — «Кругозор», 1876, № 38.

Сентября 20... 25. Начало публикации очерка «Великосветский раскол» — «Православное обозрение», 1876, № 9.

1877

Января 8. Выход романа И. Крашевского «Фаворитки короля Августа II», т. I—II. Перевод с польского под редакцией Л., СПб., 1877.

Января 15. Начало публикации очерка «Владычный суд» — «Странник», 1877, № 1.

Февраля около 15. Начало публикации рассказа «Морской капитан с сухой Недны» (впоследствии: «Бесстыдник») — «Сборник морских статей и рассказов». Ежемес. прибавление к морской газете «Яхта», 1877, № 2.

Февраля 12... 15. Выход отдельного издания очерка «Велико-

светский раскол», М., 1877 (вышло в свет раньше окончания публикации в февральской книжке «Православного обозрения»).

Июня 3. Л. причислен к министерству государственных имуществ «с оставлением на службе и по министерству народного просвещения».

Июля около 20. Начало публикации статьи «Карикатурный идеал. Утопия из церковно-бытовой жизни» — «Странник», 1877, № 8 (окончание — *около 12 октября,* № 10).

Июля 16... 31. Выход отдельного издания очерка «Владычный суд», СПб., 1877.

Августа начало. Окончательный разрыв с Е. С. Бубновой. Л. с сыном Андреем переезжает в дом купца Семенова (угол Коломенской ул. и Кузнечного пер.).

Октября 13. Начало публикации рассказа «Некрещеный поп» — «Гражданин», 1877, № 23-24.

Ноября 1. Л. зачислен чиновником особых поручений при министре государственных имуществ П. А. Валуеве.

Декабря 1... 15. Выход отдельного издания рассказа «Некрещеный поп», СПб., 1878.

1878

Января 3. Начало публикации рассказа «Явление духа» — «Кругозор», 1878, № 1 (продолжения публикации не последовало).

Марта 16. О. В. Лескова, как душевнобольная, помещена в больницу св. Николая-чудотворца в Петербурге.

Апреля 1. Публикация рассказа «Ракушанский меламед» — «Русский вестник», 1878, № 3.

Июня 28. Л. переезжает на лето в Сестрорецк. *В начале июля,* вероятно временно, возвращается в Петербург.

Сентября 14. Начало публикации «картинок с натуры» «Мелочи архиерейской жизни» — «Новости», 1878, № 236 (окончание — *20 ноября,* № 298).

Декабря 16. Начало публикации очерка «Русское тайнобрачие» — «Новости», 1878, № 322.

1879

Января 8. Л. участвует в заседании литературного кружка, где представляет членам его И. А. Шляпкина. Присутствовали: А. П. Милюков, А. Н. Майков, Н. А. Лейкин, Ф. Н. Берг, В. В. Крестовский и др.

Февраля около 15. Выход отдельного издания «Мелочей архие-

рейской жизни», СПб., 1879. — Л. дарит И. А. Гончарову экземпляр книги.

Июня 9. Начало публикации «картинок с натуры» «Архиерейские встречи» — «Новости», 1879, № 145.

Июня 14. Выезжает на пароходе в Ригу и поселяется в местечке Карлсбад под Дуббельном. Здесь написаны рассказы «Однодум» и «Шерамур».

Июля около 15. Выход сборника «Русские богоносцы. Религиозно-бытовые картины Н. С. Лескова. I. На краю света. II. Владычный суд», СПб., 1880.

Сентября 20. Начало публикации рассказа «Однодум» — «Еженедельное новое время», 1879, № 37-38.

Ноября 5. Выход очерка «Из мелочей архиерейской жизни» (ответ критикам Е. А. Попову и А. И. Предтеченскому) — «Новое время», 1879, № 1325.

Ноября 9. Дата «Письма в редакцию» — «Последнее слово о «Мелочах ⟨архиерейской жизни⟩». Напечатано на другой день в «Новом времени», 1879, № 1330.

Декабря 2. Начало публикации рассказа «Шерамур» — «Новое время», 1879, № 1352.

Декабря 25. Публикация рассказа «Рождественский вечер у ипохондрика» (впоследствии: «Чертогон») — «Новое время», 1879, № 1375.

1880

Января 1. Публикация рассказа «Кадетский монастырь» — «Исторический вестник», 1880, № 1.

Февраля 29. Публикация рассказа «Русский демократ в Польше» — «Исторический вестник», 1880, № 3.

Марта 15... 23. Выход сборника рассказов «Три праведника и один Шерамур», СПб., 1880.

Мая начало. Л. заболевает воспалением легких. Во время болезни написаны очерки «Из мелочей архиерейской жизни» (см. *июня 1*).

Июня 1. Публикация очерков «Из мелочей архиерейской жизни» («I. Случай с генералом у митрополита. II. Владычний взгляд на военное красноречие») и статьи «Митрополит Исидор в его литературных интересах» — «Исторический вестник», 1880, № 6.

Июня 1. Начало публикации очерков «Случаи из русской демономании» — «Новое время», 1880, № 1529.

Июня 12. Публикация очерка «Духовный суд» (впоследствии: «Епархиальный суд») — «Новости», 1880, № 153.

Июня 15... 22. Ездил на несколько дней в Старую Руссу. Вернулся в Петербург *25 июня.*

Июля 1. Публикация очерка «Анекдот об императоре Александре I» — «Исторический вестник», 1880, № 7.

Июля 1 — октября 10 (?). Работа над рассказом «Несмертельный Голован».

Июля 16... 23. Выход второго, значительно дополненного, издания «Мелочей архиерейской жизни», СПб., 1880.

Июля около 20. Отъезд в Киев. Свидания с Ф. А. Терновским, старыми друзьями и родными.

Августа 1... 10 (?). Был в Каневе.

Августа 19. Возвращение в Петербург из Киева.

Ноября 23. Начало публикации очерка «Неуловимый многоженец» — «Новое время», 1880, № 1703.

Ноября 30. Присутствует на вечере у А. С. Суворина в честь И. Ф. Горбунова и выступает с небольшой речью.

Декабря 1. Публикация рассказа «Несмертельный Голован» — «Исторический вестник», 1880, № 12.

Декабря 11. Начало публикации очерков «Религиозные обряды евреев» — «Петербургская газета», 1880, № 244.

Декабря 23. Отчислен от министерства государственных имуществ «согласно прошению».

Декабря 25. Публикация рассказа «Белый орел» — «Новое время», 1880, № 1735.

1881

Января 1. Публикация очерка «Император Франц-Иосиф без этикета» — «Исторический вестник», 1881, № 1.

Января 6. Публикация рассказа «Христос в гостях у мужика» — «Игрушечка», 1881, № 1.

Января 28. Скончался Ф. М. Достоевский. *31 января* Л. был на выносе тела из квартиры Достоевского (в Кузнечном пер.) и провожал его до ворот Александро-Невской лавры.

Февраля 1—28. Л. пишет очерк о социалистическом движении среди рабочих «Фабричный пророк (из рассказов о трех праведниках» (впоследствии: «Обнищеванцы») для газеты И. С. Аксакова «Русь».

Февраля 28. Начало публикации очерков «Обнищеванцы» — «Русь», 1881, № 16.

Марта 1. Публикация автобиографического очерка «Дворянский бунт в Добрынском приходе» — «Исторический вестник», 1881, № 3.

Апрель — мая начало. Работа над произведениями «Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе» и «Леон, дворецкий сын».

Мая 1. Публикация очерка «Святительские тени» — «Исторический вестник», 1881, № 5.

Мая 24... 31. Выход сборника «Русская рознь. Очерки и рассказы (1880 и 1881)», СПб., 1881.

Мая 27—31 (?). Л. по дороге в Киев показывает своему сыну Андрею Москву.

Июнь — июля 21. Л. проводит лето в Киеве и Каневе.

Октябрь. Л. устраивает у себя литературные вечера в первую субботу каждого месяца в течение всего зимнего сезона. На них бывают: Н. А. Лейкин, А. Н. Майков, С. Н. Шубинский, М. И. Пыляев, А. Ф. Иванов-Классик, С. Н. Терпигорев, Е. П. Карнович, С. В. Максимов, Ф. В. Вишневский, В. О. Михневич, П. К. Мартьянов, А. Н. Тюфякова и другие знакомые Л.

Октября 17. Начало публикации рассказа «Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе» — «Русь», 1881, № 49.

Октября 18. Встреча у А. С. Суворина с И. Ф. Горбуновым, Д. В. Григоровичем и С. В. Максимовым.

Октября 24... 31. Публикация рассказа «Леон, дворецкий сын» — «Юбилейная книжка». Премия к собранию романов, изд. Е. Н. Ахматовой. СПб., 1881.

Декабря 5. Публикация рассказа «Дух госпожи Жанлис» — «Осколки», 1881, № 49.

Декабрь — февраль 1882. Работа над романом «Соколий перелет» (не был закончен).

1882

Марта 6. Начало публикации рассказа «Московский козырь» (впоследствии: «Штопальщик») — «Газета Гатцука», 1882, № 10.

Марта 19. Л. выступал на литературно-музыкальном вечере Пушкинского кружка с чтением «Левши».

Апреля 1. Публикация очерка «Иродова работа» — «Исторический вестник», 1882, № 4.

Апреля 16... 23. Выход отдельного издания «Сказа о тульском левше и о стальной блохе», СПб., 1882.

Мая 1. Публикация статьи «Церковные интриганы» и извещения «От Н. С. Лескова» (дата *27 марта*) — «Исторический вестник», 1882, № 5.

Июня 10. Дата заметки «О русском левше». Напечатана на следующий день — «Новое время», № 2256.

Июня 16... 30 (?). Написана статья «О шепотниках и печатниках (Из литературных воспоминаний)». При жизни Л. напечатана не была (не полностью опубликована в книге А. Н. Лескова «Жизнь Николая Лескова».

Августа 1. Публикация заметки «Официальное буффонство» — «Исторический вестник», 1882, № 8.

Августа 1... 20. Л. ездил с сыном в с. Важино на р. Свири. На обратном пути они проехали в Александро-Свирский монастырь.

Августа 14. Начало публикации рассказа «Жидовская кувыркалегия» — «Газета Гатцука», 1882, № 33.

Сентября 1. Публикация статьи «Забыта ли Тарасова могила?» — «Новое время», № 2338.

Сентября конец — октября начало. Написана статья «Русские деятели в Остзейском крае».

Ноября 1. Публикация очерка «Синодальные персоны» — «Исторический вестник», 1882, № 11.

Ноября 1... 30 (?). Публикация статьи «О картине «Никита Пустосвят» ⟨В. Г. Перова⟩ — «Художественный журнал», 1882, № 11.

Ноября 5 и 6. Публикация рассказа «Последнее привидение Инженерного замка» (впоследствии: «Привидение в Инженерном замке») — «Новости и Биржевая газета», 1882, №№ 294 и 295.

Декабря 20. Дата очерка «Печерские антики».

Декабря 25. Публикация рассказа «Рождественская ночь в вагоне» (впоследствии: «Путешествие с нигилистом») — «Новое время», 1882, № 2453.

1883

Января 4. Начало публикации очерков «Картины прошлого. Брачные истории тридцатых годов» — «Новое время», 1883, № 2461.

Февраля 1. Публикация статьи «Поповская чехарда и приходская прихоть» — «Исторический вестник», 1883, № 2.

Февраля 9. «Определением» министра народного просвещения И. Д. Делянова Л. отчислен от министерства с увольнением от звания члена особого отдела Ученого комитета «по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения» (приказ от *21 февраля*).

«Дело рассказывать долго нечего, — писал Л. 12 марта Ф. А. Терновскому, — оно произошло 9-го февраля — с глазу на глаз у Дел⟨янова⟩, который все просился «не сердиться», что «он сам ничего», — что «все давления со вне». «Прошения не подал, и на просьбу «упомянуть о прошении» — *не согласился*». «Не огорчен я нисколько, но рассержен был очень и говорил прямо и сказал

много горькой правды. На вопрос: «зачем вам такое увольнение» — я ответил: «для некролога» — и ушел».

Февраля 11. Начало публикации очерка «Печерские антики» — «Киевская старина», 1883, № 2 (окончание — *13 апреля 1883).*

Февраля 19. Дата рассказа «Тупейный художник» («День освобождения крепостных и суббота «поминовения усопших»).

Февраля 19. Публикация глав I—IV романа «Соколий перелет» — «Газета Гатцука», 1883, № 7.

Февраля 19. Смерть издателя М. О. Вольфа в день, когда им должно было быть подписано условие на издание собрания сочинений Л. *22 февраля* Л. был на его погребении.

Февраля 26. Публикация глав V—VI романа «Соколий перелет» — «Газета Гатцука», 1883, № 8.

Марта 5. Публикация глав VII—VIII романа «Соколий перелет» — «Газета Гатцука», 1883, № 9.

Марта 6. Публикация рассказа «Тупейный художник» — «Художественный журнал», 1883, № 2.

Марта 8. Л. пишет «Письмо в редакцию «Новостей и Биржевой газеты» об увольнении его от службы в министерстве народного просвещения без прошения (напечатано *10 марта* в № 65).

Марта 10. Л. пишет «Письмо в редакцию «Газеты Гатцука» о причинах нежелания его продолжать печатание романа «Соколий перелет» (напечатано *12 марта* в № 10).

Марта 12. Публикация глав IX—X романа «Соколий перелет» — «Газета Гатцука», 1883, № 10. Печатание романа на этом прекратилось из-за цензурных условий.

Марта 19. Публикация очерка «Голос природы» — «Осколки», 1883, № 12.

Апреля 1... 10 (?). Публикация рассказа «Благоразумный разбойник» — «Художественный журнал», 1883, № 3.

Апреля 1 и 3. Публикация статьи «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, как ересиархи» — «Новости и Биржевая газета», 1883, №№ 1 и 3.

Апреля 3. Публикация статьи «Литературное бешенство» — «Исторический вестник», 1883, № 4.

Апреля 7. Л. сообщает директору Орловской гимназии о передаче полученной им золотой медали (за работу в особой комиссии министерства народного просвещения) «беднейшему из воспитанников», кончающих гимназию в 1884 году.

Апреля 21. Начало публикации очерков «Картины прошлого. Патриотическое юродство и Сеничкин яд в тридцатых годах XIX века» — «Новости и Биржевая газета», 1883, № 19.

Мая 1. Публикация заметки Л. «Коварный прием» по поводу его увольнения из министерства народного просвещения — «Исторический вестник», 1883, № 4. Эта заметка является ответом на выпад К. К. Арсеньева против Л. в статье «Из общественной хроники» — «Вестник Европы», 1883, № 4 (вышел *1 апреля*).

Июнь — август. Л. проводит лето в Шувалове на даче. Встречи с Н. А. Лейкиным, Д. Д. Минаевым, П. К. Мартьяновым, Е. П. Карновичем.

Августа 26. Шувалово. Дата очерка о писателе и фольклористе демократического лагеря П. И. Якушкине (помещен в книге: Сочинения П. И. Якушкина, СПб., 1884. Вышла *около 15 ноября* 1883).

Сентября 10. Начало публикации рассказа «Путимец» — «Газета Гатцука», 1883, № 39.

Октября 10. Выехал в Москву.

Октября 12. Москва. Встреча с Чеховым. Дарственная надпись Чехову на «Сказе о тульском левше», 1882.

Октября 19. Возвращение в Петербург.

Октября 22. Публикация рассказа «Маленькая ошибка» — «Осколки», 1883, № 43.

Ноября 2. Начало публикации очерка «Русские деятели в Остзейском крае» — «Исторический вестник», 1883, № 11.

Ноября 8. Начало публикации очерков «Картины прошлого. Бетреники» — «Россия», 1883, № 10.

Ноября конец. В семье Л. появляется четырехлетняя Варя Кукк, ставшая вскоре его приемной дочерью.

Декабря 4. Публикация статьи «О русских именах» — «Новости и Биржевая газета», 1883, № 245.

Декабря 24. Публикация рассказа «Неразменный рубль» — «Задушевное слово», 1883, № 8.

Декабря 25. Публикация рассказа «Зверь» — «Газета Гатцука», 1883, рождественское приложение.

1883—1884

Написаны рассказы «Дикая фантазия» и «Справедливый человек».

1884

Января 7. Начало публикации рассказа «Отборное зерно» — «Живописное обозрение», 1884, № 2.

Января 14. Начало публикации серии рассказов «Заметки неизвестного» — «Газета Гатцука», 1884, № 2.

Января 28. Начало публикации рассказа «Старый гений» — «Осколки», 1884, № 4.

Л. выступает на литературно-музыкальном вечере Пушкинского кружка с чтением «Заметок неизвестного».

Февраля около 5. Выход книги «Еврей в России», СПб., 1884.

Февраля 5. Публикация статьи «Как дорожат писаниями графа Льва Толстого» — «Новости и Биржевая газета», 1884, № 36.

Марта 13. 6 часов вечера. Выступает с приветственной речью на торжественном обеде по случаю приезда в Петербург Ф. Шпильгагена в «Hôtel de France».

Апреля 7. Окончание публикации рассказов «Заметки неизвестного» — «Газета Гатцука», 1884, № 14. Прекращена по цензурным условиям, по настоянию Е. М. Феоктистова.

Мая 31. Выехал из Петербурга в Варшаву (приехал туда *1 июня*).

Июня 2/14. Выехал из Варшавы в Дрезден.

Июня 4/16. Приехал из Дрездена в Мариенбад.

Июля 5. Опубликовано «высочайшее повеление» (от *5 января*) об изъятии из библиотек ста двадцати пяти произведений, в том числе и «Мелочей архиерейской жизни».

Июля 18/30. Л. выехал из Мариенбада в Дрезден.

Июля 19/31. Выехал из Дрездена в Прагу. В Праге — *21 июля/2 августа* и в тот же день выехал в Вену.

Июля 27/августа 8. Выехал из Вены в Варшаву (*28 июля/9 августа* — в Варшаве; *29 июля/10 августа* выехал в Петербург).

Июля 31 (?). Приехал в Петербург.

Сентября 3. Публикация статьи «Откуда пошла глаголемая «ерунда» или «хирунда» — «Новости и Биржевая газета», 1884, № 243.

Октября 15. Дата письма в редакцию «Об обеде Н. С. Лескову» (напечатано на другой день — «Новости и Биржевая газета», № 286).

Ноября 1. Публикация глав I—XI романа «Незаметный след» и рассказа «Новозаветные евреи» — «Новь», 1884, № 1.

Ноября 17. Публикация глав XII—XXVI романа «Незаметный след» и рассказа «Два свинопаса» — «Новь», 1884, № 2.

Декабря 2. Публикация рассказа «Загадочное происшествие в сумасшедшем доме» — «Новь», 1884, № 3.

Декабря 5. Был на похоронах Н. С. Курочкина на Волковом кладбище.

Декабря 10. Дата «Авторского признания». Напечатано *15 декабря* в «Варшавском дневнике», 1884, № 266.

Декабря 16. Публикация рассказа «Совместители» — «Новь», 1884, № 4.

1885

Января 1. Публикация рассказа «Жемчужное ожерелье» — «Новь», 1885, № 5, а также очерка «Один из трех праведников» 〈об А. П. Боброве〉 — «Исторический вестник», 1885, № 1.

Января 15. Публикация рассказа «Александрит» — «Новь», 1885, № 6.

Февраля 1. Публикация очерка «Подмен виновных» — «Исторический вестник», 1885, № 2.

Февраля 15. Начало публикации рассказа «Старинные психопаты» — «Новь», 1885, № 8.

Февраля 16. Публикация статьи «Три первоклассные писателя» 〈Л. Н. Толстой, Г. И. Успенский, Н. Н. Златовратский〉 — «Петербургская газета», 1885, № 45.

Марта 9. Начало публикации рассказа «Пугало» — «Задушевное слово», 1885, № 19.

Марта 15. Начало публикации рассказа «Интересные мужчины» — «Новь», 1885, № 10.

Апреля 15. Публикация рассказа «Таинственные предвестия» — «Новь», 1885, № 12.

Мая 8... 15. Выход отдельного издания рассказа «Христос в гостях у мужика», М., 1885.

Июня 10 (?). Л. переехал на лето в Дуббельн.

Июля 15... 25. Посещает А. Ф. Кони, живущего в Дуббельне (вероятно, это их первая встреча).

Августа 18... 21 (?). Возвратился в Петербург из Дуббельна.

Августа 22. Был на открытии бюста на могиле Тургенева на Волковом кладбище.

Октября 30. Публикация рассказа «Пагубники» — «Новь», 1885, № 1.

Ноября 23... 27. С.-Петербургский цензурный комитет постановил вырезать и уничтожить напечатанную в № 12 «Исторического вестника» статью Л. «Бракоразводное забвение».

Декабря 9... 15. Выход сборника «Святочные рассказы Н. С. Лескова». СПб. — М., 1886.

1886

Февраля 1. Публикация рассказа «Уха без рыбы» — «Новь», 1886, 7.

Марта 15. Публикация рассказа «Алеутский духовидец» — «Эпоха», 1886, № 2.

Апреля 16. Киев. Скончалась М. П. Лескова, мать писателя.

Апреля 30. Запрещение С.-Петербургским цензурным комитетом «Повести о богоугодном дровосеке».

Май — июня 15 (?). Написана повесть «Скоморох Памфалон».

Июня 1. Публикация статьи «Геральдический туман» — «Исторический вестник», 1886, № 6.

Июня 4. Начало публикации статьи «О куфельном мужике и о проч.» — «Новости и Биржевая газета», 1886, № 151.

Июня 9. Публикация статьи «Откуда заимствован сюжет пьесы графа Л. Н. Толстого «Первый винокур» — «Новости и Биржевая газета», 1886, № 156.

Июня около 20. Л. переезжает на лето в Аренсбург.

Августа 1. Публикация статьи «Иезуит Гагарин в деле Пушкина» — «Исторический вестник», 1886, № 8.

Августа около 22. Возвращается в Петербург из Аренсбурга.

Ноября 1. Публикация очерка «Загробный свидетель за женщин» — «Исторический вестник», 1886, № 11. Начало публикации рассказа «Отцовский завет» — «Задушевное слово», № 1.

Декабря 20. Публикация рассказа «Сказание о Феодоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине» — «Русская мысль», 1886, № 12.

Декабря 24... 31. Выход сборника «Рассказы кстати», СПб. — М., 1886.

Декабря 25. Публикация статьи «О художном муже Никите и о совоспитанных ему» ⟨об изографе Н. С. Рачейскове⟩ — «Новое время», 1886, № 3889.

1886—1887

Л. работает над сборником «Обозрение Прологов» (изображение около сорока женских типов XII—XIII веков). В печати не появился.

1887

Февраля 4. Был на похоронах С. Я. Надсона на Волковом кладбище.

Февраля 8. Присутствует на открытии народного театра на Васильевском острове и в тот же день пишет об этом заметку (напечатана *9 февраля* в «Новом времени», № 3933).

Марта 1. Публикация повести «Скоморох Памфалон» — «Исторический вестник», 1887, № 3.

Апреля 2. Публикация рассказа «Спасение погибавшего

(1839 г.)» (впоследствии: «Человек на часах») — «Русская мысль», 1887, № 4.

Апреля 18. Письмо Л. к Л. Н. Толстому с просьбой разрешить прийти к нему во время ближайшего приезда в Москву («чтобы могло осуществиться мое давнее горячее желание видеться с вами в этом существовании»).

Апреля 19. Л. выехал из Петербурга в Москву.

Апреля 20 (?). Москва. Был у Л. Н. Толстого. Первая личная встреча (*25 апреля* Толстой писал В. Г. Черткову о Л.: «Какой умный и оригинальный человек»).

Апреля 22... 30. Л. вернулся из Москвы в Петербург.

Апрель — мая 12. Написан рассказ «Антука». *14 мая* послан С. Н. Шубинскому для «Исторического вестника», но отклонен последним, вероятно из-за цензурных соображений.

Мая около 25. Л. переехал на лето в Аренсбург.

Июля 16... 23. Выход отдельного издания «Сказания о Феодоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине» (с рис. Н. Денисова), М., 1887.

Июля 22... 24 (?). Аренсбург. Написана сатирическая заметка по поводу смерти М. Н. Каткова (последовавшей *20 июля*). При жизни Л. напечатана не была.

Июль. Начало работы над повестью «Зенон златокузнец» (впоследствии: «Гора»).

Августа 1... 8. Выход сборника «Повести и рассказы Н. С. Лескова», кн. I (I. Скоморох Памфалон. II. Спасение погибавшего), СПб., ⟨1887⟩.

Августа 16. Аренсбург. Дата статьи «Темнеющий берег». При жизни Л. напечатана не была.

Августа 20. Выехал в Петербург из Аренсбурга. Из-за бури пароход простоял в Гапсале двенадцать часов; Л. выходил в город.

Августа 22. Приехал в Петербург.

Ноября 1... 8. Выход сборника «Повести и рассказы Н. С. Лескова», кн. II («Очарованный странник»), СПб., ⟨1887⟩.

Ноября 20. Публикация очерка «Бытовые апокрифы» ⟨«Инженеры-бессребреники»⟩ — «Русская мысль», 1887, № 11.

Декабря 6. Публикация рассказа «Грабеж» — «Книжки «Недели», 1887, № 12.

Декабря 24... 31. Выход сборника «Повести и рассказы Н. С. Лескова», кн. III («Запечатленный ангел»), СПб., ⟨1887⟩.

Декабря 31. Встречал Новый год у А. С. Суворина; познакомился с Александром Павловичем Чеховым.

Конец года (?). Знакомство с И. Е. Репиным.

1888

Января 19. Начало публикации статьи «Пресыщение знатностью» — «Новое время», 1888, № 4271.

Февраля 3. Публикация легенды «Совестный Данила» — «Новое время», 1888, № 4286.

Февраля 7. Публикация заметки «Бибиковские «меры» — «Неделя», 1888, № 6.

Февраля 10. Л. читал Репину рассказ «Лев старца Герасима».

Февраль — марта 15 (?). Писалась легенда «Прекрасная Аза».

Марта 15. Встретился в редакции «Нового времени» с приехавшим из Москвы А. П. Чеховым.

Марта 24. Смерть В. М. Гаршина. *26 марта* Л. пишет А. С. Суворину: «Неужели Гаршин не стоил траурной каемки вокруг его трагического некролога?..»

Марта 30. Дарственная надпись Я. П. Полонскому на «последней корректуре» посвященной ему легенды «Прекрасная Аза».

Апреля 1. Публикация рассказа «Лев старца Герасима» (с рис. И. Е. Репина) — «Игрушечка», 1888, № 4.

Апреля 5. Публикация легенды «Прекрасная Аза» — «Новое время», 1888, № 4347.

Апреля 22. Л. благодарит в письме А. С. Суворина за предложение издать полное собрание его сочинений и договаривается об условиях.

Мая 1. Публикация рассказа «Умершее сословие» — «Книжки «Недели», 1888, № 5.

Мая 23... 25. Был в Европейской гостинице у Люсьена Мильвуа. Статья о нем напечатана *28 мая* — «Петербургская газета», 1888, № 145.

Июня 1. Публикация очерка «Первенец богемы в России» — «Исторический вестник», 1888, № 6.

Июня около 13. Л. переехал на лето в Аренсбург.

Августа 7. Выехал из Аренсбурга в Петербург. *Августа 9.* Приехал в Петербург.

Августа 9... 15. Выход сборника «Старые годы в селе Плодомасове», СПб., 1888.

Сентября около 30. Выход составленной П. В. Быковым «Библиографии сочинений Н. С. Лескова с начала его литературной деятельности — 1860 г. по 1887 г. (включительно)», СПб., 1889. (В продажу поступило 50 экз.) Ей посвящена статья Л. «Товарищеский подарок» («Новое время», 1888, № 4525, от *3 октября*).

Сентября 26. Репин в письме своем уговаривает Л. разрешить

ему приняться за его портрет: «Не я один, вся образованная Россия знает вас и любит как очень выдающегося писателя с несомненными заслугами, как мыслящего человека в то же время».

Октября 9. Публикация рассказа «Антука» — «Книжки «Недели», 1888, № 10.

Октября 28. Публикация фельетона «О хождении Штанделя по Ясной Поляне» — «Новое время», 1888, № 4550.

Ноября 6. Публикация фельетона «Девочка или мальчик?» — «Новое время», 1888, № 4559.

Ноября 14. Л. предлагает в письме к В. А. Гольцеву в Москву рассказ «Аскалонский злодей» для «Русской мысли».

Ноябрь. Запрещена цензурой повесть «Зенон златокузнец», предназначавшаяся для № 11 «Русской мысли».

Ноября конец... декабря начало. Репин начинает писать портрет Л. После трех сеансов портрет был брошен.

Декабря 11. Публикация рассказа «Колыванский муж» — «Книжки «Недели», 1888, № 12.

Декабря 24—25. Написан рассказ «Маланья — голова баранья». При жизни Л. напечатан не был.

1889

Января 9... 15. Выход отдельного издания рассказа «Котин доилец», СПб., б. г.

Января 12. Был у Т. П. Пассек. Ее памяти (она умерла *24 марта)* посвящена статья «Литературная бабушка Татьяна Петровна Пассек» («Всемирная иллюстрация», 1889, № 15, от *8 апреля).*

Публикация «Письма в редакцию» ⟨о повести «Зенон-златокузнец»⟩ — «Русские ведомости», 1889, № 12.

Января 16... 23. Выход отдельного издания рассказов «Инженеры-бессребреники», СПб., ⟨1889⟩.

Январь... март (?). Л. пишет З. Н. Ахочинской «Я отклонил желания Крамского и Репина, и он на меня за это недоволен, но я не желаю иметь своего портрета на выставке, — и его *не будет».*

Февраля 23. Л. читает в мастерской Репина в большом обществе повесть «Зенон златокузнец».

Марта 9... 15. Выход первых трех томов Собрания сочинений Н. С. Лескова, СПб., в тип. А. С. Суворина, 1889 (тираж 2200 экз.).

Марта 17. Был на вечере у Я. П. Полонского, где встретился с Г. П. Данилевским, И. Е. Репиным, А. А. Фетом и Ф. Ф. Фидлером.

Апреля 24... 30. Выход четвертого тома Собрания сочинений Н. С. Лескова, СПб., 1889.

Мая 18... 20. У Л. был книгопродавец Н. И. Свешников с рукописью своих воспоминаний, которую Л. у него приобрел.

Июня 9... 15. Выход пятого тома Собрания сочинений Н. С. Лескова, СПб., 1889.

Июля 1. Публикация рассказа «Фигура» — «Труд», 1889, № 13.

Июля 2. Был в Царском Селе у К. М. Фофанова и сделал запись в его альбом.

Августа 14. Типография Суворина представила в С.-Петербургский цензурный комитет восемь экземпляров напечатанного без предварительной цензуры шестого тома Собрания сочинений Л. В него входили «Мелочи архиерейской жизни».

Августа 16. Первый приступ грудной жабы у Л. на лестнице суворинской типографии при известии об аресте отпечатанного шестого тома Собрания сочинений.

Августа 18. Публикация очерка «Спиридоны-повороты» (обработанная рукопись Н. И. Свешникова) — «Русская мысль», 1889, № 8.

Сентября 1... 8. Выход сборника: «Лев старца Герасима» (с рис. Репина), «Повесть о богоугодном дровоколе», М., 1890.

Сентября 29. Донесение С.-Петербургского цензурного комитета в Главное управление по делам печати о возражениях гражданской и духовной цензуры против выхода шестого тома Собрания сочинений Л. За этим последовал запрет книги.

Октября 12. Отношение С.-Петербургского цензурного комитета к старшему инспектору типографий в Петербурге об «исключении» всех экземпляров шестого тома Собрания сочинений Л. *19 октября* в типографии Суворина был опечатан весь тираж тома.

Ноября 1... 8. Выход седьмого тома Собрания сочинений Н. С. Лескова, СПб., 1889.

Ноября 17. Публикация рассказа «Аскалонский злодей» — «Русская мысль», 1889, № 11.

Декабря 16... 23. Выход восьмого тома Собрания сочинений Н. С. Лескова, СПб., 1889.

1889—1891

Работа над романом «Чертовы куклы».

1890

Января 1. Начало публикации повести «Гора» (с рис. Г. Никитина) — «Живописное обозрение», 1890, № 1.

Января 14. Продолжение публикации повести «Гора» (с рис. И. Е. Репина) — «Живописное обозрение», 1890, № 2.

Января 17. Публикация первой части романа «Чертовы куклы» — «Русская мысль», 1890, № 1.

Января 21. Л. вместе с В. Г. Чертковым выехал в Ясную Поляну.

Января 24. Л. с В. Г. Чертковым приезжают в Тулу, где их встречает Л. Н. Толстой и везет на своих лошадях в Ясную Поляну.

Января 24... 31. Выход отдельных изданий двух легенд — «Прекрасная Аза» и «Совестный Данила» (с рис. И. Е. Репина), и рассказа «Фигура», М., изд. Сытина, 1890.

Января 25. Ясная Поляна. Л. проводит день с Чертковым и Толстым. Вечером Толстой читает вслух «Плоды просвещения».

Января 26. Л. уезжает в Москву. Толстой провожает его до Тулы.

Января 27. Приезжает в Москву. В тот же вечер Л. был на торжественном обеде в честь 10-летия «Русской мысли».

Января 30. Возвращается в Петербург.

Февраля около 15. Выход девятого тома Собрания сочинений Н. С. Лескова, СПб., 1890.

Февраля 11... 13. Л. был на XVIII передвижной выставке картин и смотрел картину Н. Н. Ге «Что есть истина».

Марта 12... 18. Л., по просьбе В. А. Гольцева, знакомится с И. Н. Потапенко и приглашает его сотрудничать в «Русской мысли».

Апреля около 6. Выход отдельного издания повести «Гора», СПб., 1890.

Мая около 25. Художник И. А. Банистер окончил портрет Л. (акварель).

Мая 22. Л. переезжает на лето в Шмецк.

Июля около 30. Выход десятого тома Собрания сочинений Н. С. Лескова, СПб., 1890.

Августа 15. Возвращается в Петербург из Шмецка.

Сентября 25. В письме к А. Ф. Марксу Л. предлагает ему издать «Эпизодические отрывки из литературных воспоминаний Н. С. Лескова (за XXX лет)». Они остались нам неизвестны.

Октября 24.. 31. Выход (нового варианта) шестого тома Собрания сочинений Н. С. Лескова, СПб., 1890.

Ноября 21... 24. Публикация сказки «Час воли божией» — «Русское обозрение», 1890, № 11.

Декабря 25. Публикация рассказа «Под Рождество обидели» — «Петербургская газета», 1890, № 354.

1890

Написан рассказ «По поводу «Крейцеровой сонаты».

1890—1891

Работа над повестью «Оскорбленная Нэтэта». При жизни Л. напечатана не была.

1891

Января 1. Начало публикации легенды «Невинный Пруденций» — «Родина», 1891, № 1.

Января 10... 12. Публикация рассказа «Дурачок» — «Игрушечка», 1891, № 1.

Января 19. У Л. был В. С. Соловьев, взявший у него рукопись рассказа «Полунощники» для опубликования в «Вестнике Европы».

Января 24. Публикация письма в редакцию «Курская трель о Толстом» — «Петербургская газета», 1891, № 23.

Апреля 15. Л. был на похоронах Н. В. Шелгунова на Волковом кладбище.

Мая 26. Переезжает на дачу в Шмецк. Летом встречался с семьей доктора Н. Ф. Борхсениуса. К Л. приезжали гостить А. И. Фаресов, З. П. Ахочинская.

Июля 10. Дата заметки «Нескладица о Гоголе и Костомарове». Напечатана *16 июля* — «Петербургская газета», № 192.

Августа 15. Вернулся в Петербург из Шмецка.

Ноября 1. Начало публикации рассказа «Полунощники» — «Вестник Европы», 1891, № 11.

Декабря 16. Выход статьи М. А. Протопопова о Л. «Больной талант» — «Русская мысль», 1891, № 12.

Декабря 23. Письмо Л. Протопопову с благодарностью за его статью «Больной талант».

1892

Января 1. Л. был на торжественном завтраке у С. Н. Худекова по поводу 25-летия «Петербургской газеты».

Февраля 22. Публикация статьи «Об иллюстрациях «Мертвых душ» — «Нива», 1892, № 8.

Февраля 28. Публикация очерка «Легендарные характеры» — «Русское обозрение», 1892, № 8.

Апреля 22. Л. дарит А. Л. Флексеру (Волынскому) экземпляр запрещенного шестого тома Собрания сочинений.

Мая 3. 2 ч. 30 м. Был на открытии памятника С. Я. Надсону на его могиле на Волковом кладбище.

Мая 26. Л. переезжает на лето в Шмецк.

Июня 6. Публикация рассказа «Юдоль» — «Сборник Нивы», 1892, № 6.

Июнь — август. Шмецк. Написаны рассказы «Импровизаторы» и «Пустоплясы».

Июля 1... 8. Выход отдельного издания рассказа «Невинный Пруденций», М., 1892.

Августа 25... 30. Л. возвращается в Петербург из Шмецка.

Сентября 5. Родился внук Л. — Юрий.

Октября 3. Публикация очерка «О «квакереях» — «Сборник Нивы», 1892, № 10.

Декабря 2. Дата завещательного распоряжения «Моя посмертная просьба» («Ни о каких нарочитых церемониях и собраниях у бездыханного трупа моего не возвещать»... «На похоронах моих прошу никаких речей не говорить. Я знаю, что во мне было очень много дурного и что я никаких похвал и сожалений не заслуживаю...»).

Декабря 6. Публикация рассказа «Импровизаторы» — «Книжки «Недели», 1892, № 49.

1893

Января 1. Публикация рассказа «Пустоплясы» — «Северный вестник», 1893, № 1.

Января 11. Знакомство Л. с молодой писательницей Л. И. Веселитской-Микулич, перешедшее вскоре в большую дружбу.

Марта 1. Начало публикации очерка «Сибирские картинки XVIII века» — «Вестник Европы», 1893, № 3.

Мая 23. Л. переезжает на лето в Меррекюль.

Июня 9... 15. Выход одиннадцатого тома Собрания сочинений Н. С. Лескова, СПб., 1893 (XII том вышел после смерти Л. — в июне 1896).

Июля 9—14. В Меррекюле у Л. гостят Л. И. Микулич, А. М. Хирьяков и М. О. Меньшиков. Каждый вечер читают вслух присланную Толстым рукопись трактата «Царство божие внутри нас».

Июля около 15. Публикация рассказа «Продукт природы» — «Путь-дорога. Научно-литературный сборник в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам», СПб., 1893.

Июль-декабрь. Работа над рассказом «Административная грация». При жизни Л. напечатан не был.

Августа 15. Л. возвращается из Меррекюля в Петербург.

Сентябрь — октября начало. Написан рассказ «Загон».

Октября 13. Докладная записка начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова министру внутренних дел И. Н. Дурново о желательности «совершенного уничтожения» хранящихся в типографии Суворина вырезок из запрещенного шестого тома сочинений Л. Резолюция министра: «Согласен».

Октябрь. Написан рассказ «Пумперлей».

Ноября 1... 8. Выход отдельного издания рассказа «Пустоплясы», М., 1893.

Ноября 7. Публикация рассказа «Загон» — «Книжки «Недели», 1893, № 11.

Ноября 9. Полиция вывозит из типографии Суворина экземпляры шестого, запрещенного тома сочинений Л. для уничтожения.

Декабря 14. Публикация рассказа «Прикровенный ответ» — «Русская жизнь», 1893, № 334.

1894

Января 2. Л. присутствует на похоронах редактора «Недели» П. А. Гайдебурова на Смоленском кладбище, после чего заболевает от жестокой простуды.

Февраля конец... марта начало. Л. соглашается на просьбу П. М. Третьякова и разрешает писать свой портрет, для чего из Москвы приезжает В. А. Серов.

Апреля 16. Публикация рассказа «Сошествие во ад» — «Петербургская газета», 1894, № 104 (дня через два выходит отдельным оттиском).

Мая 22. Л. переезжает на лето в Меррекюль.

Мая 23. Дата статьи «В деятельности писателя особенно важно сохранить независимость...» При жизни Л. напечатана не была.

Июнь — октября начало. Написан рассказ «Дикая фантазия».

Августа 20... 21. Л. переезжает из Меррекюля в Петербург.

Сентября 20. Публикация рассказа «Зимний день» — «Русская мысль», 1894, № 9.

Октября 1. Публикация очерка «Вдохновенные бродяги» — «Северный вестник», 1894, № 10.

Декабря 16. Публикация рассказа «Дама и фефёла» — «Русская мысль», 1894, № 12.

1895

Января 30... февраля 16. Больного Л. навещает Чехов. «Это не жизнь, а только житие», — сказал Л. о себе Чехову при этой встрече.

Февраля 1... 10. Отказ М. М. Стасюлевича печатать в «Вестнике Европы» рассказ «Заячий ремиз» из-за цензурных соображений.

Февраля 12. Л. посещает его давний злейший враг Т. И. Филиппов с целью примирения.

Февраля 17. Открытие XXIII передвижной выставки в Академии художеств, на которой был выставлен портрет Л. работы В. А. Серова. Л. неприятно поражен видом портрета в темной раме, похожей на траурную кайму некролога.

Февраля 18. Больной Л. выезжает кататься вокруг Таврического сада. Эта прогулка вызвала у него обострение болезни (отеки в легких).

Февраля 21. Смерть Л. (1 час 20 минут ночи).

Февраля 23. Похороны Л. на Литераторских мостках Волкова кладбища.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
К ПЕРВОМУ — ОДИННАДЦАТОМУ ТОМАМ[1]

---

[1] Римская цифра обозначает № тома, арабская — страницу.

Письма

СОДЕРЖАНИЕ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

СТАТЬИ, ВОСПОМИНАНИЯ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИИ

ПИСЬМА

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ К РАНЕЕ ВЫШЕДШИМ ТОМАМ

Том	Страница	Строка	Напечатано:	Должно быть:
II	730	9 сверху	... римскому императору Юлию Цезарю ...	... римскому полководцу Юлию Цезарю...
	733	11—12 св.	... они положили начало так называемому „обличительству" ...	... они вызвали множество подражаний, которые положили начало так называемому „обличительству" ...
	740	1—2 св.	Колар, Иосиф	Колар, Ян
	744	15 св.	... под псевдонимом Ольги ***	... под псевдонимом Ольги N ***
	748	22—23 св.	Б. П. Козьмин. Революционное движение 1860 гг. М., 1932, стр. 39.	„Революционное движение 1860-х годов". Сборник под ред. Б. П. Козьмина. М., 1932, стр. 39.
	587	2 сверху	... черты характера К. П. Брюллова ...	... черты характера М. О. Микешина ...
III	594	После 19 сверху. Пропущено примечание.		Стр. 104. *А летом скучен этот город* и далее — строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова „Примите дивное посланье ..." (1832)
V	635	2 снизу	... вероятно, сочинение К. Эккартсгаузена „Христос между человеками" (СПб., 1818).	... имеется в виду фантастический роман немецкого писателя Шписса (ум. в 1799 г.) „Старик — везде и нигде", переведенный дважды на русский язык (М., 1809; М., 1817).

Том	Страница	Строка	Напечатано:	Должно быть:
VI	670	8—9 снизу	... до 17 июля.	... до 17 марта.
	671	После 25 сверху. Пропущено примечание.		Стр. 425. *Об этом владыке* ... — Речь идет о митрополите Филарете (Дроздове); о нем см. на стр. 634.
X	87	2 сверху	как были	как бы
	481	9 сверху	неизвестный	известный
	494	12 снизу	„Из письма" к В. Л. Пушкину" (1816)	„Из письма к В. Л. Пушкину" (1816)
	513	18 снизу	Сергей Петрович Строганов	Сергей Григорьевич Строганов
	582	3 сверху	См. письмо 117 ...	См. письмо 118 ...

Н. С. ЛЕСКОВ

Собрание сочинений, т. 11.

Редактор А. Бихтер
Художественный редактор Л. Чалова
Художник Г. Епифанов
Технический редактор Л. Крючкина
Корректор О. Семенова-Тян-Шанская.

Подписано к печати 6/XI 1958 г.
Бумага 84 × 108$^1/_{32}$ — 27 печ. л. = = 44,28 усл. печ. л. 41,49 уч.-изд. л.
Тираж 300 000 экз.
Заказ № 37. Цена 12 р.

Гослитиздат
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

12 р.